

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте

Никитин —

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ИСТОРИЯ, ЯЗЫК,
КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В НАЦИОНАЛЬНОМ
И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

*К 60-летию
Константина Владимировича
Никифорова*

МОСКВА
2016

УДК 009
ББК 6/8
И90

Редколлегия:

С.И. Данченко, К.А. Кочегаров, Б.С. Новосельцев (отв. секретарь),
О.В. Хаванова (отв. редактор), *Е.С. Узенёва*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Лариса Михайловна Аржакова*
доктор филологических наук *Ольга Владиславовна Белова*

И90 **История**, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К.В. Никифорова. Сб. статей / Редколл.: С.И. Данченко, К.А. Кочегаров, Б.С. Новосельцев (отв. секретарь), О.В. Хаванова (отв. редактор), Е.С. Узенёва. – М.: Институт славяноведения, 2016. – 640 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0359-9

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных историков и филологов по широкому кругу проблем истории, языка и культуры славянских народов и региона Центральной и Юго-Восточной Европы с древнейших времен до современности.

The volume includes articles of Russian and foreign historians and philologists devoted to a wide range of problems of the history, language and culture of the region of Central and South-Eastern Europe from the earliest times to the present day.

УДК 009
ББК 6/8

ISBN 978-5-7576-0359-9

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею К.В. Никифорова (С.И. Данченко, Э.Г. Задорожнюк)	6
--	---

Россия и страны региона в XVIII–XIX вв. 39

Кочегаров К.А. К истории русско-украинско-сербских отношений в начале XVIII в.: «Забытая» миссия в Россию капитана Арсения Лешевича.	40
---	----

Турилов А.А. Из истории политических легенд раннего Нового времени: «Донесение из Белграда» 1717 г.	52
---	----

Хаванова О.В. Австрийские послы и посланники при русском дворе в период охлаждения двусторонних отношений в 60-е – начале 80-х годов XVIII в.	58
--	----

Белов М.В. Русские путешественники в Сербии в 1840-е годы	77
--	----

Шемакин А.Л. Русский переводчик Йована Ристича	95
--	----

Мировые войны как фактор внутренней политики 115

Искендеров П.А. Сербско-албанский конфликт осенью 1913 г. в контексте становления албанской государственности	116
---	-----

Вишняков Я.В. «Сербская Голгофа» глазами Г.Н. Трубецкого и В.А. Артамонова	136
---	-----

Батакович Д.Т. Салоникский процесс 1917 г.: «Черная рука» против демократии	157
--	-----

Пилько Н.С. Словенские территории под венгерской оккупацией в 1941–1944 гг.	177
---	-----

Партийное и государственное строительство 193

Матвеев Г.Ф. Из истории разработки А. Стамболийским идеологии Болгарского земледельческого народного союза.	194
--	-----

<i>Волокитина Т.В.</i> К проблеме смены «носителей власти» в послевоенной Восточной Европе	210
<i>Пивоваренко А.А.</i> Становление Социал-демократической партии Хорватии (1989–1991 гг.)	230

Социалистическое содружество: сотрудничество и разногласия.....245

<i>Животич А.</i> Югославия и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961)	246
<i>Новосельцев Б.С.</i> Югославия, Румыния и строительство Джердапской ГЭС (середина 1950-х – начало 1960-х годов)	265
<i>Буга В.</i> Политика Румынии на Балканах в 70-80-е годы XX в. глазами Москвы.	285
<i>Марчева И.</i> Китайская инициатива «16 плюс 1» и некоторые болгаро-китайские и албанско-китайские параллели времен холодной войны.	301

Межгосударственные отношения319

<i>Стыкалин А.С.</i> Советско-югославское сближение 1955–1956 гг. и роспуск Коминформа	320
<i>Едемский А.Б.</i> К истокам новой фазы развития советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов.	338
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Реперные точки взаимоотношений СССР и ЧССР/ЧСФР в оценках оппозиции, ставшей элитой: 1969–1991 гг.	357
<i>Сератионова Е.П.</i> Прага и Белград: современный уровень отношений	377
<i>Колосков Е.А.</i> Македонско-югославские отношения в 1991–2003 гг.	396
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Управляемость процессом урегулирования кризиса на Балканах на примере Лондонской конференции (август 1992 г.)	410
<i>Энгельгардт Г.Н.</i> Дейтон для боснийских сербов – от поражения к историческому свершению	426

Культура, наука, образование	437
<i>Голец Р.</i> Монте Верита: гора истины, пророков или утопий?	438
<i>Будагова Л.Н.</i> Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов	457
<i>Зуттан А.</i> Югославская культурная политика в эпоху Тито	476
<i>Пок А.</i> Марксизм в посткоммунистической историографии стран Центральной Европы	493
<i>Трёбст Ш.</i> Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг.	512
Языки и литературы	531
<i>Вендина Т.И.</i> Судьба праславянского слова в славянских диалектах	532
<i>Успенский Ф.Б.</i> Христология неофитов	545
<i>Женюх П.</i> Кириллическая рукописная традиция и культурная идентичность византийско-славянской традиции под Карпатами (на примере восточной Словакии)	558
<i>Плотникова А.А.</i> Турцизмы у славян-мусульман на Балканах: этнолингвистический аспект	577
<i>Пилипенко Г.П.</i> Итальянские заимствования в речи словенцев (провинция Триест)	593
<i>Адельгейм И.Е.</i> Запоздалое укоренение: «возвращенные территории» и травма послевоенной миграции в польской прозе 1990–2000-х годов	608
Список сокращений	625
Сведения об авторах	627
Приложение.	
Список основных трудов К.В. Никифорова	631

К ЮБИЛЕЮ К.В. НИКИФОРОВА

Жизненный и творческий путь

Исполняется 60 лет человеку, ученому, руководителю, коллеге, который, казалось бы, еще совсем недавно был одним из представителей молодого, «подающего надежды» поколения Института, – Константину Владимировичу Никифорову. Ныне он – известный в России и за ее пределами исследователь – югославист и балканист, директор Института славяноведения РАН – ведущего научного учреждения нашей страны в области комплексного изучения проблем славистики, член всевозможных комиссий и советов, имеющий награды, заслуги, уважаемый и авторитетный в научном сообществе. Однако это всего лишь общая характеристика К.В. Никифорова. Юбилейные же статьи интересны и значимы не только традиционно официальными сведениями, но и подробностями и деталями, которые относятся к популярной ныне истории повседневности.

Итак, попробуем проследить жизненный и творческий путь юбиляра, опираясь на традицию, но имея в виду и новации современной эпохи.

Константин Владимирович Никифоров родился 17 апреля 1956 г. Местом его рождения в паспорте указан город Пекин, столица Китайской Народной Республики, то есть за граница, что было большой редкостью для советского ребенка. Родиться за границей от русских родителей юный гражданин СССР мог лишь в том случае, если те находились за рубежом родины по долгу службы. Так и было. Отец нашего юбиляра, известный впоследствии историк-китаевед, доктор исторических наук Владимир Николаевич Никифоров (1920–1990) – был командирован в Китай «с ученой целью», как говорили в XIX веке.

Вместе с ним туда отправились его жена Ирина Михайловна Никифорова (Топоровская) (1918–1978), также историк по специальности, и малолетний сын Андрей.

Владимир Николаевич Никифоров, участник Великой Отечественной войны, попал на фронт прямо со студенческой скамьи и, верный своему призванию, даже в армии повторял иероглифы, о чем впоследствии и поведал своим сыновьям. Доучивался он уже в послевоенную эпоху. Пребывание в Китае в 1954–1956 гг. явилось для Владимира Николаевича уникальной возможностью углубить исторические знания, собрать материал для будущих трудов, погрузиться в языковую среду. Пекин стал «счастливым» и для всей семьи Никифоровых – здесь она увеличилась сразу на двух человек, ибо 17 апреля 1956 г. Ирина Михайловна родила двух сыновей – Константи́на и Викто́ра.

После возвращения из Китая на родину жизнь семьи нашего юбиляра протекала, как и у многих интеллигентных семей того времени – работа, воспитание детей, повседневные заботы, встречи с родственниками и друзьями, обязательная «культурная программа». Жизнь не богатая, но интересная, насыщенная и достойная.

Достигнув семилетнего возраста, Костя Никифоров поступил в первый класс московской средней школы № 120, которую закончил в 1973 г. Но сразу студентом он не стал, а отслужил в рядах Советской армии – в 1974–1976 гг. В 1976 г., успешно выдержав вступительные экзамены, Константин Никифоров был зачислен студентом на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Закончил он университет в 1982 г. по кафедре истории южных и западных славян, со специализацией «История Югославии» (научный руководитель – В.Г. Карасев). И в этом же году, в ноябре, Константин Владимирович стал аспирантом Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне – Институт славяноведения РАН). Аспирантскую подготовку он проходил в секторе Новой истории балканских народов под научным руководством доктора исторических наук Ирины Степановны Достян (1920–2011), известного отечественного слависта и балканиста. Причем, вначале у заведующего сектором Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993), будущего академика, возник грандиозный план –

поменять специализацию нового аспиранта с Югославии на Албанию. Однако, к счастью, этому замыслу не суждено было осуществиться: во-первых, этому решительно воспротивился сам аспирант, проявивший в данной ситуации независимость характера, защищая свое право на научную судьбу – быть югославистом, а не албанистом. Во-вторых, Ирина Степановна Достян сразу же взяла под свое крыло понравившегося ей симпатичного, интеллигентного молодого человека и согласилась стать его научным руководителем. Впоследствии, во время наших с ней встреч, Ирина Степановна неоднократно вспоминала эти три аспирантских года Константина Владимировича, их неизменно интересные беседы-дискуссии о балканской политике России в XIX веке, часто происходившие у нее дома, которые были так необходимы молодому ученому при подготовке его кандидатской диссертации. Ирина Степановна многому научила своего аспиранта, привила ему любовь к работе с источниками, в том числе архивными, поддерживала его стремление критически относиться к уже известным фактам и сложившимся в историографии концепциям. Следует отметить, что с самого начала И.С. Достян высоко оценивала творческий потенциал своего ученика, была довольна его достижениями, гордилась им.

Ирина Степановна новаторски подошла к определению темы будущей работы Константина Владимировича, выбрав из новой истории Сербского княжества «неблагоприятный» период в развитии русско-сербских связей – 40-е годы XIX в., когда отношения между сербской правящей элитой и официальной Россией по ряду причин были довольно сложными. В советской югославистике этот период практически не изучался. Однако в сербской историографии события тех лет и прежде всего создание и претворение в жизнь секретной внешнеполитической программы «Начертание» (1844) были и остаются до сих пор ключевыми вопросами в исследованиях ученых разных поколений.

Никифоров-аспирант с энтузиазмом принялся за работу, буквально пропадал в библиотеках и архивах. И желаемый результат не заставил себя ждать – диссертация им была написана в срок. В свое время я являлась одним из ее рецензентов при обсуждении в секторе и прекрасно помню то знаме-

нательное событие, знаменательное для всех – и для автора диссертации, и для его научного руководителя, и для нас, его коллег. Следует подчеркнуть, что в нашем научном подразделении всегда существовала очень доброжелательная атмосфера, особенно в отношении молодежи, и даже критические выступления никогда не были резкими и обидными, но всегда уважительными и конструктивными. Наши старшие коллеги («аксакалы», как мы их называли) бережно – по-другому не скажешь – относились к «молодым талантам» – сотрудникам и аспирантам, постоянно помогали им советами и литературой, поддерживали в сложные моменты жизни – недаром мы называли наш сектор «дом родной». Все эти моменты в полной мере проявились во время обсуждения кандидатской диссертации К.В. Никифорова на тему «Внешняя политика Сербского княжества в 40-е – начале 50-х гг. XIX в.». Помню, как все хвалили аспиранта и его работу – такую серьезную, фундированную, написанную на новых материалах, в лучших академических традициях, в которой был исследован ряд не изучавшихся ранее в отечественной историографии вопросов (в том числе, деятельность в Сербии представителей польской эмиграции). В ходе обсуждения развернулась бурная дискуссия, и в этом тоже была заслуга аспиранта, написавшего такую интересную работу. Уже тогда проявилась отличительная особенность Никифорова-ученого – присущий ему прекрасный литературный стиль, умение логично, образно и емко изложить самые сложные вопросы, исследовать их, руководствуясь сугубо научными критериями.

В день обсуждения его диссертации Константин Владимирович получил не только положительные отзывы об этой работе, но и путевку в научную жизнь. Никто из нас, его коллег, тогда не сомневался, что его ждет большое будущее, учитывая его необычайную работоспособность, интерес к истории Сербии, преданность науке, бесспорный талант исследователя, разносторонние знания.

Примерно через год, в феврале 1987 г., эта диссертация, после необходимой доработки (в то время не было принято защищать сразу после обсуждения даже очень хорошие работы, к тому же существовала очередь, так как желающих стать доктором и кандидатом наук было значительно больше, чем

сейчас) была успешно защищена на заседании Диссертационного совета Института. К тому времени Константин Владимирович уже опубликовал несколько статей по «своей» теме, выступил с докладами на различного формата конференциях и написал раздел для коллективного труда «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.» (М., 1990).

Трудовая деятельность К.В. Никифорова в Институте началась с декабря 1985 г., когда он был зачислен в штат на должность младшего научного сотрудника. Впереди была довольно ясная и логичная перспектива научной деятельности и научного роста, обычная для академического ученого: подготовка монографии, работа в архивах, выступления на конференциях, участие в написании коллективных обобщающих трудов, приоритетных в тот период, а в будущем – подготовка и защита докторской диссертации, естественно по истории Сербии XIX века, и как следствие – более высокая должность. Но эти планы были «нарушены» дирекцией, решившей перевести новоиспеченного кандидата наук из сектора Новой истории балканских народов, несмотря на протесты его руководства и бывшего научного руководителя, – в сектор Истории строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы – с целью его «усиления молодыми кадрами». Помню, как поначалу возмущалась И.С. Достян этим волюнтаристским, по ее мнению, решением: «Мы подготовили замечательного молодого ученого по сербской тематике XIX века, это такая достойная смена нам, старшему поколению, и что же – все это впустую?!» Но постепенно Ирина Степановна смирилась с происшедшим, а впоследствии даже пришла к выводу, что это было хорошо для Константина Владимировича – в смысле расширения его кругозора, приобретения новых знаний и вообще для его дальнейшей научной и человеческой судьбы.

В новом секторе, который входил в Отдел новейшей истории (руководитель – М.Н. Кузьмин), К.В. Никифоров с энтузиазмом и присущей ему основательностью осваивал новую для него тематику, готовил статьи по югославской концепции самоуправления, выступал на различных научных форумах, участвовал в написании справочных материалов для тогдашних директивных органов и исполнял обязанности

ученого секретаря отдела. В то время мы, представители более молодого поколения Института, считали, что Косте не повезло – учился-то он совсем другому в «родном» секторе, а тут попал в «чужой» да еще на «социалистическую» тематику. Но сам Константин Владимирович, по крайней мере, внешне относился к новому жизненному витку философски-спокойно, видимо, считая, что лишние знания не бывает и любой период истории любимой Югославии достоин изучения. И главное – у него это хорошо получалось!

Однако в секторе социализма Константин Владимирович надолго не задержался. В конце 1987 г. в Институте сменилось руководство. Новым директором, после демократически проведенных выборов, стал Владимир Константинович Волков (1930–2005), который с самого начала с большой симпатией относился к своему молодому коллеге. Он-то, согласно желанию Константина Владимировича, и перевел его в сектор истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода, возглавляемый Р.П. Гришиной. Здесь Константин Владимирович сразу же включился в работу по плановой теме сектора «Общество на историческом переломе. 1917–1919 гг.», избрав объектом исследования новую для себя проблематику – развитие югославянской социал-демократии. В связи с очередной сменой сектора и тематики, наш заведующий, ироничный Ю.А. Писарев, назвал К.В. Никифорова «блуждающим форвардом югославистики». Следует отметить, что именно в этот период Константин Владимирович выходит «на международную арену» – результаты своих исследований он представлял на VI Конгрессе балканистов в Болгарии, конгрессах в Югославии и США (в составе делегации во главе с Т.М. Исламовым). В сентябре 1992 г. покинул Институт в связи с переходом на работу в Службу помощников Президента Российской Федерации, где проработал до конца 1998 г. в группе спичрайтеров Б.Н. Ельцина.

1990-е годы памяты всем не только судьбоносными событиями в истории России, но и жесточайшим кризисом на Балканах, на территории бывшей Югославии, о чем и тогда, и в последующий период много говорили и писали, что обсуждали на самых различных уровнях. Разумеется, знания и профессионализм К.В. Никифорова в этой области были использова-

ны в полной мере. Во время работы в аппарате Президента РФ Б.Н. Ельцина он имел доступ к уникальным документам, а также встречался с непосредственными участниками событий в Сербии и Боснии, участвовал в переговорах, подготовке справочно-аналитических материалов. Все это нашло отражение в его книге «Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап)» (М., 1999).

В 1998 г. служба Константина Владимировича в аппарате Б.Н. Ельцина закончилась, и перед ним закономерно встал вопрос – куда пойти трудиться? Для него, прекрасно зарекомендовавшего себя и проявившего незаурядные способности спичрайтера, организатора и аналитика в предшествующие несколько лет, имевшего связи и знакомства в различных государственных и иных структурах, существовали неплохие во всех отношениях варианты трудоустройства. Но Константин Владимирович сделал то, за что его коллеги-югослависты и прочие славяноведы прониклись к нему глубоким уважением, – он вернулся в «родной» Институт. Его трудовой договор датирован 1 апреля 1999 г., и это не было первоапрельской шуткой.

На этот раз К.В. Никифоров стал сотрудником Отдела современной истории (заведующий – Ю.С. Новопашин). Таким образом, он поставил своеобразный «рекорд» в истории Института – за время трудовой деятельности последовательно побывал в четырех его отделах (секторах), и главное – с пользой для дела и для себя, с неизменными научными достижениями.

Как оказалось, Константин Владимирович вернулся в родные пенаты не с пустыми руками. Шесть лет, проведенные вне Института, не пропали даром для Никифорова-ученого – за эти годы он практически подготовил докторскую диссертацию на тему: «Боснийский кризис и позиция России (1992–1995)». Ее защита состоялась 5 октября 2000 г. на заседании Диссертационного совета Института, и диплом о присвоении К.В. Никифорову ученой степени доктора исторических наук датирован 20 апреля 2001 г., т.е. практически днем его 45-летия.

С самого начала нового этапа трудовой деятельности в Институте Константин Владимирович активно включился в исследовательскую работу Отдела современной истории. Проблем

для изучения истории бывшей Югославии было немало, но он сосредоточил свое внимание на наиболее острых, дискуссионных и актуальных, по его мнению, на которые сформировался запрос в научном сообществе и гражданском обществе: парламентаризм в Сербии в XX веке, процессы внешнего доминирования на Балканах в 40–90-е годы XX в. (фашизация, советизация, натоизация), развитие самопровозглашенных государств на территории бывшей Югославии, особенности сербской государственности в начале XXI в. и др.

За годы «кремлевской» службы Константин Владимирович привык работать быстро, целенаправленно, профессионально и с конкретным результатом. И, наверное, если бы он оставался и далее просто ведущим научным сотрудником, то при институтском режиме, весьма благоприятном для научного творчества, вскоре написал бы одну за другой несколько монографий и десятки статей. И, думается, именно об этом мечтал новоиспеченный молодой доктор наук, когда решил вернуться к научной работе. Однако этим мечтам суждено было сбыться лишь частично, ибо с момента возвращения К.В. Никифорова в Институт наш бывший директор В.К. Волков рассматривал его как своего будущего преемника. Так и случилось. В конце 2004 г., после бурной, полной страстей, внутренней борьбы, надежд и разочарований подготовительной кампании, на общем собрании сотрудников Института, в результате тайного голосования Константин Владимирович Никифоров был поддержан и после выборов в Отделении историко-филологических наук РАН стал седьмым по счету, директором Института славяноведения. Им он остается и по сей день. 11 лет его директорства – это теперь тоже история нашего Института. Эти годы были временем кардинальных преобразований, иногда весьма болезненных, а также бесспорных научных свершений (каждый год издается около 70 книг!). Расширились, по сравнению с 1990-ми годами, международные научные связи, в Институт пришло много молодежи. Заметно вырос престиж Института в связи с активным участием его сотрудников в подготовке и проведении мероприятий в рамках Дня славянской письменности и культуры, ежегодно отмечаемого в России в государственном масштабе. И во всех этих достижениях большая заслуга Константина Владимировича, который использует все

возможности для популяризации деятельности Института на различных уровнях, в различных структурах и СМИ. Мы, его коллеги, сотрудники и друзья, не можем не видеть, что за эти 11 лет он постоянно учился и научился быть директором Института, что было весьма непросто для человека, который до этого никогда не был «начальником». Из находящегося в «свободном научном полете» ведущего научного сотрудника он на наших глазах превратился в руководителя академического историко-филологического учреждения, ведущего в России центра по изучению комплексных проблем славяноведения, и несет нелегкий груз ответственности перед вышестоящими структурами и коллективом, вместе со своими заместителями координирует научно-исследовательский процесс в Институте. Институтское «хозяйство» – дело непростое, особенно в современной ситуации, в связи с реформой РАН и созданием ФАНО.

Будучи по академическим меркам молодым директором, К.В. Никифоров очень внимательно относится к ветеранам института – всегда изыскивает средства для издания их трудов, не забывает поздравлять их с памятными датами, всякий раз находя нужные и такие важные для них слова. Неоднократно слышала от них положительные оценки его деятельности и отношения к людям («Правильного директора мы выбрали», или «Не ошиблись мы в нем»).

Помимо руководства Институтом славяноведения РАН, К.В. Никифоров имеет ряд нагрузок и обязанностей научно-организационного плана. Он член Бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международной ассоциации и председатель Национальной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, сопредседатель российской части Комиссии историков России и Сербии и Комиссии историков России и Румынии. К.В. Никифоров является членом российского Организационного комитета по подготовке и проведению празднования Дня славянской письменности и культуры; до 2015 г. являлся членом Программного комитета Форума славянских культур.

Константин Владимирович – не титульный, а настоящий редактор многих научных трудов Института – коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей и документов, периодического издания «Славянский альманах» и др.

К.В. Никифоров ведет и научно-педагогическую работу – на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, обучая студентов по специализации «Современная история бывшей Югославии». У него уже есть свои ученики, бывшие аспиранты, которые защитили кандидатские диссертации.

Конечно, не все нравится в деятельности директора, кто-то время от времени бывает недоволен – в отношении начальства по-другому и не бывает. Но для всех сотрудников главным является то, что руководитель нашего Института Константин Владимирович Никифоров, первый директор XXI века, добросовестно и очень творчески выполняет свою главную задачу – трудится на благо Института и делает все, чтобы его сохранить и не стать последним директором Института славяноведения РАН.

Большой заслугой К.В. Никифорова является то, что при огромной организационной нагрузке он продолжает свои научные исследования. Его авторитет в области югославистики и балканистики признают все специалисты, а созданные им труды – ценный вклад в российское историческое славяноведение. И этот вклад заслуживает специального рассмотрения.

С.И. Данченко

К.В. Никифоров – историк новой истории Сербии

«Историком новой истории Сербии» в XIX в. образованные сербы называли русского ученого, профессора Московского университета, одного из наиболее активных деятелей Московского славянского благотворительного комитета Нила Александровича Попова (1823–1891), написавшего и опубликовавшего в 1869 г. в Москве обширный труд «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год». В то время это была, по нынешним меркам, почти современная история. Для нас же это – почти «преданья старины глубокой». И вот этой-то «стариной» в начале 80-х годов XX в. начал заниматься Никифоров-аспирант.

Работ по истории внутри- и внешнеполитического развития Сербского княжества в 40-е – начале 50-х годов XIX в. в со-

ветской историографии не было; об этом писали И.С. Достян и В.Г. Карасев в обобщающих коллективных монографиях, используя труды югославских ученых. Тема являлась классическим «белым пятном». А исследовать ее было необходимо, так как в это время в Институте славяноведения и балканистики шла интенсивная работа по масштабному проекту «Международные отношения на Балканах» (отв. редактор серии – В.Н. Виноградов), и второй его том как раз был посвящен периоду 1830–1856 гг. (вышел в 1990 г.). Так что предпринятое К.В. Никифоровым исследование было очень своевременным.

После продолжительной изыскательской работы в архивах и скрупулезного изучения литературы, прежде всего югославской, автор в диссертации подробно проанализировал весьма, как оказалось, сложный период в контактах России и Сербии. После прихода к власти в 1839 г. уставобранителей (защитников конституции), падения династии Обреновичей и избрания в 1842 г. сербским князем Александра Карагеоргиевича в стране утвердилась олигархическая система правления. Власть оказалась в руках крупных сербских торговцев и представителей высокопоставленной чиновничьей бюрократии. Сербское княжество в этот период начало проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. К.В. Никифоров, опираясь на открытые им в отечественных архивах не известные ранее дипломатические документы, показал, что акции российской дипломатии в отношении Сербии в 1840-е годы (одно время дело чуть было не дошло до военного вмешательства России в сербские дела), исходившие из принципа поддержания *status quo* в балканском регионе, были вызваны постоянным страхом царизма перед революционными движениями, которые мерещились ему во всех нарушающих принцип легитимизма событиях (например, свержение сербского князя). В ходе исследования К.В. Никифоров пришел к еще одному важному выводу, опровергавшему бытовавшее в тот период в историографии положение об исключительно негативных и бесцеремонных действиях России в Сербском княжестве в начале 1840-х годов. Привлеченный им новый материал позволил утверждать, что российские дипломатические представители в Сербии, с целью восстановления здесь влияния Петербурга, пошли на известный компромисс с режимом уставобраните-

лей. В диссертации были также рассмотрены вопросы о программе «Начертание» и роли польских эмигрантов в ее создании и попытках реализации.

После успешной защиты кандидатской диссертации К.В. Никифоров, уже в других институтских структурах, решал иные исследовательские задачи, касавшиеся развития социалистической Югославии. Однако это не мешало ему продолжать работу по своей прежней теме. Во-первых, как уже упоминалось, он принял участие в написании обобщающего труда «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.»¹. Константин Владимирович удачно вписался в коллектив авторов, вполне усвоив особый, сдержанно-академический стиль фундаментального труда. Как и предполагает обобщающая работа, детального анализа проблем здесь не было. И тем не менее все основные вопросы, касающиеся внешнеполитического развития Сербского княжества в 40-е – начале 50-х годов XIX в. и программы «Начертание», автором были обозначены и проанализированы.

Непосредственной задачей «Начертания», этой строго законспирированной, по определению К.В. Никифорова, программы, автором которой являлся сербский государственный деятель Илия Гарашанин, при участии представителя польских эмигрантов Ф. Заха, было «расширение Сербии за счет Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании и получение выхода к Адриатическому морю». При ее составлении, констатирует К.В. Никифоров, Гарашанин «исходил не из принципа самоопределения народов и революционных методов борьбы за его осуществление, а из принципа исторического права, традиций старого Сербского государства времен Стефана Душана. Расчет строился на сохранении хороших отношений с Портой и получении от нее добровольных уступок; о насильственном разделе Османской империи речь не шла»². К.В. Никифоров подчеркнул прозападную направленность «Начертания» – И. Гарашанин считал, что Сербия должна ориентироваться на Францию и Великобританию и противостоять влиянию Австрии и России. По мнению К.В. Никифорова, придавая антирусскую направленность долгосрочной внешнеполитической программе, «Гарашанин ослаблял возможность реализации национальных задач сербов, отталкивал от них

другие южнославянские народы, продолжавшие ждать освобождения от России. К тому же он явно преувеличивал выгоды от прозападной ориентации Сербского княжества». В целом по «Начертанию» в «Международных отношениях на Балканах...» автор пришел к следующему выводу: «Все же идеи “Начертания” во многом были прогрессивными. Они отражали национальные задачи сербов, стремившихся к созданию полноценного, экономически и политически жизнеспособного буржуазного государства; борьба Сербского княжества (пусть даже в корыстных интересах его господствующего слоя) за освобождение соседних славянских народов имела для последних важное значение»³. Весьма важными были также попытки реализации программы “Начертание” с помощью агентов Гарашиани в Черногории, Боснии и Герцеговине, Северной Албании, в болгарских землях.

Наряду с разделами в коллективном труде, К.В. Никифоров в конце 1980-х годов подготовил монографию, которая, по ряду причин, была издана лишь в 1995 г. под названием «Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель)» (отв. редактор И.С. Достян). Это был переработанный и расширенный вариант его кандидатской диссертации. Через год, в 1996 г., книга была издана в Белграде на сербском языке⁴.

Монографии, вышедшие в 1990-е годы в нашей стране по истории Сербии, можно пересчитать буквально по пальцам. В период советской и ранней постсоветской эпохи приоритет в научных исследованиях принадлежал коллективным обобщающим трудам. Публикация индивидуальных работ сразу становилась заметным событием в отечественной югославистике. Так случилось и с книгой К.В. Никифорова. С момента начала работы ученого по теме его кандидатской диссертации прошло уже более 10 лет. За это время появились новые документы, новые труды сербских коллег, новые мысли и, к сожалению, произошли новые, во многом трагические, события на территории бывшей Югославии, вошедшие в историю как «современный югославский кризис».

Для Никифорова-историка совершенно очевидно, что определить истоки кризиса, понять ход истории Сербии в XX в., невозможно без глубокого анализа деятельности по-

литической элиты Сербского княжества, направленной на объединение сербских земель, а также возникших в этот период программ, планов и проектов в области внешней политики, имеющих отзвук и в XXI в. Связь истории и современности четко прослеживается в рассматриваемой монографии К.В. Никифорова и составляет одну из сильных ее сторон.

Проблема появления программы «Начертание», попыток ее реализации и эволюции выраженных в ней идей вызвала дискуссии в югославской историографии уже с конца 1930-х годов. Дискуссионной она оставалась и в конце XX в. Это, в частности, показала проведенная в 1987 г. в Белграде конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Илии Гарашанина⁵. В докладах ведущих югославских историков: М. Войводица, Л. Дурковича-Якшича, Дж. Живковича, Р. Стояновича, В. Крестича, В. Стоянчевича и др. были предприняты попытки нового осмысления «Начертания» и деятельности И. Гарашанина на руководящих постах Сербского государства. Наиболее детальный анализ «Начертания» и внешнеполитических объединительных планов Сербского княжества был представлен в выступлении Р. Люшича, который несколько лет спустя выпустит фундаментальный труд по этой теме⁶.

Поэтому было очень важно, что в данной историографической ситуации российский историк, привлекая в своей монографии неизвестные его зарубежным коллегам материалы, высказал свою позицию по ряду вопросов этой проблематики: сербский кризис 1842–1843 гг., подготовка «Начертания», политика великих держав в Сербии, русско-сербские отношения.

Впервые в отечественной историографии в книге К.В. Никифорова были изучены контакты уставобранителей с главным эмиссаром правого крыла польской эмиграции по Юго-Восточной Европе Михаилом Чайковским. Эти контакты шли в русле общей линии лидера польской эмиграции Адама Чарторыйского, разработавшего программу возрождения Польши. Так как главными врагами ее независимости он считал Австрию и Россию, то применительно к Балканам им ставилась задача освободить полуостров от влияния этих двух стран с помощью специальных польских агентств. Лидер польской эмиграции рассчитывал на поддержку Англии, Франции и Ос-

манской империи. В Белграде активно действовали агенты Людвик Зверковский (псевдоним – Лемуар) и Франьо Зах.

К.В. Никифоров детально проследил подготовку программы «Начертание», проанализировал ее содержание и рассмотрел начало ее реализации (1844–1847). Он убежден, что «Начертание» «остается едва ли не самым важным документом новой сербской истории. Споры и дискуссии вокруг этой программы не прекращаются до сих пор»⁷. И одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос об авторстве данного документа. Кто его автор – И. Гарашанин или Ф. Зах? К.В. Никифоров считает, что «Начертание» было сформулировано И. Гарашанином на основе подготовленного Ф. Захом трактата («Плана») о задачах сербской политики. Несмотря на то, что большая часть «Плана» Заха без каких-либо изменений вошла в «Начертание», «между ними, – считает исследователь, – имелись довольно существенные качественные различия. Гарашанин, в отличие от Заха, ограничивал деятельность Сербского княжества только сербскими землями, находившимися под турецкой властью <...> Непосредственной задачей Сербии в качестве своеобразной программы-минимум было расширение за счет Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании, а также получение выхода к Адриатическому морю». И если Зах во многом исходил из польских интересов, стремясь создать на Балканах сильный противовес Австрии и России, то Гарашанин приспособил его «План» к насущным задачам и реальным возможностям Сербского княжества. По мнению К.В. Никифорова, «фактически речь шла о начале процесса собирания этнических сербских земель. В этом смысле можно говорить о том, что Гарашанин закладывал основы сербской или великосербской объединительной политики»⁸. Анализ «Начертания» позволил ученому прийти к заключению, что в программе «не было выдвинуто идей национализма (шовинизма) или национального превосходства», она определяла национальные задачи сербов, стремившихся к созданию собственного жизнеспособного государства»⁹.

Что касается тех разделов «Начертания», где речь шла о пропаганде, которую следует вести в Хорватии, Славонии, Далмации, Болгарии и отчасти в Южной Венгрии, К.В. Никифоров предполагает, что в будущем все же не отрицалась гипотети-

ческая возможность некоего южнославянского объединения. Именно этот момент югославские историки часто выдвигали на первый план и всю программу трактовали как южнославянскую. К.В. Никифоров же считает, что можно говорить лишь о наличии южнославянских тенденций в сербской или великосербской концепции¹⁰.

Особо подчеркивается в книге К.В. Никифорова следующий важный момент: добиваясь расширения Сербии и ее полной независимости, Гарашанин опирался «на консервативный принцип исторического права и мирные методы достижения поставленных задач» («Сербия, – читаем мы в “Начертании”, – должна стараться от здания Турецкого государства откалывать камень за камнем, чтобы из этого <...> материала на прежнем и прочном фундаменте старого сербского царства построить новое сербское государство»)¹¹.

Однако постепенно Гарашанин, как показано в книге, эволюционировал от чисто дипломатических методов достижения цели в направлении организации «всеобщего и одновременного восстания». Произошло это не без влияния сторонников южнославянского единства из других славянских земель, большая часть которых была католиками (Ф. Зах, М. Бан, Т. Ковачевич и др.). Они создали в Белграде «тайный демократический панславянский клуб» и выступали за включение в сферу объединительной деятельности Сербии всех южных славян, в том числе проживавших в Австрийской империи, а также за более «революционные» методы достижения цели. Позже многие из этих деятелей перешли на службу к Гарашанину, и ими были в основном сформулированы два «Устава политической пропаганды», где провозглашался курс на подготовку вооруженного восстания против турок¹².

В результате проведенного исследования К.В. Никифоров выделил три сформировавшихся в рассматриваемый период сербской истории концепции в отношении перспектив развития княжества: узко-сербская (Т. Вучич-Перишич), сербская или великосербская (И. Гарашанин) и южнославянская («тайный демократический панславянский клуб»)¹³.

Одной из важнейших проблем, рассмотренных К.В. Никифоровым в связи с «Начертанием», стала проблема внешнеполитической ориентации Сербии. И здесь у сербской элиты не

было единства. И. Гарашанин при реализации национальных задач Сербии рассчитывал на содействие Франции и Англии. Князь Александр Карагеоргиевич и его камарилья к началу 1850-х годов открыто встали на проавстрийские позиции. Некоторые уставобранители (С. Стефанович-Тенка, П. Янкович, П. Станишич) придерживались традиционной ориентации на Россию. Поддержки со стороны России искал и лидер внутренней оппозиции Т. Вучич-Перишич. Однако, подчеркивает К.В. Никифоров, «политика европейских держав, которые выступали за сохранение на Балканах статус-кво и в то же время вмешивались во внутренние дела княжества ради достижения собственных интересов, не способствовала проведению Сербией активной национальной политики»¹⁴.

Ряд сербских историков, и прежде всего знаменитый Васа Чубрилович, явно преувеличивали положительное значение для освобождения и расширения Сербии долгосрочной ориентации на Запад. Недружественная в отношении России направленность «Начертания» объяснялась прежде всего влиянием представителей правого крыла польской эмиграции, рекомендовавших сербской политической элите придерживаться лояльной позиции по отношению к Османской империи. Это происходило, делает вывод К.В. Никифоров, из-за боязни ничего не выгадать для решения сербского вопроса, в случае ее распада, который могли бы использовать Австрия и Россия. Таким образом, поляки старались приглушить национально-освободительные движения балканских народов, в то время как Россия антитурецкой политикой, проводимой дипломатическими и военными средствами, объективно помогала процессу освобождения балканских народов, разумеется, в соответствии со своими государственными интересами, но систематическим образом.

Разделяя один из основных тезисов отечественной историографии о том, что в течение длительного периода – с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в. – Россия играла объективно-прогрессивную роль в деле освобождения балканских народов, К.В. Никифоров констатирует, что на некоторых этапах «были колебания и отступления от этого основного курса»¹⁵.

Анализ деятельности российской дипломатии в 40–50-е годы XIX в. в Сербии позволил автору показать, как грубые методы

политики Николая I во многом привели к ухудшению российско-сербских отношений, в результате чего царизм потерял к началу Крымской войны доминирующие позиции в Сербском княжестве. И как следствие – имел место отказ сербской правящей элиты от опоры на Россию при решении стоявших перед Сербией национальных задач. И. Гарашанин отверг возможность использования в своих долговременных стратегических целях традиционное покровительство России христианам Османской империи, опасаясь, прежде всего, агрессивности царизма. Но это, по мнению К.В. Никифорова, было в известной мере заблуждением. Вывод И.С. Достян, сделанный для более раннего периода, о том, что русская политика на Балканах «в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе»¹⁶, можно, считает ученый, распространить и на 40-е – начало 50-х годов XIX в. И уже накануне Крымской войны становилось все более очевидно, что охлаждение отношений между Россией и Сербией не отвечает интересам ни той, ни другой страны¹⁷.

После возвращения в Институт славяноведения в конце 1990-х годов Константин Владимирович, как уже отмечалось выше, работал по современной тематике. Вместе с тем новая история Сербии не «отпускала» его. Об этом свидетельствует, в частности, публикация им небольшой, но весьма значимой, на мой взгляд, статьи «Четыре этапа сербской истории (XIX–XX вв.)». В ней автор представил периодизацию истории Сербского государства, обозначил проблемы и поставил вопросы, которые, по его мнению, могут помочь исследователям при осмыслении истории Сербии¹⁸.

Размышляя над темой, К.В. Никифоров приходит к выводу о том, что «именно международные события, борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени влияли на очередные крутые повороты в истории Сербии», во многом жестко структурировали ее. Кроме «глобального международного фона», ученый выделяет еще и «балканский пласт» – региональное соперничество и сотрудничество балканских стран, хотя, по его убеждению, он, этот пласт, «чаще всего определяется деятельностью тех же великих держав»¹⁹.

Затрагивается в статье и проблема программы «Начертание». И вновь, как и в предыдущих своих работах, К.В. Никифо-

ров подчеркивает, что в этом важнейшем документе речь шла прежде всего об объединении сербского народа, и выступает против тех историков и политиков, которые до сих пор трактуют «Начертание» как доказательство якобы извечного стремления Сербии к доминированию над соседними народами.

Вслед за крупнейшим сербским историком XX в. Сл. Йовановичем, К.В. Никифоров считает, что через всю новую сербскую историю проходят две главные идеи – национальная и конституционная. Под этим углом зрения он и размышляет над развитием Сербского государства в XIX в. Так, он приходит к выводу, что процесс освобождения и объединения сербских земель с 1878 г. и до Первой мировой войны пошел в другом направлении, чем это предполагалось в «Начертании». В лице Австро-Венгрии Сербия получила мощную преграду на своем пути в Боснию, и ей осталось расширять свои границы только на юго-восток, в сторону Македонии, и именно там искать выход к морю²⁰.

Размышляя над проблемой русско-сербских отношений, К.В. Никифоров приходит к выводу, что она в известной степени связана с крестьянской проблематикой, «так как именно сербские крестьяне <...> генерируют то самое знаменитое русофильство сербского народа. В то же время сербская элита с известной периодичностью заглядывается на более богатый и развитый Запад». По убеждению автора, «европеизация Сербии была необходима, но без отрыва от собственных корней и от России». Обращаясь к истории Восточного вопроса, К.В. Никифоров подчеркивает, что в его основе «лежали сложные взаимоотношения западных стран с Россией в связи с разрешением кризиса в Османской империи». Эти отношения, как правило, сводились к тому, что западные державы «выдавливали» Россию с Балкан, пытались заменить ее влияние своим, ослабить связи между русским и балканскими народами. «Можно сказать, – делает вывод К.В. Никифоров, – что западные страны <...> чаще играли на Балканах агрессивную роль, хотя и обвиняли в этом Россию»²¹.

Блестящим (другого слова не подберешь) продолжением исследований К.В. Никифорова в области сербской истории 40–50-х годов XIX в. явилась его новая монография «„Начертание“ Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–

1853 гг.» (М., 2015), выпущенная почти за год до его юбилея. Специалисты – югослависты и сербисты, познакомившиеся с этой книгой еще в рукописи, единодушно, почти в одних и тех же словах, высоко оценили труд и выразили уважение к его автору, не утратившему, к счастью, на своем посту таланта исследователя.

В XXI в., как и прежде, появление монографий по новой истории Сербии – редкость. Сейчас самым распространенным форматом издания научных исследований являются тематические сборники. И поэтому каждая индивидуальная монография – плод большого, многолетнего труда – встречается с повышенным вниманием и вполне понятным исследовательским интересом.

Казалось бы, тема этой книги та же, что и диссертации, и предыдущей, 1995 года выпуска, монографии. Однако это принципиально новая во всех отношениях работа, думается, что она – воплощение мечты Константина Владимировича, к счастью, осуществленной, – именно о такой работе он мечтал, начиная с юности – и по содержанию, и по исполнению, да и по объему она в два раза больше предыдущей. В этой книге, на мой взгляд, проявились все отличительные черты Никифорова-ученого: скрупулезный, тщательный анализ документов, прекрасный литературный стиль, умение сопоставлять факты и делать обоснованные выводы, глубокое знание всей истории Сербии, Балкан и международных отношений, позволяющее рассматривать события далекого XIX в. в сравнении, в том числе имея в виду современную политическую ситуацию. Еще одной отличительной особенностью этой книги, по сравнению с предыдущими работами К.В. Никифорова, является создание им, с помощью специальных авторских приемов, атмосферы присутствия в описываемой стране, среде, эпохе. Благодаря особому таланту исследователя читатель оказывается именно в Сербии 40–50-х годов позапрошлого столетия, в Белграде, где в крепости Калемегдан стоит турецкий гарнизон, где почти нет православных храмов, а повсюду высятся мечети, где еще так сильно турецкое влияние в повседневной жизни, где над немногочисленными представителями интеллигенции («парижляями»), одетыми на западный манер, смеются их менее культурные соотечественники, где плетут инт-

риги западные агенты, где идет жесточайшая борьба за власть и где, тем не менее, находятся люди, которые думают не только о насущных потребностях, но и о благе и будущем страны.

Особого положительного отзыва заслуживает историографическое вступление к монографии. Подчеркнув, что, по многочисленным оценкам, «Начертание» является основой развития «сербской государственной идеи», автор знакомит нас с историографической ситуацией в отношении этой программы, сложившейся в предшествующие десятилетия в югославской науке (труды Д. Страняковича, М. Вукичевича, В. Чубриловича, В. Вучковича и др.), а также представляет работы югославских ученых М. Экмечича, Р. Люшича, В. Крестича, Н. Йовановича, Р.Й. Поповича, Д. Агичича, Н.Б. Поповича и др., вышедшие в последние два десятилетия, что вновь наглядно демонстрирует непреходящую актуальность и востребованность темы «Начертания» в политическом плане.

«Эта программа, – пишет К.В. Никифоров, – остается едва ли не самым цитируемым документом новой сербской истории». И далее: «“Начертание” за 170 прошедших с момента его написания лет избежало забвения и до сих пор остается на слуху». И, как и прежде, отмечает автор, «из множества дискутируемых вопросов можно выделить два главных: авторство программы и характер задумываемого в ней государства»²².

В связи с югославским кризисом конца XX в. произошла резкая актуализация проблематики «Начертания», что, по мнению К.В. Никифорова, обуславливалось отнюдь не научными, а политическими причинами, в частности, стремлением «доказать или опровергнуть великосербский характер политики Слободана Милошевича»²³. Публикацией своей монографии он как бы становится участником дискуссии с теми, кто занимается этой проблемой как ученый, кто обращается к ней как публицист. К.В. Никифоров по-прежнему убежден, что период 40-х – начала 50-х годов XIX в. «во многом и надолго предопределил черты сербской политики, ее основные начертания. Еще дольше, вплоть до нашего времени, на сербской истории сказывается интерпретация этого периода и принятых тогда программ не всегда добросовестными сторонними наблюдателями»²⁴.

Событийная составляющая данной монографии практически не отличается от предыдущей. Однако она существенно до-

полнена новыми фактами и документами, открытыми учеными за прошедшие десятилетия, и статистическим материалом о развитии Сербского княжества, «глухих задворков Европы», по определению автора, а также «оживлена» прекрасными историческими портретами сербских деятелей, в первую очередь Илии Гарашанина, «великого сына сербского народа» (раздел «Созданный возглавлять государство»), главным для которого являлось освобождение и объединение сербов.

Большое место в монографии К.В. Никифоров, как и ранее, уделил тому значительному влиянию, которое оказало на содержание «Начертания» правое крыло польской эмиграции. «Именно оно, – делает вывод ученый, – помогло заключить иногда достаточно аморфные идеи в жесткие рамки политической концепции»²⁵.

Полемизируя со своими оппонентами, К.В. Никифоров замечает: «Мы не видим ничего криминального ни в сербской объединительной идее, ни даже в сербской идее регионального лидерства в деле освобождения южных славян. Тем более что такое лидерство уже фактически существовало, ввиду того, что сербы ценой огромных усилий и жертв первыми из всех южных славян добились автономной государственности»²⁶. К тому же о создании южнославянского государства в «Начертании» прямым текстом не говорится. К.В. Никифоров убежден, что Гарашанин рассматривал своих южнославянских и балканских соседей скорее как союзников, чем как жителей будущего Сербского государства, и поэтому можно говорить лишь «о наличии некоего южнославянского фона, отдельных южнославянских мотивов в безусловно сербской по своему характеру программе»²⁷.

Нельзя не отметить следующий важный момент. Автору удалось не только показать динамику политических процессов, происходивших в Сербском княжестве, но и встроить эту узко-региональную специфику в общеевропейский контекст. При этом К.В. Никифоров подчеркивает, что хотя Сербия в рассматриваемое десятилетие оставалась в вассальной зависимости от Османской империи, она проводила относительно самостоятельную внешнюю политику. Вернее, таких политик было сразу две: официальная, на виду у всех, прежде всего покровителя и сюзерена, России и Турции, а также консулов Австрии, Фран-

ции и Великобритании, и тайная, связанная с далеко идущими национальными устремлениями, о которой знал лишь ограниченный круг лиц в сербском руководстве. И именно эта вторая политика, по мнению автора, делает исследуемое десятилетие столь важным для всего дальнейшего развития Сербии²⁸.

Бесспорной заслугой К.В. Никифорова является публикация в его книге – впервые в отечественной историографии! – текста программы «Начертание» (в переводе А.А. Силкина)²⁹.

В заключение следует отметить, что прошло 30 лет с момента первой публикации К.В. Никифорова по теме «Начертание» – небольшой статьи под названием «Внешнеполитическая программа Сербии 1844 г. и ее освещение в историографии» (Советское славяноведение. 1985. № 6). Все эти годы он не переставал размышлять об исторической роли сербского народа, изучал источники и литературу, сопоставлял факты, оставаясь верным теме, эпохе, стране исследования, и в результате написал и выпустил солидную монографию, которая уже заняла свое место в современной историографии программы «Начертание». А ее автор, известный российский историк Константин Владимирович Никифоров, достойно представляет научное сообщество нашей страны среди многочисленных исследователей этого важнейшего документа и всех проблем, связанных с ним, и поэтому по праву может носить звание историка Новой истории Сербии и Балкан.

Это справедливо еще и потому, что в настоящее время под редакцией К.В. Никифорова в Институте славяноведения РАН готовится четвертый завершающий том серии, посвященной балканской истории в Новое время, который будет называться «История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.)». Серия была задумана В.Н. Виноградовым, он же являлся ответственным редактором трех первых книг.

С.И. Данченко

Научные изыскания К.В. Никифорова и современность

Судьба К.В. Никифорова свершила очередной поворот в начале 1990-х годов, когда историк и ключевой политический аналитик по региону был привлечен к работе в качестве

спичрайтера Президента РФ. Естественно, это потребовало больших усилий, поскольку приходилось участвовать в принятии решений, можно сказать, беспрецедентных и выверять их с учетом исторических и культурных контекстов не только России и Югославии и даже не только Балкан, а всей Европы и мира.

Одним из научных итогов этой работы стала монография «Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап)» (М., 1999). (*«Између Кремља и Републике Српске (завршна етапа босанске кризе)»*). Београд, 2000). Книга выявила свой прогностический потенциал не столько ко времени ее написания, сколько после него, когда этносоставляющая политики резко проявилась в кризисные времена в самых разных регионах мира. Автор экстраполировал результаты данного кризиса и на другие части бывшей Югославии, причем – отметим это особо – даже до того, как они произошли.

Непосредственное участие в событиях вокруг Боснии и Герцеговины, знание уникальной документальной базы (личный архив, ряд аналитических записок, рекомендаций и пр. составлялись самим автором) сделали исследование свершавшихся на глазах Константина Владимировича событий весьма значимым для оценок одного из сложнейших геополитических узлов на европейском континенте. Глубокое знание реалий Югославии сочеталось у автора с убеждением, что России здесь необходимо защищать свои интересы, ибо пренебрежение или уступки в столкновении с противостоящими интересами со стороны других держав (какими бы «благородными» мотивами те не определялись) наносят вред не только региону и даже не только геополитическому европейскому континенту.

К.В. Никифоров доказательно обосновывал следующие мнение: именно в Боснии и Герцеговине взращивались семена конфликта уже в следующей части бывшей Югославии – Косово, приведшего к новым кровавым жертвам. Он подводил еще к одному новаторскому выводу: конфликты не только на территории бывшей Югославии, но и в других частях мира разрешаются лишь после их хорошего «разогрева» не столько изнутри, сколько извне. В дальнейшем эти же проблемы, но уже в более широком хронологическом диапазоне, поднимаются Константином Владимировичем в других его работах³⁰.

В целом и монография, и посвященные этим же сюжетам другие его креативные научные разработки – важные (поскольку четко документированы), глубокие и интересные (поскольку выясняют причины многих казавшихся странными событий) исторические исследования с элементами прогноза, который, к несчастью, сбылся. Книга явилась своего рода прецедентом, поскольку продемонстрировала возможность прогностического подхода к текущим событиям; обладая сенсационной информацией, автор-историк не только изложил их, но и убедительно объяснил мотивы «действующих лиц и исполнителей».

В конце 1990-х годов Отдел современной истории и проблем социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в котором в качестве ведущего научного сотрудника стал работать К.В. Никифоров, приступил к подготовке очередного обобщающего коллективного труда по региону³¹. Константин Владимирович взял на себя работу над краткими очерками современной истории пяти стран (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Союзная Республика Югославия – Сербия и Черногория, Македония) бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ). В написанных им разделах представлен анализ общественно-политического устройства и внешнеполитической ориентации этих государств. Так, в разделе «Союзная республика Югославия» автор обращается к истокам югославского кризиса, анализирует его причины и попытки преодоления, оценивает курс страны на многопартийность, парламентские выборы в Сербии, останавливается на ключевых аспектах косовского кризиса, исследует причины и итоги «октябрьской революции» 2000 г. в Белграде. Автором дана принципиально-объективная оценка агрессии Североатлантического альянса в конце 1990-х годов. «Экономическая ситуация в стране, – подчеркивает автор, – никак не может быть названа благоприятной. На ней все еще сказываются последствия распада единого югославского рынка. Международная изоляция новой Югославии имела также чрезвычайно тяжелые последствия. Планомерные и масштабные авианалеты НАТО весной 1999 г. привели к окончательной дестабилизации хозяйственной жизни, нанесли огромный социально-экономический ущерб»³². В других разделах этого обобщающего труда, написанного совместно с А.Б. Едемским, представлены общие

сведения о территориях, государственных символах, денежных единицах, населении, религиозном составе, краткие очерки современной истории этих государств, включая характеристики гражданских объединений и политических партий, биографии лидеров, данные об общественно-политическом строе и экономической политике, особенности внешнеполитической деятельности, включая отношения с Российской Федерацией, участие в международных военных и политических структурах.

Не остался Константин Владимирович в стороне и от таких крайне сложных сюжетов, как политическая история России, которые освещались им вместе с соавторами в первом фундаментальном труде, посвященном истории страны под руководством первого российского президента³³.

Следующей знаменательной и важнейшей вехой в творческой биографии К.В. Никифорова становится защита в 2000 г. докторской диссертации «Боснийский кризис и позиция России (1992–1995)», состоявшаяся в Институте славяноведения РАН. Стало ясно, что в рядах историков-югославистов появился исследователь высокого уровня, задающий новые параметры исторических разработок сложнейших проблем. Никифоров обратился к тематике современной Сербии, и оказалось, что его работы об истории этой страны в первой половине XIX века удивительным образом перекликаются с исследованиями, можно сказать, второго этапа его научной деятельности. Более того, диапазон его исследовательских интересов при этом перемещался и в предшествующие периоды – довольно часто не «в лоб», а именно как историк он обнаруживает преемственность, скажем, между сражениями в Косово, как битвой за Европу в 1389 г., и баталиями конца века XX.

Во второй половине 2000-х годов из-под пера Константина Владимировича выходит серия работ, посвященных современной тематике, которая продолжала и продолжает занимать в его научном багаже одно из ключевых мест³⁴. Эти работы определили переход Никифорова к новым и уже не сугубо историческим, но также политологическим, этнополитическим и другим исследованиям.

Именно поэтому Константин Владимирович стал во многом уникальным специалистом по региону. Отметим лишь один момент относительно Сербии и поддерживающих ее стран:

глубокое исследование – историческое, политологическое, социологическое – становления феномена современной информационной войны осуществлено именно им. И тому, кто изучает такие войны против России в начале XXI в., совсем нелишнее познакомиться с тем, как их контуры начинали оформляться еще в конце века XX. Именно это описано с должной полнотой в ряде его статей и едва ли не афористически выражено в вышедшей в свет в 2012 г. монографии К.В. Никифорова «Сербия на Балканах. XX век» (Никифоров Константин. *Србија на Балкану у XX веку*. Београд, 2014). Автор намеренно затушевывает ее прогностическую составляющую, тем более что ситуация здесь, казалось бы, во многом стабилизировалась. И в начале второго десятилетия XXI в. название новой (в рамках региона все же старой) страны мелькает на страницах газет реже. Однако более глубокое знакомство с этим трудом показывает, что ее прошлое и настоящее не дает оснований для спокойных прогнозов.

Действительно, рассматриваемая К.В. Никифоровым проблема трансформаций Сербии носит резонансный характер: происходившее в СФРЮ, а затем в Союзной Республике Югославия касается не только Европы, где этносоставляющая политики, скажем, в той же Великобритании, Бельгии или Испании крайне политизировалась (шотландский вопрос, баски и пр.). Новые повороты этносепаратизма демонстрируют демократическая Канада и те африканские страны, части которых ведут борьбу за самостоятельность и даже ее получают (Эритрея, Южный Судан), страны СНГ, другие регионы мира. В этом плане книга как бы предвидела данные процессы на примере анализа распада Югославии.

В ходе мыслей автора можно обнаружить, что точки бифуркации из данного региона отнюдь не исчезли. И политикам надо крайне осторожно относиться к Сербии как насильственно усмиренному региону, где впервые использовались тщательно отработанные новые политтехнологии.

Данное видение можно обосновать тем, что жизнь на европейском континенте приобретает крайне взрывной характер в связи с новыми кризисами, и Сербия вряд ли потеряет роль детектора этих взрывов, какую она играла в течение XX в. Тем более происходящие в этой стране события нуждаются в постоянном и взвешенном мониторинге с опорой на глубокое и при-

страстное знание ее истории. Наступивший новый век требует предельной осмотрительности и даже крайней осторожности в трактовке эволюции и сохранения этносов и их государственности. Никифоров – ведущий отечественный специалист по истории Сербии и Югославии – не навязывает прямо установок на эту осмотрительность и осторожность, но тактично подводит внимательного читателя к необходимости их выработки.

Сербию изучать абсолютно необходимо как путь к разгадке возможных исходов больших геополитических игр, можно даже сказать, как модель дисгармоничной сегментации и других государств – безотносительно к тем или иным «выгодам». И работы проницательного исследователя Никифорова – опять же не «в лоб» – предупреждают об опасности такого рода игр.

Автор обосновывает тот факт, что события на Балканах на переломе столетий – не просто системный кризис, а крах государственных начал на территории Югославии под напором национализма во всех его вариантах. Тщательный анализ этого процесса трансформации, похожей на ведущую к гибели трансмутацию – несомненное достоинство трудов юбиляра. Остается добавить, что, анализируя сложные процессы и ход зачастую кровавых событий, он все же остался в рамках подлинного академизма, не теряя при этом убеждений гражданина России – страны, глубинными корнями связанной и с Югославией, и с Сербией.

Как уже отмечалось, в войне против Сербии применялись новшества, устрашающие не только своими кровавыми последствиями, но и лицемерным идеологическим оформлением. Одно из них – «информационная война» в качестве заметного, а в чем-то даже ключевого фактора. Жертва такой войны вчерашнего дня – сербы, дня сегодняшнего – десятки других народов. Ее участники – корреспонденты западных СМИ, выступавшие как дипломаты, и дипломаты, сводившие свою активность к журналистике; известные фирмы, занимавшиеся предоставлением услуг в сфере общественных связей (PR-компании). Когда шли бомбардировки Белграда, стараниями именно В. Черномырдина удалось выкрутить руки сербам и сломить их сопротивление. Урок этой игры в поддавки чрезвычайно тяжелый для отечественной внешней политики, но полностью пока так и не выученный – к такому выводу можно

прийти по прочтении соответствующих глав книги Никифорова о балканской политике России.

Сербия была и остается невралгическим узлом общеевропейской политики, что требует углубленного исследования ее истории. Работы К.В. Никифорова – важнейшие шаги в этом направлении, которые указывают на то, что «чистая» история и Югославии и Сербии вряд ли будет содержать ответы на многие вопросы. Автор и редактор указанных работ подтвердил положение: такая история включает многие подходы на основе этнологических, политологических, геополитических и т.д. знаний.

Это побуждает исследователей в рамках – можно с полным правом утверждать – школы К.В. Никифорова на дальнейшие разработки предложенных ее лидером исследовательских программ. Есть основания предполагать, что разрабатываемый им подход может выявить и другие привязки к решению множества проблем, к примеру, обеспечить анализ хода и способов разрешения этнических конфликтов в отношениях между бывшими республиками СССР, осветить динамику новых революций в ходе «арабской весны» и т.д.

Изучение влияния событий в регионе на судьбы отдельных стран, а судеб Европы и мира через судьбы региона – ключевая тема очередного этапа творческой активности Никифорова. Во многом он ознаменовался выходом в свет в полной мере фундаментальных трудов, инициатором, ответственным редактором и автором ключевых статей которых он является. В их ряду книга «Югославия в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2011), а также коллективные труды: «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011), «Инакомыслие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. (М., 2014), «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. (М., 2014), «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник» (М., 2015), «Между Москвой и Брюсселем» (М., 2016) и др.

Важно не столько то, что в них отражена сложнейшая история стран Центральной и Юго-Восточной Европы, сколько

то, что Никифорову, как координатору работы в соответствующих направлениях, удастся сочетать подход историка с позиций политолога, социолога, этнолога и т. д. Можно с достаточным основанием утверждать, что именно на этом пути предвидятся и ожидаются новые работы нового типа как самого юбиляра – ученого с международным авторитетом, так и сотрудников возглавляемого им Института. Хотелось бы еще раз подчеркнуть их прогностическую составляющую; она, конечно же, не выявляется напрямую: любому знакомящемуся с трудами Никифорова надо выделять ее самостоятельно, но в том, что она есть, нет никаких сомнений.

Именно с опорой на этот, можно сказать, синергический подход и ожидаются будущие труды К.В. Никифорова, задающего планку историкам региона и не только региона. Их подлинный академизм. Автор наглядно выявляет многие политехнологические ходы и современных политиков, спекулирующих на исторических предрассудках прошлого, фальсификации современности, и будущего и угрожающей судьбам этноса будущности.

В целом К.В. Никифоровым дается развернутая характеристика и типологизация революций конца XX в., когда бывшие европейские социалистические государства стремительно распадались на относительно успешную Центральную Европу и отстающие Балканы, что стало особенно ясно после революции 5 октября 2000 г. в Сербии. С одной стороны, она была последней из чреды тех «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г., а с другой – открыла череду новых революций на постсоциалистическом пространстве. В связи с этим К.В. Никифоровым впервые в отечественной историографии введено определение «первого» и «второго» изданий революций.

Новый круг революций начинался в странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных» революций. Они получили название «цветных» или «электоральных», поскольку обычно происходили во время выборов. Точно по сербскому сценарию произошли «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция», а затем «евромайдан» на Украине, ряд революций в постсоветской Центральной Азии, прежде всего в Киргизии. Общее между двумя изданиями «бархатных революций» – протестное вы-

ступление масс на основе соединения демократии и национализма.

К.В. Никифоров продолжает ориентироваться на региональную тематику, включая теоретико-методологические и терминологические проблемы. Последние, в частности, вплоть до настоящего времени существующие разночтения в определении региона проработаны им основательно и убедительно. К.В. Никифоров доказательно и правомерно использует термин «Центральная и Юго-Восточная Европа», особо подчеркивая: любые схемы и дефиниции не могут полностью отражать реальную жизнь, они могут уточняться и пересматриваться, но в этом случае новые определения не должны вызывать больше вопросов, чем старые.

Большой вклад вносит К.В. Никифоров в воспитание молодых кадров. С 2006 г. он преподает на кафедре Истории западных и южных славян исторического факультета МГУ. Его стараниями и усилиями в Институте славяноведения наконец-то практически закрыта кадровая «югославская брешь»: наряду с ведущими учеными по истории Сербии и Черногории появились молодые талантливые специалисты по истории Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины. Не остается он в стороне и от разработок учебников для студентов высшей школы, выступая в качестве соавтора ряда из них («История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века». М., 1997; «История южных и западных славян». В 2-х т. Т. 2. «Новейшее время». М., 2008).

Богатые идеями и креативными прогнозами труды К.В. Никифорова продолжают линию академически выверенной и по-хорошему ангажированной отечественной югославистики, научный анализ в рамках которой перемежается с тревогой ученых и ее представителей за судьбы югославянских народов. К.В. Никифоров тем самым призывает продолжить работу в данном направлении, а его работы выступают своего рода отправной точкой нового цикла комплексных исследований исторических судеб и будущего как сербской государственности, так и европейского континента в целом.

Действительно, исследователь одного из самых сложных регионов мира, убеждает: однажды опробованные политтехнологии, выжигая историю по косовскому сценарию, проявляются и в других весьма отдаленных регионах, приводя

к фатальным последствиям регионального и глобального характера. Он мало говорит об Украине, но тот, кто внимательно прочтет его труды по истории Балкан, гораздо больше почерпнет из них для понимания ситуации здесь, чем из трудов современных украиноведов.

Завершая экскурс в научную деятельность К.В. Никифорова текущего периода, следует подчеркнуть, что его работы определяют перспективу страноведческих и региональных исследований и имплицитно формулируют новые задачи перед Институтом славяноведения РАН, который всегда был и остается важнейшим научным исследовательским центром, ориентированным на изучение не только и не просто славянского мира.

Э.Г. Задорожнюк

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этом труде К.В. Никифоров является автором следующих разделов: глава III, §3 (1841–1848 гг.); глава IV, §4; глава V, §4.

² Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 1990. С. 146.

³ Там же. С. 146–147.

⁴ *Никифоров К.В.* Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995. См. рец. на эту книгу: *Столић А.* Константин В. Никифоров. Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995 // Историјски часопис. 1995–1996. Београд, 1996. Књ. XLII–XLIII. С. 460–462.

⁵ По результатам конференции была опубликована книга: Илија Гарашанин (1812–1874). Научни скупови. Књ. LIV. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 1991.

⁶ *Лушић Р.* Книга о Начертанију. Београд, 1993.

⁷ *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 47.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 175.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ Там же. С. 177.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 338.

¹⁷ *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. С. 179.

¹⁸ *Никифоров К.В.* Четыре этапа сербской истории (XIX–XX вв.) // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002. С. 22.

¹⁹ Там же. С. 23–24.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 32.

²² *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 69, 77.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Там же. С. 73–74.

²⁶ Там же. С. 85–86.

²⁷ Там же. С. 87, 89.

²⁸ Там же. С. 225.

²⁹ Там же. С. 235–249.

³⁰ *Никифоров К.В.* Процессы внешнего доминирования на Балканах в 40–90-е годы XX в. (фашизация, советизация, натоизация) // Профессор С.А. Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2004; *Он же.* Политика бесконечных уступок // Геополитика. Београд, 2005. № 16; *Idem.* The place and the role of the Dayton Peace Agreement in the post-Yugoslav region // The Republic of Srpska – tenth years of the Dayton Peace Agreement. Banja Luka, 2005 и др.

³¹ Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2003.

³² Там же. С. 239.

³³ *Никифоров К.В.* Отзвук слова: из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М., 1999. В соавторстве; *Он же.* Эпоха Ельцина: Очерки политической истории России. М., 2001. В соавторстве.

³⁴ *Никифоров К.В.* Югославский эксперимент // Власть-общество-реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / Отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. М., 2006; *Он же.* «Бархатная революция» по-сербски // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / Отв. ред. Ю.С. Новопашин. М., 2007; *Idem.* Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990-s // Balcanica. Belgrade, 2008; *Он же.* «Переформатирование» этнического пространства бывшей Югославии в 90-е годы XX века // Доклады российских ученых. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2009; *Он же.* Общие черты и специфика трансформационного процесса в Сербии // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Двадцать лет спустя. М., 2011 и др.

РОССИЯ
И СТРАНЫ РЕГИОНА
В XVIII–XIX вв.

К.А. Кочегаров

**К ИСТОРИИ РУССКО-УКРАИНСКО-СЕРБСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVIII в.:
«ЗАБЫТАЯ» МИССИЯ В РОССИЮ
КАПИТАНА АРСЕНИЯ ЛЕШЕВИЧА***

Вряд ли можно сказать, что история русско-сербских отношений в XVIII в. обойдена вниманием историков. Этой теме посвящено немало работ¹, в научный оборот введены значительные комплексы источников, главным образом материалы Посольского приказа, Коллегии иностранных дел, Сената и других учреждений, связанных с русско-греческими и русско-сербскими отношениями². Однако учитывая то, что немало сербских выходцев оказались на территории Гетманской Украины, документы по русско-сербским отношениям отложились и в малороссийских делах. Их изучение позволяет как сделать ряд важных дополнений к уже известным фактам, так и ввести в научный оборот совершенно неизвестную ранее информацию.

Связи России с сербами в конце XVII – начале XVIII в. развивались на фоне активного участия последних в войне с турками на стороне австрийских Габсбургов, массового переселения значительной их части на территорию Военной границы и последовавшей после этого напряженности в отношениях переселенцев и местной администрации. Все эти факторы обусловили поиск представителями сербских духовных и светских кругов поддержки России. Так, в частности, широко известным является случай сербского полковника Пантелеймона Божича. Он прибыл в Россию осенью 1704 г. с секретной миссией от имени сербов, живших под властью Габсбургов,

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.»

с просьбой принять их в русское подданство. Божич заявил о готовности его соотечественников выставить многочисленную армию. Сам он попросился на царскую службу. В феврале 1708 г., на съезде сербских офицеров в монастыре Крушедол, было решено признать П. Божича представителем сербского народа в России³.

Карьера П. Божича в России в немалой степени была связана с украинскими землями. Так, в 1704 г. он попал в Москву при содействии гетмана И.С. Мазепы, который 18 августа в лагере под Чудновым на Правобережной Украине выдал ему «проезжий лист»⁴. В мае 1709 г., уже после ухода Мазепы к шведам, живший в Нежине сербский офицер получил от нового гетмана И.И. Скоропадского универсал на владение городским двором и двумя окрестными селами. В 1710 г. «особый охранный «указ» на владения (две деревни и мельница) выдал «сербскому полковнику» киевский губернатор Д.М. Голицын, который ссылался на царское повеление Божичу жить «в малороссийских городах». Обнародовавший эти факты А.М. Лазаревский не мог однозначно утверждать, каким образом сербский офицер оказался в Малороссии, лишь предполагая, что тот «вышел из Сербии в тревожное время Мазепиной измены и чем-то заслужил особою милость» царя Петра Великого. Сын Божича Иван в 1742 г. стал нежинским полковником⁵. Как следует из ряда известных историкам документов (письмо Ф.А. Головину от 1706 г. из валашского города Тарговиште и др.), после первого приезда П. Божич вскоре покинул Москву. Вместе с ним из России были отправлены для сербов церковные книги⁶. Как позднее вспоминал П. Божич, сербские священники за полученные книги «поминают царя Петра I на тайной службе». Вскоре, он, однако, вновь прибыл в пределы русского государства, чтобы теперь уже остаться здесь навсегда⁷.

Об этом втором приезде, обстоятельства которого были не совсем ясны, сообщается в письме руководителя посольских дел Г.И. Головкина И.С. Мазепе весной 1708 г. Сербский полковник прибыл в ставку царя в Минске (в самом начале февраля), затем сопровождал монарха в Смоленск и Бешенковичи, где «видел царские очи» (то есть получил аудиенцию у Петра I), прося «дать ему место» на Украине «при границах для жития», где он мог бы организовать «сербский полк» на царской служ-

бе. Гетману было указано принять сербского офицера и поселить его в Малой России. «А о сербах, – говорилось далее, – что оной обещался полк получит, его царское величество отложит изволил до иного времени», по причине того, что подобный «нынешней случай» может дать повод для недовольства Османской империи⁸. Как видно, приехав в Россию повторно, Божич не просто желал поступить на службу к царю, а возглавить специально созданное сербское военное формирование, которое должно было охранять границы русского государства подобно тому, как сербы делали это на рубежах габсбургских и османских владений.

Согласно написанному уже в декабре 1708 г., после измены Мазепы, письму Божича руководителю русских посольских дел⁹, царское распоряжение вызвало нескрываемое раздражение украинского гетмана, который «не малим гневом разсверепевшы», заявил офицеру: «Для чого тебе не дано мес-тце в Москве, но ко мне отслано?». Подобная реакция Мазепы вполне понятна: содержание сербского эмигранта должно было повлечь за собой не только материальные издержки, но и в определенном смысле являлось вторжением в неписанные прерогативы гетманской власти самостоятельно принимать и наделять земельными владениями или иными источниками дохода на украинских землях выходцев из иных стран, которые были таким образом обязаны своей карьерой и состоянием не царю, а гетману. Подобные примеры мы можем во множестве наблюдать во второй половине XVII в., когда, в частности, сербские выходцы даже занимали должности полковников или генеральной старшины¹⁰.

Скрепя сердце Мазепа пошел на определение временно-го содержания Божичу из доходов ратуши г. Нежина, однако сербский офицер не был до конца удовлетворен этим, о чем свидетельствует его попытка вновь добиться свидания с Головкиным в декабре 1708 г. Случай с Божичем стал, помимо прочего, также первым пробным шаром в царской политике, которая позднее сыграла заметную роль в размывании украинской автономии путем расселения в Малой России лояльных центральному правительству выходцев с Балкан, составлявших определенную опору его власти в регионе. Вышеприведенные сведения А.М. Лазаревского о пожаловании Божичу деревень

в 1709 г., когда монополия гетманской власти на раздачу земель в Малой России исключительно представителям украинского общества оказалась заметно подорвана¹¹, показывают, что попытки сербского эмигранта улучшить свое материальное положение были успешными.

Как уже упоминалось, с П. Божичем традиционно связывается знаменательное для русско-сербских отношений начало интенсивных контактов с Россией светских представителей сербского общества – офицерства, ветеранов войны с Османской империей 1683–1699 г. в составе армии Габсбургов. Между тем первым таким посланником был сербский капитан А. Лешевич, побывавший в Москве почти на два года ранее Божича.

Посредником в данном контакте России с сербами и валашским господарем выступил гетман И.С. Мазепа. А. Лешевич приехал к последнему с рекомендациями, данными ему валашским стольником Константином Кантакузином по указу самого господаря Валахии Константина Брынковяну. Серб характеризовался как человек «рыцарский и во многих оказиях военных знатный». Гетман, в свою очередь, дал капитану рекомендательное письмо к руководителю русских посольских дел Ф.А. Головину, отметив, что Лешевич «яко сам православной восточной церкви сын» направляется «к православному нашему единому под солнцем пресветло сияющему монарху» подобно многим «иноземцам», которые «от многих стран <...> идут и притекают к великому государю нашему, ища себе тут защипения, прибежища и службы»¹².

Миссия А. Лешевича тесно связана с активным сотрудничеством с русским правительством, которое развернул в начале XVIII в. К. Брынковяну, один из первых кавалеров ордена Святого Андрея Первозванного. Заручившись поддержкой русских властей, господарь в 1702 г. собрал тайное совещание с участием бояр Михаила и Константина Кантакузино, иерусалимского патриарха Досифея для обсуждения проекта коалиции балканских народов против Османской империи. По результатам этой встречи в Москву выехал опытный валашский дипломат, чауш Давид Корбя, ставший постоянным представителем господаря в столице¹³. Прибыв в Москву в конце 1702 г. он подал русским властям обширный мемориал с просьбой о защите и покровительстве, заверениями в готовности бал-

канских народов поучаствовать под главенством России в войне с Турцией ради освобождения Балкан, жалобами на принуждение православных под властью Габсбургов к унии и т.д. В мемориале, между прочим, упоминалось, что живущие под властью «цесаря» сербы присылали к валашскому господарю «некоторого пана, которой обершер в титуле» с просьбой помочь поискать поддержки в Москве для войны с турками и освобождения от власти Габсбургов¹⁴. Этим «обершером», то есть полковником, был по-видимому П. Божич, однако он по неизвестным причинам в Москву не поехал. Вместо него практически вслед за Корбей в русскую столицу прибыл А. Лешевич. У истоков его миссии, как это следует из показаний сербского капитана, стояли К. Брынковяну и его приближенные, в частности стольник К. Кантакузин. Именно к ним в первую очередь обратились сербы за советом, и именно господарь, по словам Лешевича, рекомендовал обратиться за поддержкой к православному царю. Кроме того, Брынковяну прямо посоветовал капитану, чтобы тот «о помощи промышлял с посланцом ево (то есть с Д. Корбей. – К.К.) обще»¹⁵.

Миссия Лешевича не зря была поддержана бухарестскими политиками. Она должна была наглядно продемонстрировать русскому правительству реальность изложенных в мемориале обещаний о готовности балканских народов участвовать в борьбе с Портой. В подтверждение этого тезиса Лешевич сообщил о тайных договоренностях сербов с Брынковяну о выставлении в помощь последнему десятитысячного войска.

Более значительное содействие капитан в тех же целях предлагал России, обещая, что в случае начала русско-турецкой войны сербы готовы выставить сорокатысячную армию, не требуя для нее какого-либо содержания. В более общем смысле Лешевич просил царя о приеме сербов в «милостивую оборону и подданство», что отражало их надежды на установление постоянных связей и покровительство со стороны российского двора, который должен был стать гарантом их прав в сношениях с Габсбургами и османами.

Лешевич раскрыл и основные причины обращения сербского офицерства за помощью к России: после войны у габсбургской администрации отсутствовали средства на содержание сербских отрядов, в связи с чем прекратилась выплата

жалованья. Кроме того, владения офицеров-дворян были обложены «великими поборами». Сам посланец, понимая отдаленность рисовавшихся им в Посольском приказе перспектив, пользуясь случаем просился на русскую службу, намереваясь перевезти в Россию свою семью¹⁶.

Лешевич, в отличие от Д. Корби, не имел каких-то официальных документов, подтверждавших его полномочия. Однако, думается, не только это стало причиной отсутствия какой-то реакции официальных царских властей на озвученные им предложения. В указанный момент Россия, втянутая в тяжелую и кровопролитную Северную войну, отнюдь не желала портить из-за сербов отношения с турками, ни тем более с Габсбургами. В случае с Портой Россия даже отказалась в 1708 г. пойти на предложение Божича и сформировать сербский полк на пограничных землях Украины, опасаясь, что это вызовет осложнения в русско-османских отношениях.

В дальнейшем в известных источниках отсутствуют какие-либо сведения о Лешевиче и его службе в России или возвращении в Сербию. Все это вкупе с официальным молчанием российского двора в ответ на миссию сербского капитана стало причиной того, что первое в истории обращение светских представителей сербского общества с просьбой о русском подданстве и военной службе оставалось неизвестным историкам более трехсот лет. В результате начало нового этапа в истории русско-сербских контактов, итогом которого стало возникновение сербских формирований на русской службе и сербских поселений в Новороссии в середине XVIII в., в историографии традиционно связывается с более удачливым в своей российской карьере П. Божичем. Последний, как было показано, действительно первым выдвинул идею формирования пограничного сербского полка уже в 1708 г. Что же касается его предшественника А. Лешевича, то забвению его визита отчасти поспособствовал и сам полковник. В своих разговорах в Москве Божич ссылаясь на миссию Д. Корби, но почему-то ничего не сказал о предыдущем визите своего земляка, хотя вряд ли не знал о нем. По сути же предложения, изложенные Божичем, представляли собой более краткий пересказ информации Лешевича¹⁷, который в своих донесениях русскому правительству был более конкретен, чем его последователь.

Новые документы, связанные с миссией А. Лешевича и пребыванием П. Божица в Малой России, публикуются в приложении, как имеющие несомненный интерес для изучения русско-сербских связей в раннее Новое время. Публикация осуществлена согласно «Правилам издания исторических документов» (М., 1990).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1703 г. февраля 2. – Материалы допроса в Посольском приказе сербского капитана Арсения Лешевича

(Л. 10) И 1703 года февраля 2 дня на Москве в государственном Посольском приказе приезжей из Сербской земли Арсений Иванов сын Лешевич в роспросе сказал.

Родился де он в Сербской земле в городе Ужице¹⁸, отец ево Иван Лешевич жил в своем имении и маетностях шляхтичем. И во время прошедшей войны у турка с цесарем¹⁹ отец ево служил турецкому салтану. И как де цесар у турка взял Будин²⁰, и Белград²¹, и иные города (10 об.) и их Сербскую землю завоевал и они де, поддавися цесарю, почали воевать против турков. И он де служил в цесарском войску против турка у конницы офицером девять лет, да шесть лет в чину капитанском, и как де у цесаря с турком учинился мир, и им служивым людям цесарского жалованья давать не почали, а учили с них и с маетностей их на цесаря имать великие поборы, и в вере греческой от римлян почало быть великое утеснение и ево де (л. 11) всею Сербскую землею, не терпя такого утеснения, послали для совету к мулянтскому господарю, потому, что живет с ними близко. И в делах им согласен просить помощи, чем бы они могли от такого тяжкого ига свободится и всчать войну с турком, потому что цесарцы с турком хотят жить в миру, а войны не хотят, а соберетца де их, сербов, на войну в готовности конницы и пехоты тысяч сорок или болши, и мулянтской де (л. 11 об.) господарь ему сказал, что в нынешнее время ему никакого им совету подать невозможно, а имеет де он, господар, крепкую надежду на великого государя российскийского. И для такого ж дела и посланца своего Давыда-чауша к Москве послал, и что б и он, Арсений, ехал к великому государю к Москве и о избавлении своем, и о помощи промышлял с посланцом ево обще. А кроме

де той надежды во избавлении никакого нет. И он де по тому мултыанского господаря совету к Москве приехал, (л. 12) и бьет челом ему великому государю от всей Сербской земли, чтоб великий государь их пожаловал, повелел их принять в свою милостивую оборону и подданство, а они де ему, великому государю служить ради. И воевать с турком готовы и без его великого государя жалованья на своем хлебе и коште, толко б дабы надежда в той войне на помощь великого государя, чтоб он великий государь их не оставил, а они де мултыанскому господарю (л. 12 об.) обещалис, есть ли он будет их просить на помочь, то они войска своего десять тысяч соберут тотчас и пошлют к нему на помочь тайно, так, что не токмо турок, но и цесар, и венгрин не сведает. И ныне де он приехал к великому государю к Москве просить от него, великого государя, надежды и упования, изволит ли их, сербов, тем обнадежить и милость свою государскую к ним показать, что естли б когда (л. 13) у великого государя с турским салтаном учинилас война, примет ли их под свою оборону его царское величество ис-под ига цесарского, и надежно ль им то будет, что они в свое время такую его государскую милость получают и оборону ево от тех неприятелей, как от турка, так и от цесаря восприимут. И для такого великого дела послали ево всею Сербскою землею тайно. И велели ему о том, кому належит, донести словесно, а писмянного прошения (л. 13 об.) с ним к великому государю о том они, сербы, с ним не послали, опасаяс многих неприятелей, чтоб им о том было неведомо, да и мултыанской де господар никакова с ним писма ни х кому о том не послал. А наказал ему словесно в тех делех с посланцом своим быть согласну и восприят ответ, и с тем ответом велели ему приезжать в Сербскую землю немедленно. А есть ли им какой надежды всей Сербской земле в приня(л. 14)тие подданства за какими мерами в нынешнее время быть невозможно, то б объявить им надежду, в каково время впред то может ли учинится или нет. Чтоб они о том знали, и буде вскоре тому учинится нельзя, то б великий государь, ево, Арсенья, пожаловал, повелел ево принять в свою государеву службу в капитаны и отпустить ево на вышеписанное прошение с отповедью в Сербскую землю по жену ево, (л. 14 об.) а он взяв жену свою из Сербии, приедет к Москве немедленно.

А у цесаря де ныне с французом война²², и в той де войне цесарь французу силен и войска ево побивает и города берет, а их де сербских войск на француза в помощь цесарь не берет. А хотят они, сербы, воевать толко одного турка.

(Л. 15) А цесарцы де, взяв у турка в Венгерской земле города болшие, разорили, а имянно: Канежу Великую²³, и Эгру Великую²⁴, и Печьвар²⁵, и Капушвар²⁶ для того, что цесарцом за нынешнею войною и за скудостью ратных людей держать им таких городов невозможно. А на них де, сербов, они, цесарцы, ненадежны.

А болши того ничего не ведает.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703 г. Д. 5.

№ 2.

1708 г. декабря 14. – Письмо П. Божича Г.И. Головкину

(Л. 1.) Сиятелнейшему и превосходительнейшему високопочтенному господину Гаврилу Ивановичу Головкину, великому министру а моему всемилостивейшему господину от всевишнего Бога мира, здравия а при благополучие и душевного спасения желаю сердечне.

В мимошедшом году бувши мне пред лицом вашего сиятельства в граде Витепску и тамо милостивое отеческое ко себе лучших призрение за что всевишнего Бога десница воздаянием вечних благ вашему сиятельству да наградит.

Его царского пресветлого величества указом от вашего сиятельства обретох поважное писание до Мазепи, на тот час будучого гетманом, который не малим гневом разсверепевшы на мене так мовил: «Для чого тебе не дано местце в Москве, но ко мне отслано, а я оному мовил, же и ты сам государев слуга и должен есы исполнити указ». Потом он, Мазепа, повелел мне з ратушы нежинской дать препитание до повторного указа, и на том он препомнел²⁷ страх Божий и крестное целование и его царскому пресветлому величеству зменил.

Ныне рабско и смиренно упадаю до ног вашему сиятельству и молю крайнее твое благоутробие, яви ко мне твое миласердие, напишы писание до благородного князя и воеводы нежинского Феодора Михайловича²⁸, дабы он мне учинил

вспоможение и отпустыл мене до вашего сиятельства з своим указом. (л. 1 об.) О все тое вашего сиятельного господства покорственню молю, не остави мене чужда и отриновенна, яко странного инноземца, понеже по Бозе не имею иного прибежища и патрона кроме царского пресветлого величества и вашего господства всепокорне молю. По сим пребываю и пребивати желаю доживотне.

З Нежина декамрия 14
Року 1708*

Вашего сиятельства всепокорный
раб и унежоний слуга Пантеле-
мон Божич, полковник от Серб-
ския земли.

Подпись на конверте: (л. 3 об.) Благородному и високопочтенному господину, господину сиятельнойшему графы**, кавалеру Белого орла²⁹ Гавриилу Ивановичу, моему всемилостивому господину покорство да вручится.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 112.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Богоявленский С.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1948. № 8–9. С. 19–41; Српска академија наука и уметности. Научни скупови. Књ. XXXII. Одељење историјских наука. Књ. 8. Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986 (Далее – Југословенске земље и Русија); *Рудјаков П.* Сеоба Срба у Русију у 18. веку. Београд, 1995; *Леицловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 46–57; Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века: зборник радова са Међународног научног скупа у Новом Саду, 7–9. маја 2003. Нови Сад, 2005; *Кириченко А.* Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб, 2007; *Артамонов В.А.* Сербь и турецко-русская война 1710–1713 гг. (к 300-летию русско-сербского боевого содружества) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 333–341 и др. См. также библиографию в указанных изданиях.

² *Димитријевић С.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик Српске краљевске академије. Т. LIII. Други разред. 45. Сарајево, 1922; Политические и культурные отношения

* Фраза отчеркнута от верхней горизонтальной чертой с завитками по краям.

** Так в тексте. Должно быть «графу».

России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984; Москва – Србија, Београд – Русија = Москва – Сербия, Белград – Россия: документа и материјали = сборник документов и материалов. Т. 1. Друштвене и политичке везе XVI–XVIII век = Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. М.; Белград, 2009.

³ О русско-сербских отношениях и выезде П. Божича см.: *Богоявленский С.* Из русско-сербских отношений. С. 19–25; *Веселиновић Р.* Српско-руске везе крајем XVII и првих година XVIII столећа // *Југословенске земље*. С. 30–36.

⁴ Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. 1. С. 366; *Веселиновић Р.* Српско-руске везе. С. 30–31.

⁵ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 2. Полк Нежинский. Киев, 1893. С. 16–17. См. также родословие Божичей у В.Л. Модзалевского: *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 1. А.–Д. Киев, 1908. С. 60–62.

⁶ *Веселиновић Р.* Српско-руске везе. С. 35–36; Политические и культурные отношения. С. 27–28. О книгах, посланных с П. Божичем, см. специальную заметку: *Форишиковић А.* Руске књиге Пантелејмона Божича // *Југословенске земље*. С. 51–53. Автор приводит любопытную запись 1706 г. в честь присылки книг, сохранившуюся на псалтыри одной из церквей г. Шид, с обязательством поминать на литургии «пре-светлого» царя, пока существует подаренная им книга.

⁷ *Веселиновић Р.* Српско-руске везе. С. 35–36. Р. Веселинович ссылается на письмо П. Божича Г.И. Головкину от 20 января 1709 г. из Нежина, оригинал которого из фонда «Греческих дел» РГАДА опубликован С. Дмитриевичем (*Димитријевић С.* Грађа за српску историју... С. 248). Перевод его также отложился в малороссийских делах. См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 112. Л. 2–2 об.

⁸ Г.И. Головкин – И.С. Мазепе. 17 III 1708. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 65 – 65 об.

⁹ См. Приложение, док. № 2.

¹⁰ *Шевченко Ф.П.* Сърби і болгари в українському козацькому війську XVII–XVIII ст. // *Питання історії та культури слов'ян*. Ч. 1. Київ, 1963. С. 70–76.

¹¹ См. об этом, например: *Лазаревский А.М.* Семья Скоропадских. (1674–1758) // *Исторический вестник*. 1880. Т. 2. № 8. С. 713–716.

¹² И.С. Мазепа – Ф.А. Головину. Батурин. 19 I 1703. – РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703 г. Д. 5. Л. 8–9 об.

¹³ *Семенова Л.Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М., 2006. С. 267–269.

¹⁴ См. публикацию мемориала: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV–начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах.

Т. 3. 1673 – 1711. М., 1970. С. 176–183.

¹⁵ См. Приложение, док. № 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. последнюю публикацию «доношения» П. Божица: Москва – Сербия. Белград – Россия. Т. 1. С. 367–368.

¹⁸ Город на западе современной Сербии.

¹⁹ Речь идет о войне коалиции христианских держав с Османской империей 1683–1699 гг.

²⁰ Буда была взята австрийскими войсками в 1686 г.

²¹ Белград был взят австрийскими войсками в 1688 г.

²² Речь идет о Войне за испанское наследство 1701–1714 гг.

²³ Канижа – город в исторической области Банат, ныне в Сербии.

²⁴ Эгер, ныне город в Венгрии.

²⁵ Видимо, Печварад, город на юго-западе современной Венгрии.

²⁶ Капошвар, ныне город в Венгрии.

²⁷ Здесь в смысле «забыл».

²⁸ Нежинский воевода, князь Ф.М. Кольцов-Мосальский.

²⁹ Речь идет о польском ордене Белого орла.

А.А. Турилов

**ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛЕГЕНД РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:
«ДОНЕСЕНИЕ ИЗ БЕЛГРАДА» 1717 г.**

Длительные, почти не прекращавшиеся войны европейских государств с Османской империей на протяжении XV–XVIII вв.¹, естественным образом занимали много места в прессе уже с момента ее зарождения² и породили целый ряд политических (и военно-политических) легенд, которые с первой половины XVII столетия начали распространяться и в Московской Руси. Они довольно четко делятся на две группы: это либо легендарная переписка враждующих правителей (и – шире – представителей враждующих сторон)³, либо пророчества (зачастую святых, живших в древности, – императора Константина Великого, патриарха Геннадия Схолария, и др.) о грядущей победе христианского воинства над мусульманами и освобождении Константинополя от турецкого владычества⁴.

«Просвещенный» XVIII век, по крайней мере, в первых своих десятилетиях унаследовал эту традицию вместе с продолжающимися войнами с империей османов. Наглядное свидетельство тому – публикуемый ниже памятник («Копия з Бела града, 28 декабря 1717 году, через нарочного посланного»), относящийся (хотя и с некоторыми оговорками) ко второй категории легенд – пророчествам. Текст известен в настоящее время в списке второй половины XVIII в. в составе сборника, приобретенного в 1978 г. Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека, ф. 722 (Собрание единичных поступлений), № 127, л. 58 об.–59)⁵. О редкости памятника в рукописной традиции свидетельствует отсутствие упоминаний о нем в авторитетных справочниках, посвященных сбор-

никам XVIII столетия⁶. По форме и стилистике это (во всяком случае для России) документ новой – петровской – эпохи, однако основная часть содержания уходит корнями в историю более, чем на два с половиной столетия. Текст, судя по «шапке» (заголовок как таковой отсутствует), выдает себя за донесение, отправленное с нарочным из Белграда по всей очевидности в Вену. Главная тема сообщения – приезд в Белград турецкого посла, следующего для переговоров к императорскому двору, описание обоза с дарами, которые посольство везет цесарю («22 верблюда, навьюченных велми изрядно,... 18 мулов, у которых сквозь ноздри кольца продеты»), и перечень конкретных подарков.

Начало этого списка выглядит вполне традиционно. Сюда, конечно, входят «изрядные одеяния», прославленные восточные породистые скакуны («8 лошадей турецких, покрытых попонами») и экзотические животные («одного льва, пять леопардов»), издавна⁷ входившие в своеобразный «джентльменский набор» посольских даров. Столь же ожидаемо упоминание 200 пленных «цесарцев», доставленных для обмена на турок.

Однако продолжение перечня переносит смысл «донесения» в совсем иную плоскость, поскольку там фигурируют главнейшие христианские святыни, в течение столетий находившиеся в столице Византии и неоднократно описанные многочисленными паломниками, в том числе древнерусскими, начиная с новгородца Добрыни Ядрейковича (ок. 1200 г.), будущего архиепископа Антония. Это прежде всего предметы, связанные с поруганием Христа перед казнью и с его крестной мукой⁸: «Столп, у которого Христа били, и ремень, и плети», «порфиновая мантия, в которой Христу поругались, и посох, что... Христу в руки давали, и тернов венец, которым Христа короновали, и ризы, в которые Христос к смерти шел», «большая часть древа от святого креста, и гвоздие, и убрус, что найденной по воскресении Христа во святом гробе». Затем следуют 12 корзин («кошев») с объедками («укрухами») хлеба, оставшимися после чудесного умножения хлебов Спасителем, голова Иоанна Предтечи «со власами и брадою», мощи первомученика Стефана и непоименованных святых.

Самой большой невероятностью является, разумеется, упоминание «17 священников, которых они (турки. – *А.Т.*) взяли

во время взятия Константинополя». Речь идет о неточной передаче константинопольской легенды о том, что когда турки в 1453 г. захватили столицу Византии и ворвались в собор Св. Софии, то служившие там литургию священники «ушли в стену» храма и с тех пор они ежегодно совершали пасхальное богослужение⁹. При этом никто из турок их не видел, но все отчетливо слышали пение. Это относительно поздняя легенда. С одной стороны, ее создатели не помнили, что в Св. Софии не совершались службы после декабря 1452 г., когда храм был осквернен сторонниками унии с латинянами. С другой, в ней присутствует предание, что пение в соборе, превращенном в мечеть, слышал однажды султан Сулейман Кануни («Великолепный»), правивший в 1520–1566 гг. Разгневавшись, он приказал перебить всех христиан, но великий визирь Пири паша отговорил его от этого. Из этого следует, что в момент складывания легенды визиря еще помнили, что едва ли было возможно более, чем полвека спустя. Нам остается лишь подивиться, как через полтора века после времени правления Сулеймана (или более того) османам удалось поймать и повязать этих неуловимых священников-долгожителей.

Присылка этих необычных (и поистине бесценных) даров австрийскому императору объясняется в «донесении» тем, что «турки сами верят, что их салтан щастливые будет, как си святые вещи отданы будут христианом». Но для читателя-христианина совершенно ясен пророческий смысл этого избавления от иноверных святых, скрытый от турок. Передача их христианскому монарху (в данном случае цесарю) несомненно предвещает близкое освобождение Константинополя (города, их хранившего и одновременно ими охраняемого) от власти мусульман. Благодаря этому пророческому смыслу «донесение» сравнительно долго сохраняло актуальность, во всяком случае, в русской рукописной традиции. Включение его во второй половине XVIII в.¹⁰ в сборник, составлявшийся и бытовавший в Ярославле, свидетельствует об актуализации сюжета в эпоху победоносных русско-турецких войн.

Текст «донесения» публикуется по единственному известному списку (РО РГБ, ф. 722, № 127, л. 58 об.–59) в упрощенной орфографии, в соответствии с правилами издания исторических документов XVIII в.

* * *

Копия з Бела града, 28 декабря 1717 году, через нарочного посланного

Копия. З Бела града 28 декабря 1717 году чрез нарочно посланного вчерашнего числа в полдень.

Прибыл сюда посол от великаго султана, котораго здешний комендант удержал, покаместъ иметь будет указ о пропуске оного от его царского* величества.

А помянутой посол имеет указ от турскаго салтана для мировых трактатов постановления с христианским цесарем, или для постановления упокою до компании, сиречь до баталии. А имянно.

Старши посол Гамратах Сурат, при нем паша Муротик от Деди паша носи** со изрядными одеяниями, которые везут нашему царскому*** величеству для подарка 22 верблюда, навьюченных велми изрядно, одного льва, пять леопардов, 8 лошадей турецких, покрытых попонами, 18 мулов, у которых сквозь ноздри кольца продеты.

Оные ж еще с собою привезли 200 полоненных цесарцов. Также 17 священников, которых они взяли во время взятия Константинополя. И при том святыя вещи, которыя там оставленьны от христианов, и по се число ни один турчин к ним не притрогивался под смертию.

На первом осле столп, у котороу Христа били, и ремень, и плети.

На другом порфиновая мантия, в которой Христу поругались, и посох****, что во образ цептора***** Христу в руки давали, и тернов венец, которым Христа короновали, и ризы, в которые Христос к смерти шел.

На третьем большая часть древа от святаго креста, и гвоздие, и убрус, что найденной по воскресении Христа во святом гробе.

На четвертом осле 12 кошев сукругов*****, о которых во евангелии помянуто. И глава святаго Иоанна, крестителя господня, со власами и брадою.

* Следует, по всей вероятности, читать: «цесарского»

** Так в рукописи.

*** Следует, по всей вероятности, читать: «цесарскому»

**** Испр., в рукописи ошибочно: «по сих».

***** Так в рукописи, вм. «цесаря»?

***** Так в рукописи, вм.: «укрухов».

На пятом и на шестом осяти некия святыя невинныя мощи: пророки, апостоли, и мученики, и святыи девицы мощи. А особливо святого Стефана и других святых мощи.

Притом которые папистова публика илии правалия*, которое все от турков не троганно** во все время. И как оно запечатанно*** от турецкаго салтана, то и по се число так стояло. И как нынешней суприор, и з другими капланами, седищю сочинил, и все оно изыскал, как се посланник сказывал.

А турки сказывают правдиво, что помянутыя святыя вещи в Софии церкви были, как оныя Константинополя взяли, в погребу замуровано на левой руке. И ежели кто от татар коснуться хотел ко оным святым вещам, и тот того ж часа умрет, а иныя не могли говорить, иныя ж ослепли.

И оно все цесарцы присягою утвердили, а турки сами верят, что их салтан щастливие**** будет, как си святыя вещи отданы***** будут христианом.

А помянутой посланник***** имеет квартиру в посаде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. И.Б. Греков. М., 1984; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: Главные тенденции политических взаимоотношений / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. Ч. 1–2. М., 1998–2001.

² Об особенностях этого феномена на русской почве см.: *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., 2011.

³ Подробнее об этом см.: *Waugh D.C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite et Russian Variants / With a Foreword by Academician D.S. Likhachev. Columbus (Ohio), 1978; СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2 (И–О). СПб., 1993. С. 218–231; *Уо Д.К.* История одной книги: Вятка и «несовременность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. С. 298–300.

* Так в рукописи.

** То же.

*** То же.

**** То же.

***** То же.

***** То же.

⁴ См., к примеру: *Miklas H.* Der Nazareth der Mitropolit Gabriel und seiner russische Übertragung der mit dem Namen Patr. Gennadios II verknüpften Orakeldeutung über das Schicksal Konstantinopels // *Cyrrilomethodianum. Thessalonique*, 1984–1985. Vol. VIII–IX. S. 121–148; СККДР. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А–З). С. 188–189.

⁵ Достаточно подробное описание рукописи, сделанное автором, см.: Новые поступления // Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина]. М., 1981. Вып. 42. С. 178–180. Памятник частично уже введен в научный оборот (см.: СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 226–227; *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия. С. 46), но не опубликован и не исследован подробно.

⁶ См.: *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963; *Бубнов Н.Ю., Копанев А.И., Кукушкина М.В., Лихачева О.П.* Исторические сборники XVIII – XIX вв. Л., 1971 (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 3).

⁷ Достаточно, пожалуй, будет вспомнить белого слона, подаренного в начале IX в. императору Карлу Великому (800–814) багдадским халифом Харун-аль-Рашидом (786–809).

⁸ См. об этом подробнее: *Стерлигова И.А.* Новозаветные реликвии в Московской Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 19–23.

⁹ См.: *Πολίτης Ν.* Μελέται περὶ τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ ἐλληνικοῦ λαοῦ: Παραδόσεις. Μέρος Β'. Ἀθήνα, 1904. Σ. 687–688. Пользуюсь случаем поблагодарить С.А. Иванова, указавшего мне эту публикацию и поделившегося своими соображениями о времени сложения легенды.

¹⁰ Датировка списка (редкий пример для рукописи XVIII в.) возможна в данном случае лишь по почерку. Текст «донесения» вписан в переплетенный кодекс, писавшийся на бумаге 1730-х годов вплоть до начала XIX столетия (см. примеч. 3).

О.В. Хаванова

АВСТРИЙСКИЕ ПОСЛЫ И ПОСЛАННИКИ ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ В ПЕРИОД ОХЛАЖДЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-е – НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ XVIII в.*

«Нельзя не заметить некоторого различия во взглядах, в котором коренятся зачатки взаимного недоверия, проявившегося весьма скоро самым осязательным образом»

*Ф.Ф.Мартенс*¹

Период между окончанием Семилетней войны (1756–1763)² и подписанием нового русско-австрийского оборонительного трактата (1781)³ стал для венского и Санкт-Петербургского дворов временем взаимного разочарования и отдаления. После десятилетий осторожного сближения, риторики дружбы и взаимопонимания⁴, совместные военные действия против Пруссии стали пробой на прочность, которую этот альянс не прошел. Несмотря на все усилия венской дипломатии заинтересовать Россию в продолжении войны против Фридриха II, русский двор не проявил готовности сражаться за интересы Австрийского дома в ущерб собственным целям. Взошедший в январе 1762 г. на престол Петр III резко изменил вектор российской внешней политики, заключив в марте 1762 г. мир с Пруссией. Тем самым трактат с Австрией от 21 марта 1760 г. оказался фактически аннулированным. Прусский посланник при русском дворе граф Виктор Фридрих Сольмс со слов канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова (1714–1767) писал своему королю: «Не в интересах ее (Екатерины II. – О.Х.) империи заключать тесный союз с австрийским двором, потому что силы их настолько противоположны, что нельзя предвидеть, который из двух встретит раньше надобность в другом»⁵.

* Статья написана при поддержке РГНФ в рамках работы над проектом № 15-31-001003а1.

При том, что соперничество в Центральной Европе и на Балканах вынуждало Российскую империю и Австрийскую монархию постоянно искать пути согласования взаимных интересов⁶, в Петербурге считали, что Россия стала игрушкой в тонкой дипломатической игре государственного канцлера графа Венцеля Антона Кауница (1711–1794) и в рамках альянса была вынуждена действовать вопреки собственным интересам. После удаления от дел в 1758 г. дружественно настроенного к Австрии канцлера Алексея Петровича Бестужева (1693–1768) у руля российской внешней политики не осталось никого, кто связывал бы свои надежды с венским двором. Преемник Бестужева – граф Воронцов считался несамостоятельным политиком, не отличался большими талантами и к тому же – симпатизировал Пруссии. Никита Иванович Панин (1718–1783), который с 1763 г. был *de facto* министром иностранных дел Российской империи, мечтал о создании «Северной системы», объединявшей Великобританию, Пруссию, Швецию и Саксонию. Всесильный фаворит Екатерины II Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) испытывал к австрийской дипломатии и ее архитектору, государственному канцлеру В.А. Кауницу, глубочайшее недоверие. Когда в 1778 г. Россия впервые в истории взяла на себя ответственную и почетную роль посредника между Австрией и Пруссией на Тешенском конгрессе⁷, императрица предостерегала своего посла князя Николая Васильевича Репнина (1734–1801): «Нельзя наперед угадать, сколько подействует декларация наша у венского двора: но судя о будущем по мимошедшему, а особливо по высокомерности князя Кауница, надобно опасаться, что не будет она довольно уважена»⁸.

С одной стороны, контакты между двумя, с 1762 г. более не состоявшими в союзнических отношениях государствами оставались по-прежнему поверхностными и не включали ни масштабной и взаимовыгодной торговли⁹, ни культурного обмена. Характерный пример: посланник, а впоследствии посол князь Йозеф Лобковиц дважды, в 1771 и 1776 г., по причине ухудшения здоровья месяцами отсутствовал в Петербурге¹⁰, и тогда его функции исполнял секретарь дипмиссии. С другой стороны, Вена стремилась вновь заручиться благорасположением русского двора, чтобы предотвратить его дальнейшее сближение

с Пруссией или помешать экспансии в Польше и на Балканах. В анонимном меморандуме от 1772 г., сохранившемся среди инструкций Имперской придворной канцелярии, говорилось: «Если только России удастся вытеснить турок со всей территории Европы, к тому же захватить Крым, укрепиться на Черном море, поставить преданных себе господарей в Валахии и Молдавии и таким образом получить контроль над значительным отрезком течения Дуная, ей не составит труда в любой момент доставить серьезные неудобства для Австрийского дома»¹¹.

В историографии посольские реляции традиционно принадлежат к важнейшим источникам для реконструкции дипломатической активности¹². Из них историки узнают не только о ходе переговоров между первыми лицами государства, важнейших событиях во внутренней политике страны или примечательных случаях при дворе, но и об особенностях коммуникации с культурно иным обществом, восприятии другой страны и оценках тамошней политической системы, как и о многом другом¹³. Далее в этой статье предпринята попытка реконструкции: какие сведения о пребывании имперских и австрийских послов в Петербурге и обстоятельствах, в которых они выполняли свои обязанности в означенный период, можно почерпнуть из реляций¹⁴.

В 1760-е – начале 1780-х годов интересы Священной римской империи и Австрийского дома в Санкт-Петербурге представляли граф Миклош (Николаас) Эстерхази (в российской традиции также именуется Эстергази, 1753–1761), граф Флоримунд Мерси д'Аржанто (1761–1763), князь Йозеф Мария Карл Лобковиц (1764–1777), граф Йозеф Клеменс Кауниц (1778–1779) и граф Людвиг Кобенцель (1780–1801)¹⁵. Для Эстерхази и Лобковица миссия при петербургском дворе стала вершиной их дипломатической карьеры. Для талантливых и честолюбивых Мерси, Кауница и Кобенцеля – доверенных лиц и питомцев канцлера Кауница – пребывание в России оказалось ступенью к новым карьерным высотам.

Опытный дипломат Эстерхази (1711–1764)¹⁶ после службы в Дрездене и Мадриде в 1753 г. получил назначение в Санкт-Петербург. Мария Терезия обещала ему, что назначение не продлится более трех лет, после чего граф сможет рассчитывать на почетную должность при дворе. Однако через три года

разразилась Семилетняя война, и дипломату, несмотря на усталость и пошатнувшееся здоровье, пришлось еще пять долгих лет обеспечивать взаимодействие дворов, чьи интересы на театре военных действий выглядели все более противоположными¹⁷. Только в 1761 г. ему на смену прибыл прежде служивший посланником в Турине 34-летний граф Мерси (1727–1794). За два года этому честолюбивому, энергичному и высокообразованному дипломату довелось стать свидетелем последних дней правления Елизаветы Петровны, короткого, но бурного царствования ее дружественно настроенного к Пруссии племянника Петра III и зрелищного вступления на престол его супруги Екатерины Алексеевны под именем Екатерины II. В начале 1764 г., разочарованный и огорченный тем, что не смог спасти австрийско-российский альянс, Мерси отправился послом в Варшаву, а оттуда в 1766 г. – к вершине своей карьеры – службе в Париже¹⁸.

Мерси довелось собственными глазами убедиться, что правила европейской дипломатии не имеют силы в России, где, по его словам, «нет ни прочной государственной системы, ни министерства, которое умело бы в порядке следовать ей»¹⁹. В реляции от 25 апреля 1762 г. дипломат предложил Марии Терезии понизить статус дипломатического представителя до посланника. Он также высказал идею: «Самое же лучшее было бы избрать резидента или уполномоченного министра из военных»²⁰, потому что таковой по крайней мере соответствовал бы склонностям русского государя <...> Хотя пребывание его здесь, вероятно, было бы также без пользы для дела вашего величества, но все же он был бы менее подвержен разнообразным неприятностям и непристойностям, чем посол»²¹. В самом деле, за этим последовало назначение 40-летнего генерал-фельдмаршала князя Лобковица (1725–1802), который в течение пятнадцати лет обеспечивал взаимодействие между двумя дворами. В инструкции недвусмысленно говорилось: «Мы сочли за благо назначить тебя не полномочным послом, но посланником, чтобы сэкономить на расходах, а еще больше из соображения, чтобы российский императорский двор давал своим эмиссарам тот же ранг, и, руководствуясь рассуждением, что некоторое время назад в наших взаимоотношениях с Россией произошли большие изменения»²².

В 1777 г. на смену Лобковицу прибыл один из сыновей государственного канцлера – граф Й.К. Кауниц (1743–1785), постаравшийся оживить двусторонние отношения. Однако два года спустя под обычным предлогом ухудшения состояния здоровья он был отозван из Петербурга и направлен служить при испанском дворе. После кончины Марии Терезии и вступления на австрийский престол Иосифа II другому питомцу канцлера Кауница – графу Кобенцелю (1753–1808)²³ – наконец удалось сначала возобновить с Россией оборонительный военный союз, а затем дополнить его в 1785 г. договором о торговле²⁴.

Донесения перечисленных дипломатов (так же как и их французских, британских, прусских коллег) были частично опубликованы в серии сборников Императорского русского исторического общества (РИО). Что касается австрийских послов и посланников, то им посвящены четыре тома, куда вошли реляции Ф. Мерси д'Аржанто (за 1762–1763 гг. с параллельными переводами на русский язык) и Й.К.М. Лобковица (за 1763–1776 гг. на немецком языке). Эта беспрецедентная по охвату материала публикация, используемая в России, но малоизвестная за ее пределами, имеет, впрочем, свои недостатки. Во-первых, реляции опубликованы в отрыве от логически связанных с ними инструкций, и таким образом читатель видит только одну сторону медали. Во-вторых, российских издателей интересовала в первую очередь история собственной страны. Поэтому, например, первый из «австрийских» томов начинается не с прибытия графа Мерси в Россию в июле 1761 г., но со смерти императрицы Елизаветы в декабре 1761 г. (по новому стилю в январе 1762 г.). В томах, посвященных Й. Лобковицу, также нет первых и последних донесений. В-третьих, издатели позволяли себе опускать некоторые части донесений, если в них речь не шла о важных событиях во внешней политике. Лишь в редких случаях в издании упоминается, какие приложения (копии российских газет или царских указов и пр.) имелись в той или иной реляции.

До сих пор ученым известно крайне мало, как протекала повседневная жизнь²⁵ австрийских послов и посланников в Петербурге или (во время пребывания там двора) Москве. Здесь на помощь могли бы прийти реляции и инструкции: ка-

кие требования они предъявляли к домам, предназначенным для их резиденций, каков был штат слуг, какие продукты питания они, несмотря на высокие таможенные пошлины, ввозили для личных нужд в Россию и пр. Например, из записки, составленной Лобковицем, можно узнать, что тот не посещал католический костел Санкт-Петербурга, но на собственные средства организовал у себя в резиденции небольшую часовню и выписал капеллана, чтобы тот совершал домашние богослужения²⁶. Из реляции секретаря австрийской дипмиссии Э.Й. Зеделлера следует, что в 1777 г. князь Лобковиц так спешил навсегда покинуть Россию, что перепоручил тому самолично выехать в Кронштадт, навстречу новому послу графу Й.К. Кауницу, и посвятить его в круг дел²⁷. Наконец, из постскриптума к реляции Кауница-младшего читатель может образно себе представить, что чувствовал молодой человек, ставший невольным свидетелем сильнейшего за всю историю XVIII в. наводнения в Санкт-Петербурге²⁸.

Поскольку австрийские послы и посланники представляли одновременно Австрийский дом и Священную Римскую империю, оборот входящей и исходящей корреспонденции удваивался. Реляции, часто одинакового, порой дословного содержания направлялись имперскому вице-канцлеру Р. Колоредо и государственному канцлеру В.А. Кауницу. Роль России в германских делах не следует недооценивать. Наследник российского престола Петр Федорович с 1745 г. носил титул владетельного герцога Гольштейна и в этом качестве, как впоследствии его сын цесаревич Павел Петрович, был подданным императора Священной Римской империи и пользовался правом направлять своих представителей в рейхстаг (имперский сейм). В Вене внимательно следили за переговорами России с Данией об обмене части Шлезвиг-Гольштейна (так называемого Готторпского наследства) на графства Ольденбург и Дельменхорст (договоренность достигнута в 1773 г.). В обязанности послов входило не допустить умаления достоинства представляемого им государя путем оказания почестей, которые уместны по отношению к суверенному правителю, но немыслимы в случае вассала.

Все австрийские послы были выходцами из аристократических родов²⁹. Причиной тому был расчет, что часть пред-

ставительских расходов они покрывают из своего кармана. Как писал граф М. Эстерхази отцу перед отъездом в Россию: «Того, что я получу от двора на посольство, даже если императрица одобрит небольшую годовую прибавку, вряд ли хватит, чтобы вести достойный образ жизни, не втягиваясь в долги»³⁰. В самом деле, дипломаты под любыми предлогами старались получить от казны дополнительное финансирование, а двор из всех сил сопротивлялся, указывая им на то, что их содержание и так достаточно высоко. Лобковиц регулярно обосновывал необходимость все новых субсидий трауром по Францу Лотарингскому, затратами, связанными с переездом двора в Москву или общей дороговизной жизни в российской столице. Идя время от времени навстречу таким требованиям и выделяя послу то по 2 то по 6 тыс. гульденов, императрица всякий раз давала волю своему недовольству, напоминая, что он небедный человек и получает достаточное содержание и как посол, и как шеф полка³¹.

Рутинную переписку, по всей видимости, вели секретари (*Legationssekretäre*), на которых возлагалась работа по сбору официальной и конфиденциальной информации о событиях при дворе, текущих переговорах, готовящихся к подписанию соглашений, интригах дипломатов дружественных и недружественных держав. Можно высказать предположение, что язык реляций из Санкт-Петербурга вплоть рубежа XVIII–XIX вв. оставался немецким потому, что служившие при миссии секретари не владели французским. С официальными реляциями контрастируют редкие записки и коротенькие письма на французском языке, которые послы и посланники считали нужным срочно отправить в Вену с какой-либо оказией³².

Именно секретари миссии обеспечивали преемственность между сменявшими друг друга послами. Прожив не один год в России, они говорили по-русски и располагали широкой сетью информаторов. Секретари содержали служебный архив в полном порядке, чтобы каждый новый посол (даже после того как в Вене ознакомился с фондами государственной канцелярии) мог составить полное представление о деятельности своих предшественников. Секретарь Филипп фон Айхенфельд «при восьми российских правительствах сорок лет без малейших нареканий служил <...> верно, усердно и со всем старани-

ем, повидав на своем веку 12 императорско-королевских послов и посланников». О себе он писал так: «Прежде служившие или ныне находящиеся при здешнем дворе иностранные дипломаты не раз выражали мне свое восхищение, как мне удалось так долго продержаться в столь суровом русском климате»³³. После того как он в 1764 г. дождался выхода на пенсию, круг его обязанностей перешел к Эммануэлю Иоганну Зедделеру, отец которого ведал вольными королевскими городами в Богемии. Молодой человек приехал в Россию около 1750 г., своей сообразительностью и работоспособностью быстро заслужил похвалы начальства³⁴, выучил русский язык и женился на дочери русского полковника Крауса. В долгие месяцы официальных отсутствий Лобковица он фактически руководил миссией. С другой стороны, скромный ранг не позволял ему вести доверительные разговоры с Н.И. Паниным и уж тем более присутствовать на придворных праздниках, куда допускались дипломаты не ниже посланника третьего ранга. Если он и добывал эксклюзивные сведения, происходило это в результате общения со своими российскими и иностранными информаторами.

Послам приходилось прибегать к нешуточным мерам предосторожности и не доверять особо секретные донесения, даже зашифрованные, почтовой службе. «Так как мои письма, подобно письмам французского министра, вероятно, подвергаются вскрытию, то я не решаюсь писать более по почте и принужден буду выжидать верного случая», – писал Мерси³⁵. Как правило письма из Вены и в Вену доставлялись специальными курьерами (их имена указывались в начале реляции). Послы союзных держав, Франции или Испании, не отказывали австрийским коллегам в любезности и поручали своим курьерам, следовавшим в Париж и Мадрид, сделать остановку в Вене, чтобы доставить в государственную канцелярию срочные депеши. В случае крайней необходимости послы отправляли в дорогу кого-либо из своей челяди. Так или иначе, дорога из Петербурга в Вену длилась не меньше 15 дней, и проходило до полутора месяцев, пока отправитель (канцлер или посол) получали ответ на свое письмо³⁶.

Частота публичных и приватных бесед с монархом и первыми лицами Российского государства, обмен информации

ей с послами союзных держав служат надежным показателем того, что дипломат сумел интегрироваться в придворную среду. Князь Лобковиц сразу после вручения верительных грамот, «тем же самым вечером был препровожден во дворец», где «императрица оказала высочайшую милость – пригласила сыграть партию в карты»³⁷. Годом позже австрийский дипломат писал о французском посланнике маркизе Боссе: «Здесь императрица уделяет этому министру крайне мало внимания, и на куртагах, где она всякий раз одного или двух иностранных дипломатов приглашает за свой столик сыграть с ней партию в карты, никогда его не зовет»³⁸.

Послам вменялось в обязанность собирать и анализировать информацию о партиях при дворе, колебаниях политического веса тех или иных вельмож и фаворитов, дипломатических инициативах российского правительства в отношении союзных и враждебных государств, событиях внутри страны и их возможном влиянии на внешнюю политику. Права французский историк К. Лебо: «Посол оказывался центральной фигурой в сборе и распространении информации о государствах Европы»³⁹. В то же время, австрийские дипломаты перепоручали функции анализа и интерпретации сведений государственной канцелярии, оставаясь преимущественно ориентированными на сбор фактической информации. Предпочитая действовать в точном соответствии с поступавшими инструкциями, они редко проявляли инициативу и собирали те или иные сведения исключительно по требованию. Время от времени они получали задания: собрать данные о планах и последствиях реформ, разрабатываемых русским правительством, о численности и структуре армии и флота, о взаимоотношениях государства и церкви, о состоянии искусств и наук.

Вопрос об источниках информации остается открытым и потребует дополнительного исследования. Все послы жаловались на особую закрытость русского общества и, как следствие, невозможность получить доступ к достоверной информации. В 1762 г. Мерси утверждал, что поскольку с русскими «нельзя поддерживать такого знакомства, как в других странах, то ваше сиятельство, со свойственной вам проницательностью, милостиво рассудите, что здесь гораздо труднее собрать нужные сведения, чем где бы то ни было, к тому же здесь надо

приступать к делу крайне осторожно, ибо малейшее разведывание возбуждает здесь внимание и подозрения, сюда же следует прибавить, что об устройстве русского государства нет никаких печатных или других сведений, на которых с достоверностью можно было бы остановиться»⁴⁰.

Щедрые субвенции из европейских столиц должны были служить целям повышения разговорчивости осведомленных чиновников или царедворцев. Жадность канцлера Бестужева, который для своей эпохи не был исключением, ни для кого не составляла секрета. Российский историк М. Анисимов парадоксальным образом «оправдывает» его тем, что этот государственный муж принимал деньги только от союзников России⁴¹. Секретарь миссии Ф. Ахенфельд поддерживал доверительные отношения с одним русским чиновником, имя которого в источниках не разглашается. В реляциях он, согласно неписаному обычаю того времени, всегда именуется «хороший друг» (*guter Freund*). Издатель томов дипломатической переписки австрийских послов и посланников Г. Штендман предполагал, что речь шла о генерал-кригскомиссаре А.И. Глебове (1722–1790)⁴², позднее, в 1776 г., лишенного всех должностей за мздоимство. Граф Мерси писал о нем: «Это человек <...> осторожный в суждениях, но корыстолюбивый, между прочим, он не в силах будет устоять против обаяния значительной денежной суммы, чему, говорят, уже есть доказательства»⁴³.

Мерси были неприятны царедворцы, толпившиеся вокруг Петра III: «Новый монарх окружен такими людьми, которые могут сказать многое и которых легко подкупить деньгами»⁴⁴. Не успел дипломат приступить к своим обязанностям при русском дворе, как Кауниц в одной из пропозиций писал, что граф «прибыл в Петербург с пустыми руками, и пока еще не имел возможности, подобно своему предшественнику, завести друзей». Мерси считал, что было бы весьма желанным снискать благорасположение секретаря министерской конференции Дмитрия Волкова, и государственный канцлер просил императрицу направить в Санкт-Петербург курьера с 2 или 3 тыс. дукатов, каковыми посол «распорядился бы по своему усмотрению»⁴⁵. Впоследствии, правда, оказалось, что Волков не выказал большого желания к сближению. Мерси писал: «Хотя с некоторого времени не проходит и дня, чтобы я не искал случая

поговорить с Волковым, но он тщательно избегает меня, так что все мои старания были безуспешны. То же самое делает кабинет-секретарь Олсуфьев, но этот последний, по крайней мере, был настолько внимателен ко мне, что объяснил причины такого образа действий и уверял, что не пропустит первой удобной минуты переговорить со мною»⁴⁶. Практика подкупа российских чиновников иностранными дипломатами постепенно ушла в прошлое при Н.И. Панине. Как писала британский историк И. де Мадариага, в 70-е годы XVIII в. при русском дворе можно было «купить» ту или иную информацию, но влиять на российскую внешнюю политику больше не было никакой возможности⁴⁷.

Весь XVIII в. Россия прилагала усилия, чтобы позиционировать себя в глазах внешнего мира как великая европейская держава. Несмотря на значительные успехи русской дипломатии и внушительные победы русского оружия, австрийским послам и посланникам в Петербурге было трудно считать страну пребывания частью Европейского континента. В 1762 г. граф Мерси задавался риторическим вопросом: «Насколько здешний союз <...> может быть действительно выгоден для вашего величества и в самом ли деле русский двор имеет, при своей отдаленности от центра дел европейских государств, такое влияние на их строй, что настоящая и будущая безопасность и благосостояние эрцгерцогского дома находятся в зависимости от его мероприятий?»⁴⁸ Десятью годами позже, вскоре после первого раздела Польши и накануне подписания мира в Кючук-Кайнарджи (1774), Й. Лобковиц написал: «То величие, которого Россия семимильными шагами достигла в этом столетии, не могут не вызывать простого восхищения»⁴⁹.

Помимо сурового климата и отдаленности от крупнейших европейских столиц австрийских дипломатов особенно раздражала политическая система России и вытекавшая из нее практическая политика. Для них она оставалась страной без четкого государственного порядка, где, как однажды написал Лобковиц, «деспотическое устройство <...> сказывается во всех частях государственного организма»⁵⁰. Дистанцирование от страны, ее политической культуры и модели общественного устройства придает редким, но порой весьма точным наблюдениям австрийских дипломатов еще большую ценность. Лоб-

ковиц определил проблему культурного отставания России в нескольких словах: «Когда такое государство в высшей степени милитаризовано, а дворянство с ранних лет посвящает себя этой службе, которая ведет ко всем другим постам, а между ним и простыми людьми нет никакого среднего сословия, не находится никого, кто посвятил бы себя наукам»⁵¹.

Политический и социальный контекст не в последнюю очередь влиял на характер собираемой информации⁵². Помимо хода борьбы за власть и влияния партий при дворе в Вене хотели знать о строящихся в России фортификационных сооружениях, боевых качествах генералов и адмиралов⁵³. Однако глубокого интереса Россия при венском дворе еще не вызывала. Газета «*Wienerisches Diarium*» («Венский дневник»), перепечатывая некоторые статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей», рассказывала читателям о придворных праздниках и балах, путешествиях российских монархов и наследников престола по стране, пересказывала содержание важных указов, упоминала о назначениях или вручениях наград⁵⁴. Во всех прочих случаях Россия представляла перед читательской аудиторией как удивительная, полная необычного страна с суровым климатом. В апреле 1760 г. было опубликовано сообщение о нехарактерном для весны многодневном снегопаде на Украине, в октябре 1777 г. – о наводнении в Петербурге (свидетелем которого стал посол Й.К. Кауниц)⁵⁵.

Вот пример того, сколь низок был интерес венского двора к России как малоизвестной еще стране. В 1768 г. уроженец провинции Силезия и габсбургский подданный Карл Фридрих Модерах, который 28 лет провел в России, попросил Марию Терезию о принятии его на австрийскую службу, императрица не проявила должного интереса. Этот заслуженный член Российской академии наук имел несчастье поссориться с М.В. Ломоносовым, который избрал его в качестве объекта для борьбы против засилья немцев в академической среде⁵⁶. Обвиненный в ненадлежащем руководстве академической гимназией и исключенный из рядов академии, Модерах решил вернуться на родину, в чем и просил поспособствовать князя Лобковица. Изучив вопрос, дипломат отписал в Вену: «Он обладает обширными познаниями о состоянии дел в империи и говорит на здешнем языке. Некоторое время назад ему уже пред-

лагали должность переводчика в Коллегии иностранных дел, да и в академии, где он служил профессором истории, все переводы с русского на немецкий, прежде чем отправить их в типографию, отдавались ему на проверку»⁵⁷. Тем временем, узнав, что Модерах – протестант, императрица дала знать через государственного канцлера: она не видит возможностей, как он может быть употреблен в дело⁵⁸. Семейство осталось жить в России, сын просителя – Карл Федорович Модерах (1747–1819) получил диплом военного инженера и в 1796 г. был назначен губернатором Перми.

Трудно сказать, когда точно Россия и Австрия пришли к мысли о необходимости возобновить оборонительный союз. Возможно, отзыв Лобковица и приезд в июле 1777 г. в Петербург молодого Кауница служил сигналом российской элите, что в Вене не исключают возможности сближения. Уже в августе новый посол писал, что влиятельные лица при здешнем дворе «едва ли не каждый день» дают ему понять: «Мы снова, как тогда, прежде, хотим быть друзьями и союзниками», на что дипломат, не имея иных полномочий, уклончиво отвечал: «О, да, мы были друзьями, поистине добрыми друзьями»⁵⁹. Не следует забывать, что успешное посредничество России между Австрией и Пруссией на конгрессе в Тешене в 1779 г. отражало новые политические реалии. Благодаря активной внешней политике (участие в разделе Польши, успешные войны с Турцией) Россия стала фактором поддержания равновесия сил на континенте. Как писала И. де Мадариага: «Что касается положения дел внутри России, можно было и далее считать ее варварской и нецивилизованной страной, но во внешней политике не считаться с ней становилось так же опасным, как с любой другой великой державой»⁶⁰.

Решающие шаги к взаимному сближению Вены и Санкт-Петербурга были – в обстановке строжайшей секретности – сделаны в ходе визита императора Иосифа II в Россию в 1780 г. Не далее как в 1776 г. князь Лобковиц прилагал все усилия, чтобы блюсти баланс между открытостью и осторожностью, сотрудничеством и отстраненностью и старался «не употреблять выражений, которые зарождали бы в здешнем дворе подозрение, что мы можем стремиться к сближению, чего, не исключено, граф Панин от меня добивается»⁶¹. В мае 1780 г. посол Л. Ко-

бенцель писал имперскому канцлеру: «В Могилеве, Смоленске и Москве представители всех сословий той нации, с которой мы в прошлом были союзниками и со временем можем стать ими вновь, выказывали нашему всемилостивейшему государю-императору свое благорасположение»⁶². В феврале следующего года Н.И. Панин официально извещал российского посла в Вене Д.Ф. Голицына о том, что в Петербурге начались переговоры с австрийским послом о подписании нового оборонительного трактата⁶³. Альянс не сделал оба двора, обе страны ближе друг к другу, взаимное недоверие было по-прежнему высоко. Однако оборонительный союз открыл путь к переговорам о коммерческом трактате, что отражало взаимные интересы и могло служить основой для дальнейшего сотрудничества.

После Семилетней войны суть стратегической линии В.А. Кауница заключалась в том, чтобы избегать как открытого конфликта, так и слишком тесного сближения: «Наш кредит при большинстве иностранных дворов немедленно понизится, если они узнают, что мы окончательно рассорились с Россией. Напротив, наши акции возрастут, если все будут думать, что у нас с этим двором полнейшее взаимопонимание»⁶⁴, – писал государственный канцлер в одной из инструкций 1763 г. К заслугам австрийских послов и посланников при русском дворе в период охлаждения российско-австрийских отношений можно отнести то, что они своей повседневной, незаметной работой не позволили этим отношениям ухудшиться до точки невозврата и поставляли своему двору достоверные, хотя порой и не отличавшиеся тематическим разнообразием, сведения о стане пребывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией. 1648–1762 / Сост. Ф. Мартенс. СПб., 1874. С. 305.

² Одним из наиболее основательных исследований по истории русско-австрийских отношений периода Семилетней войны остается опирающийся на архивы Вены и Копенгагена труд Е.Н. Щепкина (1860–1920), известный сегодня только узкому кругу специалистов. См.: *Щепкин Е.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. СПб., 1902. О русско-австрийских отношениях

в середине XVIII в. см.: *Нелинович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в. М., 2012. С. 108–141; *Он же.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014. Ср.: *Szabo F.A.J.* Seven Years War in Europe, 1756–1763, Cambridge, 2008.

³ *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011.

⁴ *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016 (Schriften zur politischen Kommunikation. Bd. 22).

⁵ В.Ф. фон Сольмс – Фридриху II, Санкт-Петербург, 9 III 1763. – Цит. по: Дипломатическая переписка прусских посланников при русском дворе, 1763–1766. Ч. 1. / Изд. Г.Ф. Штендманом. СПб., 1877. С. 16. (Сб. РИО. Т. 22).

⁶ *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen, 1700–1785, Wien; Paderborn, 1997; *Scott H.M.* The Emergence of the Eastern Powers: 1756–1775. Cambridge, 2001.

⁷ *Aretin K.O., Freiherr von.* Russia as a Guarantor Power of the Imperial Constitution under Catherine II // *Journal of Modern History.* 1986. Vol. 58. P. 141–160.

⁸ Рескрипт Екатерины II – князю Н.В. Репнину, Санкт-Петербург, 22 X 1770. – Цит. по: Дипломатические акты из архива князя Н.В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 года / Изд. Ф.Ф. Мартенсом. СПб., 1888. С. 4 (Сб. РИО. Т. 65).

⁹ Й. Лобковиц сообщая о переговорах России и Великобритании, что английский двор до тех пор не подпишет политический альянс, пока не будут прояснены условия договора о торговле. См.: Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 23 VII 1765. – Цит. по: Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе. Ч. III. Донесения князя Лобковича [sic!] графу, впоследствии князю Кауниц-Ритбергу / Изд. Г.Ф. Штендманом. СПб., 1901. С. 146 (Сб. РИО. Т. 109). Ср.: *Schmidt K.R.* The Treaty of Commerce between Britain and Russia 1766: A Study in the Development of Count Panin's Northern System // *Scandoslavica.* 1954. Vol. I. P. 115–134.

¹⁰ В прошении Й Лобковиц писал: «Я тем более рассчитываю на высочайшее решение в мою пользу, что в настоящее время немногочисленные здешние дела могут легко вестись секретарем миссии Зедделером, я же после курса лечения и, надеюсь, улучшения моего здоровья, не премину вернуться к своим обязанностям». – Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 28 X 1769. Цит. по: Дипломатическая переписка. Ч. III. С. 413.

¹¹ См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 40. 1772. Fol. 61v.

¹² Ср. некоторые публикации: *Sabbatini R.* L'occhio dell'ambasciatore: L'Europa delle Guerre di Successione nell'autobiografia dell' inviato Lucchese a Vienna, Milano, 2006; *Creutz G.P., Molander M.* La Suède & les Lumières: lettres de France d'un ambassadeur à son roi 1771–1783, Paris, 2006.

¹³ Ср.: *Externbrink S.* Friedrich der Große, Maria Theresia und das Alte Reich, Wien 2006.

¹⁴ Ср.: *Legutke D.* Diplomatie als soziale Institution, Brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandten in Den Haag, 1648–1720. Münster; New York; Berlin, 2010 (Niederlande-Studien. Bd. 50).

¹⁵ Ср.: *Hausmann F.* Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Bd. II. 1716–1763. Zürich, 1950; *Matsch E.* Der Auswärtige Dienst von Österreich(-Ungarn), 1720–1920, Wien, 1986.

¹⁶ *Eszterházy J.* Esterházy család. [Budapest, 1901]. 160. old.

¹⁷ *Хаванова О.В.* Имперский посол граф Миклош Эстерхази – страницы биографии и этапы дипломатической карьеры // Российско-австрийский альманах: социальные и культурные параллели / Отв. ред. И.В. Крючков. Вып. 4. Ставрополь, 2014. С. 3–14.

¹⁸ Об этом периоде см.: *Correspondance secrète entre Marie Ther se et le comte de Mercy-Argenteau avec les lettres de Marie Therèse et de Marie Antoinette*: 3 Bde. / Hrsg. von A. Ritter von Arneth, M.A. Geffroy. Paris, 1874; *Correspondance secrete du Comte de Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II. et le prince de Kaunitz*: 2 Bde / Hrsg. von A. Ritter von Arneth, J. Flammermont. Paris, 1889–1891.

¹⁹ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 18 I 1762. Цит. по: Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе. Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии Терезии и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу с 5 января нового стиля 1762 года по 24 июля нового стиля 1762 года и переписка графа Мерси с русским министерством / Изд. Г.Ф. Штендманом. СПб., 1876. С. 55. (Сб. РИО. Т. 18).

²⁰ Двое из предшественников Эстерхази были военными. Генерал барон Иоганн Франц Претлак (1708–1767) – урожденный лютеранин из Гессена, представлял Священную Римскую империю в Санкт-Петербурге с 1746 по 1748 г. и 1753 по 1753 г., в промежутке эту функцию исполнял генерал Йозеф Карл Антон фон Бернес.

²¹ Ф. Мерси д'Аржанто – Марии Терезии, Санкт-Петербург, 25 V 1762. Цит. по: Дипломатическая переписка. Ч. I. С. 301.

²² ÖStA. HHStA, StA. Russland II. Kt. 207. Instruktionen 1762–1782. Fol. 66r-v.

²³ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel: 2 Bde. / Hrsg. von A. Beer, J. Ritter von Fiedler. Wien, 1901.

²⁴ Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2. Трактаты с Австрией. 1772–1808 / Сост. Ф. Марпенс. СПб., 1875. С. 131–185.

²⁵ Для второй половины XVII – начала XVIII вв. см.: Müller K. Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden 1648–1740. Bonn, 1976.

²⁶ См.: ÖStA. HHStA, Staatskanzlei. Vorträge. Kt. 114. Auszug aus den antwortlichen Berichten und Nachricht von dem gegenwärtigen Zustand und der hier und da nöthigen Verbesserung der Kapellen. St. Petersburg, 12 II 1774. Fol. 146v.

²⁷ Э.Й. Зедделер – В.А. Кауницу, 9 VII 1777. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 53. Fol. 79r.

²⁸ Й.К. Кауниц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 24 IX 1777. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 56. Fol. 139r–141v.

²⁹ К вопросу об аристократическом происхождении европейских дипломатов раннего Нового времени см.: Scott H.M. Diplomatic culture in old regime Europe // Cultures of power and Europe during the long eighteenth-century / Ed. by H.M. Scott, B. Simms. Cambridge, 2007. P. 58–85.

³⁰ М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 15 III 1753. См.: MNL OL. Esterházy család tátai ága. P 197. Familiaria. 20. cs. 67. fasc. N 7.

³¹ См.: ÖStA. HHStA. FHKA. Fasz. 60. Abt. 2. N 2 ex Oct.; N 82 ex Dez. 1773.

³² Эту особенность подметил еще К. Валишевский. См.: Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1902, 1989. С. 315–316.

³³ Ф. Айхенфельд – Р. Колоредо, Санкт-Петербург, 29 III 1763. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 39. Fol. 323r.

³⁴ Записку Й. Лобковица о повышении Зедделеру жалования см.: ÖStA. FHKA. Österreichisches Camerale. Gesandtschaften, Fasz. r. Nr. 58. Abt. 5 (Gesandtschaften in Russland). N 188 ex Julio 1766.

³⁵ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 9 II 1762. Цит. по: Дипломатическая переписка. Ч. I. С. 98.

³⁶ Preußische und österreichische Acten zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges / Hrsg. G.B. Volz, G. Künzel. Leipzig, 1899. CLXXXVI (Publikationen aus den k. Preußischen Staatsarchiven. Bd. 14)

³⁷ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 10 I 1764. См.: ÖStA. HHStA, StA. Russland II. Kt. 37. В сборнике РИО (т. 109) данное донесение приведено не полностью.

³⁸ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 12 VII 1765. Цит. по: Дипломатическая переписка. Ч. III. С. 144.

³⁹ *Lebeau Ch.* Finanzwissenschaft und diplomatische Missionen: Machtstrategien und Ausbildung der Staatswissenschaften in Frankreich und der österreichischen Monarchie (1750–1820) // *Akteure der Außenbeziehungen*. S. 155.

⁴⁰ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 2 II 1762. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. II. С. 90.

⁴¹ *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия. С. 47.

⁴² *Дипломатическая переписка*. Ч. I. С. 489.

⁴³ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 10 I 1762. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. I. С. 29.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ Пропозицию (Vortrag) В.А. Кауница, Вена, 31 XII 1761. см.: *ÖStA. HHStA, Staatskanzlei. Vortrag. Kt. 88. Okt.-Dez. 1761. Fol. 189r.*

⁴⁶ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, февраль 1762. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. I. С. 118–119.

⁴⁷ *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 315.

⁴⁸ Ф. Мерси д'Аржанто – В.А. Кауницу, 25 IV 1762. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. I. С. 292.

⁴⁹ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 10 III 1774. Цит. по: *Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе: годы с 1772 по 1776 (далее – Дипломатическая переписка. Ч. IV) / Издано А.А. Половцевым. СПб., 1906. С. 324 (Сб. РИО. Т. 125).*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, 20 III 1774. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. IV. С. 336.

⁵² *Lebeau Ch.* Finanzwissenschaft. S. 157.

⁵³ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 30 I 1766. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. III. С. 182–187.

⁵⁴ Об освещении придворной жизни в периодической печати раннего Нового времени см.: *Bauer Höfische Gesellschaft und höfische Öffentlichkeit im Alten Reich. Überlegungen zur Mediengeschichte des Fürstenhofs im 17. und 18. Jahrhundert // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. 2003. № 5. S. 29–68.*

⁵⁵ *Wienerisches Diarium*. 1760. 26 VI; 1777. 15 X.

⁵⁶ *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 739.

⁵⁷ Й.К.М. Лобковиц – В.А. Кауницу, 3 VI 1768. Цит. по: *Дипломатическая переписка*. Ч. III. С. 302.

⁵⁸ В.А. Кауниц – Й. Лобковиц, Вена, 26 XI 1768. См.: *ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 169.*

⁵⁹ Й.К. Кауниц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 19 III 1777. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 53. Fol. 118r.

⁶⁰ *Madariaga I, de*. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution, Yale, 1962. P. 458.

⁶¹ Й. Лобковиц – В.А. Кауницу, Санкт-Петербург, 22 III 1776. Цит. по: Дипломатическая переписка. Ч. IV. С. 489.

⁶² Л. Кобенцель – Р. Коллоредо, Санкт-Петербург, 29 VI 1780. См.: ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt 42. Russica de 1780. Fol. 137r.

⁶³ Н.И. Панин – Д.Ф. Голицыну, Санкт-Петербург, 7 II 1781. См.: АВП РФ. Ф. 32. Сношения с Австрией. Д. 644. Л 2 об – 3.

⁶⁴ В.А. Кауниц – Ф. Мерси д'Аржанто, Вена, 25 IV 1763. См.: ÖStA. HHStA, StA. Russland II. Kt. 168. Expedition nach Russland, Jänner – Juli 1763. Fol. 88r.

М.В. Белов

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В СЕРБИИ В 1840-е ГОДЫ

По наблюдению российского историка-балканиста И.С. Достяна, еще в первой трети XIX в. в русской общественной мысли и журнальной публицистике сложилась традиция фаворитизации сербов и черногорцев среди других югославянских народов¹. Эта тенденция сохранила свое значение и в следующие десятилетия, возможно, с некоторым уклоном в пользу черногорцев. Публикация книги очерков Е.П. Ковалевского «Четыре месяца в Черногории» (1841) стала в этом отношении этапным событием, поскольку именно она служила руководством в практике путешествий и копилкой описательных моделей для следовавших за Ковалевским русских паломников². Славянофильскую молодежь (чего не скажешь о первом поколении университетских славистов) особенно привлекала в Черногории романтизированная архаика славянских «истоков».

Впрочем, и Сербское княжество оставалось важным пунктом в поездках по славянским землям. На рубеже 30–40-х годов XIX в. его посетили трое из отправленных вграничную командировку русских славистов.

Раньше других, в конце 1839 г., здесь побывал О.М. Бодянский, однако дошедшие до нас свидетельства этой части его путешествия по-официальному кратки³. Любопытно, что Бодянский пересказал в донесении университетскому Совету историю «открытия» средневековых сербских документов попом Павле Каранотвертковичем, имевшую скандальные последствия⁴. С ним, а также с митрополитом Петром Йовановичем, писателями и чиновниками – С. Милутиновичем, Д. Исайло-

вичем, Д. Зоричем, Й. Хаджичем – он завел знакомство в Белграде⁵. В Земуне русский славист неоднократно встречался с другим подвижником сербского просвещения – Й. Стеичем. А в начале 1840 г. он, по примеру прочих, посетил важнейшие культурные центры Воеводины – Сремски Карловцы и Нови Сад, где его ждали новые интересные знакомства, а также фрушкогорские монастыри.

Весной 1841 г. началось балканское путешествие двух других славистов – И.И. Срезневского и П.И. Прейса. Согласно первоначальному плану, встретившись в Триесте 1 мая, Прейс, Срезневский, а также Н.И. Надеждин и Д.М. Княжевич с В.С. Караджичем в качестве гида должны были отправиться в путешествие по Далмации, Черногории, далее – либо в Боснию, либо в Аграм (официальное немецкое название Загреба) и оттуда – в Сербию, Болгарию и на Афон⁶. Прейс прибыл в Триест 5 мая, через три дня туда доехал Срезневский; Княжевич и Надеждин тем временем находились в Италии и обещали быть 10 мая. Чтобы не терять времени Срезневский предложил Прейсу съездить в Венецию. Однако, когда друзья возвратились в Триест, Надеждин, Княжевич и Караджич уже отбыли в путешествие по Далмации⁷. Таким образом, надежды путешествовать под руководством Караджича не сбылись, и они отправились в путь вдвоем. По причине болезни, Прейс расстался со Срезневским, как раз когда тот отправился в путешествие по Сербии (осенью 1841 г.). Однако, как явствует из отчета Прейса в университетский Совет, позднее он уже самостоятельно ездил в Белград зимой и оставался там до 20 февраля 1842 г., после чего переехал в Нови Сад⁸.

Пребывание Срезневского в Сербском княжестве, равно как и другие его славянские впечатления, получили отражение в путевых письмах, адресованных матери. И, по справедливому замечанию М.Ю. Досталь, «зачастую [эти] письма имели характер дневниковых записей, позволяющих день за днем следовать за молодым ученым в его путешествии»⁹. А стремление автора придать письмам занимательность добавляет им черты литературного произведения. В Белграде Срезневский провел первую неделю октября 1841 г. и еще две недели путешествовал по Сербии, следуя в основном по маршруту, проложенному Надеждиным (Крагуевац, Крушевац, Алексинац, Бания, Пара-

чин, Чуприя, Раваница, Манасия, Пожаревац, Смедерево)¹⁰. При этом, «[сербское] правительство, слыша, что Надеждин стороною несколько жаловался на свое путешествие по Сербии, и не желая, чтоб то же самое повторилось со мною, отрядило одного из чиновников, провожатых мне», – записал Срезневский 5 октября¹¹. Более того, все издержки на это путешествие были покрыты княжеской казной¹².

Основной нерв фиксированных тогда впечатлений – смешение/разграничение¹³ восточных (турецких), европейских и национальных (славянских) черт в облике молодого Сербского княжества. То же самое, кстати, можно сказать и о свидетельствах других русских авторов. Их записи непременно заняты повествованием о восточных ритуалах во время визитов в сербские дома, когда им обязательно предлагались вода, «сладкое», кофе и чубук. В ходе посещения белградского паши Срезневский решил разнообразить репертуар: «Я курил, наконец, мне наскучило, я оставил; паша подумал, что у меня погасла трубка, и предложил другую; это свело разговор на куренье табаку. Я спросил, употребляется ли кальян или, как турки называют, наргилé, и признался, что никогда еще не видел кальяна. Паша велел подать – и подали: графин с водою до половины и с трубкою, всаженной вместо пробки, стал на полу, а мне подали конец огромного трехсаженного кожаного чубука; но с куреньем разом не пошло: воздух из чубука надобно сильно втягивать в себя, так что вода в кальяне от этого бурлит»¹⁴.

Турецкие черты Срезневский подмечал повсюду: «Прекрасная земля – Сербия: плодоносные поля, лесу множество, виноград, рогатый скот, овцы, свиней и чудо жирных, всего вдоволь, а по дороге встретишь одни ме'аны (постоялые дворы), селения же в разброде: домик там, а домик там, два-три видно во всей окрестности; можно подумать, что народу нет, а между тем, в Сербии до миллиона жителей. Эта невидимость жилищ человеческих, без сомнения, следствие турецкого владения. И в ме'анах видно, что землей владели турки: они построены на турецкий манер, без столов, почти без стульев, без ножей и почти без вилок, и совершенно без женщин. От этого нечистота. Дороговизна изумительная»¹⁵. Необходимость сидеть на корточках во время ужина и при составлении путевых записей облачается у Срезневского в юмористические сценки, хотя

и не без раздражения, однако приниженность женщин «приводит в досаду». Путешественник последовательно отвергал проявления местного этикета, когда хозяйка дома, где он остановился, пыталась поцеловать его руку, а ее дочь пришла снять с него сапоги и вымыть ноги, когда же на следующее утро он сам в знак благодарности поцеловал руку хозяйки, «это было так ново для нее, что она покраснела»¹⁶.

Юмор микшировал в этих записях разлад между ожидаемым идеалом и увиденным наяву, что никак не вписывалось в привычные цивилизованные нормы. Их недостаток компенсировала подчеркиваемая витальность местных жителей: «народ, особенно мужчины, чудесный – рослый, плечистый, усахи, юнаки»; подкупало и то, что «свободны одинаково все; по селениям заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступить со степени на степень выше»¹⁷. На родине этого пока не было.

В Белграде Срезневский получил аудиенцию у сербского князя Михаила Обреновича и составил его портрет: «После резигнации отца своего Милоша и смерти старшего брата Милана, он остался владельцем Сербии в 16-ти лет. Довольно высокий, довольно хорошенький, не совсем здоровый молодой человек, мало образован, но очень добр. С ним разговор был о балах, которые он хочет составить зимою, и о театре, который также хочет образовать. Я заметил ему, что лучше бы всего было начать с театра дилетантов»¹⁸. Хотя о конфликте князя с вождями уставобранителей Срезневский, безусловно, хорошо знал, в письмах матери он о нем не упоминает. Среди других лиц, которым славист нанес визит в Белграде, – княгиня Любица («умная старуха, хоть и простая»); семейство Ефрема Обреновича (здесь выделяется его дочь-поэтесса Анка, как и другие две, одетая по-европейски, недавно из Вены, «и по-сербски говорит прекрасно»); митрополит Петр Йованович: «Тут трубок не курили, но без кофе дело не обошлось»¹⁹.

Русский консул в Белграде Г.В. Ващенко, принявший Срезневского «ласково» в своем доме и давший ему первые рекомендации, не получил в этих письмах иной оценки, но их автор отметил: «У Ващенко люди понимают и даже отчасти говорят по-русски; а сам он, жена и тетка хоть и говорят по-сербски, но плохо, и чаще по-русски»²⁰.

Состоявшееся позднее путешествие еще одного представителя первого поколения русских университетских славистов – В.И. Григоровича – также не обошлось без посещения Сербии, но «удерживаемый краткостью времени <...>, [он] ограничился обозрением главного ее города (11–15 сент[ября] 1846 г.)»²¹. В течение этого времени Григорович, как сообщается в том же донесении попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мушину-Пушкину, встречался с «некоторыми из главных правительственных лиц» (имена не названы), белградским митрополитом, а также с перебравшимся в Белград Й. Стеичем, ректором Белградского лицея Константином (Костой) Бранковичем²², профессором Я. Шафариком и др.

Иную категорию побывавших в это время в Сербии русских составили путешествовавшие за свой счет и по собственному почину славянофилы. Первым из них здесь оказался В.А. Панов – отпрыск состоятельного симбирского помещика, выпускник филологического факультета Московского университета²³, свойственник семейства Аксаковых и Д.А. Валюева. Эти родственные связи, а также студенческая дружба с В.А. Елагиным способствовали его вхождению в круг славянофилов. В 1840 г. Панов отправился за границу, сопровождая Н.В. Гоголя, с которым познакомился у Аксаковых, ради чего пожертвовал «всеми своими расчетами», то есть намерением сдать экзамен на магистра²⁴. Путь лежал через Вену, Венецию в Рим, где Панов помогал писателю в переписке его рукописей. После «бегства» из Рима, которое «благословил» Гоголь, в мае 1841 г. Панов отправился в Берлинский университет²⁵. Здесь он сначала слушал лекции по философии (гегельянца Вердера), а затем занимался географией и этнографией Сибири и Дальнего Востока у К. Риттера, а также историей у Л. фон Ранке и естественными науками у Й.П. Мюллера, что, по наблюдению Т. Ивантышшиновой, свидетельствует о склонности к конкретному, не спекулятивному знанию²⁶. Весной следующего 1842 г. с инициации в Праге, где Панов познакомился с вождями чешского возрождения (В. Ганкой, П.Й. Шафариком и Ф. Палацким), начинались его славянские путешествия²⁷. Особое место в них занимала поездка на Балканы, предпринятая по совету Шафарика, а затем вдохновленная общением с В. С. Караджичем в Вене. Традиционный маршрут поездки по далматинским

городам и местечкам с заездом в Черногорию, ставший шаблоном славянофильского туризма, дополнился у Панова более рискованным посещением турецкой территории (Герцеговины). Кроме того, в поездке по Дунаю в феврале – марте 1843 г. он на 5 дней заезжал в Белград.

Путешествия Панова хорошо документированы его письмами к матери (они опубликованы Т. Ивантышиновой и М.Ю. Досталь), К.С. Аксакову и М.П. Погодину²⁸. Жанр писем выходит за рамки частной переписки, и, как справедливо заметили публикаторы, даже послания к матери «утрачивают форму интимного самовыражения, и [в них] начинает преобладать конкретная информация, предназначенная для более широкого круга читателей»²⁹. Очевидно, эти письма следует рассматривать как подготовительный материал к публикации записок путешественника по славянским землям. Этот замысел был реализован лишь отчасти³⁰.

Как и Срезневский, перебравшийся на ту сторону Савы и Дуная Панов наблюдал в Белграде турецкое «смешение». И, следовательно, пребывал в смущении. Здесь открылось его подспудное «западничество», когда он с восторгом приветствовал редкие европейские новшества и с ужасом встречал «всякий наружный признак варварской турщины». «Я простого сербина не могу распознать от турчина! Я иду по улице и не знаю, кого я встречаю, отвратительного турчина или брата моего, сербина!»³¹.

Между тем, политическая погода в Белграде поменялась. Панов оказался здесь по прошествии нескольких месяцев после падения Обреновичей и возведения на княжеский трон Александра Карагеоргиевича, осуществленных уставобранителями при поддержке турок. Ранее в Нови Саде (а затем в Земуне) русский путешественник общался с окружением бежавших Обреновичей, в том числе с упоминаемым Срезневским бывшим попечителем просвещения С. Радичевичем³². В Белграде Панов встретился с их заклятыми противниками.

Хотя, по его собственному признанию, больше всего в эти дни он разговаривал с Ващенко, «который, бедный, там теперь, как в тюрьме: он, разумеется, не имеет никакого сообщения с тамошним самозванным правительством и поэтому никого почти не видит, кроме своего семейства», Панов успел погово-

рить и с новым князем, и с теми самыми «самозванцами»: Т. Вучичем-Перишичем, А. Петрониевичем, с кем-то из братьев Симичей (вероятно, Стояном) и другими представителями этого правительства. «Многие их последние жестокие действия (о которых я никогда прежде не слыхал), предполагая, что они мне уже известны, сами они мне их вновь рассказывали, чтобы представить их в лучшем виде. Напр[имер], о яме, в которую сажали под арест <...> Изю всех их слов я мог только извлечь одно: что они были прежде обижены и силою хотели возвратить свои права. Ужасно! Если б не надежда, что это скоро пройдет, что они получают заслуженное наказание и что после этого все обратится к лучшему; если б не эта надежда, говорю я, можно почитать Сербию теперь пропащею»³³. Совершенно очевидно, что последнее замечание продиктовано, скорее, общением с Ващенко³⁴.

Однако в синхронном письме К.С. Аксакову акценты представлены уже иначе: «Что я Вам скажу о Сербии? Я об ней не могу говорить равнодушно. Я так сильно желаю восстания этого народа, а между тем, что вижу, над этим можно только плакать и плакать! Я ни за изгнанных, ни за господствующих: оставьте этих — развитие остановлено, и народ прозябает; возвр[а]тите [пре]жних, опять может произойти все то же. Да и все они одни, всех бы и на одну осину. — Народ в этом отношении глуп и ничего не знает. Энтузиазм к своему избавителю совсем другое, нежели любовь к своему законному монарху, которая в народе укореняется веками и которую он переносит на лицо, хотя и ничтожное. Здесь все, что в это время могло еще развиться, — это разве только колеблющаяся любовь к князю, но к какому князю, из какого рода? Этому народ сам не знает: ему все равно, какого не поставите, все будет со вчерашнего дня, и потому так легко всякому его подкупать и заставлять орать[:] “Мы не хотим этого, мы не хотим другого”. И этим пользуются некоторые властолюбцы, злоупотребляющие своим влиянием или блистательными дарованиями, данными им природою. Сербия еще далеко не представляет целого органического тела, которое бы могло само себя поддерживать — и это причина всему злу. Боже! придет ли время, когда она будет управляться одною, сильною рукою, и эта сильная рука воздвигнет весь народ православный, и с развитием освобож-

денного в нем духа, соединенный в одно, процветет опять этот богатый [не] меньше степей африканских известный полуостров! Боже дай... Боже дай!»³⁵

Возможно, эти новые и более глубокие мысли – о слабости монархической легитимности в Сербии и отсутствии национального единства, об отрыве старейшин двух лагерей от простого народа и его политической наивности – стали следствием повторного общения Панова с приверженцами Михаила Обреновича в Земуне. Нетрудно заметить и то, что Сербия в этом суждении рассматривалась, тем не менее, как освободительное ядро для всего Балканского полуострова.

Через два года Сербское княжество посетили еще два близких славянофилам путешественника. Первым из них – в мае 1845 г. Н.А. Ригельман; его сопровождал В.С. Караджич. Впрочем, от этой поездки сохранилась лишь краткая мемория, составленная через десять лет – в 1855 г.: «Не могу не вспомнить здесь с благодарностью о любезной предупредительности тогдашнего нашего консула Данилевского³⁶. Он возил меня к княгине сербской³⁷ (князя не было в это время в городе). Тогда она была молодая, очень красивая женщина, принимала нас в сербской кофточке, в сербском головном уборе, и говорила довольно хорошо по-русски. Был я с Данилевским и у турецкого паши, где видел полинялое величие турецкое, курил трубку и пил кофе по-турецки, как везде в Белграде. Помню несколько Петровнича, заведовавшего иностранными делами, и Вучича, предводителя народа, как его называли³⁸. Оба преумные люди»³⁹.

Следом за Ригельманом, пользуясь его напутствиями, в Сербию отправился Ф.В. Чижев. Это была третья (с 1843 г.) поездка бывшего профессора математики⁴⁰ в славянские земли, начавшаяся, как и две предыдущие, с Истрии; в Белград он прибыл 1(13) июля 1845 г. Уже проникнутый славянофильством, Чижев задумал тогда написать книгу «Наши южные братья – славяне»⁴¹. В то же самое время созрел план печатного органа общеславянского масштаба. Это позволило бы «русской партии» встать во главе международного движения, обеспечив общую площадку для обсуждения вопросов «славянской взаимности». В чем-то замысел журнала повторял опыт «Библиографических листов» П.И. Кеппена, но на новом этапе раз-

вития национальных движений, в кругу единомышленников-славянофилов он приобретал более амбициозный характер⁴².

К третьей поездке Чижев хорошо подготовился. Помимо Ригельмана⁴³, он обратился за рекомендациями по составлению плана путешествия к В. А. Елагину. Тот написал для него «краткое *pro memoria*»⁴⁴. В свою очередь, с подачи Елагина В.А. Панов взялся дать рекомендации о Сербии и Славонии⁴⁵. Между тем, дневник Чижева за этот год изобилует душевными терзаниями. Как и в случае Панова, они были вызваны столкновением славянофильской религиозной утопии с балканскими реалиями, с одной стороны, и багажом европейского образования, с другой. Мысль Чижева постоянно колеблется между благами и порчей, которые несет с собой цивилизация. При этом указанный конфликт уже не вмещался, как у Срезневского, в юмористическую форму.

В Белграде Чижев много общался с вождями уставообразителей и членами правительства, имел аудиенцию у князя и, что примечательно, подробно запротоколировал свои белградские беседы в дневнике⁴⁶. Любопытно и путешествие по сербской провинции, предпринятое Чижевым в соответствии с маршрутом его предшественников. Глухие замечания указывают на то, что автор дневника был обескуражен и качеством дорог, и отсутствием гостиниц, обрекавшим путешественника на бессонные ночи. Несколько раз он порывался повернуть назад. Впечатления были двойственны, но Чижев старался настроить себя на позитивный лад: «Как едят в кофейнях (маленькие столики), как пьют прямо из графинов; чаши или стаканы только для ракии и вина, вода не достаивается такой почести. Ракия вкусна и не крепка. Опрятность. Прекрасная сторона всего этого»⁴⁷. Однако в другом месте признавался: «Что такое кофейня сербская или турецкая? Молока нет, вареные яйца; не могут понять, что такое всмятку»⁴⁸. Предпочтительнее было вовсе отказаться от завтрака: «Когда я услышал имя кофейни, я испугался и во что бы то ни стало хотел ехать [дальше]»⁴⁹. Оставалось, как и его предшественникам, уповать на прогресс, который, тем не менее, сохранит простоту и неиспорченность нравов. Однако в этом случае славянская идентичность автора оказывалась разорванной, а братские чувства – в смятении. Лишь частичным выходом из противоречия

были упования на величие России, которая после отмены крепостничества и дебюрократизации государства могла бы стать во главе славянского мира и направить его в нужном направлении.

Наконец, в 1846 г. во время четвертого заграничного путешествия в Сербии побывал историк, журналист и общественный деятель М.П. Погодин. По-видимому, эта поездка, в отличие от предшествующих, не была связана с какими-то тайными поручениями правительства⁵⁰. Биограф Погодина приводит запись в дневнике от 13 мая 1846 г.: «Не отправиться ли мне путешествовать?» Он выехал из Петербурга в конце июня, проследовав сначала в Берлин и Дрезден, затем в Прагу, лечился минеральными водами и грязями в Мариенбаде и Теплице и в августе был в Вене, откуда, пользуясь советами Караджича, предпринял путешествие по Дунаю⁵¹. Среди бумаг Погодина, с которыми работал Н.П. Барсуков, отложился ряд фрагментов путевой прозы, относящихся к этой поездке. Один из них, сохранившийся в трех вариантах (а, б, в), имеет в одном из них авторский заголовок «Неделя на Дунае в Карловце и Панчеве»⁵². Биограф использовал его, описывая пребывание Погодина в Пресбурге, когда тот тщетно надеялся увидеть Л. Штура, а также встречу с карловацким митрополитом Иосифом Раячицем, поездку в сремскую резиденцию иерарха и по фрушкогорским монастырям⁵³.

Фрагменты, относящиеся к поездке Погодина в Белград⁵⁴, где тот побывал в октябре 1846 г., Барсуков не использовал, вероятно, по политическим мотивам: у власти в Сербии вновь находились Обреновичи. Он ограничился констатацией, заимствованной из предисловия к публикации Н.А. Попова: «Затем Погодин посетил княжества Сербского столицу Белград, где в то время князем был Александр Карагеоргиевич и всеми делами управляла партия, враждебная Обреновичам; Фома Вучич-Перишич, Авраамий Петрониевич, Стоян Симич, Илья Гарашанин – вот эти люди, от которых Погодин должен был получить ближайшие сведения о Сербии; но он уже знал Вука Караджича, также сообщавшего ему известия о сербских делах, но с иной точки зрения, “и поэтому, – замечает Н.А. Попов, – мог критически отнестись к показаниям белградских правителей”»⁵⁵.

Судя по архивным материалам, на самом деле, Погодин вовсе не был предвзят в отношении уставобранителей. Более того, составленный им портрет Вучича проникнут симпатией и выполнен в стандартной манере сниженной героизации; сам Вучич успешно эксплуатировал этот образ народного вожака: «После обеда мы ездили прогуливаться в Топчидер, прекрасная загородная дача в начале живописной долины на берегу ручья, осененной густыми деревьями, у подножия гор, которые поднимаются с обеих сторон.

Вучич был уже там. Он сидел у забора, за каким-то надворным строением. Перед ним воткнута была рогатая палка, на которую между двумя ее рогами он клал ружье и метил в цель, шагов все двести на ближнем пригорке. “А сколько перебили вы турок”, – спросил я его. “Не считал”, – отвечал он, улыбаясь. Я расположился подле него и далее наблюдал этого человека [в] деле, как он спокойно присматривался к своей цели, палил, или восставал за топором и вколачивал глубже палку, и ведя между тем разговор о Черном Георге, о турках, о сербах <...> Вблизи училось сербское войско – до меня доносились русские клики!»⁵⁶.

Можно заключить, что благодаря описанным визитам в середине 1840-х годов круг славянофилов и «Москвитянина» был непредвзято осведомлен о ситуации в уставобранительской Сербии. Оценки тогдашних русских путешественников предвосхитили умозаключения более поздних визитеров. Впрочем, в рассматриваемый период политическая информация о Сербском княжестве в России в основном имела «закрытый» характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достян И.С.* Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 63–74; *Она же.* Русская публицистика и литература о южнославянских народах первой трети XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации / Отв. ред. И.И. Костюшко. М., 1988. С. 43–56. В то время, указывает Достян, фаворитизация сербов уравнивалась не

меньшим интересом к грекам в русле охватившего всю Европу эллинофильства (с некоторой русской спецификой).

² Белов М.В. Петр II Негош и черногорцы в русской путевой прозе 1830–1840-х гг. // Петр II Петрович Негош — митрополит, реформатор, поэт. К 200-летию со дня рождения / Отв. ред. А.И. Созина. М., 2013. С. 165–176. О черногорской теме в русской печати этого времени см.: Анишаков Ю.П. Русские журналы как источник изучения исторического прошлого южнославянских народов и русско-югославянских связей (30-е – середина 50-х гг. XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб, 2005. С. 130–149.

³ См. его донесение в Совет Московского университета от 7 марта 1840 г.: Попов Н.А. Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 гг. // РС. 1879. Т. 26. № 11. С. 465–471. Другая публикация фрагментов этого донесения по архивному подлиннику: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сб. документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. / Ред. М. Йованович и др. Белград; М., 2011. С. 176–179. Хотя Бодянский должен был регулярно доносить о своих занятиях Министерству народного просвещения и попечителю Московского учебного округа, по-видимому, его отчеты за предыдущие годы не дошли до указанных инстанций: Там же. Прим. 105. С. 532. К сожалению, не сохранился и дневник Бодянского за этот период: Медовичева Т.А. Осип Максимович Бодянский и его дневник // Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857 / [Предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент Т.А. Медовичевой]. М., 2006. С. 5–64. В опубликованных Н.А. Поповым письмах Бодянского к М.П. Погодину также нет рассказов о посещении Сербского княжества: Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861) / [Сост. и пред. Н.А. Попов]. Вып. I. М., 1879.

⁴ См. подробнее: Белов М.В. Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX века // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.): Сб. статей. СПб, 2009. С. 33–35.

⁵ В дневнике Ф.В. Чижова (запись от 3 (15) VII 1845) зафиксирована жалоба Л. Арсениевича-Баталаки, в то время одного из членов Государственного совета: «Он пенял на Бодянского за то, что тот был здесь 5 месяцев (курсив мой. – М.Б.), жил со всеми дружно, проводил вместе дни и целые зимние ночи; он уехал – и хоть бы слово». Дневник путешествия Ф.В. Чижова по славянским землям в 1845 г. (18 мая – 12 августа) / [Публ. И.В. Козьменко] // Славянский архив. М., 1958. С. 213.

⁶ Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.И. Шафарiku, Куршату и друг. (1836–1846) // Живая старина. Вып. 3. СПб, 1891. С. 26–28. П.И. Прейс – М.С. Куторге, 29 III 1841.

⁷ Там же. С. 30–31. П.И. Прейс – М.С. Куторге, 19 V 1841. О поездке Надеждина см.: *Францев В.А.* Югославянское путешествие Н.И. Надеждина в 1840–1841 гг. // *Sbornik filologický*. X. 1934–1935. Praha, 1935. S. 111–135. *Добрашиновић Г.* Вук и Николај Иванович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 78–99. Дневники Надеждина, относящиеся к этой поездке, числились в описи отдела рукописей БАН, были переданы в ИРЛИ (Пушкинский дом), но там не обнаружены. См.: *Зыкин В.И.* Вук Караджич и русская наука. Дис. <...> к.и.н. Л., 1950. С. 108; *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 51. Добрашинович, однако, высказал предположение, что речь может идти о записной книжке Надеждина, хранящейся в ИРЛИ, в которой перечислены по датам места пребывания путешественников: *Добрашиновић Г.* Вук и Николај Иванович Надеждин. С. 84. Прим. 30. РО ИРЛИ. Ф. 199. Оп. 2. № 70. Действительно, в некоторых случаях в записной книжке по дням перечисляются населенные пункты, но иногда здесь же помещены выписки из книг («Стематографии», л. 22); подробные перечни начинаются с 1 (13) V (Л. 15). Запись о Црничкој нахии помещена между 18(30) и 19(31) мая (Л. 23); 23 мая (4 июня) помечен Цават (Л. 24 об.). В июне – Фрушка гора, 12 (24) VII – Нови Сад. Кроме того, результаты путешествия отражены в двух отчетах, очищенных от личного отношения к увиденному: *Надеждин Н.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал министерства народного просвещения. 1842. Ч. 34. № 6. С. 87–106. *Надеждин Н.И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 518–548. В Сербском княжестве Надеждин находился, по-видимому, в первой половине июля 1841 г. Помимо Белграда, он посетил Крагуевац, Чачак, Студеницу, Кралево, Крушевац, Раваницу, Манасию, Пожаревац и Смедерево.

⁸ ПФА РАН. Ф. 106. Оп. 1. № 287. Л. 59–60. Донесение от 24 апреля 1842 г. Обзор этого фонда: см. *Кузнецкая О.Б.* П.И. Прейс. Обзор материалов, хранящихся в Академии Наук // Деятели русской науки. Вып. II. СПб., 1993. С. 13–15. Ученые отчеты Прейса опубликованы: ЖМНП. 1840. Ч. 26. Отд. IV. С. 17–30; Ч. 28. Отд. IV. С. 1–24; 1841. Ч. 29. Отд. IV. С. 31–52; 1842. Ч. 33. Отд. IV. С. 43–62. В письмах Куторге эта поездка не отражена.

⁹ *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 46–47. Кроме того, в ходе поездки Срезневский направлял путевые письма, уже тяготеющие к научной публицистике, В. Ганке, который публиковал их на страницах «Журнала Чеш-

ского музея»: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В.А. Францев. Варшава, 1905. С. 945–1108.

¹⁰ Маршрут путешествия см.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб, 1895. С. 357–362.

¹¹ Там же. С. 252.

¹² «Мы дорожим, и должны дорожить такими путешественниками, как вы», – сказал князь во время визита Срезневского по его возвращении. Там же. С. 260.

¹³ «Я “смешался” (*ich bin gemischt*), я в Сербии, я в Белграде <...> Приставши, солдаты вынесли мой багаж (т. е. сумку, шляпную коробку и зонтик...), положили на песок; чиновники простились со мною и оставили меня одного. Они не смели “мешаться”, то есть прикасаться ни к чему белградскому», – так Срезневский описывает свое прибытие в письме от 1 октября. Там же. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Там же. С. 254–257. Не по нраву Срезневскому и женская распущенность, которую он наблюдал на австрийском берегу. Там же. С. 247.

¹⁷ Там же. С. 254.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Белградским гидом Срезневского выступил воспитатель детей Е. Обреновича, издатель «Банатского альманаха» и «Урании» Димитрий Тириоль. А по возвращении в Белград из поездки по Сербии Срезневский посетил еще министров внутренних дел (Цветко Райович) и просвещения (Стефан Радичевич), но не сообщил никаких подробностей этих визитов. Там же. С. 260.

²⁰ Там же. С. 251.

²¹ Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 245. О ходе путешествия в целом: см. *Перовский Н.М.* Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // ЖМНП. 1915. № 10. С. 203–261; № 11. С. 62–131; № 12. С. 205–236.

²² В опубликованном Н.М. Перовским тексте донесения рядом с этой фамилией проставлен ошибочный инициал А.

²³ Панов поступил в университет в 1835 г. и окончил его в качестве кандидата. См.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 523 (авторы статьи — Н.П. Розин, при участии М.В. Новиковой).

²⁴ Там же. С. 524. См. также: *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 36 и др. Письма Панова к К.С. Аксакову с информацией об этой поездке опубликованы с купюрами: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 590–594, 596–598,

602–604. См. также: *Мани Ю.В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004 (по указат.).

²⁵ См.: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 1–2об. В.А. Панов – К.С. Аксакову, 25 мая (6 июня) 1841 г. Как установил Г. Цигенгайт, Панов числился слушателем Берлинского университета с 26 мая 1841 г. по 9 августа 1842 г.: *Мани Ю.В.* Гоголь. С. 602. *Ziegegeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // *Zeitschrift für Slavistik*. 1990. N 2. S. 177.

²⁶ В Берлинском университете, как сообщал Панов первоначально в письме К. С. Аксакову, он надеялся послужить «общему интересу», под которым следует, скорее всего, понимать ознакомление с новой версией философии Шеллинга. См.: *Ивантышынова Т.* Василий Панов и его «Письма» из центральной и юго-восточной Европы // Встреча с Европой. Письма В.А. Панова матери М.А. Пановой из центральной и юго-восточной Европы (1841–1843 гг.) / Сост. Т. Ивантышынова и М.Ю. Досталь. Братислава, 1996. С. 15–16. Ср. однако: Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. С. 524. Авторы биографической статьи утверждают, что Панов *слушал* в Берлине лекции Шеллинга. В действительности здесь, как явствует из его писем, Панов столкнулся с эпигонами Гегеля (Вердер казался ему сомнителен, поскольку «он что-то очень уважает Бакунина»). См.: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 3–4об. В.А. Панов – К.С. Аксакову, 24–28 VI (6–10 VII) 1841.

²⁷ См. хронометрированный маршрут этих поездок: Встреча с Европой. С. 117–118. Первые попытки Панова заставить Шафарика в Праге на пути из Рима в Берлин, а затем и в самом Берлине, закончились фиаско. См. письмо К. С. Аксакову от 25 V (6 VI) 1841.

²⁸ *Досталь М.Ю., Ивантышынова Т.* Славянские проблемы в переписке славянофилов: Письма В. А. Панова К. С. Аксакову в 40-е годы XIX в. // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 4. Брянск, 2002. С. 390–400.

²⁹ Симптоматично, что Панов просил мать сделать «выписки из писем и послать их Погодину» // *Ивантышынова Т.* Василий Панов и его «Письма». С. 13.

³⁰ В «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единовверных и единоплеменных» (вышел в свет только в декабре 1845 г., уже после смерти его редактора Валуева) помещен анонс второго тома этого издания с указанием на статью «Далмация и Герцеговина. Отрывок из путешествия по землям южных и западных славян» (без имени автора). Однако второй том сборника не был опубликован. Этот отрывок вышел отдельной брошюрой: *Панов В.А.* Путешествие по землям западных и южных славян. Вып. 1. Которский округ в Далмации. М., 1844. Об издательской деятельности Валуева см.: *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 42–62.

О планах Панова издать свое «путешествие»: Письма к Вячеславу Ганке. С. 843–845. В.А. Панов – В. Ганке, 11 VI 1844. Планы Панова, изложенные здесь, были частично реализованы в серии исторических страноведческих статей, опубликованных в редактировавшейся Валуевым «Библиотеке для воспитания» (журнал был учрежден в 1843 г. на паях с университетским профессором Н.Г. Редкиным; Валуев заведовал в нем отделом детского чтения). См. библ.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 261 (автор статьи – Л.П. Кондаурова).

³¹ Встреча с Европой. С. 104. 6 (18) III 1843. В письме к К.С. Аксакову того же времени Панов упоминает о личном знакомстве, помимо Радичевича, с Ефремом Обреновичем и Г. Протичем: ОПИ ГИМ. Ф. 178. № 35. Л. 98–99.

³² Там же. Л. 100–101. 14 (26) II 1843.

³³ Встреча с Европой. С. 105. О земляной тюрьме и в целом о репрессивной политике уставобранителей вскоре после свержения Обреновичей. См. *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. 149–151.

³⁴ Его донесения опубликованы: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века: Документы российского МИД. М., 2013. В целом о политических обстоятельствах в Сербии в это время и позиции России. См. *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995; *Он же.* Начертание Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015; *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40 гг. XIX века. М., 2002.

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 178. № 35. Л. 98–99.

³⁶ Г.И. Данилевский сменил Ващенко на посту русского консула в Белграде в 1843 г.

³⁷ Персида Ненадович (1813–1873) – внучка одного из предводителей Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Якова Ненадовича; вышла замуж за будущего князя Александра Карагеоргиевича в Хотине в 1830 г.

³⁸ Имеются в виду упоминавшиеся выше Аврам Петрониевич (1791–1851) и Тома Вучич-Перишич (1787/1789?–1859) — предводители уставобранителей.

³⁹ *Н. Р[игельман]*. Три поездки за границу. М., 1871. С. 225–226.

⁴⁰ См. подробную биографию: *Симонова И.А.* Федор Чижов. М., 2002. О славянских интересах Чижова см. *Козьменко И.В.* Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // *СА.* М., 1958. С. 127–135; *Белов М.В.* Славянофил на допросе: ответы Федора Чижова III отделению // *Родина.* 2013. № 6. С. 59–63.

⁴¹ Содержание книги виделось автору следующим: «Все о Сербии, Боснии, Герцеговине и Булгарии; прибавлю: 1) кто враги славян и какие их средства; 2) Россия хладнокровна к славянскому движению или нет; тут разовью, что это положение – краеугольный камень и что на нем все его надежды; 3) что ждет славян впереди». Дневник путешествия Ф. В. Чижова. С. 254–255. 8 VIII 1845 (вечер). Еще раньше речь шла о «путешествии в письмах» // НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 788 (89 – в авторской пагинации). Дневниковая запись от 31 VIII 1844.

⁴² Первоначально эти планы связывались с переходом «Москвитянина» под редакцию И.В. Киреевского, а затем с покупкой захиревшего к этому времени «Русского вестника» С.Н. Глинки (на деньги Н.М. Языкова); его редактором должен был стать Чижов. См.: *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 88–100. Много позднее Чижов вновь получил предложение о редактировании славянофильского журнала подобного рода (проект «Вестника (сборника) иностранной словесности», 1856 г.); *Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. / Отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1987. С. 70–71. Идея издания журнала, основанного на концепции «взаимности», но более академичного ранее выдвигалась Срезневским. См. *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи. С. 104–105.

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 332. К. 50. № 3. Л. 4–7. На указанные документы (кроме письма Панова) обратила внимание составитель сб.: Встреча с Европой. С. 15. Прим. 10–11. Однако в указаниях на номера единиц хранения здесь допущены ошибки.

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 332. П. 29. № 5.

⁴⁵ О «грамотках» Елагина и Панова упоминает Языков в майских письмах 1845 г.: Н.М. Языков и Ф.В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. / Публ. И. Розанова // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 136–137. В фонде Чижова рекомендации Панова не обнаружены.

⁴⁶ Эти, действительно, уникальные записи сохранили «голоса» А. Петрониевича, Т. Вучича-Перишича, И. Гарашанина, С. Симича, Л. Арсениевича-Баталаки, Й. Хаджича, как их услышал сочувствующий соплеменникам русский. Хотя Чижов, как указывается в дневнике, пытался вовлечь собеседников в собственные убеждения, он в равной степени был озабочен протокольной точностью сказанных ими слов.

⁴⁷ Дневник путешествия Ф.В. Чижова. С. 240. 19 (31) VII.

⁴⁸ Там же. С. 237. 17 (29) VII.

⁴⁹ Там же. С. 241. 18 (30) VII.

⁵⁰ *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола,

1998. С. 113–125; *Она же*. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005. С. 100–103. Автор в свою очередь, помимо собственных архивных изысканий, опирался на публикации: *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // *Славянская идея: история и современность* / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1998. С. 63–77; *Павленко О.* «Славянский фактор» в отношении России и Австрии в 40–60-е гг. XIX века // *Славяно-германские исследования*. Т. 1–2. М., 2000. С. 247–257 и др. работы этого автора. См., однако, поправки и критику: *Шевченко М.М.* Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 г.: С.С. Уваров и К.В. Нессельроде // *Русский сборник. Исследования по истории России*. Т. 1. М., 2004. С. 29–39.

⁵¹ Подробнее см.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. VIII. СПб, 1894. С. 413–445. См. также письмо Караджича Погодину из Вены от 8 (20) VIII 1846, в котором он поясняет особенности движения пароходов по Дунаю: Письма к М.П. Погодину. Вып. III. М, 1880. С. 677.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин / I. К. 43. № 2 а, б, в.

⁵³ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды. Кн. VIII. С. 425–431. В отдельное дело (НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин / I. К. 43. № 6) выделены заметки Погодина о поездке в Панчево (на папке – сделанная архивистами запись: «у Барсукова не вышло»). Папка содержит два фрагмента. Первый начинается со слов: «На другой стороне Дуная простирается» (Л. 1–2; на 2об. – авторская помета: Новый Сад). Второй: «Племянник митр[ополита] пригласил меня ехать с ним в Панчеву, где он служит аудитором в полку» (Л. 3–4об.).

⁵⁴ Там же. К. 42. № 4. Папка включает 5 фрагментов: 1-й с общей характеристикой страны (л. 1–2); 2-й, о первых впечатлениях и встречах в Белграде, более походит на дневниковую запись или письмо приятелю (л. 3–4об.); 3-й: званый обед и характеристика белградского митрополита (л. 5–6); 4-й: выцветшими чернилами, крайне неразборчив (л. 7–8), 5-й: встречи с Вучичем в Топчидере, игра в карты и поездка на Авалу (л. 9–9об.).

⁵⁵ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды. Кн. VIII. С. 431; Письма к М. П. Погодину. Вып. I. С. XV.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин / I. К. 42. № 4. Л. 9.

А.Л. Шемякин

РУССКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ЙОВАНА РИСТИЧА

Curriculum vitae

Среди российских подданных, волею судеб осевших в независимой Сербии, встречаются самые разные типы. Большинство из них – добровольцы сербо-турецкой войны 1876 г. Например, А.П. Хитрово – журналист, преподаватель русского языка в Военной академии и внештатный драгоман¹ в дипмиссиях России в Белграде, Софии и Видине²; С.В. Чурсин – женившийся на сербке и рано умерший обыватель, подрабатывавший публикациями в «Санкт-Петербургских ведомостях»³; Н.А. Нотович – сомнительный тип, шпионивший под видом корреспондента русских газет в пользу сербского правительства⁴; М.В. Юркевич – такой же «мутный» персонаж, который сменил массу занятий и завершил «трудовую деятельность» в балканской агентуре Департамента полиции⁵. В Сербии проживали П.А. Кулаковский – известный славист, возглавлявший кафедру русского языка и литературы в Великой школе⁶; А.И. Андреев – бывший актер МХТ, исполнявший должность главного режиссера королевского Народного театра⁷; И.Г. Мамулов – сотрудник сербского государственного конезаводства, обер-шталмейстер их величеств Александра Обреновича и Петра Карагеоргиевича, многолетний драгоман русской миссии в Белграде и Нише⁸; А.М. Вейсман – центральная фигура в системе российского заграничного сыска и при этом «непотопляемый провокатор и шантажист», как точно и емко окрестил его В.Б. Каширин⁹; князь Андроников – инженер, бежавший в Королевство после Революции 1905 г. и служивший здесь по эксплуатации железных дорог¹⁰.

Среди русских обитателей Белграда не последнее место занимал и Никандр Васильевич Зюсман – орденоносец и герой (как он сам себя представлял) обеих сербо-турецких войн – 1876 и 1877–1878 гг.; затем, в 1878–1881 гг., – близкий к правящим либералам Йована Ристича и сербскому митрополиту Михаилу корреспондент «Современных известий», «Востока» и «Голоса», и к тому же – виртуозный интриган, шпионивший в пользу сербского кабинета, но еще более в свою собственную. На закате жизни Зюсман оставил бывшие аферы и интриги, занявшись переводом исторических штудий Йована Ристича¹¹.

* * *

О нашем герое в историографии (еще советской) сложилось явно преувеличено положительное мнение. О.В. Павлюченко, например, утверждает: «За годы жизни в Сербии Зюсман установил связи со многими общественными деятелями, литераторами и учеными страны, он был как бы посредником между ними и общественностью России»¹². Да и часть современников была к нему расположена, что очевидно хотя бы из дневниковой записи генерал-лейтенанта А.А. Киреева за сентябрь 1884 г.: «Был Зюсман, *заслуженный* доброволец (здесь и далее курсив наш. – А.Ш.), говорил о необходимости вооруженного протеста со стороны Боснии и Герцеговины»¹³.

Думается, пришла пора восстановить историческую справедливость и показать подлинное лицо этого человека – «авантюриста и наемника Ристича», по характеристике П.А. Кулаковского¹⁴. Не забывая, конечно, и о том, что он пока единственный переводчик Ристича – в данном случае не политика, а историка, – произведения которого вовсе не утратили ценности для науки. Причем перевод был им сделан на самом высоком уровне, но, так и не увидев света, он, по всей видимости, превращается в труху где-то на безвестной архивной полке, если вообще давно не сгорел. Впрочем, обо всем по порядку.

«Авантюрист и наемник Ристича»

Происхождение Никандра Зюсмана (Васильевича, Васильева¹⁵) – весьма темно. Редкие источники помогают пролить хоть какой-то свет на его жизнь до отъезда в Сербию в 1876 г.

Из письма Джордже Генчича – впоследствии видного сербского политика – Ап.А. Майкову, к которому мы еще не раз обратимся, следует, что Зюсман (Васильевич) – это «виленский жид Ицко, переkreщенный в своей жизни несколько раз и бывший многих государств подданным. Когда принял православие, поместили его было сначала в какую-то из духовных семинарий (Казанскую. – А.Ш.), потом в Моск.[овскую] Дух.[овную] Академию, из коей был исключен [18]73 года и с того времени шлялся по белу свету»¹⁶. Возвратившись в Россию, он, по данным Кулаковского, поступил в редакцию «Московских ведомостей» М.Н. Каткова корректором, а «когда началась первая война сербо-турецкая, Катков дал ему 100 рублей, и Зюсман поехал в добровольцы. Сражался ли он или нет – неизвестно, но он награжден и Таковским орденом¹⁷, и медалями¹⁸, и стал корреспондентом русских газет, шпионом и агентом у Ристича и митрополита»¹⁹.

* * *

Итак, в 1876 г. наш герой отправился в Сербию и затем неоднократно распинаясь о проявленном им героизме и наградах. Даже послал в «Современные известия» заметку, что именно «он взял главное турецкое знамя на Пирот^{20,21}. Так ли все было на самом деле? Наши сомнения подтверждают мемуары Г.Н. Александровского, поднесенные им И.С. Аксакову: «Славянский комитет принял мои услуги и назначил начальником партии добровольцев <...>. К партии в лице чиновника для особых поручений присоединился некто Зисман, в крещении Васильев». Выехав 11 сентября 1876 г., они сразу же по прибытии в Сербию отправились на фронт – только Зюсман остался в Белграде. Как оказалось, он поступил в общество Красного Креста, в больничары (носильщики)»²². Тогда зачем же врать о «героизме» на поле боя? Генчич утверждал, что Зюсман с начала войны находился в Белграде, из которого никуда не выезжал²³. Но как же тогда «турецкое знамя на Пирот» в руках «добровольца Васильева»?

За что же тогда вручен Таковский крест IV степени? Ведь кормившийся вокруг столичных госпиталей рой «больничар» вряд ли мог претендовать на него, без участия в боях и представлений высших командиров. Как нам думается,

у него нашлись покровители покруче воинских начальников. Еще во время войны Зюсман втерся в доверие к главнокомандующему сербско-добровольческой армией генералу М.Г. Черняеву и митрополиту Михаилу. По словам Кулаковско-го, «митрополит мне раз очень плохо отрекомендовал Васильевича-Зюсмана: он назвал его прямо пройдохой, а теперь, очевидно, связался с ним и боится его, как ловкого человека, всюду пролезающего»²⁴. Сам Михаил в разговоре с Платоном Андреевичем высказывался: «Зюсман страшно нахален, надоел всем нам, но избавиться от него не можем. Он нам часто читает письма от высоких лиц из Петербурга и Москвы»²⁵. Видимо, поэтому и сам владыка «действовал все время двулично»: то уговаривал русского посланника в Сербии А.И. Персиани, чтобы потребовал у Ристича высылки Зюсмана, «который ему надоел нахальством», то вновь «принимал Зюсмана как приятеля и друга»²⁶.

Спрашивается, зачем ему вообще надо было проникать в тайны жизни предстоятеля СПЦ, ректора Белградской духовной семинарии архимандрита Нестора, иных сербских иерархов? Ответ очевиден – дабы держать их «в кулаке» посредством страха, имея в виду грандиозность цели, которую он себе поставил (о ней ниже). И ведь удавалось держать! Прознав про идею создания русской библиотеки, открыть которую в Белграде предложил А.П. Хитрово, Зюсман тут же попытался ее перехватить. В мае 1879 г. Кулаковский получил послание от члена Славянского общества О.Ф. Миллера, в котором тот просил узнать – «правду ли писал в Славянское общество Зюсман, что он выхлопотал для предполагаемой русской библиотеки зал и прочее даром, и что за целость ее ручается архимандрит Нестор»²⁷.

А сейчас дадим слово цитированному выше Дж. Генчичу, кстати, тоже либералу, причем с мощной семейной традицией²⁸: «Вот какие люди срамят и бесчестят имя русского человека. Он (Зюсман. – *А.Ш.*) успел уже поставить разные сплетни и раздоры не только между весьма честным здешним русским обществом и сербами, а даже и²⁹ самих русских между собой, а также и сербов. Благодаря одной весьма высокой здесь личности (М. Бану. – *А.Ш.*), этот шпион живет здесь для одной только пропаганды и безобразий»³⁰.

* * *

Пришло время для рассказа о заветной цели Зюсмана. Для чего следует ввести в наше повествование двух персонажей – известного критика и искусствоведа В.В. Стасова и уже упомянутого М.Г. Черняева.

Наш герой не был простаком, чтобы держать своих сербских «клиентов» в страхе, прямым или косвенным шантажом. Напротив, когда было надо, он бросался помогать им, причем столь громко и откровенно, что у тех невольно возникал комплекс долга перед ним. В октябре 1880 г. митрополит Михаил отмечал 25-летие своего пребывания в архиерейских чинах. В связи с чем русский император пожаловал ему орден Александра Невского, коего не имел тогда даже Милан Обренович. По свидетельству Кулаковского, орден был «выхлопотан» в Петербурге именно Зюсманом³¹.

Такая «забота» требовала ответа, каковой вскоре и последовал. Весной 1880 г. Стасов посетил фрушкогорский монастырь Великая Ремета, в котором хранился известный ему по рассказам А.С. Уварова портрет императора Петра I. История написания портрета нам неведома, известно лишь, что в Великую Ремету он попал в 1821 г., как дар Павла и Натальи Панайотович. Вопрос о портрете был затронут Стасовым в разговоре с митрополитом Михаилом, который дал согласие на его перенесение в Россию. Осенью 1880 г. портрет был доставлен в Петербург и по желанию Александра II куплен для Романовской галереи Зимнего дворца³². Кто же доставил императорскую «парсуну» на берега Невы? Кулаковский недоумевал: «Теперь портрет добыт и послан митрополитом – через кого, Вы думаете? Через того же Зюсмана!!»³³.

В Петербурге «Зюсман, как оказалось, хлопотал, чтобы его назначили вторым секретарем в Белградскую миссию. Секретарь белградский Гирс, сын министра Гирса, рассказывает, что Победоносцев (обер-прокурор) ездил лично к его отцу ходатайствовать за Зюсмана, но получил ответ: «Никогда»»³⁴. Вот она, цель: попытка пролезть уже в дипломатию и, отметим, – непременно в Белград. Очевиден и «лоббист». Мы не знаем, был ли наш герой напрямую знаком с Победоносцевым, но тот факт, что Константин Петрович сам отправился к министру иностранных дел Н.К. Гирсу, говорит о многом. Ходатайствовал

за него в письме обер-прокурору митрополит Михаил. Как все хорошо начиналось: и дело доброе для императорского дома сделано, и мощные рекомендации к Победоносцеву получены. Но в итоге план все-таки сорвался. Николай Карлович Гирс решительно отказался определять проходимца в дипломаты³⁵. Здесь ненадолго прервемся и обратимся к М.Г. Черняеву.

Михаил Григорьевич был в Сербии дважды: в 1876 и 1880–1881 гг.³⁶ Второй его приезд был связан с тем, что на Берлинском конгрессе 1878 г. Сербия обязалась построить железную дорогу Белград – Ниш. Черняев прибыл в Белград в начале 1880 г. как представитель третьей компании Полякова, причем без всяких рекомендаций, надеясь, судя по всему, на свое имя. «Экспансивный и болезненно самолюбивый Черняев ожидал, что его в Сербии встретят с распростертыми объятиями <...> Действительность разбила все иллюзии»³⁷, – подчеркивал В.И. Пичета. Единственным, кто выгодно использовал его приезд, оказался Зюсман, предложивший ему свои услуги. Черняев предложение принял и при отъезде Зюсмана в Петербург «дал ему письма и поручения к Полякову»³⁸.

Из российской же столицы несостоявшийся дипломат «приехал словно убитый»³⁹. Но, по словам Кулаковского, «убиваться ему было не из-за чего: Поляков дал ему за приезд крупную сумму в 400 руб.[лей], Победоносцев – 100 руб.[лей], если только не уменьшает суммы Зюсман»⁴⁰. В Белграде он продолжил прибыльное сотрудничество с Черняевым. 10 декабря 1880 г. Кулаковский отметил в дневнике: «Черняев еще в Белграде. Несчастный человек! Он делает глупости за глупостями»⁴¹. В конце концов, пришедшее на смену либералам Й. Ристича правительство напредняков в январе 1881 г. изгнало интригана из Сербии. Причем Черняев в письме И.С. Аксакову отрицал очевидные факты собственной и Зюсмана *незаконной* деятельности, представляя того невинной жертвой⁴². Но тот и здесь вывернулся, превратив свой вынужденный отъезд на родину в очередное доходное шоу.

В эпоху царя-миротворца

Первые несколько лет по возвращении в Россию о Зюсмানে не было слышно. Но уже в июле 1884 г. поверенный в делах

Сербии в России Сима Маринович сообщал в Белград о его визите в королевскую миссию. Спрашивается – зачем?.. При ответе на данный вопрос мы рассмотрим и версию сербских коллег, для чего сначала обратимся к несколько иному сюжету.

Известно, что политические события в Сербии в 1881–1883 гг. развивались бурно. В 1881 г. австрофильский кабинет напредняков детронизировал выраженного русофила митрополита Михаила, который в 1883 г. был вынужден уехать за границу. В том же году на востоке Сербии вспыхнуло Тимокское восстание, «морально» подготовленное Народной радикальной партией, предводимой Н. Пашичем. Но оно было подавлено, партийное руководство арестовано, а Пашич скрылся за границей. В 1883 г. он объявился в Болгарии, где, *вместе с опальным владыкой*, начал ковать очередной план свержения короля. По его расчетам, для успеха нового восстания в Сербии было необходимо минимум три тысячи ружей. Найти денег, обеспечить закупку и транспортировку оружия в Болгарию вызвался Николай Александрович Нотович. Однако задержавшись по пути в Париж в Белграде, Нотович раскрыл все детали разработанного плана ... лично министру внутренних дел Сербии Стояну Новаковичу. Сербское правительство потребовало от болгарских властей выдворения митрополита из страны и удаления Пашича с другими заговорщиками подальше от болгаро-сербской границы.

Шпионскую деятельность Нотовича сербские исследователи Душко Ковачевич и Момир Самарджич пытаются увязать с посещением Зюсманом сербской миссии, где тот якобы предложил поверенному в делах Мариновичу «тайные данные о подготовке к *«ликвидации существующего легального порядка в Сербии»*»⁴³. И, следовательно, делается вывод: «Нотович и Зюсман являлись теми, кто связывал официальную и неофициальную политику России – с целью не допустить ухудшения ее отношений с Австро-Венгрией»⁴⁴. Российский же министр Н.К. Гирс, следуя логике коллег, убоявшись столь опасной перспективы, и «предпринял через Нотовича и Зюсмана примирительные шаги по отношению к Белграду»⁴⁵.

Такая «связь» кажется нам явно натянутой, а сделанные из нее выводы – абсолютно искусственными. Прежде всего, трудно согласиться с интерпретацией Д. Ковачевичем текста доне-

сения Мариновича в Белград. В нем ничего не говорится о том, что именно о подготовке радикалами заговора посетитель сообщил дипломату. Выделенная цитата в нем действительно имеется, но то – лишь фраза Зюсмана. Касательно реальных фактов Маринович писал, что он показал письмо, где говорится, что «Петр Карагеоргиевич с супругой Зоркой собирается предпринять важное путешествие»⁴⁶. И все! А далее – одни обещания «открыть тайну» доверенному представителю сербского кабинета, с тем, что, если встреча с ним состоится вне Петербурга, то ему – Зюсману – «компенсировались бы путевые расходы»⁴⁷. Не вяжется «поручение» самого Гирса со столь вопиющей мелочностью. Один этот факт доказывает, что визит в сербскую миссию был инициативой самого визитера.

Что же касается Нотовича, то он также не мог претендовать на роль связующего «официальной и неофициальной политики России». По словам генконсула России в столице Турции, «Николай Нотович <...> был за клевету и предосудительное поведение, решением Консульского суда в Константинополе от 4 апреля 1885 г., лишен права возвращаться в Константинополь»⁴⁸. Сохранился и четкий ответ преемника Гирса на посту министра иностранных дел, графа В.Н. Ламздорфа своему товарищу – Н.П. Шишкину: «Возвращая при сем письмо г. Нотовича, смею думать, что нам едва ли возможно и удобно войти с ним в сношение»⁴⁹. Перед нами – еще один профессиональный интриган.

Итак, вполне очевидно – предложенная сербскими коллегами версия не выдерживает критики. Касательно же Зюсмана, отметим лишь, что за его посещением сербской миссии явно скрывалась очередная афера.

* * *

4 января 1885 г. начинаются крайне любопытные для нас события. В тот день митрополит Киевский и Галицкий Платон отправил переехавшему из Болгарии в Киев митрополиту Михаилу письмо с тремя вопросами: «1). Кто такой известный Вам Никандр Васильевич Зюсмен? 2). Был ли он домашним секретарем Вашим в Сербии, пользовался ли Вашим доверием и заслуживает ли оно? 3). Имеет ли он какое-нибудь значение на Балканском полуострове, и можно ли поручить ему

переговоры с тамошними влиятельными лицами относительно славянства и сербских дел? Сделайте одолжение, сообщите мне об этом конфиденциально и без замедления»⁵⁰. 12 января владыка отвечал митрополиту Платону: «Никандра Васильевича в Сербию не впустят теперь, пока существует австрофильское правительство, в Болгарии не знаю, что он может сделать. Мне ни сербы, ни болгары в Софии и в других городах ничего об нем не говорили. Нельзя сказать ни слова о значении его на Балканском полуострове. Важность не в его личности, а в том поручении, которое идет из Петербурга. Хотя он человек, мне преданный, но упомяну о его слабости хвалить себя и воображать себя умнейшим человеком. Он человек неглупый, имеет энергию и переносит все невзгоды. Может он исполнить порученное ему дело – изучить терен⁵¹ и личностей и затем представить это высшему, но чтобы он был главное лицо в переговорах, не смею ручаться»⁵².

13 января сам Зюсман сообщал Ап.А. Майкову: «После многократных оттаптываний порогов мне удалось лишь вчера добиться, наконец, исполнения давно обещанного для митрополита Михаила. Вчера ему выслали 1.250 рублей за 5 минувших месяцев, считая с августа. Затем, как торжественно обещались, ежемесячно будет аккуратно высылаема сумма в 250 руб.»⁵³. Что бы это все могло значить? Во-первых, то, что, благодаря своим высоким заступникам, Зюсман попытался пробиться туда, где определялась славяно-балканская политика России. Желание стать «официальным» дипломатом не давало покоя! Обращает на себя внимание любопытный факт: запрос к митрополиту Михаилу последовал не из дипломатических, а из церковных кругов, что означает – МИД, по всей видимости, не был поставлен в известность относительно идеи сделать Зюсмана переговорщиком «по сербским делам». Хотя ход событий позволяет полагать, что Н.К. Гирс все же вмешался в ситуацию, результат чего был предопределен.

* * *

Поселившись в Киево-Печерской лавре, митрополит Михаил, не мешкая обратился к вождю московских славянофилов И.С. Аксакову, профессорам В.И. Ламанскому, А.Л. Петрову и Ап.А. Майкову, секретарю Санкт-Петербургского славянского

благотворительного общества В.И. Аристову. Во всех его посланиях рефреном звучит мысль: «Несчастную Сербию злодеи (король Милан и напредняки. – *А.Ш.*) ведут к пропасти, от которой нужно ее спасать и возвратить ее православному славянству»⁵⁴. Для большей убедительности владыка отправил Ламанскому и Майкову полученные письма Николы Пашича, в которых тот анализировал ситуацию в Болгарии, Сербии и Боснии и писал о тяжелых условиях жизни «беглецов», прося помощи⁵⁵. Письма эти становились известными в кругу славянофилов, соответственно росла и известность автора.

Его просьбы и увещания не остались без ответа. Славянское общество обратило внимание на сербскую эмиграцию и планы переворота в Сербии. Сыграли в этом свою роль и письма Пашича. 18 июня 1885 г. митрополит писал ему: «Письмо ваше я получил в мае и сразу же передал кому следует для информации. Братья хотят помочь, хотя и не согласны с предложенным вами способом»⁵⁶. Несколько здешних патриотов и друзей шлют к вам этого человека, чтобы вы договорились с ним о главном – что надо сделать, дабы помочь нашей родине»⁵⁷. «Этим человеком», передавшим послание, и оказался Зюсман, которого еще в сентябре 1884 г. владыка рекомендовал Т.И. Филиппову⁵⁸. К этому влиятельному чиновнику, занимавшему пост Государственного контролера, т.е. министра, Михаил обратился и с просьбой помочь обеспечить поездку своего протеже на Балканы. «Никандру Васильевичу Зюсману полезно будет возвратиться в Софию, – писал он в мае 1885 г. – Но нужно ему там иметь вид занятий общих, вроде корреспондента <...> Не найдете ли возможным пособить в сем деле и пристроить при редакции газет: “Нового времени” или “Новости”»⁵⁹. И вот Зюсман уже отправляется в Болгарию под видом корреспондента «Нового времени». Первым делом он передал Пашичу на нужды эмиграции 300 руб., выделенных Славянским обществом.

Тонец из Петербурга прибыл в стан сербских заговорщиков вовремя: всю весну и лето 1885 г. они всерьез готовились к намеченному на начало сентября вторжению в Сербию. В шифрованном письме на имя В.И. Аристова Зюсман писал о своих впечатлениях: «На 300 рублей сделано больше, чем можно было требовать. Пятая часть Сербии объявлена на осадном

положении. Пашич получил сообщение, что надо ожидать скорого наступления народных вспышек. Вам известно, что Пашич осужден на смерть. Тем не менее, он готов с 12 человеками отправиться в Сербию. Для этого в самой крайней мере надо 300 рублей. Пашич настаивает, чтобы и я отправился на границу Сербии. Я готов, но у меня нет ни копейки. Напишите митрополиту, Черняеву и дайте знать другим»⁶⁰.

Аристов сразу же переправил это донесение в Москву – Аксакову, который, кстати, постепенно становился центральной фигурой в деле помощи сербским беженцам и поддержки их предприятия. Москва, куда в августе 1885 г. из Киева перебрался митрополит, в своей активности и желании помочь ему и Пашичу явно обходила Петербург. Сам же Зюсман в двадцатых числах августа выехал из Софии. Начальник Краинского округа Сербии Живко Анджелич доносил премьер-министру Милутину Гарашанину: «Сегодня вверх по Дунаю отбыл на пароходе Никандр Васильевич <...> Говорит, что едет в Будапешт. Везет с собой много разных бумаг. Прошу обратить внимание, чтобы он не сходил на наш берег»⁶¹. Минувя Сербию, посланец московских славянофилов, через Оршаву и Будапешт, направился в Петербург, куда прибыл вечером 29 августа⁶².

* * *

В ответ на воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством Милан Обренович объявил Софии войну, в ходе которой сербская армия потерпела поражение. Даровав Сербии «парламентскую» конституцию, король в 1889 г. отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына Александра. При нем был сформирован Регентский совет во главе с Й. Ристичем. С другой стороны, Н. Пашич, вернувшись на родину в 1888 г., возглавил Народную скупщину, а в феврале 1891 г. сел в кресло председателя Совета министров. Летом того же года они вместе сопровождали короля Александра во время его визита в Петербург. Мог ли Зюсман оказаться вдали от такого события? К этому времени маятник его политических симпатий вернулся в исходное пролиберальное положение. (Как же, Ристич – первый регент!) А поскольку на рубеже 80-90-х годов XIX в. между ним и премьером началась скрытая битва за статус «официальной» опоры России в Сербии⁶³, то наш герой

принялся активно интриговать против недавнего соратника по борьбе Н. Пашича⁶⁴.

Переводчик Ристича

К концу XIX в. Зюсман утомился – давали о себе знать возраст и участившиеся болезни. Иногда он даже не мог поднять руки, диктуя свои письма соседу-гимназисту⁶⁵. Оставалось перейти к сидячей домашней работе, которая вскоре и подвернулась – переводом исторических сочинений Йована Ристича. В его архивном фонде сохранились письма Зюсмана первой половины 1899 г., где он уточнял смысл отдельных фрагментов сербского текста автора и приводил ряд небезынтересных деталей из жизни личной и столичной.

3 января Зюсман оповестил бывшего регента: «В последнее время вышел второй том Ваших исторических мемуаров. Мне предложили перевести их на русский язык для публикации в Петербурге»⁶⁶. Зюсман и здесь не мог не приврать. В письме к Ап.А. Майкову он подчеркнул: «Покойный Ристич просил меня перевести его последний труд»⁶⁷. На самом деле, предложение исходило от редактора газеты «Свет» В.В. Комарова. Ристич охотно прислал Зюсману экземпляр второй половины своей «Дипломатической истории». И работа закипела: «Я работаю всего 10 дней, а успел перевести уже треть всей книги», – сообщал он в Белград 2 февраля⁶⁸. Помимо всего прочего, оказалось, что уже чуть ли не напечатан «предшествующий перевод первой части»⁶⁹. Ристич был заинтригован. «Известно мне только, – писал он Зюсману, – что один серб перевел первую книгу и передал ее генералу Комарову, который обещал ее напечатать. Но что было далее, не знаю». Зюсман обратился к В.В. Комарову и получил ответ: «Первая часть переведена. Находится у меня. Не напечатана, но будет. – Когда? – Когда принесете перевод второй книги»⁷⁰.

В письме от 5 марта читаем: «Перевод готов до конца. Переписываю его начисто для печати». И далее: «В.В. Комаров передал мне в рукописи и первую часть Вашей “Дипл.[оматической] ист.[ории]”, переведенную на русский язык. Перевод написан чистым и четким почерком. Это все, что можно сказать ему в похвалу. Для печати он не годится. Перевод је рђав до зла

бога⁷¹. Он исправлению не поддается. Переводчик, очевидно, не давал себе труда освоиться хорошо со смыслом самого оригинала. Это не перевод смысла, а перевод слов»⁷². Пришлось браться за дело самому. И уже 10 марта – в очередном письме: «Перевод Вашей “Истории” доставляет мне и приятное, и полезное. В.В. Комаров платит мне по 15 рублей с печатного листа (16 страниц). Но что этот труд для меня тоже и приятен, подтверждается тем, что я согласился на такую плату, которая сравнительно слишком скромная, так как у нас за переводы платят по 25–30 рублей и дороже с печатного листа»⁷³.

Однако дело продвигалось с трудом. Поздравляя Ристича и его супругу Софию с Пасхой, Зюсман 17 апреля сообщал и о причинах такого положения: «С переводом первой части идет туго. Я стою всего на 83-й странице, а работаю над переводом уже больше 20-ти дней. Объясняется это тем, что в этой части, по крайней мере до сих пор, вместо описания фактов, встречаются очень часто политические рассуждения, для понимания которых надо долго думать и соображать, и, кроме того, она обилует местами художественной речи, при переводе которой надо следить и за точностью передачи, и за тем, чтобы речь сохраняла свою красоту. Не знаю, насколько мне это удастся; но я по крайней мере стараюсь “да се прилагодим”⁷⁴ обоим требованиям»⁷⁵. Последние слова автора письма делают ему честь как переводчику – он не стремится к скорому решению, но хочет сохранить и «точность передачи», и «красоту речи», что (вместе) в переводах встречается далеко не всегда, и что, повторимся, Зюсману, в целом, удалось. Но откуда мы можем знать это, если перевод так и не был опубликован? В том-то и фокус – вторая часть «Дипломатической истории» Ристича на русском языке начала-таки набираться. В архиве сохранилась верстка ее первых 16-ти страниц⁷⁶. Изучив печатный текст, мы и пришли к такому выводу.

Письмо от 17 апреля стало последним, где Зюсман упоминает о переводе первой части труда Ристича, задавая ему построчные вопросы. (Это не значит, что Зюсман бросил перевод на середине. Он своевременно завершил его. Общий объем обоих томов составил свыше 40 листов.) Оставшиеся три послания посвящены уже новостям из Петербурга. 29 апреля Зюсман извещал адресата: «Несколько передовых русских, со-

чувствующих Сербии, в том числе и Виссарион Виссарионович Комаров, беседовали со мной о целесообразности Вашего приезда в Петербург на Пушкинские празднества, имеющие происходить в последних числах мая <...> На мой скромный взгляд, такой поездкой Вы могли бы учинить для Сербии много добра, Вам же самому она принесет великую честь»⁷⁷. 5 мая следует ответ Ристича с выражением крайнего сожаления – ввиду невозможности принять приглашение из-за терзавшей его уже два года астмы⁷⁸. В последнем письме от 11 мая Зюсман выражает скорбь по поводу неприезда Ристича и предлагает различные варианты его замены в Петербурге. В письме упоминаются имена Панты Сречковича, Перы Тодоровича, Джордже Симича, Йована Белимарковича, но как-то неуверенно, с немалой долей скепсиса. «Скажите, прошу вас, Ваше слово. К кому следует обратиться?» – взывал Зюсман к Ристичу⁷⁹. Но тот уже не отозвался. Жить ему оставалось немногим более ста дней.

Из переписки с Ристичем мы можем почерпнуть и некоторые подробности личной жизни нашего героя. Он был знаком не только с адресатом, но и с госпожой Ристич⁸⁰. Мало того, и жена Зюсмана – Любица – не была ей неведома. «Моя супруга искренне благодарит Вас, что Вы ее не забываете, а на меня она возлагает обязанность каждый раз поздравить⁸¹ Вашу уважаемую супругу и Вас и просить принять от нее привет как от доброй сръбкини»^{82»83}. Обе пары могли познакомиться в годы первого пребывания «добровольца Васильева» в Сербии – в 1878–1881 гг. Давнее знакомство позволяло ему делиться и чисто семейной информацией: «Наш сын – только поручик и то в Сербии. Прежде он был в королевской гвардии, а теперь в Нише. Кавалерист, его имя Велькович. Видно, что ему еще далеко до генерала»⁸⁴. Переводчик и автор общались между собой без лишних формальностей. Зюсман подписывался «старым и доньне искренним почитателем», «глубоко уважающим и искренне преданным»⁸⁵, Ристич же в черновике единственного письма к нему назвал себя «Вашим другом»⁸⁶. Бывало, Зюсман пускался в воспоминания о событиях конца 70-х⁸⁷: «Для меня Сербия стала почти второй родиной. Я целый ряд лет ел сербский хлеб-соль; вложил в сербскую ниву много трудов; мало там радовался, зато много из-за нее настрадался – не по

ее вине, а благодаря только некоторым индивидуумам, которые считали себя безгрешными патриотами»⁸⁸. В этих словах, обращенных к влиятельному Ристичу, нет ни слова правды. На самом деле, перефразируя известное выражение К.С. Станиславского, Зюсман всегда любил не Сербию, но себя в Сербии. Как и почему он «из-за нее настрадался», мы наблюдали на примере столкновения с П.А. Кулаковским.

Как уже упоминалось, перевод был завершен и передан для печати: «Я сговорился с честным человеком Комаровым переводить по 15 рублей за лист, и он обещался немедленно по окончании перевода приступить к напечатанию. Я обе книги перевел»⁸⁹. Вскоре вроде бы и «процесс пошел» – Зюсман успел выправить корректуру первого листа второго тома. И вот тут-то все встало. Предоставим ему слово: «Прошло около 3-х месяцев. Являюсь к Комарову, жалуюсь. – Простите, любезнейший Ник[андр] Васильевич. Было много работы. Никак не мог. Но вот даю Вам честное слово, что завтра приступят к работе. – Спасибо. Давно бы пора. – Я ушел. Прошло опять около 2-х месяцев, а о печатании ни помина. Являюсь опять к Комарову. – Представьте себе, просто черти мешают мне исполнять обещание. Но успокойтесь. Даю Вам святое честное слово, что завтра, и не позже как завтра, начнем печатать. – Верно ли? – Если даю святое честное слово, то можете ли еще сомневаться?! – Я опять ушел, прошел опять месяц. Я явился и дал ему, т.е. Комарову, понять, что я ему наделаю скандал, и требовал перевод обратно. Он дал мне его обратно, а я дал ему расписку, что я не напечатаю моего перевода, не уплатив ему 650 рублей, взятых у него за перевод. Так кончилось дело»⁹⁰.

Но почему Комаров, все время обещавший и вроде бы даже начавший набор «Дипломатической истории», вдруг остановился? Да потому, думается, что 5 сентября 1899 г. ее автор Йован Ристич скончался. Ситуация перестала быть актуальной! Кстати, при жизни Ристича Комаров просил Зюсмана снять фотографию с его письма, где тот упоминал о нем, ибо «оно для меня дорого». К тому же, приглашая бывшего регента на Пушкинские торжества, Виссарион Виссарионович желал, чтобы он «оказал ему честь гостить за время пребывания в его доме»⁹¹. Когда же Ристич умер, Комаров отказался печатать перевод его исторического труда, хотя давно и торжествен-

но обещал это сделать. Зачем? Теперь переводчик сам пытался найти издателя, но, по всей видимости, тщетно, ибо на русском языке «История» так никогда и не вышла. А через год, в феврале 1901 г., Никандр Васильевич Зюсман умер. Хлопотать больше было некому. После смерти мужа Любича Зюсман пожелала вернуться в Сербию, российский МИД выдал ей на транспортные расходы 50 руб.⁹² Архив Н.В. Зюсмана, вместе с переводом исторического труда Ристича, пропал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Драгоман (турцизм) – на Востоке: переводчик и посредник между местными государственными структурами и европейскими дипломатическими представительствами.

² *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987. С. 93–96; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 245–247.

³ ОР РНБ. Ф. 452. Ап.А. Майков. Оп. 1. Д. 254. Л. 90б. Н.В. Зюсман – Ап.А. Майкову, Санкт-Петербург, 10 II 1900; *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 56.

⁴ *Шемякин А.Л.* Никола Пашич в Болгарии (1883–1885) // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 96–117.

⁵ *Rajić S.* The Russian Secret Service and King Aleksander Obrenović of Serbia (1900–1903) // *Balkanica*. Belgrade, 2012. Vol. XLIII. P. 155, 158, 164.

⁶ *Шемякин А.Л.* Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // *Родина*. 2013. № 12. С. 47–52; *Данченко С.И.* Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (к 100-летию со дня кончины русского ученого) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2013. Кн. 1. С. 77–93; *Пипер П.* Платон Кулаковски и почеци српске универзитетске русистике // *Он же*. Лингвистичка славистика. Студије и чланци. Београд, 2014. С. 27–35.

⁷ *Шемякин А.Л.* Об одном забытом юбилее // *Славянский альманах*. 2015. № 1–2. С. 256–257.

⁸ *Шемякин А.Л.* Русский человек на Балканах: сербская эпопея поручика И.Г. Мамулова (1893–1915) // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 57–76.

⁹ *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 207. О Вейсмане см. также: *Вишняков Я.В.* «Уничтожить всю коварную Европу». Авантюристы и террористы на Балканах в начале XX века // *Родина*. 2007. № 1. С. 39–43.

¹⁰ Русские о Сербии и сербах. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. С. 577–578.

¹¹ Речь идет о двухтомной монографии: *Ристич Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875–1878. Београд, 1896, 1898. Т. I–II.

¹² *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия. С. 96–97.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 12. А.А. Киреев. Оп. 1. Д. 10. Л. 49.

¹⁴ Дневник П.А. Кулаковского. 20 VI 1880. (С. 78). Здесь и далее ссылки на источники из кн.: Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014, даются указанием страницы в скобках.

¹⁵ В Сербии Зюсман на сербский манер представлялся Никандром Васильевичем. Митрополит Михаил позднее свидетельствовал: «Его никто у нас иначе не называл, как Никандр Васильевич, и посему все его считали русским, как он и есть по вере и по убеждениям, которые он объявлял там». См.: ЦГИАУ. Ф. 192. Митрополит Киевский и Галицкий Платон. Оп. 1. Д. 96. Л. 55. Митрополит Михаил – митрополиту Киевскому и Галицкому Платону. Киев, 12 I 1885 (далее – Митрополит Михаил – митрополиту Платону. 1885).

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 388. Л. 1 об. Неустановленное лицо [Дж. Генчич] – Ап.А. Майкову. Б/м [Белград], б/д [лето 1878 г.] (далее – Генчич – Майкову. 1878).

¹⁷ Таковский крест – сербский военный орден, учрежденный в 1865 г. князем Михаилом Обреновичем в ознаменование 50-летнего юбилея Второго сербского восстания, начавшегося в селе Таково. Первоначально имел одну степень, с августа 1876 г. – пять.

¹⁸ По словам митрополита Михаила, за время обеих войн с турками Зюсман «получил медаль и орден Такова IV степени». См.: Митрополит Михаил – митрополиту Платону. 1885.

¹⁹ Дневник П.А. Кулаковского. 16 I 1881. (С. 89).

²⁰ Речь идет о том, что при штурме сербскими войсками города Пирот (в ходе сербо-турецкой войны 1877–1878 г.) Зюсман якобы участвовал в нем и даже отбил «главное» турецкое знамя.

²¹ Генчич – Майкову. 1878.

²² ОР РНБ. Ф. 14. И.С. Аксаков. Д. 559. Л. 15 об. – 16, 19 об.

²³ Генчич – Майкову. 1878.

²⁴ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 17 IV 1879. (С. 124).

²⁵ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 8 V 1879. (С. 126).

²⁶ П.А. Кулаковский – Н.А. Попову. Белград, 8 V 1879. (С. 190); П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 31.V.1879. (С. 127–128).

²⁷ Там же. С. 127.

²⁸ Отец Дж. Генчича Андрия Генчич был побратимом лидера либералов Й. Ристича. Впоследствии Генчич называл Ристича «дорогим отчимом».

- ²⁹ Пропущено слово. По смыслу – поссорить, стравить, столкнуть.
- ³⁰ Генчич – Майкову. 1878.
- ³¹ Там же.
- ³² Бадалян Д.А., Котов А.Э. «Бессмысленность конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву». Переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова. 1880–1886 гг. // Славистика. Београд, 2014. Кн. XVIII. С. 580.
- ³³ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 27 XI 1880. (С. 139).
- ³⁴ Дневник П.А. Кулаковского. 16 I 1881. (С. 90).
- ³⁵ См.: П.А. Кулаковский – В.И. Ламанскому. Белград, 29 X 1879 (С. 173).
- ³⁶ Подробнее см.: Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный исторический сборник. М., 2012. С. 187–200.
- ³⁷ Пичета В.И. Предисловие // Письма М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. // Голос минувшего. 1915. № 9 (сентябрь). С. 233, 235.
- ³⁸ Дневник П.А. Кулаковского. 16 I 1881. (С. 90).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. 10 XII 1880. (С. 85).
- ⁴² См.: Письма М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. С. 240.
- ⁴³ Ковачевић Д. Србија и Русија (1878–1889). Од Берлинског конгреса до абдикације краља Милана. Београд, 2003. С. 263; Самарџић М. Од Сан-Стефана до Сливнице. Нови Сад, 2008. С. 214.
- ⁴⁴ Ковачевић Д. Србија и Русија. С. 263.
- ⁴⁵ Там же. С. 264; Самарџић М. Од Сан-Стефана до Сливнице. С. 214.
- ⁴⁶ АС. МИД. ПО. З 1–3. Ф-II, Д-II. Пов. бр. 36. Л. II/165.
- ⁴⁷ Там же. Л. II/166.
- ⁴⁸ Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2304. Л. 1–1 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Личный архив Н.П. Шишкина. Оп. 810. Д. 10. Л. 1.
- ⁵⁰ ЦГИАУ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 96. Л. 53–53 об. Митрополит Киевский и Галицкий Платон – митрополиту Михаилу. С.-Петербург, 4 I 1885.
- ⁵¹ Терен (сербск.) – местность.
- ⁵² Митрополит Михаил – митрополиту Платону. 1885. Л. 55–55 об.
- ⁵³ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 254. Л. 7–7 об. Н.В. Зюсман – Ап.А. Майкову. С.-Петербург, 13 I 1885.
- ⁵⁴ Там же. Ф.14. Д.219. Л.10 об. Митрополит Михаил – И.С. Аксакову. Киев, 19 V 1885.
- ⁵⁵ См.: Митрополит Михаил и Никола Пашић. Эмигрантска преписка (1884–1888) / Приред. А. Шемјакин. Београд, 2004. С. 60–72, 82–88, 103–114.

⁵⁶ В то время как Пашич выступал за народное восстание против режима Милана Обреновича и просил помощи на его подготовку, Зюсман предлагал организацию покушения на монарха. Подробнее см.: Там же. С. 122.

⁵⁷ Там же. С. 171.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1099. Т.И. Филиппов. Оп. 1. Д. 2199. Л. 20. Митрополит Михаил – Т.И. Филиппову. Киев, 12 IX 1884.

⁵⁹ Там же. Л. 30 об. Митрополит Михаил – Т.И. Филиппову. Киев, 2 V 1885.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 55. Л. 2 об. В.И. Аристов – И.С. Аксакову. С.-Петербург, 19.VIII.1885.

⁶¹ АС. Ф. Милутина Гарашанина. Д. 950. Л. 4.

⁶² ОР РНБ. Ф. 14. Д. 143. Л. 7 об. Н.В. Зюсман – И.С. Аксакову. С.-Петербург, 30 VIII 1885.

⁶³ См.: *Шемякин А.Л.* «Что за подлец и мерзавец этот Милан»: Александр III и политическая элита независимой Сербии // *Родина*. 2015. № 2. Специальный выпуск. С. 65–68.

⁶⁴ См.: АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXXII/28. Инв. бр. 32/1399. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 6/д.

⁶⁵ Там же. Сигн. XXXII/28. Инв. бр. 32/1399. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 29 IV 1899.

⁶⁶ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 3 I 1899.

⁶⁷ РО РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 254. Л. 10. Н. Зюсман – Ап.А. Майкову, 10 II 1900.

⁶⁸ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXXII/28. Инв. бр. 32/1399. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 2 II 1899.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 14 II 1899.

⁷¹ *Рђав до зла бога* (сербск.) – плох до неприличия, чертовски неудачен.

⁷² Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 5 III 1899.

⁷³ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 10 III 1899.

⁷⁴ *От прилагодити се* (сербск.) – приспособиться.

⁷⁵ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 17 IV 1899.

⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–8 об.

⁷⁷ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXX/28. Инв. бр. 32/1392. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 29 IV 1899.

⁷⁸ Там же. Ј. Ристић – Н.В. Зисману. Београд, 5 V 1899. [Черновик].

⁷⁹ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 11 V 1899.

⁸⁰ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXX/28. Инв. бр. 32/1392. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 10 III 1899.

⁸¹ *От поздравити* (сербск.) – поприветствовать, передать привет.

⁸² *От српкиња* (сербск.) – сербка.

⁸³ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 10 III 1899.

⁸⁴ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXX/28. Инв. бр. 32/1392. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 1 V 1899.

⁸⁵ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 13 II 1899.

⁸⁶ Там же. Ј. Ристић – Н.В. Зисману. Београд, 5 V 1899.

⁸⁷ Там же. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 1 V 1899.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 254. Л. 10. Н.В. Зюсман – Ап.А. Майкову. С.-Петербург, 10 II 1900.

⁹⁰ Там же. Л. 10 об.

⁹¹ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Сигн. XXXII/28. Инв. бр. 32/1389. Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 20 III 1899; Н.В. Зюсман – Й. Ристичу. С.-Петербург, 1 V 1899.

⁹² АВП РИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 10492. Л. 1.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ
КАК ФАКТОР
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

П.А. Искендеров

СЕРБСКО-АЛБАНСКИЙ КОНФЛИКТ ОСЕНЬЮ 1913 г. В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ АЛБАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Проблематика сербско-албанских отношений в начале XX в. имеет не только чисто научную, но и несомненную практическую важность в силу того, что является частью более широкого пласта проблем, связанных с происхождением, историческим генезисом и современным состоянием косовской проблемы и других современных региональных конфликтов на Балканском полуострове и в Европе в целом. Ее изучение помогает глубже понять явные и тайные пружины многочисленных межэтнических и межконфессиональных противоречий на Балканах, многие из которых обусловлены активностью именно албанского фактора. Кроме того, анализ рассматриваемой темы позволяет понять роль России в балканском урегулировании и системы международных отношений в Европе и в мире в целом. Ведь сербско-албанские отношения в рассматриваемый период были «встроены» во взаимоотношения великих держав и двух военно-политических блоков того времени – Антанты и Тройственного союза.

Ключевым фактором обострения сербско-албанских отношений осенью 1913 г. стало столкновение курса Белграда на обеспечение интересов Сербского государства посредством занятия стратегических пунктов за пределами международно-установленной границы между Сербией и Албанией и попыток албанской стороны воспрепятствовать этому при определенной поддержке, в частности, Австро-Венгрии. Действия

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан», № 14-01-00264а.

Сербии вызвали неблагоприятный отклик даже у ее союзников по Второй балканской войне – в частности, Румынии. Интересные сведения по данному вопросу сообщил в депеше от 22 октября 1913 г. российский поверенный в делах в Бухаресте Б.К. Арсеньев.

Он доносил в Петербург о том, что, посетив утром 20 октября в Синае временно исполняющего обязанности министра иностранных дел Румынии А. Маргиломана, нашел его крайне озабоченным. «Вчера австрийский поверенный в делах сообщил мне, что Австрия предъявила Сербии ультиматум по поводу неочищения сербскими войсками албанской территории, – заявил Маргиломан, – сейчас я еду к королю, который вызвал меня для совещания»¹. На дальнейшие вопросы российского дипломата прозвучали уклончивые ответы. Глава внешнеполитического ведомства не желал делать широковещательных заявлений без предварительных консультаций с монархом².

В тот же день российский поверенный в делах в Бухаресте имел еще одну беседу с Маргиломаном, сразу же после возвращения последнего из королевского дворца. Он заявил следующее: «Мы пришли к заключению, что образ действий Сербии неправилен. Она приобрела уже довольно земель, населенных албанцами. Дальнейшие стремления ее к расширению за счет Албании не могут вызвать сочувствия в Румынии, которая во все времена испытывала к албанской нации самые живые симпатии <...> Время для объединения всех сербов под державой Карагеоргиевичей еще не пришло. Вместо того, чтобы вызывать в Европе тревогу своей ненасытностью, Сербия поступила бы гораздо благоразумнее, направив все свое внимание на мирное закрепление областей, присоединенных к ней по Бухарестскому трактату»³. На вопрос Арсеньева, желавшего выяснить степень прочности сербско-румынских отношений, Маргиломан категорически заявил, что если Сербия будет продолжать упорствовать в стремлении сохранить за собой албанские территории, румынское правительство не поддержит свою недавнюю союзницу, которой оно лишь может еще раз дружеским образом посоветовать проявить уступчивость⁴.

В ответ на запрос Министерства иностранных дел России российский генеральный консул во Влере – занявший пост представителя России в Международной контрольной комис-

сии в Албании – А.М. Петряев представил свои соображения относительно выдвинутых сербским правительством предложений, касавшихся мероприятий, которые, по его мнению, должны быть реализованы европейскими государствами в целях предотвращения дальнейших нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию. Данные меры включали в себя оккупацию Албании международными войсками и организацию в этой стране, силами великих держав, местной администрации и жандармерии. В депеше от 7 ноября 1913 г. Петряев подчеркнул, что предлагаемая в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представляет собой чрезвычайно сложную и на деле трудновыполнимую задачу и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям “высшей политики”»⁵. При этом, по его оценкам, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, по мнению Петряева, являются действенным средством установления порядка в пограничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании установление в ней политической стабильности и нейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению комиссара, могут начаться лишь от Адриатического побережья и распространяться вглубь страны исключительно медленными темпами. Это заняло бы, в конечном итоге, несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По его словам, сербское правительство должно само предпринять необходимые меры для нормализации сербско-албанских отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. По мнению Петряева, Сербия должна извлечь для себя уроки из последнего восстания албан-

цев, которое было во многом подготовлено извне при помощи специально направленных к ним профессиональных агитаторов и на выделенные им значительные денежные средства. Так, сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами, вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактами⁶ и за известную плату поручить им охрану сербско-албанской границы. Этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес там успешные результаты. Что же касается денежных претензий сербской стороны, то белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство⁷.

Пока же говорить о наличии в Албании подобного правительства явно не приходилось. Приступая к работе, Международная контрольная комиссия «констатировала существование нескольких “локальных властей”: Временное правительство во главе с Исмаилом Кемали во Влере; правительство “Сената Центральной Албании” во главе с генералом Эсадом Топтани; Шкодра, управляемая международными оккупационными властями под командованием британского полковника Дж. Филиппса; горные районы Великая Мальсия и Мирдита на севере, жившие по “законам гор”; никому не подчинявшиеся “автономные администрации” Лежи и Шенгина; занятые греками южные районы»⁸.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влеры ситуацию, сложившуюся в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление там собственных позиций. По его данным, «временное правительство, во главе с Измаил Кемаль Беем, поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям. На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения, была выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около

20.000.000 франков <...> Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев. Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари через Эльбасан на Валону. Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской государственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»⁹.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, – продолжал Петряев, – три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное политическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о банке, который будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бейу. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бей, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов <...>

Мне кажется, что концессии в Албании должны быть разделены на два рода – общегосударственного значения, как банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т.п. Первого рода концессии должны быть интернационализированы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»¹⁰.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влеры нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий <...>

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции»¹¹.

Ответ Исмаила Кемали заслуживает того, чтобы изложить его теми же словами, какие прочли на Певческом мосту после получения депеши Петряева от 8 ноября 1913 г.:

«Измаил Кемаль Бей очень смутился, стал давать сбивчивые объяснения и, наконец, на наше категорическое заявление о недопустимости каких-либо соглашений по этим вопросам помимо Комиссии сказал нам приблизительно следующее:

Я очень рад, что мне, наконец, представляется случай говорить совершенно откровенно с представителями держав Тройственного соглашения и убедиться в том, что Европа не желает оставить албанцев под исключительною опекою Австрии и Италии. Меня обвиняют и подозревают в каких-то особых корыстных симпатиях к этим двум державам. Но ведь Европа только последнее время проявила интерес к Албании, а до этого нам не оставалось ничего другого, как только сговариваться и устраиваться с глаза на глаз с двумя сильными и наиболее

заинтересованными в албанских делах державами Тройственного союза. Для нас, албанцев, вне всякого сомнения, эта опека, равносильная политическому и экономическому порабощению, очень тяжела, и мы счастливы от нее освободиться и передать все дело возрождения Албании в руки всей Европы. В вопросе о советниках действительно Австрия и Италия настаивают предо мною, чтобы я негласным образом обратился к ним с просьбой о присылке соответствующих лиц. Отныне я прекращу все переговоры по этому поводу и передам все дело на рассмотрение и решение Контрольной комиссии.

Мы подтвердили ему, что самый факт введения в Албании европейского контроля ставит ее под опеку всех держав и налагает на ее временных правителей обязательство избегать каких-либо сепаратных соглашений по делам, касающимся преобразования этой страны.

Коснувшись вопроса об уже выданных концессиях, мы выразили Измаил Кемалю сожаление по поводу поспешности, с какою эти концессии, накануне приезда Контрольной комиссии, были предоставлены австро-итальянским предпринимателям, и указали ему, что это обстоятельство в значительной степени подорвало его нравственный авторитет в глазах албанского населения и скомпрометировало в мнении Европы.

Оправдываясь тем, что он был вынужден к этому силою вещей, председатель Временного правительства обещал дать нам подлинный текст соглашения об устройстве Албанского Национального банка, а также текст первоначальных австро-итальянских предложений, из сопоставления коих якобы видно, что ему удалось в этом деле отстоять интересы Албании, как независимого государства.

В заключение нашей продолжительной беседы Измаил Кемаль Бей просил нас приложить все усилия вывести из тяжелого и трудного положения страну, раздираемую анархией и почти поделенную между Италией и Австрией»¹².

Первое заседание Международной контрольной комиссии состоялось 16 октября 1913 г. Сообщая о нем в Петербург, российский делегат Петряев указывал: «Обсуждали вопрос о выборе албанского делегата, предусмотренного Лондонскими постановлениями. Разногласие обнаружилось относительно способа его избрания. Австрийский и итальянский представи-

тели настаивали на предоставлении права выбора Временному правительству в Валоне, прочие делегаты – на необходимости придать этому делу общеалбанский характер и снестись с <...> властями в Скутари и Дураццо как центров северной и средней Албании. В виду важности вопроса запросить инструкций»¹³.

Эссад-паша оперативно отреагировал на начало дискуссий в рамках Международной контрольной комиссии. Как сообщал 19 октября Петряев, «Эссад по телеграфу предупредил, что он не будет признавать делегата, избранного Валонским правительством. По поручению своих правительств австрийский и итальянский делегаты подняли вопрос о примирении Эссада с Измаилом (Кемали. – *П.И.*), но Комиссия отклонила от себя эту неблагодарную и почти неразрешимую задачу. На мой взгляд, практическим исходом из создавшегося положения было бы побудить того и другого выйти в отставку и распустить Временные правительства, сделавшиеся излишними с прибытием Комиссии, которая может назначить, по примеру Скутари, губернаторов в Дураццо и Валону. Мой французский коллега разделяет этот взгляд. Другие готовы по-видимому отнестись к нему сочувственно»¹⁴.

«Раскаленные» взаимоотношения Эссад-паши и Исмаила Кемали как двух наиболее влиятельных албанских лидеров, придерживавшихся диаметрально противоположных взглядов по многим вопросам обустройства Албании – в том числе по принципам и характеру взаимоотношений с Сербией, – закономерно заняли одно из центральных мест в деятельности Международной контрольной комиссии. За какую бы проблему ни брались дипломаты, неизменно перед ними вставали противоречия между этими без преувеличения выдающимися албанскими деятелями своего времени. И если Исмаил Кемали благодаря связям с австрийцами и итальянцами был достаточно сговорчивым, то ведущий даже не двойную, а тройную игру Эссад-паша Топтани выглядел настоящим восточным военным и государственным деятелем – корыстным, непредсказуемым и изощренным... «Австрийский и итальянский делегаты делают частные попытки примирить Эссада с Измаилом, который будто бы готов перенести резиденцию Временного правительства в другое, более нейтральное место, как того требовал несколь-

ко времени тому назад Эссад, – телеграфировал в Петербург 20 октября 1913 г. Петряев. – Еще не выяснено, удовольствуется ли последний этой уступкой теперь, после сформирования им особого правительства в Дураццо»¹⁵.

Выражая готовность к уступкам по одним вопросам, Исмаил Кемали с еще большим энтузиазмом спорил с международными дипломатами по другим поводам. В частности, «камнем преткновения» стало назначение европейцами губернатора в Шкодере. По свидетельству Петряева, «в беседе с одним из коллег Исмаил Кемаль заявил между прочим, что вопрос о назначении губернаторов подлежит решению не Комиссии, а Временного правительства, которое в крайнем случае готово сговориться с ней по этому делу»¹⁶. «Из этого видно, что Комиссии необходимо как можно скорее определить свое положение среди нескольких правительств, существующих в Албании, на что я обратил внимание коллег, иначе мы рискуем только увеличить анархию», – справедливо заключил российский дипломат¹⁷.

Однако австрийцы и итальянцы не собирались отказывать в поддержке правительству во Влере и приравнивать его к другим аналогичным институтам – к чему, по сути, призывал Петряев, явно не питавший особых симпатий к Исмаилу Кемали. По его сообщению от 23 октября 1913 г., очередное (пятое по счету) заседание Международной контрольной комиссии было напрямую посвящено этой теме: «Обсуждался вопрос об отношении Комиссии к Временному правительству. Австрийский и итальянский делегаты старались заручиться хотя бы косвенным согласием Комиссии на признание авторитета Исмаил-Кемаль бея обязательным для всей Албании.

После подавления албанского восстания сербские военные власти приняли по отношению к его участникам жесткие меры. Это вынудило многих жителей Охрида, Дибры и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес, куда уже фактически пришла зима. Общее число беженцев из Сербии достигло 40 тыс. человек. Среди них, наряду с мусульманами, находились и лица христианского вероисповедания, главным образом, болгары из Охрида и Струги, но они состав-

ляли незначительное меньшинство»¹⁸. Как сообщал в те дни А.М. Петряев, «по словам недавно посетившего меня корреспондента “Таймс”, положение их (беженцев. – *Л.И.*) ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть»¹⁹. А в секретной телеграмме российского дипломата, отправленной 21 октября, сообщалось о том, что в тот же день его посетила делегация албанцев из Охрида, Дибры, Струги и Приштины, которые «умоляли о заступничестве России против жестокостей сербов в занятых ими местностях. По их словам, экзекуции производятся массами без разбора пола и возраста. Депутаты выразили уверенность, что только воздействие России на Сербию может остановить эти ужасы. По имеющимся здесь сведениям, в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей»²⁰.

В сложившейся ситуации Эссад-паша обратился с телеграфным запросом к членам Контрольной комиссии с настоятельной просьбой об оказании беженцам срочной материальной помощи. Тем не менее, данный вопрос, вследствие отсутствия у Комиссии денежных средств, не получил никакого разрешения в рамках указанного органа. Тем временем, австро-венгерский и итальянский делегаты в Комиссии сообщили о выделении их правительствами по 10 тыс. франков для раздачи беженцам, которые прибыли в Дуррес. Наряду с этим, австро-венгерское правительство направило в Дуррес и Тирану специальную миссию Красного Креста с полным материально-техническим оборудованием для организации передвижного военно-полевого лазарета. Во главе этой миссии был поставлен полковой врач из военного госпиталя в городе Перемышль (Восточная Галиция) Л. Поппер, при котором состояли два других врача из военных госпиталей Вены и Линца. С ними отправились 10 сестер милосердия, 3 унтер-офицера и 10 солдат санитарной службы²¹.

Одновременно британское правительство выступило с предложением к другим великим державам принять участие в организации совместного займа «для оказания без замедления помощи нуждающимся албанцам-беженцам»²². В памятной записке от 2 декабря 1913 г., переданной на Певческий мост британским посольством в Петербурге, в частности, го-

ворилось: «Правительство Его Величества получило достоверные доклады о плачевных бедствиях, испытываемых тысячами беженцев в Албании, и ясно, что без немедленной помощи очень многие из них не смогут пережить зиму. Правительство Его Величества будет готово принять участие совместно с Россией, Францией, Германией, Австрией и Италией (если эти державы изъявляют аналогичное желание) в гарантировании займа на общую сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов (60 тыс. ф. ст.), то есть по десять тысяч фунтов (10 тыс. ф. ст.) на каждую державу, и оно искренне верит, что Императорское Правительство будет готово гарантировать эквивалентную долю»²³.

4 декабря 1913 г. вопрос об оказании помощи беженцам из областей, вошедших в состав Сербии, обсуждался на заседании Контрольной комиссии. Как сообщал Петряев, «оказание помощи албанским беженцам, число коих доходит до 30 тыс. человек, признано Комиссией настоятельной необходимостью <...> Комиссия решила пригласить пока местные правительства в Валоне (Исмаила Кемали. – *П.И.*) и Дураццо (Эссад-паши. – *П.И.*) <...> в ее распоряжение (часть текста не была расшифрована. – *П.И.*) часть свободной кассовой наличности, всего около 10 000 турецких лир, причем Комиссия нашла, что лучшим способом оказания помощи были бы не денежные выдачи, но организация общественных работ. Денежное содействие Европы весьма желательно, но я считал бы – продолжал Петряев – более практичным не специальный благотворительный, а общий денежный заем на нужды Албании, из которого могла бы быть выделена необходимая сумма на помощь беженцам»²⁴.

На следующий день, 5 декабря, российский дипломат в своей депеше нарисовал более полную картину ситуации, сложившейся вокруг проблемы албанских беженцев:

«Число укрывающихся ныне на албанской территории албанцев и македонцев достигает приблизительно 30 000 человек, из коих громадное большинство мусульмане. Они проживают в Эльбассане, Дураццо и Скутари <...>

Контрольная комиссия на нескольких заседаниях обсуждала вопрос, изыскивая способы, коими могла бы быть облегчена их участь. При обмене мнений, мы пришли к заключению, что оказание денежной помощи в розницу не принесет дейс-

твительной пользы, тем более, что установление контроля за расходованием денег представляет большие затруднения. Нет никакой гарантии в том, что они не попадут попросту в руки обыкновенных разбойников. По мнению Комиссии, самое лучшее было бы организовать на пожертвованные средства общественные работы и соединить, таким образом, благотворительность с пользой.

Как мы могли заметить, местные автономные правительства относятся к этой идее очень сочувственно. Весь вопрос заключается лишь в средствах. Валонское правительство уже согласилось предоставить в распоряжение Комиссии из имеющейся у нее свободной наличности 2 000 турецких лир. Эссад-паша мог бы дать, по расчетам Комиссии, от 8 000 до 10 000 турецких лир; ответа от него на наш запрос еще не получено.

Разумеется, этих денег не достаточно, и без помощи Европы в этом деле трудно обойтись. Предложение о выдаче Албании на беженцев заимообразно 60 000 фунтов стерлингов заслуживает полного сочувствия, но, как я уже позволил себе заметить, <...> специальный благотворительный заем не практичен. Рано или поздно Европе придется вести такие же переговоры об общем займе для Албании, так как на очереди стоят вопросы о содержании князя, организации жандармерии и администрации. Ввиду этого, может быть, было бы целесообразнее поднять теперь же вопрос об общем займе, гарантированном всеми великими державами, а из него могла бы быть уже выделена сумма на оказание помощи беженцам»²⁵.

Таким образом, британская идея была в принципе поддержана правительством России, которое, однако, сообщило кабинетам европейских стран, что, по его мнению, более целесообразным является постановка вопроса об общем албанском займе для покрытия насущных потребностей Албании как в деле организации жандармерии, так и на покрытие других расходов, в том числе и на помощь беженцам. В связи с этим министр иностранных дел России С.Д. Сазонов предложил одновременно рассмотреть вопрос об участии всех великих держав в организации албанского Национального банка, иначе «при равномерном распределении доли, выпадающей на державы, не будет равномерного распределения их прав и участия в контроле»²⁶.

Контрольная комиссия активно пыталась координировать усилия по организации помощи албанским беженцам из Сербии, однако ее деятельность осложнялась отсутствием собственных финансовых возможностей. Активнее других в этом отношении действовала Великобритания. 21 декабря на заседании Комиссии представитель Великобритании сообщил о выделении правительством 5 000 фунтов стерлингов в счет предложенной Лондоном суммы в 10 000 фунтов, которую каждая из великих держав должна была предоставить на гуманитарные нужды. До этого английский комиссар в Албании перевел около 2 000 фунтов стерлингов в Шкодер, где к тому времени находилось большинство албанских беженцев. Эти деньги были собраны различными частными и благотворительными обществами Великобритании. На том же заседании австрийский делегат поставил своих коллег в известность, что «его правительство тоже готово дать немедленно такой же аванс Албании в 5 000 ф. ст., если все другие державы сделают это»²⁷.

А что же местные правительства и в первую очередь «заклятые друзья» Исмаил Кемали и Эссад-паша? Слово А.М. Петряеву: «Как только Контрольной комиссией были получены еще первые сведения об ужасном положении албанских эмигрантов, она решила объединить в своих руках дело оказания денежной помощи и с этой целью обратилась к правительствам в Валлоне и Дураццо, предложив им предоставить в ее распоряжение часть свободной наличности. Измаил Кемаль Бей сейчас же согласился перевести на имя Комиссии две тысячи турецких лир, а Эссад-паша, после некоторых пререканий и оговорок, выдал сумму в три тысячи пятьсот турецких лир, хотя у него испрашивалось семь тысяч турецких лир»²⁸.

Примечательная оговорка российского дипломата, лишняя раз свидетельствующая о той антипатии, которую международные дипломаты испытывали к Эссад-паше даже по сравнению с не столь уж любимым ими Исмаилом Кемали! Но вернемся к депеше Петряева.

«Он (Эссад-паша. – П.И.) главным образом опасался, как бы потребованные у него деньги не были истрачены в Валонском округе, управляемом его врагом, – Измаилом Кемалем Беем. Комиссия перевела часть этого благотворительного фонда в Скутари, где с ее согласия он расходует полковником

Филипсом на содержание голодающих албанских семейств. Приступить к организации общественных работ (что ранее предлагал Петряев. – *П.И.*) возможно будет только тогда, когда Комиссия будет располагать более определенными и крупными средствами»²⁹.

Донесение, отправленное Сазоновым российским послам в Париже и Лондоне 25 декабря 1913 г., было преисполнено тревоги за сложившуюся в Албании ситуацию – особенно в свете политики Вены и Рима. Министр напомнил, что «делегаты держав в контрольной Комиссии неоднократно уже возбуждали перед своими правительствами ходатайства об ассигновании или гарантировании более или менее значительных сумм на разные расходы, связанные с организацией Албании. К числу таковых принадлежат: пособие албанским беженцам из занятых Сербией территорий, расходы самой Комиссии, расходы на организацию жандармерии и, наконец, испрашиваемая ныне делегатами гарантия займа в 4 000 фунтов стерлингов для города Скутари. Кроме этих, сравнительно небольших, сумм возникает вопрос об обеспечении материального положения будущего албанского князя путем ассигнования ему гражданского листа и, главным образом, об организации всей финансовой жизни страны учреждением национального банка»³⁰.

«Нельзя не предвидеть возможности, – продолжал Сазонов, – обнаружения Контрольной комиссией в течение ее дальнейших работ и новых, требующих удовлетворения, потребностей. Мы не можем, однако, признать такого рода способ работы нормальным, как вследствие отсутствия в нем всякой системы, так и ввиду затруднительности для держав с бюджетной точки зрения постоянного испрашивания кредитов на отдельные нужды Албании, лишаящего главу финансового ведомства возможности судить об общих размерах предстоящих на организацию этой страны затрат.

Эти соображения побудили меня высказаться в телеграмме от 9 сего декабря (22 декабря по новому стилю) <...> за необходимость установления Контрольной комиссией суммы общего албанского займа, предназначенного на покрытие всех нужд государства. Необходимость эта обнаруживается ныне самым ярким образом ввиду замыслов Австро-Венгрии в вопросе об албанском банке <...> Акт концессии на означенный банк <...>

отдает в руки австро-итальянских финансистов всю экономическую жизнь страны. Подобная постановка вопроса представляется, конечно, совершенно недопустимой и в корне противоречащей как букве, так и духу выработанных Совещанием послов в Лондоне принципов организации Албании.

Я считаю поэтому необходимым, ввиду категорического предписания, данного австро-венгерским правительством его делегату в Контрольной комиссии, уклоняться от обсуждения вопроса об албанском банке и неизбежности, вследствие этого, возникновения острого и неразрешимого противоречия между делегатами двух групп держав, в случае возбуждения самой Комиссией вопросов, касающихся финансовой организации Албании, чтобы ныне же было приступлено к обмену мнений между кабинетами касательно определения суммы общего албанского займа в связи с учреждением национального банка, при неперменном условии равномерного участия всех держав в управлении оным, в соответствии с параграфом четвертым Лондонских постановлений <...>

Покорнейше прошу Вас безотлагательно объяснить в этом смысле с министром иностранных дел, обратив его внимание на всю важность достижения возможно скорее полного единения по настоящему вопросу между державами Тройственного Соглашения, дабы предотвратить возможность опасного его обострения»³¹.

Помимо организации помощи албанским беженцам, российский МИД продолжала занимать и проблема австро-итальянских концессий в Албании, причем Петербург встретил поддержку своей позиции со стороны Лондона. Как сообщал 27 декабря 1913 г. в российский МИД поверенный в делах в британской столице Эттер, «вполне разделяя Ваш взгляд относительно недопустимости единоличного австрийского или итальянского контроля над финансовой организацией и управлением банком, Кро уже высказался в этом смысле пред австрийским и итальянским представителями. Он также телеграфировал английскому делегату в Валоне, настаивая на необходимости участия контрольной комиссии в обсуждении этих вопросов. Австрийская концессия к тому же, по его мнению, не может считаться действительною для всей Албании, так как дарована лишь Валонским временным правительством.

Итальянский посол высказал на днях возможность принятия Австрией и Италией на себя реализации всего Албанского займа в случае под <...> (не расшифровано. – П.И.), а державами Тройственного соглашения гарантировать <...> (не расшифровано. – П.И.) 16 миллионов в его личное распоряжение. Кро сомневается в практической выполнимости подобного плана, но считал бы желательным, чтобы Россия, Англия и Франция сговорились относительно их дальнейшего образа действий. Точное отношение к вопросу Франции ему еще не известно. По имеющимся здесь сведениям, гарантированные австро-итальянские условия займа обеспечивают интересы банка всеми доходами страны. Это поставило бы Албанию в полную от них зависимость в случае возникновения непредвиденных событий, особенно возможных до тех пор, пока не упрочится личное положение князя»³².

Отдельного рассказа, безусловно, заслуживает история создания албанской жандармерии, что следует заметить, объективно являлось одним из ключевых факторов формирования албанской государственности. Неслучайно указанное событие традиционно высоко оценивается и торжественно отмечается в Албании на государственном уровне. Правда, официальная албанская традиция относит образование албанской полиции на год ранее – к 13 января 1913 г., рассматривая его в контексте одного из первых мероприятий временного албанского правительства под председательством Исмаила Кемали. Данный праздник официально именуется «День образования государственной полиции», призванной, по словам нынешнего главы полиции Тираны Эвина Ходая, «гарантировать жизнь граждан и неустанно бороться с преступностью и коррупцией»³³.

Но вернемся в 1913 год. К концу декабря были достигнуты первые успехи, связанные не в последнюю очередь с обострившимся противостоянием Исмаила Кемали и Эссад-паши. Глава правительства во Влере явно рассчитывал в перспективе использовать подразделения жандармов против нерегулярных формирований своего главного оппонента в борьбе за власть в Албании. Слово А.М. Петряеву:

«Пребывающие теперь в Валоне голландские офицеры энергично приступили к формированию пробного жандармского отряда на случай посылки его в южно-албанские провинции.

Мы имели с ними и председателем Валонского правительства несколько совещаний для установления общих начал организации жандармерии. По мнению полковника де Веера и майора Томсона, набор людей должен теперь производиться на пятимесячный срок по контрактам. Они высчитали, что содержание отряда в тысячу человек, при 30 албанских офицерах, обойдется около 115 000 франков в месяц, считая в том числе и расходы на фураж и лошадей. Вчера здесь были уже расклеены объявления, призывающие охотников записываться в жандармерию, и таким образом набор фактически начался. Ввиду невозможности обзавестись теперь же форменной одеждою для нижних чинов, решено, что они будут носить отличительный знак на рукаве – красную повязку с черной лентой (национальные албанские цвета).

Деньги и оружие дает временное Валонское правительство. 150 жандармов будут присланы из Скутари.

Из 68 находящихся здесь албанских офицеров около 20 человек выразили уже желание поступить на службу, и после тщательного испытания были приняты.

Сегодня полковник де Веер уведомил Контрольную комиссию, что нидерландское правительство разрешило ему и майору Томсону принять временное командование над формируемым отрядом, не предпреляя однако вопроса о положении и обязательствах офицеров-инструкторов к албанскому правительству, о чем будут вестись особые переговоры между голландским правительством и великими державами.

Нельзя не признать, что начало организации здесь жандармерии является одним из реформенных мероприятий, имеющих действительно практическую цену. Существовавшие до сих пор кадры жандармов представляли из себя какой-то сброд разбойников под командою известных разбойников вроде Хусни Тоски и Салих Мурада, которые при турецком управлении были приговорены даже к смертной казни за убийства и разбои. На наши замечания председателю правительства, что жандармерия из бывших разбойников не может внушать большого доверия населению, Измаил Кемаль Бей обыкновенно отвечал нам, что он нарочно привлек их на службу, чтобы не давать им возможности образовывать шайки и скрываться в горах, где преследование их было бы вне сил админист-

рации. Голландские офицеры заявили нам, что они не могут руководствоваться такими соображениями местного правительства и постараются составить отряд исключительно из надежных элементов.

Готовность, с которой Измаил бей согласился отпускать необходимые средства на пробную организацию жандармерии в Валоне объясняется, с одной стороны, тем, что он рассчитывает на нее в случае столкновения с Эссадом-пашою, а с другой – возможная посылка валонского отряда на юг Албании как бы предreshает вопрос о зависимости этих провинций от Валонского правительства»³⁴.

О первых неделях работы Контрольной комиссии позволяет судить депеша Петряева, датированная 29 ноября 1913 г. Сообщенные им факты во многом воссоздают яркую и характерную атмосферу тогдашней Албании:

«Собрания наши происходят 4 раза в неделю пока во временной квартире, предоставленной Комиссии бесплатно одним албанским беєм. Отсутствие у Комиссии специальных средств, об отпуске которых мы уже ходатайствовали, препятствует ей обзавестись собственным помещением и штатом служащих, главным образом опытным секретарем, переводчиками и инспекторами, без которых правильное функционирование Комиссии очень затруднительно.

Последние 6 заседаний Комиссии были между прочим посвящены обсуждению следующих вопросов: назначению губернатора в Скутари, ныне задержанному вследствие притязаний австрийцев на установление зоны в 10 километров; улажению территориальных недоразумений между Эссадом-пашой и Дедом Цоку, правителями Дураццо и Алессию; ревизии денежных операций Валонского правительства со времени вступления его во власть и рассмотрению разных жалоб на действия Измаила Кемалья Бея, причем особенное внимание Комиссия обратила на дело разгрома имения, принадлежащего беям Цакрани, произведенного жандармами.

До сего времени все существующие в Албании правительства дают охотно Комиссии все требуемые ею справки и объяснения.

Измаил Кемаль Бей сам даже обратился в Комиссию с просьбою проверить его управление финансами Валонского ок-

руга, для чего мы назначили из своей среды комиссию из трех членов, которая на днях представит свой рапорт. Это будет первым крупным шагом в контрольной деятельности Комиссии»³⁵.

В российской печати также начали появляться статьи, где делались попытки объективного анализа сложившейся ситуации. Так, в петербургской газете «Речь» 12 декабря 1913 г. журналист В. Викторов делился своими албанскими наблюдениями: «Если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если коренная, извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование»³⁶. Однако такие статьи все-таки были исключением для российской прессы, которая писала главным образом о неспособности албанцев к самостоятельному государственному развитию и поддерживала территориальные претензии сербского кабинета.

Впрочем, не стоит слишком уж строго судить российские и вообще европейские средства массовой информации за их неспособность разобраться в албанской действительности и во всей исторической подоплеке сербско-албанских взаимоотношений. Слишком сложной и запутанной была – да и остается до сих пор – ситуация в этом уголке Европы, представляющем собой настоящий «перекресток» целых эпох и народов, район их активного взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимообогащения – иными словами, именно той «взаимозависимости», которая, по мнению современного турецкого историка С. Бакана, является одним из ключевых факторов понимания динамики развития отношений в мировой политике³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 11.

² Там же.

³ Там же.

- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 15.
- ⁶ Военачальники в Албании, обладающие наследственной административной и судебной властью.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX в. М., 2003. С. 60.
- ⁹ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 10.
- ¹⁰ Там же. Л. 10–11.
- ¹¹ Там же. Л. 12.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 8.
- ¹⁶ Там же. Л. 10.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 16.
- ¹⁹ Цит.по: *Ариш Г.Л., Иванова Ю.В., Колтакова О.А., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании: с древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 250.
- ²⁰ АВП РИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ²¹ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 16.
- ²² Там же. Д. 2113. Л. 25.
- ²³ Там же. Л. 23.
- ²⁴ Там же. Л. 27.
- ²⁵ Там же. Л. 28.
- ²⁶ Там же. Д. 2908. Л. 35.
- ²⁷ Там же. Д. 2113. Л. 53.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 60.
- ³¹ Там же. Л. 60–61.
- ³² Там же. Л. 66.
- ³³ Текст доступен по адресу: www.albaniannews.com/index.php?idm=4027&mod=2 (дата последнего посещения 15 I 2015).
- ³⁴ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 52.
- ³⁵ Там же. Л. 22.
- ³⁶ Речь. 1913. 12 XII.
- ³⁷ *Bakan S.* Foreign Policy in the Light of Theories // *Diş Politika*. N 1–4. 1999. P. 6.

Я.В. Вишняков

**«СЕРБСКАЯ ГОЛГОФА»
ГЛАЗАМИ Г.Н. ТРУБЕЦКОГО
И В.А. АРТАМОНОВА**

Столетие начала Первой мировой войны вызвало усиление широкого общественно-политического и научного интереса к тем трагическим событиям. Естественно, что и балканская проблематика Первой мировой войны не осталась вне поля зрения историков-сербистов, которые основное внимание сосредоточили на причинах июльского кризиса 1914 г. и разоблачении ревизионистского мифа об ответственности сербского правительства за выстрел в Сараево и развязывание мировой бойни¹. Однако не менее важным остается и вопрос о ходе боевых действий на сербском фронте.

Несмотря на разгром в конце 1914 г., австрийская и германская армии под командованием А. Макензена, спустя почти год, 5–7 октября 1915 г. начали новое наступление на Сербию. Спустя 10 дней войну Сербии объявила Болгария. По оценкам военных историков, в операции принимало участие до 450 тыс. австро-германских войск, 150 тыс. болгар и до 100 тыс. турок². В ночь с 8 на 9 октября был оставлен Белград. Положение Сербии стало критическим. 16 октября принц-регент Александр, а 17 октября глава правительства Н. Пашич официально обратились к Англии и Франции с просьбой прислать войска для обороны Ниша и железной дороги Битола – Салоники. Только 31 октября между Англией и Францией удалось достичь соглашения об увеличении экспедиционного корпуса генерала Морисса Саррайля до 150 тыс. человек. Но было уже слишком поздно. Болгарские войска еще 19 октября перерезали салоницкую железную дорогу, лишив сербскую армию возможности соединиться с союзными частями. Анг-

ло-французские части, с опозданием переброшенные из Галиполи в Салоники на помощь сербской армии, были также отброшены болгарскими войсками. Россия, несмотря на то, что 5 (18) октября 1915 г. объявила Болгарии войну, также не смогла организовать в помощь Сербии высадку своих войск на черноморском побережье³. Российский флот ограничился бомбардировкой Варны 27 октября 1915 г. Страна оказалась на грани катастрофы.

С этого времени началась новая страница борьбы Сербского королевства. Его участие в Первой мировой войне интересно не только с точки зрения военной истории, когда армия маленькой страны в течение почти полутора лет успешно противостояла Австро-Венгерской империи, в декабре 1914 г. полностью вытеснив ее армию с территории собственной страны. Сербский случай являет собой, пожалуй, исключительный пример в европейской истории Нового времени, когда потерпев военное поражение, армия и правительство, не подписав капитуляции, а также значительная часть населения, отправились в добровольное изгнание, чтобы уже на чужбине начать новую страницу собственной истории, причем связанной не только с освобождением страны от интервентов, но и с формированием нового государства – будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Эти трагические события стали называться «Сербской Голгофой». Не случайно чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Сербии Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1930) отмечал: «И тут нам предстала вся необычность нашего путешествия. Мы покидали берега Албании, оставляя за собой далеко Сербию. Тут были министры, генералы, командовавшие армиями, представители держав. Это было начало исхода целого народа, который не переставал верить в свою звезду, которая вернет в обетованную землю. Я чувствовал себя свидетелем великой исторической драмы, одного из самых трагических ее эпизодов»⁴.

Решение об отступлении остатков сербской армии через Черногорию и Албанию к побережью Адриатического моря для дальнейшей ее эвакуации на греческий остров Корфу, а оттуда на Салоникский фронт, Пашич и Александр приняли 29 октября 1915 г. на экстренном заседании правительства

в Крушеваце. По плану сербского командования это отступление должно было проходить по двум направлениям – войска Тимокской дивизии вместе с престарелым королем Петром Карагеоргиевичем двинулись на Албанию, а большая часть войска (1, 2 и 3 армии) на Черногорию, через Печ – Подгорица – Скадар (Скутари). «По размытым дорогам медленно сползала на юго-запад к морю вся сербская армия, истерзанная, усталая, без надежды, по колена в грязи. А впереди путь преграждали еще высокие горы. Все войсковые единицы рассыпались на составные части. Солдаты, попеременно с беженцами, пленными, телегами, пушками увлекались общим потоком по руслу из грязи. Прокормление каждый должен был искать сам для себя, и эта забота стала господствовать над всеми другими», – отмечал известный большевистский лидер Л.Д. Троцкий, бывавший в Сербии как корреспондент российских газет и оставивший о ней интересные заметки⁵. В конце ноября 1915 г. сербское руководство собралось в Скутари, где было смещено высшее командование сербской армии. Воевода Путник передал полномочия своему помощнику полковнику Ж. Павловичу.

В связи с переходом сербской армии российский император Николай II 8 декабря 1915 г. отправил престолонаследнику Александру следующую телеграмму: «С чувством глубокой тревоги я следил за переходом героической сербской армии в Албанию и Черногорию. Выражаю Вашему королевскому высочеству мое искренне восхищение перед искусством, с которым под Вашим водительством она одолела все трудности пути, отражая нападения численно превосходящих ее врагов. Согласно моим указаниям министр иностранных дел неоднократно призывал союзников принять меры к обеспечению морских сообщений по Адриатическому морю. Но настояния эти будут возобновлены, и я надеюсь, что доблестным войскам Вашего королевского высочества будет предоставлена возможность покинуть Сан-Джовани-ди-Медуа. Я твердо верю, что они скоро отправятся от перенесенных тягостей и лишений и вновь примут участие в борьбе с общим врагом. Победа над ним и возрождение великой Сербии послужит вам и братскому сербскому народу утешением за все пережитое»⁶.

Вместе с сербской армией этот нелегкий путь прошли военные и дипломатические представители союзных держав, в том

числе главы русской дипломатической и военной миссий – Г.Н. Трубецкой и генерал-майор Виктор Алексеевич Артамонов (1873–1942). Их воспоминания и дневниковые записи являются ценным источником, позволяющим пролить свет на многочисленные нюансы этого трагического, и в то же время эпохального события сербской истории XX в. При этом отметим, что если книга воспоминаний Трубецкого известна достаточно широкому кругу исследователей, то личный дневник российского военного агента еще не стал объектом пристального внимания специалистов⁷.

В российской и сербской историографии идет дискуссия: почему начавшееся австро-германское наступление стало неожиданным как для сербского командования, так и для союзников по Антанте. Заметим, что военные операции на сербо-австрийском фронте 1914–1915 гг. никак не согласовывались с союзниками. Русский генерал и военный историк Ю.Н. Данилов писал: «Здесь – с сожалением, конечно – уместно будет вновь отметить, что сербская армия, усиленная черногорскими контингентами, составляла третий вполне самостоятельный фронт держав Согласия. Если между Россией и Францией, несмотря на отсутствие общего плана войны, все же существовал некоторый предварительный сговор по вопросу о первоначальных военных действиях, то по отношению к Сербии не было сделано и этого минимального шага к установлению единства действий»⁸. Несмотря на настоятельные просьбы российского командования, сербская армия так и не перешла в наступление, начало которого первоначально планировалось на 10 (23) июня 1915 г.⁹ Причем, как заметил Артамонов, «сербское наступление откладывалось намеренно; отчасти по политическим соображениям, до выяснения намерения Болгарии и Румынии, отчасти по военным, ввиду наших неудач». По словам российского военного агента, глава сербского правительства Н. Пашич «неоднократно высказывал, что наступление сербов будет своевременным и безопасным, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую долину»¹⁰. И по мысли российского военного агента, его логика проста и очевидна. Пашич «не прочь взять в дальнейшем поведении пример с Румынии, ожидающей терпеливо, пока плод созреет руками других и падет сам <...> Отсюда фраза: “Мы подождем, пока

Румыния приготовится, и выступим вместе с нею <...>". А пока можно заняться албанскими делами»¹¹. Уже в январе 1915 г. Артамонов фиксировал переброску четырех австрийских дивизий с сербского фронта на русский. Как он заметил: «Явление, с точки зрения общего положения на театре военных действий, глубоко печальное»¹². Логика и стратегия войны «требовала бы, чтобы сербы вцепились зубами в остающуюся перед ними часть противника и удержали ее здесь. Однако, во внимание, вероятно, к заслугам сербской армии, наши высшие штабы молчат. Молчу и я»¹³.

Российский военный агент особо подчеркивал, что бездействие сербов после побед конца 1914 г., их нежелание форсировать Дунай, «хотя бы слабой частью войск», привели к тому, что они «остались с завязанными глазами на этом берегу и с тех пор ничего не знают о противнике достоверного». С удивлением и горечью он резюмировал: «Агентурная же разведка почти не ведется. (Путник не понимает, вероятно, ее значения, а сербские правила денежной отчетности, по-видимому, не позволяют военным властям расходовать требуемых в таком случае крупных сумм: опасаясь злоупотреблений, ничего не делают»¹⁴.

В этом смысле для В.А. Артамонова близость надвигающейся катастрофы, как следует из его дневника, была очевидна еще в сентябре 1915 г. Так, например, 21 сентября он с недоумением замечал: «Верховная команда просит, чтобы возобновили перевозку хлеба из России. Если болгары захватят, то сербам не жалко; или же уже здесь пришли к заключению, что войны с Болгарией не будет? Непонятно!?»¹⁵ Уже в середине октября российский военный агент на основании услышанных им разговоров германских военнопленных сделал такую помету в дневнике: «Сравнительно с русскими фронтами, действия на сербском – военная прогулка»¹⁶. Он достаточно детально фиксировал ухудшающееся с каждым днем положение на фронте. 10 октября Артамонов записал: «Полковник Фурнье (французский военный агент. – Я.В.) имел свидание с воеводой Путником (5 ч. вечера), которого тщетно старался убедить пробиваться к Вранье и Скопье и облегчить французам задачу»¹⁷. 29 октября он отметил: «Ходят слухи, что у Крушевца сдался (или разбежался по домам) весь 12 полк (Крушевский)»¹⁸. Не-

избежность катастрофы стала очевидна. Наконец, 5 ноября военный агент с горечью записал: «Сербы говорят, что русские придут на поминки сербам»¹⁹.

К декабрю положение сербской армии стало удручающим. 2 декабря 1915 г. российский военный агент отметил: «Пашич настаивает перед посланниками на перевозке армии морем: мнение генерального штаба – 21 день тишины невозможно. Или перевозка, или капитуляция»²⁰. Через день, 4 декабря, он же поместил: «Два способа помочь сербам в тяжелом положении: 1) Самое верное, быстрое и лучшее – перевезти армию союзников флотом до места назначения (предположительно ближе к Салоникам). 2) Чтобы итальянская армия возможно скорее заняла сербскую оборонительную линию против неприятеля, угрожающего с востока, чтобы дать возможность сербской армии отступить в порядке через Дураццо и Валон»²¹. Спустя две недели (15 декабря) он, ссылаясь на Фурнье, зафиксировал в дневнике: «Англичане решили, что сербы пропали и что на них нечего рассчитывать»²².

Сухие дневниковые строчки Артамонова дополняются воспоминаниями Г.Н. Трубецкого: «Сам Пашич в это время (начало декабря) казался совсем удрученным создавшейся обстановкой. В доверительной беседе со мною 2 декабря он поставил прямо вопрос: или перевозка морем хотя бы 40 000 армии в Южную Албанию, или куда укажут союзники, – или капитуляция». Правда, как замечает российский дипломат, произнося эти слова, сербский премьер «имел главным образом в виду – потрясти за шиворот союзников, которые продолжали предаваться политике бездарной болтовни вместо деловой организации спасения несчастной сербской армии»²³. При этом Трубецкой, характеризуя сербского премьера, особо отмечал: «Отличительной чертой его характера была спокойная уравновешенность и выдержка. Я видел его в самых тяжелых обстоятельствах для Сербии. Он оставался все так же ровен и спокоен, и только по его походке можно было догадаться о его душевном настроении»²⁴. В свою очередь Артамонов, наблюдая за поведением главы сербского правительства в эти критические минуты, не преминул записать: «И все ведет Пашич, со свойственными ему дипломатическими уловками и медлительностью»²⁵.

Иллюстрацией подобной тактики может служить еще одна запись российского военного агента от 12 декабря 1915 г., в которой он изложил суть беседы сербского премьера и черногорского короля Николы: «Король Николай настойчиво, (3 раза) ставил Пашичу вопрос, что будут делать сербы, если союзники не помогут продовольствием и не перевезут сербскую армию. Король Николай ожидал, чтобы Пашич произнес слово “капитуляция”, чтобы из всего разговора удержать только это для сообщения своим союзникам и для оправдания себя впоследствии. Пашич не сделал неосторожности, избежал поставленной ему ловушки, ответив, что надеется на помощь, верит в окончательную победу, а если бы союзники не помогли, то будет время подумать и принять решение»²⁶. В свою очередь, посланник Трубецкой по дипломатическим каналам просил скорейшего «определенного согласованного решения союзниками относительно участи сербской армии»²⁷.

В этой же связи подчеркнем, записки российских военного и дипломатического агентов ярко иллюстрируют особенности сербского государственного устройства и управления в начале XX в. Обретение Сербией независимости в 1878 г. ускорило процесс формирования различных государственных и общественных групп: стратифицированных категорий чиновников, профессиональных специалистов, военной верхушки. Однако важная черта политического развития страны второй половины XIX в. состояла в том, что практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты являлись выходцами из сельской среды. Обеспечивая своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, они вносили в политику свою партикулярную, архаичную, зачастую «семейную» мотивацию. Еще в самом начале XX в. русский военный историк Е.И. Мартынов отмечал: «Сербия в полном смысле этого слова демократическая страна. В ней нет ни сословий, ни крупных землевладельцев, ни больших капиталистов. Весь один народ состоит, в сущности, из равноправных и зажиточных поселян. Один брат занимает министерский пост или командует дивизией, а другие братья в это время остаются в деревне, обрабатывая свой родовой клочок земли»²⁸.

К началу Первой мировой войны, несмотря на проведенные в конце столетия «европеизаторские» реформы князя (короля) Милана Обреновича, властные и военные структуры страны не претерпели существенных изменений. Такое положение вещей, отражавшееся на комплексной системе государственного устройства, не ускользнуло от взгляда проницательного Г.Н. Трубецкого. Характеризуя работу сербского кабинета министров в Нише, он с удивлением отмечал: «В Сербии все имеют свои прозвища и гораздо больше известны под этими прозвищами, чем под своим именем. Любу Йовановича звали “патак”, что значило лапчатый гусь, потому что он ходил переваливающейся походкой. Министр “Просвета” (народного просвещения) Давидович шел под прозвищем “мрав” (муравей). Все это были милые и простые в обращении сербы»²⁹. Это же касалось и личных качеств высших правительственных чиновников страны. О «самом выдающемся члене кабинета» – одном из вождей сербской младорадикальной партии М. Драшковице русский дипломат весьма показательно отметил в мемуарах: «Он был еще молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силою своего патриотизма человек. Вместе с тем он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать»³⁰. Характеризуя министра земледелия и торговли Войу Маринковича как «европейца», бывшего «из партии “напредняков”»³¹, той самой, которая долгие годы держалась австрийской ориентации», Трубецкой тем не менее замечал, что это обстоятельство «не мешало ему быть шовинистом», и не без иронии продолжал: он «как умный человек, применился к событиям и вовремя стал русофилом»³².

Еще более примечательную оценку Трубецкой дает методам управления сербского премьера Пашича: «Он правил Сербией немножко наподобие сельского старосты в большом малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранять политическое соперничество. Если появлялся какой-нибудь честолюбивый и беспокойный человек, Пашич либо заинтересовывал его в каком-нибудь предприятии, чтобы потом держать в руках, либо назначал его на какой-нибудь пост с той же целью. Все больше напоминал он мне сельского старосту

в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он, молча, потрет себе бороду и выхлопочет своему селу и деньжонку, и леску на хозяйство»³³. Говоря о харизме сербского премьера, российский посланник особо подчеркивал: «Властная натура Пашича мешала развитию других крупных государственных деятелей. Он так олицетворял свою Сербию, как ни один государственный человек в Европе не олицетворял свои страны»³⁴.

Естественно, что подобное положение вещей отражалось и на общей ментальности сербского солдата. Тот же Трубецкой отмечал: «Это было войско, обладавшее первоклассными боевыми качествами, которые оно не раз показало, но вместе с тем по своему складу сербская армия имела сходные черты с милицией. Сербский селяк особенно хорошо сражался, когда защищал родное село, близкий ему край. Ради этого достоинства он беззаветно жертвовал жизнью, но в его понятиях не уживалось представление о возможности покинуть хотя бы на время эти родные места, не попытавшись их защитить. Еще менее с этим мирилось воображение населения»³⁵.

Этот же фактор выделял и В.А. Артамонов, видя в нем еще одну причину нежелания сербов закрепить успех наступления декабря 1914 г. и перейти австрийскую границу. Он пишет: «Надо сказать, что изгнав противника, сербы почувствовали громадное облегчение, и <...> сказать откровенно, решили, что (если только назойливый противник не нападет снова), для них война уже кончена. Начиная от короля и до последнего солдата все повторяли, что “сербы сделали свое”, и пусть теперь делают другие. О переходе границы и наступлении искренно никто не думал»³⁶. При этом он подчеркивает, что «сербы имеют перед Австрией (великой державой) страх и почтение, тем более, что 2 раза сербы пробовали вторгаться в австрийскую территорию (в Сирмию³⁷ и Боснию) и оба раза неудачно. Вместо того, чтобы объяснить неудачу крупными сделанными ошибками, промедлением, вялостью и неспособностью вождей, сербы решили, что в Австрию они наступать не могут»³⁸.

Следствием такого состояния властных структур явились многочисленные политические кризисы, сопровождавшиеся частыми сменами правительства. С 1903 по 1914 г. в Сер-

бии сменилось 18 кабинетов министров, то есть в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца³⁹. Не случайно еще в 1864 г. замечательный русский историк-славист В.И. Ламанский в книге «Сербия и южнославянские земли», написанной по следам его поездки по сербским землям, тонко подметил: «Простые умные сербы очень верно отражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: “У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр князем”»⁴⁰. С течением времени такое положение вещей не претерпело существенных изменений. Трубецкой писал: «Недоверие к власти проходило красной нитью во всем законодательстве. От этого происходила крайняя медлительность в ведении дел. По каждому пустяку вопрос передавался в особую комиссию. Эту комиссию трудно было собрать. Я был поражен, приехав в Сербию, найти там в этом отношении полную противоположность порядкам в России, где чрезмерно были развиты полномочия власти. В итоге в маленькой Сербии было не меньше беспорядка, чем у нас»⁴¹.

Ничего не изменилось с началом войны, которая, казалось бы, требовала принятия быстрых и эффективных, как никогда, решений, консолидации усилий всех ветвей властных структур страны. Это не только негативно отражалось на общей боеспособности армии, но и оказывало существенное влияние на общий ход и на особенности ведения боевых действий на сербско-австрийском фронте. В письме Г.Н. Трубецкому от 30 января 1915 г., то есть в период относительного затишья на австро-сербском фронте, В.А. Артамонов с негодованием писал о неумении сербов эффективно организовать поставки оружия, боеприпасов и амуниции: «Чины сербского правительства всегда желают получить от русских и французов все в готовом виде и даром, не шевельнув при этом пальцем, и никак не могут понять того, что лучше переплатить несколько и дать солдату вещь своевременно, чем купить зимнее обмундирование на 1 фр. дешевле и дать зимнее обмундирование летом <...> Излишняя хитрость, нерешительность и проволочки». И далее: «В настоящее время непредусмотрительность уже “объединенного” правительства доходит до того, что армия и население уже начинают испытывать нужду в хлебе и других предметах первой необходимости (сахар, напр.), и это при об-

ладании союзниками морем и полной свободе плавания в Средиземном море». Этой же нерасторопностью он объясняет быстрое распространение среди солдат и населения эпидемии брюшного тифа, которая, по его данным, охватила до 6% личного состава сербской армии⁴².

Начавшееся вражеское наступление еще больше усилило эту неразбериху, когда, по словам Трубецкого, в «бесконечных и малопродуктивных заседаниях Совета министров» решался вопрос – как и куда именно эвакуироваться из Ниша⁴³. Болгары тем временем перерезали железнодорожное сообщение, что вызвало еще большую панику в правительственном аппарате. При этом, как замечает российский посланник, каждый член кабинета министров «имел в своем распоряжении прекрасный автомобиль, партия коих только что прибыла из Америки. Они говорили, что могут уехать из Ниша за несколько часов до прихода болгар»⁴⁴. Рядовой и офицерский состав сербской армии был лишен такой привилегии, и именно в это время, по словам Трубецкого: «У сербов исчезли последние следы порядка и организации. Они предоставляли каждому спастись, как кто мог»⁴⁵.

В этом смысле от внимательного взгляда российского посланника не ускользнули свойственные сербской политике начала XX в., но недопустимые в ходе ведения военных действий, конфликт и соперничество между военными и штатскими. Подчеркивая, что «между Верховной командой и правительством никогда не было вполне хороших и согласных отношений», российский посланник особо указывал, что «недостатки организации и предвидения, ошибки, промахи, разбитые иллюзии – служили предметом взаимных обвинений. Каждая сторона стремилась переложить на другую ответственность за происшедшее. Поэтому также, когда надлежало принять безотлагательное решение, ни одна из сторон не хотела делать на свой страх и риск»⁴⁶. В.А. Артамонов в начале ноября 1915 г., то есть в самые критические для Сербии дни, тоже сделал в дневнике весьма характерные пометы: «Министры ежедневно собираются для совещаний (чтобы избежать ответственности). Нескончаемые прения. Мало распорядительности»⁴⁷.

Трубецкой, ведя речь о катастрофе сербской армии, подчеркивал: «Отношения между Верховной командой и прави-

тельством особенно обострились в последний период перед открытием военных действий в сентябре 1915 г. Военные не могли простить Пашичу, что он помешал им, согласно требованиям держав, напасть на Болгарию, пока она не была готова. Ему ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией»⁴⁸. При этом особое раздражение сербской Верховной команды вызывало прямое вмешательство Пашича в руководство военными операциями. Спустя почти год, в начале сентября 1916 г., на Салоникском фронте у деревни Острово во время инспекционной поездки вдоль фронта автомобиль престолонаследника Александра был обстрелян неизвестными лицами, при этом ни сам королевич, ни члены его свиты не пострадали. Последствием этого стал известный Салоникский процесс лета 1917 г. над участниками военной организации «Объединение или смерть» («Черная рука») ⁴⁹, игравших в то время значительную роль в военном руководстве страны⁵⁰. При этом в записях, датированных 9, 10 и 11 сентября 1916 г., российский военный агент отмечал, что отклонил, переданную через полковника Петра Живковича, просьбу Александра Карагеоргиевича «посетить его на фронте», объясняя свой отказ нежеланием прерывать лечение горячими ваннами «албанского» ревматизма⁵¹. В этой же связи интересен тот факт, что спустя всего два дня, 13 сентября, Артамонов фиксировал в своем дневнике: «Меня посетил прибывший с фронта Фурнье. Говорит, что М. Васич, как военный, плох, относится с негодованием к французам, политиканствует, австрофил. Что королевич тоже делается австрофилом. Что Д. Димитриевич (Черная рука) говорит уже о республике и т.п. (Подтверждается сведение о стремлении Королевича сократить Черную руку)»⁵².

Ценность этих источников состоит не только в том, что они содержат детали общих процессов политического развития Сербии или происходивших на Балканском театре Первой мировой войны событий. Не меньший интерес представляют сюжеты, в которых нашли отражение бытовые нюансы этого героического перехода. Так, например, известно, что в начале пути члены сербского правительства имели в своем распоряжении прекрасные автомобили, и Трубецкой, вместе с другими членами европейского дипломатического корпуса, начал путешествие в вполне комфортных условиях. 7-го октября он

выехал из Ниша в Кралево в вагоне специального поезда. Там российский посланник, как мог, подготовился к ожидающим его трудностям нелегкого перехода. Из Кралево он направился в Рашку, а затем в Митровицу, причем успел покинуть город, когда неприятель находился всего в 25 верстах. Это отрезок пути Трубецкой и другие дипломаты также проделали в вполне сносных условиях. «В распоряжение дипломатов были даны два четырехместных автомобиля и 3 грузовых. Так как нас всех было свыше 20 человек, то разместиться удалось, конечно, с грехом пополам. Секретари поехали в грузовых автомобилях, сидя на сундуках», – записал Трубецкой⁵³. Вскоре он вместе с другими дипломатами благополучно прибыл в Митровицу, если не считать маленького происшествия с одним из грузовых автомобилей. На горной дороге он перевернулся, но, к счастью, никто серьезно не пострадал, кроме слуги итальянского посланника, сломавшего ногу. Но, как написал далее Трубецкой, «греческий поверенный в делах, вылетевший из автомобиля, был оскорблен во всех своих чувствах дипломата, проникнутого сознанием своей важности, как представителя Греции. Он закатил настоящую сцену бедному Чолак-Античу⁵⁴ за то, что его поместили в грузовик вместе с прислугой»⁵⁵.

Отметим, что это было не первое посещение Митровицы Трубецким. До этого российский посланник бывал здесь в 1908 г. При этом данное им сравнительное описание этого города является еще одной яркой иллюстрацией методов успокоения и управления этим непростым регионом, вошедшим в состав Сербского королевства по итогам Балканских войн (1912–1913). Сравнивая свои впечатления от «столицы разбойничьего царства», российский дипломат отметил, что в 1908 г. «во всей Митровице только двое носили европейские шляпы – это были русский и австрийский консулы». Он писал: «На меня пахло тогда какими-то отдаленными временами, словно это была Запорожская Сечь. И, конечно, Албания была сплошной вольницей, а Митровица каким-то разбойничьим гнездом»⁵⁶. Осенью 1915 г. Трубецкой с удивлением увидел, что «прежние времена сменились новыми. Я не узнал гордых арнаутов. Куда делись эти молодцы, щеголявшие своими кинжалами, пистолетами и винтовкой? Как потихли их взоры, сверкавшие мрачным пламенем, как поникли их головы! <...> Вся эта перемена

была достигнута не только завоеванием края у турок, но и суровым беспощадным подавлением албанского восстания после войны, когда целые селения почти поголовно исчезали с лица земли, и пощады не давалось иногда даже детям. Странно было теперь видеть арнаутов, чинящих дорогу под наблюдением прикрикивающего на них старого досмотрщика – серба»⁵⁷.

Но понятно, что военное поражение Сербии обострило давнюю взаимную ненависть. Трубецкой отметил, что «понемногу албанцы начали подымать головы, понимая, что перед ними не вчерашние укротители, а люди, бегущие от преследования неприятеля». В этом смысле показателен один эпизод, нашедший отражение в его воспоминаниях. «Еще в Митровице как-то однажды, когда ко мне зашел по делу черногорский посланник, он встретился с человеком, у которого я торговал лошадь. Миушкович спросил его, кто он такой. – “До нынешнего дня я серб”, – отвечал последний. Было ясно, что этот недолго останется сербом»⁵⁸.

Но главные тяготы перехода, связанные с тотальным воровством и грабежами истощенных сербских солдат албанским населением, непосредственно ощутил на себе российский военный агент. Так, 16 ноября 1915 г. Артамонов отметил в дневнике: «Утром послал человека с 3 жандармами для поиска лошади и вещей. Ничего не сделал. Пошел сам, вывел уцелевшую чудом, слегка обобранную лошадь (сдохла 22 ноября) и спас как-то две вещи: саблю, сухари, мешок матроса и некоторые мелочи. Остальное растащено арнаутами»⁵⁹.

В Митровице члены дипломатического корпуса также задержались ненадолго. «Через день или два по прибытии сербского правительства в Митровицу, поздно вечером, ко мне вошел наш военный агент Артамонов с известием, что болгары взяли Гилян и могут обойти Кочаник. Необходимо завтра чем свет уходить в Призрен», – вспоминал Трубецкой⁶⁰. К концу следующего дня, несмотря на близость неприятеля, европейские дипломаты благополучно прибыли в Призрен, где российский посланник, с комфортом разместившись в доме бывшего консула Н.А. Емельянова, коротал время с найденной в его библиотеке книгой «Тысяча и одна ночь». Вместе с ним в доме русского консульства поселились Артамонов и французский военный агент Фурнье.

Выехав 7 ноября 1915 г. из Призрена, Трубецкой пересек сербо-черногорскую границу, а уже 18 ноября он отправился из Подгорицы в Скутари. Однако все последующие ночевки российского дипломата, особенно при переходе через албанские горы, были менее комфортны. Как он отметил, «мы обыкновенно останавливались в каком-нибудь “хане”⁶¹. Ханы эти представляли досчатые строения, которые нельзя было топить. Между тем в горах был снег, и стояла настоящая зимняя погода. С большим трудом и за большие деньги доставали мне сена лошадям. Местами дорога была сильно испорчена, местами не было никакой дороги, приходилось ехать по руслам потоков, карабкаться по обледеневшим тропинкам, ведя за узды лошадей. Мы приходили под вечер усталые, изнемогающие в хан, где уже часто набивалось столько народу, что вздохнуть было трудно»⁶². Ну а сам переход сопровождался бытовыми трудностями весьма деликатного свойства, к которым рафинированным членам дипломатического корпуса пришлось приспосабливаться особо. В воспоминаниях Трубецкой счел отметить: «Путешествие в необычных условиях создавало простоту нравов. Г-жа Йованович, не стесняясь, просила своего мужа дать ей бумаги. Выходя из комнаты, она просила Des Gras (британский посланник в Сербии – Я.В.), может ли она надеяться найти отхожее место. Des Gras не мог ее обнадежить. Нам всем приходилось выходить на дорогу»⁶³.

Непросто проходило и путешествие российского военного агента, а его заметки того времени также дают нам ценный материал, позволяющий уточнить многие нюансы перехода сербской армии через албанские горы и поведения ее высшего руководства. Так, 14 ноября Артамонов, находясь в маленьком местечке Мамска Кула, сделал следующую запись, связанную с ожиданием приезда престолонаследника Александра Карагеоргиевича: «К вечеру ожидают приезда королевича, выехавшего из Призрена в 12 часов на автомобиле, несмотря на широкое уверение, что дорога загромождена <...> Ему готовят комнату рядом со мною, *выселяя жену и мать какого-то офицера* (курсив наш. – Я.В.). К вечеру прибывают офицеры Двора, но королевич где-то по дороге застрял, из-за скопления обозов, вынужден ночевать в автомобиле». Причем Артамонов послал на Мамский мост для встречи королевича

ча гвардейца с фонарем. Больше этого фонаря, как отмечено в дневнике, он так и не видел, «хотя сильно в нем нуждался»⁶⁴.

Там же в Мамской Куле Артамонов и приданный в его распоряжение сербский офицер Йованович получили лошадей. Российский военный агент фиксировал: «Я имею 3 собственных, Йованович получает 3 лошадей (имея еще одну свою – верховую). Полагаю, что он это получает под видом как бы для военных агентов»⁶⁵. В этой же связи любопытны следующие сведения Артамонова от 14 ноября: «Вечером выдают “суву храну”»⁶⁶ офицерам: нам дают кусок швейцарского сыру, ½ кило каймаку на кажд[ого], бутылку старой 46 л. [летней] рации и 2 бутылки шампанского. Приходится добивать запасы». Далее российский военный агент отметил, что в Верховной команде им выдали еще по одной бутылке вермута⁶⁷.

Традиционный сербский напиток помог поднять настроение и российскому дипломату. Достигнув вершины горы Чакор, отделявшей новые владения Черногории от старых, дипломаты решили снять накопившуюся усталость. «Кульминационным пунктом нашего путешествия была вершина горы Чакор. Достигнув её, мы расположились завтракать. У нас была с собой припасена бутылка сливовицы из Дечанского монастыря, а известно, что монахи мастера насчет спиртных напитков. Никогда с большим наслаждением я не пил водки», – вспоминал Трубецкой⁶⁸.

Но трудности российских дипломатического и военного агентов оказались лишь малой толикой того, что пришлось во время этого тяжелого перехода испытать рядовым солдатам и обычным беженцам. Число их было значительно, а эвакуация остатков сербской армии на Корфу не только задерживалась, но и началась крайне плохо и неорганизованно. Артамонов в записях от 12 декабря зафиксировал, что из 1 700 сербских беженцев с Медуи итальянский транспорт забрал лишь официальных лиц. «Отчаяние остальных – бросились в море. Сумасшествие. Даже французские и английские военные агенты находят, что *les italiens ne sont pas gentils*»⁶⁹, – писал он⁷⁰.

Изменить ситуацию помогло дипломатическое вмешательство России и лично императора Николая II. Исходя из записей российского военного агента, к концу января 1916 г. на

Корфу находилось 93 463 чел., в Бизерте – 5 140 чел., а в Салониках 3 726 – чел. Всего, по его данным, было перевезено 102 329 чел.⁷¹ По сведениям же российского генерального штаба, которые, однако, несколько расходятся с данными В.А. Артамонова, к началу февраля, года на Корфу было перевезено 88 тыс. чел., находилось в пути еще 8 000 чел., было также переправлено 12 горных пушек и все пулеметы. К этому времени в Дураццо оставалось 7 тыс. человек, а районе Валонны еще около 30 тыс. чел.⁷² Артамонов же, на наш взгляд, был более точен, постоянно фиксируя в своих записях изменение численности прибывающих на Корфу сербских войск. Так, 2 февраля 1916 г. он помечал, что общее число эвакуированных достигло уже 116 208 чел., при том, что на Корфу находилось 107 342 чел., в Бизерте – 5 140 чел., а в Салониках 3 726 чел.⁷³

Но и жертвы этого перехода были немалые. Трубецкой вспоминал: «Сколько попадалось нам людей, едва передвигавших ноги и ложившихся вдоль дороги. Все ли дошли до моря – им не у кого было просить и искать помощи – все были в том же положении. На каждом шагу лежали брошенные издыхающие лошади. Они также были так слабы, что многие не могли выдержать ни малейшего напряжения. Если встречалась какая-нибудь неровность, или приходилось перевозить повозку через канаву, они тут же падали и издыхали. В некоторых местах нам приходилось переходить канавы по трупам лошадей, увязшим в землю. По обе стороны дороги виднелись свежесыпанные могилы с крестами. Это были трупы людей, из коих многие долго ждали своего погребения и, видно, дождались его лишь накануне, когда стало известно, что по этой дороге пойдут Наследник и дипломаты. Поистине путь от Скутари до Медуй мог быть назван крестным путем страданий сербского народа»⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

² *Айрапетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 200.

³ О причинах провала этой операции см. подробнее: *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175–203.

⁴ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 244.

⁵ *Троцкий Л.Д.* Европа в огне // *Он же.* Сочинения. Т. XIX. Л., 1927. С. 104.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев. Оп. 1. Д. 1870. Л. 582–583.

⁷ См.: *Писарев Ю.А.* Сербия на голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

⁸ *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 158.

⁹ 6 (19) июня 1915 г. Ставка Верховного главнокомандования направила Александру Карагеоргиевичу следующую телеграмму: «Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского на итальянский фронт 16-го и части 15-го австро-венгерских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы, с общей точки зрения весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено на 10 июня». – См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1870. Л. 630.

¹⁰ Там же. Л. 629.

¹¹ Там же. Ф. 16351. Оп.1. Д. 1. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 8. В августе 1914 г. для доставки из России в Сербию по Дунаю боеприпасов, оружия и продовольствия была учреждена экспедиция особого назначения во главе с капитаном 1-го ранга М.М. Весёлкиным.

¹⁶ Там же. Л. 49 об.

¹⁷ Там же. Л. 41.

¹⁸ Там же. Л. 66.

¹⁹ Там же. Л. 75.

²⁰ Там же. Л. 94 об.

²¹ Там же. Л. 99.

²² Там же. Оп. 1 Д. 3. Л. 6.

²³ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 223–224.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ РГВИА. Ф. 16351. Военный агент в Сербии 1915–1916. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

²⁶ Там же. Д. 3. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Русские о Сербии и сербах. Т 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., подготовка к изданию, введение и заключительная статья А.Л. Шемякин. СПб, 2006. С. 559.

²⁹ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 90–91.

³⁰ Там же. С. 90.

³¹ Партия «напредняков» (серб. «*напред*» – вперед) выступала за сильную королевскую власть и ускоренную модернизацию страны с ориентацией на Двуетную монархию. Являлась опорой сербского князя (короля) Милана Обреновича при проведении им реформ в 80-е годы XIX в. В начале XX в. одним из ее лидеров был С. Новакович.

³² Там же. С. 91.

³³ Там же. С. 90.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 176.

³⁶ РГВИА Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

³⁷ Срем. – (*Прим. ред.*).

³⁸ РГВИА Ф. 16351. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³⁹ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 89.

⁴⁰ *Ламанский В.И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Русские о Сербии и сербах. С. 29.

⁴¹ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 89.

⁴² РГВИА. Ф. 16351. Оп.1. Д. 1. Л. 1 об.–2 об. В письме к Г.Н. Трубецкому от 26 февраля 1915 г. В.А. Артамонов указывал, что по сведениям Д. Димитриевича (Аписа), почерпнутым им от начальника санитарного отделения военного министерства полковника Сим. Карановича, «министр финансов г-н Пачу продержал у себя 2 месяца представленный ему проект санитарных мер для воспрепятствования развитию эпидемий и в конце концов отклонил таковой (кажется за неимением средств)». См: Там же. Л. 9. Ср.: *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010. С.45.

⁴³ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 177–178.

⁴⁴ Там же. С. 178.

⁴⁵ Там же. С. 187.

⁴⁶ Там же. С. 174.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.

⁴⁸ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 175. Характеризуя при этом высшее военное руководство Сербии – генерала Р. Путника и его

помощника Ж. Павловича, Трубецкой отмечал, что начальник штаба Путник – «дряхлый, больной генерал», оставался у власти «только благодаря легенде, сложившейся вокруг его имени и стяжавшей ему популярность среди солдат». Отметим также, что в конце июня 1915 г. старый генерал переехал на свою дачу близ Крагуеваца и перестал принимать доклады начальников отделов. Таким образом, Живко Павлович самостоятельно решал все текущие дела. Однако сам Живкович, по мнению дипломата, «не лишенный дарований», не пользовался «достаточным авторитетом ни в глазах старых генералов, командовавших армиями, ни тем более в своих отношениях с стариком Пашичем». См.: Там же. С. 175.

⁴⁹ См. статью Д. Батаковича в данном сборнике.

⁵⁰ Эта офицерская организация была создана в 1911 г. и имела серьезное влияние на политику королевства Сербия. Организаторы этого общества были осуждены на Салоникском процессе весной 1917 г., а трое ее руководителей – Д. Димитриевич (Апис), Л. Вулович и Р. Малобаич были расстреляны по приговору этого суда. См. подробнее: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012; *Он же.* «Черная рука» в сербской политике начала XX века // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 8–13.

⁵¹ РГВИА Ф. 16351. Оп. 1. Д. 5. Л. 63 об.

⁵² Там же. Л. 64.

⁵³ *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия. С. 186.

⁵⁴ До вступления Болгарии в войну Чолак-Антич занимал должность сербского посланника в Софии.

⁵⁵ Там же. С. 189–190.

⁵⁶ Там же С. 190.

⁵⁷ Там же. С. 191. В сентябре 1913 г. албанские четы численностью более 10 000 человек под руководством Исы Болетинца и других вождей албанского сопротивления совершили нападение на недавно присоединенные к Сербии земли западной Македонии. Началась новая, теперь уже необъявленная война на Балканах. В этом вторжении активное участие приняли и болгарские четнические отряды. Вторжение не без труда было отбито сербской армией, а албанское население подверглось жестоким репрессиям со стороны сербских военных властей. См.: *Трбић В.* Мемоари. Београд, 1996. С. 32–40. Ужасающие факты расправ, чинимых как албанцами, так и сербами, приводит П.А. Искендеров, цитируя в этой связи «Официальный доклад великим державам» – документ, опубликованный в газете «*Il Corriere delle Puglie*», где обобщались материалы о резне сербами албанского населения в Люме и Дебаре. См.: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос. СПб, 2013. С. 132–158.

⁵⁸ Там же. С. 199–200.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

⁶⁰ *Трубецкой ГрН*. Русская дипломатия. С. 196–197.

⁶¹ Хан – от тур. постоянный двор.

⁶² Там же. С. 203–204.

⁶³ Там же. С. 204.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 2. Л. 82–82 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Сухой паек (сербск.).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Трубецкой ГрН*. Русская дипломатия. С. 205.

⁶⁹ Итальянцы не очень дружелюбны (франц.).

⁷⁰ РГВИА. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3 об.

⁷¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁷² Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 1.

⁷³ Там же. Ф. 16351. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.

⁷⁴ *Трубецкой ГрН*. Русская дипломатия. С. 241.

Д.Т. Батакович

**САЛОНИКСКИЙ ПРОЦЕСС 1917 г.:
«ЧЕРНАЯ РУКА» ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ**

11 сентября 1916 г. принц-регент Александр Карагеоргиевич возвращался после посещения сербских войск, расположенных вблизи Острова (Арнисы) на Салоникском фронте. Во время разговора с водителем маркизом д'Авари регент слышал отдельные выстрелы, которые доносились в нескольких сотнях метров, что в зоне боевых действий было обычным делом. На них обратили внимание лишь потому, что они испугали боязливого французского водителя. Однако вскоре общественность взволновала новость о ведущемся расследовании якобы попытки покушения на регента, в котором подозревались члены «Черной руки» – тайной организации, основанной в Белграде в 1911 г. под названием «Объединение или смерть» и состоявшей главным образом из офицеров сербской армии. Это расследование открыло показательный Салоникский процесс, ставший кульминацией противостояния властей и группы заговорщиков в армии, которое угрожало не только государственному контролю над вооруженными силами, но, в условиях изгнания, и демократическому устройству Сербии¹.

Армия и политика в Сербии, 1903–1911 гг.

В июне 1903 г. (в конце мая 1903 г. по старому стилю) группа офицеров при поддержке нескольких либеральных политиков в отставке организовала государственный переворот, в ходе которого на сербском престоле сменилась династия. Это был один из редких для Балкан случаев, когда заговор военных, хотя и успешный, не перерос в диктатуру. Власть, после того, как при поддержке армии новым правителем Сербии

был избран князь Петр Карагеоргиевич – внук Карагеоргия и протеже русского императора Николая II, осталась в руках политических партий. Либеральная конституция 1903 г. в равной степени гарантировала и правовой статус монархии, и положение однопалатного парламента. Офицеры-заговорщики, восхваляемые общественным мнением за ликвидацию авторитарного режима последнего Обреновича, воспринимались в первую очередь как патриоты, которые создали условия для обновления демократического строя и проведения независимого антиавстрийского внешнеполитического курса. Напротив, европейская общественность была шокирована такой грубой расправой с королем: большинство дипломатов, по примеру британцев, покинули Белград, начав «дипломатическую забастовку», которая продлилась почти три года.

Новый король прожил много лет в изгнании – во Франции и Швейцарии, поэтому не имел поддержки в стране и опирался на армию, пытаясь укрепить шаткое положение своей династии после полувекового правления Обреновичей². Сразу после переворота заговорщики заняли важнейшие посты в армейской иерархии, отстранив офицеров, верных свергнутому королю. Также они намеревались оказывать влияние на политическую ситуацию в стране, действуя через лидеров Либеральной партии – активных участников переворота³. Но после свободных демократических выборов в Народную скупщину в сентябре 1903 г., где убедительную победу одержала Народная радикальная партия Николы Пашича, их планы контролировать политику в государстве потерпели крах. Народ Сербии недвусмысленно изъявил свою волю и выбрал демократию⁴.

Поэтому заговорщики обратились ко Двору и, окружив нового короля своими людьми, «навязались» престолу в качестве «неконституционного фактора», пытаясь помимо военных назначений повлиять и на внутриполитический курс. И хотя Народная скупщина, вопреки требованиям великих держав наказать и отправить в отставку мятежников, признала их роль в обновлении демократии, участники Майского переворота все чаще сталкивались с серьезными обвинениями внутри армии. Большинство офицеров были против вмешательства армии в политику. Довольно быстро сформировалась группа

так называемых «контрзаговорщиков», которые считали, что участники переворота нарушили клятву верности предыдущему монарху, и требовали их увольнения со службы. Противники заговорщиков предприняли две провальные попытки организовать комплот в Нишском (1903) и Крагуевацком (1905) гарнизонах. Во главе с капитаном Миланом Новаковичем они обвиняли мятежников в «подрыве авторитета руководящих правительственных структур, вмешательстве в государственные дела и давлении на правительство». Атака «контрзаговорщиков», хотя и была быстро отбита, ясно дала понять, что переворот не получил всеобщего одобрения в рядах офицеров⁵. На третью годовщину майских событий в 1906 г., после мучительных, но искусно проведенных переговоров с британским правительством об условиях окончания дипломатического бойкота, старорадикальный кабинет Пашича согласился на отставку шести главных заговорщиков из числа высших офицеров⁶.

«Объединение или смерть!»: национальные и политические амбиции «Черной руки»

Отношения правительства с армией временно стабилизировались, а влияние заговорщиков из офицерских кругов в основном ограничивалось рамками взаимоотношений Двора с представителями вооруженных сил. Молодые офицеры-заговорщики, недовольные пассивной позицией правительства в вопросе о положении сербов в аннексированных Боснии и Герцеговине после 1908 г. и приостановлением деятельности партизан в османской Македонии, основали в мае 1911 г. тайную организацию «Объединение или смерть!». Широко известная как «Черная рука», эта группировка планировала проведения акций с целью ускорения национального объединения. Верховную управу организации составили майор Илия Радивоевич, государственный служащий Богдан Раденкович, капитан Чедомир А. Попович, капитан Велимир Вемич, журналист Любомир С. Йованович-Чупа, майор Драгутин Т. Димитриевич (Апис), капитан Воислав Танкосич, капитан Илия М. Йованович, майор Милан Васич и подполковник Милан Гр. Милованович⁷.

Устав «Черной руки» написал Л.С. Йованович-Чупа, известный журналист проюгославянской ориентации. Вдохновение он черпал в статутах итальянских карбонариев, германских патриотических обществ и «Катехизисе революционера» Сергея Нечаева. Ритуалы и внутреннее устройство свидетельствовали, что объединение⁸ становилось все более похожим на мазонскую ложу или подпольную группировку Ф. Буонарроти⁹.

Несмотря на проюгославянские настроения отдельных учредителей, устав предусматривал в конечном итоге «объединение сербства», причем приоритетной считалась революционная борьба, с целью оказать влияние на «все официальные структуры, все слои населения и общественную жизнь в Сербии, как в Пьемонте», а не культурные акции. Особо подчеркивалось, что «Черная рука» планировала «оформить революционную организацию на всех территориях, населенных сербами», чтобы и в заграничных областях они имели возможность бороться всеми силами «со всеми противниками этого идеала».

«Черная рука» была сербским вариантом похожих военных группировок, которые оказывали давление на легитимных представителей власти на Балканах, как, например, младотурки в Османской империи или Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО) в Болгарии. Профессиональная армия была создана в 1883 г. и появилась в Сербии на несколько десятилетий позже, чем другие государственные институты и некоторые политические партии. Офицерский корпус в стране с преимущественно аграрным населением относился к среднему классу: кадровые военные ощущали себя главной движущей силой общества, на которую возложена святая миссия национального освобождения и объединения. В монархии они видели гаранта государственного единства, Скупщину рассматривали как источник народного суверенитета и демократического устройства, в то время как армия, на их взгляд, должна была воплотить в жизнь освободительные устремления. Лидеры недавних заговорщиков вместе с группой национальных активистов, вдохновлявшихся параллельно и сербской, и югославянской идеями, считались единственными реальными носителями высших национальных идеалов¹⁰.

Возглавляемая майором Драгутином Т. Димитриевичем (Аписом), неофициальным лидером младших офицеров – убийц короля Александра Обреновича, «Черная рука» за короткое время приняла в свои ряды несколько сотен офицеров и меньшее количество гражданских лиц, в том числе и некоторых хорватов, привлеченных благородной национальной идеей сербского объединения, родственного югославянскому. Оскар Тарталья, хорват-католик и член «Черной руки», писал, что Д.Т. Димитриевич (Апис) был «духом, вождем и организатором национально-революционного движения, который всегда держал в уме не только Сербию, но и другие страны, где наш народ жил под иностранным гнетом <...> он был военный и политик, одновременно и Гарибальди, и Мадзини в борьбе за общее югославянское освобождение»¹¹.

Несмотря на то, что главной целью «Черной руки» было оживление национального движения в европейских провинциях Османской империи после младотурецкой революции и в Боснии и Герцеговине, аннексированных Австро-Венгрией, ее члены скоро стали активными участниками политической жизни Сербии. Среди них выделилась группа, которая в газете «Пьемонт» критиковала политические партии, находившиеся у власти, обвиняя их в коррупции, злоупотреблении полномочиями и недостатке патриотизма. Кроме того «Черная рука» присоединилась к разветвленной сети формирований под эгидой влиятельной патриотической организации «Народная оборона». Основанная во время Боснийского кризиса 1908 г., в первую очередь для того, чтобы дать решительный отпор действиям двуединой монархии, она со временем переросла в преимущественно культурное объединение, ставившее задачи распространения и сохранения национального самосознания и идентичности.

Харизматичный вождь «Черной руки» Д.Т. Димитриевич (Апис) был воинствующим националистом и прирожденным заговорщиком, с азартом стремящимся реализовать личные политические цели. «Черная рука», которая на деле была не так грамотно организована, как это декларировалось, в скором времени превратилась в небольшую неформальную группировку влиятельных офицеров во главе с самим Аписом. Они проводили в жизнь собственные планы и формировали со-

юзы, а свои антидемократические и чаще всего авторитарные идеи обычно представляли общественности на страницах ежедневной газеты «Пьемонт», печатного органа «Черной руки».

В течение двух балканских войн 1912–1913 гг. офицеры, члены «Черной руки», заняли видное положение в армии на всех фронтах от Косова до Македонии. Благодаря военным успехам они добились привилегированного положения в среде сербской политической элиты. Накануне Второй балканской войны они оказывали давление даже на старорадикальное правительство Пашича, решительно отговаривая его от передачи спорных территорий в Македонии болгарам. В «Пьемонте» было опубликовано открытое предупреждение: если хотя бы малая часть «спорной зоны» будет отдана врагу, то есть Болгарии, то кабинет Пашича будет наказан за государственную измену¹².

Их подход к ведению внешней политики не отличался глубоким пониманием международных отношений: территории, завоеванные на поле битвы, не должны быть утрачены в ходе дипломатических переговоров. Не имея серьезного политического опыта, члены «Черной руки» считали, что для борьбы за национальное объединение кроме военной мощи нужна только поддержка их угнетенных единоплеменников, проживающих в Османской империи и Австро-Венгрии. Не было сомнений в том, что их вклад в защиту сербских интересов значительно превосходил другие формы политической борьбы. Исходя из этого, члены «Черной руки» все чаще видели в политических партиях главное препятствие на пути к достижению своих целей¹³.

Главным врагом «Черной руки» было старорадикальное правительство Н. Пашича, который после отставки шестерых главных заговорщиков в 1906 г. настаивал на том, что армия и особенно тайные организации офицеров должны быть вне политики. Лидеры «Черной руки», стараясь заручиться поддержкой других политических партий (в первую очередь, младорадикалов), рассматривали старорадикалов Пашича как главную угрозу для влиятельных офицерских кругов, стремившихся стать важным, хотя и не ключевым фактором в определении как внутривнутриполитического курса, так и долгосрочных

национальных перспектив. Более того, их недовольство вызывала и нерешительная позиция короля Петра, который практически не вмешивался в политику. Попытками контролировать Двор, лидеры «Черной руки» спровоцировали на конфликт престолонаследника Александра: под его началом сформировалась неформальная группировка офицеров, состоящая в основном из личных врагов Аписа и «контрзаговорщиков», известная широкой общественности как «Белая рука»¹⁴.

Конфликт вооруженных сил и гражданских властей (1913–1914 гг.) и распад «Черной руки»

Военное управление в «новых областях» на юге, в Старой Сербии (Косовский вилайет) и сербской Македонии (Битольский вилайет), возглавляемое в основном членами «Черной руки», имело ключевое значение в сохранении территориального единства Сербии. Оно успешно отражало военные и партизанские атаки из соседних Албании и Болгарии и поддерживало порядок в этих беспокойных регионах. Кроме того приходилось бороться и с сопротивлением большого количества национальных общин албанского и болгарского меньшинства, которые разными способами, в том числе и путем локальных бунтов, подрывали авторитет новой власти.

Конфликт военной и гражданской администраций разгорелся в мае 1914 г. на почве их спора о преобладании этих структур в управлении вновь приобретенными территориями. Назначенный в 1913 г. шефом разведывательной службы при Генеральном штабе Апис попытался организовать военный переворот. Он призывал офицеров, членов «Черной руки», служивших в Скопье, выйти из подчинения гражданским властям, совершить марш-бросок на Белград и сместить правительство Пашича. Апис все планировал вместе с несколькими членами Верховной управы, не привлекая к этому делу других участников тайного общества¹⁵. Несмотря на то, что военная администрация в Скопье состояла в основном из членов «Черной руки», офицеры решительно отказались поддержать попытку путча. Они ясно дали понять, что хотя гражданские власти и требуют от них приоритета штатских в управлении «новыми областями», сербская армия не намерена выходить за уста-

новленные для нее конституцией рамки. Таким образом, Апис с группой ближайших соратников остался в изоляции. Весной 1914 г. после неудачной попытки мятежа в вооруженных силах «Черная рука» фактически перестала существовать как единая организация¹⁶.

В то время как большинство офицеров считало, что с освобождением Старой Сербии задачи, стоявшие перед их организацией, решены, Апис с небольшой группой единомышленников продолжил активно участвовать в политической жизни страны якобы от лица «Черной руки». Вследствие того, что ее деятельность носила конспиративный характер, ни в общественном мнении, ни в политических кругах Сербии не наблюдалось волнений по поводу того, что таинственная офицерская организация распалась. Напротив, считалось, что она продолжает функционировать как мощный и единый блок. Такому восприятию, безусловно, способствовала сплоченность, которую демонстрировали офицерские ряды в конфликте со штатскими в «новых областях»¹⁷.

Этот конфликт во многом получил развитие потому, что сопровождался полемикой в средствах массовой информации и вмешательством представителей великих держав, в первую очередь посла Гартвига, а также Двора и политических партий. Разрешить его удалось только под давлением русской дипломатии: старый король Петр I, невольно ставший противником армии, отрекся от престола в пользу наследника Александра и передал принцу-регенту монаршие полномочия в июне 1914 г. Несмотря на то, что оспариваемый параграф «Распоряжения о приоритете», который закреплял преимущество штатских перед военными, был отклонен, командующий войсками в «новых областях» генерал Дамьян Попович, член «Черной руки», уклонившийся от исполнения данной директивы, был отправлен в отставку. Пашич распустил Скупщину и назначил новые выборы в сентябре 1914 г. На тот момент оставшаяся после распада «Черной руки» фракция Аписа потерпела второе поражение в конфликте с гражданскими властями¹⁸. Тем не менее члены кабинета Пашича опасались, что неконтролируемая деятельность организации за границей может навредить репутации Сербии, которой были необходимы хотя бы два десятилетия мира и стабильного развития

для консолидации управления в «новых областях» и их постепенной интеграции в правовую и экономическую систему страны¹⁹.

Сараевское убийство: кризис и предупреждения

«Черная рука» через «Народную оборону», в ряды которой она проникла еще до балканских войн, контролировала важную сеть агентов в Боснии и Герцеговине, которые при необходимости собирали секретную информацию. Накануне и во время Балканских войн в Белград стекались одиночки и целые группы из Боснии и Герцеговины – от добровольцев в четнические отряды до молодых людей из организации «Млада Босна». Несколько ее членов планировали покушение на Франца Фердинанда и уведомили об этом М. Цыгановича и В. Танкосича, близких соратников Аписа. Вероятно, не без его ведома, вооруженные пистолетами и бомбами юноши были тайно переброшены через Дрину в Австро-Венгрию благодаря связям их покровителя на границе.

После официального донесения пограничной полиции о том, что несколько иностранных граждан пересекли границу с Боснией под охраной пограничной военной администрации, Пашич был всерьез обеспокоен. Не обладая конкретными сведениями о возможных намерениях этих молодых людей, он просил воеводу Мишича срочно потребовать от Генерального штаба полный отчет об этом инциденте. Хотя имя Франца Фердинанда не упоминалось, у Пашича не было сомнений, что это каким-то образом связано с предстоящим посещением Сараево австро-венгерским престолонаследником. Маловероятно, что сербский посол в Вене Й.М. Йованович по собственной инициативе предупредил графа Билинского²⁰, скорее всего, он напрямую или косвенно передал предостережение из Белграда о возможных беспорядках. Однако об этом благо разумном и своевременном предупреждении Йовановича министр никому в венском правительстве не сообщил.

Судьбоносное покушение в Сараево, в день св. Вита, 28 июня 1914 г., совершили члены организации «Млада Босна». И хотя убийство изначально было самостоятельно спланирован-

ной акцией, их поддерживали несколько влиятельных членов «Черной руки», что стало известно во время Салоникского процесса 1917 г.²¹ По некоторым свидетельствам, после совещания с соратниками Апис распорядился принять необходимые меры и приостановить подготовку покушения, но младобосанцы упорно игнорировали его инструкции. Хотя он никогда не встречался с участниками преступления, заочно одобрил их отправку в Сараево, полагая, что те только напугают Франца Фердинанда и отвлекут от разработки агрессивных планов против Сербии²². Согласно тенденциозным трактовкам событий, «Черная рука» подстрекала молодых людей к убийству эрцгерцога, но, вероятно, эту ситуацию стоит толковать следующим образом: «Млада Босна» воспользовалась оказанной материально-технической поддержкой для реализации своих намерений²³.

К началу Первой мировой войны в июле 1914 г. конфликт властей с «Черной рукой» оставался неразрешенным. В условиях войны и нараставшей угрозы для сербской армии со стороны Вены Апис возобновил контакты с рядом бывших членов своей организации. Уязвимость Сербии и солидарность внутри офицерской среды значительно влияли на сплочение вооруженных сил, которые и без подсказок «Черной руки» не симпатизировали премьеру Пашичу и его кабинетам, весьма экономным, когда речь шла о военных расходах.

Во время войны в Нише было создано новое коалиционное правительство во главе с Пашичем, в то время как бывших лидеров «Черной руки», включая Аписа, направили в разные воинские части, с тем, чтобы предотвратить любые их согласованные действия. Создается впечатление, что независимые радикалы приняли предложение войти в правительство Пашича только после соглашения с Аписом в октябре 1914 г.²⁴ Определенные успехи в примирении и совместной деятельности были достигнуты во время крупных военных операций, из которых Сербия вышла победительницей. Однако уладить конфликт между Пашичем и Аписом не удалось, так как их личная встреча не состоялась²⁵.

В сентябре 1915 г. Пашич, обескураженный позицией Великобритании и Франции, отклонил предложение офицеров нанести превентивный удар по Болгарии для того, чтобы

приостановить там мобилизацию. После поражения сербской армии правительство было вынуждено, сопровождаемое войсками и беженцами, эвакуироваться в Албанию. Хронический конфликт возобновился зимой 1915 г.: члены «Черной руки» открыто обвиняли принца-регента и премьер-министра Пашича в военной катастрофе. Воевода Радомир Путник и другие покровители «Черной руки» были отправлены в отставку и заменены лояльными регенту Александру офицерами.

Сербская армия, правительство, две трети депутатов Народной скупщины, в общей сложности 151 828 военных и гражданских лиц, пережившие суровую зиму и вражеские атаки албанских кланов за время «Албанской (Сербской) Голгофы»²⁶, в начале 1916 г. переправились на кораблях союзников на греческий остров Корфу, в то время как остальные 11 214 человек были доставлены на французскую базу в Бизерте, в Тунисе. От голода и болезней на Корфу скончались десятки тысяч военных; выживших, при поддержке французов, удалось вооружить и реорганизовать в три армии, шесть пехотных и одну конную дивизии²⁷.

Возобновившаяся политическая борьба 1916–1917 гг.

Обновленная армия (6 025 офицеров, 124 190 рядовых) к концу мая 1916 г. была переброшена на Салоникский фронт, в то время как правительство и депутаты Скупщины остались на Корфу для того, чтобы сохранить символическую преемственность государственных учреждений оккупированной Сербии. Принц-регент Александр был недоволен и кабинетом Пашича, и собственным положением в армии, которая все еще находилась под влиянием «Черной руки». В конфликте участвовали три противоборствующих стороны. Первую, при поддержке офицеров, состоявших в организации «Белая рука», возглавлял принц-регент Александр, желавший править, а не быть королем, как его отец. Второй силой был премьер Пашич, законный представитель демократического порядка, которого союзники считали ключевой политической фигурой. Третья – «Черная рука», враждебно настроенная по отношению к принцу-регенту и Пашичу, все еще имевшая влияние

на офицерские круги, организация во главе с подполковником Аписом²⁸.

Попытка примирения лидера «Черной руки» и Александра Карагеоргиевича во время их встречи на Корфу весной 1916 г. не увенчалась успехом, так как Апис отказался поддержать план принца – сместить правительство Пашича и сформировать новый кабинет министров. Его не устроила кандидатура популярного воеводы Ж. Мишича – победителя в Колубарской битве – в качестве премьер-министра. Апис заявил, что он не для того свергал в 1903 г. один авторитарный режим, чтобы потом заменить его аналогичным. В то же время, пользуясь затишьем на фронте, офицеры из «Черной руки» по неофициальным каналам начали передавать принцу-регенту и Пашичу угрожающие сообщения о том, что в освобожденную Сербию через «ворота из сабель» военные буду впускать только тех политиков, которых сочтут истинными патриотами. Они же провоцировали рост недовольства офицерского корпуса, как регулярно докладывали Александру.

Сербские офицеры, раздраженные положением среди союзнических войск на Салоникском фронте, роптали, политические интриги накаляли атмосферу. И вот 11 сентября 1916 г. близ Острова произошло «покушение» на принца-регента. По инициативе офицеров – членов «Белой руки», сопровождавших Александра, было предпринято расследование против Аписа и его сторонников. Александр обвинял Аписа «в болезненном честолюбии закоренелого заговорщика», которого вдохновляют «примеры латиноамериканских республик, где почти каждый год офицеры совершают перевороты и берут власть в свои руки». Он также заявил: «Я решительно против того, чтобы мои офицеры вмешивались в политику и тем более участвовали в революциях. Но я не имею ничего против того, что однажды мой народ выберет республику, а я стану первым республиканцем»²⁹.

Пашич был против создания военного трибунала для суда над офицерами в Салониках, опасаясь, что эта расправа – после успешной военной операции объединенных сил – подорвет позиции Сербии в глазах Антанты. Чтобы снять с себя ответственность за этот судебный процесс, он отправил в действующую армию официальное требование назначить

Апис военным атташе. Однако его требование было отклонено: в декабре 1916 г. Апис был арестован. После того как военные следователи (все – члены «Белой руки») в бумагах полковника Аписа и его сторонников нашли устав, статуты, список членов и другие документы, министр внутренних дел Л. Йованович, заклятый враг «Черной руки», выступил с официальным заявлением (*«Президијал»*). В нем говорилось: «Еще когда наша армия была на Корфу, было замечено, что одна группа офицеров проводила политическую агитацию и готовилась к выступлению против власти и законов, в ущерб интересам страны и народа. Здесь, в Салониках, мы располагаем точными данными <...> и убеждены, что если не остановить их деятельность, это может иметь серьезные последствия для вооруженных сил Сербии и будущего страны»³⁰.

Салоникский процесс 1917 г.:

бутафорский суд во имя защиты порядка

Ставка Верховного командования, не имея достаточных доказательств, инкриминировала лидерам «Черной руки» организацию якобы заговора и подготовку покушения на принца-регента. Только после нажима принца Александра, который убедил Пашича в том, что Апис и его сторонники не только планировали установить военную диктатуру, но и убить престолонаследника, премьер-министр окончательно решился на созыв трибунала. Полковник Апис был взят под стражу только после того, как генерал Морис Сарай, верховный главнокомандующий союзными войсками на Салоникском фронте, лично не заинтересованный в этом мероприятии, дал согласие на арест.

Более 130 сербских военных и несколько гражданских лиц находились под следствием, пока военный следователь, наконец, не предъявил обвинения восьми офицерам, одному штатскому и двум рядовым-добровольцам в организации государственного переворота и покушения на жизнь принца-регента. Закрытый для общественности Салоникский процесс длился со 2 апреля по 5 июня 1917 г. Под председательством полковника Петра Мишича его проводил военный трибунал, состоявший из офицеров, относившихся к группировке «Белая рука».

Лжесвидетели подтвердили, что якобы имело место покушение на жизнь принца-регента. Основным исполнителем был назван Раде Малобабиц – главный помощник Аписа в организации Сараевского убийства. Другим обвиняемым по делу стал Мухаммед Мехмедбашич – единственный член организации «Млада Босна», которому удалось бежать в Сербию еще в 1914 г.

Малобабиц, якобы виновный в попытке убийства принца-регента, после пыток в тюрьме признался, что исполнял приказы Аписа, в то время как Мехмедбашич мужественно отрицал обвинения. Последовав совету бывшего друга и неформального лидера «Белой руки» полковника Петра Живковича, Апис обратился к суду, все признал и взял на себя ответственность за Сараевское убийство. Выступив с этим заявлением, он надеялся не только защитить своих многолетних и верных соратников, но, и, как ему было обещано, добиться смягчения обвинений, предъявленных на Салоникском процессе.

«Считая, что Австрия в скором времени начнет против нас войну, я думал, что гибель престолонаследника ослабит силу военной клики, и угроза войны будет предотвращена или отложена не некоторое время. Я направил Малобабица в Сараево для организации покушения на Франца-Фердинанда. Я решил на этот шаг только после того, как Артамонов (русский военный атташе в Сербии) заверил меня, что Россия не оставит нас без защиты, если Австрия атакует. В этой ситуации я не сказал ему о планах на покушение и о своих мотивах, посему спросил его мнение о позиции России, так как существовала возможность того, что в Австрии довольно быстро узнают о нашей акции и используют ее в качестве повода для начала войны. Малобабиц выполнил мой приказ, организовал и совершил покушение. Его пособники находились под моим командованием и получали за это небольшую плату. Некоторые счета находятся у русских, так как деньги, предназначавшиеся для оплаты услуг подчиненных, я получил от господина Артамонова, так как у Генерального штаба [сербской армии] не было необходимых средств для ведения активной деятельности»³¹.

Признание полковника Димитриевица шокировало трибунал и правительство, открыв им, что «Черная рука» была за-

мешана в организации и совершении убийства Франца Фердинанда. Кажется, Апис намеренно преувеличил свою роль и ответственность Малобабича в подготовке покушения, напрасно надеясь сыграть на патриотических чувствах судей, как ему советовал П. Живкович. Очевидно, что Апис, стараясь отвести от своих соратников обвинения в якобы покушении на принца-регента, «в очередной раз продемонстрировал отсутствие политического мастерства, свою склонность к недооценке противников и их лукавых уловок, а также то, что утратил контроль над своими эмоциями»³².

В ходе судебного разбирательства стало «известно», что полковник Апис и его сторонники планировали новую серию покушений, чтобы помочь Сербии и силам Антанты как можно скорее закончить войну. Потенциальными жертвами Апис назвал германского императора Вильгельма II, болгарского короля Фердинанда, а также греческого короля Константина. Намерения выглядели весьма убедительными, особенно после неожиданного признания о непосредственном участии полковника Аписа в организации Сараевского покушения³³.

Полковник Апис, а также шесть офицеров, членов «Черной руки», один штатский и Р. Малобабич были приговорены к смертной казни не за организацию покушения на принца-регента, а за участие в убийстве Франца Фердинанда. Кроме Аписа высшая мера наказания была назначена полковникам Милану Гр. Миловановичу, Чедомиру А. Поповичу, Владимиру Туцовичу, Радое Лазичу, подполковнику Велимиру Вемичу, майору Любомиру Вуловичу, Богдану Раденковичу и Раде Малобабичу. Генерал в отставке Дамьян Попович и доброволец М. Мехмедбашич были осуждены на 15 лет тюремного заключения. В знак протеста, что принц-регент Александр отклонил их просьбу о помиловании заговорщиков три министра коалиционного правительства Пашича (из числа независимых радикалов) подали в отставку³⁴.

Вопреки советам британского кабинета и российского Временного правительства, а также обращению Югославянского комитета, принц-регент Александр отказался помиловать Аписа и двух его близких соратников. Пока британская дипломатическая миссия в России через посланника на Корфу уговаривала сербское правительство отменить три смертных

приговора, убеждая, что это негативно скажется на репутации правительства, российский министр иностранных дел М.И. Терещенко лично предупредил Пашича о том, какое недовольство вызовут в России эти казни³⁵. Генерал Сарай в ходе процесса занимал нейтральную позицию и согласился с вердиктом суда, считая важным как можно скорее закончить данную акцию³⁶. Обращение французского правительства к Пашичу и последнее требование из России пересмотреть решение о смертном приговоре поступили слишком поздно: 26 июня 1917 г. трое осужденных были расстреляны, чему так пытались воспрепятствовать союзники. Последними словами Аписа стали: «Да здравствуют Великая Сербия и Югославия!».

Десятки членов «Черной руки» были осуждены или отправлены из действующей армии на пенсию. Организация, основанная в 1911 г. с целью влиять на внутреннюю политику страны, к 1914 г. превратилась в нелегальную группировку, главным образом зависевшую от планов Аписа, а в 1917 г. прекратила свое существование. Несмотря на показательный процесс, который много раз угрожал престижу сербской армии, демократия окончательно обезопасила себя от постоянных угроз, исходивших от круга влиятельных высокопоставленных офицеров.

Салоникский процесс разворачивался в одно время с переговорами с Австро-Венгрией о сепаратном мире, что придало суду большое политическое значение и вызвало в дальнейшем неразбериху среди сербов в Салониках. Многие предполагали, что вынесение смертного приговора участникам Сараевского покушения стало одним из условий подписания договора между Сербией и двуединой монархией. Но не вызывает сомнений тот факт, что Салоникский процесс, в первую очередь, был делом внутренней политики и завершающей главой в долгой борьбе властей за государственный контроль над вооруженными силами.

В прорыве Салоникского фронта в сентябре 1918 г. две сербские армии сыграли ключевую роль в победе союзных войск. Германский император Вильгельм II, удивленный результатом наступления союзников и Салоникским перемирием, которое подписали болгары, в ярости отправил болгарскому королю Фердинанду телеграмму: «Позор! 62 000 сербских

солдат решили исход войны»³⁷. За 46 дней с начала наступления поддержанные союзническими силами сербские войска, несмотря на ожесточенное сопротивление, смогли преодолеть 600 км и достичь берегов Савы и Дуная, освободив Белград 1 ноября 1918 г. После восстановления независимости Сербии первая армия, по призыву Народного веча и других патриотических организаций, отправилась в Боснию, Воеводину и Хорватию, продвигаясь к далматинскому побережью и в конечном итоге к Словении на северо-западном фронте, в то время как другая, при поддержке французских войск, вернула Косово и освободила Черногорию.

Новое Королевство сербов, хорватов и словенцев было провозглашено 1 декабря 1918 г. в Белграде. «Черная рука», официально – «Объединение или смерть!», канула в Лету. Смерть ее вождя полковника Аписа и распад организации в условиях конфликта государственной и военной элит страны и сложной внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Сербия, стала неожиданной предпосылкой для югославянского объединения.

Перевод с сербского Л.К. Новосельцевой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История организации «Черная рука» и политическая роль ее харизматичного лидера Д.Т. Димитриевича (Аписа) стали предметом исследований ряда современников и специалистов-историков: *M. Bogitchevitch. Le colonel Dragoutine Dimitrievitch Apis. Paris, 1928; Неиковић Б. Истина о Солунском процесу. Београд, 1953; Живановић М.Ж. Солунски процес 1917. године. Прилог проучавању политичке историје Србије 1903–1918. Београд, 1955; Вучковић В.Ђ. Унутрашње кризе Србије и Први светски рат // Историјски часопис. 1963–1965. XIV–XV. С. 173–229; MacKenzie D. Apis: the Congenial Conspirator. The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević Apis. Boulder, 1989; Idem. The Black Hand on Trial. Boulder, 1995; Idem. The Exoneration of the Black Hand 1917–1953. Boulder, 1998. См. также новые отечественные исследования: *Казимировић В. Црна рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903. до Солунског процеса 1917. године. Крагујевац, Београд, 1997. Подробнее об организации «Черная рука» см.: Батаковић Б.Т. Сукоб војних и цивилних власти у Србији у пролеће 1914. године // Историјски часопис. 1982–1983. XXI–XXX.**

Београд, 1984. С. 477–492; *Idem.* Нови наративни извори о Солунском процесу // Србија 1917. Београд, 1988. С. 163–173; *Он же.* Изазови парламентарној демократији: Никола Пашић, Радикали и «Црна рука» // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1988. С. 310–329; *Bataković D.T.* La Main Noire (1911–1917): l'armée serbe entre démocratie et autoritarisme // Revue d'histoire diplomatique. Paris, 1998. N 2. P. 95–144; *Idem.* Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // Balcanica. 2013. Vol. XLIV. P. 307–356.

² См.: *Живојиновић Д.Р.* Краљ Петар I Карађорђевић. У отаџбини 1903–1914. Београд, 1990.

³ Видный либеральный политик Живан Ж. Живанович был зятем капитана Д.Т. Димитриевича (Аписа), харизматичного вождя молодой фракции участников Майского переворота 1903 г., Джордже Генчич, бывший министр и лидер гражданского крыла заговорщиков, приходился дядей Антонию Античу, одному из ближайших друзей Аписа.

⁴ *Vucinich W.S.* Serbia between East and West. The Events of 1903–1908. London, 1954. P. 99.

⁵ *Батаковић Д.Т.* Војска у политици Србије 1903–1908 // Споменица др. Данице Милић. Београд, 2014. С. 261–293.

⁶ *Radovich F.* The British Court and Relations with Serbia // East European Quarterly. Vol. 14. 1980. P. 461–468.

⁷ Список основателей организации см.: *Живановић М.Ж.* Солунски процес 1917. године. С. 674–680.

⁸ Среди учредителей «Черной руки» были и члены масонских лож, например, Л.С. Йованович и Б. Раденкович. Подробнее см.: *MacKenzie B. Ljuba Jovanović-Čura* // Serbs and Russians. Boulder, 1996. P. 119.

⁹ Филиппо Микеле Буонарроти (1761–1837) – итальянский и французский политический деятель и революционер. – (*Прим. перев.*)

¹⁰ *Djordjević D.* The Role of the Military in the Balkans in the Nineteenth Century // Der Berliner Kongress von 1878 / Ed. by R. Melville, H.-J. Schroeder. Wiesbaden, 1982. S. 317–347.

¹¹ *Tartaglia O.* Veleizdajnik. Moje Uspomene. Zagreb; Split, 1928. S. 26–28.

¹² *Батаковић Д.Т.* Сукоб војних и цивилних власти у пролеће 1914. године. С. 481–482.

¹³ *Поповић Ч.А.* Организација «Уједињење или смрт» («Црна рука»). Узроци и начин постанка // Нова Европа. Загреб, 1927. Књ. XV. Бр. 12. С. 402; *Gojković V.I.* Radikali i vojska // Nova Evropa. Zagreb, 1928. Knj. XVIII. Br. 10–11. S. 324.

¹⁴ См. подробнее: *Bataković D.T.* La Main Noire (1911–1917): l'armée serbe entre démocratie et autoritarisme. P. 117–121.

¹⁵ *Батаковић Д.Т.* Сукоб војних и цивилних власти у Србији у пролеће 1914. године. С. 484–489.

¹⁶ Подробнее см.: *Bataković D.T.* Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914). Р. 339–341.

¹⁷ АСАНУ. Бр. 14 434/6. Дневник Велимира Вемића. Данный документ свидетельствует, что после балканских войн 1912–1913 гг. «Черная рука» прекратила свое существование как слаженная и деятельная организация.

¹⁸ *Вучковић В. Ј.* Унутрашње кризе Србије и Први светски рат. С. 189–191.

¹⁹ *Bataković D.T.* Storm over Serbia: the Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914). Р. 340–345.

²⁰ Билинский, Леон фон (1846–1923) – австро-венгерский и польский государственный деятель, министр финансов Австро-Венгрии в 1912–1915 гг. – (*Прим. перев.*).

²¹ *Bataković D.T.* The Serbs of Bosnia and Herzegovina: History and Politics. Paris, 1996. Р. 84–87. Подробнее см.: *Ljubibratić D.* Mlada Bosna i Sarajevski atentat. Sarajevo, 1964.

²² *Анџић А.* Белешке. Зајечар, 2010. С. 337–340.

²³ Млада Босна. Писма и прилози / Ур. В. Божићевић. Сарајево, 1954. См. также: Гаврило Принцип. Документи и сећања / Ур. М. Ковић. Нови Сад; Београд, 2014.

²⁴ *MacKenzie D.* Apis: The Congenial Conspirator. Р. 148.

²⁵ *Батаковић Д.Т.* Изазови парламентарној демократији: Никола Пашић, Радикали и «Црна рука». С. 320.

²⁶ См. статью Я.В. Вишнякова в данном сборнике.

²⁷ *Larcher M.* La Grande Guerre dans les Balkans. Direction de la guerre. Paris, 1929. Р. 119–120; Велики рат Србије 1914–1918. Београд, 1970.

²⁸ *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1985. С. 306–321.

²⁹ Беседа принца-регента Александра с офицером Марко Крстичем цит. по: *Батаковић Д.Т.* Нови наративни извори о Солунском процесу. С. 169.

³⁰ *MacKenzie D.* The «Black Hand» on Trial: Salonika, 1917. Р. 81–82.

³¹ Подробнее см.: *Dedijer V.* The Road to Sarajevo. London, 1967. Р. 398.

³² *Ibid.* Р. 399.

³³ *Нешковић Б.* Истина о Солунском процесу. С. 74–78.

³⁴ Верховный военный суд заменил смертные приговоры, вынесенные полковнику Ч.А. Поповичу и Б.А. Раденковичу, на тюремное заключение сроком на 20 лет, в то время как генерал в отставке Д. Попович получил 5 лет тюрьмы дополнительно. Престолонаследник лично помиловал полковника М. Гр. Миловановича, В. Туцовича,

В. Вемича и осудил их на двадцать лет заключения, а также сократил сроки, назначенные Ч.А. Поповичу и Б.А. Раденковичу до десяти лет. Большинство осужденных были выпущены из-под стражи до 1919 г. См.: *Живановић М.Ж.* Солунски процес, 1917. С. 599. После Второй мировой войны, желая полностью дискредитировать династию Карагеоргиевичей, коммунистические власти возобновили судебный процесс в 1953 г. Несколько активных членов «Черной руки», в частности Р. Лазич, Б. Симич, В. Гойкович поддерживали режим Й. Броз Тито. См.: *MacKenzie D.* The Exoneration of the Black Hand, 1917–1953.

³⁵ *MacKenzie D.* Apis: The Congenial Conspirator, P. 228–229. Настойчивое требование министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко помиловать полковника Аписа могло быть мотивировано тем, что военный министр Временного правительства А.И. Верховской в 1914 г. был помощником В.А. Артамонова, военного атташе Российской империи в Белграде. См. *Dedijer V.* The Road to Sarajevo. S. 431.

³⁶ *MacKenzie D.* The «Black Hand» on Trial. P. 379. Salonika, 1917. P. 379.

³⁷ *Kalafatovitch D.S.* L'Armée serbe dans la campagne d'Orient // L'Armée d'Orient vu à 15 ans de distance / Ed. L. Savadjian. Paris, 1932. P. 67–71.

Н.С. Пилько

СЛОВЕНСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ПОД ВЕНГЕРСКОЙ ОККУПАЦИЕЙ В 1941–1944 гг.

В апреле 1941 г. Германия, Италия и Венгрия оккупировали и разделили между собой словенские земли, которые до начала войны входили в качестве Дравской бановины в состав Королевства Югославия. В целом проблема оккупации словенских территорий Венгрией в годы Второй мировой войны мало изучена. В словенской историографии основное внимание уделялось и продолжает уделяться немецкой и итальянской оккупации. Что касается отечественной историографии, то проблема оккупации словенских земель до недавнего времени не изучалась. В данной статье хотелось бы обозначить событийную канву и дать общее представление о тех процессах, которые происходили на словенских территориях, захваченных Венгрией в 1941–1944 гг.

После раздела Югославии Венгрия получила довольно скромные по площади словенские территории – Прекомурье и словенскую часть Междумурья. Захват осуществляли германские войска. Немецкое население встретило их с воодушевлением. Лидеры Культурного союза¹ украсили здания городов и деревень нацистскими флагами. В первые же дни оккупации представители Культурного союза обратились к немецкому командованию с просьбой о включении этих земель в состав Германии². Венгры, большая часть которых проживала в Нижней Лендаве (по-венгерски Алшолендва), не испытывали подобного воодушевления, надеясь, что эти земли будут возвращены Венгрии.

16 апреля 1941 г. Прекомурье и Междумурье были переданы Венгрии. На заседании венгерского правительства, посвящен-

ному вопросу обустройства новых территорий, отмечалось, что Венгрия «получила те земли, которые 20–22 года назад были незаконно переданы другим государствам, их возврат является ни чем иным как *“in integrum restitutio* (восстановление в прежних правах (буквально, «восстановление в целости»)³. Согласно меморандуму «О важнейших задачах, которые необходимо решить на вновь присоединенных южных территориях», венгерское руководство стремилось создать условия, для роста политического и экономического веса мадьярского элемента на этих землях.

Появление венгров в Прекомурье выглядело весьма жалко и прозаично. Снаряжение армии оставляло желать лучшего. Солдаты и оружие перевозились на крестьянских телегах, запряженных лошадьми. Некоторые передвигались на велосипедах. Вид такого войска невольно вызывал насмешки населения⁴.

Военное правление было введено 11 апреля 1941 г. Органами власти первой ступени являлись военные комендатуры, расположившиеся в Мурской Соботе (по-венгерски Мура-сомбат) и Нижней Лендаве. Военно-административные полномочия возлагались на тыловую управу при венгерском Генеральном штабе во главе с генералом Й. Хеслени, которой подчинялись военно-административное отделение, объединившее военно-управленческий и хозяйственный сектора, а также военный комиссариат. Их задача заключалась в регулировании исполнительных функций в сфере хозяйственного управления, контроле над ценами и снабжении продовольствием⁵. Главой военного правления в Прекомурье стал полковник Й. Радвани⁶.

Судебную власть осуществляли непосредственно военно-полевые суды, образованные 15 июля 1941 г. Они занимались в основном преступлениями, носившими уголовный характер, и использовали законы венгерского уголовного права. Для устрашения и подавления движения сопротивления 28 октября 1941 г. при начальнике генерального штаба венгерской армии был создан специальный трибунал, который занимался рассмотрением политических преступлений. Окончательные решения по делам осужденных принимал исключительно начальник Генштаба⁷. Такие преступления как

убийство с применением огнестрельного оружия, саботаж и диверсия на железных дорогах и линиях связи, поджоги, вооруженное сопротивление властям, производство взрывчатых веществ и боеприпасов карались смертной казнью. В целом все эти меры не являлись чем-то неординарным для Венгрии, поскольку еще в 1939 г. правительство П. Телеки ввело чрезвычайные законы. Была усилена цензура печати, установлен полицейский надзор над лицами, «опасными с точки зрения общественной и государственной безопасности», запрещались собрания, митинги и демонстрации, носившие политический характер⁸.

За порядком на оккупированных территориях следили полиция и жандармерия. Разница между ними заключалась в том, что последняя уподоблялась военной организации⁹. Полицейские отделения в основном следили за криминальной ситуацией и располагались только там, где планировалось после отмены военного правления сохранить полицейскую власть. Жандармерия же занималась розыском и допросом лиц, настроенных против венгерского государства, наблюдением за ними и т. д. Кроме того, жандармерия и гестапо заключили между собой соглашение об обмене списками подозреваемых в саботаже и материалами о совершенных и готовящихся акциях. Венгерская военная администрация тесно сотрудничала с немецкими и итальянскими оккупационными властями. Свидетельством тому является список имен, посланный 16 января 1942 г. венгерскими властями руководству Люблянской провинции¹⁰, в котором сообщались имена прекомурских антифашистских деятелей, присоединившихся к отрядам, действовавшим на территории Хорватии, а потом переместившихся в Люблянскую провинцию.

Движение сопротивления в Прекомурье было весьма слабым, но здесь руководящую роль взяла на себя Коммунистическая партия Словении (КПС), несмотря на то, что в этом регионе она не имела широкого распространения. В связи с этим коммунисты Прекомурья начали поиск новых связей, обратившись в первую очередь к коммунистам Венгрии. На встрече, которая состоялась в мае 1941 г., венгерская сторона отметила, что еще не пробил час борьбы, и их партия не настолько сильна, чтобы надеяться на успех. Кроме того, они заявили, что

захват Прекомурья Венгрией нельзя считать оккупацией, поскольку эта территория является исконно венгерской¹¹. Естественно, что подобные высказывания были отрицательно восприняты словенскими коммунистами.

4 июня состоялась первая встреча членов КПС Прекомурья, на которой было принято решение начать сопротивление самостоятельно. На этом этапе речь о вооруженном восстании не шла из-за малочисленности и низкого уровня подготовки. Лидер движения Ш. Ковач предложил активизировать деятельность партии и привлечь на ее сторону как можно большее число сторонников. 18 июня состоялась вторая встреча членов КПС, в ходе которой было решено усилить пропаганду в деревнях. На следующий день после нападения Германии на СССР в некоторых городах Прекомурья появились надписи на стенах домов: «Мы словенцы! Братья словенцы, свобода близка! Угры, возвращайтесь обратно в Азию!»¹².

Оккупационные власти очень быстро взяли под контроль все сферы жизни Прекомурья. Руководящие должности заняли венгерские военные. В области экономики проводились следующие меры: на захваченной югославской территории в ведение венгерской администрации переходили все резервы продуктов питания, сырье и полуфабрикаты; была произведена перепись югославской недвижимости, перешедшей после оккупации Венгрии. Согласно специальной директиве, в рабочем состоянии следовало поддерживать все имевшиеся в наличии предприятия¹³. Началось постепенное вытеснение мелких производителей и создание крупных монополий по продаже шерсти, зерна и т.д. Что касается продуктов питания, то венгерское правительство еще в 1941 г. установило хлебный паек в 160 г. в день и сохраняло его на протяжении всей войны. Порционному распределению подлежали такие продукты как мясо, жиры и сахар¹⁴. Эти нормы распространились и на Прекомурье.

Права на имущество были закреплены договором от 1 октября 1942 г., заключенным между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией в Берлине. Согласно ст. 1, все имущество на захваченных этими государствами территориях бывшего Королевства переходило соответственно в собственность подписавших его сторон.

Сразу же после оккупации, согласно предписанию № 1, все население занятой венграми словенской территории подразделялось на две категории: «коренных жителей» и «переселенцев». Коренными назывались те, кто проживал на этих землях до 31 октября 1918 г. Остальная часть подлежала выселению за пределы «Великой Венгрии». Их выявлением занялись полиция и жандармерия. В конце мая 1941 г. начались первые аресты. Выселяемым разрешалось взять с собой только самые необходимые вещи. Создавалась сеть депортационных лагерей. На первом этапе предполагалось выселить коммунистов, «переселенцев», интеллигенцию и словенских священнослужителей, бывших четников и членов их семей, а также тех, у кого были связи с Россией¹⁵. Местные жители подверглись тщательной проверке. Враждебно настроенные по отношению к оккупантам арестовывались и помещались в венгерские концентрационные лагеря.

Массовым гонениям и репрессиям подверглись евреи. В апреле 1941 г. власти интернировали всех евреев Прекомурья. Из округа Мурска Собота было изгнано 436 человек, из Нижней Лендавы – 135¹⁶, их переправили в концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим). Что касается словенского населения, то к июню 1941 г. была выселена 121 словенская семья (всего 668 человек)¹⁷. В основном интернированных помещали в лагерь Шарвар. Зимой число заключенных в этом лагере достигло 7,5 тыс. Из них 4,3 тыс. составляли дети младше 18 лет, 1 тыс. – мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Они содержались в тяжелых условиях. За первую зиму оккупации в этом лагере погибли 800 человек¹⁸. Часть интернированных посылалась на принудительные работы в Венгрию и Германию¹⁹.

Перед властями ставилась задача усилить венгерский элемент на захваченных территориях²⁰, поэтому на освободившихся площадях поселялись венгры. Управление этими землями возлагалось на отделение Министерства земледелия, располагавшееся в г. Нови Сад²¹. Особыми привилегиями пользовалось немецкое национальное меньшинство. Все германские организации продолжали функционировать. Немецкая часть населения сумела добиться выхода из-под юрисдикции венгерских властей. Немцы получили право занимать руководящие должности, не утруждая себя изучением венгерского

языка. В феврале 1942 г. «этнические немцы» (Volksdeutsche) получили возможность служить в рядах немецкой армии. Правда, те, кто вступал в ряды СС, автоматически теряли венгерское гражданство и получали немецкое, но по особому решению венгерского правительства члены семей немцев, служивших в частях СС, пользовались теми же привилегиями, что и семьи венгерских солдат, воюющих на фронте²². Отноительно славянского населения власти проводили довольно жесткую политику. Оно постоянно подвергалось различного рода притеснениям со стороны оккупантов. Ни один бывший гражданин Югославии не имел права работать на государственной службе. Даже если присягал на верность Венгрии, ему предоставляли плохо оплачиваемую работу независимо от образования и квалификации.

Венгерское гражданское правление стремилось как можно быстрее провести ассимиляцию населения Прекомурия. Почти сразу же после аннексии все словенские названия были заменены венгерскими, изменялось правописание словенских имен и фамилий – теперь они писались в соответствии с венгерской грамматикой.

Политика в области культуры и просвещения также имела целью мадьяризацию. В школах вводилось преподавание на венгерском языке, хотя со стороны словенской интеллигенции на первых порах предпринимались шаги к сохранению словенского языка в делопроизводстве и системе образования. На эту тему был составлен и направлен правительству Венгрии меморандум. Его подписали представители «Клуба прекомурских академиков» (КПА) и католического общества «Заведность» (Сознание). Ответа на него так и не последовало. Все словенские учителя были уволены, а их место заняли венгерские. Повсеместно открывались курсы венгерского языка, истории, географии и права. Факультативное преподавание на родном языке разрешалось только в первых четырех классах начальной школы. 20 мая был издан указ об уничтожении всех словенских книг и учебников, национальных архивов и библиотек²³. Вместе с книгами уничтожению подлежали карты и фотографии югославского производства²⁴.

Основная программа мадьяризации сводилась к следующему: «стань хорошим и верным венгром, приложи все усилия

к тому, чтобы стать еще лучшим венгром или даже самым венгерским венгром»²⁵. Перед началом занятий в школах, перед заседаниями политических и образовательных обществ повторялась молитва следующего содержания: «Верую в единого Бога, в единое отечество, в бессмертную божью правду, верую в воскресение Венгрии»²⁶. Власти стремились внушить коренному населению идею о принадлежности к венграм. С этой целью в начале мая 1941 г. в г. Мурска Собота из Будапешта прибыл профессор, специалист по истории Прекомурья, Ш. Микола. В свое время, после Первой мировой войны, он принимал участие в качестве эксперта в Парижской мирной конференции, где отстаивал позицию, согласно которой Прекомурье являлось неотъемлемой частью Венгрии²⁷. По приезду в Мурску Соботу он провел встречу с представителями КПА и общества «Заведность». На этой встрече Микола заявил, что прекомурцы являются вендами, далекими потомками кельтов, которые на протяжении тысячи лет сосуществовали с венграми.

Большую популярность получило Венгерское общество просвещения Прекомурья (*Venvidéki Magyar Közművelődési Egyesület*) (ВМКЕ), образованное 21 мая 1941 г. Возглавил его Фердинанд Хартнер, бывший жупан Мурской Соботы и один из крупнейших держателей акций Прекомурского банка. Это был политик ревизионистских взглядов, который еще задолго до оккупации придерживался провенгерских настроений. Главная задача, поставленная перед ВМКЕ, сводилась к разъяснению идеи об исторической миссии Венгрии. Все это подкреплялось фактами о былой «силе венгерской короны». Хартнер и его приверженцы выдвинули свою теорию о происхождении прекомурцев, согласно которой они провозглашались уграми, говорящими на вендском диалекте. Поэтому он предложил считать «вендский язык» одним из диалектов венгерского. В общество вступали венгры и промадярьски настроенные словенцы. Цель его создания заключалась в распространении венгерской культуры и уничтожении всего, что имело словенский этнический характер. ВМКЕ имело свой печатный орган «Мурска Собота и окрестности». Он издавался на венгерском языке, а некоторые статьи – на «вендском».

Деятельность партий и политических организаций довоенного периода, за исключением Культурного союза, после ок-

купации была запрещена. На территории Прекомурья стали развиваться новые для этого региона политические организации: «Партия венгерской жизни», «Венгерский союз участников войны», «Национальный союз венгерских женщин», «Единый женский лагерь» и т.д. Наиболее крупной организацией на начальном этапе оккупации стал «Культурный союз венгров в Южной Венгрии». Его деятельность заключалась в формировании курсов народного образования, организации празднеств, имеющих венгерский национальный характер.

Следует также сказать несколько слов и о Рыцарском ордене. В начале мая 1941 г. Рыцарским столом было направлено обращение ко всем лицам, которые получили награды в ходе Первой мировой войны и доказали преданность венгерской нации. Все они после предоставления необходимых сведений о себе получали титул рыцаря, а с ним и ряд привилегий, как то: жалование или пенсию, льготный проезд в транспорте, право обеспечения службой в первую очередь и т. д. Славяне также могли быть приняты в Рыцарский орден – при условии, что они сменят свои фамилии на венгерские²⁸.

Наряду с Рыцарским орденом были созданы Венгерский союз участников войны, Отечественный союз военных инвалидов, военных вдов и военных сирот. Члены этих союзов пользовались определенными привилегиями: денежное пособие, право приема на службу в первую очередь, железнодорожные льготы и т.д.

Вопросами, касавшимися трудоустройства, занимались Национальные трудовые центры. В их обязанности также входило обеспечение гигиенических условий труда, снабжение продуктами питания и одеждой материально необеспеченных рабочих и членов их семей.

Согласно распоряжению № 35 от 4 августа 1941 г., военное правление на оккупированных венграми территориях упразднялось. Начался новый этап оккупации. Распоряжение вступило в силу 16 августа. Сразу же изменилось территориально-административное деление этой области. Округ Мурска Собота объединялся с венгерским комитатом Ваш со столицей в Сомбатхее, а Нижнелендавский округ – с комитатом Зала с центром Залаэгерсеге²⁹. Оккупированные югославские области внутри комитатов делились на уезды, а последние – на общи-

ны, во главе которых стояли государственные чиновники, подчинявшиеся уездному главе. На этом этапе оккупации политика властей мало в чем изменилась. Славянское население продолжало подвергаться унижениям и гонениям. Оно было фактически обречено на вымирание, поскольку найти работу по профессии в сложившихся условиях стало весьма затруднительно. Незнание венгерского языка и славянское происхождение лишали льгот, к словенцам относились как к людям второго сорта. Как правило, они работали за скудное пропитание.

С введением гражданского правления деятельность военных судов не упразднялась. Напротив, их полномочия значительно расширялись. Связано это было с тем, что редко, но все же происходили стычки малочисленных антифашистских групп с оккупантами.

Первые попытки активизировать народно-освободительное движение на оккупированных Венгрией словенских территориях относятся к августу 1941 г. В окружной комитет Освободительного Фронта (ОФ) Прекомурья вошли Штефан Ковач, Мишко Кранец, Евген Кардош и др. Руководители комитета начали налаживать контакты с различными социальными слоями общества, в том числе и со словенским духовенством, заслугой которого является то, что в Прекомурье так и не возникло коллаборационистских организаций. Церковь поддерживала ОФ и всячески препятствовала расколу общества, чего нельзя сказать о Люблянской провинции, где именно духовенство стало инициатором создания Домобранской лиги, которая вела борьбу против партизан совместно с оккупантами.

Главные акции членов народно-освободительного движения на этом этапе в основном заключались в распространении листовок и тиражировании номеров газеты «Словенски порочевалец». Первые листовки, распространявшиеся в Прекомурье, призывали словенцев к борьбе: «Прекомурцы, рабочие, крестьяне, интеллигенция и коммунисты! Объединяйтесь в единый фронт святого движения освобождения словенского народа за его объединение и свободу под руководством коммунистической партии Словении и на стороне Красной армии»³⁰. В другой листовке говорилось: «Докажите, что вы не венды, а словенцы! Не допустите, чтобы нашу землю опозорили венгерские надписи. Ликвидируйте их. Не пускайте своих

детей в венгерские школы. Не вступайте в ряды венгерской армии против Советского Союза. Да здравствует Красная армия! Да здравствует Сталин!»³¹.

В ходе первых подрывных акций были повреждены телефонные и телеграфные линии передач. Ответ венгерских властей не заставил себя долго ждать. Была значительно расширена агентурная сеть. Осведомителями часто становились простые граждане, которые следили за своими соседями и коллегами по работе. Использование информаторов приносило свои плоды. В конце сентября аресту подверглись около 60 человек. После жестоких пыток многие из них выдавали своих соратников. Вскоре венгерским властям стали известны почти все имена членов Освободительного Фронта. В октябре были приведены в исполнение первые смертные приговоры. Дестабилизирующим фактором послужило убийство руководителя движения Штефана Ковача-Марко. К концу 1942 г. антифашистское движение вступило в затяжной кризис. Большая часть тех, кто стоял у его истоков, были арестованы. Многие покинули Прекомурье и присоединились к партизанам в Хорватии или в Люблянской провинции. Все меньше и меньше людей хотело вступать в ряды ОФ. Объяснялось это страхом перед репрессиями. Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что с конца 1941 г. до весны 1944 г. в Прекомурье не было организованного антифашистского движения.

Спустя некоторое время после введения гражданского правления Венгрия аннексировала Прекомурье. Произошло это 16 декабря 1941 г. после обсуждения вопроса парламентом в Будапеште. Согласно принятому закону, все лица и их дети, являвшиеся до 26 июля 1921 г. венгерскими гражданами и потерявшие гражданство в результате ратификации Трианонского договора, без особых формальностей возвращали себе «прежнее подданство»³².

После введения гражданского правления и аннексии усилилась роль венгерских политических партий и организаций, главной задачей которых являлась мадьяризация славянского населения. Рассмотрим наиболее значимые из них. Венгерская партия жизни (*Magyar Élet Pártja*) являлась одной из ведущих нацистских партий. Она опиралась на идеи так называемого хунгаризма, венгерской разновидности национал-социализ-

ма. Ее руководители полагали необходимым идти вместе с германскими фашистами до полной победы, после чего начался бы период борьбы между хунгаризмом и национал-социализмом³³. Главными лозунгами являлись: объединение всех венгров, сохранение сложившегося политического устройства и восстановление Великой Венгрии. Почти все представители административного аппарата на оккупированных территориях являлись ее членами³⁴. Вступать в нее могли только мадьяры.

Другой не менее крупной венгерской партией стала фашистская Партия скрещенных стрел (*Nyilaskeresztes Párt*), которая объединила многочисленные фашистские группы, организации и расистские общества. Работа по привлечению славянского элемента в ее ряды началась во второй половине 1941 г. Вступавшим в партию славянам выдавались временный партийный билет и значок³⁵.

Что касается словенской молодежи, то она насильственно вовлекалась в организацию «Левенте» (*Levente*)³⁶, которая занималась воспитанием юношей в духе великовенгерских идей и фашизма³⁷. Ученики школ проходили военную подготовку в рамках школьных занятий. Остальные – в возрасте от 20 до 28 лет – посещали специальные занятия два раза в неделю. С 1943 г. в «Левенте» начали привлекать девушек. Помимо духовно-воспитательной работы, которую реализовывали венгерские священники, проводилась и военная подготовка, осуществлявшаяся представителями армии. Эта организация являлась первой ступенью в процессе мадьяризации славянского юношества. В нее разрешалось вступать также представителям немецкой молодежи, но с ними занимались германские инструкторы.

В 1943 г. в Прекомурье была проведена мобилизация. Мурска Собота и Нижняя Лендава стали главными военными мобилизационными центрами. Призыву подлежали все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет, их годность к военной службе не принималась во внимание. Численность рекрутированных составила около 10 тыс. человек³⁸.

Подобные меры были связаны со стремлением Германии пополнить ряды своей армии на Восточном фронте за счет Венгрии, от которой требовали увеличить вклад в войну. Для урегулирования этого вопроса в начале января 1942 г. Буда-

пешт посетил И. фон Риббентроп. Германия настаивала на проведении «тотальной стопроцентной мобилизации» всех ресурсов и предоставлении их в распоряжение рейха³⁹. Венгерское правительство предложило сохранить часть войск внутри страны для подавления возможного сопротивления. Кроме того, предлагалось сделать из Венгрии своего рода жандарма на Балканах на тот случай, если народы балканских стран попытаются свергнуть существующие там режимы⁴⁰.

Подобное положение не устраивало Германию, которая уже давно готовилась к вводу своих войск в Венгрию. 12 марта Гитлер утвердил план оккупации, получивший название «Маргарита I». Военным руководителем назначался имперский барон Максимилиан Вейхс – один из координаторов вторжения Германии на территорию Югославии в 1941 г. Полицейские функции возлагались на генерала СС О. Винкельмана. На немецко-венгерской границе сконцентрировались гитлеровские войска, а в Венгрию было направлено большое число агентов СС. 17 марта 1942 г. регент Венгерского королевства адмирал М. Хорти принял приглашение германской стороны и отправился в Клесхейм. На следующий день состоялись переговоры с Гитлером, который сразу же объявил о намерении Германии оккупировать Венгрию, объясняя это тем, что он не желает «терпеть, чтобы за его спиной, как и в Италии, произошло новое предательство»⁴¹. Перед Хорти встала дилемма: либо потерять власть, либо решить эту проблему «эволюционным путем», то есть сохранить видимость суверенитета своей страны и остаться во главе государства, предоставив реальную власть немецкому ставленнику. Хорти выбрал второй вариант. Подобное решение венгерских властей освободило большую часть немецких дивизий, предназначенных для ее оккупации, в итоге они были переброшены на Восточный фронт. В тот же день, 18 марта, немецкие войска вошли в Венгрию. Послом в Будапеште и уполномоченным рейха был назначен Э. Веезенмайер. В его руках сконцентрировались все рычаги гражданской администрации в стране.

Что касается Прекомурья, то, по мере приближения Красной армии к венгерским границам, активизировалось партизанское движение, усилившееся за счет пришедших партизанских групп из Нижней Штирии и Хорватии. Поэтому все силы

немецких оккупационных властей на этих территориях, в первую очередь, сконцентрировались на уничтожении антифашистского движения. В конце марта 1944 г. была проведена массовая акция по аресту лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с коммунистами и партизанами. За первые дни тайная немецкая полиция арестовала 3 тыс. человек по всей стране. В апреле 1944 г. Министерство внутренних дел Германии обратилось к венгерским властям с предложением наладить тесное сотрудничество в рамках совместной борьбы против коммунистов. На предложение ответили согласием.

Осенью 1944 г. для Венгрии сложилась весьма неблагоприятная обстановка. Красная армия перешла Карпаты и продолжила наступление. Немалую угрозу представляла активизировавшаяся деятельность партизан. Осенью в Прекомурье были посланы из Нижней Штирии партизанские отряды, возобновившие акции саботажа. Подрывные действия осуществляли также партизаны Хорватии. Венгерские власти в ответ на это ввели чрезвычайное положение. С 8 часов вечера каждый, кто оказывался на улице, подлежал расстрелу без предупреждения. Генеральный штаб в Будапеште издал указ, согласно которому на всей территории Венгрии ужесточались меры по борьбе с организациями, имеющими антифашистский характер. Однако, несмотря на помощь словенских и хорватских партизан, первая Прекомурская бригада сформировалась только 7 мая 1945 г. и сразу же была направлена в Штирию для борьбы с остатками немецкой армии. В целом же в ходе войны на территории Прекомурья так и не были созданы организованные партизанские группы, главным образом, из-за их оторванности от основного лагеря партизанского движения, а также неразвитости разведывательной службы, которая предупреждала бы о готовящихся акциях оккупантов.

В связи с продвижением советских войск немецкое командование приняло решение эвакуировать часть учреждений с оккупированных югославских территорий⁴². Параллельно с осуществлением плана эвакуации начался процесс формирования Народной охраны (*Nemzetőr*), которая должна была после отступления венгерских и германских войск следить за порядком, бороться с партизанскими группами, охранять склады и т. д. В Охрану могли вступить только местные венгерские жители.

Германская оккупационная система просуществовала в Венгрии вплоть до ее освобождения в 1945 г., хотя Веезенмайер покинул страну в августе 1944 г., когда угроза вторжения советских войск стала реальной.

На наш взгляд, венгерский оккупационный режим имел более националистический характер, чем итальянский и даже немецкий. Итальянцы провозгласили Люблянскую провинцию автономной, преследованию подлежали только те, кто негативно относился к новой власти и вступал с ней в борьбу (правда, к 1943 г. под подозрение подпадал каждый второй). Немцы предоставили словенскому населению возможность вступить в ряды Штирийского отечественного союза и Каринтийского народного союза; тем самым им был дан шанс продемонстрировать свою лояльность к режиму. Венгерские же власти просто вычеркнули словенское население из политической и общественной жизни, обрекая большую его часть на голодную смерть. Политика, которую осуществляли венгры в Прекомурье, практически не затрагивала словенского вопроса. Все действия, проводившиеся на этой территории, касались в основном только венгров и той прослойки славянского населения, которая восстановила венгерское гражданство, утраченное в результате распада Австро-Венгрии. В целом складывается впечатление, что венгерское правительство вообще не задумывалось над судьбой словенцев на оккупированных территориях. Главная задача, поставленная перед военным, а впоследствии гражданским правлением, заключалась в тотальной мадьяризации захваченных земель и постепенном выдавливании славянского элемента. Захват территорий трактовался не как оккупация, а как законный возврат отторгнутых в свое время территорий Короны св. Стефана⁴³.

Нетерпимость к коренному населению и непродуманность действий являлись основными чертами венгерской оккупационной системы. Всего за время венгерской оккупации были уничтожены 1 245 словенцев, лишены свободы – 20 209, интернированы – 1 259, на принудительные работы отправлено 7 211 человек. На территории Прекомурья проживали приблизительно 90 тыс. человек, из них различного рода гонениям подверглось около 30 тыс., что составило треть от общей численности населения.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что венгерские власти сразу же после оккупации заявили, что стремятся к восстановлению исторической справедливости и хотят вернуть незаконно отторгнутые земли. Началась политика ассимиляции словенского населения, что означало уничтожение национального характера и ценностей, культуры и национальной самобытности. Причем меры, предпринимаемые в этом направлении, проводились довольно агрессивно, не оставляя шанса на диалог или компромисс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Культурный союз – общество немецкого национального меньшинства в королевской Югославии.

² *Godina F. Prekmurje 1941–1945*. Murska Sobota, 1967. S. 21.

³ Цит. по: *Mirmić J. Decentralizatorska politika mađarskog okupatora u Jugoslovenskim zemljama 1941 // Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. 1967. Knj. 10. S. 143.

⁴ *Godina F. Prekmurje*. S. 25.

⁵ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации в Югославии // *Les systemes d'occupation en Yougoslavie 1941–1945*. Belgrade, 1963. P. 427–428.

⁶ *Okupacijske sistemi na Slovenskem. 1941–1945*. Ljubljana, 1997. Dok. št. 12. S. 32.

⁷ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы Второй мировой войны // *История Венгрии: в 3 т. / Под ред. Т.М. Исламова, А.И. Пушкаша, В.П. Шушарина*. Т. 3. М., 1972. С. 367.

⁸ Там же. С. 345.

⁹ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. P. 429.

¹⁰ Люблянская провинция – название, которое итальянцы дали захваченным ими в 1941 г. словенским землям.

¹¹ *Godina F. Prekmurje*. S. 36.

¹² *Ibid.* S. 54.

¹³ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. P. 431.

¹⁴ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы Второй мировой войны. С. 378.

¹⁵ *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*. Т. 15. Kn. 1. О уčešću hortijevske Mađarske u napadu i okupaciji Jugoslavije 1941–1945. Beograd; Budimpešta, 1986. Dok. 34. S. 95.

¹⁶ *Kaplan G.* Vrste in oblike nasilja mađžarskega. Ljubljana, 2002. S. 9.

¹⁷ *Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem 1941–1945*. Ljubljana, 1978. S. 73.

- ¹⁸ *Kaplan G.* Vrste in oblike nasilja. S. 17.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 20.
- ²⁰ *Mirnič J.* Denacionalizatorska politika. S. 144.
- ²¹ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 437.
- ²² Там же. С. 468.
- ²³ *Godina F.* Prekmurje. S. 29.
- ²⁴ Zbornik dokumenata. T. 15. Kn. 1. Dok. 39. S. 109.
- ²⁵ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 436.
- ²⁶ *Ibid.* S. 437.
- ²⁷ *Cigüt K.* Iz prvih dni upora v Prekmurju // Obmurski tednik. Murska Sobota, 1954.1 X.
- ²⁸ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 440.
- ²⁹ Zbornik dokumenata. T. 15. Kn. 1. Dok. 56. S. 161.
- ³⁰ *Godina F.* Prekmurje. S. 71–73.
- ³¹ *Ibidem.*
- ³² *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 449.
- ³³ История Венгрии. Т.3. С. 327.
- ³⁴ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 455.
- ³⁵ *Ibid.* S. 456.
- ³⁶ Подробнее об этой организации см.: *Секфю Д.* После революции. М., 2011. С. 87–88.
- ³⁷ Zbornik dokumenata. T. 15. Kn. 1. Dok. 64. S. 176.
- ³⁸ *Kaplan G.* Vrste in oblike nasilja. S. 10–11.
- ³⁹ *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы Второй мировой войны. С. 373.
- ⁴⁰ Там же. С. 374.
- ⁴¹ Там же. С. 396.
- ⁴² *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации. Р. 476–480.
- ⁴³ *Mirnič J.* Denacionalizatorska politika. S. 143.

ПАРТИЙНОЕ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО

Г.Ф. Матвеев

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ
А. СТАМБОЛИЙСКИМ ИДЕОЛОГИИ
БОЛГАРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО
НАРОДНОГО СОЮЗА

Одной из особенностей истории болгарского народа в последней четверти XIX в. было то, что он, прожив не одно столетие в составе многонациональной Османской империи, обрел государственность в результате не столько собственной борьбы за независимость, сколько благоприятного стечения обстоятельств на международной арене. Вялотекущая модернизация Высокой Порты, особенно на ее балканской периферии, не создавала достаточных стимулов для преобразования традиционной, однозначно аграрной экономики болгарских земель в народное хозяйство капиталистического типа, роль локомотива в котором играла бы индустрия. Поэтому социальная структура в момент создания Болгарского княжества имела все признаки неполной: дворянство отсутствовало, буржуазия и рабочий класс находились в зачаточном состоянии, образованная прослойка, представленная главным образом священниками, народными учителями и управленцами всех уровней, была чрезвычайно тонкой и разобщенной. Зато безраздельно доминировало крестьянство, слабо дифференцированное в имущественном отношении и потому не утратившее черт относительно единой социальной группы. Что же касается состояния сельского хозяйства, то оно находилось на начальной стадии перехода от традиционного, автаркического производства к мелкотоварному¹.

Достаточно своеобразной была политическая организация болгарского общества. Эта специфика выражалась в том, что, в отличие от экономики и социальной структуры, Болгария с молниеносной быстротой обзавелась всем спектром поли-

тических партий и течений, присущих более развитым европейским государствам. В подавляющем большинстве они не имели адекватной базы ни в буржуазии, ни в рабочем классе, были по своему характеру «кабинетными» и служили их лидерам своеобразными «лифтами» на вершину властной пирамиды, а партийным активистам – на места оплачиваемых из государственного бюджета служащих всех уровней, поспешно освобождаемые победителями от членов проигравших выборы партий. Поскольку партии не вырастали естественным путем на болгарской почве, а создавались по образцу политических организаций, уже существовавших в Западной Европе, где крестьянский вопрос к тому времени был уже решен, а все другие интересы сельского населения успешно отстаивали городские партии, то и болгарские городские партии на свое крестьянство специального внимания не обращали. Они были им нужны только как пассивные избиратели, а не как огромная социальная группа с собственными интересами, пока еще имевшими мало общего с интересами других социальных групп.

Ситуация начала меняться с образованием в 1899 г. Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), ставшего в 1901 г. политической партией. В рядах БЗНС с самого начала проявилось открытое стремление к превращению в партию всего крестьянства, а не отдельных его страт, а также к вытеснению из села городских партий всех толков как не выражающих его интересов, стремлений и требований. В соответствии с понятиями политтехнологов второй половины XIX в., непременным условием для создания массовой политической партии была разработка соответствующей идеологии, доступной пониманию даже не очень образованного эвентуального адепта, но при этом носящей черты научности, что должно было придать ей столь популярный в конце XIX в. рационалистический характер. Не избежал этого и БЗНС, хотя для партии, отказывавшейся принимать в свои ряды городских интеллигентов, справиться с задачей выработки оригинальной и одновременно имевшей признаки научности программы было не просто.

Наибольший вклад в разработку идеологии БЗНС в Болгарии внес А. Стамболийский, многолетний лидер партии и редактор ее центрального органа газеты «Земеделско зна-

ме». К публикации статей идеологического характера он приступил уже в 1904 г., но полнее всего изложил свои идеологические представления в работе «Политические партии или сословные организации», впервые опубликованной в 1909 г. На этом его идеологические изыскания не закончились, ряд сформулированных в 1909 г. положений он уточнил, подкорректировал, но не настолько радикально, чтобы со временем признать свой труд утратившим актуальность. Об этом свидетельствует, в частности, факт переиздания им «Политических партий...» в 1920 г.

Литература, посвященная Стамболийскому и его идеологическим взглядам, велика, и этот интерес легко объясняется масштабами личности крестьянского вождя и его трагической судьбой. Мы же остановимся только на одной стороне деятельности Стамболийского, прямо относящейся к формированию его идеологических воззрений. А именно, попробуем установить тот круг зарубежных авторов, мысли которых он положил в основу своих идеологических построений.

Это далеко не второстепенный сюжет, поскольку ссылками на иностранных авторов А. Стамболийский обосновывал научность своей идеологии. Решение задачи облегчается тем, что в «Политических партиях ...» он сам обозначил круг зарубежных социологов, экономистов, правоведов, философов, политических деятелей, с трудами которых был знаком и чьи взгляды разделял.

Говоря об идеологических предтечах Стамболийского, следует иметь в виду, что он разрабатывал прежде всего политическую идеологию, в задачи которой входило, во-первых, убеждение болгарских крестьян в том, что именно им принадлежит главное место в обществе, а, следовательно, и право на полноту государственной власти, а во-вторых, разработка вопроса о путях и способах завоевания, удержания и использования этой власти. При этом мы исходим из того, что всякая идеологическая концепция состоит из трех составных частей, а именно: аксиологической, теоретической и праксеологической².

Обращение к аксиологическим представлениям Стамболийского однозначно свидетельствует, что именно с крестьянством он связывал перспективы общественного про-

гресса и создание общества социальной справедливости и гармонии³. Идеолог БЗНС был убежден в физическом, умственном и моральном превосходстве крестьянства над всеми другими социальными группами, считал, что только оно обеспечивает возрождение и укрепление будущих поколений человечества, «сохраняет ценный дар природы – здоровое тело; сохраняет стальные нити, соединяющие человеческое общество, нравственную чистоту»⁴, высоко ценил его за «девственность» и «неиспорченность» цивилизацией, нерастраченный физический, моральный и интеллектуальный потенциал, считал извечным носителем демократического начала⁵.

Антиподом села для Стамболийского был город – вместилище всяческих пороков, скверны, разврата и других самых отрицательных проявлений человеческой натуры⁶, но при этом он делал исключение для горожан, занятых производительным трудом. Более того, их Стамболийский считал потенциальными союзниками крестьянства в борьбе за переустройство общества на справедливых началах⁷.

Стамболийский рассматривал крестьянство как главную общественную силу в Болгарии не только в текущий момент, но и на длительную историческую перспективу, предостерегая в связи с этим, что если Болгария вступит на путь индустриализации в ущерб аграрному производству, то это неизбежно, как показывает опыт Запада, приведет к нехватке продовольствия и голоду⁸.

Вполне закономерен вопрос, почему в аксиологических представлениях Стамболийский не делал акцент на таком, казалось бы, очевидном факте, как абсолютное численное преобладание крестьян в Болгарии⁹, но зато пользовался рядом аргументов, которые не мог почерпнуть из болгарской жизни: об опасности для общества индустриализации в ущерб сельскому хозяйству и необходимости проведения политики государственной поддержки собственного аграрного производства, о городе-молочке, пожирающем своих жителей? Анализ работ, упоминающихся в «Политических партиях...» в связи с аксиологическими представлениями Стамболийского, показывает, что его рассуждения о правильном соотношении промышленного и аграрного производства, росте внимания к собственному сельскому хозяйству в Англии, Германии

и Италии, негативной роли города он заимствовал у французского государственного и политического деятеля, теоретика французского аграризма Ж. Мелина¹⁰, австрийского философа А. Карнери¹¹, немецкого антропосоциолога, сторонника социального дарвинизма О. Аммона¹².

Взгляды Стамболийского на социальную ценность крестьянства особенно близки представлениям весьма популярного на рубеже веков немецкого социолога и антрополога, сторонника социального дарвинизма и неокантианства Л. Вольфмана. Он называл города «могилой и концом культуры и цивилизации»¹³, утверждал, что «превращение аграрного государства в индустриальное в высокой степени ускоряет процесс вымирания <...> За незначительными исключениями города скоро бы вымерли, если бы не было постоянного притока [населения] из деревни»¹⁴.

Если говорить о теоретической части идеологии Стамболийского, то ее стержнем было прежде всего опиравшееся на неокантиантскую философию весьма модное на рубеже веков учение социального дарвинизма. Не случайно упоминавшиеся в его основополагающем труде социологи, антропологи, биологи, правоведы, философы в основной своей массе относятся к сторонникам именно этих воззрений. В начале XX в. сторонники социального дарвинизма уже достаточно далеко отошли от взглядов Г. Спенсера или Г. Доделя, проводивших прямые аналогии между функциями отдельных органов человека и общественными институтами. Вместо этого они создали симбиоз антропологии, социологии и неокантианской философии. Так, профессор Бернского университета Л. Штейн утверждал, что дарвиновская формула борьбы за существование в соединении с учением Спенсера о выживании наиболее приспособленных оказалась плодотворной во всех сферах исследования «жизненных процессов», включая и человеческое общество¹⁵. Согласно убеждению О. Амона, развитие общества и государства предопределялось законами органического мира¹⁶, а Л. Вольфман полагал, что истинной и основной историей государства является «биологическая история человеческих рас»¹⁷. А. Стамболийский, считавший, что естественный отбор является всеобщим законом органического мира, которому подчиняются как социально-экономическая, так и политичес-

кая сферы жизни общества, вполне вписывался в общий тренд социального дарвинизма.

О приверженности Стамболийского неокантианству свидетельствует хотя бы его утверждение о том, что общество – это совокупность индивидов, приспособленных к совместной жизни «путем известного внешнего урегулирования»¹⁸. Вместе с тем, его не совсем устраивало идеалистическое положение неокантианства о праве и нравственности как формах социальной жизни¹⁹. По убеждению Стамболийского, хозяйство и право были ничем иным как результатом действия инстинктов, вложенных в человеческую натуру²⁰.

Именно врожденные инстинкты Стамболийский считал «основными пружинами факторов, которые двигают и направляют социальное развитие человека». Именно инстинкты самосохранения, пропитания и размножения были, по его убеждению, сутью «животной натуры» человека, не поддающейся никакому культурному воздействию²¹. Идея неистребимости в «культурном человеке» «человека-зверя» – это одно из основополагающих положений социального дарвинизма, общее место для всех сторонников этого направления в социологии²².

Кроме инстинктов, факторами, определяющими развитие человечества, для Стамболийского были экономика и политика, которые он трактовал следующим образом: экономика – это удовлетворение материальных потребностей, «потребностей желудка», а политика – область межчеловеческих отношений, регулируемая инстинктом самосохранения²³. Эти факторы, утверждал он, находились в тесной взаимосвязи друг с другом, но действовали не синхронно, а в определенной последовательности.

Инстинкт размножения начал действовать раньше других, когда общество еще не знало политической организации, состояло из отдельных родов и семей, т.е. в эпоху самых демократических форм организации человеческого общежития. Рост населения вызвал трудности с продовольствием, и тогда в действие вступил инстинкт пропитания, который «сильно толкает человечество по пути прогресса». Одновременно начинает складываться более прочная общественно-политическая организация, на смену демократическим началам прихо-

дит воля отдельных членов группы. Нарастание трудностей с продовольствием и участвовавшие в связи с этим войны приводят в действие инстинкт самосохранения. В социальной области оформляется «специальная группа для военных целей», постепенно превращающаяся в класс, а ее вождь из выборного и временного становится постоянным и наследственным. С этого момента, полагал Стамболийский, и началось становление деспотического политического режима, экономического и политического неравенства.

И если до начала складывания деспотического режима развитие предопределялось материальными интересами, то позже характер социальной организации стал определяться политикой, силой политической организации, коренящейся в порочных сторонах человеческой природы²⁴. Конечно, с утверждением господства политики действие экономического фактора не прекратилось, материальные потребности продолжали оставаться наиболее сильным мотивом поступков людей, но власть экономики уподобилась власти строго ограниченного монарха, который властвует, но не управляет. Условием правильного развития общества, по убеждению Стамболийского, было соблюдение гармонии в действии основных инстинктов, ибо всякое ее нарушение имело тяжелейшие последствия для человечества²⁵. Причинами нарушения гармонии он называл сохранение монархий, нужных по военным соображениям в эпоху великого переселения народов и после ее окончания, а также невежество масс, властолюбие правящего класса и влияние религии²⁶.

Действие инстинкта размножения и появление свободомыслия, подорвавшего влияние религии, привели к пробуждению масс и преодолению ими общественной апатии²⁷. По мере расширения политических свобод, уравнивания людей в правах экономика вновь заняла в общественном развитии первое место, оттеснив с него политику. Это случилось в ходе английской, французской и американской буржуазных революций, когда монархическая форма правления уступила место республиканской²⁸.

Рассуждения Стамболийского о развитии общества и государства весьма близки изложенным выше взглядам социальных дарвинистов, а также представлениям А. Сен-Симона,

О. Конта, Г. Спенсера, Л. Штейна, выделявших военный и промышленный типы общества, или итальянского ученого и политика Ф. Нитти, считавшего, что раньше государство имело большее значение в «политической и религиозной сферах, а теперь приобрело гораздо большую важность в области экономической и социальной»²⁹. Стамболийского сближало с социальными дарвинистами также понимание взаимосвязи между инстинктами и общественным развитием. Так, согласно Л. Штейну, сначала действовал половой инстинкт, толкнувший людей к объединению в родовые и территориальные общности, затем пришла очередь инстинкта самосохранения, действие которого привело в конечном счете к созданию основанной на принципах разделения прав и обязанностей общественной организации³⁰. По мнению О. Аммона, главным для человека был инстинкт самосохранения, из него как из ствола дерева вырастают другие инстинкты: восприятия, питания, защиты и продолжения рода. Эту совокупность инстинктов он называл эгоистическими, поскольку они обеспечивали существование отдельных индивидов. Объединение же людей в общество обеспечивалось действием альтруистических инстинктов, вырастающих из инстинкта защиты³¹. А Л. Вольтман объяснял жизнь человека в истории и обществе действием инстинктов сохранения, размножения и представления³².

Разнобой в перечисленных выше инстинктах во многом объясняется различиями в терминологии. Например, Вольтман под инстинктом сохранения понимал стремление к обеспечению питанием, жильем, одеждой и т. д., а у Стамболийского инстинкт пропитания был самостоятельным. К тому же труды западных социальных дарвинистов предназначались образованной публике, а работа Стамболийского – людям с начальным и изредка средним образованием³³. Следует помнить и о несовпадении целей их создания.

С категорией «инстинкты» у Стамболийского была тесно связана категория «борьба», с которой он ассоциировал жизнь, но делал это сугубо по социал-дарвинистски: «Жизнь – это борьба. Человек, как всякое органическое существо, находится и должен находиться в постоянной самосохранительной борьбе. Он хищное животное, которое может облагородить только жизненная борьба. И даже тогда, когда

он наверху своего благородства, зародыш его животной, звериной природы не исчезает. Эгоизм остается эгоизмом в натуре как самого интеллигентного, воспитанного человека, так и в культуре самого невоспитанного, невежественного человека»³⁴. В достаточно близких по смыслу выражениях рассуждал на эту же тему Л. Штейн: «Положение о борьбе между индивидуумами и общественном подборе, а также о постоянном столкновении враждебных групп интересов, которые не могут остановиться ни на минуту, а тем более не могут быть окончательно уничтожены – это одна из таких истин, которую необходимо постоянно повторять <...> Люди, полагающие, что справедливое разделение средств пользования приведет к <...> умиротворению человека-зверя, впадают в роковое социологическое заблуждение»³⁵.

Взгляды Стамболийского и социальных дарвинистов пересекались и по вопросу о происхождении частной собственности, социальную роль которой они оценивали весьма высоко, хотя и видели присущие ей некоторые негативные черты. Болгарский политик объяснял появление этих негативных черт тем, что формирование частной собственности произошло в эпоху варварства, когда некому было помешать «человеческому самоуправству». Необходимым условием для преодоления отрицательных черт и облагораживания таким образом частной собственности он считал устранение таких последствий варварства, как произвол, грабежи, насилие, жажда обогащения. И тогда, декларировав Стамболийский, «частная собственность, лишенная грубого принуждения и грозных его последствий <...> будет настоящей благодатью для прогресса человеческого рода»³⁶.

Конечно, взгляды Стамболийского на частную собственность сформировались не только под воздействием социальных дарвинистов, но исключить их воздействие на его понимание происхождения этого вида собственности нельзя. Так, Л. Штейн, высоко оценивая социальную роль частной собственности и отмечая при этом некоторые негативные последствия ее господства (чрезмерное обогащение одних и пауперизация других), появление частной собственности также объяснял причинами сугубо психологического характера, индивидуализмом человека³⁷.

Сходство подходов Стамболийского и социальных дарвинистов к частной собственности прослеживается и в рецепте построения справедливого общества. Стамболийский намеревался сделать это, равномерно распределив собственность между всеми членами общества³⁸. И Л. Штейн путь к преодолению кричащего различия в положении богатых и бедных видел не в отказе от частной собственности, а в расширении круга ее обладателей³⁹, верил, что «развивающаяся и утонченная этика настоит <...> без сомнения, в будущем столетии на вооружении всех в той борьбе за существование, которую приходится выносить культурному, предоставленному своим индивидуальным силам, человеку»⁴⁰. Сходным образом рассуждал и Л. Вольгман, полагая, что «растущая и ежедневно усиливающаяся этика в ближайшем столетии несомненно добьется экономических изменений в пользу равномерного вооружения в борьбе за существование, которую сможет перенести сильно индивидуализирующийся культурный человек»⁴¹.

Точно так же перекликались воззрения Стамболийского и европейских авторов в опросе о преимуществе мелких крестьянских хозяйств над крупными. Стамболийский в связи с этим сформулировал причины, препятствующие концентрации собственности и производства в сельском хозяйстве: в нем исключено разделение труда, нерентабельно широкое применение машин, которые продукцию сами не производят и не ускоряют производственный цикл, только ручной труд позволяет интенсифицировать производство, невозможно перемещать в пространстве такой фактор производства, как земля⁴². Аналогичные взгляды на бесперспективность концентрации производства и собственности в аграрном секторе высказывал германский социал-демократ Э. Давид: неприменимость в сельском хозяйстве разделения труда, низкая эффективность использования машин, прямая зависимость интенсификации производства от увеличения затрат ручного труда, высокие непроизводительные затраты в крупных хозяйствах⁴³. Единственное различие между ними – у Стамболийского отсутствует такой аргумент как действие так называемых законов понижающейся производительности и убывающей доходности почвы. Но причину этого легко объяснить

различиями в уровне развития сельского хозяйства в Болгарии и Западной Европе.

Одно из ключевых мест в теоретической части идеологии Стамболийского занимают категории «класс», «партия» и «сословие». Он считал их привязанными к определенным хронологическим периодам и типам государственности. Появление классов он относил ко времени существования монархической организации общества, когда классу аристократии противостояли «народная общность», то есть все те, кто не имел доступа к власти и управлению общественными делами. После победы над монархией «народная общность» распадается на три класса, принадлежность к которым определялась материальным положением и местом в новой системе власти: богатых, ближе других стоящих к власти, среднеимущих – не столь близких к власти, а также малоимущих и неимущих, выступающих за широкие демократические права⁴⁴. В условиях разгоревшейся между ними классовой борьбы оформляются три политические партии: консервативная, либеральная и демократическая.

Существование партий, по мнению Стамболийского, было оправдано лишь до момента окончательного утверждения буржуазно-парламентского строя и принципов равенства политических прав всех членов общества. Когда это произошло, на смену классам приходят сословия, а классовая организация общества заменяется сословной. В отличие от классов и партий сословные организации опирались только на общность экономических интересов, это «группы людей с одинаковыми материальными интересами, одинаковыми занятиями»⁴⁵. Материальное положение утратило всякое значение, главным стал род занятий, профессия. Стамболийский делил общество на «основные сословия», причем часть из них: земледельческое, ремесленное, наемных рабочих он называл трудящимися сословиями, а другие: промышленное, торговое и бюрократическое – эксплуататорскими. Все другие, более мелкие сословия – адвокатское, врачебное и т.п., самостоятельной роли не играли, выступали как сподвижники основных сословий⁴⁶. Между основными сословиями, особенно между трудящимися и эксплуататорскими, ведется непрерывная борьба в защиту собственных материальных интересов. Ближайшую цель

трудящихся сословий Стамболийский видел в создании общества, основанного на частной собственности на средства производства, в котором капиталистическое производство будет на вторых ролях, а впоследствии и во взятии в свои руки государственной власти⁴⁷.

Из вышесказанного Стамболийский делал вывод, что так же как на смену классам приходят сословия, так и на смену партиям должны прийти сословные политико-экономические общественные организации (СПЭОО). Причем СПЭОО он понимал не только как политические представительства отдельных сословий, но и как сами сословия, всю совокупность составляющих его членов, проникнутых сознанием необходимости вести борьбу за собственные материальные интересы и создание более благоприятных условий для профессиональных занятий⁴⁸.

Изучение трудов европейских ученых показывает, что и в вопросе о сословной организации общества, являющемся стержнем всей идеологии Стамболийского, у него были предшественники. Одним из них можно считать профессора Лейпцигского университета, неогегельянца П. Барта, предложившего схему последовательной смены классовой и сословной организации общества от момента возникновения государства до современности. В рамках своей схемы он оценивал XIX век как время глубокого кризиса капитализма, преодолеть который возможно только путем создания «нового сословного порядка», при котором различия по рождению и имущественному положению отойдут на второй план, а во главу угла будет поставлена новая иерархия профессий, которая «высится над прежней и организуется в зависимости от услуг, оказываемых обществу»⁴⁹. Идея деления общества на сословия горячо отстаивалась О. Аммоном, считавшим, что они являются всеобщими, неуничтожимыми и наиболее стабильными социальными организациями. Правда, основным критерием принадлежности к тому или иному сословию он считал уровень образования, а не род занятий или имущественное положение⁵⁰.

Стамболийский был знаком и с работой русского неокантианца П.А. Берлина, утверждавшего, что история развития общества представляет собой процесс превращения «хозяйс-

твенных/экономических» классов в «социальные», который в начале XX в. все еще не завершился⁵¹. Хотя Берлин и не употреблял термин «сословие» (возможно, в силу того, что в России им обозначали социальное происхождение), его «социальные» классы во многом похожи на «сословия» Стамболийского. Несомненное сходство просматривается также в подходе Стамболийского и Берлина к проблемам развития политических партий и их оптимального характера. Берлин полагал, что в условиях парламентской формы правления идеальным было бы такое положение, чтобы «каждая политическая партия рекрутировала своих сторонников лишь на той социальной плоскости, на той социальной ступени, на которой она сама находится. Тогда к услугам реакционных и консервативных партий оказалась бы лишь узенькая и тесная площадка вершины общественной пирамиды, тогда как ее широкие нижние слои всецело отошли бы к политическим партиям, сознательно и открыто отстаивающим интересы широких народных слоев <...> Если бы широкие слои были награждены сознанием своих классовых интересов, то, при условии демократического государственного строя, политическая власть давно бы уже перешла в их руки»⁵².

Идея преодоления негативных сторон капитализма и даже его уничтожения с помощью различных социально-профессиональных организаций и властных институтов на рубеже XIX–XX вв. была довольно популярна среди европейских социологов и политиков. Достаточно назвать французского социолога, теоретика анархо-синдикализма Ж. Сореля, утверждавшего, что лучше всего классовые интересы защищают не политические партии, а экономические организации, свободные объединения производителей, не знающие над собой политической власти⁵³. На близость сословной теории Стамболийского взглядам французского политика Ж. Поль-Бонкура, предлагавшего заменить политический парламент экономическим, обращал внимание один из французских журналистов⁵⁴.

Что касается праксеологической части идеологической концепции А. Стамболийского, то невероятно трудно идентифицировать возможных неболгарских предтеч предлагавшихся им рецептов, следование которым сделало бы Болгарию

раем для ее крестьян. Скорее всего, именно в этой части Стамболийский проявил себя наиболее самостоятельным политическим мыслителем.

Изучение главного идеологического труда А. Стамболийского с точки зрения выяснения истоков его основных концептов еще раз подтверждает справедливость сформулированного в свое время Г.В. Плехановым плодотворного методологического принципа, согласно которому «идеологи данного времени всегда стоят в теснейшей – положительной или отрицательной – связи с идеологиями предшествующего времени»⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Матвеев Г.Ф.* К вопросу о развитии капитализма в сельском хозяйстве Болгарии в 1878–1912 гг. // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 21–30.

² Подробнее об этом см.: *Матвеев Г.Ф.* «Третий путь?»: идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992.

³ *Стамболийски А.С.* Политически партии или съсловни организации. София, 1909. С. 19.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 15, 18–21.

⁶ Там же. С. 15–17.

⁷ Там же. С. 244–251, 253–254.

⁸ Там же. С. 9–13.

⁹ Этот аргумент был в числе основных у польских и сербских идеологов аграризма. Подробнее об этом см.: *Матвеев Г.Ф.* «Третий путь?»; *Он же.* Идеологическое развитие сербского крестьянского движения в межвоенный период // *Tokovi istorije. Časopis Instituta za noviju istoriju Srbije.* 1995. № 1–2. С. 61–91.

¹⁰ *Meline J.* Le retour à la terre et la suproduction industrielle. Paris, 1905. P. 206–207, 223–232, 240–255.

¹¹ *Carneri B.* Der moderne Mensch. Versuche über Lebensführung. Bonn, 1893. S. 41–48.

¹² *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Entwurf einer Sozial-Anthropologie zum Gebrauch für alle Gebildeten, die sich mit sozialen Fragen befassen. Jena, 1896². S. 95–98.

¹³ *Woltmann L.* Politische Anthropologie. Eine Untersuchung über den Einfluss der Deszendenztheorie auf die Lehre von politischer Entwicklung der Völker. Eisenach; Leipzig, 1903. S. 325.

¹⁴ Ibid. S. 273–274.

¹⁵ *Stejn L.* Die soziale Frage im Lichte der Philosophie. Vorlesungen über Sozialphilosophie und ihre Geschichte. Stuttgart, 1897. S. 734.

¹⁶ *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung. S. 16.

¹⁷ *Woltmann L.* Politische Anthropologie. S. I.

¹⁸ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. II.

¹⁹ См., например: *Stammler R.* Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Leipzig, 1896. S. 210.

²⁰ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 117.

²¹ Там же. С. 2.

²² См., например: *Штейн Л.* Идеал «вечного мира» и социальный вопрос. Великий Устюг, 1899. С. 64; *Вольтманн Л.* Исторический материализм. Изложение и критика марксистского мирозерцания. СПб, 1901. С. 280.

²³ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 6.

²⁴ Там же. С. 2–3, 5–7.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Там же. С. 7, 46.

²⁷ Там же. С. 55–56.

²⁸ Там же. С. 166–167.

²⁹ *Hummi Ф.* Основные начала финансовой науки. М., 1904. С. 21.

³⁰ *Stejn L.* Die soziale Frage. S. 61–65.

³¹ *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung. S. 43.

³² *Вольтманн Л.* Система морального сознания. В связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму. СПб, 1901. С. 237–238.

³³ В руководстве БЗНС (с 1913 г.) был только один человек с высшим образованием и даже научной степенью – Р. Даскалов. Сам Стамболийский учебю в университете в Галле не завершил из-за болезни.

³⁴ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 325.

³⁵ *Stejn L.* Die soziale Frage. S. 734–735.

³⁶ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 34–35.

³⁷ *Stejn L.* Die soziale Frage. S. 88–89, 574.

³⁸ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 35–36.

³⁹ *Stejn L.* Die soziale Frage. S. 106.

⁴⁰ *Штейн Л.* Идеал «вечного мира». С. 80–81.

⁴¹ *Woltmann L.* Die Darwinsche Theorie und der Sozialismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der menschlichen Gesellschaft. Düsseldorf, 1899. S. 175–176.

⁴² *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 70–74.

⁴³ *David E.* Sozialismus und Landwirtschaft. Bd. 1. Die Betriebsfrage. Berlin, 1903. S. 8–9, 56–57, 142, 144–145, 155–158, 250–253, 426.

⁴⁴ *Стамболийски А.С.* Политически партии. С. 357–360.

⁴⁵ Там же. С. 364.

⁴⁶ Там же. С. 244–245.

⁴⁷ Там же. С. 234–235, 241, 243.

⁴⁸ Там же. С. 251.

⁴⁹ *Barth P.* Die Philosophie der Geschichte als Soziologie. Т. 1: Einleitung und kritische Übersicht. Leipzig, 1897. S. 392.

⁵⁰ *Ammon O.* Die Gesellschaftsordnung. S. 58–59, 91–92.

⁵¹ *Берлин ПА.* Политические партии в Западной Европе. СПб, 1907. С. 76–78.

⁵² Там же. С. 72.

⁵³ *Козловский Л.* Очерк синдикализма во Франции. М., 1906. С. 31.

⁵⁴ Александър Стамболийски. Личност и идеи / По документи събрани и подредени от Н.Д. Петков. София, 1930–1946. С. 80–81.

⁵⁵ *Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. I. М., 1956. С. 666.

Т.В. Волокитина

К ПРОБЛЕМЕ СМЕНЫ «НОСИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

На рубеже войны и мира в странах Восточной Европы¹, включенных в сферу влияния СССР, развернулся процесс глубоких структурных общественно-политических перемен. Шло становление коалиционной системы власти, получившей название «народной демократии». Важнейшей составляющей этого процесса являлось утверждение у руля управления новой политической силы, сопровождавшееся сменой лиц, занимавших в прошлом государственные и административные посты, устранением старых и созданием новых властных структур, введением новых должностей и пр. Происходившее при этом разрушение традиционных механизмов селекции и ротации элиты, характерное для периодов революционных сдвигов², обусловило радикальность принимавшихся решений³. Не случайно в научный обиход вошло определение «кадровая революция». Ее задачи решались в первую очередь путем проведения «народного суда» и административных чисток под официальными лозунгами дефашизации.

Идея наказания военных преступников⁴ была зафиксирована «большой тройкой» в Потсдаме, причем понятия «военные преступники» или «преступники войны» относились к «главным военным преступникам», то есть прежде всего к Германии. Москва, как свидетельствуют документы, стремилась к расширительному толкованию этого термина, распространяя его на весь аппарат нацистской партии, военную и административную «верхушку» и пр.⁵ В мировом сообществе настроения возмездия были определяющими. Репрессии против предателей и коллаборационистов приобрели широкий размах в западной части европейского континента: во Франции, напри-

мер, за сотрудничество с оккупантами были осуждены около 40 тыс. чел., в Бельгии их число достигло 55 тыс., в Голландии – 50 тыс. и т. д.⁶

В Восточной Европе, оказавшейся под контролем Советского Союза, была задействована судебная система в виде новых судебных органов и чрезвычайного законодательства, получившая название «народный суд». В отношении стран-сателлитов фашистской Германии – Болгарии, Венгрии, Румынии – обязательства государственных органов задержать и наказать военных преступников получили международно-правовое обоснование в виде решений, закрепленных в Соглашениях о перемирии (1944–1945 гг.), а затем и в Мирных договорах с этими странами (февраль 1947 г.)⁷. Наказание бывшей политической элиты, запятнавшей себя сотрудничеством с фашизмом, сочеталось там с широкой сменой государственной администрации.

В Болгарии декрет-закон «О народном суде над виновниками вовлечения страны в войну на стороне фашистской Германии и связанных с ней злодеяний» был принят в конце сентября 1944 г. Идея «народного суда»⁸ была исключительно популярна в болгарском обществе⁹. Имелись и основания для беспокойства, поскольку сразу же после установления власти левоориентированной коалиции Отечественного фронта (ОФ) 9 сентября 1944 г. в стране вспыхнула акция «народного возмездия», принявшая форму массовых арестов и убийств без суда и следствия. Известный болгарский либеральный демократ Ст. Мошанов в беседе с заместителем политсоветника Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии Д.Г. Яковлевым 6 декабря 1944 г., констатируя «массовые перегибы при арестах», с тревогой говорил, что «процесс бурной реакции освобожденного от фашистского гнета народа против своих угнетателей <...> перешел в хроническую форму, и эта форма стала повседневным явлением»¹⁰. Хотя значительное число убитых стали жертвами люмпенов, часто сводивших личные счеты, в акциях «народного возмездия» наблюдалась также и определенная планомерность: людей уничтожали по заранее составленным комитетами ОФ спискам, в которые входили деятели и сторонники правых (по коммунистической терминологии) партий¹¹.

Сказать точно, каковы были итоги акции «народного возмездия» и «революционной чистки» на этом этапе, не представляется возможным. Существующая статистика характеризуется значительным разбросом данных: по одним сведениям, за несколько недель после 9 сентября 1944 г. без суда и следствия были уничтожены более 18 тыс. чел.¹², по другим – от 20 до 30 тыс.¹³ Отрывочные материалы СКК, которыми мы располагаем, подтверждают масштабные репрессивные мероприятия на местах. 30 января 1945 г. руководители народной милиции и госбезопасности в г. Бургасе сообщили заместителю политсоветника СКК К.Д. Левычкину, что непосредственно после смены власти были расстреляны 300 чел. Из 1100 чел. арестованных 300 чел. после проверки были освобождены, остальные подлежали суду. Аналогичные цифры поступили и из Пловдива: жертвами «народного возмездия» без предъявления каких-либо обвинений стали около 300 чел., из 1400 арестованных 200 чел. направлены в лагерь, 1200 отданы под суд¹⁴.

Захлестнувшая страну волна репрессий вызвала не только справедливое возмущение партнеров коммунистов по властной коалиции, но и в связи с этим недовольство Москвы, стремившейся не допустить обострения внутривластной ситуации в Болгарии. В этих условиях скорейшая организация и проведение «народного суда» рассматривались болгарскими коммунистами и как возможность ввести «акцию возмездия» в русло закона.

Первые судебные процессы начались уже в декабре 1944 г. Всего было проведено 135 процессов, в том числе два центральных, рассмотревших дела представителей высшего эшелона власти. По просьбе болгарского правительства и по согласованию с США и Великобританией советская сторона вернула в страну «главных виновников» – членов Регентского совета Б. Филова, Н. Михова, князя Кирилла Габровского, премьер-министра Б. Божилова, министра Василева и др. – для осуществления правосудия «непосредственно в стране». Арестованные непосредственно после 9 сентября 1944 г. регенты, министры кабинетов, действовавших с 1 января 1941 по 9 сентября 1944 г., и др., были переданы советским военным властям на основании решений Тегеранской конференции 1943 г., и вот теперь состоялось их возвращение в Болгарию.

26 января 1945 г., выступая в Отделе международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов подчеркивал: «Болгария является первой страной, в которой фашисты уже сидят на скамье подсудимых перед народным судом, составленным из избранников комитетов Отечественного фронта. Народные судьи будут судить по совести и убеждению, не придерживаясь всевозможных процессуальных тонкостей буржуазных законов. Поэтому наш народный суд над фашистами будет иметь не только внутреннее, но и международное значение. <...> У нас есть все основания думать, что до конца марта будут закончены все эти процессы и что расправа с активными фашистскими агентами будет самой беспощадной»¹⁵.

Изучавшая деятельность «народного суда» болгарская исследовательница С. Миланова пришла к убедительному заключению, что он выполнял сугубо политическую функцию. Судебный процесс становился пропагандистской кампанией с заранее известными результатами. Серьезные отступления от декрета-закона делались уже при формировании составов суда. «Народ» представляли политически ангажированные театральные критик, два журналиста и писатель¹⁶. В работе разных составов суда выявились такие общие моменты, как отсутствие убедительной мотивации открытия судебного дела, безусловный отказ от принципа презумпции невиновности, предварительная заготовка вопросов судьями, причем последние не всегда могли легко перестроиться и увязать свои вопросы с показаниями обвиняемых, многочисленные процедурные нарушения и пр.¹⁷

«Значительные ошибки», допущенные при проведении процессов, признал на упомянутой выше встрече в ОМИ ЦК ВКП(б) и Тр. Костов. Характерно, однако, что ошибочным, по его словам, оказалось наличие «большого числа юристов» и их «большая любовь к формальностям», убежденность, что «правосудие – это соблюдение норм». «ЦК не может согласиться с [подобным] утверждением, – подчеркнул Костов. – Особенно неправильно такое мнение в наше время»¹⁸. Иными словами, правильное было бы подменить закон пресловутой «революционной целесообразностью».

Единая статистика деятельности «народного суда» в Болгарии отсутствует. Наиболее часто фигурирует цифра, определя-

ющая общее число подсудимых, – 11 122 чел. Оправдательный приговор был вынесен в отношении 1 516 чел., прекращено или приостановлено 451 дело, 2 730 чел. были приговорены к смертной казни (из 160 представителей государственной элиты – регентов, министров, парламентских депутатов – высшую меру наказания получили 103), 1 305 чел. – к пожизненному заключению, 8 чел. – к 20 годам строгого режима, 981 чел. – к 15 годам строгого режима¹⁹.

Бросающееся в глаза несоответствие между общим числом осужденных (2294) и огромным количеством смертных приговоров (2730) некоторые болгарские авторы объясняют несовершенством статистики и отсутствием точных сведений о приведении приговоров в исполнение²⁰. Однако это не снимает саму остроту вопроса. На наш взгляд, «народный суд» был призван в рамках «дефашизации» расчистить кадровое «поле» для новых управленцев. Этот процесс облегчался тем, что в соответствии с духом времени понятие «фашизм» и производные от него толковались неоправданно расширительно. Вследствие этого и позднее, в сентябре 1945 г., советские наблюдатели в стране всерьез полагали, что «народный суд» убрал лишь «верхушку болгарского фашизма», почти не тронув (!) его основные кадры²¹.

Закономерно задаться вопросом о роли советского, фактора. Имевшаяся официальная установка Москвы на невмешательство, как следует из источников, сплошь и рядом нарушалась сотрудниками советской части СКК. Еще до начала процессов они, располагая конкретными данными о размахе акции «народного возмездия», зачастую фактически поощряли нарушения законности болгарскими коммунистами, рекомендуя привлекать к проведению репрессивных мероприятий партнеров по коалиции, которые пройдут таким образом «проверку на деле» и в дальнейшем не смогут возложить всю вину за репрессии на коммунистов²². В Москву поступала информация о попытках советских сотрудников СКК повлиять на решения суда при определении сроков тюремного заключения некоторых подсудимых. В январе 1945 г. этот вопрос даже рассматривался на уровне заместителей наркома иностранных дел А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова²³, и, судя по некоторым сведениям, прежняя установка на невмешательство

советских представителей в действия болгарских властей была подтверждена. Это не снимает, однако, вопрос о том, всегда ли она выполнялась в реальности?

Инициатива вовлечения советских наблюдателей в стране тем или иным способом в «наказательную акцию» часто исходила от болгарской стороны. В частности, как следует из архивных документов, болгары стремились заручиться поддержкой советских «друзей» при вынесении приговоров, мотивируя это желанием «избежать ошибок». Так, К.Д. Левычкину в беседе 20 января 1945 г. с председателем первого центрального судебного процесса Б. Шулевым пришлось долго убеждать собеседника, что «вопрос [о готовившемся приговоре обвиняемым] не входит в компетенцию Союзной контрольной комиссии», что «судебные органы имеют все необходимое, чтобы принять справедливое решение» и пр. Характерны доводы Шулева: «настроение народа является стихийным», «он не в курсе всех тонкостей судебного процесса», а Болгария «не имеет самостоятельной политики, ее политика определяется политикой СССР», болгары «не могут самостоятельно принять решения и хотели бы знать [советскую] точку зрения по существу приговора»²⁴.

Параллельно деятельности «народного суда» в стране развернулась и административная чистка от фашистских элементов сверху донизу. Решительно настроенных коммунистов настораживало сохранение старого руководства в военных учреждениях и на предприятиях и осуществлявшийся им саботаж производства под предлогом хозяйственных трудностей, в частности, нехватки сырья²⁵. Особое внимание по ходу чисток уделялось силовым структурам. Так, за несколько дней из органов Министерства внутренних дел, руководимого коммунистом А. Юговым, было уволено 30 тыс. чел. Уже 10 сентября 1944 г. на основе постановления Совета министров на базе партизанских отрядов началось формирование народной гвардии и народной милиции. Рост милицейских штатов, сосредоточенных в основном в столице и крупных городах вызвал шквал критики со стороны оппозиции. Газета оппозиционных социал-демократов «Свободен народ», задавала своим читателям резонный вопрос: «Разве в полицейщине заключается новая демократическая Болгария?»²⁶

Результатами чисток стало преобладание к весне 1945 г. коммунистов в руководстве органов исполнительной власти на местах: более 75% руководителей околийских управлений и городских кметов, свыше 84% сельских кметов и более 76% их заместителей. И только на самом «верху» местной исполнительной власти коммунистам не удалось вытеснить партнеров по коалиции: из 9 директоров лишь трое были членами компартии (33,3%). Практически на однопартийной основе, в нарушение коалиционного принципа организации власти Отечественного фронта, оказались сформированными и органы юстиции. Медленнее шла смена кадров в министерствах, возглавлявшихся партнерами коммунистов по коалиции, и, кроме того, чистки там не были столь радикальными. Этим объяснялись неоднократные констатации руководством СКК засоренности аппарата, особенно в Министерствах финансов и иностранных дел, «профашистскими элементами».

В Венгрии на основе постановления правительства от 25 января 1945 г. о народном судопроизводстве²⁷ за шесть месяцев были арестованы 22 тыс. «военных преступников», из которых 9 тыс. интернированы, а 2 тыс. преданы «народному суду». Последний функционировал в стране с 3 февраля 1945 г. Однако его деятельность вызывала неудовлетворение руководства Венгерской коммунистической партии (ВКП): число судов не достигло запланированной цифры – вместо 23-х действовало лишь 17 составов, и к 15 марта 1945 г. было осуждено всего два человека. В связи с этим генеральный секретарь ЦК М. Ракоши сообщал в Москву: «Народные суды <...> построены так, что приведение смертных приговоров в исполнение производится очень медленно. Наша задача сейчас – принимать все необходимые меры и требовать как быстрого решения дел, так и привлечения к ответственности действительно больших политических преступников, а не только мелких жуликов»²⁸. По всей вероятности, обстановкой в стране была недовольна и советская сторона. На встрече в ОМИ ЦК ВКП(б) 23 июня 1945 г. Ракоши пришлось выслушать резкую критику Г. Димитрова за отсутствие в стране «политических процессов». Ракоши оправдывался: «Фашистские вожди бежали. У нас нет ни одного министра, ни одного статс-секретаря фашистского. Это очень плохо, плохо в том смысле, что мы до сих пор не смогли со-

здать политический процесс <...> Когда я читал, что в Болгарии удалось взять всех министров, у меня слюнки текли. Я сказал – какая счастливая страна. У нас все бежали, а на нет и суда нет. Мы надеемся, что нам выдадут этих фашистских вождей, и тогда мы организуем процесс»²⁹.

Административные чистки в Венгрии начались на основе правительственного постановления о создании или реорганизации органов местного самоуправления от 4 января 1945 г. На этом этапе чистка затронула 1–2% чиновников³⁰, что не устраивало коммунистов. В марте 1945 г. Ракоши сообщал Димитрову о крайней необходимости новой проверки, поскольку не менее 95% служащих возвращаются на свои старые должности³¹. Поэтому на следующем этапе чистки, проходившем в условиях политической борьбы за власть в рамках Национального фронта, действовало соглашение между коммунистами и партией мелких сельских хозяев о так называемом списке «Б» – сокращении госслужащих. Была обговорена и цифра – 10%. Достоверных сведений об итогах чистки нет. По данным министра внутренних дел коммуниста Л. Райка, сообщенным в ЦК ВКП(б), по списку «Б» были сокращены 22 тыс. «реакционных чиновников»³², а венгерские авторы оперируют цифрой 60 тыс. чел.³³

Помимо «узаконенной» кампании чистки, в феврале 1946 г. в стране возникло инициированное компартией движение «снизу» – вынесение так называемых «народных приговоров». Массовые митинги и демонстрации принимали резолюции (выносили «приговоры»), лишавшие тех или иных служащих своих постов³⁴. Как вариант чисток движение за «народные приговоры» сыграло определенную роль в смене кадров. Но венгерские коммунисты оценивали его итоги критически: если «верхушку» административного аппарата удалось сменить, то руководители самоуправлений в городах и комитатах, оставались прежними. Плохо, по оценке коммунистов, обстояло дело и в большинстве министерств³⁵.

Вопросы наказания военных преступников и чистки административного аппарата плотно контролировала СКК. Следствием прямого вмешательства ее советских сотрудников явились серьезные изменения в составе и структуре венгерской полиции, насчитывавшей примерно 40 тыс. чел. Старые кадры

были переведены в так называемую гражданскую полицию, а состав политической полиции, осуществлявшей контроль за благонадежностью граждан, был почти полностью обновлен. Все руководящие посты заняли коммунисты. Кроме того, партийное (коммунистическое) лицо имели и батальоны специального назначения, созданные как «серьезная опора» ВКП.

В Румынии процесс наказания фашистских элементов не сразу вошел в законодательное русло, что объяснялось сложной ситуацией в высшем эшелоне власти. Во второй половине 1944 г. в ряде районов страны имели место кровопролитные схватки демонстрантов, требовавших ареста фашистов – руководителей префектур, примарий и отдельных предприятий – с полицией. К концу 1944 г. более половины префектур в стране оказались в руках Национально-демократического фронта (НДФ). В соответствии с обязательствами, зафиксированными в Соглашении о перемирии (сентябрь 1944 г.), власти приняли в январе 1945 г. два закона – «О преследовании и наказании военных преступников», предусматривавший разные меры наказания вплоть до смертной казни, и «О преследовании и наказании виновников катастрофы страны». Второй закон касался проведения в стране «народного суда» и устанавливал максимальное наказание – пожизненное заключение. Однако реализация принятых законов началась только в апреле – мае 1945 г., то есть после прихода к власти правительства П. Грозы и изменения соотношения сил в кабинете министров в пользу НДФ.

Об активном участии советской стороны в отставке правительства генерала Н. Рэдеску и формировании кабинета П. Грозы хорошо известно³⁶. Подготавливая смену кабинета, в Москве делали особый упор на необходимость обеспечить порядок в стране, являвшейся тылом Красной армии, и выполнение Румынией условий Соглашения о перемирии. Особенно беспокоило советских наблюдателей состояние румынской армии и государственного аппарата, в котором действовали «легионерско-фашистские элементы». Политсоветник СКК в Румынии А.П. Павлов от имени советской части СКК фактически обязал привлечь к суду «provokatora и профашиста Радеску»³⁷ и его клику»³⁸.

Уже 7 марта 1945 г. П. Гроза публично заявил о начале чистки от «фашистов» во всех сферах общественной жизни,

и в конце месяца был опубликован декрет-закон о чистке государственного аппарата³⁹. О ее масштабах трудно судить из-за нехватки достоверных данных. Критически следует, на наш взгляд, подходить к сообщению П. Грозы английскому журналисту А. Гибсону 23 мая 1945 г. о том, что за первые два месяца деятельности его кабинета были арестованы 90 тыс. чел.⁴⁰ Тем не менее считается, что применение декрета-закона позволило в значительной мере сменить кадры административного аппарата на местном уровне – в префектурах, примариях, муниципалитетах. Реорганизация затронула и силовые структуры, в первую очередь армию и МВД. В марте 1945 г. увольнение и перевод в резерв коснулись двух третей министерского штата.

Параллельно чистке административного аппарата осуществлялась и реализация вышеупомянутых январских законов 1945 г. 2 апреля центральный орган румынской компартии газета «*Scînteia*» («Искра») сообщила об арестах нескольких сотен полицейских и офицеров контрразведки, виновных в постигших страну бедствиях. В начале мая Совет министров принял решение предать военному трибуналу 47 военных преступников во главе с генералом Мачичем, обвинявшимся в массовых расправах с еврейским населением Одессы в октябре 1941 г. 29 военных преступников, в том числе и Мачич, были приговорены к смертной казни, а 8 подсудимых – к различным срокам тюремного заключения. Однако позднее смертные приговоры были заменены пожизненным заключением⁴¹. В мае 1946 г., были вынесены смертные приговоры диктатору И. Антонеску, его заместителю М. Антонеску, военному министру К. Пантази, начальнику тайной политической полиции (сигуранцы) Е. Кристеску.

Румыния, на наш взгляд, дала пример достаточно четкого разведения задач наказания собственно военных преступников и административных чисток, ставших прологом «кадровой революции».

Помимо стран-сателлитов, аналогичные процессы развертывались и в других странах Восточной Европы.

В Чехословакии в соответствии с декретами президента Э. Бенеша о военных преступниках и коллаборационистах и создании чрезвычайных народных судов (1 февраля, 19 июня

1945 г.) и аналогичным законом Словацкого Национального совета (15 мая 1945 г.) в народные суды поступило 132 тыс. дел по обвинению в коллаборационизме. Рассмотрены были немногим более 38 тыс. дел. Всего до конца 1947 г. в Чехословакии к «народному суду» были привлечены 158 тыс. военных преступников и коллаборационистов. Осуждены 46400 чел., к высшей мере наказания приговорены 778 чел.⁴²

Чехословацкие коммунисты также интерпретировали понятие «коллаборационизм» широко. Это позволяло элиминировать сторонников правых сил и переводить в управление государством имения или фабрики обвиняемых. Однако такая позиция оформилась не сразу. Политики некоммунистической ориентации стремились к более точной и корректной интерпретации правовых норм. Касалось это и трактовки коллаборационизма. В марте 1945 г. заграничное руководство КПЧ согласилось включить в проект программы правительства Национального фронта чехов и словаков пункт о том, что «служба в государственном и общественном аппарате бывшего оккупационного и предательского режима сама по себе не будет считаться подлежащей наказанию». В конечном счете, это положение, не без вмешательства советской стороны⁴³, было заменено следующим: «Народ и правительство будут внимательно следить, чтобы в национальные комитеты (органы власти. – *Т.В.*) не попали элементы, которые сотрудничали с оккупантами, поддерживали предателей и, служа врагу, получили мерзкую личную выгоду»⁴⁴. Установленным коллаборационистам вход во властные структуры был закрыт.

Руководители протектората предстали перед судом. Осенью 1946 г. были рассмотрены дела 9 министров коллаборационистских правительств из 16. Четверо были приговорены к различным срокам тюремного заключения, трое оправданы и двое освобождены от наказания. Острая борьба разгорелась вокруг дела руководителей «Словацкого государства» во главе с Й. Тисо. Только открыто высказанная коммунистами угроза начать массовую кампанию протеста в стране вынудила представителей других партий в Национальном фронте и президента Бенеша отступить⁴⁵. Окончательно судьба основной массы заключенных решилась во время острого политического кризиса в Словакии. Национальный суд вынес смертный при-

говор Тисо, и в апреле 1947 г. он был приведен в исполнение. Заметим, что немаловажную роль сыграли при определении судьбы словацкого лидера массовые античешские настроения в Словакии, выразителем которых выступал Тисо. Кстати, Москва признавала, что эти настроения имели под собой объективные основания⁴⁶.

Советская сторона не была удовлетворена положением дел в Словакии, поскольку «кроме казни Тисо, ничего не сделано для борьбы с реакцией» и фашистские элементы «не выкорчеваны». Вообще, в Москве считали, что КПЧ не воспользовалась благоприятной ситуацией (пребыванием Красной армии в Чехословакии до декабря 1945 г.), не наказала предателей, не очистила страну от остатков фашизма, которые ныне «орудуют в партиях Национального фронта»⁴⁷.

Не изменили эту оценку и административные чистки, также имевшие в тот период антиколлорационистскую направленность. Вплоть до февраля 1948 г. предметом особого внимания чехословацких коммунистов являлись силовые структуры – армия, МВД и структуры национальной безопасности. Реорганизация последних шла за счет включения в их состав бывших партизан, рабочих и иных «демократических элементов»⁴⁸. Однако только после установления властной монополии компартии в феврале 1946 г. административные чистки получили одобрение советской стороны. Они организовывались сугубо по принципу политической принадлежности: из административного аппарата были удалены 120 тыс. национальных социалистов, около 100 тыс. членов народной и демократической партий, 20 тыс. социал-демократов⁴⁹.

В Польше политический коллаборационизм как массовое явление не существовал, но борьба с его проявлениями развернулась еще в период оккупации страны. По некоторым данным, подпольные организации уничтожили около 3 тыс. «шпиков»⁵⁰. Военные преступники и предатели подпадали под действие декрета Польского комитета национального освобождения (ПКНО) от 31 августа 1944 г. Декретом ПКНО от 23 сентября 1944 г. вводились военные суды и прокуратура, юрисдикция которых распространялась и на гражданских лиц⁵¹. Введение смертной казни или пожизненного заключения за преступления, представлявшие угрозу безопасности

и целостности государства, открыло возможность властным структурам нанести удар по тем силам, которые оказывали сопротивление утверждению политического режима во главе с Польской рабочей партией (ППР).

В 1944–1948 гг. военные суды вынесли более 22 тыс. приговоров, в том числе 2500 смертных. Большинство из них были приведены в исполнение. Кроме того, советские военные власти пользовались согласованным с союзниками в феврале 1945 г. в Ялте правом подавлять действия вооруженного подполья против Красной армии, устанавливать «справедливый порядок» в тылах фронта. Польские исследователи, считают, однако, что понятие «тылы» толковалось произвольно и подчас неоправданно широко⁵².

В результате действий различных оперативных групп, в том числе и подразделений военной контрразведки «СМЕРШ» НКО и НКВД СССР, были арестованы тысячи участников польского антиправительственного подполья. К осени 1945 г. в лагерях и тюрьмах НКВД находились более 20 тыс. интернированных на территории Польши. При проведении оперативно-чекистских мероприятий политическая составляющая – подавление противников новой власти – была одной из главных. Иными словами, в Польше антифашистская акция была сразу направлена в «классовое» русло, стала инструментом острой внутриполитической борьбы. Итогом ее явилось вытеснение из общественной жизни значительной части прежней элиты и слоя государственных служащих. Амнистия сторонникам лондонского эмигрантского правительства не распространялась на руководство созданных в годы войны структур «подпольной Польши» (*Polska Podziemna*). Ею воспользовались около 44 тыс. чел., но вплоть до конца 1945 г. в стране фактически сохранялось военное положение, продолжались аресты.

Законом Крайовой рады народной был восстановлен традиционный для Польши институт исполнительной власти. Персональные назначения осуществлял ПКНО, в котором коммунисты имели сильные позиции. В силу этого ППР все же имела реальную возможность управлять процессом создания новой администрации на местах. «Схватка за Польшу», развернувшаяся в 1945–1946 гг. между оппозиционной крестьянской партией – Польско стронництво людове (ПСЛ), широко

представленной во всей вертикали управления страной, и коммунистами, завершилась победой последних, что позволило осуществлять формирование органов власти и управления на классово-политических принципах.

Большой сложностью отличалась ситуация в Югославии, где в условиях оккупации резко обострились межэтнические противоречия, усилился радикальный национализм, породивший политический экстремизм и насилие в широких масштабах. Специфика обстановки в стране заключалась в том, что участники как коммунистического, так и антикоммунистического сопротивления оккупантам противостояли оказавшимся в лагере коллаборационистов радикальным этническим националистам⁵³. На заключительном этапе гражданской войны руководимая коммунистами народно-освободительная армия, ликвидировала все противостоявшие ей внутриюгославские военные формирования. Был сделан первый шаг по устранению противников утверждавшегося режима.

В условиях раскола югославского общества антифашистская акция, развернувшаяся в стране, приобрела колоссальный размах. Осенью 1944 – весной 1945 гг., по мере освобождения югославской территории от германских частей, без суда уничтожались лица, объявленные военными преступниками, пособниками оккупантов и коллаборационистами. Постепенно часть этой задачи взяли на себя военные суды: их объектами оказывались установленные военные преступники и пособники оккупантов. Параллельно начала функционировать система специальных (фактически чрезвычайных) судов, действовавших вне обычной судебной процедуры и занимавшихся «преступлениями против национальной чести». Вынесенные ими «от имени народа» приговоры не подлежали обжалованию и приводились в исполнение немедленно. Основной контингент подсудимых обвинялся в предательстве и коллаборационизме, толковавшемся неоправданно расширительно⁵⁴.

Масштабы деятельности военных и чрезвычайных судов, по информации советского посольства в Белграде, вызывали резкое недовольство в обществе. В нелегально распространявшихся листовках от имени прежде действовавших в стране политических партий содержались требования роспуска чрезвычайных судов и амнистии всем «политическим преступникам»,

к категории которых новые власти относили всех неугодных ей лиц⁵⁵.

Статистика итогов «наказательной акции» в Югославии, хотя и отличается сильным разбросом, впечатляет. Данные немецкого исследователя В. Брокдорфа о, примерно, 1,7 млн «жертв коллаборационизма»⁵⁶ сближаются с хорватскими данными – 1,9 млн чел. Достоверность этих сведений оппорил как преувеличенные крупнейший польский историк Второй мировой войны Ч. Мадайчик⁵⁷. Российский исследователь М.И. Семиряга соглашался с немецким историком Г. Нойбахером, утверждавшим, что жертвами «наказательной акции» в Югославии стали около 1 млн чел.⁵⁸

Новые органы власти формировались в ходе национально-освободительной борьбы. Уже осенью 1941 г. на освобожденных территориях власть перешла к повстанческим органам в виде народно-освободительных комитетов (НОК). С 1943 г. они имели статус постоянных органов власти. Позднее Й. Броз Тито отмечал: «Захотели эту форму власти наши народы потому, что она имела известное сходство с формой власти в Советском Союзе»⁵⁹. В составе комитетов преобладали рабочие, крестьяне, ремесленники, учителя. Фактически сразу же обозначилась и тесная связь нового управленческого аппарата с аппаратом компартии.

Развивавшиеся в Югославии общественно-политические процессы оказывали заметное влияние на соседнюю Албанию. Там экономическими конфискациями и секвестрованием занимались отряды охраны порядка – партизанская стража и областные гарнизоны, формировавшиеся с августа 1943 г. на основе решения генерального штаба Национально-освободительной армии (НОА). Органы охраны порядка действовали в режиме двойного подчинения – Генштабу НОА и новой администрации в лице национально-освободительных советов. После освобождения страны в ноябре 1944 г. была создана сеть военных трибуналов, на которые возлагалась реализация закона от 14 января 1945 г. «Об общих положениях о конфискации частной собственности».

Ведя борьбу со сторонниками прежнего режима, албанское руководство не пользовалось понятием «коллаборационизм», предпочитая говорить о «реакции» и «реакционных элемен-

тах». Весной 1946 г. в стране, по советским сводкам, действовали многочисленные разрозненные «реакционные группы» из 5–10 чел. каждая, в основном молодежь. Руководителями групп являлись бывшие землевладельцы, офицеры албанской армии, жандармы и полицейские, католические священники, члены националистических организаций. В северной части Албании, в отсталых в социально-экономическом и политическом отношении горных районах, действовали вооруженные банды общей численностью до 600 чел.⁶⁰ В октябре 1944 г., когда феодальная верхушка Севера попыталась сформировать свое правительство, центральные власти приняли решение укомплектовать местные советы выходцами с юга, внесшими заметный вклад в партизанское движение.

Поступавшая в Москву информация о положении в стране свидетельствовала о том, что борьба с «реакционными элементами» затягивалась. Весной 1947 г. министр внутренних дел К. Дзодзе сообщал посланнику СССР Д.С. Чувахинову об «организованной антиправительственной деятельности» группы депутатов Народного собрания и намерении правительства арестовать с превентивной целью от 100 до 200 чел. – врачей, адвокатов и судей, преподавателей, промышленников и торговцев, членов семей бывших министров, офицеров. В число потенциальных врагов власти попали также католики и бекташи (члены дервишского ордена)⁶¹. Одновременно активно велась кампания по сдаче оружия населением.

В целом, в Восточной Европе, оказавшейся под контролем Советского Союза, наказание бывшей политической элиты, запятнавшей себя сотрудничеством с фашизмом, сочеталось с широкой сменой государственной администрации. Используя настроения народного возмездия, утверждавшиеся новые режимы под антифашистскими лозунгами с помощью «народного суда», революционных трибуналов, чрезвычайных и военных судов и административных чисток фактически полностью отстранили прежнюю верхушку не только от управления, но и от участия в общественной жизни. При этом такое отстранение нередко означало и физическое уничтожение.

В особой психологической атмосфере на рубеже войны и мира и непосредственно после войны (наличие силового

синдрома, означавшего преобладание репрессивного типа сознания как реакцию на преступления фашизма) все мероприятия, проводимые в регионе под лозунгами «дефашизации», несомненно, вышли за пределы первоначально обозначенной задачи. В первой фазе «кадровой революции» фактически расчищалось управленческо-административное «поле» для новых функционеров.

В результате смены кадров, проводившейся на разных уровнях властных структур, было положено начало постепенному складыванию социальной прослойки – своеобразной предтечи «нового класса», по определению М. Джиласа. При этом оказалась прерванной кадровая преемственность и, как и при всякой радикальной акции, на передний план массово выдвигались преданные люди, проявившие себя в «борьбе», но весьма далекие от управленческой деятельности. Селекция кадров все шире проводилась на основе политической конъюнктуры, в частности выраженной леворадикальной, прокоммунистической или открыто коммунистической ориентации. Игнорирование при подобном подходе критерия профессионализма массовым порядком выводило «в люди» новых «носителей власти», управленцев, слабо или вообще не подготовленных к ежедневной рутинной работе и, вследствие этого, ориентированных на исполнение директив «сверху». Пришло время головокружительных карьер...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение «Восточная Европа» используется в геополитическом смысле.

² Элиты и лидеры. Традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 12.

³ См., например: *Баева И.* Смяна на елита и кадрите в България и Източна Европа (1944-1948) // Лица на времето. София, 1996. Кн. I. С. 71.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. Сборник документов. М., 1980. С. 492.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 7–8.

⁶ *Czubiński A.* Europa dwudziestego wieku. Zarys historii politycznej. Poznań, 1997. S. 258.

⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: в 3-х т. М., 1946–1947. Т. 2. С. 206–212, 284–292; Т. 3. С. 76–85; Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Документы и материалы. М., 1952. Ч. 1. С. 208–326; Ч. 2. С. 36–38.

⁸ *Волокитина Т.В.* Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944–1946 гг. М., 1990. С. 87–88.

⁹ Это требование имело в Болгарии исторический прецедент: пункт о предании суду «виновников национальной катастрофы» – поражения Болгарии в Первой мировой войне – был включен в программу коалиционного правительства во главе с лидером крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) А. Стамболийским (1919–1920 гг.).

¹⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I. 1944–1948 / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. С. 106.

¹¹ *Валева Е.Л.* Трансформационные процессы в Болгарии 1944–1990 гг.: переход к социализму по советскому образцу и поворот к европейской модели развития // Власть – Общество – Реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / Отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. М., 2006. С. 84; Восточная Европа в документах российских архивов. С. 150.

¹² *Исусов М.* За някои съвременни оценки на най-новата история на България // История и обществознание. 1990. № 2. С. 10.

¹³ *Саздов Д., Лилков М., Попов Р., Мигев В.* История на България (681–1960). Т. 2. София, 1995. С. 485.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 61, 67.

¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 146.

¹⁶ *Миланова С.* Размисли върху присъдите на VI състав на Народния съд – 1945 г. // Историята – професия и съдба. В чест на член-кореспондент д. ист. н. Георги Марков. София, 2008. С. 503–515.

¹⁷ Там же. С. 504.

¹⁸ Цит. по: *Богданова Р.* Българският вариант на десталинизацията. 1953–1956 // Исторически преглед. 1997. Кн. 4. С. 32.

¹⁹ Дума. 1990.16 V; Энциклопедия «България». Т. IV. София, 1984. С. 432.

²⁰ *Баева И.* Смяна на елита. С. 75; Българските държавни институции. 1879–1986. София, 1987. С. 262–263.

²¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 151.

²² Там же. С. 151–152.

²³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 116. Д. 18. Л. 6.

²⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 139–140.

²⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 1.

²⁶ Свободен народ. 1945.17 X.

²⁷ Освобождение Венгрии. 1944–1945 гг. Сборник документов. Будапешт, 1975. С. 115–120.

²⁸ РГАСПИ. Отдел международной информации (Отдел внешней политики, Отдел внешних сношений, Внешнеполитическая комиссия). Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 128–129.

²⁹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2 т. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. Т. I. 1944–1948. М., 1999. С. 203.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 128.

³² Там же. Д. 315. Л. 18.

³³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории (далее – Москва и Восточная Европа). М., 2002. С. 80.

³⁴ Magyarország története / Szerk. E. Molnár. Budapest, 1964. 2. köt. 502–503. old.

³⁵ Советский фактор в Восточной Европе. С. 428–430.

³⁶ Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. М., 1998. С. 98–116.

³⁷ Сохранена орфография документа.

³⁸ Там же. С. 111.

³⁹ Decret-lege pentru purificarea aministrațiilor publice // Scînteia. 1945.31 III.

⁴⁰ Dennis Deletant. Romania under communist rule. Bucharest, 1998. P. 63.

⁴¹ По официальной версии генерал Мачич умер в тюрьме Аюд в июне 1950 г. от сердечного приступа.

⁴² Tomaszewski J. Cesta komunistických stran k moci v Střední Evropě. Srovnávací pohled // Soudobé dějiny. 1988. N 2–3. S. 218.

⁴³ Москва и Восточная Европа. С. 71.

⁴⁴ Cestou kvetnia. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. S. 35.

⁴⁵ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Ред. Г.М. Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. С. 108.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29 а. П. 171. Д. 2. Л. 3.

⁴⁷ РГАСПИ. Информбюро коммунистических и рабочих партий. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 105; Д. 39. Л. 22, 21.

⁴⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 204–205.

⁴⁹ Kaplan K. Československo v letech 1948–1953. Praha, 1991. S. 11.

⁵⁰ Korboński S. W imieniu Rzeczypospolitej. Parys, 1967. S. 107.

⁵¹ Kochański A. Polska 1944–1991. Informator historyczny. T. I. Warszawa, 1996. S. 31, 35.

⁵² *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL. 1944–1990. Rozwój i działalność w świetle dokumentów MSW. Warszawa, 1997. S. 67.

⁵³ Подробнее см.: *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000. С. 68–90.

⁵⁴ Подробнее см.: Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 527.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29 б. П. 154. Д. 3. Л. 1; Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 24–25.

⁵⁶ *Brokdorff W.* Kollaboration oder Widerstand. München, 1968. S. 51.

⁵⁷ *Madajczyk Cz.* Faszyzm i okupacje. 1938–1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie. T. II. Mechanizmy realizowania okupacji. Warszawa, 1984. S. 344.

⁵⁸ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 799.

⁵⁹ *Броз Тито Ј.* Изградња нове Југославије. Књ. 2. Београд, 1948. С. 378.

⁶⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 437.

⁶¹ Москва и Восточная Европа. С. 77.

А.А. Пивоваренко

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ХОРВАТИИ (1989–1991 гг.).

Исследуемый в рамках статьи хронологический отрезок следует считать начальным периодом истории Социал-демократической партии (СДП) в современной Хорватии. На сегодняшний день периодизация прослеживается достаточно четко. На *первом этапе* (1989–1991 гг.), который рассматривается в данной статье, произошла трансформация СДП из существовавшего до этого Союза коммунистов Хорватии (СКХ) и ее включение в политическую жизнь независимой республики. На *втором этапе* (1992–1999 гг.) социал-демократы прошли путь от одной из многих до главной оппозиционной силы в политической системе страны. На *третьем этапе* (начиная с 2000-х годов) Социал-демократическую партию можно назвать «партией власти». Дважды, в 2000–2003 и 2011–2015 гг., она, в составе коалиции, побеждала на парламентских выборах и получала мандат на формирование правительства. Второй и третий этапы также можно разделить и на более короткие отрезки. Например, если до 1995 г. социал-демократы не афишировали своих амбиций, то в 1995–1999 гг. откровенно боролись за смену власти. Интересным представляется период «второй оппозиции» (2003–2011 гг.), когда в СДП произошла внутренняя перестройка и вместо лидеров, стоявших у основания партии, к власти пришли руководители нового поколения.

Государствообразующий характер Социал-демократической партии уходит корнями в последнее десятилетие существования социалистической Югославии и правящего Союза коммунистов (СКЮ), который подвергся значительной фрагментации. К концу 1980-х годов СКЮ из целостной структуры

превратился в сообщество республиканских и краевых структур, «вид коалиционной партии, союз девяти организаций»¹. Фрагментация партийной организации сопровождалась падением авторитета самой партии. В 1974 г. членами СКЮ не хотели быть 9% югославских граждан, в 1986 г. – уже 50%. Членами Союза коммунистов Хорватии в 1974 г. не хотели быть 13% населения республики, в 1986 г. – уже 70%. Согласно социологическим опросам, проведенным в начале 1990 г., 50,7% жителей хорватской республики выступали за пересмотр государственного устройства СФРЮ и формирование конфедерации самостоятельных республик. 10,5% выступали за отделение Хорватии². Общественным процессам сопутствовало утверждение в партийных организациях «национальных кадров», готовых бороться за интересы своих республик. «По сути, внутри федерального государства уже давно были созданы этнократии, не хватало лишь полноценного официально заявленного суверенитета»³.

Совокупность этих факторов предопределила переход СКХ к курсу на либерализацию общественно-политической жизни. Весной 1986 г. состоялся X съезд Союза коммунистов Хорватии. На этом съезде столкнулись три линии: консервативная, отрицавшая необходимость каких-либо изменений в политике партии; реформаторская, поддерживавшая «строительство Хорватии на демократической платформе»; а также третья группа, «выступавшая против политики Слободана Милошевича, но в то же время не поддерживавшая установление в Хорватии многопартийности»⁴. 11–13 декабря 1989 г. в Загребе состоялся XI съезд СКХ, на котором был избран новый председатель партии. Им стал 45-летний Ивица Рачан, обошедший в результате тайного голосования на 11 голосов другого кандидата Иво Дружича (40 против 29). Съезд принял ряд постановлений по либерализации общественно-политической жизни. Среди них: отмена смертной казни, остановка всех политических процессов, освобождение политических заключенных. Было решено взять курс на многопартийность и поставить через несколько недель, на XIV съезде Союза коммунистов Югославии, вопрос об исключении из Конституции СФРЮ положения о ведущей роли партии в обществе, а из Устава СКЮ – положения о демократическом централизме как

основном и общем принципе организации отношений⁵. Накануне, 10 декабря, ЦК СКХ принял решение о проведении весной 1990 г. выборов в республике на условиях многопартийности⁶. Таким образом, в 1986–1989 гг. были сформированы новые принципиальные установки деятельности Союза коммунистов Хорватии. К власти в СКХ пришли силы, которые «осознали, что коммунистическая система доживает последние дни и хорватским левым силам необходимо отказаться от идеи социализма и принять идеи социал-демократии», – отмечал один из идеологов партии Здравко Томац⁷.

Новая позиция СКХ проявилась в ходе XIV внеочередного съезда СКЮ в Белграде (20–23 января 1990 г.). Как известно, он был прерван в связи с тем, что представители Хорватии и Словении решили покинуть его досрочно. Отправляясь на мероприятие, хорватская делегация изначально ставила перед собой цель защитить собственный курс и поддержать реформаторски настроенную словенскую делегацию. З. Томац так определил задачу делегации: «Не дать возможность С. Милошевичу полностью превратить Союз коммунистов Югославии в инструмент собственной политики и великосербской гегемонии»⁸. Следствием неудачи XIV съезда, который так и не возобновил работу, стал фактический распад СКЮ. Помимо серьезного психологического значения (в своем дневнике председатель Президиума СФРЮ Борисав Йович написал в дневнике: «Я боюсь, что это начало конца для возможностей достичь хоть какого-нибудь соглашения и для функционирования всей Югославии»⁹), это означало исчезновение важной политической преграды для продолжения курса на многопартийность, принятого руководством хорватской и словенской республик.

5 февраля 1990 г. секретариат СР Хорватии по вопросам администрации и юстиции принял решение о регистрации семи новых политических партий, в том числе Хорватского демократического содружества (ХДС). Таким образом, в республике официально вводилась многопартийность. А 12 февраля 1990 г. было официально объявлено о начале реформирования Союза коммунистов Хорватии. В пресс-релизе партии говорилось, что хорватские коммунисты отказываются от «доктринерства» и марксизма как теоретической основы де-

тельности¹⁰. Таким образом, в одностороннем порядке были реализованы положения, принятые на XI съезде СКХ, но которые не удалось провести на XIV съезде СКЮ в Белграде. Хорватская компартия вошла в долгий период перестройки, результатом которой стало создание Социал-демократической партии.

15 февраля 1990 г. Сабор СР Хорватии принял поправки к статьям 54–63 республиканской конституции, а также закон о выборах и о формировании республиканской избирательной комиссии во главе с председателем Верховного суда Хорватии М. Гайским¹¹. Первый тур был назначен на 22–23 апреля 1990 г. Второй тур, в случае необходимости, предполагалось провести 6–7 мая 1990 г. В этом же месяце было принято решение о переименовании Союза коммунистов Хорватии. Он получил название «Союз коммунистов Хорватии – Партия демократических перемен» (СКХ–ПДП).

Е.Ю. Гуськова выделяет два направления трансформации республиканских отделений распавшегося Союза коммунистов Югославии: с сохранением позиций в одних регионах (Сербия, Черногория, Македония) и с утратой влияния в других (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина)¹². Утрата позиций реформируемого Союза коммунистов объясняется поражением на многопартийных выборах, разочарованием населения, нарастанием хорвато-сербских противоречий и националистической истерии в Хорватии. По мере продвижения Хорватии к международному признанию (декабрь 1991 – январь 1992 гг.) все очевиднее становилась необходимость поиска новой партийной идентичности в меняющихся условиях при сохранении некоторых мотивов старой. СДП должна была продемонстрировать лояльность и патриотизм в борьбе за независимое хорватское государство. Но патриотизм не должен был означать национализм. Во-первых, к тому времени уже возникло множество партий, отвечавших за разработку «националистического» направления в политике (в первую очередь ХДС). Во-вторых, хорватскому политическому полю требовалось движение, декларировавшее умеренно-левые и антифашистские ценности, для придания хорватской государственности большей легитимности. Наличие

такого движения укладывалось в историческую концепцию хорватской государственности, сформулированной первым президентом Хорватии Франьо Туджманом. Согласно этой концепции, независимая Хорватия, которую предстояло создать, должна была стать преемником социалистической хорватской республики. Видоизмененный Союз коммунистов вполне подходил на эту роль.

Первый съезд новой партии состоялся 3 ноября 1990 г. По словам председателя И. Рачана, его целью стало «завершение процесса, начатого на XI съезде СКХ в конце прошлого года, то есть трансформации Союза коммунистов Хорватии в Партию демократических перемен»¹³. Так возникла аббревиатура СДП (хорв. *Stranka Demokratskih Promjena* или *SDP*), в которой, впрочем, еще не содержалось указания на социал-демократию. На съезде были утверждены основы политической программы, а также принята Декларация первого съезда СДП. Данные документы дают много информации о доктринальных основах новой партии.

Прежде всего, было объявлено о создании современного социал-демократического движения, основывающегося «на демократическом наследии и современном опыте европейской, югославской и хорватской левой традиции»¹⁴. СДП провозгласила себя реформистской силой, «партией общественных перемен и общественной альтернативы», члены которой, будучи демократами, борются за «свободное и демократическое общество, но, оставаясь социал-демократами, выступают за социальную справедливость и солидарность между людьми»¹⁵.

Целью внутренней политики объявлялась борьба за право «на жизнь, труд и здоровую окружающую среду, свободу мысли и ее выражения, свободу передвижений и общественных собраний, свободу объединений, частную собственность и личное пространство, право на национальное и культурное самоопределение»¹⁶. Во внешней политике в качестве приоритета объявлялось сотрудничество с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) для «дальнейшего вхождения в это сообщество». Здесь подразумевалась «быстрая и последовательная перестройка отечественной экономики в соответствии с требованиями европейского рынка»¹⁷.

Важнейшим показателем идентичности партии стал вопрос преемственности с СКХ и с СКЮ. Образование СДП называлось «результатом программного, политического и организационного преобразования Союза коммунистов Хорватии». Однако отмечалось, что югославский период для истории Хорватии имел неоднозначную коннотацию. Позитивное наследие виделось в том, что благодаря деятельности СКХ произошло соби́рание хорватских земель. «К республике были присоединены насильно отнятые адриатические области. Было обновлено нарушенное войной и гражданскими столкновениями мирное сожительство различных народов на нашей территории, а именно сербов и хорватов. Благодаря большевистским реформам был установлен экономический и политический порядок, ставший самым либеральным в коммунистической юго-восточной Европе»¹⁸. Другая позитивная роль КПЮ/СКЮ, по мнению идеологов СДП, состояла в противостоянии «двум сильнейшим тоталитарным идеологиям XX века – фашизму и сталинизму». Отрицательное значение КПЮ/СКЮ и СКХ определялось тем, что обе организации выступали за «социализм без демократии», что, по мнению СДП, в конце 1980-х годов привело к кризису в СФРЮ и распаду государства¹⁹. Крах Югославии, впрочем, был вызван не только этим, но и объективными процессами национального самоопределения: хорватский народ «веками вынашивал идею о собственном государстве», которую удалось претворить в жизнь в ходе народно-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны, благодаря решениям Земельного антифашистского веча народного освобождения Хорватии (ЗАВНОХ) о создании социалистической республики Хорватия²⁰. С другой стороны, в конце 1980-х годов формат социалистической республики перестал устраивать хорватское национальное движение. Таким образом, была выработана компромиссная формулировка, которую в зависимости от обстоятельств можно было интерпретировать различными способами.

Интересно, что декларация первого съезда отличалась очень жесткой критикой политического режима, установившегося после выборов 22 апреля 1990 г. Основной раздел документа назывался «В чем мы упрекаем действующую власть?». Говорилось об «ограничении демократии и установлении

президентской республики» в Хорватии (п. 1–2), превращении многопартийности в «плюрализм национальных партий» (п. 3), осуществлении попыток насильственной унитаризации страны (п. 4–5). В п. 6 упоминался «национальный вопрос». Выражалось несогласие с ограничением в конституционных правах хорватских сербов, утверждалось право сербского населения иметь культурную автономию в Хорватии. Критиковалась практика государственного вмешательства в общественно-политическую жизнь посредством «политического объединения церкви и государства» (п. 8), «государственного насаждения общественной морали» (п. 9), «насаждения политической дисциплины в СМИ» (п. 10), ведения «политических преследований в отношении граждан республики на основании их принадлежности к бывшей партии власти» (п. 11). По мнению СДП, с приходом к власти новых сил началось «искоренение традиции и символов антифашистской борьбы в Хорватии» (п. 12). Заключительный, тринадцатый, пункт гласил: «Мы выступаем против одностороннего насаждения хорватства в качестве традиционалистской, коллективистской и уникальной формы выражения национальных чувств. Мы выступаем за цивилизованное хорватство и цивилизованное сербство, основывающееся на экономическом развитии, социальном и политическом плюрализме и интеркультурализме»²¹. В этом пункте можно увидеть критику курса на хорватскую национальную исключительность, взятого партией ХДС.

Необходимо прояснить позицию СДП относительно пребывания СР Хорватии в СФРЮ. По мнению партии, ввиду существующих различий между югославскими республиками в уровне экономического развития («а также религиозных, этнических, культурных и цивилизационных»), возникла необходимость пересмотра отношений, что можно было сделать посредством конфедерализации²². О сохранении федерации в прежнем виде не могло быть речи: «Исторический опыт показывает, что никакую проблему невозможно решить через неравноправное и гегемонистское федеративное югославское сообщество»²³. Но необходимо избежать другой крайности – одностороннего отделения республик и связанных с этим опасностей гражданской войны²⁴. Выход партия видела в подписании нового союзного договора, основанного на принци-

пе «полного равноправия и суверенитета республик, праве всякого народа на самоопределение, включая право на отделение», а также на принципе нерушимости внутренних и внешних границ²⁵.

Представляется, что в отличие от ХДС, социал-демократы были сторонниками более компромиссного переустройства СФРЮ, возможно, на конфедеративной основе. Концепцию СДП, тем не менее, нельзя назвать проектом долгосрочного сохранения югославской федерации. Рачан отмечал, что такое соглашение может действовать лишь в течение короткого переходного периода (5–10 лет), по окончании которого нужно будет делать новый выбор – в пользу укрепления конфедерации, либо окончательного ее распада²⁶. Таким образом, предложения СДП правильнее будет назвать не концепцией переустройства федерации, а концепцией цивилизованного выхода из нее.

Социал-демократы достаточно быстро склонились к поддержке самостоятельности Хорватии. В этом вопросе их позиция значительно совпадала с позицией ХДС. Несмотря на критику свертывания антифашизма в ноябре 1990 г., 21 декабря 1990 г. СДП поддержала проект Конституции Хорватии, усмотрев в нем «преемственность с периодом ЗАВНОХ (социалистической Хорватии. – А.П.) и отказ от реабилитации Независимого государства Хорватия»²⁷. 25 января 1991 г. И. Рачан, выступая в Саборе, отметил, что СДП, «безусловно являясь оппозицией правящей партии, не является оппозицией демократической Республике Хорватия»²⁸. А 21 февраля 1991 г., в день принятия Сабором резолюции «О разъединении с СФРЮ», И. Рачан заявил, что «разъединение, являющееся предпосылкой создания союза суверенных независимых государств, есть процесс, которого нельзя избежать и которому надо идти навстречу»²⁹.

СДП активно выступала против Югославской народной армии (ЮНА). В речи от 25 января, озаглавленной «Против применения силы и оружия при решении кризиса», Рачан заявил, что СДП «не поддерживает тенденцию к милитаризации политики в стране и призывает командование ЮНА отказаться от каких-либо политических оценок или акций в Хорватии». Справедливости ради нужно добавить, что Рачан обращался и к хорватскому руководству с призывами воспрепятствовать

проведению антиармейской или антисербской кампании: «Защита суверенитета Республики Хорватии и демократии не означает проявление нетолерантности и ненависти»³⁰. В тех условиях это было довольно рискованно. Для того чтобы сохранить лицо в стенах парламента, лидеру социал-демократов в ходе этого выступления пришлось шесть раз произнести фразу, что СДП намерена решительно защищать «суверенитет и территориальную целостность Хорватии»³¹.

31 января 1991 г. Рачан и лидеры партий демократических перемен Македонии (П. Голев), Боснии и Герцеговины (Н. Дуракович) и Словении (К. Рибичич) обнародовали «Призыв к миру, демократии и демилитаризации». Звучал призыв к парламентам всех республик и автономных краев СФРЮ поставить вопрос о «деполитизации ЮНА»³². Данные действия показали, что социал-демократы Хорватии и других республик более не считали югославскую армию гарантом сохранения стабильности и мира в едином государстве, тем более, если это не гарантировало дополнительного суверенитета республикам. В тот же день СДП публично выступила с защитой министра обороны Хорватской республики М. Шпегеля в деле о нелегальных закупках оружия. Действия югославского телевидения, пустившего в эфир запись с переговорами о поставках оружия, назывались «лишь одним эпизодом в целом ряде действий, направленных на то, чтобы помешать процессу демократических преобразований в Хорватии и Югославии»³³.

И все-таки хорватские социал-демократы какое-то время не отказывались от идеи «переформатирования» Югославии в союз независимых республик, опасаясь экономического коллапса федерации и начала военных действий. 16 июня 1991 г. И. Рачан, К. Рибичич и Н. Дуракович обратились к руководителям республик с инициативой создания новой формы объединения, чтобы избежать экономического коллапса и сохранить мир между народами. Однако снижающееся значение данных организаций (к тому времени все три партии проиграли выборы в своих республиках) не давало шанса этому призыву быть услышанным³⁴.

25 июня 1991 г. Сабором были приняты два ключевых документа на пути к независимости: «Декларация о провозглашении суверенной и самостоятельной Республики Хорватия»

и постановление Конституционного суда «О суверенитете и самостоятельности Республики Хорватия»³⁵. По предложению СДП, второй документ должен был носить название «Конституционное решение о начале действий по отделению РХ от СФРЮ и присоединению к союзу независимых республик». И. Рачан настаивал: «Принятие решения об обретении самостоятельности и начале процесса разъединения без ясно демонстрируемой инициативы по вхождению в новый союз может быть расценено как односторонний акт, а также как акт отделения»³⁶. В итоге в решении Конституционного суда формулировка не появилась, однако тезис об объединении республик частично появился в статье V «Декларации о независимости»³⁷.

Эскалация вооруженного противостояния положила конец риторике о реформировании СФРЮ. 19 июля 1991 г., через 13 дней после окончания десятидневной войны в Словении, СДП объявила, что «Республика Хорватия не имеет ни государственных, ни моральных оснований оставаться в “искалеченной Югославии”»³⁸. 2 августа 1991 г. И. Рачан направил открытое письмо президенту Ф. Туджману, в котором изложил соображения по формированию общего правительства для принятия консолидированных решений и облегчения признания Хорватии в мире³⁹. Такое правительство было создано 8 августа 1991 г. и получило название «Правительство национального единства».

Распространено мнение, что между Ф. Туджманом и И. Рачаном сохранялось взаимопонимание даже в периоды острой политической борьбы. В окружении президента считали, что Туджман ценил лидера социал-демократов за «защиту хорватских интересов» на XIV съезде СКЮ в Белграде и за беспрепятственную передачу власти после выборов в апреле 1990 г. По словам Мирослава Туджмана, сына президента Хорватии, возглавлявшего одну из республиканских спецслужб, Рачан был одним из немногих политиков Хорватии, «не искавшим поддержки в иностранных посольствах». Другой государственный деятель, председатель правительства Хорватии в 1990–1991 гг., также имевший отношение к спецслужбам, Йосип Манолитч, утверждает, что И. Рачан был для Ф. Туджмана «партнером в деле построения Хорватии»⁴⁰.

Партнерство проявлялось в схожем видении опасностей для хорватского государства. Как и ХДС, СДП использовала тезис о защите Хорватии от «сербской угрозы». По мере развития событий, в документах партии все чаще присутствовала милитаристская риторика, в которой фигурировали понятия «агрессор», «вооруженная агрессия», «противник», «сербская захватническая политика», «защита республики», «наведение порядка в республике»⁴¹.

4 апреля 1991 г. СДП представила в Саборе документ под названием «Заявления и предложения Социал-демократической партии Хорватии по решению югославского кризиса». В преамбуле отмечалось, что усилия СДП и других политических сил по разрешению кризиса демократическим и мирным путем не увенчались успехом. Партия осуждала «попытки отделения так называемой Республики Сербская Краина (РСК) от Хорватии», отмечая, что перекраивание республиканских границ означает «совершение акта агрессии в отношении Хорватии и фактическое начало гражданской войны»⁴². Жителей республики, вне зависимости от национальности, призывали выйти на ее защиту: «Республика Хорватия является государством всех ее граждан, и угроза ее существованию и целостности является угрозой интересам каждого ее гражданина». Отдельное обращение адресовалось крайним сербам, которых предостерегали от того, чтобы стать инструментом «велико-сербской политики». Текст обращения скорее напоминал содержание боевых листовок, предназначенных для солдат противника: «Хорватия является вашим отечеством, вашим домом, который вы не можете дать разрушить. Если вы не согласны с тем, как этот дом управляется, существуют мирные, демократические способы, как улучшить его или изменить методы управления. Восстанием ничего достичь не удастся, ведь нам и далее суждено жить вместе. Вас подстрекают сейчас на разрушение государственного дома, но эти люди быстро от вас отвернутся и оставят вас влачить жалкое существование на его развалинах»⁴³.

СДП оказала поддержку ключевым военным и политическим решениям, определившим успешное завершение для Хорватии военного противостояния с РСК. В феврале 1992 г. СДП поддержала независимость Боснии и Герцеговины. В феврале

1995 г. И. Рачан присоединился к решению Ф. Туджмана отказать миротворческим Силам Организации Объединенных Наций по охране (миссия УНПРОФОР. – *А.Л.*) в продлении мандата на территории Хорватии⁴⁴. Этот шаг показал, что Туджман и СДП были солидарны в подходе к взаимоотношениям с ООН и РСК.

Поддерживая ХДС во внешних вопросах, социал-демократы не отказывались от критики в области внутренней политики. На втором съезде СДП (9 ноября 1991 г.). И. Рачан заявил, что борьба за Хорватию ведется сразу на трех направлениях: международном (то есть борьба за международное признание страны), военном («на фронтах от Вуковара до Дубровника») и внутреннем, то есть борьба за установление цивилизованных взаимоотношений в собственном государстве. Хотя о поддержке руководства страны в борьбе с «великосербской агрессией» всё еще говорилось, на передний план выходили совсем другие мотивы: «Мы не согласны с теми, кто утверждает – сначала нужно освободить Хорватию, гарантировать ее целостность, а уже затем говорить об установлении демократии и права. Мы против недемократических тенденций, существующих во власти, когда любое критическое высказывание определяется как нападки в отношении Хорватии <...> Это парадоксальное обвинение, которым покрывается и настоящее самоуправство»⁴⁵. Так создавалась основа для разворота СДП в сторону открытой оппозиционности во второй половине 1990-х годов, хотя первые ее признаки стали проявляться еще раньше, в 1993–1994 гг.

Таким образом, в 1989–1991 гг., на этапе становления независимой Хорватии и одновременно формирования Социал-демократической партии, СДП продемонстрировала значительную поддержку правящим силам в вопросах независимости Хорватии, сохранения ее территориальной целостности, утверждения мононациональности. Поддержка курса на независимость некоторое время соседствовала с заявлениями о необходимости мирного реформирования СФРЮ. На наш взгляд, руководство партии не исключало такой возможности. Однако ход событий, принципиальная поддержка курса на самостоятельность и соображения политического выживания привели к отказу от этого положения и формули-

рованию новой фразеологии, уже в парадигме хорватского независимого государства. В ней можно выделить два мотива. Первый – борьба против авторитаризма во внутренней политике, укреплявшегося с утверждением в руководстве страны Ф. Туджмана и партии ХДС. Второй – использование характерной для левоцентристских партий риторики, включающей понятия «социальное», «светское», «правовое», «плюралистическое» и «экологическое» государство, в противовес идее сохранения «хорватской идентичности», развиваемой ХДС. Так в Хорватии стало утверждаться политическое многообразие, которое в конце 1990-х – начале 2000-х годов привело к складыванию системы, носившей значительные черты двухпартийности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XVI Sednica CK SKJ. Beograd, 1985. S. 323. Цит. по: *Пономарева Е.Г.* Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007. С. 26.

² *Goldstein I.* Dvadeset godina samostalne Hrvatske. Zagreb, 2010. S. 58–61.

³ *Пономарева Е.Г.* Политическое развитие. С. 135.

⁴ *Budimir D.* Hrvatska politička elita na početku demokratske tranzicije // *Anali Hrvatskog politološkog društva. Siječanj 2011. Vol. 7. N 1.* S. 81–82.

⁵ ТАСС. 15 XII 1989.

⁶ *Budimir D.* Hrvatska politička elita. S. 81–82.

⁷ *Tomac Z.* Doprinos SDP-a stvaranju i odbrani Hrvatske // *Deset godina socijaldemokratske partije Hrvatske (1990–2000).* Zagreb, 2000. S. 21.

⁸ Ibid. S. 18.

⁹ *Jovih B.* Последњи дани СФРЈ. Београд, 1995. С. 92.

¹⁰ ТАСС. 13 II 1990.

¹¹ *Budimir D.* Hrvatska politička elita. S. 85–86.

¹² *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. М., 2001. С. 82.

¹³ Govor Ivice Račana na prvoj konvenciji Stranke Demokratskih Promjena (3 XI 1990) // *Deset godina Socijaldemokratske partije Hrvatske (1990–2000).* Zagreb, 2000. S. 143.

¹⁴ Stranka Demokratskih Promjena. Osnove političkog programa (3 XI 1990) // *Deset godina.* S. 27.

¹⁵ Ibid. S. 28.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. S. 29.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Deklaracije prve konvencije stranke demokratskih promjena (3 XI 1990) // Deset godina. S. 153.

²¹ Ibid. S. 147–149.

²² Ibid. S. 153.

²³ Govor Ivice Račana na zajedničkoj sjednici svih vijeća Republike Hrvatske (16 IV 1991) // Deset godina. S. 200–201.

²⁴ Apel za zajednicu suverenih republika (16 VI 1991) // Deset godina. S. 202–203.

²⁵ Deklaracije prve konvencije stranke demokratskih promjena (3 XI 1990) // Deset godina. S. 153.

²⁶ Govor Ivice Račana na zajedničkoj sjednici svih vijeća Republike Hrvatske (16 IV 1991) // Deset godina. S. 200–201.

²⁷ Govor Ivice Račana na 10 zajedničkoj sjednici svih vijeća Sabora Republike Hrvatske, održanoj 21 i 22 te 27 i 28 prosinca 1990 (21 XII 1990) // Deset godina. S. 159.

²⁸ Govor Ivice Račana na 11 izvanrednoj sjednici svih vijeća Sabora Republike Hrvatske (25 I 1991) // Deset godina. S. 165.

²⁹ Ivica Račan: Razdruživanje – pretpostavka stvaranja saveza suverenih država (21 II 1991) // Deset godina. S. 172.

³⁰ Govor Ivice Račana na 11 izvanrednoj sjednici svih vijeća Sabora Republike Hrvatske (25 I 1991) // Deset godina. S. 164.

³¹ Ibidem.

³² Apel za mir, demokraciju i demilitarizaciju (31 I 1991) // Deset godina. S. 168.

³³ Priopćenje predsjedništva SDPH (31 I 1991) // Deset godina. S. 167.

³⁴ Apel za zajednicu suverenih republika (16 VI 1991) // Deset godina. S. 202–203.

³⁵ См.: официальный сайт Сабора РХ. Раздел «Povijest saborovanja»: www.sabor.hr/Default.aspx?sec=404 (здесь и далее дата последнего посещения 15 X 2015).

³⁶ Prijedlog stranke demokratskih promjena (25.06.1991) // Deset godina. S. 204.

³⁷ Deklaracija o proglašenju suverene i samostalne Republike Hrvatske (25. lipnja 1991). Текст доступен по адресу: www.sabor.hr/Default.aspx?art=15680.

³⁸ Stavovi predsjedništva SDP-a Hrvatske povodom odluke predsjedništva SFRJ od 18 VII 1991. godine (19.07.1991) // Deset godina. S. 210.

³⁹ Prijedlog o imenovanju koalicijske vlade demokratskog jedinstva i predsjedničkog vijeća (2 VIII 1991) // Deset godina. S. 219–221.

⁴⁰ *Radoš I. Tuđman izbliza. Zagreb, 2005. S. 195.*

⁴¹ См., например: Доклад военной комиссии СДП Хорватии в Саборе (10.10.1991) // *Deset godina. S. 224–231.*

⁴² *Stavovi i prijedlozi SDPH za razrješavanje političke krize (4.04.1991) // Deset godina. S. 193–194.*

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Stav SDP-a o otkazivanju mandata UNPROFOR-a (18 I 1995) // Deset godina. S. 382.*

⁴⁵ *Govor Ivice Račana na drugoj konvenciji SDPH (9 XI 1991) // Deset godina. S. 243.*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
СОДРУЖЕСТВО:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И РАЗНОГЛАСИЯ

А. Животич

ЮГОСЛАВИЯ И ПОТРЯСЕНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОДРУЖЕСТВЕ (1959–1961)

В начале 1960-х годов последствия идеологического и политического конфликта, возникшего между Югославией и Советским Союзом в 1958 – начале 1959 гг.¹, постепенно сглаживались, а межгосударственные отношения стабилизировались². В то же время началось резкое ухудшение советско-албанских отношений. В СССР все больше критиковали курс албанского партийного руководства и его ошибки в управлении национальной экономикой, а албанцы все сильнее приближались в идеологическом и политическом отношении к Китаю. Его политическое руководство имело схожие воззрения с албанским и вследствие ряда взаимных разногласий и проблем все более открыто отдалялось от позиций Советского Союза. Югославия, с одной стороны, пыталась противостоять ожесточенной кампании албанцев, а с другой – снова нормализовать свои отношения со странами восточного блока, что неизбежно влекло за собой сокращение весьма интенсивного политического и экономического сотрудничества с западными странами.

На переговорах советские представители уверяли, что Москва не стоит за нападками на Югославию, подчеркивая, что она сама имеет проблемы с албанским партийным руководством. Они рекомендовали отправить посланника в Тирану, проявив, таким образом, добрую волю и послав сигнал о готовности к улучшению отношений с Албанией³. Вопреки советским ожиданиям, в Белграде преобладало мнение, что в атмосфере частых и тяжких обвинений против Югославии будет лучше воздержаться от отправки туда своего представителя,

которому придется регулярно демонстрировать протест против того, что говорится о его стране. Югославская сторона отмечала, что терпит ежедневные нападки албанцев, но ее пресса на это не реагирует, чтобы избежать еще большей эскалации конфликта. Представители СССР одобряли такую позицию⁴. Они никак не могли понять, откуда так много враждебности албанского партийного руководства по отношению к югославскому. В ответ им было указано, что, вероятнее всего, дело в страхе, что нормализация отношений с Югославией неизбежно повлечет за собой ответственность за ликвидацию видных албанских партийных руководителей в первые послевоенные годы⁵.

Антиюгославская кампания велась в Албании очень интенсивно. Особый импульс ей придавала подготовка к совещанию представителей 81 коммунистической партии в Москве и Четвертому съезду Албанской партии труда (АПТ). Постоянно подчеркивалось, что главной задачей албанской внешней политики является борьба против югославского влияния в социалистическом движении. Позиция Албании в этом вопросе была идентична позиции Китая. Такое положение дел блокировало любую возможную югославскую инициативу, направленную на улучшение двусторонних отношений⁶. К тому же албанское правительство последовательно пыталось сохранить существующую степень изоляции от ФНРЮ. Югославская дипломатия старалась реагировать только на самые тяжкие обвинения, в остальном сохраняя сдержанность и отстраненность. Результатом всего этого стало практически полностью замороженные двусторонние отношения⁷. В области культуры были прекращены все виды сотрудничества. Существующие соглашения по сотрудничеству в области транспортного сообщения, использования водных ресурсов и торговли были или заблокированы, или сталкивались при реализации с рядом серьезных проблем. Одновременно был предпринят ряд дискриминационных мер по отношению к персоналу югославского посольства в Тиране⁸.

Существовали и определенные проблемы при осуществлении ранних достигнутого договора о торговле. Главным артикулом югославского импорта из Албании была хромовая руда. Она поставлялась в гораздо меньшем объеме, чем предусмат-

ривалось в договоре, поэтому югославская сторона приняла решение приостановить импорт хрома из Албании до тех пор, пока вопрос не будет полностью решен. Это стало причиной возникновения новых проблем в двусторонних отношениях. Албанцы пытались переложить собственную вину за неисполнение договорных обязательств на югославскую сторону, обвиняя ее том, что она отказалась от импорта руды в одностороннем порядке, тем самым нарушив подписанный контракт⁹. В экономическом плане югославское правительство было недовольно скромными возможностями албанского экспорта, который был ориентирован исключительно на сотрудничество с восточноевропейскими странами. А Югославии предлагались товары, которые больше нигде не находили спроса или которые из-за близости границы рентабельнее всего было бы экспортировать именно сюда. Албанцы настаивали, чтобы Югославию ввозилось как можно большее количество хромовой руды, чтобы тем самым создать благоприятную валютную основу для импорта югославских товаров¹⁰. Однако, вследствие политического конфликта экспорт хрома в Югославию сократился¹¹. По сути, отношения двух стран были в шаге от тотального коллапса. Все более отчетливо вырисовывались были признаки будущего конфликта. Несмотря на это, в 1960 г. было подписано несколько двусторонних договоров, которыми регулировались отдельные вопросы, связанные с повседневной жизнью граждан. С югославской стороны в августе 1960 г. был ратифицирован договор о профилактике инфекционных заболеваний в приграничных районах¹². В середине того же месяца был ратифицирован договор о торговле за 1960 год¹³.

Албанское правительство, недовольное крахом своих попыток выдвинуть Югославию с Ближнего Востока и пошатнуть ее позиции, которых та долго и очень тяжело добивалась, изменило свою политику в отношении арабских стран¹⁴. Более частой стала критика арабского лидера Гамали Абдель Насера и его политики по отношению к восточному блоку, арабские дипломаты в Албании подвергались оскорблениям¹⁵. Ближневосточные страны открыто обвинялись в том, что они вступили в сговор с Югославией и тем самым подрывают единство социалистического лагеря. Все это привело к тому, что отно-

шения между Албанией и арабскими государствами свелись к чисто протокольным, без какого-либо экономического, политического или культурно-просветительского сотрудничества¹⁶. В то же время, избегая повторения ситуации с Египтом и опасаясь, что новые независимые африканские государства будут проводить такую же политику в отношении восточного блока и сблизятся с Югославией, Тирана отказалась от их признания и установления более тесных контактов с их правительствами¹⁷. Белградскую конференцию неприсоединившихся стран, албанские дипломаты характеризовали как попытку Югославии разрушить «антиколониальный и антикапиталистический лагерь»¹⁸. Так Тирана пыталась, пусть даже совершенно неприемлемым и неэффективным способом, ослабить югославское влияние в странах «третьего мира».

Албанское партийное руководство продолжило обычные нападки на Югославию, лишь немного изменив свою риторику. Обращение телеграммой к XX съезду голландской коммунистической партии, первый секретарь ЦК АПТ Э. Ходжа использовал, чтобы снова подвергнуть критике Югославию. Он объявил ее главной проблемой в социалистическом движении, опаснейшим врагом, нарушающим единство лагеря своими крайне ревизионистскими позициями¹⁹. 12 августа 1960 г. в выступлении на митинге в честь визита в Тирану делегации Французской коммунистической партии во главе с Морисом Торезом Ходжа вновь назвал Югославию главным врагом восточного блока²⁰. Примечательно, что в его речи не фигурировали ни Н.С. Хрущев, ни обычные славословия в адрес Советского Союза. Югославские дипломаты, в то время еще не владевшие в полной мере информацией о конфликте между Албанией и СССР, полагали, что дело лишь в изменении стилистики обращения к массам под влиянием Москвы, критиковавшей чрезмерное выпячивание албанцами своих связей с Советским Союзом²¹.

Обострение отношений между Югославией и Албанией протекало параллельно с развитием конфликта между Албанией и Советским Союзом. В сентябре 1960 г. возобновились инциденты на югославско-албанской границе. Такой способ радикализации двусторонних отношений обращал внимание дипломатов восточноевропейских стран, которые под-

черкивали явное отдаление Албании от советского лагеря, все большую роль, которую играет в определении ее внешнеполитического курса Мехмет Шеху²², и свое непонимание, как ситуация будет развиваться в дальнейшем. Но, по их мнению, отсутствие Ходжи на конференции коммунистических партий в Бухаресте ясно свидетельствовало о наличии проблем и кризисе в отношениях между Албанией и остальными странами восточного блока²³. Югославские дипломаты обратили внимание на поворот албанской политики в отношении СССР. До них быстро дошла информация о том, что из Политбюро АПТ исключена Лири Белишова, которая ранее находилась на двухгодичном обучении в Советском Союзе и, одна из всей албанской верхушки, выступала за продолжение сотрудничества с СССР²⁴. Донесения свидетельствовали о том, что Ходжа, Шеху и Капо²⁵ едины в прокитайских позициях и свой конфликт с Москвой они переносят и на другие восточноевропейские страны, отказываясь от всяких официальных контактов с ними²⁶. Эти сведения дополняла информация о том, что Китай передал в дар Албании около 50 тыс. тонн пшеницы и обещал дополнительную экономическую помощь. Это еще сильнее убеждало албанское руководство двигаться избранным курсом²⁷. В октябре 1960 г. албанская делегация три недели находилась с визитом в Китае, где был подписан ряд двусторонних договоров о культурном сотрудничестве, а также соглашение о китайской экономической помощи. Албанию посетила китайская военная делегация и провела переговоры о возможности сотрудничества в этой сфере²⁸.

Служба внешней разведки Югославии, маскировавшаяся под вывеской Координационного отделения Государственного секретариата иностранных дел, отмечала полное отдаление Албании от Советского Союза и ее сближение с Китаем, что объяснялось сущностью советско-китайского конфликта. Поэтому было принято решение разместить в европейской прессе несколько статей, в которых бы раскрывались позиции Белграда по вопросу советско-албанского конфликта и албанско-китайского сближения. Такие изменения планировалось представить как логичное следствие того, что албанцы оставались на крайних сталинистских позициях, от которых, по сути, они никогда и не отказывались²⁹. Главным проводником

этой политики предполагалось объявить Энвера Ходжу, ликвидировавшего все старое партийное руководство. Эти статьи не должны были исходить из югославских источников. Как считалось, тем самым проблема изменения албанского внешнеполитического курса заинтересовала широкую общественность, а, кроме того, спровоцировала бы более ясное разделение или даже раскол в албанском руководстве³⁰. В то же время через югославские СМИ должны были транслироваться сообщения и комментарии об авантюристской политике Албании, угрожающей миру на Балканах³¹.

Подобные заметки появились в газетах *«Le Monde»* и *«Manchester Gurdian»*, вызвав среди западной общественности интерес к Албании и ее международному положению, а также к политике албанского руководства. По мнению британских дипломатов, истоки антиюгославской кампании следовало искать не в самой Албании, но в Китае, превращавшемся в нового покровителя этой страны и использовавшем ее плохие отношения с Югославией как благоприятную почву, на которую хорошо ложились его жесткие идеологические догмы³². С точки зрения англичан, речь шла не просто о борьбе против югославской идеологии, но о систематической кампании по снижению влияния Югославии в странах «третьего мира», где ее позиции были достаточно прочными³³. Такую попытку предпринял Китай во время подготовки Первой конференции неприсоединения в Белграде, которая должна была завершить усилия югославов создать широкое и организованное движение стран, не примкнувших ни к одному из блоков.

Отдельной причиной для нового югославско-албанского конфликта стал съезд Албанской партии труда в феврале 1961 г., на котором были выдвинуты новые обвинения против Югославии. В ответ последовала острая реакция югославского правительства³⁴. Йосип Броз Тито в тот момент находился в большом турне по странам Дальнего Востока. По его мнению, не следовало ограничиваться только статьями в печати, но необходимо срочно опубликовать уже подготовленную к тому времени «Белую книгу» об албанских враждебных действиях против Югославии, что вскоре и было сделано, а в прессе зазвучали все более решительные отповеди на албанские претензии³⁵. Несколько дней спустя Тито поручил Карделю³⁶

изучить вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения дипломатических миссий Югославии и Албании в Белграде и Тиране соответственно и о полной приостановке албанского транзита через территорию Югославии, кроме тех случаев, когда это предписывалось международными конвенциями. Тито строго запретил полное прекращение дипломатических отношений, но потребовал сократить их до минимума³⁷. Югославская дипломатия действовала в соответствии с полученными инструкциями, стараясь не давать поводов для каких-либо обвинений в насильственных действиях по отношению к Албании.

В ноябре 1960 г. на конференции представителей 81 коммунистической партии Энвер Ходжа выступил с обширным докладом, в котором изложил позиции Албании по вопросам мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем, многообразия форм строительства социализма, критики культа личности и, конечно, югославского ревизионизма³⁸. Основные положения доклада вызвали неодобрение большинства представителей коммунистических партий. В ответ Ходжа и Шеху покинули конференцию. Оставшийся Хюсни Капо подписал итоговые документы совещания от имени АПТ. Таким образом, выражение согласия с позициями большинства было достаточно формальным³⁹. Сразу же после этого советская сторона начала постепенно замораживать экономическое сотрудничество с Албанией: были отозваны советские специалисты, приостановлено предоставление кредитов, прекращено обучение албанских студентов в советских вузах⁴⁰. Так же поступили и другие восточноевропейские страны. Все они, за исключением Венгрии, ограничили экономическое сотрудничество с Албанией⁴¹.

Уже в начале 1961 г. албанское правительство начало применять некоторые меры дискриминационного характера в отношении советских представителей в Тиране. Особые проблемы возникли в связи с базой в бухте Влерского залива. На нескольких подводных лодках с совместным советско-албанским экипажем участились проверки советского военного состава, конфликты и различные инциденты⁴². В конечном итоге, в мае 1961 г. в Москве было принято решение вывести свои

военно-морские силы из Албании. 4 июня 1961 г. советские корабли покинули албанские территориальные воды. Остались только четыре советские подлодки в составе албанского флота⁴³. С этого момента отношения двух стран развивались в совершенно других условиях: фактически Албания вышла из Варшавского договора⁴⁴.

Новой тенденцией в албанской пропаганде стала оценка Н.С. Хрущева как одного из главных современных ревизионистов. В перечне врагов Албании и международного рабочего движения Йосип Броз Тито уступил первое место советскому лидеру⁴⁵. Югославская дипломатия обращала большое внимание на развитие советско-албанского конфликта и старалась получить максимум информации, опасаясь возможности ухудшения ситуации. Инцидент с выводом из Албании советского флота вызывал особое беспокойство. Нередко сталкиваясь со своеволием, высокомерием, отсутствием идеологической гибкости, а иногда даже примитивным поведением албанского руководства, Югославия опасалась возможной эскалации конфликта, больших потрясений внутри социалистического лагеря, а также возможности дестабилизации политических отношений на Балканах⁴⁶.

Белград проявил готовность, в условиях интенсификации конфликта между СССР и Албанией, снова начать сотрудничество с Тираной на базе существующих договоров, что обозначило бы некоторое югославское присутствие в этой стране. Но учитывая неизменный антиюгославский тон албанского правительства, дальнейшего развития отношений не предполагалось⁴⁷. Вопреки декларативным заявлениям в печати и по радио, нападок на Югославию становилось все больше, их пик пришелся на сентябрь 1961 г.⁴⁸

Вместе с тем рядовые албанские дипломаты пытались инициировать улучшение отношений, ссылаясь на заявления президента Тито о необходимости их нормализации. В соответствии с изменившейся ситуацией во взаимоотношениях между Албанией и государствами восточного блока подчеркивалось право каждой страны строить социализм в своих специфических условиях независимо от советского лагеря⁴⁹. Кроме того, имея в виду хорошие отношения между Югославией и запад-

ными странами, открыто говорилось, что получение кредитов на Западе не может быть основанием для обвинений какого-либо государства в отходе от социализма. Одновременно, гораздо более благоприятным стало отношение к югославским дипломатическим работникам в Тиране⁵⁰.

Албанское правительство предпринимало попытки разными способами втянуть Югославию в свой конфликт с СССР, но югославские дипломаты старались держаться в стороне. В отместку албанцы обнародовали различные действия югославского правительства, угрожавшие их национальной безопасности (статьи югославской прессы об Албании, предоставление убежища генералу Панайоту Пляку, арест албанских эмигрантов и перебежчиков по обвинению в саботаже и разведывательной деятельности в Югославии). В свою очередь югославы протестовали в связи с выступлением Шеху в Народном собрании с критикой в адрес Югославии, комментариями в албанских СМИ и карикатурами на президента Тито, которые можно было увидеть в албанских городах⁵¹.

СССР периодически информировал югославскую сторону о состоянии своих отношений с Албанией. Поначалу в Москве выражали надежду, что возникшие трудности будут преодолены. Оптимизм добавлял тот факт, что Китай также не демонстрировал безоговорочной поддержки албанцев. Это давало основания предполагать, что в определенный момент Пекин может сыграть роль примирителя. Югославские дипломаты в беседах с советскими коллегами подчеркивали, что сверхдержавам нужно держаться подальше от Албании. Также они указывали, что Югославия выступает за улучшение отношений, но и албанское руководство должно на деле показать свою заинтересованность в этом⁵².

Албанский Генштаб опасался, что Югославия могла использовать выход страны из восточного блока и осуществить интервенцию на ее территорию, самостоятельно или при содействии Греции. Этот страх не был оправдан. Югославские дипломатические и военные представители всякий раз упорно повторяли, что их страна выступает за сохранение независимости Албании. Тем не менее, в Тиране было принято решение усилить военные формирования в северной части страны, тем

самым укрепив безопасность границ с Югославией. По оценке Второго управления Генштаба Югославской народной армии (ЮНА), эти изменения были связаны с резким снижением обороноспособности Албании после прекращения отношений со странами советского лагеря и необходимостью предотвращения югославской интервенции в случае, если она последует⁵³. В итоге был сформирован отдельный корпус со штабом в Буррели, который возглавил генерал Мехмет Брдови, бывший прежде командиром мотомеханизированных частей. В состав этого корпуса, по югославским сведениям, вошли четыре пехотные бригады в Шкодере, бригада в Кукесе, недавно сформированные бригады в Буррели и Пешкопии и горный батальон в Подградец⁵⁴. Кроме того, имелась информация о срочном изменении планов мобилизации, введении новой системы обучения личного и резервного состава, создании ряда складов военного резерва и отдельных территориальных батальонов из резервистов. А на севере Албании было проведено несколько мобилизационных учений⁵⁵.

К разрыву советско-албанских отношений 9 декабря 1961 г. в Югославии отнеслись с особым вниманием. Советник югославского посольства в Тиране и временный поверенный в делах Гойко Здуич сразу же отправился в Охрид и передал в Секретариат иностранных дел сообщение о том, что СССР начал отзывать свой дипломатический персонал из Албании, и что уже отозван советский генерал, который находился в Тиране в качестве представителя Варшавского договора. Здуич докладывал о тяжелом положении в Албании, мобилизации и перемещении войск к греческой и югославской границам. Он просил прислать ему в помощь несколько опытных дипломатов, чтобы лучше отслеживать ситуацию, а также учителя из титоградской школы для детей персонала югославского посольства, так как советская школа в Тиране закрылась⁵⁶. Югославское правительство не поддержало шаги, предпринятые СССР. В Белграде полагали, что прекращение всех видов международных отношений, с точки зрения современной политики, крайне непопулярная и совершенно бессмысленная мера. Кроме того, югославские дипломаты считали, что эта ситуация будет использована западными СМИ в кампании против

Советского Союза. Они исходили из того, что западная общественность не примет советских объяснений о том, что Албания подрывает восточный блок изнутри, и попытается обвинить Советский Союз, одно самых больших и могущественных государств в мире, в попытке навязать свою волю одной из самых маленьких и слабых стран⁵⁷. В Югославии считали, что Запад за счет этого конфликта попытается усилить собственные позиции в Албании и Греции и тем самым добиться удовлетворения своих прежних притязаний, реализации которых ранее мешала позиция Москвы⁵⁸.

Столкнувшись со все большей самоизоляцией Албании и ограничительными мерами в отношении югославских дипломатов, в Белграде было решено собрать соответствующую информацию о тенденциях внешней политики этой страны, особенно ее влияния на дальнейшее развитие югославо-албанских отношений. Для этого был организован постоянный обмен соответствующей информацией и аналитическими материалами между Государственным секретариатом иностранных дел и Вторым управлением Генштаба ЮНА⁵⁹.

Реакцией на отделение Албании от восточного блока стал усилившийся интерес к событиям, происходящим в этой стране со стороны Греции и Италии⁶⁰. Представители этих стран предпринимали попытки через своих югославских коллег получить актуальную информацию о ситуации в Албании. Согласно инструкциям из Белграда, югославские дипломаты в качестве условия любых разговоров на этот счет требовали ясной декларации со стороны итальянцев, что те не имеют никаких агрессивных намерений в отношении Албании⁶¹. Албанский вопрос был одним из важнейших в югославо-итальянских отношениях начала 1960-х годов. В 1960–1961 гг. итальянская сторона ни упускала удобного случая, чтобы затронуть его в контактах с югославами. В качестве примера можно привести визит Кочи Поповича⁶² в Рим в декабре 1960 г. и поездку итальянского министра иностранных дел Антонио Сеньи в Белград в июне 1961 г. Сеньи выразил интерес к получению информации о позиции Югославии в отношении Албании, а также о состоянии дел в этой стране⁶³. Этот интерес итальянцев рос по мере развития советско-албанского конфликта и усиления влияния Китая на Тирану. Также

итальянцы вели себя и в контактах с представителями Греции⁶⁴. В разговорах и с теми, и с другими они подчеркивали, что выступают за сохранение территориальной целостности Албании. Югославская дипломатия высказывала по этому вопросу крайне сдержанные оценки, постоянно ссылаясь на то, что речь идет о внутренних процессах в Албании, в которые Югославия не хочет вмешиваться. Итальянцы полагали, что албанская внешняя политика должна была эволюционировать или в сторону расширения сотрудничества с Западом, что неизбежно происходило бы при посредничестве Италии, или в сторону возобновления отношений с Югославией, что было возможно, но маловероятно⁶⁵. Особо просчитывалось поведение Белграда в случае возможной интервенции в Албанию со стороны Запада или Востока: в Югославии это восприняли бы как прямую угрозу ее интересам, что повлекло бы за собой ответную реакцию в том или ином виде⁶⁶. Ситуация вокруг Албании усложняла и югославно-греческие отношения, разжигая подозрения греков относительно истинных интересов Белграда⁶⁷.

Британские дипломаты полагали, что югославно-албанские отношения ухудшились вследствие конфликта между Тираной и Москвой⁶⁸. По их мнению, причин для беспокойства не было, так как югославская сторона не демонстрировала намерений вторжения на территорию Албании. Югославское руководство приветствовало бы любой новый режим в этой стране, но не собиралось организовывать переворот или осуществить в этих целях военное вмешательство. К тому же констатировалось, что югославы твердо выступают за сохранение независимого албанского государства и не собираются вмешиваться в ее внутреннюю жизнь⁶⁹. Учитывая авторитет Великобритании на Западе, а особенно ее влияние в НАТО, такая позиция имела большое значение и напрямую влияла на создание в глазах западных дипломатов положительного образа Югославии как страны, которая не имеет агрессивных намерений в отношении Албании, что также помогало более четко разграничить югославскую и советскую позиции по этому вопросу.

В конце 1961 г. албанское правительство предприняло попытку со своей стороны повлиять на улучшение отношений

с Югославией, ссылаясь на заявления Энвера Ходжи в Гирокастре и Йосипа Броза Тито в Скопье. Была смягчена критика югославской позиции по вопросу о сотрудничестве с социалистическим лагерем. Шеху прекратил свойственные ему нападки, подчеркивая лишь необходимость борьбы против современных ревизионистов, которые проводят закулисные переговоры с Западом. Однако ряд спорных вопросов сохранился. Албанское правительство не желало отправить своего посланника в Белград, пока того же не сделает правительство Югославии, которое, в свою очередь настаивало, чтобы первый шаг сделала Тирана, так как югославский посланник вынужден был покинуть албанскую столицу из-за нарушения его статуса, в то время как албанский посланник был выслан, так как проводил в Белграде пресс-конференцию в целях расширения антиюгославской кампании. Также проблему представляла засылка шпионов на территорию Югославии. Албанцы пытались опровергнуть эту информацию, настаивая на том, что они не рассматривают Югославию в качестве враждебной стороны и не ожидают нападения с ее территории. Кроме того, они оправдывались тем, что и Югославия ранее предпринимала подобные действия. Поверенный в делах в Тиране Здуич предлагал албанской стороне прекратить такие действия, так как ряд ее агентов были пойманы на югославской территории⁷⁰. В то же время некоторые албанские функционеры среднего и низшего звена нередко упоминали, что страна подвергается внешней угрозе со всех четырех сторон⁷¹. Хотя критика в адрес Югославии и ее лидеров ощутимо смягчилась, албанские политики часто говорили о заговоре Хрущева – Тито против албанского социализма. Вновь и вновь порицались советская и югославская модели социализма одновременно с неизбежными в таких случаях панегириками Китаю и его революционным завоеваниям⁷².

Учитывая всю глубину конфликта, югославская дипломатия не предпринимала никаких серьезных инициатив в направлении нормализации отношений с Албанией. Начало конфликта между этой страной и восточным блоком, югославы использовали для улучшения отношений с СССР и его союзниками⁷³, поэтому они не солидаризировались с политикой восточного блока в этом вопросе, но и не дистанцировались от нее. Под-

черкивалась необходимость развития добрососедских отношений, но без какой-либо дружеской интонации в адрес нынешнего албанского руководства. Большое внимание уделялось тому, чтобы ни одна югославская акция или заявление не могли быть истолкованы как проявление поддержки режима Энвера Ходжи⁷⁴. Между двумя странами существовал ряд спорных вопросов. Вопреки усилиям со стороны югославы не были решены проблемы, связанные с соглашением о ремонте кораблей в портах; выполнением конвенции о взаимной правовой помощи, а также ветеринарного соглашения; делимитацией реки Бояна; возвращением Югославии принадлежавшей ей виллы в городе Дуррес; уходом за военными кладбищами в Албании; статусом и отношением к югославскому дипломатическому персоналу в Тиране; правом собственности на участок земли, здание и обстановку югославского посольства в Тиране; возвращения албанского долга за период до 1948 г.; судьбы участников эстафеты Тито, арестованных в районе Скадарского озера; репатриации югославских граждан, а также статуса югославских национальных меньшинств в Албании⁷⁵. Отдельной проблемой были спекуляции в западных СМИ, согласно которым Югославия активно действовала в направлении ликвидации режима Энвера Ходжи и установления в Албании власти Панайота Пляку, что на самом деле полностью противоречило политике, проводимой Югославией.

Вопреки крайне напряженной ситуации в двусторонних отношениях, в августе 1961 г. был подписан новый протокол о торговле с Албанией, что демонстрировало желание и дальше продолжить экономическое сотрудничество с этой страной⁷⁶. Одним из моментов, повлиявших на улучшение ситуации было согласие албанцев на предложение Югославии о разрешении текущих проблем управления водными ресурсами. Это подразумевало изменения в подходе Тираны к спорным вопросам между двумя странами.

Советско-албанский конфликт повлек за собой ряд политических сложностей. Он не был просто идеологическим спором. Значительную роль играл Китай, проводивший все более независимую политику, пытавшийся самостоятельно выступать с крайне жестких и радикальных позиций. Это еще больше ухудшало отношения между СССР и Албанией, кото-

рые с середины 1950-х годов были омрачены рядом менее значительных конфликтов. В Китае Албания нашла себе нового патрона, усилив тем самым позиции в отношениях с Советским Союзом, однако это означало конфликт и с другими участниками восточного блока. Выход Албании из советского лагеря и ее приближение к Китаю вызвали большой интерес западных стран, которые пытались оценить ее роль в новом раскладе сил на Балканах. Особый интерес выражала Греция, как сосед, с которым Албания находилась в затяжном и остром конфликте, а также Италия, видевшая в возникшем конфликте шанс реализации ее старых планов в отношении Албании.

Югославия оказалась в очень специфическом положении. С одной стороны, она пыталась вновь нормализовать отношения с Советским Союзом. С другой – осуждала разрыв отношений с Албанией, считая такую меру анахронизмом. Западные державы с большим интересом ожидали более ясной реакции Белграда. Италия и Греция, каждая исходя из своих интересов, пытались получить как можно больше информации о планах и намерениях югославов в отношении Албании. Терпя политические придирки и оскорбления, югославское правительство пыталось на них не реагировать, предоставляя албанцам возможность заниматься борьбой против восточного лагеря и выражать поддержку Китаю, также выступавшему с крайне острой критикой югославского видения развития социализма. В атмосфере конкуренции великих держав Югославия стремилась держаться на стороне. Ее отношения с Албанией были сведены к экзистенциальному минимуму. Сохранялся лишь ограниченный товарообмен. Хотя и продолжая пропаганду, албанское правительство нередко предпринимало попытки сблизиться с Югославией. Такие инициативы в Белграде отвергались, так как там полагали, что тем самым будет оказана косвенная поддержка режиму Ходжи и ухудшатся отношения не только с Советским Союзом, но и с западными странами, считавшими Албанию совершенно неприемлемым и не внушающим доверия партнером. Постепенное и открытое сближение Албании с Китаем и ее самоизоляция в отношении соседних стран, восточного и западного блоков, а одновременно все большее сотрудничество Югославии со странами «третьего мира» и ее лавирование между Востоком и Западом на много

лет обусловили чрезвычайно плохое состояние югославско-албанских отношений.

Перевод с сербского Б.С. Новосельцева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О конфликте между Югославией и странами Восточного блока подробнее см.: *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006; *Ibid.* Drugi jugoslovensko-sovjetski sukob. Sudar Titove i Hruščovljeve percepcije politike miroljubive koegzistencije // Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961. Beograd, 2008. S. 49–65; *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M.* Východ, vznik, vývoj a pozpad sovětskeho bloku 1944–1989. Praha, 2000.

² Об улучшении советско-югославских отношений подробнее см.: *Трунковић Ђ.* Побољшање југословенско-совјетских односа 1961–1962 // Токови историје. 2008. № 3–4. С. 76–97.

³ АЈ. 507/IX-KMOV. СК SKJ. СССР. 119/I-139. Zabeleška o razgovoru na večeri kod sovjetskog ambasadora, 17 III 1960.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ DASMSP. PA-1960. Albanija. F. 1. 432308. Beleška o jugoslovensko-albanskim odnosima. 7 XII 1960.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. 432003. Beleška u vezi izvršenja trgovinskih sporazuma sa Albanijom za 1960.

¹⁰ Ibid. 432308. Beleška o jugoslovensko-albanskim odnosima od 7. decembra 1960.

¹¹ Ibid. 432003. Beleška u vezi izvršenja trgovinskih sporazuma sa Albanijom za 1960.

¹² АЈ. KPR. I-5-c/2371. Dopis DSIP-a SIV-u, 2 VIII 1960.

¹³ Ibid. I-5-c/2376. Dopis DSIP-a SIV-u. 12 VIII 1960.

¹⁴ DASMSP. PA-1960. Albanija. F. 1. 421018. Zabeleška o razgovoru sa sekretarom ambasade UAR Nasrom, 17 I 1960.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ DASMSP. PA-1960. Albanija. F. 1. 4214765. Telegram poslanstva u Tirani DSIP-u, 17 VII 1960.

¹⁸ *Petrović V.* Titova lična diplomatija. Studije i dokumentarni prilozi. Beograd, 2010. S. 208–210.

¹⁹ АЈ. 507/IX-KMOV. СК SKJ. СССР. 1/I-337. Napad Envera Hodže na Jugoslaviju.

²⁰ DASMSP. PA-1960. Albanija. F. 1. 421439. Telegram poslanstva u Tirani DSIP–u, 12 VIII 1960.

²¹ Ibidem.

²² Мехмет Шеху (1913–1981). Албанский государственный деятель. Председатель Совета Министров Албании (1954–1981). – (*Прим. перев.*)

²³ Ibid. 431550. Telegram ambasade u Pragu DSIP–u, 17 IX 1960.

²⁴ Ibid. 429586. Telegram ambasade u Bukureštu DSIP–u. 5 XI 1960.

²⁵ Хюсни Капо (1915–1979). Албанский военный и государственный деятель. Секретарь Центрального комитета Албанской партии Труда (1956–1979). – (*Прим. перев.*)

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid. 428722. Telegram poslanstva u Tirani DSIP–u, 29 X 1960.

²⁹ Ibid. PA–1960. Albanija. strogo poverljivo. F. I. 107. Zabeleška o nekim novim elementima u odnosima Albanija – SSSR.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² TNA. 371-FO. 160311. confidential. 110198. RY (1011/1). Annual Review: 1960.

³³ Ibidem.

³⁴ Саопштење Владе ФНРЈ поводом изјаве Енвер Хоџе, члана Президијума НР Албаније и првог секретара Партије рада Албаније на Четвртог конгресу ПР Албаније, 13. фебруара 1961 // Борба. 1961 17 II.

³⁵ AJ. KPR. I-5-c/2118. Telegram Josipa Broza Tita Aleksandru Rankoviću, 19 II 1961.

³⁶ Эдвард Кардель (1910–1979). Югославский политический деятель. Заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963). – (*Прим. перев.*)

³⁷ Ibid I-5-c/2123. Telegram Josipa Broza Tita Edvardu Kardelju, 24 II 1961.

³⁸ *Ариш Г.Л., Иванова Ю.В., Колтакова О.А., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 426.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M.* Východ, vznik, vývoj a rozpad sovětskeho bloku 1944–1989. Praha, 2000. P. 447–448.

⁴² О советско-албанском конфликте подробнее см.: Краткая история Албании; *Vykoukal J., Litera B., Tejchman M.* Východ, vznik, vývoj a rozpad sovětskeho bloku 1944–1989. Praha, 2000; *Бартил П.* Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001; *Кремттон Р.* Балкан после Другог светског рата. Београд, 2003; *Хрущев Н.С.* Воспоминания. М., 2006; *Баев Й.* Военнополитическите конфликти след Втората светов-

на война и България. София, 1995; *Быстрова Н.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007; *Priifti P.* Socialist Albania since 1944: Domestic and Foreign Developments. Cambridge, 1978.

⁴³ Краткая история Албании. С. 427.

⁴⁴ *Lalaj A.* Shqipëria në Paktin e Varshavës (1955–1968). Studime historike. 2004. N 1–2. S. 191–208.

⁴⁵ DASMSP. PA-1961. Albanija. F. 1. 428728. Beleška o situacije u Albanije.

⁴⁶ *Milatović A.* Pet diplomatskih misija. Zagreb, 1985. S. 240.

⁴⁷ DASMSP. PA-1961. Albanija. strogo poverljivo. F. I. 121. Telegram DSIP-a poslanstvu u Tirani, 12 VI 1961.

⁴⁸ AJ. 507/IX-KMOV. CK SKJ. Albanija. 1/I-338. Napadi albanske štampe i radija na Jugoslaviju u septembru 1961.

⁴⁹ DASMSP. PA-1961. Albanija. F. 1. 428728. Beleška o situaciji u Albaniji.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid. 415314. Zabeleška o razgovoru sa Dimitar stamom, referentom za Jugoslaviju u albanskom MIP-u, 29 X 1961.

⁵² AJ. KPR. I-5-c/247. Zabeleška o razgovoru pomoćnika državnog sekretara za inostrane poslove Iva Vejvode sa Deduškinim, ministrom-savetnikom Sovjetske ambasade, 1 VI 1961.

⁵³ DASMSP. PA-1961. Albanija. F. 1. 428722. Informacija Druge uprave Generalštaba JNA DSIP-u, 13 X 1961.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid. 436618. Telegram poslanstva u Tirani DSIP-u, 9 XII 1961.

⁵⁷ AJ. KPR. I-5-c/2479. Zabeleška o razgovoru pomoćnika državnog sekretara za inostrane poslove Iva Vejvode sa Deduškinim, ministrom-savetnikom Sovjetske ambasade, 20 XII 1961.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ DASMSP. PA-1961. Albanija. F. 1. 437083. Zapisnik sa sastanka održanog 24. oktobra 1961. po pitanju Albanije.

⁶⁰ *Meta B.* Marrëdhëniet shqiptaro-greke ne vitet 1960–1962. Studime historike. 2004. N 1–2. P. 125–142.

⁶¹ DASMSP. PA-1961. Albanija. F. 1. 437731. Uputstvo DSIP-a svim diplomatskim predstavništvima, 16 XII 1961.

⁶² Константин (Коча) Попович (1908–1992) – югославский государственный деятель, дипломат. Секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965). – (*Прим. перев.*)

⁶³ Ibid. PA-1962. Albanija. F. 1. 41509. Izveštaj o stanju u Albaniji i odnosima sa Italijom.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ DASMSP. PA–1962. Albanija. F. 1. 42150. Telegram DSIP–a svim diplomatskim predstavništvima, 22 I 1962.

⁶⁷ Ibid. 41509. Izveštaj o stanju u Albaniji i odnosima sa Italijom.

⁶⁸ TNA. 371–FO. 163902. confidential. RY (1011/1). Annual Review: 1961.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ DASMSP. PA–1961. Albanija. F. 1. 436204. Telegram poslanstva u Tirani DSIP–u, 4 XII 1961.

⁷¹ Ibid. 436208. Telegram poslanstva u Tirani DSIP–u, 5.XII.1961.

⁷² AMZV. TO–T. Yugoslavie. IV–4. K. 4. 024035. Izveštaj ambasadora u Tirani MIP–u Čehoslovačke, 24 III 1962.

⁷³ DASMSP. PA–1961. Albanija. F. 1. 436985. Telegram DSIP–a poslanstvu u Tirani, 8 XII 1961.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid. 436987. Otvorena pitanja između nas i Albanije.

⁷⁶ AJ. 130–SIV. K. 617. A.j. 1016. 180. Dopis DSIP–a SIV–u, 31 VIII 1961.

Б.С. Новосельцев

ЮГОСЛАВИЯ, РУМЫНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО ДЖЕРДАПСКОЙ ГЭС (СЕРЕДИНА 1950-х – НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

Середина XX века стала непростым периодом в отношениях двух соседних балканских стран. Вторая мировая война, а потом советско-югославский конфликт (1948) развели их по разные стороны баррикад. Однако в середине 1960-х годов ситуация в корне изменилась. Постепенно югославские и румынские лидеры превратились в единомышленников, особенно по вопросам мирного сосуществования и права любого государства на суверенитет и невмешательство в его дела великих держав. Близость позиций и устремлений Белграда и Бухареста была связана с рядом объективных и субъективных причин. В первой половине 1960-х годов одним из важнейших факторов, способствовавших развитию югославно-румынских отношений стал вопрос строительства гидроэнергетической системы на Дунае в районе Железных Ворот.

Впервые о большом энергетическом потенциале этого природного объекта заговорил сербский премьер-министр Никола Пашич на Парижской мирной конференции (январь 1919 – январь 1920 г.)¹. Причем уже тогда он подчеркивал, что эксплуатация его возможностей должна быть исключительно делом новых югославского и румынского государств, находившихся на двух берегах великой реки. В апреле 1924 г. при Министерстве сельского хозяйства Королевства СХС был создан комитет, целью которого стало исследование хозяйственного потенциала этого района реки на югославно-румынской границе, также называвшегося Джердап. Итогом работы группы инженеров, геологов, юристов и экономистов во главе с инженером Сергие Матичем стал проект создания в секторе Же-

лезных Ворот двух плотин с электростанциями. По замыслу строительство ГЭС должно было обеспечить электроэнергией восточную часть страны, от венгерской до греческой границы (около 6 млн человек), а также в результате подъема уровня воды в реке сократить время прохода кораблей через этот сложный участок Дуная с 52 до 17 часов, причем без использования мощных буксиров, с помощью которых он преодолевался в то время². Однако политические и финансовые проблемы не позволили реализовать задуманный план в межвоенный период. В годы Второй мировой войны и немецкой оккупации инженеры компании Сименс начали разработку чертежей проекта гидроэлектростанции в районе Железных Ворот, которая так и не была до конца завершена. После освобождения Югославии чертежи попали в руки нового руководства страны³. Содержавшиеся в них результаты исследований и расчет места расположения плотины легли в основу последующих югославских планов строительства гидротехнических объектов.

После окончания войны румынская сторона также проявляла интерес к постройке энергетической системы и выразила готовность обсудить совместное с Югославией участие в этом проекте. В 1946 г. посол ФНРЮ⁴ в Москве В. Попович обсуждал возможность строительства гидроэлектростанции с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым⁵. Большое значение сыграла поездка югославского лидера Иосипа Броза Тито в Румынскую народную республику (РНР) в декабре 1946 г., где на переговорах затрагивались, в том числе, вопросы, связанные с использованием водных ресурсов Дуная⁶. Было принято решение о создании совместной комиссии по изучению гидроэнергетического потенциала Железных Ворот, однако, ее работа закончилась, не успев начаться. В свете начавшегося в 1948 г. конфликта между Югославией и странами Информбюро⁷, Дунай превратился из объекта транспортного, торгового и технического сотрудничества, связывавшего государства региона, в границу, разделявшую две враждебные стороны⁸.

Во время конфликта Румыния играла не большую роль, чем другие страны, граничившие с ФНРЮ. Югославские аналитики были убеждены, что по вопросу резолюции Информбюро

«О положении в Коммунистической партии Югославии»⁹ в Бухаресте существовали определенные расхождения. Так, например, генеральный секретарь Румынской рабочей партии (РРП) Георге Георгиу-Деж поначалу согласился с ней больше из дисциплины. Его последующее активное участие в антиюгославской кампании¹⁰ объяснялось необходимостью добиться от советского руководства поддержки в борьбе с «московской фракцией» А. Паукер – В. Луки – Т. Григореску¹¹.

После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. новые лидеры СССР инициировали процесс нормализации отношений с Югославией. В отличие от ряда других стран советского блока, Румыния включилась в этот процесс с опозданием, некоторое время еще продолжала антиюгославскую пропаганду, причисляла ФНРЮ к странам капиталистического лагеря, поддерживала югославскую политическую эмиграцию. Определенное потепление произошло в 1954 г., когда критические выпады в адрес Белграда постепенно утихли, и был заключен ряд двусторонних соглашений (о совместной борьбе с наводнениями, о регулировании потоков рек и каналов, пересекающих границу и т.д.). Но кардинально позиция румынского руководства поменялась только после визита в Югославию советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым в мае – июне 1955 г. и после Пленума ЦК РРП в октябре 1956 г., на котором группа Г. Георгиу-Дежа одержала победу над оппозицией в лице сторонников первого заместителя председателя Совета министров РНР Й. Кишиневски, выступавших за продолжение сдержанного курса в отношениях с Югославией¹².

После нормализации советско-югославских отношений были возобновлены исследования, связанные со строительством гидроэлектростанции на Дунае. В 1954 г. югославский институт «Energoprojekt» совместно с румынским «de Studii si Proiectari Hidroenergetica» подготовили исследование характеристик и показателей будущего объекта¹³.

В январе 1956 г. на совещании представителей коммунистических партий стран народной демократии в Москве румынская делегация выступила с предложением изучить возможности совместного использования дунайскими странами гидроэнергетических ресурсов этой реки, причем в проекте предполагалось и югославское участие. Планировалось пост-

роить несколько гидроузлов: в районе Железных Ворот (совместно РНР и ФНРЮ), в районе Излаз – Сомовит (РНР и БНР), в районе Измаил – Тулча (РНР и СССР), а также на венгерско-чехословацкой границе¹⁴. Совещание приняло эту инициативу, а 19 января 1956 г. от имени ЦК КПСС было направлено письмо в адрес ЦК СКЮ с информацией о румынском предложении¹⁵. 20 февраля в ответном послании югославы согласились участвовать в постройке гидроэлектростанции, но оговорились, что было бы желательно начать строительство немного позже, когда будут завершены работы на ряде других гидроэнергетических объектов¹⁶. Югославия не смогла бы финансово потянуть сооружение сразу нескольких крупных ГЭС. 3 февраля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об обмене электроэнергией между странами-участницами СЭВ и использовании гидроресурсов Дуная»¹⁷, была создана специальная комиссия, однако немедленной реализации этого проекта не предполагалось.

Принципиальные договоренности о строительстве электростанции в районе Джердапа на 943-м км от устья Дуная были достигнуты 23–27 июня 1956 г. в ходе визита югославской делегации во главе с Й. Брозом Тито в Румынию. Было решено провести переговоры комиссий двух стран, на которых предполагалось разработать план и программу этого амбициозного проекта. На вопрос Тито, не стоит ли провести консультации и с представителями других государств, которые также, вероятно, заинтересованы в участии в этом предприятии (например, венграми и болгарам), Деж ответил, что, по его мнению, это касается только Румынии и Югославии, и никого другого привлекать к сотрудничеству не стоит. Что же касается использования энергии, которую будет давать ГЭС, то это уже другой вопрос, о котором можно будет договориться позднее¹⁸. Югославская делегация не имела причин не принять такую позицию.

Этот же вопрос обсуждался в конце октября 1956 г. в ходе ответного визита Дежа в ФНРЮ. 22 октября 1956 г. на переговорах в Белграде было принято предложение Тито о создании совместной комиссии двух стран для подготовки меморандума, в котором предполагалось проанализировать все необходимые работы по строительству гидроэлектростанции.

На основании достигнутых договоренностей была создана постоянная югославско-румынская комиссия, которая должна была координировать работы по строительству ГЭС. Первое ее заседание состоялось в Белграде с 17 по 25 июня 1957 г.¹⁹ В дальнейшем сессии проводились в среднем два раза в год, попеременно в столицах двух государств; было создано несколько отдельных секций комиссии (например, секция по юридическим вопросам, секция технической документации, финансово-экономическая секция и др.). По оценкам югославских экспертов, исследовательские работы и создание проекта гидроэлектростанции должны были занять около четырех лет, а на строительство отводилось 7–8 лет²⁰.

Начавшееся новое охлаждение советско-югославских отношений не означало отказа от реализации этого проекта. Москва все больше убеждалась, что ее уступки и посулы не убедят руководство ФНРЮ вернуться в советский лагерь. Возникшие противоречия в связи с военной интервенцией СССР в Венгрии (осенью 1956 г.) и предоставлением убежища в югославском посольстве бывшему венгерскому премьер-министру И. Надю, не без посредничества румын (1–2 августа 1957 г. в Румынии состоялись советско-югославские переговоры²¹) были в целом преодолены. В ноябре делегация Союза коммунистов Югославии участвовала в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий. Однако принятие новой Программы СКЮ в апреле 1958 г. встретило резкую критику со стороны Москвы, обвинения югославов в ревизионизме и спровоцировало новый конфликт.

Г. Георгиу-Деж и другие румынские лидеры неодобрительно реагировали на начавшиеся после XX съезда КПСС процессы десталинизации в социалистическом лагере. Они опасались, что на волне разочарования в социалистических идеалах и стремления к переменам в обществе может возникнуть угроза режиму их личной власти. В марте 1956 г. на пленуме ЦК партии Деж выступил с заявлением о том, что Румыния не должна нести ответственность за злоупотребления Сталина, так как ее лидерам не было ничего об этом известно, и что в РРП не некого реабилитировать²².

Деж затевал игру вдолгую, целью которой было достижение большей самостоятельности Румынии, а для этого требо-

валось убедить советское руководство, что Бухарест является одним из наиболее надежных союзников Москвы, и повторение венгерских событий в РНР невозможно. Независимость для румынских лидеров была, главным образом, средством упрочения собственной власти, а также ограждения страны от нежелательных для них веяний, порожденных XX съездом КПСС²³. Первым шагом в этом направлении стал вывод из Румынии советских войск в конце июля 1958 г.²⁴ Теперь у румынских лидеров было значительно больше пространства для маневра.

После этого главной ареной борьбы за суверенитет стал Совет экономической взаимопомощи СЭВ. В ноябре 1958 г., выступая на очередном Пленуме ЦК РРП, Деж высказался за предоставление социалистическим странам абсолютной независимости в определении направления развития национальных экономик. Согласно принципам международного социалистического разделения труда, Румыния должна была ориентироваться на развитие нефтяной промышленности и сельского хозяйства. Опасаясь стать сырьевым придатком для более развитых государств советского блока (Чехословакии, Польши, ГДР, СССР), румынское руководство поручило группе экономистов во главе с А. Бырлэдяну разработать 15-летний стратегический план экономического развития на 1960–1975 гг. Он представлял собой фактическое переложение на румынские реалии советской программы индустриализации²⁵. Первым серьезным конфликтом на этом поле в конце 1959 – начале 1960 г. стали переговоры по вопросу приведения хозяйственных планов стран СЭВ в соответствие с 7-летним планом развития экономики Советского Союза. Румыны были раскритикованы за «излишне амбициозные и нереальные» замыслы, особенно в сфере тяжелой промышленности и машиностроения. Но им удалось отстоять свои позиции: экономический рост Румынии в 1960 г. был наибольшим среди всех социалистических стран и составлял около 10%²⁶.

Югославские аналитики также отмечали необычную активность румынской дипломатии после XX съезда – предпринимались попытки добиться улучшения отношений и расширить культурное и торговое сотрудничество с западными государствами, а также, используя наметившееся ослабление между-

народной напряженности, со странами Азии и Африки. Они оговаривались, что речь не шла о самостоятельной внешней политике Румынии, слишком зависимой от СССР, но факты говорят о том, что ее руководителям было приятно проявить себя на международной арене²⁷.

В сентябре 1957 г. Бухарест выступил с инициативой активизации регионального сотрудничества на Балканах. Было предложено провести совещание глав правительств Албании, Болгарии, Греции, Турции, Румынии и Югославии. Предполагалось обсудить следующий круг вопросов: укрепление мира в регионе, ненападение, разрешение спорных вопросов мирными средствами, развитие экономических и культурных связей, обмен делегациями между балканскими государствами. Отдельно оговаривалось, что все это не означает «создания группировки, противопоставляющей себя другим странам». Подчеркивалось, что региональное сотрудничество будет содействовать развитию аналогичных процессов в европейском масштабе и созданию системы общеевропейской безопасности²⁸. Особое место в упомянутой инициативе уделялось Югославии, обладавшей большим международным авторитетом. В ответном письме Тито назвал очень ценным предложение румын и поддержал идею совещания. Однако он указал, что между отдельными балканскими странами существует ряд спорных вопросов, которые следует разрешить в двустороннем порядке, обеспечив тем самым необходимые предпосылки для развития межбалканского сотрудничества²⁹. Иными словами, из-за напряженных отношений с Албанией ФНРЮ не поддержала почина румынских лидеров. Против выступила и Москва, так как участия советской стороны в балканском совещании не предусматривалось³⁰.

В развязанной против Югославии антиревизионистской кампании конца 1950-х – начала 1960-х годов, Румыния поначалу участвовала вяло³¹. Г. Георгиу-Деж, сославшись на болезнь, даже не присутствовал на Московском совещании представителей компартий (1957), так как опасался быть втянутым в критику руководства СКЮ³². Вместе с тем румыны не могли позволить себе остаться в стороне во время второго советско-югославского конфликта – сотрудничество по партийной линии и торговля были резко ограничены, на страницах жур-

налов и в научной литературе началась бурная дискуссия о путях развития социализма. Во второй половине 1959 г., когда во всех странах советского блока критика в адрес ФНРЮ постепенно начала утихать, в Румынии она, напротив, усилилась³³.

Тем не менее, консультации вокруг Джердапа не прекращались. В мае 1960 г. правительства двух стран приняли Техническо-экономический меморандум, в котором были указаны основные аспекты сотрудничества в этой области. В середине декабря 1960 г. в Белграде состоялись долгие девятидневные переговоры по техническим, финансовым, экономическим и юридическим вопросам строительства³⁴. Эксперты Секретариата иностранных дел ФНРЮ придавали достигнутым договоренностям большое значение, называя их новой фазой в отношениях двух стран по обозначенной проблеме³⁵. Однако, несмотря на то, что и в дальнейшем стороны проводили частые и многодневные переговоры³⁶, принятие окончательного решения каждый раз затягивалось.

Возможно, это связано с тем, что, как отмечается в югославских источниках, вплоть до середины 1963 г. (даже после триумфального визита Тито в Москву в декабре 1962 г.)³⁷ Бухарест сохранял определенные сомнения и не торопился активизировать сотрудничество с Белградом³⁸. Румыны не реагировали на зондирование почвы со стороны югославских дипломатов по вопросу организации встречи на высшем уровне и избегали официально высказываться о социалистическом характере общественно-политического устройства Югославии.

В 1961 г. с инициативой в отношении строительства ГЭС в секторе Железных Ворот выступила Болгария. 13 октября председатель Совета министров БНР Антон Югов в письме Тито выразил интерес к участию Болгарии в этом проекте (инвестиционному, материальному, техническому или в виде предоставления рабочей силы)³⁹. Из неофициальных разговоров югославам было известно, что цель Софии – получить долю в собственность той части гидроэлектростанции, которая будет построена на югославском берегу. Поскольку Югов не выдвинул каких-либо конкретных предложений, было принято решение в ответном письме сделать основной упор на идее развития двустороннего сотрудничества (продажа электроэнергии, совместные разработки угольных месторождений на

югославско-болгарской границе, строительство теплоэлектростанций), но никак не реагировать на предложение об участии Болгарии в консультациях по строительству Джердапской ГЭС⁴⁰. Однако в Софии поняли югославский ответ так, как это было выгодно им. В письме Югова от 29 января 1962 г. было предложено уже в феврале провести переговоры между делегациями трех стран об активном включении в работу болгарской стороны. Такое же сообщение было отправлено и в Бухарест⁴¹.

Румыны, вопреки позиции, занятой ими на переговорах в Бухаресте летом 1956 г., согласились с инициативой Югова⁴². Судя по всему, не чувствуя угрозы своим интересам, они рассчитывали привлечь к строительству дополнительные инвестиции. Возможно, на участии Болгарии настаивала и Москва, но мы не располагаем соответствующими документами. Тито в письме к председателю Совета министров Румынии Иону Георге Мауреру отметил, что не видит необходимости в изменении прежнего двустороннего подхода к решению вопроса о сооружении гидроэлектростанции. Вместе с тем, он подчеркнул, что югославское правительство готово сейчас же приступить к переговорам с болгарами о расширении сотрудничества в области электроэнергетики⁴³. В соответствии с позицией ФНРЮ, трехсторонние переговоры по Джердапу не состоялись. По мнению югославов, тем самым они, по сути, оказали услугу Румынии, которая, будучи членом советского лагеря, не могла сама отказаться от болгарского предложения. В дальнейшем румыны в разговорах с югославскими коллегами не скрывали, что хотят подписания двустороннего договора и опасаются вмешательства СЭВ, СССР и Болгарии⁴⁴.

Интерес СССР к гидроресурсам Нижнего Дуная проявился в январе 1963 г. На заседании Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев рассуждал: «Сейчас острый недостаток электроэнергии в Чехословакии. Они просят у нас помощи. У нас в этом районе нет дешевой энергетики <...> А Железные Ворота – выгодный энергетический узел. В этом заинтересована Румыния, заинтересована Болгария, заинтересованы Венгрия и Чехословакия. А там два или полтора миллиона?». В отношении позиции Югославии Хрущев заметил: «У них много энергетических ресурсов. Так как страна горная, то внутри страны каждая

республика имеет для себя энергетику, и они не могут выделить средства»⁴⁵. Но при этом он предположил, что Белград может и, вероятно, примет участие в этой предполагаемой совместной инициативе социалистических стран.

Представляется очень странным, что советский лидер, характеризуя позицию югославов, исходил из ответа Тито от 20 февраля 1956 г. на свое послание с предложением принять участие в строительстве гидроэлектростанций на Дунае. Вызывает сомнения, что он не был проинформирован о работе над двусторонним югославско-румынским проектом ГЭС и о попытке Болгарии принять в нем участие. Возможно, Хрущев со свойственными ему энергией и напором взялся переиначить уже достигнутые договоренности. Используя политические и экономические возможности СССР, он попытался убедить Югославию и Румынию согласиться на участие других стран в строительстве и, очевидно, в эксплуатации Джердапа, в котором видел одну из целого каскада электростанций в этом районе. Такое объяснение укладывается в общий контекст политики Москвы, направленной на поощрение хозяйственной кооперации в рамках Совета экономической взаимопомощи.

В начале марта 1963 г. Хрущев разослал всем лидерам стран СЭВ (а также югославам) письмо, в котором подчеркнул положительный опыт решения вопросов развития топливно-энергетической и сырьевой базы в рамках многостороннего сотрудничества. Видимо намекая на затяжные югославско-румынские переговоры, он выразил сожаление, что отдельные проблемы развития электроэнергетики рассматриваются годами в различного рода комиссиях и подкомиссиях, а их практического решения нет длительное время. После этого Хрущев вернулся к инициативе Совещания руководителей коммунистических и рабочих партий (январь 1956 г.) о строительстве на Дунае нескольких ГЭС и красочно расписал преимущества, которые даст их сооружение, не только в сфере энергетики, но и в сельском хозяйстве, а также в торговле (повышение грузопропускной способности реки). Дальше советский лидер остановился конкретно на гидроэлектростанции в районе Железных Ворот и посулил при сравнительно небольших капиталовложениях увеличение ее мощности почти в полтора раза (с 1,45 до 2,3 млн кВт). Он оговорился, что в этом деле долж-

ны принять участие все заинтересованные подунайские страны-члены СЭВ, и что СССР готов предоставить энергетическое и строительное оборудование, некоторые механизмы, материалы, а также оказать техническую помощь в проектировании и строительстве⁴⁶.

14 апреля 1963 г. Й. Броз Тито отправил Н.С. Хрущеву ответное послание. В нем он рассказал советскому руководителю о той огромной подготовительной работе, которую проделала Совместная югославско-румынская комиссия, и предположил, что уже во второй половине 1964 г. в секторе Джердапа может начаться строительство. Тито отметил большой энергетический потенциал Югославии и выразил готовность наладить поставки электроэнергии в соседние страны. Он подчеркнул, что в районе Железных Ворот планируется строительство не только энергетической, но и судоходной системы⁴⁷. Поэтому высказался за то, чтобы в финансировании работ, которые должны были увеличить пропускную способность этой части реки как минимум в 4–5 раз, приняли участие все подунайские страны. И, наконец, высоко оценив советское предложение о предоставлении помощи, он пообещал, что Югославия обратится к СССР с просьбой о поставке строительной техники, электромеханического оборудования и проведении необходимых технических консультаций⁴⁸. Таким образом, югославская сторона, по сути, давала Москве понять, что готова принимать финансовую, материальную или техническую помощь, но считает строительство и эксплуатацию электростанции исключительно делом СФРЮ и РНР.

Румынские руководители с начала 1960-х годов все больше подчеркивали специфичность своих позиций по ряду вопросов внутренней и внешней политики. Они все более открыто действовали в направлении ограничения советского влияния в стране. В декабре 1961 г. очередной пленум ЦК РРП принял решение о переименовании тех улиц, фабрик и городов, которые имели русские названия, и их замене на имена из румынской истории. В 1962 г. в школах было сокращено число уроков русского языка, а в 1963 г. их сделали факультативными⁴⁹. В армии и органах государственной безопасности начались чистки, жертвами которых были «советские агенты». В 1962 г. Г. Георгиу-Деж во время неофициального визита Н.С. Хрущева

прямо заявил, что Румыния больше не нуждается в присутствии в стране представителей советских спецслужб, и предложил ликвидировать агентурную сеть⁵⁰.

Во внешней политике румыны демонстрировали все большую тягу к самостоятельности. Лидеры РНР заняли подчеркнуто сдержанную позицию по вопросу разразившегося в начале 1960-х годов конфликта в международном рабочем движении и в отношении взаимных обвинений со стороны советского и китайского руководства. Избегая втягиваться в полемику, румыны пытались балансировать между Москвой и Пекином, что приносило им политические и экономические выгоды и возможность сыграть роль посредника между СССР и КНР, тем самым резко усилив собственное международное значение.

В попытках Румынии проводить подобный курс Югославия была ее объективной опорой и образцом для подражания. Именно югославы первыми разработали и применили на практике (например, в Белградской декларации 1955 г.) те принципы взаимоотношений между социалистическими государствами, к которым теперь стремились румыны. Очевидно, что сближение и развитие отношений двух стран влияли на укрепление позиций РНР на Западе, на Востоке и в «третьем мире», демонстрировали ее независимость от внешней политики Китая, подтверждали, что она является самостоятельной политической силой. Строительство электростанции Джердап в этом смысле имело для Румынии не только хозяйственное, но и исключительное политическое значение. Участие в этом проекте было важным фактором ее экономической независимости и примером равноправного двустороннего сотрудничества, которое румынское руководство стремилось противопоставить инициативе углубления многосторонней экономической интеграции в рамках СЭВ.

Таким образом, лето 1963 г. стало переломным моментом, как по вопросу строительства гидроэлектростанции в районе Железных Ворот, так и в югославо-румынских отношениях в целом. Несмотря на то, что в СССР это могло быть воспринято как некий вид политической демонстрации против его недавних предложений по Джердапу, было принято окончательное решение о постройке системы на двусторонней основе. 12 июня 1963 г. в Бухаресте был парафирован «Договор

о строительстве гидроэнергетической и судоходной системы Джердап». Подписание соглашения изначально планировалось на уровне министров промышленности; позже по просьбе румынской стороны было решено, что его заключат заместители председателей правительства⁵¹, однако в конечном итоге 30 ноября в Белграде во время визита в Югославию Г. Георгиу-Дежа (22–30 ноября) соглашение подписали лидеры двух стран. Это несколько противоречило международной практике, на что в ходе переговоров обратил внимание министр иностранных дел СФРЮ К. Попович. Однако Тито указал, что в данном случае речь идет не столько о Джердапе, сколько о демонстрации стремления двух стран к развитию отношений⁵², еще раз подчеркнув, что начало строительства ГЭС было не только экономическим, но и политическим решением.

Договор предусматривал принцип одинаковых издержек и выгоды сторон. На каждом берегу предполагалось построить технически идентичные электростанции, плотина пополам делилась на югославскую и румынскую части. Каждая сторона строила свою часть объектов и должна была нести эксплуатационные издержки на своей территории⁵³. Почти сразу же проявились мелкие разногласия сторон, которые, впрочем, не угрожали реализации проекта как такового. Например, югославы подсчитали, что стоимость работ на их территории больше на 35 млн долларов в денежном выражении, румыны же «на основании нереальных критериев» доказывали, что их затраты будут выше⁵⁴.

Большое значение для обеих сторон имела позиция СССР. Москва в целом согласилась с тем, что в строительстве Джердапской гидроэлектростанции примут участие только Румыния и Югославия. По словам российского ученого А.С. Стыкалина, к середине 1964 г. в Советском Союзе ближе всего подошли к пониманию того факта, что в каждой из стран в силу конкретных условий на определенном этапе развития могут усилиться национально-специфические моменты при выборе методов и форм социалистического строительства. И с этим нужно считаться, не идя на обострение отношений⁵⁵. Вместе с тем отношения СССР с Югославией и Румынией находились на разных фазах развития. СФРЮ демонстрировала готовность к сближению и компромиссу по ряду вопросов,

в том числе поддерживала советское руководство в его полемике с Китаем. Румыния же, наоборот, показывала плохо скрываемое стремление к государственной эмансипации и выходу из орбиты влияния Советского Союза, используя свои отношения с Китаем как один из элементов давления на Москву.

11–22 марта 1964 г. в советской столице состоялись переговоры, на которых хозяева пошли навстречу практически всем просьбам югославской делегации. Были достигнуты договоренности об экспертизе проекта ГЭС со стороны советских специалистов; об отправке югославских инженеров в СССР для знакомства с советским опытом; о поставках на выгодных условиях ряда механизмов для гидроэлектростанции (например, шесть турбоагрегатов). Кроме того СФРЮ получила кредит в размере около 35–40 млн долларов на закупку гидромеханического и электромеханического оборудования, причем изначально запрашивалась сумма всего в 25 млн долларов⁵⁶. Румыны же, обратились к СССР с просьбой об оказании содействия еще осенью 1963 г. К сентябрю 1964 г. они так и не получили ответа. 8–9 июня 1964 г. на переговорах в Ленинграде между И. Брозом Тито и Н.С. Хрущевым на вопрос югославского лидера о кредите для румын, советский генсек раздраженно ответил, что «Бырлэдяну как-то просил кредит у Косыгина на тех же условиях, что египтяне получают на строительство Асуанской плотины. При этом он сказал, что хотел бы получить ответ не позднее, чем через 4 дня. Нас возмутила такая форма обращения. Не так богаты, чтобы всем давать кредиты на таких льготных условиях»⁵⁷.

Возмущение и обеспокоенность Хрущева были связаны с тем, что румынские руководители, почувствовав готовность Москвы идти на компромисс, ужесточили свой курс на достижение государственного суверенитета и особого положения в международной политике. В 1963 г. в Румынии прекратили глушить радио «Свободная Европа». В августе 1964 г. с визитом в Бухаресте побывал министр иностранных дел КНР Чэнь И, на сентябрь 1965 г. был запланирован визит в Китай И. Маурера⁵⁸.

В апреле 1964 г. на расширенном Пленуме ЦК РРП была принята «Декларация о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения» (так на-

зываемая «Апрельская декларация» или «Декларация независимости»). В этом документе были сформулированы основные принципы румынской политики – суверенитет, равноправие всех стран, невмешательство во внутренние дела независимых государств, взаимовыгодное сотрудничество. Очевидным представляется сходство основных положений этого документа⁵⁹ с Белградской декларацией 1955 г.⁶⁰ В борьбе за независимость от СССР румынское руководство все больше ориентировалось на пример Югославии. Активная пропаганда Декларации в Румынии вылилась в острую критику СССР, практически в антисоветскую кампанию. Особенно сильно ругали Хрущева, причем зачастую румынские лидеры обвиняли его в собственных ошибках, ища оправдания перед народом своей страны⁶¹.

В сентябре 1964 г. состоялась югославно-румынская встреча на высшем уровне по случаю торжественного открытия строительства гидроэлектростанции Джердап. Предварительные работы начались в июле 1964 г., но официальную церемонию было решено провести в присутствии лидеров двух стран. Символично, что Тито прибыл на место церемонии по реке на корабле «Шумадинка». Помимо несомненного транспортного, экономического и политического значения, возведение такого мощного индустриального объекта имело большую важность для хозяйственного развития Восточной Сербии – одного из самых технологически отсталых регионов республики.

Довольно болезненным стал вопрос финансирования работ. Югославская и румынская стороны настаивали на том, что Джердап является не только энергетической, но и судоходной системой. Поэтому, оценив затраты на эту часть проекта в 95 млн долларов, они поставили в Дунайской комиссии⁶² вопрос о финансовом участии в строительстве и других ее членов (соразмерно их навигации в этом секторе реки). В середине 1960-х годов на заседаниях комиссии этот вопрос вызвал бурные дискуссии. Исходя из ст. 5 и 6 Договора о строительстве и эксплуатации системы Джердап от 1963 г., Румыния и Югославия планировали разделить упомянутые расходы поровну между собой, а потом в виде уплачиваемой таксы возратить их с кораблей тех стран, которые будут проплывать через этот сектор Дуная⁶³. В 1964 г. советская делега-

ция выступила с предложением, согласно которому все страны-участницы (включая Югославию и Румынию) выделяют на эти цели 56,5 млн долларов при условии, что после окончания работ Джердапское речное управление⁶⁴ будет закрыто и прекратится уплата таксы за проход через Железные Ворота⁶⁵. Этот план был поддержан большинством дунайских стран и, судя по всему, в итоге реализован, однако он вызвал резкие возражения Белграда и Бухареста, расценивших это как политическое давление. При таком раскладе расходы на содержание и ремонт системы целиком ложились на югославов и румын.

16 мая 1972 г. Й. Броз Тито и новый румынский лидер Н. Чаушеску торжественно открыли гидроэнергетическую и судоходную систему Железные Ворота⁶⁶. В 1976 г. во время визита Чаушеску в Югославию был заключен договор о строительстве гидроэлектростанции Железные Ворота II (на 863-м км Дуная). 3 декабря 1977 г. руководители двух государств присутствовали при начале работ, которые были завершены в 1984 г., через два года после смерти Тито и за пять лет до падения режима Чаушеску. Последние десять агрегатов с югославской стороны были запущены и вовсе в 2000 г.⁶⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Krizman B., Hrabak B.* Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920. Beograd, 1960. S. 265.

² *Gulić M.* Yugoslav authorities and construction of Iron Gates Hydroelectric Power Plants. Рукопись статьи. Beograd, 2015.

³ АЖ. КРР. I–2/7–2. Put Josipa Broza Tita u Rumuniju. 23–27.06.1956 // Informativno-politički materijal // Korišćenje vodnih snaga Dunava na Djerdapskom prostoru.

⁴ Федеративная Народная Республика Югославия, по Конституции 1963 г. – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ).

⁵ *Gulić M.* Yugoslav authorities and construction of Iron Gates Hydroelectric Power Plants.

⁶ См. АЖ. КМЈ. I–1/10. Rumunija.

⁷ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956) международная организация, созданная для обмена информацией между коммунистическими партиями.

⁸ Подробнее об обстановке на Дунае во время советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. см.: *Ђулић М.* Од Батине до Галца. Дунав у југословенској спољној политици према Совјетском Савезу 1944–1953. Београд, 2015. С. 231–260.

⁹ См.: Правда. 1948. 29 VI. С. 2.

¹⁰ Так, например, на III Совещании Информбюро (ноябрь 1949 г.) Г. Георгиу-Деж выступил с докладом «Югославская компартия во власти шпионов и убийц», в котором обвинил ее лидеров в том, что они стали «агентами империалистических разведок». (Подробнее см.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998).

¹¹ AJ. KPR. I–2/7–2. Put Josipa Broza Tita u Rumuniju. 23–27.06.1956 // Informativno-politički materijal // Rumunija.

¹² Ibidem.

¹³ *Ђулић М.* Yugoslav authorities and construction of Iron Gates Hydroelectric Power Plants.

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М., 2006. С. 188–190.

¹⁵ AJ. CK SKJ. 507/IX. 119/I–61. Pismo CK KPSS upućeno CK SKJ o sastanku u Moskvi predstavnika KP istočno-evropskih zemalja sa predstavnicima KP Kine. 20.01.1956.

¹⁶ Ibid. 119/I–63. Odgovor generalnog sekretara CK SKJ Josipa Broza Tita upućen CK KPSS – N.S. Hruščovu, povodom njihove informacije. 20.02.1956.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 377. Л. 122.

¹⁸ AJ. KPR. I–2/7–2. Put Josipa Broza Tita u Rumuniju. 23–27.06.1956 // Zabeleške o razgovorima u Bukureštu, vođenim prilikom posete Predsednika Republike /Josipa Broza Tita/ Rumunije. 23–26.06.1956.

¹⁹ Ibid. SIV. F–628. J. 1037. 1957. Saveznom izvršnom veću. 23.11.1957.

²⁰ Ibid. KPR. I–3–a/97–4. Rumunija. Poseta delegacije vlade NR Rumunije na čelu Georgi Georgiu Dežom // Potsetnik za pretstojeće pregovore sa rumunskom delegacijom.

²¹ Подробнее см.: Ibid. KPR. I–2/10. Rumunija. 01–02.08.1956.

²² Ibid. I–3–a/97–4. Rumunija. Poseta delegacije vlade NR Rumunije na čelu Georgi Georgiu Dežom // Potsetnik za razgovore sa rumunskom delegacijom // Stanje u rumunskoj radničkoj partiji posle XX kongresa KP SS.

²³ *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010. С. 375.

²⁴ Подробнее см.: *Гладышева А.С.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 50-х – начало 60-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. №2. Ставрополь, 2014. С. 30.

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ AJ. KPR. I-3-a/97-11. Poseta prvog sekretara RRP i predsednika NR Rumunije Georgi Georgiu Deža. 22-30.11.1963 // Stavovi i položaj Rumunije u SEV.

²⁷ Ibid. I-3-a/97-4. Rumunija. Poseta delegacije vlade NR Rumunije na čelu Georgi Georgiu Dežom // Potsetnik za razgovore sa rumunskom delegacijom.

²⁸ Ibid. I-1/970. Poruka predsednika ministarskog saveta Rumunije, predsedniku Titu o poboljšanju odnosa medju Balkanskim zemljama. 10.09.1957.

²⁹ Ibid. Odgovor Predsednika Tita na poruku Predsednika Kivu Stojke. 13.09.1957.

³⁰ *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма. С. 377.

³¹ AJ. KPR. I-3-a/97-11. Poseta prvog sekretara RRP i predsednika NR Rumunije Georgi Georgiu Dež-a. 22-30.11.1963 // Kratak pregled bilateralnih odnosa SKJ-RRP (1956-1963).

³² *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма. С. 375.

³³ AJ. KPR. I-3-a/97-11. Poseta prvog sekretara RRP i predsednika NR Rumunije Georgi Georgiu Dež-a. 22-30.11.1963 // Kratak pregled bilateralnih odnosa SKJ-RRP (1956-1963).

³⁴ *Gulić M.* Yugoslav authorities and construction of Iron Gates Hydroelectric Power Plants.

³⁵ AJ. SIV. F-628. J. 1037. 1960. Saveznom izvršnom veću. 13.12.1960.

³⁶ Например, с 26 февраля по 10 марта 1962 г. состоялись переговоры правительственных делегаций двух стран в Бухаресте (см. Ibid. 1961. Saveznom izvršnom veću. 31.01.1961).

³⁷ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Записка Н.С. Хрущева о беседах с И.Б. Тито (январь 1963 года) // Славяноведение. 2015. №1. С. 42-55.

³⁸ AJ. KPR. I-3-a/97-11. Poseta prvog sekretara RRP i predsednika NR Rumunije Georgi Georgiu Dež-a. 22-30.11.1963 // Odnosi SFRJ – Rumunska Narodna Republika.

³⁹ Ibid. KPR. I-1/123. Pisma predsednika Ministarskog saveta NR Bugarske Antona Jugova Predsedniku Titu. 13.10.1961.

⁴⁰ Ibid. Primedba.

⁴¹ Ibid. Pismo predsednika Ministarskog saveta Narodne Republike Bugarske Antona Jugova – Predsedniku Titu / O saradnji u oblasti elektroprivrede/. 29.01.1962.

⁴² Ibid. I–1/971. Poruka predsednika Saveta ministara Rumunske Narodne Republike Jon George Maurera, Predsedniku FNRJ Josipu Brozu Titu, o problemu plovidbenog i energetskog sistema Djerdap. 09.02.1962.

⁴³ Ibid. Odgovor Predsednika Tita na poruku predsednika Saveta ministara Rumunske NR Jon George Maurera. 03.03.1962.

⁴⁴ Ibid. I–3–a/97–9. Prijem parlamentarne delegacije Rumunije na čelu sa Štefan Nikolau–om // Stanje odnosa Jugoslavija–Rumunija. 19.11.1962.

⁴⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 710.

⁴⁶ AJ. KPR. I–1/994. Poruka Predsednika Hruščova, Predsedniku Titu. 09.03.1963.

⁴⁷ Строительство плотины электростанции предусматривало создание аккумуляционного озера около 110 км длиной, что облегчало использование этого участка Дуная для судоходства, снизив скорость течения реки и подняв уровень воды в опасных местах. Тем самым предполагалось повысить пропускную способность этого участка Дуная с около 12 млн тонн до 60–80 млн тонн груза ежегодно (Ibid. I–2/7–2. Put Josipa Broza Tita u Rumuniju. 23–27.06.1956 // Korišćenje vodnjih snaga Dunava na Djerdapskom sektoru).

⁴⁸ Ibid. I–1/994. Odgovor Predsednika Tita na poruku Hruščova. 14.04.1963.

⁴⁹ Ibid. Neki problemi odnosa Rumunije sa socijalističkim zemljama.

⁵⁰ Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60–е... Экономика, политика и культура. М., 2013. С. 179.

⁵¹ AJ. SIV. F–616. j–1014. 1963. godine. Beleška o potpisivanju sporazuma o Djerdapu.

⁵² Ibid. KPR. I–3–a/97–11. Poseta prvog sekretara RRP i predsednika NR Rumunije Georgi Georgiu Dež–a. 22–30.11.1963 // Zabeleške o jugoslovensko–rumunskim razgovorima vođenim za vreme posete G.G. Deža.

⁵³ Ibid. SIV. F–616. j–1014. 1963. godine. br. 9475/4. Saveznom Izvršnom Veću.

⁵⁴ Ibid. KPR. I–2/21. Put J.B. Tita u Rumuniju. 07–08.09.1964 // Izgradnja hidroenergetskog i plovidbenog sistema Djerdap.

⁵⁵ Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма. С. 381.

⁵⁶ AJ. SIV. F–616. j–1014. 1964. godine. Informacija o razgovorima delegacije privremene Mešovite komisije za poslove Djerdapa sa SSSR–om od 11–22 marta 1964. godine po pitanju tehničke saradnje, isporuke opreme i kredita.

⁵⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: В 2 т. Т. 1: 1946–1964. М., 2014. С. 493.

⁵⁸ *Гладышева А.С.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере. С. 32.

⁵⁹ См. Declarație cu privire la pozitia Partidului Muncitoresc Român in problemele mișcării comuniste și muncitorești internaționale adoptată de Plenara lărgită a C.C. al P.M.R. din aprilie 1964. București, 1964.

⁶⁰ См. AJ. CK SKJ. 507/IX. 119/I–56. Deklaracija vlada SSSR i FNRJ.

⁶¹ Ibid. KPR. I–2/21. Put J.B. Tita u Rumuniju // Neki aktuelni aspekti Rumunske pozicije i politike.

⁶² Международная организация, созданная в 1949 г. на основе «Конвенции о режиме судоходства на Дунае» (1948 г.) с целью обеспечения и развития свободного судоходства на Дунае.

⁶³ AJ. SIV. F–616. j–1014. 1968. godine. br. 2627. Saveznom Izvršnom Veću.

⁶⁴ Подробнее о создании Джердапской речной управы см.: *Гулић М.* Од Батине до Галца. С. 295–306.

⁶⁵ AJ. KPR. I–2/21. Put J.B. Tita u Rumuniju // Podsetnik u odnosima sa Rumunskom Narodnom Republikom.

⁶⁶ Ibid. I–2/52. Ceremonijal otvaranja đerdapskog hidroenergetskog i plovidbenog sistema.

⁶⁷ См.: *Gulić M.* Yugoslav authorities and construction of Iron Gates Hydroelectric Power Plants.

В. Буга

ПОЛИТИКА РУМЫНИИ НА БАЛКАНАХ В 70–80-е ГОДЫ XX в. ГЛАЗАМИ МОСКВЫ

Недавно открытые документы в архивах Румынии и России, а также работы и исследования, появившиеся в этих странах, свидетельствуют об особом внимании, которое Москва в начале 1970-х годов уделяла внешнеполитическим акциям Румынии в регионе Балкан¹. Знаменательным в этом смысле является материал, разработанный исследователями из Института экономики мировой системы социализма АН СССР и переданный в ЦК КПСС 29 октября 1970 г. Он был посвящен роли и месту Румынии во взаимоотношениях балканских стран, и там, в частности, отмечалось, что эта страна была «самым активным пропагандистом балканского сотрудничества»².

Авторы высоко оценивали инициативы Румынии 1957–1959 гг., направленные на расширение сотрудничества между балканскими странами, решение спорных вопросов мирным путем, взаимный отказ от актов агрессии, превращение Балканского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия. Все это получило в свое время поддержку Советского Союза. Не забыли аналитики упомянуть и о том, что повышенное внимание Румынии к балканским проблемам было связано с ее особым внешнеполитическим курсом в отношении Советского Союза.

«Тесное сотрудничество со своими южными соседями, а, возможно, и какой-либо оформленный балканский союз, в котором Румыния играла бы главенствующую роль, – говорится в записке, – могут обеспечить Румынии поддержку в ее оппозиционности по отношению к Советскому Союзу и к другим странам – членам Варшавского Договора»³. В этой связи обращалось внимание на возможности выявления «какой-либо позиции» Румынии в 1975 г. при продлении Варшавского Договора. «В проведении своего в значительной мере нацио-

налистического курса, – продолжали российские исследователи, – Румыния рассчитывает на укрепление двусторонних связей с теми странами, с которыми она занимает общие (и в тоже время отличные от других стран Варшавского Договора) внешнеполитические позиции». В этом контексте были упомянуты добрые отношения Румынии с Югославией и Албанией, а также с Китаем. По поводу двусторонних отношений с Болгарией, членом СЭВ и Варшавского Договора, отмечалось отсутствие каких-либо особенно острых проблем, которые осложняли бы эти отношения. «Вопрос о Южной Добрудже, – подчеркивалось в труде, – вряд ли может стать причиной обострения отношений между двумя странами»⁴.

Вместе с тем, авторы констатировали улучшение румынско-советских отношений, что – после «некоторых осложнений в отношениях между двумя странами нашло свое выражение в подписании 7 июля 1970 г. нового двустороннего «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». В этой связи они не забыли отметить «отрицательную реакцию» на акцию пяти стран в Чехословакии в 1968 г., явно демонстративное приглашение президента США Р. Никсона и подчеркнуто дружеский прием, оказанный ему в Румынии»⁵.

«Учитывая появление ряда негативных тенденций во внешнеполитическом курсе Румынии, – писали российские исследователи, – Советский Союз заинтересован в укреплении дружественных отношений между двумя странами, что даст возможность нейтрализовать, а в перспективе устранить дальнейшее развитие этих тенденций». Ими выделялся ряд политических проблем, которые, однако, могли затормозить советско-румынские отношения. Некоторые черты внешнеполитического курса Румынии, предупреждали они, свидетельствовали о претензиях на роль арбитра в решении международных проблем. Это нашло выражение в более тесных связях с Китаем, позитивных оценках внутренней политики и внешнеполитического курса китайского руководства, расширении отношений с Албанией, особой позиции по вопросам разоружения, выдвижении дополнительных условий при подписании и ратификации Договора о нераспространении ядерного оружия. Об этом же говорили румынские предложения в Женеве (весной 1970 г.) относительно запрещения про-

водить военные маневры на территории других государств, отличная от стран Варшавского Договора позиция Румынии в отношении Израиля⁶.

«Учитывая нынешнее довольно сложное экономическое положение Румынии и практическую невозможность (из-за существующего большого долга Западу) дальнейшего расширения экономических отношений с капиталистическими странами, – справедливо замечали российские ученые, – есть основания считать, что румынское руководство стремится к расширению экономического сотрудничества с Советским Союзом, не отказываясь в то же время от своих особых позиций во внешней политике»⁷.

«Балканская политика Румынии, – заключали составители аналитической записи, – является составной частью её общего прагматического внешнеполитического курса, суть которого заключается в тактике лавирования с целью обеспечения условий для претворения в жизнь своей особой, в значительной мере националистической концепции»⁸.

В то время многие проекты сотрудничества в балканской зоне (в их числе и выдвинутые Румынией), содержали, говоря словами советских исследователей, «некоторые элементы оппозиционности» по отношению к СССР. Поэтому они считали целесообразным оказание со стороны Советского Союза политической поддержки широкому развитию балканского сотрудничества только в проведении идеи создания зоны свободной от ядерного оружия на Балканах, предлагали поддерживать расширение румынско-болгарского экономического и научно-технического сотрудничества, считая, что это позволит Советскому Союзу усилить «косвенное экономическое воздействие» на весь регион⁹. В отношении перспектив развития связей между Советским Союзом и Румынией рекомендовалось, чтобы соответствующие государственные советские органы разработали комплексную программу политического и экономического развития, а также стратегию специализации и кооперации, предупреждая, что отсутствие подобной программы затруднит влияние Советского Союза на Румынию, «в том числе и на ее политику в Балканском регионе»¹⁰.

Через два года инициатива Румынии, нацеленная на укрепление сотрудничества балканских стран, вызвала серьезные

возражения в Москве, которая усматривала в этом намерение создать союз балканских государств. 31 июля 1972 г. по случаю многосторонней встречи в Ялте руководителей коммунистических и рабочих партий соцстран (Варшавского договора и Монгольской народной республики), Николае Чаушеску предложил согласиться с идеей совместных действий балканских стран в целях достижения лучшего взаимопонимания и сотрудничества в регионе¹¹. Состоявшийся обмен мнениями выявил различия в подходах участников к этой проблематике. Касаясь выступления Чаушеску, болгарский лидер Тодор Живков заявил, что вопрос относится не только к балканским социалистическим странам и поэтому соответствующие условия для проведения общей балканской встречи отсутствуют. Например, поскольку Албания проводит «враждебную кампанию» против Советского Союза и Болгарии, его страна не сможет участвовать в работах подобной балканской встречи¹². Живков сослался также на политику Греции и Турции, где у руководства находились «военные хунты», пользовавшиеся поддержкой США. Не забыл он упомянуть и о том, что со стороны США и других стран предпринимались попытки «массированного воздействия» на балканские страны¹³. «Поэтому, – заключил Живков, – необходимо договориться между собой, как мы будем действовать и в каком направлении двигаться, если будем вести борьбу против американского проникновения на Балканах. Только таким образом смотрим мы на этот вопрос»¹⁴. Не отбрасывая идею балканского сотрудничества, болгарский лидер выступил в пользу развития двустороннего сотрудничества между странами этого региона.

Документы, недавно введенные в научный оборот болгарским историком Й. Баевым, проливают свет на позицию, занятую Л.И. Брежневым и другими руководителями государств Варшавского договора по отношению к Румынии. Из них следует, что 2 августа 1971 г. в Ялте состоялась другая встреча руководителей соцстран, куда Румынию не пригласили. Тогда, в частности, были рассмотрены и разногласия с румынским лидером Н. Чаушеску. Баев пишет, что по возвращении домой Живков проинформировал коллег по Политбюро об опасении Москвы: «договорившись между собой и с Китаем», Югославия, Румыния и Албания могли бы создать отдельную груп-

пу на Балканах, способную ослабить связи на южном фланге Варшавского пакта, превращаясь «явным или тайным образом» в региональный балканский блок, «основанный на антисоветизме». С точки зрения Брежнева, «Чаушеску шел слишком далеко», и с ним придется вести серьезные дискуссии, дабы помочь румынам «понять, что их действия являются ошибочными и опасными»¹⁵.

Американский историк Ларри Л. Уоттс, в свою очередь, пытается объяснить серьезные возражения, высказанные советским лидером в отношении инициатив Румынии. Действия, предпринятые Румынией в регионе Балкан в начале 1970-х годов, позволяют американскому историку утверждать, что Бухарест попытался воссоздать в иной форме Балканскую Антанту межвоенного периода. «Инициатива Балканского союза, – пишет Уоттс, – включала Румынию, Болгарию, Грецию и Турцию. Если публично София поддержала идею, то Живков и болгарская разведка по приказу из Москвы подпольно ее саботировали»¹⁶.

По мнению американского историка, пользуясь поддержкой Москвы в инициативе создания безъядерной зоны на Балканах, Бухарест продвигал идею сотрудничества в этом регионе «отдельно от инициативы, спонсированной Кремлем, с ясной, не объявленной целью ослабить там советское влияние»¹⁷. Он отмечает также, что «Болгария была назначена управлять тайными операциями, направленными на блокирование усилий Румынии на Балканах, а Венгрия – лишь номинально балканская страна – руководила атакой в средствах массовой информации, высмеивая проект в частных беседах с западными официальными лицами»¹⁸.

Уоттс отмечает также, что в ходе встречи Л.И. Брежнева с «близкими партнерами», состоявшейся 2 августа 1971 г. в Крыму, в отсутствие Чаушеску, румынский лидер был подвергнут массовой атаке. По этому случаю американский историк цитирует заявление Брежнева: «Чаушеску зашел слишком далеко. Он возглавляет борьбу против нас и представляет собой фундаментальное препятствие на нашем пути <...> Мы проявили терпение в отношении поведения Румынии. Нужно попытаться [еще больше] воздействовать на развитие [событий] внутри страны»¹⁹.

В свою очередь, другие присутствовавшие на встрече руководители стали резко критиковать внешнюю политику, проводимую Чаушеску. Венгерский лидер Янош Кадар уделил основную роль в формировании антисоветской, направленной против Варшавского договора оси Пекин – Балканы²⁰, а чехословацкий – Густав Гусак коснулся блока Пекин – Бухарест – Тирана – Белград. Болгарский руководитель Тодор Живков, – пишет Уоттс, – информационная служба которого несла главную ответственность за противодействие реализации планов Румынии на Балканах, сказал: Китай тоже поддержал «идею балканского пакта»²¹. Далее американский историк цитирует слова болгарского лидера: «Мы располагаем информацией, что Чаушеску организовал все это вместе с китайцами. Интересы американцев и китайцев совпадают в этом деле <...> Нет никакого сомнения, что мы говорим не о Балканском пакте, а скорее всего о пакте против Варшавского договора с антисоветским уклоном. Румыния и Югославия сотрудничают в этом смысле, однако до сих пор ничего еще не было завершено»²². Вместе с тем, Живков также уточнил, что китайцы опираются на Румынию, а румыны «поддерживают китайскую политическую линию», особенно на Балканах²³.

Л. Уоттс обратил внимание на вывод, сделанный Л.И. Брежневым: Варшавский пакт должен попытаться воздействовать на политику Румынии изнутри, тем более что в этой стране «есть и хорошие товарищи». Советский руководитель призвал всех присутствовавших использовать свои посольства в Бухаресте и другие контакты, чтобы сблизиться с умеренными политиками и убедить их перейти на свою сторону²⁴.

Информация, приведенная американским исследователем, подтверждается и российским историком, Ар.А. Улуняном, который отмечает: на уровне советского руководства сложилось «устойчивое представление о внешнеполитических шагах Бухареста в Балканском регионе как о попытках зондировать почву с целью создания под эгидой КНР неформального военно-политического союза с участием Белграда, к которому могла, по мнению Кремля, присоединиться и Албания»²⁵. Касаясь Крымской встречи 2 августа 1971 г., Улунян пишет: «Балканская румынская и югославская темы были по значимости равными “китайской” и ближневосточной, а в некоторых случаях

и более важными, чем последние две для участников и прежде всего СССР»²⁶. Российский исследователь отмечает также, что в рамках встречи уделялось особое внимание региональному аспекту оборонной политики Варшавского договора на юго-западном направлении. Самым «громким» среди участников оказался болгарский лидер Т. Живков который «опять обратился к теме нового “Балканского пакта” и сослался на многолетние попытки Румынии и Югославии заключить договор между Балканскими государствами». «Стремление румынской стороны, – продолжает Ар.А. Улунян, – активизировать балканское направление в своей внешней политике и аналогичные попытки, предпринимавшиеся югославским руководством, рассматривались в Софии как “попытки инициаторов заключения подобного договора изолировать Болгарию”»²⁷. По мнению российского историка, София была заинтересована внапустить схему предполагаемого регионального блока (ось Пекин – Тирана – Белград – Бухарест) и Москве, «болезненно относившейся к действиям Бухареста и Белграда»²⁸.

Российский исследователь обращает внимание на то, что во время Крымской встречи 2 августа дискуссии о Румынии занимали важное место. Вероятно, советские лидеры не оставляли попыток изменить отношение руководства Румынской коммунистической партии (РКП) в пользу Москвы. «Избранная на встрече тактика, – пишет Улунян, – заключалась в усилении работы “с партийными кадрами с целью поляризации [их] позиций”, недопущения изоляции Румынии, и, наоборот, как можно более активной “работе” с ней, а также расширению контактов с общественными и политическими организациями Румынии, укреплении связей с интернационалистически настроенными кадрами РКП и как можно более тесном сотрудничестве с Бухарестом в рамках ОВД <...> План действий фактически предполагал, с одной стороны, зондирование ситуации внутри РКП и налаживание связей с теми, кто не разделял взглядов Н. Чаушеску, и, во-вторых, был рассчитан на максимально более “плотное” привязывание Румынии к Варшавскому договору». Историк также считает: несмотря на то, что на встрече не упоминались какие-либо «крайние меры» в отношении руководства РКП, «логика составленного плана позволяет говорить о том, что при определенных обстоятель-

ствах высказанные предложения могли стать основой для подготовки таких мер, и, прежде всего, в виде верхушечного переворота в Бухаресте с опорой на соответствующие партийные кадры»²⁹.

Говоря о позиции Румынии на Балканах, Улунян особо упоминает о подозрении, проявленном Москвой по отношению к действиям Румынии и Югославии в этой зоне, что объясняет поощрение ею открытых стремлений Болгарии обеспечить себе лидирующую роль на Балканах: «Кремль серьезно опасался перехода всего Балканского полуострова под влияние региональных сил, которые могли бы начать действовать в неподконтрольном для него направлении и реализовать сотрудничество как в виде организационно оформленного, так и неформального блока». Ученый заключает: «Наибольшую обеспокоенность вызывала позиция Румынии, руководство которой проводило особый курс в рамках ОВД, а также в целом на международной арене»³⁰.

Улавливая возражения, высказанные в адрес его идей и инициатив, направленных на укрепление сотрудничества балканских стран, Чаушеску почувствовал необходимость более обстоятельно объяснить Брежневу суть своих предложений. Для этого он воспользовался двусторонней встречей в Крыму 1 августа 1973 г.

В частности, румынский лидер сказал, что у него сложилось впечатление, будто «многие советские товарищи не поняли суть румынского предложения». Он развил мысль: «Конечно, это только впечатление, однако мы там живем, нас это в большей мере заботит, и мы считаем нормальным поступать именно так. Во всяком случае, определенные шаги в этом направлении могут служить интересам нашей общей политики»³¹. Чаушеску подчеркнул также, что румынская сторона имела намерение пригласить к сотрудничеству другие государства. Речь прежде всего шла о Советском Союзе, но также и о США.

Постановка этих вопросов стала для Брежнева неожиданностью, и он признался в том, что у советской стороны была «в целом отрицательная позиция по отношению к перспективе создания балканской организации»³². Однако он проявил готовность лучше понять идею, проводимую Румынией, и концепцию, положенную в ее основу. Чаушеску объяснил, что его

предложение было направлено на укрепление сотрудничества балканских стран в области охраны окружающей среды и транспорта. Отвечая на недоуменный вопрос Брежнева по поводу привлечения к этому сотрудничеству США, румынский лидер напомнил, что США располагают военными базами в Турции и Греции, и когда настанет время обсуждения вопроса безопасности, «по крайней мере Турция и Греция» должны стать посредниками в ходе консультаций с США³³. И добавил, что Румыния и Советский Союз заинтересованы в том, чтобы препятствовать размещению атомного оружия на территории этих стран.

Внимательно выслушав объяснения своего собеседника, Брежнев заявил, что вопреки ряду предпринятых шагов, климат в Европе еще не стабилен для такого сотрудничества. Очень сдержанно отреагировав на идею, проводимую румынским лидером, он сказал, что «не думал совсем над этим вопросом – наподобие организации балканских государств – и тем более о привлечении к ней Соединенных Штатов <...> Это довольно глубокий вопрос, который не только отвлекает внимание от главного, но и заставляет подумать над тем, что это означает»³⁴. Советский лидер подчеркнул: вопрос, поднятый Чаушеску, заслуживает тщательного анализа, с тем чтобы во всем разобраться и «дать аргументированный ответ», но идею расширить сотрудничество между балканскими странами в двустороннем формате, призванном создать условия и для многостороннего сотрудничества, поддержал.

Следует отметить, что после встречи Чаушеску и Брежнева 1 августа 1973 г. румынское предложение, касавшееся расширения сотрудничества на Балканах, в ходе румынско-советских переговоров на протяжении нескольких лет больше не обсуждалось. Лишь через три года, когда румынско-советские переговоры вступили в стадию нормализации, Кремль счел, что пришло время заявить о своей категорической оппозиции по отношению к румынскому предложению о необходимости усиления сотрудничества балканских стран.

На этот раз инициатива принадлежала советской стороне. В ходе Крымской встречи 3 августа 1976 г. с Чаушеску Брежнев твердо заявил, что «постановка вопроса о балканском союзе или альянсе не имеет никакой солидной основы»³⁵. Он счел не-

обходимым уточнить: государства Балканского региона принадлежат к различным военным союзам, и в данных обстоятельствах «такой союз не оправдан»³⁶.

Столкнувшись с подобной позицией, Чаушеску ответил, что «никто не ведет речь о балканском союзе», так как «это было бы совершенно нереально», но подчеркнул, что улучшение отношений и развитие сотрудничества между странами региона были в интересах всего социалистического блока, в том числе Советского Союза. В частности он отметил: вопрос транспортного сообщения между балканскими странами мог бы найти решение при их более тесной кооперации³⁷.

Желая достичь большего понимания, Чаушеску указал на преимущества сотрудничества на Балканах в сфере энергетики, охраны окружающей среды, а также в других областях, представляющих взаимный интерес. На замечание Брежнева о том, что приоритетом для социалистических стран является ослабление связей Греции и Турции с НАТО, Чаушеску уточнил: для достижения такой цели требуется улучшить отношения социалистических стран с этими двумя государствами, заручиться их доверием: что мы не можем говорить о роспуске военных блоков только на Балканах, но мы можем говорить об улучшении сотрудничества в областях, в которых имеются взаимовыгодные интересы. Это означает, однако, не создание союза балканских стран, но решение ряда проблем, там, где они есть, между соседними странами»³⁸. Настаивая на открытом характере своей инициативы, Чаушеску проинформировал: румынская сторона направила Венгрии и Австрии приглашение участвовать инвестициями в решении проблем, связанных с развитием транспорта на Дунае и в бассейне Черного моря, в том числе морских румынских портов. Впрочем, он был вынужден уточнить, что со стороны этих стран не последовало никакого ответа.

Взаимное недоверие между СССР и Румынией не ослабло и в последующие годы. Это отмечает Ар.А. Улунян, который пишет о встрече, состоявшейся 14 августа 1978 г. между Брежневым и Живковым. В повестке дня, в частности, фигурировала и «румынская тема». Советский лидер рассказал о встрече с Чаушеску 7 августа 1978 г., из чего следовало: советская сторона не довольна состоянием отношений между Румынией и США

и Китаем, а так же действиями Румынии (тем, как решается кризис) на Ближнем Востоке. В словах Брежнева снова проявилась враждебность Москвы к идее создания регионального союза балканских стран. В Кремле это предложение рассматривалось как «инструмент ослабления влияния Варшавского блока на полуострове в интересах трёх основных инициаторов – Румынии, Югославии и Греции». Брежнев посетовал на трудности, которые создавал подход румынской стороны к балканскому сотрудничеству. Это не могло не создать проблем для самой Болгарии и не сказаться на болгарско-югославских противоречиях. «Москва, – пишет российский историк, – хотела использовать своего ближайшего союзника для оказания нажима на Бухарест, о чем заявил во время встречи и лично Брежнев, попросивший собеседника переговорить с Н. Чаушеску»³⁹.

Документ, опубликованный болгарским историком Й. Бавым, подтверждает предположение Улуняна, позволяя лучше понять суть недовольства советского лидера позицией Румынии. «Знаю, Тодор, – отмечается в записи беседы, – что у тебя было много случаев прямо и честно беседовать с Чаушеску. Очевидно, что необходимость такого влияния исключительно важна и теперь, тем более, я думаю, что своей политикой в отношении балканского сотрудничества румыны создают дипломатические сложности для Болгарии. Когда они провоцируют волнения в вопросе установления балканского сотрудничества, то делают это из простого каприза. Вопрос регионального кооперирования на Балканах рассматривается румынами, как и югославами и греками, как возможность снизить влияние государств Варшавского договора в регионе. В этом заключается суть их подхода <...> Мы должны решительно противостоять всем проектам создания автономной балканской группировки, через которую проводились бы их частные интересы»⁴⁰.

Более месяца спустя, в октябре 1978 г., в ходе бесед в Бухаресте между делегацией РКП во главе с Паулом Никулеску-Мизилом, членом Политисполкома ЦК РКП, заместителем председателя Совета Министров РСР и делегацией КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР, А.А. Громыко, вновь поднимался вопрос балканского со-

трудничества. Касаясь идеи создания безъядерной зоны в этой части континента, Громыко недвусмысленно дал понять, что советское руководство относится к этому отрицательно. «Как страна, непосредственно граничащая с этим регионом, – сказал он, – Советский Союз не может не быть озабочен намерениями, появляющимися то здесь, то там, создать на Балканах изолированную группировку государств», считая, что идея создания такой группировки имела целью разъединить социалистические страны⁴¹.

Руководитель делегации РКП выразил недоумение по поводу обеспокоенности, проявленной советской стороной в связи с тем вниманием, которое Румыния уделяла сотрудничеству между балканскими странами. Он считает логичными и оправданными меры, нацеленные на превращение Балкан в зону мира, взаимопонимания и добрососедства, а также на ликвидацию в перспективе военных баз в балканских странах, их удаление от советских границ. Руководитель делегации РКП отметил также, что румынская сторона была бы рада, если бы СССР поддержал усилия его страны и сказал, что ему неизвестно ни о какой группировке стран на Балканах и попросил информировать румынскую сторону, где и кто выдвинул эту идею⁴².

После этого А.А. Громыко посчитал нужным открыто разъяснить мотивы, вызвавшие обеспокоенность советской стороны. Выяснилось, что во время консультаций с советской стороной представители Турции дали понять, что «вокруг балканского сотрудничества творится что-то странное» и «кто-то хочет сколотить здесь некие группировки или группировку»⁴³. Чтобы быть более точным, Громыко заявил: советской стороне было известно стремление и настроение Китая относительно этого вопроса. «Об этом нам говорит несоциалистическое государство, нам говорит Турция, участница НАТО. Она не может преувеличить важность этой идеи, для нее в этом нет никакого смысла. Почему Турция задает вопрос? Ее интересы совпадают с нашими. Они, турки, не хотят, чтобы у государств, находящихся на расстоянии тысяч километров, была возможность проникнуть на Балканы или в какие-либо другие места»⁴⁴.

Советский министр иностранных дел подчеркнул также, что Советский Союз не возражал против взаимовыгодного сотрудничества граничащих между собой балканских госу-

дарств. «Нас и не только нас беспокоит то, – продолжил Громыко, – что под знаменем якобы экономического или иного какого-то сотрудничества могут реализоваться другие планы»⁴⁵. В конце своего выступления Громыко попросил румынскую сторону отнестись взвешенно и с пониманием к советской позиции. Удивленный таким подходом, руководитель делегации РКП еще раз напомнил, что взгляды Румынии на балканское сотрудничество «далеки от опасений, выраженных советской стороной», и что, по его мнению, на Балканах не было объективных условий для формирования блока или группировки⁴⁶.

Обсуждение этого круга проблем продолжилось в ходе беседы во время приема делегации КПСС Чаушеску 14 октября 1978 г. Румынский лидер уточнил, что его страна не думала о создании какого-либо блока на Балканах, а чтобы быть более убедительным, пересказал шутку, которую позволил себе на одном из заседаний Политисполкома ЦК РКП: «Мы находимся в одном военном пакте и этого нам достаточно; мы не нуждаемся ни в каком другом». Это вызывало смех у румынских и советских официальных лиц, присутствовавших на той встрече⁴⁷.

Генеральный секретарь РКП объяснил гостям, что выдвигая свое предложение, Румыния не думала о создании какого-либо блока на Балканах, но исключительно пеклась об укреплении экономического, научного, культурного и иного сотрудничества между балканскими странами. Подобные предложения были направлены исключительно на «поиск путей к устранению военных баз НАТО на Балканах», ведь как раз недавно некоторые из этих баз были вновь открыты на границе с Советским Союзом. «Значит, – подвел итог Чаушеску, – стремление сделать так, чтобы на Балканах не было военных баз, идет на пользу не только Румынии и Советскому Союзу, но и на благо всех социалистических стран в этой части мира».

На наш взгляд, четкие объяснения, представленные обеими сторонами в ходе переговоров, состоявшихся в ходе визита в Румынию в октябре 1978 г. делегации КПСС, способствовали снятию с повестки дня двусторонних румынско-советских встреч проблемы, вокруг которой советская сторона на протяжении почти семи лет строила разного рода сценарии, не имевшие под собой реальных оснований.

Исследуемые документы указывают на то, что в последующие годы этот вопрос больше в румынско-советских переговорах не возникал. Возражения, высказанные советской стороной в адрес инициативы Румынии, которую подозревали в попытке создать балканский пакт, направленный против СССР, не имели под собой никаких оснований и свидетельствовали об имевшем место недоверии к руководителю Румынии. Все это препятствовало принятию каких-нибудь значимых шагов, направленных на многостороннее сотрудничество в сфере транспорта, энергетики, охраны окружающей среды между балканскими странами, на все то, что стало возможным лишь в наши дни в новом, принципиально изменившемся международном контексте.

Румыния после провала ее инициатив была вынуждена свести свои действия к двустороннему сотрудничеству с отдельными балканскими странами в экономической, научно-технической и культурной областях, к борьбе за освобождение региона от военных баз и превращения его в зону, свободную от ядерного оружия. Сотрудничество по этой линии с особой интенсивностью продолжилось во времена М.С. Горбачева, который проявил интерес к румынским инициативам. В совместном коммюнике после дружеского визита в Москву Н. Чаушеску (16 мая 1986 г.) отмечалось: СССР положительно оценивает и поддерживает предложения Румынии и Болгарии о превращении Балкан в зону свободную от ядерного и химического оружия, считая, что создание таких зон в различных частях Европы и мира «явилось значительным вкладом в дело обеспечения мира и безопасности во всем мире»⁴⁸. Эта же идея прозвучала и в выступлениях Чаушеску и Горбачева на митинге румынско-советской дружбы в Бухаресте по случаю официального визита в Румынию генерального секретаря ЦК КПСС (25–27 мая 1987 г.)

Через год к этой идее вернулись во время официального визита в Румынию А.А. Громыко – члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В тосте, произнесенном на ужине в честь советского гостя, Николае Чаушеску подчеркнул решимость, с которой Румыния выступала за превращение Балкан в зону мира и взаимопонимания, без иностранных войск и баз, за проведение конференции на

уровне глав государств и правительств этого региона. Идея была поддержана и главой советского государства, что позволило отметить в тексте совместного коммюнике, подписанного Чаушеску и Громыко общую позицию в трактовке важного для балканского региона вопроса, которому Румыния постоянно уделяла особое внимание. «Советский Союз, – подчеркивалось в совместном коммюнике, – полностью поддерживает инициативы и усилия Румынии и Болгарии, нацеленные на превращение Балкан в зону мира, сотрудничества и добрососедства, свободного от ядерного и химического оружия, без военных баз и иностранных войск». Стороны отметили «особое значение продолжения и углубления двустороннего и многостороннего диалога между балканскими государствами на всех уровнях, в том числе на высшем уровне, в целях укрепления мира, взаимного доверия и сотрудничества в этом регионе»⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Buga V. Sub lupa Moscovei, Politica Exetrnă a României. 1965–1989*. București, 2015.

² АВП РФ. Фонд 125. Оп. 58. П. 81. Д. 4. Л. 108.

³ Там же. Л. 109.

⁴ Там же. Л. 111.

⁵ Там же. Л. 117.

⁶ Там же. Л. 118.

⁷ Там же. Л. 119.

⁸ Там же. Л. 121.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ANIC. Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe. Dosar N 80/1972. Fil. 82.

¹² Ibid. Fil. 97.

¹³ Ibid. Fil. 98.

¹⁴ Ibid. Fil. 101.

¹⁵ Paralell History Project on NATO and the Warshaw Pact, Brejnev's Crimea Meeting in the 1970's / Ed. by J. Baev, 2003. Текст доступен по адресу: www.budgie3.ethz.ch/php/documents/collection_/texts/intro_baev.htm (здесь и далее дата последнего посещения 1 XI 2015).

¹⁶ Цит. по переводу на румынский язык: *Wats L.L. Ferește-mă, Doamne, de prieteni. Războiul clandestin al blocului sovietic cu România*. București, 2011. P. 536.

¹⁷ Ibid. P. 530–537.

¹⁸ Ibid. P. 537.

¹⁹ Ibid. P. 542 (цитируется в обратном переводе).

²⁰ Ibid. P. 543.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. P. 543–544.

²³ Ibid. P. 544.

²⁴ Ibidem.

²⁵ *Улунян АрА.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании Болгарии Румынии и Югославии (середина 1950-х – 1980 г.). Москва, 2013. С. 363.

²⁶ Там же. С. 455

²⁷ Там же. С. 456.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 457.

³⁰ Там же, С. 534.

³¹ ANIC. Fond C.C. al P.C.R. Secția Relații Externe. Dosar N 141/1973-. Fil. 32.

³² Ibid. Fil. 33.

³³ Ibid. Fil. 35.

³⁴ Ibid. Fil. 36.

³⁵ Ibid. Dosar N 108/1976. Fil. 34.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid. Fil. 37–38.

³⁹ *Улунян АрА.* Балканский «щит социализма». С. 747.

⁴⁰ Paralell History Project on NATO; Arhiva Centrală de Stat, Sofia. Fond 1-B. Dosar N 2499. P. 10, 21.

⁴¹ Цит. по: A.N.I.C. Fond C.C. al P.C.R., Secția Relații Externe, dosar nr. 180/1978. Fil. 15.

⁴² Ibid. Fil. 52.

⁴³ Ibid. Fil. 62.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid. Fil. 74.

⁴⁷ ANIC. Fond C.C. al P.C.R. Secția Relații Externe. Dosar N 180/1978. Fil. 84.

⁴⁸ Scînteia. 1986. 17 V.

⁴⁹ Ibid. 1988.15 V.

И. Марчева

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «16 ПЛЮС 1» И НЕКОТОРЫЕ БОЛГАРО-КИТАЙСКИЕ И АЛБАНСКО-КИТАЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Историческая наука имеет, с одной стороны, признание как учительница жизни, а с другой – печальную славу: история учит, что ничему не учит. И все же объяснение настоящего всегда кроется в прошлом, что позволяет предсказывать будущее. Убежденные во всех указанных функциях исторического познания, мы обращаемся к нему, чтобы попытаться предугадать среди прочего будущее одной стратегии: китайской инициативы о Новом шелковом пути, рассчитанной, по мнению некоторых, на 100 лет вперед, и то, насколько адекватно реагирует на нее Болгария. Поэтому остановимся вкратце на китайской инициативе в отношении Болгарии и попытаемся найти объяснение поведения ее властей не столько с учетом современных реалий, сколько с точки зрения исторического опыта. С этой целью проведем параллели между болгаро-китайскими и албанско-китайскими отношениями во время холодной войны как проявлениями противоположных примеров взаимодействия двух балканских стран и Китая.

Китайская инициатива «16 плюс 1» в Восточной Европе

С 2012 г. вторая по экономической мощи страна в мире – Китай начала реализацию инициативы под названием «Экономический пояс вдоль Шелкового пути». Его задача – связать по суше и морю Китай с Европой, включая как Россию и Центральную Азию, так и Ближний Восток и Африку. Цель: укрепление основных торговых путей для активизации сотрудни-

чества между Китаем и остальным миром, причем китайское руководство сделало основной акцент не на доступе китайских товаров к иностранным рынкам. Эта стратегия теперь рассматривается как угроза безопасности страны с постоянным семилетним приростом валового внутреннего продукта и положительным сальдо торгового баланса почти со всеми внешнеторговыми партнерами. Напротив, Новый шелковый путь должен обеспечить доступ иностранных товаров на китайские рынки, а также китайских технологий на европейские рынки. Естественно, это встречает сопротивление со стороны США как первой экономической и геополитической силы, пытающейся сохранить свою гегемонию. И поэтому по Шелковому пути мы видим непрерывные военные конфликты, подобные конфликту в Ираке, Сирии, Украине, а также напряжению между Ираном и Турцией, Турцией и Израилем и т.д. Вместе с тем США пытаются привязать Европу к своему интеграционному проекту – Трансатлантическому соглашению о свободной торговле и инвестициях, переговоры о котором ведутся с 2013 г., но лишь в 2014–2015 гг. стали известны широкой публике. Поэтому Китай особенно активен политически и экономически: кроме того, что объявляет о своем стратегическом партнерстве с Россией, он учреждает фонд в 40 млрд долларов для инфраструктурных проектов и организует Азиатский банк инвестиций. В него вполне закономерно включились ведущие европейские страны. Но Китай считает наиболее важным и податливым для интеграции звеном в Европе страны бывшего Восточного блока, часть из которых являются членами ЕС, другие готовятся к присоединению к нему. Тем странам, которые не достигли желаемых результатов в интеграции с Западной Европой, где происходят деиндустриализация и в значительной степени деаграризация, Китай предлагает свою стратегию «16 плюс 1»¹.

Такая политика связана с тем, что в отношениях между Китаем и ЕС, включающим в себя уже 28 стран континента, происходили свои падения и взлеты. В настоящее время Китай объявлен стратегическим партнером ЕС, но это не мешает Брюсселю, преследующему китайских лоббистов вместе с русскими, смотреть на него с подозрением. Поэтому Китай, следуя своей традиции заключать союзы со слабыми против сильных,

обращается к восточноевропейским странам как к воротам в ЕС, – утверждает журналист газеты *«Financial Times»* Нийл Бакли, процитированный Болгарским телеграфным агентством 24 мая 2012 г.²

Кто такие «16»? Это – Болгария, Македония, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Румыния, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Словения, Албания, Хорватия, Эстония, Литва, Латвия³. Большинство из этих стран до падения Берлинской стены (9 ноября 1989 г.) входили в советский блок, хотя формально Албания и бывшие югославские республики не были членами его структур. Вследствие «бархатных революций» все они пережили переход к рыночной экономике и парламентской демократии, в ходе которого в разное время присоединились к различным структурам ЕС. Так, большинство этих государств являются членами ЕС (11 из них, исключая страны Западных Балкан, которые находятся на разных этапах ассоциирования) и НАТО (12 из них, остальные, кроме Сербии, участвуют в различных программах по присоединению). Некоторые из тех, что входят в ЕС, являются членами Шенгенского соглашения (кроме Румынии, Болгарии и Хорватии)⁴, а другие, такие как Литва, Латвия и Эстония, – стали членами зоны евро. На этапе перехода от социализма к капитализму в условиях глобализации, при смене модели от централизованно-плановой к рыночной экономике, существенное значение для их развития приобретает привлечение прямых иностранных инвестиций. Все страны пытаются получать их не только из общеевропейских фондов, что связано с весьма сложными процедурами и используется Брюсселем как инструмент давления на неудобные правительства в виде прекращения выплаты из этих фондов под различными предлогами. Для всех стран региона жизненно важно иметь перспективы для свежих инвестиций, поэтому они с интересом откликаются на китайскую инициативу «16 плюс 1» как часть стратегии «Экономического пояса Шелкового пути». Так, товарооборот между Китаем и восточноевропейскими странами в 2012 г. составил 20 млрд долларов и равнялся 10% от общего товарооборота КНР с ЕС. Пекин предоставляет для важных инфраструктурных проектов на территории восточноевропейских стран средства в обмен на их продовольственные и сельскохозяйственные товары для Китая⁵.

Начиная с 2011 г. было проведено несколько встреч на высшем уровне для реализации программ этой стратегии. На третьей встрече в Бухаресте в 2013 г., после встреч в Будапеште в 2011 г. и в Варшаве в 2012 г., стали известны реальные объемы денежных средств, которые Китай готов потратить для реализации стратегии. Именно в столице Румынии, которую китайские руководители рассматривают как своего самого верного и многолетнего партнера в Европе еще со времен Николае Чаушеску, премьер-министр КНР Ли Кэцян объявил открытие кредитной линии в 10 млрд долларов для финансирования крупных совместных инфраструктурных проектов в странах региона. Таким образом, Пекин демонстрирует свое желание сотрудничать с Восточной Европой без опекунов Брюсселя. А это не может быть по душе правительству ЕС – Европейской комиссии (ЕК). Она пытается оказывать давление на Китай с тем, чтобы он отказался от подобного подхода, обвиняя его в политике «разделяй и властвуй», а также призывает восточноевропейские страны проявлять общеевропейский солидарный подход в отношении развития отношений ЕС с третьими странами и оказывает на них давление. В ответ Китай утверждает, что он стремится не внести раскол в ЕС и Европе, а лишь сбалансировать развитие Старого Света⁶.

На четвертой встрече в Белграде в декабре 2014 г. были согласованы основные направления сотрудничества между КНР с остальными шестнадцатью центральноевропейскими странами. Первое направление – развитие железнодорожного и автомобильного сообщения с основными портами в целях стимулирования торговли. В этой связи был подписан договор о стратегическом транспортном коридоре Венгрия – Сербия – Македония – Греция, призванный связать порт Пирей с рынками Юго-Восточной и Центральной Европы. Вторым направлением стратегии «16 плюс 1» является сотрудничество в области создания и эксплуатационного обслуживания масштабных инфраструктурных проектов. Имеются в виду такие проекты, при строительстве которых используется китайский проектно-технологический, инженерный и строительный опыт. Третье направление – согласование рабочего механизма инвестиционного финансирования реальной экономики. Китай предложил развивать сотрудничество, основываясь на ба-

зовых принципах рыночной экономики. С этой целью Пекин планирует создание инвестиционного фонда в размере 3 млрд долларов. Пока самым важным объектом является железная дорога между Белградом и Будапештом, а также покупка порта Пирей. Более того, китайский министр иностранных дел Ван И в начале июня 2015 г. назвал Венгрию своим «локомотивом» на пути в Европу⁷.

Смысл платформы «16 плюс 1», как отметил 22 апреля 2015 г. на VII Форуме по экономическому сотрудничеству «Китай – Европа» в Катовице посол Китая в Польше Шу Дзи-эн, состоит в развитии сотрудничества между Китаем и Центральной и Восточной Европой, с одной стороны, а с другой – в создании базы, связывающей воедино весь Новый шелковый путь. «Они (страны из «16 плюс 1». – *И.М.*) должны полноценно использовать существующие двусторонние и многосторонние механизмы сотрудничества, стремиться комбинировать платформу «16 плюс 1» и проект создания экономических зон по Шелковому пути и Морскому шелковому пути в XXI в., а также воспользоваться шансами для углубления сотрудничества»⁸.

Какова позиция Болгарии в отношении данной китайской инициативы? Исследователей болгаро-китайских отношений удивляет, что вопреки прочным политическим связям, Болгария к программе «16 плюс 1» относится весьма сдержанно. Страна никоим образом не стремится ни извлечь пользу из того факта, что она второй после СССР признала КНР в 1949 г., ни воспользоваться тем, что большинство демократически избранных болгарских президентов совершали официальные визиты в Китай, зачастую в сопровождении больших групп болгарских бизнесменов. Последний такой визит в сопровождении бизнес-делегации нанес нынешний президент Росен Плевнелиев, который находился в Китае с 12 по 14 января 2014 г. по случаю 65-летия установления дипломатических отношений между двумя странами⁹. Пока что стороны лишь договорились (18 сентября 2015 г.) о создании «европейско-китайской экономической зоны», точнее китайского бизнес-парка, в окрестностях Пловдива, недалеко от автомагистрали «Фракия», связывающей Стамбул с Веней¹⁰.

За счет этого скромного логистического центра, Болгария отказывается от следующих более важных китайских предло-

жений. В первую очередь, болгарская сторона не дала согласия предоставить государственные гарантии для предложенного кредита на строительство трех инфраструктурных проектов: тоннеля под Шипкой в Балканских горах, связывающего Южную и Северную Болгарию; портов на Дунае и Черном море и гидроэнергетического узла Никополь – Турну – Мэгуреле на Дунае. Кроме того, на переговоры с китайским премьер-министром страна посылает не самых высокопоставленных лиц (как это делают другие восточноевропейские страны), а вице-премьеров. А на этих встречах, по существу, согласуются основные направления сотрудничества между КНР и странами Центральной и Восточной Европы¹¹. К тому же Болгария активизировала свои связи с соперниками Китая – Японией, Монголией и Вьетнамом. Так, президент Плевнелиев находился в Монголии и Южной Корее с официальным государственным визитом 10–15 мая 2015 г. в сопровождении представителей деловых кругов¹². А 4–5 июня 2015 г. в Болгарии с официальным визитом в сопровождении 80 бизнесменов побывал премьер-министр Социалистической республики Вьетнам Нгуен Тан Зунг¹³. Но если подобную политику можно объяснить тем фактом, что Болгария является слишком лояльным членом ЕС, что президент представляет партию ГЕРБ, которая входит в семью Европейской народной партии, имеющей большинство в Европейском парламенте и ЕК, то надо сказать, что такая осторожность наблюдалась и во время управления левого правительства БСП, когда премьер-министром был Жан Виденов (1995–1996). Тогда страна еще не была членом ЕС и НАТО, хотя определенные связи с этими двумя структурами уже существовали¹⁴.

Сам Виденов пытался проводить нейтральную политику и в отношении США, и в отношении России (в частности, «Газпрома»), из-за чего и был свергнут посредством болгарского «майдана». К тому же социалистическое правительство в 1995 г. отказалось от китайского предложения заключить договор о широком экономическом сотрудничестве. Причем взамен Пекин предлагал взять на себя безвозмездную защиту болгарской юго-восточной границы, границы с Турцией – одним из важнейших соседей Болгарии, напряженные отношения с которым объясняются наличием самых разных спор-

ных вопросов: миграционных, экономических, политических. И несмотря на то, что Китай не ставил условия, что он будет единственным гарантом суверенитета Болгарии, это предложение было отвергнуто¹⁵.

Чем вызвана такая осторожность, характерная и для левых, и для правых правительств, притом, что географически Болгария, как черноморское государство, – более подходящая остановка на Шелковом пути, нежели Венгрия? Очевидно, Болгария склонна следовать политике ЕС и придерживаться общеевропейской солидарности в отношении развития связей ЕС с третьими странами, даже рискуя быть обвиненной в том, что она является «пешкой в войне против России и Китая»¹⁶. Насколько оправдана подобная болгарская позиция? Для ответа на столь сложный вопрос обратимся к некоторым из уроков холодной войны, когда Болгария была частью другого блока – советского.

О чем свидетельствует исторический опыт Болгарии в ее отношениях с Китаем во время холодной войны?

Известно, что в 60-е годы XX в. Китай начал политику расширения своего идеологического и политического влияния. Пытаясь заполучить союзников в споре с СССР о признании Китая новым центром международного рабочего и коммунистического движения, он был особенно активен в Центральной и Восточной Европе. Причем наибольшего успеха подобная политика Китая достигла именно на Балканах, если исключить польский случай с Кажимежем Миялом¹⁷ и популярность маоизма среди левых западных интеллектуалов. Непосредственным союзником Китая стала Албания. Нередко в попытках добиться независимости от Кремля Пекин также поддерживали Румыния и Югославия, вопреки тому, что каждая из этих стран стремилась проводить собственную политику, а титовская Югославия, будучи одним из лидеров движения неприсоединения, часто выступала в качестве соперника Китая. Болгария, в отличие от них, в 60-е годы занимала антикитайскую позицию. Почему так получилось и, в конечном итоге, какие негативные или позитивные моменты несли эта позиция?

Во времена Сталина болгаро-китайское сотрудничество бурно развивалось и, в целом, следовало динамике отношений между СССР и Китаем. Но с возникновением идеологического конфликта сразу после смерти Сталина, болгарское руководство восприняло советскую позицию. Разрыв между Мао Цзэ-дуном и Н.С. Хрущевым происходил постепенно, и это дает некоторым историкам основания говорить о сохранении китайского влияния в Болгарии в конце 1950-х годов. Речь идет о политике «большого скачка», подобие которой проводилось и в Болгарии в 1958–1960 гг. Тодор Живков предлагал ЦК БКП политику «1а Мао» еще в октябре 1958 г., накануне возвращения в ноябре 1958 г. из поездки по Северной Корее, Монголии и северному Вьетнаму парламентской делегации, которую возглавлял вице-премьер и бывший руководитель БКП Вылко Червенков. Впоследствии Червенкова обвинят в том, что он увлекся китайской политикой «большого скачка». Инициатива болгарского «большого скачка», выразившаяся в движении за выполнение третьей пятилетки в три с половиной года была утверждена 11 ноября 1958 г. на пленуме ЦК БКП и развита на другом пленуме 16–17 января 1959 г. По сути дела, и Китай, и Болгария следовали советскому рецепту автократической индустриализации, но политические ярлыки о «китайском следе» были удобно повешены на Червенкова¹⁸. И если для Китая рецепт «опоры на собственные силы» мог работать, то для Болгарии дела обстояли по-другому.

Такой способ индустриализации в небольшой и бедной ресурсами Болгарии неизбежно порождал проблемы. Поэтому болгарское руководство инициировало политику сближения с СССР, намеченную декабрьским пленумом 1963 г., и получившую в историографии название «политика шестнадцатой республики». Она должна была опровергнуть китайские обвинения лета 1963 г. о том, что интеграция в рамках СЭВ, за которую выступал тогда Хрущев, выгодна исключительно СССР. За политической риторикой «всестороннего сближения между Болгарией и СССР до степени слияния» крылись полученные от СССР кредиты на сумму в 300 млн рублей на строительство предприятий машиностроения, в числе которых три завода, выпускавших электронику и пр. По этой причине в феврале 1964 г. на встрече с болгарским премьер-министром Станко

Тодоровым советский министр торговли Анастас Микоян назвал его «золотым» (то есть дорогостоящим). Но, по существу, Москва согласилась на это сотрудничество, потому что София использовала идеологический конфликт между СССР и Китаем. Болгария все время пыталась доказать, что сближением с СССР она подтверждает тезис Хрущева о бескорыстной помощи СССР странам восточного блока. До окончания периода социализма политика сближения, «политика шестнадцатой республики» останется основополагающей в болгаро-советских отношениях, и будет определять полную лояльность болгарского руководства ко всем инициативам СССР в восточном блоке, и не только в нем¹⁹.

Такой позиции Болгарии в 1960-е годы также способствовала политика Мао Цзэдуна, которая учитывала ее связи, равно как и связи остальных стран Восточного блока, с СССР, КПСС и лично с Хрущевым²⁰. Дифференцированный подход Китая к восточноевропейским странам предполагал, кроме прочего, и попытки вмешательства в их внутренние дела через поддержку просталинских настроений и сталинистских фракций в правящих партиях. В 1962–1963 гг. такие «антипартийные группы» в БКП были обнаружены в Софии, Пернике, Казанлыке, Ямболе и др. Члены этих групп обвинялись в том, что они поддерживали связи с посольством Албании и выражали прокитайские настроения. Вот почему с июля 1963 г. по март 1964 г. состоялось три пленума ЦК БКП, на которых обсуждались советско-китайские противоречия и подверглась резкой критике позиция Китая²¹. Ужесточение курса Софии было также вызвано информацией о том, что болгарские студенты в Пекине подвергаются идеологической обработке с позиций маоизма²². Реакция БКП отнюдь не была случайной или необоснованной.

Недавно открытые для исследователей китайские документы свидетельствуют, что во второй половине 1964 – начале 1965 г., то есть после свержения Хрущева, появилась директива Мао китайским посольствам, предполагавшая «разрыв с ревизионистским окружением» и создание независимой от Москвы коммунистической сферы влияния. Посольства должны были искать «здоровые ядра» в восточноевропейских партиях, способные добиться изменения политики и разрыва

с «хрущевцами». И Болгария оказалась единственной страной в ОВД, в которой не только нашли такое «ядро», но и в которой была предпринята попытка военного переворота по свержению «хрущевца» Живкова. Это так называемый заговор Горуня, раскрытый в марте 1965 г. и названный так по партизанскому псевдониму его руководителя Ивана Тодорова – члена ЦК БКП и заместителя министра обороны. Участниками заговора во главе с Горуней были 105 высших коммунистических деятелей, в том числе директор азиатского отдела в Министерстве иностранных дел и бывший посол в Пхеньяне Цоло Крыстев, начальник отдела МО генерал Любен Динев, начальник кабинета министра обороны полковник Иван Велчев и др. После этих разоблачений свыше 250 офицеров были уволены из болгарской армии, другие 192 члена БКП в качестве наказания были исключены из партии²³. Еще одна попытка свержения лидера в восточном блоке, однако не военным путем, была осуществлена частью руководителей Монгольской народно-революционной партии на пленуме 21 декабря 1964 г.²⁴

Вопреки этой неудаче, после объявления в КНР культурной революции в 1966 г., Болгария продолжала оставаться в числе приоритетных восточноевропейских стран, в которых, по мнению Мао, было необходимо поощрять «революционные фракции». В противостоянии этому курсу ЦК БКП предпринял свои меры. Так, на закрытом пленарном заседании ЦК БКП 23 марта 1967 г. «подрывным действиям китайских раскольников против НРБ» было уделено особое внимание. Председатель Госбезопасности Ангел Солаков огласил данные о группах заговорщиков, планировавших создание маоистских организаций в Пернике и Ямболе, о разоблачении 25 лиц вступивших в конспиративную связь с китайскими и албанскими дипломатами; о фракционных собраниях около 200 греческих политэмигрантов. В результате многие греческие эмигранты и партизанские командиры, а также семь албанских дипломатов были экстрадированы²⁵.

Без сомнений, эта политика Китая касалась непосредственно Тодора Живкова как руководителя государства и партии. Поэтому в период 1966–1976 гг. в Болгарии не только проводилась активная антикитайская пропаганда, но также последовательно соблюдалась линия на сближение с СССР. 12 мая

1967 г. был обновлен двадцатилетний договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между НРБ и СССР. Между партийными руководителями Живковым и Брежневым установились особо теплые отношения. В 1973 г. прошли два пленума, на которых были заложены новые направления в политике «сближения и в перспективе слияния» двух стран. Живков поддерживал позицию Советского Союза и в отношении чехословацкого кризиса 1968 г. Несмотря на то, что все это являлось проявлением «доктрины ограниченного суверенитета» (называемой также «доктриной Брежнева») позиция Болгарии обеспечивала ей дешевое советское энергосырье и советские рынки, на которые отправлялись уже не только сельскохозяйственные товары, но и машины. Вместе с тем, внешнеполитическая и идеологическая верность СССР позволяла Болгарии развивать экономические связи с ведущими странами и добиться в 70-е годы доступа к высоким технологиям и научно-техническим достижениям²⁶. Таким образом, благодаря сближению с СССР Болгарии удалось провести успешную индустриализацию и модернизацию страны.

В этот период, несмотря на серьезное охлаждение, болгаро-китайские отношения не прерывались. Но они в основном были нацелены на экономическое сотрудничество. Периодически, и в 1957, и в 1962, и в 1975 г. подписывались двусторонние соглашения о торговле и платежах. Несмотря на то, что идеологические нападки с обеих сторон продолжались, в 1978 г. товарооборот между двумя странами достиг 100 млн швейцарских франков, в сравнении с 60 млн швейцарских франков в 1975 г.²⁷ Но основной товарооборот страны – свыше 50% – все же приходился на СССР. Между двумя странами развивалось экономическое и научно-техническое сотрудничество, что нашло выражение в подписании 15 сентября 1979 г. «Генеральной схемы по специализации и кооперированию между Болгарией и СССР в отраслях материального производства до 1990 г.». Достигнутое соглашение также предполагало инвестирование в болгарскую экономику 1 млрд переводных рублей²⁸.

Как же развивались тем временем отношения между Албанией и Китаем? После того, как СССР отказал Албании в очередной кредитной инъекции, пытаясь заставить ее отказаться

от форсированной индустриализации, Тирана в обозначившемся споре между КПСС и КПК начала ориентироваться на Китай. Этому способствовал и «случай Лири Белишовой»²⁹. Разглашение Советским Союзом информации о том, что Лири Белишова уведомила советского поверенного в делах в Пекине о китайской критике советской политики мирного сосуществования и концепции мирного перехода к социализму, привело к расправе над ней в 1960 г. Энвер Ходжа воспринял доверие к Белишовой как сигнал, что СССР может поставить ее на его место³⁰. После этого случая Албания была готова разорвать отношения с Кремлем, поскольку стало ясно, что она не получит инвестиций и военной помощи от СССР. Со своей стороны, Хрущев также предпринял непродуманный до конца шаг – в марте 1961 г. вышло постановление ПБ ЦК КПСС о ликвидации военно-морской базы ОВД во Влёре, что заставило Тирану почувствовать себя незащищенной.

А в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС Хрущев нетактично и грубо высказался об Албанской партии труда. Не остался в долгу и Ходжа. Таким образом, в декабре 1961 г. дело дошло до разрыва дипломатических отношений между двумя государствами³¹. Албания была исключена из СЭВ, другие социалистические страны также отказали ей в кредитах, которые были заложены в пятилетний план развития албанской экономики. Ввиду всего этого Албания всецело попала под влияние Китая. Тирана обратилась к Пекину и за кредитами, и за военной помощью, формально объявляя, что поддерживает его идеологию строительства социализма с опорой на собственные силы. Отношения развивались по нарастающей. Лишь однажды, в связи с событиями в Чехословакии 1968 г., когда Мао попытался внушить своим албанским союзникам мысль о возможности формирования антисоветского пакта между Албанией, Югославией, Румынией и Китаем, Ходжа не согласился с участием в нем титовской Югославии и проект не осуществился³².

Независимо от этих небольших трений, Китай оказывал Албании помощь в индустриализации, но в то же время активно использовал ее в качестве «двери» в Европу и даже в Латинскую Америку и в ООН. Дело в том, что до 1971 г. в Совете Безопасности состояла не КНР, а Тайвань. Поэтому через Албанию в ООН озвучивалась, в сущности, позиция КПК. Албанская дип-

ломатия активно распространяла маоизм среди восточноевропейских стран. А в 30-ти км к западу от Тираны «Радио-Пекин» вещает за рубежом и в настоящее время³³.

Однако Китай не заключал с Албанией политического договора, оправдываясь как идеологическими постулатами о защите национального суверенитета от «советского социал-империализма», так и тем фактом, что страны находились слишком далеко друг от друга и не имели общей границы. Разумеется, в Пекине заявляли, что в случае нападения на Албанию китайские военно-морские силы придут ей на помощь. Но когда началось сближение между Китаем и его идеологическим врагом – США, албанского союзника никто не спрашивал и не предупреждал. На протест Албании, что партия-союзник не была уведомлена о визите государственного секретаря США Генри Киссинджера в 1971 г. в Пекин, КПК в ответ не направил делегацию на VI съезд Албанской партии труда в том же году. Напрасно албанские руководители выражали протесты – Китай ответил отказом на просьбы о поставках военной помощи и поддержке индустриализации Албании. В 1972 г. произошел знаменитый визит американского президента Ричарда Никсона в Китай, в 1978 г. были установлены дипломатические отношения между КНР и США³⁴. После открытия миру и особенно США, Китаю уже не нужна была Албания как «дверь» в Европу. Отношения между двумя странами были заморожены. Посольства все еще функционировали, но чисто формально. Так завершился «краткосрочный союз» между Албанией и Китаем³⁵. Торгово-экономические отношения с Китаем были реанимированы лишь в 1983 г.³⁶.

Перемены в советско-китайских отношениях, которые позволили Пекину активизировать свою политику в отношении восточноевропейских стран, начались после смерти Л.И. Брежнева. В 1983 г. китайское руководство вновь выступило с тезисом, что отношения с восточноевропейскими странами являются отношениями с социалистическими странами³⁷. Болгарские дипломаты и эксперты из Института современных социальных теорий Академии общественных наук при ЦК БКП своевременно обратили внимание на интерес и изменения в отношении китайцев к Болгарии и Восточной Европе. Тодор Живков стал одним из посредников между Пекином

и Кремлем, опираясь на осторожную политику Дэн Сяопина, направленную на постепенное восстановление отношений между Китаем и СССР³⁸.

В мае 1987 г. Живков находился с официальным визитом в Пекине. Он без промедлений информировал Москву о своих встречах и переговорах там³⁹. В том же 1987 г. с визитом в Китай отправились Войцех Ярузельский и Эрих Хонеккер. Эта активность восточноевропейских коллег производила благоприятное впечатление на советского лидера М.С. Горбачева, который объявил на заседании Политического консультативного комитета Варшавского договора в Берлине в мае 1987 г., что «сегодня Китай стал нам ближе», но, не удержавшись, иронизировал: «Хорошо, что мы не соревнуемся у кого лучше связи с Китаем»⁴⁰. Оттепель была налицо: китайцы нуждались именно в восточноевропейских странах, в том числе в Болгарии, как в качестве посредников для связей с Кремлем, так и в качестве самостоятельных партнеров. Поэтому Горбачеву приходилось признать, хотя и без особого удовольствия, что роль восточноевропейских стран, в том числе Болгарии, важна для Кремля, особенно до тех пор, пока не установились прямые связи между КНР и СССР. Начало было положено в феврале 1989 г. в ходе визита в Пекин советского министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, который подготовил исторический визит Горбачева в КНР 15–18 мая 1989 г. В рамках этого визита 16 мая состоялась встреча Дэн Сяопина и М.С. Горбачева. На ней, вопреки традиционной осторожности, оба лидера пришли к общему мнению, что необходимо забыть прошлое и что открываются возможности для новых отношений между двумя странами⁴¹.

По мере развития политического диалога с Восточной Европой, Китай проявлял большую заинтересованность в расширении контактов с отдельными государствами региона. В Пекине интересовались проведением реформ социалистической экономики в восточноевропейских странах, особенно в Польше и Венгрии. В то же время для Болгарии не осталось тайной стремление Китая к расширению экономического и политического влияния среди стран советского блока. И она была готова к этому, продолжая придерживаться политики всесторонней дружбы с СССР. София пыталась найти свое место в отношениях между КНР и восточноевропейскими странами.

Еще в 1986 г. были подписаны Записка о развитии научно-технического сотрудничества между НРБ и КНР, Соглашение о сотрудничестве в области высшего образования, а также Протокол о товарообороте и платежах. В июне 1987 г. Болгарию, как и другие страны восточного блока, (Польшу, Венгрию и Чехословакию) посетил исполняющий обязанности генерального секретаря ЦК КПК и председатель Государственного совета КНР Чжао Цзяян. В результате этого визита в Болгарии были подписаны соглашения о безвизовом режиме и облегчении поездок граждан двух стран, соглашение о радиотелевизионном сотрудничестве, была достигнута договоренность об увеличении товарооборота между двумя странами, который тогда составлял 90 млн долларов, причем болгарским внешнеэкономическим организациям разрешалось заключать бартерные сделки напрямую с организациями и ведомствами провинций Китая⁴².

В итоге Болгарии, которая придерживалась политики стран советского блока и политики сближения с СССР, удалось извлечь больше пользы из контактов с КНР времен Дэн Сяопина, чем Албании. Оставленная Китаем, она самоизолировалась и не могла теперь стать «мостом» не только к Восточной Европе, но даже и на Балканах.

В заключение напрашивается вывод, что отношение Болгарии к китайской стратегии «16 плюс 1» в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, очевидно, слишком уклончиво и ведет к самоустранению страны от крупных китайских предложений об инвестициях. Эта позиция основывается на лояльности болгарской политической элиты к политике ЕС и линии Брюсселя. Исторический опыт контактов между Болгарией и Китаем, в сравнении с отношениями между Албанией и Китаем во времена холодной войны показывает, что следование блоковой политике – в традициях болгарской элиты. История также свидетельствует о том, что, вопреки нынешним сложностям, в долгосрочной перспективе такая позиция может оказаться более выигрышной в отношениях с Китаем, обеспечивая Болгарии возможность играть роль посредника между Пекином и Брюсселем. Но только от будущих болгарских лидеров будет зависеть, сумеют ли они воспользоваться подобной позицией при новой активизации Китая в рамках стратегии «16 плюс 1».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Александров П.* Новите пътища на коприната: китайската икономическа експанзия в Евразия // *Геополитика*. 2015. № 2. С. 124–129. Текст доступен по адресу: www.geopolitica.eu/spisanie-geopolitika-broi-2-2015/1759-novite-patishta-na-koprinata-kitayskata-ikononicheska-ekspanziya-v-evraziya, (здесь и далее дата последнего посещения 1 XI 2015); *Виноградов А.* Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая. – Текст доступен по адресу: www.odnako.org/almanac/material/evropa-i-rossiya-v-globalnom-protivostoyanii-ssha-i-kitaya; *Лонг Джинг.* Сътрудничество между Китай и страните от ЦИЕ: характеристики, значение и перспективи. Текст доступен по адресу: www.diplomacy.bg/archives/1438?lang=B; *Бъкли Н.* Китай настъпва в ЕС през Източна Европа, в. *Файненшъл таймс*, предава БТА на 24 май 2012 г. Текст доступен по адресу: www.e-vestnik.bg/14743.

² *Бъкли Н.* Китай.

³ Стратегия «16 плюс 1» допълняється особыми отношениями Китая с такими постсоветскими республиками, как Беларусь, Молдова и Украина. Текст доступен по адресу: www.odnako.org/almanac/material/evropa-i-rossiya-v-globalnom-protivostoyanii-ssha-i-kitaya; <http://diplomacy.bg/archives/1438?lang=BG>.

⁴ Текст доступен по адресу: www.ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/docs/schengen_brochure/schengen_brochure_dr3111126_bg.pdf.

⁵ *Кантарджиев В.* Китайската стратегия в Големия Черноморски регион // *Геополитика*. 2015. № 2. С. 121.

⁶ *Катранджиев В.* Китайската стратегия. С. 127; *Джинг Лонг.* Сътрудничество.

⁷ Текст доступен по адресу: www.vz.ru/economy/2015/6/12/750452.html.

⁸ Текст доступен по адресу: www.bulgarian.cri.cn/1041/2015/05/08/1s145874.htm.

⁹ *Тиен М.* Състояние и перспективи за развитие на българо-китайските отношения // *Геополитика*. 2005. № 2. С. 130–137; *Катранджиев В.* Китайската стратегия. С. 124.

¹⁰ Текст доступен по адресу: www.agroplovdiv.bg/40797/създават-евро-китайска-зона-върху-2700-дк/.

¹¹ *Тиен М.* Състояние. С. 130–137; *Катранджиев В.* Китайската стратегия. С. 124.

¹² Текст доступен по адресу: www.dnevnik.bg/bulgaria/2015/05/10/2529085_plevneliev_zaminava_na_poseshenie_v_mongoliia_i_jujna/

¹³ Текст доступен по адресу: www.kanal3.bg/news/bulgaria/economy/8595-Premierat-na-Vietnam-idva-u-nas-s-80-biznesmeni.

¹⁴ България приняла участие в программе НАТО «Партнерство ради мира» после заключения рамочного договора в феврале 1994 г.,

а также подписала в 1993 г. Европейское соглашение об ассоциации, которое вступило в силу 1 февраля 1995 г.

¹⁵ *Попов Хр.* Синдром или орис на губеща страна? // Ново време. 2015. № 3 (март 2015). С. 13.

¹⁶ *Чуков Б.* България – пешка в хибридна война срещу Русия и Китай. Текст доступен по адресу: www.a-specto.bg/bulgaria-russia-china-hybrid-war/.

¹⁷ Он более известен под своим китайским именем Юн Ли. Был лидером сталинистской группы «Натолинская фракция» в ПОРП. Создал в Албании в 1966 г. маленькую польскую эмигрантскую промаонистскую группу под названием «Польская коммунистическая партия». Пользовался полной поддержкой Мао Цзэдуна. Юн Ли вернулся в Польшу в 1983 г., а в 1997 г. создал новую Польскую коммунистическую партию. См.: *Баев Й.* Другата Студена война. Съветско-китайският конфликт и Източна Европа. София, 2012. С. 162.

¹⁸ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 83; *Мигев В.* Отражението в България на политиката на Китайската комунистическа партия за «Големя скок» (1958–1960) // Минало. 2012. № 1. С. 75–79; *Марчева И.* Т. Живков пътя към властта. Политика и икономика в България 1953–1964. София, [2000]. С. 193–200.

¹⁹ *Марчева И.* Т. Живков. С. 243–260. Об историографических дискуссиях о политике сближения между НРБ и СССР подробнее см.: *Калинова Е.* Интеграционни процеси в Източния блок в началото на 60-те години (исторически и историографски аспекти) // Интеграционните процеси през 60-те години на XX век / Под ред. И. Баева. София, 2013. С. 10–29; *Волокитина Т.* Тодор Живков: «...народна република България ще стане единно цяло със Съветския съюз...» (За план а за превръщане на страната в «16 република» на СССР) // Интеграционните процеси. С. 48–78.

²⁰ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 123; *Lalaj A.* China: The last ally of communist Albania. New insights from Albanian Archives // New Sources New findings: The relationships between China, the Soviet Union and Easter Europe. Beijing, 2014. P. 325–328.

²¹ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 123.

²² Там же. С. 124.

²³ Централен държавен архив. Ф. 1Б. Оп. 34 А.е. 6. Л. 1–90.

²⁴ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 131.

²⁵ Там же. С. 164–165.

²⁶ *Калинова Е.* Социалистическата интеграция през 70-те години на XX век и поредният опит на България за «сближаване» със СССР // Интеграционните процеси. С. 42–70.

²⁷ *Огнянов Л.* Дипломатия на съвременна България. Шумен, 2006. С. 207–208.

²⁸ История на българите от Освобождението (1878 г.) до края на Студената война (1989 г.) / Под ред. Г. Марков. София, 2009. С. 532.

²⁹ Лири Белишова – известный деятель Албанской партии труда в 1944–1960 гг. Участвовала в движении Сопротивления, а после победы в 1945–1947 гг. была избрана председателем Албанской молодежной организации. В 1948–1960 гг. была членом ПБ ЦК Албанской партии труда, в 1950–1960 гг. – членом Президиума Национального собрания Албании. После скандала в Пекине Л. Белишова осуждена за просоветские позиции, исключена из партии и находилась в ссылке до 1991 г., когда ей разрешили вернуться в Тирану. Тексты доступны по адресу: www.en.wikipedia.org/wiki/Liri_Belishova; www.dic.academic.ru/dic.nsf/sie/1871/БЕЛИШОВА.

³⁰ *Lalaj A.* China. P. 325–341, 328.

³¹ Кризис советско-албанских отношений в 1960–1961 гг. // Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней. Текст доступен по адресу: www.admw.ru/books/Pod-redaktsiey-G-L--Arsha_Kratkaya-istoriya-Albanii--S-drevneyshikh-vremen-do-nashikh-dney/82.

³² *Баев Й.* Другата Студена война. С. 169.

³³ *Lalaj A.* China. P. 339.

³⁴ *Стефанов Н., Колева А.* Китай. Социално-икономическо развитие от древността до наши дни. София, 2015. С. 210–212.

³⁵ *Lalaj A.* China. P. 340–341.

³⁶ Централно-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 2. От стабилизации к кризису, 1966–1989. М., 2002. С. 373.

³⁷ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 236.

³⁸ Там же. С. 240.

³⁹ *Кандиларов Е.* Тодор Живков: между перестройката на Горбачов и реформите на Дън Сяопин? // Социални идеи, движения и политика. София, 2014. С. 552–554.

⁴⁰ *Баев Й.* Другата Студена война. С. 243.

⁴¹ Там же. С. 263.

⁴² Там же. С. 260–261; *Кандиларов Е.* Тодор Живков. С. 554–559; *Огнянов Л.* Дипломатия. С. 208–209.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.С. Стыкалин

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ 1955–1956 гг. И РОСПУСК КОМИНФОРМА

Созданное в сентябре 1947 г. для «обмена опытом и координации деятельности компартий на основе взаимного согласия» Информационное бюро коммунистических и рабочих партий стало механизмом централизации мирового коммунистического движения и инструментом идейно-политического руководства деятельностью компартий со стороны Москвы, переняв в этом смысле функции распущенного в 1943 г. Коминтерна. Известно, что именно Коминформ стал главным орудием осуществления массовой антиюгославской кампании, предпринятой в 1948–1949 гг.¹ Но убедившись в ее неудаче, Сталин довольно быстро утратил интерес к этой организации, попытавшись (по совету Пальмиро Тольятти) активнее использовать в интересах советской внешней политики всемирное движение сторонников мира². После 1949 г. большие совещания Коминформа не проводились, после ноября 1950 г. не состоялось ни одного заседания Секретариата Информбюро. К 1953 г. роль структур Коминформа по сути сводится до выполнения функций одного из каналов передачи в Москву информации о происходящем в других компартиях.

После смерти Сталина с инициативой оживить деятельность Коминформа – ссылаясь на мнение представителей других партий – выступил академик М.Б. Митин, шеф-редактор газеты Информбюро «За прочный мир, за народную демократию»³. Но этой инициативе не дали ходу. Очевидно, в руководстве КПСС не было ясности относительно места Коминформа во внешнеполитическом инструментарии СССР. Осознавались и структурные изъяны Информбюро, в том чис-

ле ограниченный состав его участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира – Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии (установка на примирение с которым проявилась в политике КПСС начиная с 1954 г.⁴) не входили в Коминформ, что блокировало возможности использовать эту структуру при проведении линии КПСС на приоритетных внешнеполитических направлениях. В условиях некоторого ослабления межблоковой напряженности западные наблюдатели, видя малую результативность Коминформа, не только высказывали предположения относительно скорого роспуска Москвой этого координирующего центра, сильно раздражавшего самим своим существованием общественное мнение на Западе (особенно в свете шумных разоблачительных судебных процессов по «делу Райка» 1949 г.⁵ и т. д.). Они даже зондировали почву на этот счет. Так, 16 октября 1954 г. председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову, принимавшему (в присутствии не менее влиятельного министра иностранных дел В.М. Молотова) делегацию британских парламентариев-лейбористов, был задан прямой вопрос: какое значение для советской внешней политики имеют связи КПСС с другими компартиями, осуществляемые через Коминформ. «Если эти связи, – отмечалось далее, – не имеют большого значения, то нельзя ли было бы ликвидировать Коминформ и тем самым устранить одну из основных причин для трений между СССР и западными государствами»⁶. Всего за две-три недели до этого, в условиях набиравшей ход нормализации советско-югославских отношений, было принято решение о ликвидации коминформовских структур, выступавших в качестве рупоров антититовской пропаганды. Союз югославских патриотов за освобождение народов Югославии, еще ранее сокративший свою деятельность, в конце сентября 1954 г. был упразднен. Прекратила работу и радиостанция «Свободная Югославия». На фоне этих событий Маленков в разговоре с англичанами не был склонен преувеличивать значение Информбюро для советской политики и сравнивать его в этом плане с Коминтерном. Он указал в то же время на возможность использования этой структуры (по его версии, исключительно канала межпартийных связей) в интересах дела мира. «В этот вопрос, – говорил он, – надо

внести ясность и указать, что Информационное бюро, которое на Западе называют Коминформом, – это не то же самое, что Коминтерн. Информационное бюро существует для поддержания связей между некоторыми коммунистическими партиями Европы. Такие же связи существуют, например, между социалистическими партиями различных стран, что нам представляется вполне естественным. Кроме того, следует сказать, что деятельность Информационного бюро и связи между компартиями направлены на то, чтобы содействовать обеспечению мира в Европе. Существование Информационного бюро – это дело коммунистических партий, и Советское правительство, как известно, не является членом Информационного бюро»⁷.

В мае 1955 г. шла полным ходом подготовка визита в Югославию советской делегации во главе с Н.С. Хрущевым, призванного стать прорывом в деле налаживания отношений двух режимов. За три дня до отлета делегации в Белград, 23 мая, Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму в адрес Центральных Комитетов партий-членов Информбюро⁸. В ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (ноябрь 1949 г.), принятую в условиях, когда «стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападок». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии с доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на злонамеренные действия Бери и Абакумова и их агентуры. Что касается резолюции Второго совещания Информбюро (июнь 1948 г.) о положении в Коммунистической партии Югославии⁹, то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. Хотя критика в ней КПЮ по ряду принципиальных вопросов была признана в целом справедливой и допустимой в отношениях между компартиями, вместе с тем признавалось, что в резолюции содержались также необоснованные обвинения и неприемлемый призыв к смене руководства КПЮ, что выходило за пределы компетенции Информбюро – об этом предполагалось самокритично заявить югославам в ходе переговоров. Таким образом, руководство КПСС не только инициировало отмену одной из ключевых резолюций Коминформа, но уточняло функции Информбюро, круг его компетенции. Для советских

лидеров, конечно, не было секретом отрицательное отношение руководства СКЮ к Коминформу вследствие его роли в массовой антиюгославской кампании. Отчасти в силу этого вопросы, связанные с его деятельностью, на переговорах с югославами старались не затрагивать¹⁰.

Для Хрущева сверхзадачей поездки в Белград было возвращение Югославии в советскую сферу влияния, чего достичь в ходе переговоров явно не удалось. Используя «югославский фактор» для нанесения на следующем пленуме ЦК удара по своему влиятельному конкуренту Молотову, считавшему целесообразным ограничиться восстановлением с «ревизионистской» Югославией нормальных межгосударственных отношений «как с обычным капиталистическим государством», первый секретарь ЦК КПСС, однако, вскоре и сам вынужден был признать нерешенность задачи-максимум. В документе ЦК КПСС (январь 1956 г.), отмечалось, что хотя и происходит (не без шероховатостей) «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем», вместе с тем «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии»; до установления между двумя партиями прочного единства взглядов на принципах марксизма-ленинизма, «надо прямо сказать, еще далеко»¹¹.

Одно из разногласий касалось отношения руководства СКЮ к тем методам сотрудничества компартий, которые предполагали наличие идеологического и организационного центра в мировом коммунистическом движении (а именно в этом качестве в Белграде продолжал восприниматься Коминформ). При всех дежурных оговорках о необходимости взаимного обмена опытом стран, строящих социализм, критика коминформовской практики неравноправия и навязывания одной партией своего мнения другим партиям присутствовала в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. по вопросам межпартийных отношений¹². Вопрос о нецелесообразности дальнейшего существования Коминформа как скомпрометировавшего себя неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики, препятствующего доверительным отношениям между странами, то и дело поднимался с югославской стороны в ходе бесед на разных уровнях¹³. А осенью 1955 г. в Москве обратили внимание на программную статью,

которую опубликовал в еженедельном издании СКЮ «Коммунист» (№ 6–7) видный деятель партии Велько Влахович. Решение о роспуске Коминтерна в 1943 г., писал он, было совершенно правильным, однако наметившиеся позитивные тенденции в развитии коммунистического движения были прерваны созданием Коминформа, пытавшегося навязать компартиям те же порочные методы централизации. По мнению Влаховича (в годы войны представителя КПЮ в структурах Коминтерна), деятельность Коминформа показала всю нелогичность оживления изживших себя форм сотрудничества, неадекватных современной ситуации. Функционер СКЮ при этом не преминул отметить «противоречащий любым коминформовским шаблонам» югославский опыт сотрудничества с самым широким спектром сил, выступающих за социализм¹⁴.

Первым дружественным СССР некоммунистическим зарубежным лидером, который, хотя и в деликатной форме, но довольно откровенно поставил перед Москвой вопрос о целесообразности дальнейшего существования Коминформа, был премьер-министр Индии Джавахарлал Неру – это произошло при посещении Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным Индии в декабре 1955 г. Индийские коммунисты, говорил он, как, очевидно, и коммунисты других стран, до сих пор руководствуются в политике импульсами, идущими извне, рассматривая в качестве директив для себя статьи в газете «За прочный мир, за народную демократию». Полемизируя с Неру¹⁵, руководители КПСС все же восприняли его позицию серьезно, увидев в ней настороженное отношение к Коминформу не просто лидера большой азиатской страны, но и одного из инициаторов фактически начавшего формироваться после Бандунгской конференции (апрель 1955 г.) движения неприсоединения, воспринимавшегося в Москве как стратегический союзник в борьбе с империализмом. Именно Неру призвал их задуматься над недостаточной эффективностью работы с идейно близкими партиями: «Видно мы работаем аляповато», – заметил в этой связи Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 22 декабря¹⁶. С этих пор внимание Москвы было в большей мере приковано к проблеме улучшения деятельности Коминформа.

Осознавая его несовершенство, а значит и неизбежность реорганизации, Хрущев в первое время считал, однако, явно

несвоевременной публичную постановку вопроса об упразднении этой структуры, воспринимая это как уступку тем силам в мире, которым не по душе «международная солидарность рабочего класса». Показательно, что он весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа. Повод для резких высказываний дали западные журналисты, которые на пресс-конференции в Дели 14 декабря прямо задали соответствующий вопрос. Согласно Хрущеву, вопрос о формах обмена опытом между компартиями не дает спокойно спать лишь тем, кто «хотел бы сохранить навечно старую, отжившую свой век систему эксплуатации человека человеком». «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации “Коминформа”, не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала», не говоря уже о «международных монополистических объединениях», когда капиталисты «регулярно встречаются для того, чтобы сообща вершить свои дела», тогда как рабочему классу они хотели бы отказать в праве на международное сотрудничество – вопрошал он иностранных журналистов¹⁷. Через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г. Хрущев вновь вернулся к проблеме Коминформа, затронув ее в контексте ответа на вопрос: кто укрепляет «дух Женевы»¹⁸ и кто подрывает его? Пафос довольно пространного и эмоционального выступления советского лидера опять-таки заключался в том, что вопрос о дальнейшем существовании Информбюро – это внутреннее дело компартий, не зависящее от воли тех, кому не по душе международная солидарность трудящихся, говорить же о предстоящем его роспуске нет никаких оснований¹⁹. Эта позиция нашла отражение и в передовой статье журнала «Коммунист», где речь шла о значении Информбюро как формы общения и сотрудничества компартий²⁰. Вопрос же о разногласиях с СКЮ там, где дело касалось существующих форм сотрудничества компартий, был затронут 31 декабря на последнем в 1955 г. заседании Президиума ЦК КПСС²¹, что нашло отражение и в утвержденном на этом заседании информационном документе для дру-

гих партий «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»²².

Весьма однозначно выраженная Н.С. Хрущевым позиция в течение считанных недель, однако, претерпела эволюцию. К началу XX съезда КПСС в советском руководстве возобладала точка зрения о необходимости коренной реорганизации Коминформа, совсем не отвечавшего в новых условиях своим задачам, а в дни съезда уже был поставлен в конкретную плоскость вопрос о ликвидации этой структуры. Учитывая декабрьские высказывания Хрущева, ясно, что подвижки произошли после долгих колебаний.

30 января при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта отчетного доклада ЦК XX съезду КПСС вопрос об Информбюро, судя по записям, не поднимался²³. Очевидно, вопреки недавним шумным хрущевским декларациям в Москве на самом деле уже не придавали большого значения этой структуре. Соответственно и в отчетном докладе, зачитанном в день открытия съезда, 14 февраля, эта тема фактически была обойдена стороной²⁴.

Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев впервые со всей определенностью заговорил о перспективах ликвидации Коминформа 22 февраля 1956 г. В этот день при обсуждении вопросов, связанных с проведением рабочего совещания представителей компартий, приглашенных в Москву на XX съезд КПСС, он обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ»²⁵. В представленной записке зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б.Н. Пономарева от 7 февраля²⁶ отмечалось, что, несмотря на существование Информбюро, «между собой зарубежные компартии связаны мало и плохо взаимно информированы о своей деятельности», их представители то и дело поднимают вопрос о неэффективности Информбюро и его слабом политическом весе, ряд партий обращался с просьбой о включении в эту организацию. Особенно большое значение в Москве придавали мнению компартии Китая (КПК). Было решено в предварительном порядке выяснить отношение ее представителей к возможному подключению КПК к работе Коминформбюро, а затем в ходе встреч с зарубежными коммунистами узнать их мнение

о созыве нового совещания Информбюро, определив его повестку дня. Витала в воздухе идея создания международного теоретического журнала компартий. В записке Пономарева предлагалось также включить в повестку дня следующего совещания (наряду с вопросом о расширении состава Информбюро) вопрос о расширении контактов и сотрудничества с социалистическими и социал-демократическими партиями (ввиду наметившейся в ряде соцпартий тенденцией активизировать связи с компартиями, правда, в первую очередь с СКЮ). Предлагалось также усилить контакты между компартиями на региональном уровне (в Азии, Латинской Америке, Скандинавских странах и т. д.).

Уже в дни съезда в ЦК КПСС поступило письмо П. Тольятти²⁷. Наиболее влиятельный деятель западного коммунистического движения не хотел подвергать сомнению пока еще публично не пересмотренную позицию КПСС о перспективах Информбюро, однако указал на слабое выполнение им главной своей функции (обмена опытом), требовавшее коренной реорганизации всей деятельности этой структуры²⁸.

22 февраля на заседании Президиума ЦК КПСС говорилось о возможной трансформации Информбюро в «бюро контактов коммунистических и рабочих партий стран, строящих социализм» (без входивших в Информбюро итальянской и французской компартий, перед которыми стояли иные задачи), создании ряда других региональных объединений компартий и усилении посреднической роли КПСС в поддержании контактов между этими объединениями. Никто из членов советского руководства не высказался за сохранение прежней структуры в неизменном виде, а Хрущев именно в ходе этого обсуждения и обозначил свою новую позицию – о ликвидации Коминформа. В то же время М.А. Суслов, курировавший в Президиуме ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического движения, узрел недостаток идеи множества «коминформов» в том, что компартии соцстран Европы, замкнувшись на себя, утратят влияние на компартии стран, еще не приступивших к строительству социализма.

Записи рабочего совещания представителей компартий, состоявшегося в дни XX съезда, пока не стали достоянием исследователей. Можно сделать предположение, что идея реги-

ональных «коминформов» не получила поддержки, а потому была быстро отброшена; судя по запискам, готовившимся для Президиума ЦК, оставалось в силе до конца марта лишь предложение о создании Бюро компартий стран, строящих социализм²⁹. 17 марта М.А. Суслов и Б.Н. Пономарев представили в ЦК КПСС проекты Информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро и письма ЦК КПСС лидерам партий-членов Информбюро. Существование этих документов свидетельствует о том, что уже к этому времени, с учетом результатов встреч с зарубежными коммунистами, состоявшихся в дни съезда и позже, вопрос об упразднении Коминформа был фактически решен, оставался открытым лишь другой вопрос – о формах взаимодействия и сотрудничества, которые придут ему на смену. Судя по записи заседания Президиума ЦК КПСС от 28 марта, советских лидеров в это время более всего занимал вопрос о том, в какой форме лучше обнародовать сообщение о ликвидации Информбюро и в какие сроки это сделать (Хрущев предлагал не затягивать дело)³⁰.

Информационные письма зарубежным коммунистам и записки заседаний Президиума ЦК составляют круг источников, по которым можно судить как о мотивах роспуска Коминформа, так и о причинах форсирования событий. Несомненно, в Москве заботились об улучшении отношений с европейской социал-демократией, которая довольно скептически восприняла отчетный доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС и прозвучавшие в нем положения о многообразии путей к социализму, возможностях мирного перехода к социализму и т. п.³¹ В «Правде» в те недели была опубликована программная статья Б.Н. Пономарева с предложением возродить традиции сотрудничества коммунистов и социал-демократов в рамках народных фронтов³². Хотя она и не нашла большого отклика в мире, в ЦК КПСС продолжали считать актуальными задачи активизации связей с европейской социал-демократией. 28 апреля – 14 мая СССР посетила делегация Французской социалистической партии. Во время поездок в Великобританию в марте – апреле 1956 г. сначала зампреда Совмина СССР Г.М. Маленкова, а затем Н.С. Хрущева и председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина имели место контакты с лейбористами, которые, хотя

и не обошлись без скандала (к большому неудовольствию советских лидеров, им был передан список социал-демократов стран советского блока, до сих пор находившихся в заключении), но все же не перечеркнули установок Кремля на сближение с социал-демократией.

Говоря о мотивах роспуска Коминформа, надо иметь в виду, что считалась актуальной и задача улучшения имиджа СССР в Азии и на арабском Востоке: активизация советской политики на этом направлении была связана со стремлением использовать формирующееся движение неприсоединения в качестве союзника. Роспуск Коминформа должен был стать сигналом антиколониальным движениям о том, что Москва будет выстраивать отношения с ними не на основе проведения своей линии через маргинальную силу – компартии, строго подчиненные единому центру (именно от этого предостерегал Хрущев Неру).

Учитывая особую роль Коминформа в антиюгославской кампании рубежа 1940–1950-х годов и негативное отношение к нему югославских коммунистов, можно предполагать, что главным мотивом его форсированного роспуска стало всё же стремление КПСС сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в условиях, когда в Москве считалась приоритетной задача налаживания межпартийных связей³³. В преддверии намеченной на июнь новой встречи с югославским лидером Й. Брозом Тито, от которой ждали более решительного прорыва в сближении двух стран, руководство КПСС попыталось устранить едва ли не самое существенное препятствие к этому. В Белграде позитивно отреагировали на риторику XX съезда не только в части разоблачения Сталина, но и там, где дело касалось декларирования многообразия путей к социализму, сотрудничества с социал-демократами, провозглашения принципа мирного сосуществования³⁴. Но от Москвы ждали следующего шага – упразднения централизующего механизма, навязывающего всем компартиям общую волю³⁵. Роспуск Коминформа, считали в Белграде, явился бы пробным камнем подлинной готовности КПСС встать на путь обновления.

Все вышеназванные мотивы роспуска Информбюро не должны, однако, заслонять существенного обстоятельства: к середине 1950-х годов эта структура, созданная в иных усло-

виях, для решения уже утративших актуальность задач, все менее удовлетворяла руководство КПСС.

13 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О прекращении деятельности Информбюро»³⁶. Этому предшествовала поездка А.И. Микояна в Китай, где в ходе бесед с Мао Цзэдуном и другими лидерами КНР он мог выслушать их мнение в связи с прозвучавшей на XX съезде КПСС в закрытом докладе Хрущева жесткой критикой Сталина. При отсутствии в распоряжении исследователей записей бесед можно только предполагать, что в ходе них был затронут также вопрос о роспуске Коминформа и новых формах сотрудничества.

Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день и «Правда» напечатала этот текст вместе с редакционной статьей «Важное решение». В этих программных публикациях отмечалось, что создание в 1947 г. Информбюро «сыграло положительную роль в устранении разобщенности между компартиями, образовавшейся после роспуска Коминтерна». Вместе с тем положительные изменения в международной обстановке в последующие годы (превращение социализма в мировую систему, образование обширной «зоны мира», рост и укрепление компартий и т. д.) создали новые условия для деятельности компартий. «Информбюро как по составу, так и по содержанию деятельности уже не отвечает» задачам «укрепления единства рабочего класса в интересах успешной борьбы за мир, за социализм». Обменявшись мнениями по вопросам деятельности Информбюро, партии, в него входившие, признали, что оно исчерпало свои функции; речь идет о необходимости привести формы сотрудничества между компартиями в соответствие с изменившейся исторической обстановкой.

Вопрос об оптимальных формах сотрудничества обсуждался на совещании руководителей компартий социалистических стран, которое состоялось в Москве 22–23 июня 1956 г.³⁷ По мнению делегации КПСС, упор должен быть сделан на периодически созываемых совещаниях для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес: обязательных для выполнения решений они принимать не будут, но могут выносить согласованные всеми участниками рекомендации. Такая форма

сотрудничества получила поддержку лидеров разных компартий, включая Тито, ознакомленного в июне, в дни своего пребывания в СССР, с новой инициативой КПСС.

Визит югославского лидера в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами визита Тито в Кремле не были довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация³⁸ носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней не получил развитие тезис о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, как и о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю, в то же время отмечалось, что обе стороны «чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития». Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. Так, уже при утверждении проекта Декларации на Президиуме было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»³⁹. Позже та же позиция нашла отражение в письмах ЦК КПСС, адресованных братским партиям. Таким образом, связанные с роспуском Коминформа ожидания большого прорыва в советско-югославских отношениях и «пристегивания» Югославии к советскому блоку не оправдались. Это, однако, не означало, что в руководстве КПСС отказались от давно назревшего замысла реформировать недостаточно эффективный, отживший свой век механизм осуществления советского влияния на мировое коммунистическое движение. Югославский фактор мог ускорить и действительно ускорил роспуск Коминформа, но задача обновления форм взаимодействия компартий существовала, конечно же, независимо от этого фактора.

В дальнейшем важнейшей формой координации коммунистического движения становятся совещания компартий. Про-

ведение первого широкого совещания в ноябре 1957 г. было приурочено к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России⁴⁰. В нем приняли участие представители 68 партий. Опыт Коминформа, как и Коминтерна, живо обсуждался, при этом в выступлениях некоторых ораторов звучали весьма критические высказывания. По мнению Тольятти, при всей важности обмена информацией и постоянных межпартийных контактов, «не нужно спешить с созданием новых международных органов»; «в данный момент для того, чтобы наше движение развивалось как крупное массовое движение, требуется высокая степень самостоятельности отдельных партий в определении своих лозунгов и форм сотрудничества с другими политическими силами с учетом конкретных условий каждой страны»⁴¹.

Прошедшие под знаком единства московские совещания компартий (широкое и узкое, то есть совещание компартий ряда социалистических стран) свидетельствовали о том, что к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России мировое коммунистическое движение преодолело временные трудности, связанные с необходимостью разоблачения Сталина и публичного отмежевания от его методов. Выход мирового коммунизма из кризиса в немалой мере был связан со значительным ростом военно-политической мощи СССР, что проявилось в запуске в октябре 1957 г. спутника и испытании в августе того же года межконтинентальных ракет. В Москве ценой взаимных уступок удалось достичь временного компромисса между КПСС и китайской компартией, хотя различие позиций, проявившееся на совещании, предвещало последующее, довольно скорое расхождение компартий двух великих коммунистических держав. Явной неудачей закончилась только новая, очередная попытка хрущевского руководства теснее привязать к СССР режим Тито в Югославии⁴².

Через несколько месяцев, с принятием весной 1958 г. новой программы СКЮ, была развязана антиюгославская кампания. Она, конечно, не достигла остроты конца 1940-х – начала 1950-х годов⁴³, вместе с тем именно критика югославского ревизионизма стала во время следующего большого совещания компартий, проведенного в ноябре 1960 г., общей компромиссной платформой, способной на считанные месяцы отсрочить

открытый конфликт КПСС и КПК. Только в 1960-е годы, в условиях глубокого раскола между СССР и КНР, в Москве смирились (зная о непримиримом в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди соцстран и прекратили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. Что же касается проблемы созыва последующих совещаний компартий, то она в 1960-е годы становится предметом острой борьбы между КПСС и КПК, стремившихся в целях реализации собственных геополитических и идеологических амбиций заручиться поддержкой тех или иных отрядов мирового коммунистического движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа с большим научным аппаратом и статьями Л.Я. Гибианского, Г.М. Адиебекова: *Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М., 1998. См. также: *Адиебеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994.

² *Адиебеков Г.М.* Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа // *Вопросы истории.* 1996. № 4. С. 152–156.

³ Митин предлагал ежеквартально проводить совещания Секретариата Информбюро и начать издание, наряду с газетой, теоретического журнала компартий. См. его записку в ЦК КПСС от 4 января 1954 г.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 575. Информбюро коммунистических и рабочих партий. Оп. 1. Д. 283. Л. 15–16.

⁴ См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

⁵ Фальсифицированный судебный процесс, организованный по инициативе венгерского коммунистического лидера М. Ракоши при участии советских спецслужб. Состоялся в сентябре 1949 г. в Будапеште. На скамье подсудимых оказались видные деятели венгерской компартии во главе с Ласло Райком. Основываясь на материалах этого дела, в ноябре 1949 г. Третье совещание Коминформа приняло резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов».

⁶ РГАСПИ. Ф. 83 (Маленков Г.М.). Оп. 1. Д. 34. Л. 102.

⁷ Там же.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1958. Т. 2. Постановления ЦК КПСС. 1954–1958 / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 88–90.

⁹ Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) на ее VI съезде в ноябре 1952 г. была переименована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

¹⁰ См. записи бесед: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964. М., 2014.

¹¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 179–183. О справедливости такой оценки свидетельствовала и неготовность СКЮ послать делегацию на открывшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. В Белграде мотивировали отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с советским блоком и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что некоторые компартии восточноевропейских стран не спешат устанавливать контакты с СКЮ. Было направлено только приветственное письмо от ЦК СКЮ, зачитанное на съезде, где посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал в качестве наблюдателя.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1990 гг.). Оп. 8. Д. 254. Л. 17–19.

¹³ См., например, докладную корреспонденцию «Правды» В. Платковского (лето 1955 г.): РГАНИ. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.). Оп. 30. Д. 121. Л. 77. Сообщения о критике Коминформа югославскими дипломатами были общим местом в посольских донесениях в МИД СССР из разных стран. См., например: АВП РФ. Ф. 007. Референтура по Венгрии. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 178–179. По мнению югославских собеседников, дальнейшее существование Коминформа, созданного в свое время для того, чтобы держать управление мировым коммунистическим движением в руках одного человека, приносило СССР огромный вред уже тем, что давало западной пропаганде повод указывать на наличие мирового коммунистического заговора, советской агентуры по всему миру и т. д.; причем многие компартии были куда сильнее, чем в момент роспуска Коминтерна, и едва ли нуждались в таком руководящем органе.

¹⁴ Со статьей Влаховича был ознакомлен член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян, находившийся осенью 1955 г. в Югославии и по отзывам югославских коммунистов долго отмахивавшийся при попытках завести с ним разговор о Коминформе. Влаховичу он все же сказал: «Можно еще понять, что югославские коммунисты выступают против Коминформа», хотя после майских переговоров едва ли следовало делать такое заявление. Но объявив создание Коминформа восстановлением Коминтерна в новой форме, Влахович, по Микояну, не прав прежде всего потому, что Коминформ ограничивает свою

деятельность узким кругом европейских партий, к тому же давно не собирався, фактически его работа сводится к изданию газеты. Микоян спросил югославов: если они против Коминформа, то чем предлагают его заменить, ведь нельзя же не иметь связей между компартиями. Он сослался на состоявшийся весной 1955 г. на Президиуме ЦК КПСС предварительный обмен мнениями по вопросу о будущем Коминформа (не нашедший отражения в известных документах), сказав о возобладавшем убеждении «еще серьезно обдумать и посоветоваться с руководителями иностранных компартий при личных встречах с ними» (См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. С. 630–644).

¹⁵ «Наши товарищи в соответствующей форме отвели доводы Неру, [заявив], что КПСС не скрывает своего сочувствия коммунистам других стран, [имеющего] идеологическую основу». Компартии, говорились далее, имеют не меньшее право создавать свои организации, чем, например, социалистические партии, создавшие «так называемый Социалистический Интернационал, или капиталисты, создающие свои международные организации» (Информационный материал для зарубежных компартий. См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 211. Л. 17, 87–94).

¹⁶ Президиум ЦК КПСС. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 74.

¹⁷ Правда. 1955.15 XII.

¹⁸ Речь идет о Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции 18–23 июля 1955 г., ставшем шагом к разрядке международной напряженности.

¹⁹ Там же. 30 XII.

²⁰ Коммунист. 1956. № 2. С. 3–14.

²¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 78.

²² Там же. Т. 2. С. 178–187.

²³ См. запись: Там же. Т. 1. С. 88–93.

²⁴ Правда. 1956.15 II.

²⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 106–107.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 200–202.

²⁷ Там же. С. 205–206.

²⁸ В конце декабря 1956 г., уже после венгерских событий, Тольятти на VIII съезде ИКП уделил довольно большое внимание проблеме Коминформа и его возможных преемников, четко обозначив свою позицию. Он подчеркнул, что ИКП «против возврата к любой форме централизованной организации», хотя и считает полезными встречи представителей компартий – «не с целью разработки обязательных для всех решений, а с целью прояснения позиций, сопоставления разных путей». По его мнению, к участию в таких встречах следовало

приглашать и социал-демократов, склонных к союзу с коммунистами, например, лидера итальянских социалистов П. Ненни. См.: Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8–14 декабря 1956 г.). М., 1957. С. 67–69.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 76–79.

³⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 116–117.

³¹ Участники сессии Социнтерна в Цюрихе 2–4 марта еще не имели представлений о закрытом докладе Н.С. Хрущева о культе личности, прозвучавшем в последний день работы съезда, 25 февраля. На основании ряда съездовских выступлений (например, А.И. Микояна) был сделан вывод, что критика методов Сталина не изменила характера советского режима – он остается диктатурой, и социалистам, не разделяющим коммунистической доктрины, по-прежнему отказано в правах; декларируемое «коллективное руководство» по сути есть коллективное руководство диктатурой. Минимальным предварительным условием для идеологического примирения с коммунистами, по мнению Социнтерна, должно было стать восстановление подлинно свободных демократических рабочих движений во всех странах, где они существовали раньше, но были подавлены коммунистическими диктатурами. Некоторые оговорки делались применительно к СКЮ, снискавшему уважение смелым противостоянием сталинскому диктату. Подробнее см.: *Чужанов М.Ю.* Отклики Социалистического Интернационала на XX съезд КПСС // Отечественная история. 2006. № 1. С. 107–117.

³² См.: *Пономарев Б.Н.* Насущная задача рабочего движения // Правда. 1956. 31 III.

³³ О продолжении политики, направленной на постепенное вовлечение ФНРЮ в советскую сферу влияния, свидетельствовало и включение в отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду формулы о многообразии путей к социализму. Уже сама постановка этого вопроса была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего в силу необходимости отразить в документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой титовской Югославией, чью специфику трудно было подогнать под общий ранжир (хотя принималась во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», часть которых также брала на вооружение социалистические лозунги). Показательно, что в отчетном докладе ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму.

³⁴ См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Правда, в 1958 г. Хрущев на пленуме ЦК КПСС, ссылаясь на свои беседы с югославами, говорил об их некоторой обиде на то, что в съездовских выступлениях слишком мало внимания уделялось югославскому

опыту (РГАНИ. Ф. 2. Пленумы ЦК КПСС (1952–1991 гг.). Оп. 1. Д. 318. Л. 32).

³⁵ См. в этой связи запись беседы главного идеолога СКЮ Э. Карделя с послом СССР Н.П. Фирюбиным от 23 марта: Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 85.

³⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 3. Обсуждалась также записка с предложениями о новых формах межпартийных контактов и об издании нового печатного органа.

³⁷ См. документы: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 38 – 347.

³⁸ Правда. 1956.21.VI.

³⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 65. Л. 5.

⁴⁰ См. материалы этого совещания: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013.

⁴¹ См.: *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. Т. II (Декабрь 1956 года – 1964 год). М., 1965. С. 114–115.

⁴² См.: *Стыкалин А.С.* Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812 – 1912 – 2012 / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311.

⁴³ См.: *Стыкалин А.С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуныяна / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2014. С. 361–381.

А.Б. Едемский

К ИСТОКАМ НОВОЙ ФАЗЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ

Начало 1960-х годов явилось особым периодом в истории развития советско-югославских отношений, оказавшихся в последней трети предыдущего десятилетия в состоянии стагнации под влиянием ряда факторов и событий. В их числе были: резко негативная реакция Кремля на высказывания Й. Броз Тито в речи в Пуле 11 ноября 1956 г.; неуспешная (и поныне малоизвестная) попытка достичь взаимоприемлемых договоренностей на встрече руководителей двух стран в начале августа 1957 г. в Румынии; изменение решения о поездке Тито в Москву для участия в торжествах в ноябре того же года по случаю 40-летия революции в России и совещании коммунистических и рабочих партий. Все это было усилено последующим отказом югославской делегации подписать Декларацию совещания 16 ноября 1957 г., а также самостоятельной разработкой югославским руководством и принятием им, вопреки возражениям Кремля, новой программы Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Реакцией советской стороны стало, помимо пропагандистской критики, давление на Югославию в сфере экономики и финансов.

Данный период стал изучаться исследователями, прежде всего в постъюгославских государствах, только во второй половине первого десятилетия 2000-х годов. Пиком нового «сближения с Москвой» общепринято считается визит Тито в Советский Союз в декабре 1962 г.¹ В историографии при общем сходстве подходов, истоки и причины нового улучшения советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов, его начало, инициаторы и сам ход событий излагаются

с определенными особенностями. Сложилось несколько трактовок событий, основанных, преимущественно, на изучении югославских внешнеполитических документов рассматриваемого периода.

В исторической науке данный вопрос наиболее серьезным образом изучался в Институте современной истории (Белград) учеными старшего поколения Д. Богетичем и Д. Трипковичем. Богетич выделяет официальный визит в Москву государственного секретаря ФНРЮ по внешним делам К. Поповича в июле 1961 г., указывая, что он произошел в рамках «первых шагов к нормализации отношений с СССР». Он полагает, что «период югославско-советского сближения был открыт провозглашением Хрущевым на XXII съезде КПСС процесса десталинизации и всеобъемлющего осуждения практики сталинизма»². В монографии Трипковача, эти события рассматриваются в главе «Потепление – укрепление политических отношений и межгосударственного сотрудничества 1961–1964 гг.»³ Специальное внимание исследователь обратил на события конца 1960 – начала 1961 г., считая, что предпринятые тогда «конкретные шаги <....> превратились в последовательно-развивающуюся тенденцию улучшения югославско-советских отношений в первой половине 1960-х годов, распространившуюся на все стороны двусторонних отношений», включая связи между правящими партиями⁴.

Значительное внимание освещению этих событий уделено в соответствующей главе сборника статей «Холодная война и Югославия» известного сербского историка Л. Димича. По его мнению, основными событиями в развитии отношений стали: доклад посла ФНРЮ в СССР Л. Мойсова о работе посольства в 1959 г., встреча лидеров двух стран в Нью-Йорке 28 сентября 1960 г., выступление министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Верховном Совете СССР 23 декабря 1960 г., визит К. Поповича в Москву в июле 1961 г., советская реакция на проведение в Белграде конференции неприсоединившихся стран, визит министра иностранных дел СССР Громыко в ФНРЮ в апреле 1962 г. Димич обращает внимание на стремление СССР оказать давление на Югославию. По его мнению, те принципы, которые Югославия отстаивала на конференции неприсоединившихся стран в Белграде, непосредс-

твенным образом повлияли на оживление отношений с СССР, последние годы оказавшихся в «замороженном состоянии». Такие «качественные изменения», как усилившийся интерес Москвы к Югославии и снижение советского давления в межгосударственных отношениях, полагает Димич, были очевидны уже в конце 1961 г. Эти изменения оказались «встроены» в набиравший силу в СССР процесс «десталинизации», в развитии которого было заинтересовано югославское государственное и партийное руководство⁵.

В изучении этих вопросов российские исследователи находятся на начальной стадии. В 2000-е годы обращение к этим сюжетам не подкреплялось архивными материалами⁶. Пионерскими являются исследования молодого ученого Б.С. Новосельцева, который, с опорой на работы сербских авторов и архивные документы (прежде всего, недавно опубликованные⁷), пришел к выводу, что «в 1961–1962 гг. в советско-югославских отношениях начался очередной цикл возвратно-поступательного развития: после конфликта второй половины 1950-х годов снова последовало сближение двух социалистических государств»⁸. Вслед за Трипковичем⁹ российский исследователь обращает внимание на активизацию советских действий в отношении Югославии на рубеже 1960–1961 г., называя ее «советской инициативой»¹⁰. В соответствующей главе («Советско-югославское сближение») монографии Новосельцева, как и у Димича, уделяется существенное внимание значению действий югославского руководства в начале сентября 1961 г. Как и сербский профессор, автор считает, что «неожиданно острая позиция Югославии на Белградской конференции была ясным и недвусмысленным шагом навстречу советской инициативе, направленной на нормализацию двусторонних отношений». При этом «успех Белградского саммита увеличивал значимость Югославии для советской внешней политики»¹¹, но «причины нормализации для каждой из сторон были свои: ФНРЮ, в основном, руководствовалась экономическими интересами, а Москва стремилась добиться поддержки Белграда по важнейшим вопросам международных отношений. В условиях роста напряженности в мире <...> целью Хрущева было укрепление единства социалистического лагеря». Новосельцев идет дальше своих предшественников, конкретизируя этапы «оче-

редного советско-югославского сближения», которое, по его мнению, «традиционно началось с обмена письмами» в конце марта – начале апреля 1962 г. Существенное значение имела поездка советского министра иностранных дел А.А. Громыко в Югославию в апреле 1962 г., которая означала переход нормализации «от стадии консультаций и взаимных дипломатических реверансов к более конкретным переговорам»¹².

Значительные заделы, созданные упомянутыми трудами, позволяют перейти к системному изучению указанного периода, уделяя при этом большее внимание вдумчивому прочтению уже известных документов, осмыслению недавно опубликованных, а также введению в научный оборот дополнительных советских и югославских документов из российских и сербских архивов. 1960 год в целом, оказался незаслуженно обойденным вниманием исследователей, тогда как, по нашему мнению, более внимательное отношение к его событиям позволяет до определенной степени уточнить генезис нового цикла советско-югославских отношений.

Первым существенным положительным явлением в позитивной эволюции советско-югославских отношений и их последующем наращивании стал неофициальный визит (зимний отдых с семьей) в СССР главы югославских профсоюзов, члена Исполкома ЦК СКЮ С. Вукмановича-Темпо, во время которого 16 января 1960 г. состоялся его обстоятельный разговор с Хрущевым. Визит Вукмановича в Москву не был тайной ни для современников, ни для историков. Со ссылкой на югославское информагентство ТАНЮГ о вылете 6 января в Москву спецрейсом члена высшего югославского руководства сообщили ведущие западные СМИ. Вукманович назвал поездку «комбинацией отпуска вместе с семьей и командировки», заявив о предстоящих встречах с советскими профсоюзными и политическими деятелями, а также расчетах на встречу с Хрущевым¹³. Возвращение Вукмановича в Югославию 26 января также было публичным. Британская «*The Times*», напомнив, что это был первый визит в СССР высокопоставленного югославского деятеля с осени 1957 г., обосновала прошедшую трехнедельную поездку медицинскими причинами, но также сообщила: по просьбе Вукмановича состоялась его беседа с Хрущевым¹⁴. В начале 1970-х годов в СФРЮ были опубликованы прижизненные

воспоминания Вукмановича, в которых он подробно изложил свою версию поездки и встречи с Хрущевым¹⁵. Однако этой встрече, за исключением упоминания о ней Трипковичем, который привел ее точную дату, исследователи не придали особого значения.

Введенная в научный оборот в 2014 г. советская запись беседы встречи Вукмановича и Хрущева от 16 января¹⁶, содержащая многочисленные дополнительные детали и нюансы, во многом должна изменить сложившееся к ней отношение. Этот документ, как и отчет Вукмановича (вводится в научный оборот в данной статье), сделанный им перед высшим югославским руководством в конце января 1960 г.¹⁷, позволяют значительно расширить наши представления о начале очередного сближения Москвы и Белграда.

В обстоятельном разговоре, длившемся несколько часов (с 11:00 до 16:30), собеседники достаточно откровенно говорили о расхождениях между двумя сторонами в недавнем прошлом и в настоящем. По советской версии встречи (ее запись была оформлена Ю.В. Андроповым), инициатива определенно исходила от югославской стороны, о чем свидетельствует не только начало беседы, когда Вукманович, словно цитируя упомянутые им «директивы» югославского руководства, заявил, что ЦК СКЮ желает развития отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами «по всем направлениям, в том числе и по партийной линии <...> Если кто-либо не желает развития таких связей, мы не навязываемся», – сразу же спросив мнение Хрущева по поднятому им вопросу¹⁸. Осторожность, проявленная советским лидером относительно ближайших перспектив развития взаимоотношений, восстановления связей КПСС с СКЮ, резко оттеняли обиды, высказанные им по поводу конфликтных эпизодов в отношениях в недавнем прошлом. Оговорки советского лидера о программе СКЮ не давали основания югославской стороне рассчитывать на быстрый перелом в отношениях. В конце встречи Хрущев попросил передать Тито согласие советского руководства «развивать наши связи по государственной линии», а также пойти навстречу югославским предложениям о развитии контактов и по партийной линии, но «на принципиальных марксистско-ленинских позициях, добиваясь согласия там, где

это возможно, а там, где пока невозможно, пусть на нас поработает время». Хрущев также попросил собеседника передать привет Тито, Э. Карделю и А. Ранковичу¹⁹, тем самым не только дав понять, что у советской стороны нет претензий к этим двум ближайшим соратникам югославского лидера, но и что в Москве считают Карделя вторым человеком в югославском руководстве.

Расхождения между советской записью беседы и впечатлениями от нее Вукмановича не позволяют абсолютизировать ни ее советскую, ни югославские версии. Первоочередным является вопрос об инициаторе этого события. В советской записи беседы дано высказывание Вукмановича, что именно ему принадлежит сама идея и инициатива поездки в СССР и данной встречи. Он сообщил, что его замыслы были не только одобрены Й. Броз Тито, который «поручил ему встретиться с товарищем Н.С.Хрущевым, с целью выяснения возможности улучшения советско-югославских отношений, особенно по партийной линии», но и перед отъездом в Москву были обсуждены на заседании Исполкома ЦК СКЮ, утвердившем «соответствующие директивы»²⁰.

В отчете 28 января Вукманович (как и позже в мемуарах) утверждал, что именно советская сторона была инициатором и его поездки, и встречи с Хрущевым, называя фамилии советских дипломатов, говоривших ему об этом. По его словам, уже в Москве, но до разговора с Хрущевым, советские представители неоднократно говорили ему о необходимости восстановления отношений между СКЮ и КПСС²¹.

В докладе 28 января Вукманович ни разу не упомянул ни о полученных им перед отъездом в Москву директивах ИК ЦК СКЮ, ни о собственной роли в решении о его поездке. То, что югославы считали инициатором визита Вукмановича именно советское руководство, свидетельствует и резюме Тито по итогам совещания: «Поездка и обмен мыслями были полезными, <...> и с нашей стороны существует интерес к развитию и улучшению отношений»²². Но обсуждения дальнейших шагов не произошло, хотя краткий информматериал о возможных инициативах по расширению сотрудничества с СССР эксперты Государственного секретариата по иностранным делам ФНРЮ к этому совещанию подготовили²³.

Вывод Вукмановича – «нет сомнения, что конфликт с нами мешает Советскому Союзу и в плане международных отношений», а декларации 1955 и 1956 гг., «в сегодняшней международной ситуации им подходят» в сочетании со словами о том, что в интересах советского руководства «ликвидировать спор с нами, так как, в основном, отпали все те аргументы, на которые они в этом споре раньше опирались»²⁴ – свидетельствует: в Белграде считали Москву инициатором новой нормализации контактов и пытались отыскать рациональное объяснение советским действиям.

Расхождения в советской и югославской версиях встречи 16 января существенны. Так, Вукманович сообщил об участии в беседе А.И. Микояна, тогда как Андропов об этом не упомянул. У Вукмановича сложилось впечатление, что Хрущев избегал разговора о позиции китайского руководства, тогда как, если исходить из записи Андропова, китайской тематике и отношениям КПСС и КПК Хрущев уделил достаточно много внимания²⁵. Последующие исследования с привлечением дополнительных документов могут помочь определить причины расхождений: сознательно ли Андропов корректировал запись беседы, или же Вукманович, не в силах сдержать свой черногорский темперамент, как во время беседы с Хрущевым, так и в отчете о поездке, добавил ряд красочных деталей, возможно, с целью преувеличить свое значение²⁶.

Следует особо отметить, что изложенная Вукмановичем (в советской записи беседы) версия о том, что он встретился с Хрущевым по поручению югославского руководства, до настоящего времени не нашла документального подтверждения в соответствующих югославских документах, что ставит под сомнение как слова Вукмановича «товарищ Хрущев, я буду говорить Вам только правду и совершенно откровенно»²⁷, так и позволяет предполагать, что запись готовилась Андроповым не только для «внутреннего» использования. Известно, что между заседаниями ИК ЦК СКЮ 17 марта 1959 г. и 12 июня 1960 г. иных заседаний этого органа не проводилось. Следовательно, не могло быть и принятых директив, якобы на основании которых (согласно записи Андропова) состоялась встреча. Вместе с тем некоторые факты из доклада Вукмановича (в частности, его слова о том, что ему следовало передать Хру-

щеву «послание Тито о Китае»²⁸ дают основания думать, что какой-то его предварительный разговор с Тито имел место.

На основании всего комплекса доступных к данному моменту документов и с учетом выявленных в них разночтений, можно высказать предположение, что инициатором визита и встречи действительно была советская сторона, которую не остановили советско-югославские идеологические дискуссии второй половины 1950-х годов. Не исключено, что в Москве камуфлировали ее таким образом, чтобы она не стала дополнительным источником трений с Пекином. Вместе с тем в равной мере инициатором интенсификации двусторонних отношений можно назвать и югославское руководство, которое использовало формальное приглашение Гришиным Вукмановича приехать в СССР на отдых для зондажа взглядов советского руководства, предварительно разрекламировав поездку и встречу с Хрущевым в западной прессе.

К числу непосредственных результатов разговора 16 января можно отнести позицию советской стороны по развитию торговых связей двух стран. В конце января 1960 г. при подписании Протокола о товарообороте между СССР и ФНРЮ в 1960 г., с советской стороны поступило предложение начать в мае в Москве на уровне экспертов предварительные переговоры о заключении пятилетнего торгового соглашения, с его последующим подписанием в Белграде министрами внешней торговли. Данное неформальное предложение было положительно воспринято югославской стороной²⁹.

Взаимная заинтересованность в развитии отношений была подтверждена 19 февраля 1960 г. во время встречи заместителя госсекретаря по внешней политике ФНРЮ В. Мичуновичем^{30,31} с послом СССР в ФНРЮ И.В. Замчевским и советником-посланником посольства П.С. Дедушкиным. В записи беседы югослав отметил, что советские дипломаты положительно охарактеризовали сам факт визита Вукмановича и встречу с Хрущевым. Мичунович выделил их фразу «о хорошем состоянии наших отношений, самых лучших желаниях их улучшения». Замчевский, который, несомненно, готовился к встрече после двух месяцев пребывания в Москве, заявил, что советское руководство считает произошедшее в январе «полезным и положительным для наших отношений в целом». Мичуно-

вич, который слушал доклад Вукмановича 28 января, компетентно ответил, что его подробное сообщение «произвело на наше руководство положительное впечатление»³².

При очередной обстоятельной встрече (во время ужина, данного Замчевским и Дедушкиным для Вукмановича и Влаховича) советские дипломаты сообщили, что Хрущев считает необходимым приложить усилия с двух сторон для дальнейшего улучшения связей, которого можно добиться в случае улучшения отношений между партиями³³.

Высказывания о необходимости продолжения сотрудничества в мировой политике и развития двусторонних отношений неоднократно звучали и в дальнейшем. В первой половине июня 1960 г. советское руководство дважды информировало Белград о своих внешнеполитических шагах³⁴. В послании Хрущеву 13 июня Тито, отвечая на его письмо от 2 июня, назвал советские предложения «историческими» и заверил адресата в том, что «ФНРЮ окажет Вашему последнему предложению о разоружении свою всестороннюю и полную поддержку, ибо оно, по нашему мнению, содержит все элементы, которые могут обеспечить человечеству прочный мир и миролюбивое сотрудничество между всеми народами мира». Югославский лидер высоко оценил гибкую позицию Москвы в поиске взаимоприемлемых решений с западными оппонентами, ее согласие на поэтапное разоружение³⁵.

14 июня 1960 г. в рамках подготовки разговора с Тито и передачи ему очередных материалов от советского руководства Замчевский сообщил Мичуновичу о том, что в Москве в ближайшие полтора-два месяца ожидают прекращения взаимной полемики и коррекции «используемых пропагандистских штампов». Тогда появится возможность улучшения отношений³⁶. На следующий день, во время приема у Тито в резиденции на Брионах, несмотря на доверительную атмосферу встречи, Замчевский не стал развивать сказанное им Мичуновичу днем ранее, а Тито, в свою очередь, не стал ничего уточнять. Собеседники увлеклись обсуждением планов югославского лидера по объединению усилий внеблоковых стран в противостоянии негативным тенденциям развития международных отношений. Затронув вопрос двусторонних связей. Они ограничились общим разговором по вопросам экономи-

ческого сотрудничества. При обсуждении подходов к актуальным проблемам мировой политики Тито заметил, что существует очень мало вопросов, в которых «мы не согласились бы с Советским Союзом». Он указал на совпадение позиций по вопросу разоружения и заметил, что совместный подход внеблоковых стран мог бы помочь продвижению в ООН нынешнего конструктивного предложения СССР. Югославский лидер подчеркнул, что для помощи «положительным инициативам» СССР значительно важнее «независимая позиция внеблоковых стран, чем выбор ими позиции уже в ходе работы Генассамблеи ООН». «Мы хотим помочь советской инициативе в области разоружения, – заявил Тито, – так как мы уверены в том, что Советский Союз желает мира»³⁷.

Разговоры руководителей Советского Союза и Югославии в конце сентября 1960 г. в Нью-Йорке в ходе XV сессии Генеральной ассамблеи ООН, несомненно, сыграли значительную роль в дальнейшем развитии взаимных отношений. Их было зафиксировано, по меньшей мере, три³⁸ до 28 сентября 1960 г. В тот день в помещении советской миссии при ООН была проведена достаточно обстоятельная рабочая встреча Хрущева и Тито, о содержании которой сохранилась югославская запись³⁹. Исследователи не придают особого значения данной встречи в последующем развитии отношений двух стран. По мнению Богетича, «переговоры <...> были наполнены взаимными обвинениями и протекали не в особо сердечной атмосфере»⁴⁰. Димич достаточно подробно перечислив рассмотренные на ней вопросы, полагает, что она прошла под знаком предпринятых в ходе заседания Генассамблеи усилий глав ведущих неприсоединившихся стран по организации встречи лидеров США и СССР⁴¹.

Беседа 28 сентября с самого начала вышла за рамки обмена мнениями и согласования действий на проходящем форуме. Тито по меньшей мере дважды напрямую говорил о необходимости улучшения советско-югославских отношений. «Президент Тито поставил вопрос взаимных отношений, – указывается в документе. – Он сказал, что они ненормальные и для этого нет серьезных причин и препятствий. По главным вопросам мы сходимся, и, вероятно, в перспективе окажется, что нас меньше вещей разделяет». Тито заметил, что имеющиеся рас-

хождения естественны и из них не следует создавать камень преткновения как «это все же делается на Востоке». Он подчеркнул, что югославы не хотят быть догматиками от марксизма, но подвергают ревизии лишь то, что «мешает правильному применению теории в соответствии с обстоятельствами». Поэтому, по его мнению, югославов неверно называть ревизионистами.

Как свидетельствует югославская запись беседы, Хрущев согласился с тем, что «отношения ненормальные», заметив, что «по государственной линии хорошо идет». Он напомнил, что «еще не забыл речь товарища Тито в Пуле, которая стала началом нового конфликта. Потом последовала Программа СКЮ, с которой они (советские руководители. – *А.Е.*) не соглашались, в свое время написав нам (югославам. – *А.Е.*) об этом в письме». Автор записи зафиксировал и фразу Хрущева о том, что внутреннее развитие Югославии «не является препятствием для отношений и <...> не нужно преувеличивать существующие различия». Советский лидер также сообщил о подготовке съезда КПСС, который примет программу партии, где придется «говорить и о югославском ревизионизме». В ответ на это Тито попросил избежать данного, по его словам, неоправданного шага. «В Москве хорошо известно, – заметил он, – что в тяжелой ситуации Югославия была бы с ними». Тито также заметил, что югославы не против критики и дискуссии, но против «извращенных и лживых сообщений», которые «ненормальны, наносят вред» и обратил внимание собеседников на то, что советские товарищи «помнят вопросы, по которым не соглашались, забывая при этом, где и сколько мы их поддерживаем, им помогаем».

Во время разговора выявились и точки согласия. Хрущев не только признал первенство югославского руководства в критике Сталина, но с гордостью заявил, что он нанес «по Сталину более серьезный удар», чем югославы. Пообещав продолжить действовать в этом направлении, он обратил внимание собеседника на то, что он не расправился с оппонентами по-сталински. Хрущев также заметил, что Венгрия больше не является проблемой советско-югославских отношений, признав правоту Тито в отношении Кадара, который «проявил себя хорошо, и Венгрия сильно поправилась». Хрущев признал пра-

вильной и позицию Тито в отношении Ракоши, заметив, что тот «нанес огромный вред», «идиот», «сейчас живет в СССР, его соответствующим образом охраняют, а он еще и не доволен».

Оба лидера были едины и в отношении экстремистских концепций международных отношений, доминировавшие в высказываниях китайских руководителей. В ответ на слова Хрущева о бессмысленности теории о неизбежности войны до исчезновения последнего капиталистического государства последовало высказывание Тито «в этом вопросе между нами нет различий». Встреча завершилась словами Тито: «о необходимости нормализации наших отношений» и желательности «встретиться и рассмотреть все, что они считают препятствием в отношениях». Советский лидер с этим согласился («давайте поговорим»). Запись закончилась лапидарной фразой: «Таким образом, осталось при случае это уточнить». Безусловно, не только сам факт продолжительной беседы, но и высказанные обоими лидерами в ее ходе (помимо критических) конструктивные соображения, требуют включения данной встречи в канву советско-югославских отношений первой половины 1960-х годов.

Встречи Хрущева и Тито в Нью-Йорке имели достаточно противоречивый общий контекст. В начале сентября в печатном органе ЦК КПСС газете «Правда» вышла статья «Новые рассуждения ревизиониста» с априорным (авторы признали, что они не дочитали до конца работу Карделя «Социализм и война») осуждением его критики концепций китайского руководства⁴². Наряду с этим еще 1 сентября (до отъезда советской делегации в Нью-Йорк) Президиум ЦК КПСС принял решение о поставке в ФНРЮ советских истребителей МИГ-19. Советскому послу в Белграде было поручено сообщить главе оборонного ведомства ФНРЮ о готовности СССР начать переговоры о передаче лицензий на производство современных советских истребителей в случае официального обращения югославского правительства⁴³.

Непосредственным последствием встречи двух лидеров в Нью-Йорке стало решение о назначении послом СССР в СФРЮ А.А. Епишева, с первой половины 1940-х годов близкого к Хрущеву. Предложение о его назначении было внесено Громыко в Секретариат ЦК КПСС 19 октября, через несколько

дней после возвращения из Нью-Йорка. Оно было утверждено постановлением Президиума ЦК 5 ноября⁴⁴. Тогда же, на основе представленной 26 октября 1960 г. министром обороны СССР Р.Я. Малиновским и председателем Госкомитета по внешнеэкономическим связям (ГКВЭС) С.А. Скачковым предложений, было принято решение «О поставках в Югославию спецтехники»⁴⁵. Полный текст постановления исследователям не доступен, но есть все основания предполагать, что встреча 28 сентября, стала, по меньшей мере, благоприятным фоном при принятии этого решения.

В начале декабря в печати было опубликовано Заявление Совещания коммунистических и рабочих партий, в котором содержалась негативная характеристика теоретических взглядов югославского руководства⁴⁶. Совпадение публикации заявления и времени отъезда советского посла из Белграда стало причиной того, что советский посол Замчевский так и не был удостоен прощального приема президента ФНРЮ, несмотря на все старания добиться этой встречи. Прием у Тито был заменен прощальным разговором с К. Поповичем. Негативная реакция на Заявление была этим ограничена. Обострения полемики не произошло. 11 декабря в газете «Борба» опубликовали соответствующий фрагмент Заявления с критикой югославского ревизионизма. Югославское руководство в очередной раз продемонстрировало, что не боится консервативной критики. В том же номере газеты появилась статья директора ее издательства В. Мичуновича⁴⁷, в которой Заявление было названо победой догматических сил в международном коммунистическом движении, которым противостоит Югославия⁴⁸.

Критика югославского ревизионизма в Заявлении не отразилась на текущих отношениях двух стран. 13 декабря советское руководство пошло навстречу обращению югославской стороны об оказании технического содействия в строительстве ряда промышленных предприятий в Югославии, предусмотренных пятилетним планом. 21 декабря 1960 г. в Москве был подписан Протокол VII сессии советско-югославской Смешанной комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Наиболее ярким образом Заявление проигнорировало советское высшее военное руководство. На прием, устроенный

21 декабря посольством ФНРЮ по случаю Дня югославской армии пришли десять советских маршалов и большая группа генералов, демонстрируя этим свою поддержку планам развития военно-технического сотрудничества двух стран. А в беседах во время приема сотрудники центрального аппарата МИД СССР убеждали югославов в важности использовать любой шанс для расширения сотрудничества вместо «грызни» по идеологическим вопросам⁴⁹. Данная позиция Москвы в отношении Белграда была выражена в соответствующем абзаце доклада «О международном положении и внешней политике СССР», прочитанном Громыко 23 декабря на сессии Верховного совета СССР. Министр сделал акцент на успешном сотрудничестве двух стран по «государственной линии» и совпадении их позиций по основным международным вопросам⁵⁰.

В январе 1961 г. в докладе «Об итогах Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», зачитанном на пленуме ЦК КПСС его главным идеологом М.А. Сусловы оба декабрьских тезиса по «югославскому вопросу» были объединены в один абзац. «Совещание, – отметил докладчик, уделило известное внимание югославской разновидности ревизионизма, что нашло свое отражение в Заявлении Совещания». Он не только повторил оценку, данную Громыко, но и сообщил участникам пленума ряд новых моментов. «По государственной линии у нас складываются нормальные отношения», – сообщил Суслов. И далее: «Югославы подчеркивают заинтересованность в развитии и улучшении государственных отношений с нами. Мы, в свою очередь, стоим на той же позиции. Развивая нормальные отношения со всеми странами, мы стремимся так же улучшить и свои отношения с Югославией. За последний период произошло сближение наших позиций и по международным вопросам. Югославы в основном поддерживают нашу внешнеполитическую позицию, за редким исключением, когда они занимают промежуточную позицию. По партийной линии у нас остаются известные вам расхождения. Но мы считаем, что время может внести изменения и в эти отношения. Югославские руководители за последнее время заявляют, что они хотят сближения и по партийной линии»⁵¹. В части выступления, посвященной критике албанского руководства, Суслов обратил внимание на то что руководство Албанской

партии труда (АПТ) занимает «националистические позиции, в особенности во взаимоотношениях с Югославией»⁵².

К настоящему времени исследователями не обнаружены записи двух разговоров (К. Поповича с Замчевским перед его отъездом из Белграда и Дедушкина с Тито во время охоты), состоявшиеся в последние недели декабря 1960 г., на которые сослался 6 января 1961 г. Дедушкин в краткой беседе с К. Поповичем, когда сообщил ему о поручении советского руководства конкретизировать даты обмена визитами глав внешнеполитических ведомств двух стран⁵³. Отсутствие упомянутых документов не дает возможности установить кто выступил инициатором обмена визитами. Косвенные свидетельства в материалах высокопоставленных экспертов двух стран первых месяцев 1961 г. противоречивы. В югославских материалах считалось, что инициатором обмена визитами выступила советская сторона в начале января⁵⁴. В документах МИД СССР – как раз наоборот, сообщалось, что «советское правительство согласилось с предложением югославской стороны»⁵⁵.

В пользу версии о достижении рамочной договоренности по поводу обмена визитами на одной из встреч Хрущева и Тито в Нью-Йорке в сентябре 1961 г. свидетельствует разговор между югославским лидером и послом США в ФНРЮ К. Л. Рэнкиным, в ходе которого Тито в доверительном порядке сообщил, что по итогам его разговоров с Хрущевым в Нью-Йорке возникла договоренность об обмене визитами министров, в соответствии с которой Попович приедет в Москву уже этой весной⁵⁶. Еще одним свидетельством важности контактов в Нью-Йорке явились косвенные ссылки на них Хрущева в беседах с югославскими представителями в 1961 г.

Роль рассмотренных событий 1960 г. в процессе формирования и развития общей положительной тенденции к активизации советско-югославских отношений первой половины 1960-х годов была достаточно важна. Вместе с последующими ключевыми событиями (увеличение торгово-экономического оборота, оформленного в марте 1961 г. пятилетним соглашением; поездка Поповича в Москву в июле того же года и ответный визит в Югославию Громыко в апреле и два визита в Москву в июле 1962 г. югославских делегаций, во главе с высокопоставленными членами партийно-политического руко-

водства СКЮ; обмен письмами Тито и Хрущева 4 и 28 апреля 1962 г.; усилия по возобновлению официальных контактов между КПСС и СКЮ; начало с января 1962 г. поставок советской военной техники для нужд Югославской народной армии) они являются равноправными факторами, оказавшими положительное влияние на весь комплекс советско-югославских связей этого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pirjevec J.* Tito in tovariši. Ljubljana, 2011. S. 460–462.

² *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd, 2012. S. 27, 39.

³ В указанной главе события 1961–1962 гг. рассмотрены в параграфе «Интенсификация политических коммуникаций и двустороннего сотрудничества». В начале работы над этим периодом Трипкович характеризовал его как «улучшение отношений». См.: *Tripković Đ.* Poboljšanje jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1961–1962 // Tokovi istorije. 2008. N 3–4. S. 76–79.

⁴ *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 111.

⁵ *Đimić L.* Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2014 S. 266–267.

⁶ *Стыкалин А.С.* СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 50-х – начало 60-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 95–102.

⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946 – 1980 гг.: в 2 т. / Гл. ред. М. Милошевич, В.П. Тарасов, Н.Г. Томилина. Т.1. 1946–1964. М., 2014.

⁸ *Новосельцев Б.С.* Записка Н.С. Хрущева о беседах с Й. Б. Тито (январь 1963 г.) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 42.

⁹ *Tripković Đ.* Poboljšanje jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1961–1962 // Tokovi istorije. 2008. № 3–4. S. 78–79.

¹⁰ *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 гг). М., 2015. С. 31, 51.

¹¹ Там же. С. 41, 44.

¹² Там же. С. 49, 50–51.

¹³ *Underwood P.* Yugoslav Leader Visiting Moscow: Trip by Politburo Member Indicates Tito Regime May See Hope of Closer Ties // New York Times, 1960. 7 I. P. 19

¹⁴ Yugoslav Leader's Return from Moscow Visit // The Times. 1960. 27 I. P. 8.

¹⁵ *Vukmanović-Tempo S.* Revolucija koja teče. Beograd, 1971. S. 346–359.

¹⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне.

¹⁷ AJ. KPR. II-2/178 U Uzičkoj 15, 28 I 1960. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića-Tempa o putu i boravku u SSSR.

¹⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей. С. 302.

¹⁹ Там же. С. 318.

²⁰ Там же. С. 302.

²¹ С учетом того, что в Москву Вукманович приехал на зимний отдых по «профсоюзной линии», руководитель ВЦСПС В.В. Гришин должен был получить одобрение Президиума ЦК КПСС на приглашение высокопоставленного и хорошо известного Хрущеву (по его неформальным беседам с этим югославским политиком в 1955 г.) гостя.

²² AJ. KPR. II-2/178. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića-Tempa... S. 21. Следует обратить внимание на то, что Тито, по всей вероятности, не случайно поставил во фразе глаголы именно в данной последовательности («развивать и улучшать отношения»), а также намеренно использовал глагол «porgraviti», который имеет в сербохорватском языке несколько значений (улучшить, починить, отремонтировать и др.), в отличие от более однозначных глаголов «нормализовать» (*normalizovati*) или «улучшать» (*poboljšavati*).

²³ DASMSР. PA. SSSR. 1960. F. 126. D. 19/435297. O mogućnosti nekih naših inicijativa za proširenje saradnje sa SS-om. 27 I 1960.

²⁴ AJ. KPR. II-2/178. Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića-Tempa. S. 18–19.

²⁵ Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 316.

²⁶ Определенным индикатором политического «веса» С. Вукмановича-Темпа в югославском руководстве в то время может служить протокол заседания Исполнительного комитета ЦК СКЮ, проведенного 12 июня 1960 г. В списке участников заседания он фигурировал четвертым (после Э. Карделя и А. Ранковича, но перед И. Гошняком и П. Стамболичем). См.: AJ. F507. III/84. S. 19.

²⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне. С. 303.

²⁸ Izveštaj druga Svetozara Vukmanovića-Tempa. S. 4.

²⁹ AJ. KPR. I-5-b/99-10 Beleška o nekim momentima u vezi sa pregovorima sa SSSR-om oko zaključenja petogodišnjeg trgovinskog sporazuma. 27 I 1961. S. 1. В конце апреля 1960 г. представитель посольства ФНРЮ в Москве был принят министром внешней торговли СССР Н.С. Патоличевым. Югославский дипломат, сославшись на полученное им указание Белграда, предложил начать торговые переговоры о пяти летнем Соглашении уже в июне в Москве. Руководитель советского внешнеторгового ведомства с этим согласился, обратив внимание югославов на то, что, по принятой советской практике, переговоры между социалистическими странами проходят на уровне министров. (См.: AJ. KPR. I-5-b/99-10. Beleška o nekim momentima). Подписание соглашения затянулся до конца марта 1961 г.

³⁰ Мичунович Велько (1919–1982) – посол ФНРЮ в СССР (1956–1958), заместитель государственного секретаря по внешней политике ФНРЮ К. Поповича (1958–1962). Впоследствии автор стилизованных под дневниковые записи воспоминаний. В настоящее время доступные югославские документы позволяют выявить имеющиеся в них существенные искажения ряда описываемых событий.

³¹ Подробно см: *Едемский А.Б.* Два Велько из титовского окружения // Черногорцы в России / Отв.ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 269–315; *Он же.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

³² AJ. KPR. I-5-b/99-9: Zabeleška o razgovoru drž.potsekretara Mićunovića sa ambasadorom SSSR-a I.K.Zamčevskim i ministrom-savetnikom sovjetske ambasade Deduškinom, 19 II 1960.

³³ *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR. S. 106. В югославском отчете о встрече был использован термин «улучшить» как и в заключительном слове Тито на совещании 28 января.

³⁴ Послание Хрущева к Тито от 2 июня вместе с «Предложениями советского правительства об основных положениях договора о всеобщем и полном разоружении» Мойсов получил от Н.П. Фириубина в тот же день. Оригинал письма и перевод советского документа Тито получил 7 июня, а 11 июня Хрущев «в доверительном порядке» направил югославскому лидеру советскую версию срыва саммита – брошюру «Почему не состоялось совещание в верхах? (документы и материалы (не для печати)» объемом в 47 страниц. Хрущев назвал ее «текстом записей переговоров в Париже с де Голлем, Макмилланом и Эйзенхауэром». В обоих случаях письма были адресованы «товарищу Иосип Броз Тито», к которому Хрущёв обращался «товарищ Президент». (См.: AJ. 837 KPR I/1-1987). Необходимость передачи Тито этой брошюры на Бриони и использовал Замчевский для встречи с Тито 15 июня.

³⁵ AJ. 837. KPR. I/1-1987 : Brioni, 13 VI 1960. S. 1–2. Броз Тито, обращаясь к Хрущеву как к главе правительства, трижды назвал его «товарищем».

³⁶ AJ. KPR. I-3-a/101-24. Drug Mićunović obaveštava o sledećem. 15 VI 1960.

³⁷ AJ. KPR. I-3-a/101-24. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa sovjetskim ambasadorom Zamčevskim, na Brionima 15 VI 1960. S. 2.

³⁸ *Salisbury H.* Khrushchev Says He Would Talk Ad Infinitum to Get Arms Pact // New York Times. 1960. 28 IX. P. 17.

³⁹ Составители первого тома сборника «Встречи и переговоры на высшем уровне...» не опубликовали текст встречи, не дав никаких объяснений. О ней также нет упоминаний во вступительных статьях этого тома. Составители ограничились лишь кратким упоминанием

о встрече в одном из комментариев с уточнением ее даты. (См.: Встречи и переговоры на высшем. С. 547, комментарий № 706.). В Белграде в 2013 г. текст встречи был опубликован на сербохорватском языке с лакунами, без упоминания об обсуждении советско-югославских отношений. (См.: *Bogetić D., Dimić L.* Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja: prilog Istoriji Trećeg sveta. Beograd, 2013, S. 236–237).

⁴⁰ *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi. S. 67. Автор ссылается на свою предыдущую монографию, в которой встреча описана более подробно, см.: *Bogetic D.* Nova strategija spoljnoj politike Jugoslavije 1956–1961. S. 347–348.

⁴¹ *Dimić L.* Jugoslavija i hladni rat. S. 252.

⁴² Правда. 1960. 2 IX. С. 4–5.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1991). Оп. 14. Д. 420. Л. 123–125.

⁴⁴ Там же. Оп. 12. Д. 799. Л. 2; Д. 801. Л. 145–151.

⁴⁵ Там же. Д. 794. Л. 3.

⁴⁶ Правда. 1960. 6 XII. С. 4.

⁴⁷ Мичунович Вукашин (1919–2005) – в начале 1960-х годов директор издательства «Борба», публицист, писатель (к этому времени – автор двух романов), генерал-майор ЮНА в отставке.

⁴⁸ Борба. 1960. 1 XII. С. 5.

⁴⁹ DASMSP. PA. 1960. SSSR. F. 133. D. 9/471. Zabeleška razgovora Milorada Pešića, savetnika Ambasade u Moskvi sa Nikolajevim, zamenikom načelnika V evropskog odeljenja, 22 decembra /na prijemu za Dan armije/.

⁵⁰ О международном положении и внешней политике Советского Союза. Доклад министра иностранных дел СССР депутата А.А. Громыко // Правда. 1960. 24 XII. С. 3.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 2. Пленумы ЦК КПСС (1941–1991). Оп. 1. Д. 535. Л. 135.

⁵² Там же. Л. 140 об.

⁵³ AJ. KPR. I-5-b/99-10. Zabeleška o razgovoru državnog sekretara Koce Popovića sa otpravnikom poslova SSSR Deduškinom na prijemu za Seku Turea, 6 I 1961. Kabinet Koče Popovića Str.pov. 8. Beograd, 12 I 1960.

⁵⁴ AJ. KPR. I-5-b/99-10. 24 I 1961. Odnosi Jugoslavija – SSSR (Potsetnik). S. 2.

⁵⁵ АВР РФ. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 24. Д. 194. Л. 12–13. Положение Югославии и советско-югославские отношения (Справка) Зам. заведующего 5 европейским отделом МИД СССР В. Николаев. (документ имеет две датировки: 3 и 29 марта 1961 г.)

⁵⁶ Foreign Relations of the United States. 1961–1963 / Gen. ed. D.S. Patterson. Washington (DC), 1994. Vol. XVI. P. 185. Doc. 88. Telegram from the Embassy in Yugoslavia (Rankin) to the Department of State. Belgrade, 7 II 1961.

Э.Г. Задорожнюк

РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР И ЧССР/ЧСФР В ОЦЕНКАХ ОППОЗИЦИИ, СТАВШЕЙ ЭЛИТОЙ: 1969–1991 гг.

Считается, что отсчет смены вектора внешнеполитического развития Чехословакии, являвшейся в течение десятилетий неотъемлемой частью «социалистического содружества», начался сразу после 17 ноября 1989 г. Действительно, к этому моменту в ряде соседних стран (Венгрия, Польша) стал очевиден отказ не только, если вспомнить слова М. Кундеры, от «русского искажения социалистического проекта»¹, но и от него самого как такового. Приход к власти в стране осенью 1989 г. Гражданского форума (ГФ) и Общественности против насилия (ОПН, Словакия) оставлял мало шансов для подобного рода проектов.

Важно и другое: хотя в пражские бурные ноябрьские дни звучали исключительно антинормализационные лозунги, представители оппозиции и диссидентства выдвигали умеренные требования относительно внешней политики Чехословакии в части взаимоотношений с Советским Союзом – государством «реального социализма». При этом все же можно было просчитать, что рано или поздно маятник качнется в западном направлении, и вхождение в Европу станет «прощанием славянки»: ЧСФР – с СССР, государством как раз социалистическим. Труднее оказалось спрогнозировать, что оно само вскоре перестанет быть таковым. Мало кто предвидел и то, что с исторической карты мира исчезнут федеративные государства – сначала Советский Союз, а затем и ЧСФР.

Что же привело к таким фундаментальным сдвигам? Как на самом деле протекали события, приведшие к коренным переменам внешнеполитической ориентации ЧССР/ЧСФР в отношении СССР/Российской Федерации? Ожидались ли такие

перемены и кто их готовил? Чтобы ответить на эти вопросы, надо учесть: соответствующие требования формировались исподволь, на протяжении почти двадцатилетнего периода «нормализации» в Чехословакии, в среде полярного официозу «параллельного общества». В его рамках сначала это были силы, связывавшие будущее государства с реанимацией «социализма с человеческим лицом», затем – идентифицировавшие себя с диссидентским движением.

После крушения реформаторских ожиданий, связанных с Пражской весной, болевой точкой внешнеполитических разделов в документах антинормализационных сил – вплоть до начала «бархатной революции» – оставалось требование вывода иностранных войск с территории Чехословакии и восстановление ее государственного суверенитета. Именно поэтому в течение 20 лет, начиная с августа 1968 г., противостоявшие «режиму нормализации» структуры призывали придать советско-чехословацким/чехословацко-советским отношениям принципиально новое качество, начав с вывода войск, хотя практически все документы представителей чехословацкого антинормализационного движения мало говорят о том, какими же эти отношения должны стать.

Требования суверенитета зазвучали едва ли не одновременно с вводом в Чехословакию войск стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. (их присутствие легализовалось Договором от 18 октября 1968 г. о временном пребывании советских войск на территории ЧССР). Так, уже в декабре проблема государственного суверенитета в завуалированном виде поднималась в полемике М. Кундеры и В. Гавела о «чешской доле» (сводящейся, по их мнению, к постоянной борьбе за суверенитет государства в самом центре раздираемой конфликтами Европы). Необходимость обеспечения суверенитета четче выражалась в документах студенческо-рабочих комитетов, функционировавших на уровне факультет-завод и возникавших с января 1969 г. практически во всех чешских городах².

Представители протестной части чехословацкого общества в Манифесте «Десять пунктов», выпущенном в августе 1969 г. и адресованном высшим законодательным, исполнительным и партийным органам федеративного государства, заявляли: «Мы выступаем против того, что произошло год назад, пос-

кольку это – попрание международного права, очернение слова социализм и нарушение принципов элементарного приличия. Мы за соблюдение всех международных соглашений. И, конечно же, в первую очередь между социалистическими странами необходимо *образцовое сохранение суверенитета каждой из них* (здесь и далее курсив наш. – Э.З.). Мы требуем, чтобы правительства этих стран представили миру несколько более совершенный способ решения разногласий и споров. Мы считаем пребывание советских войск у нас источником беспокойства и препятствием на пути к восстановлению дружеских отношений. Мы требуем от высших государственных органов начать переговоры об их выводе»³.

Главной силой оппозиции в 1968–1969 гг. оставались исключенные из партии функционеры и активные деятели периода Пражской весны, выступавшие в основном легально и апеллировавшие к международному сообществу, в частности к еврокоммунистам. Но уже в 1970 г. возник ряд нелегальных структур, наиболее значимыми из которых являлись Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС). Программа СДЧГ базировалась на основных постулатах Программы действий КПЧ периода Пражской весны. Все же основные документы этой программы подавались в социал-демократической «упаковке», а ведь именно социал-демократия трактовалась нормализационными силами в качестве смертельной угрозы «реальному социализму».

Одним из главных сюжетных аспектов программных документов СДЧГ являлся суверенитет. «Социалистическое движение чехословацких граждан, – указывалось в его Манифесте от 28 октября 1970 г., – ведет политическую борьбу за социалистическую, демократическую, независимую и свободную Чехословакию, *суверенную во внутренней и внешней политике*, в поисках путей собственного развития и удовлетворения жизненных чаяний и нужд своих граждан»⁴.

В отношении СССР считалось необходимым преодолеть неприязнь, даже ненависть, которую испытывали к нему многие чехословацкие граждане. «Чехословакия, – говорилось в документе, – не оккупирована советским народом или народами Советского Союза. Хотя сегодняшнюю ситуацию создали

не мы, и мы сами не в силах ее изменить. Это может сделать прежде всего нынешнее или будущее руководство СССР <...> когда оно осознает, что ценен лишь такой союзник, который в содружестве с СССР не испытывает угрозу собственного суверенитета, а, напротив, его уважение, а в случае необходимости – и его защиту»⁵. Вторя другим оппозиционным силам, социалисты обещали, что они будут постоянно напоминать: дружба и добрососедские отношения не обеспечиваются воинскими частями и властной группой ориентирующихся на прошлое людей; нужно государство свободных граждан, заинтересованных в подлинном добрососедстве и равноправных союзнических отношениях.

Приведем выдержку еще из одного документа СДЧГ – Манифеста «Социализм. Свобода. Суверенитет» (одна из версий манифеста СДЧГ от 28 октября 1970 г.): «Наша государственность никогда не преследовала эгоистических целей, была полна стремлений ликвидировать напряженность в мире и в частности в Европе, основываясь не на борьбе, а на добрососедских отношениях». И далее: «Нашим великим соседом является Советский Союз, играющий огромную роль в мире. Подавляющее большинство чехословацкого народа не по своей вине питает к нему отрицательные и даже враждебные чувства. День 21 августа является самым черным днем в чехословацко-советских отношениях, но оккупировать Чехословакию решил не советский народ, не демократическая Россия, символом которой являются СОЛЖЕНИЦЫН, генерал ГРИГОРЕНКО, ученый САХАРОВ (выделено в оригинале. – Э.З.). Верим в силы этой России, в интернационалистические силы народов Советского Союза, в которых видим своих союзников и являемся их союзниками. Мы не националисты, законченными националистами и шовинистами являются те, кто считает, что любое государство может обеспечить дружбу и соседские отношения с помощью танков, воинских гарнизонов и поддержкой горстки бездарных с темным прошлым людей у власти. Поэтому Советскому Союзу, его гражданам будем постоянно напоминать, что ценность для него может представлять лишь равноправный союзник»⁶.

Представителей СДЧГ поддерживала ЧДДС, правда, демократические социалисты более четко определяли место

Чехословакии как раз между двумя военно-политическими блоками – ОВД и НАТО. Так, в Малой программе ЧДДС (середина 1971 г.) уже целый раздел (8.1.) был назван «Суверенитет и нейтралитет государства». «Мы выступаем, – подчеркивается в нем, – в первую очередь, за *восстановление самостоятельности Чехословацкой республики как суверенного демократического государства*. Оккупация республики войсками пяти стран Варшавского договора без согласия и воли наших высших конституционных органов и поддержка, которую эти страны оказали нынешнему антинародному правительству, несовместимы с нашим дальнейшим членством в этом военном объединении. Безоговорочного вывода всех иностранных войск можно добиться как нашей собственной решимостью использовать все средства для достижения этой цели, так и при помощи давления со стороны демократических сил всего мира. Безопасность и территориальную целостность мы обеспечим сами. Чехословакия в дальнейшем не будет присоединяться к какому-либо военному пакту и провозгласит свой постоянный нейтралитет, обеспеченный собственными вооруженными силами и гарантированный великими державами»⁷.

Таким образом, у демократических социалистов к требованиям суверенитета и вывода войск из Чехословакии добавился еще один важнейший постулат – нейтралитет страны. Тезис о «постоянном нейтралитете», казалось бы, здравый, прагматичный и вполне органичный для Чехословакии – внеблоковой по своему историческому призванию – после разгрома СДЧГ не получил, к сожалению, дальнейшего развития. Диссидентские и оппозиционные сегменты чехословацкого антинормализационного движения его элементарно проигнорировали и отбросили.

Дальнейшее пятилетие – сложный период в истории чехословацкого антинормализационного движения, завершившийся появлением принципиально новой структуры – Хартии 77. Ее история обстоятельно изучена, однако трактовке и эволюции взглядов хартистов на чехословацко-советские отношения уделялось недостаточное внимание. Анализируя соответствующие документы Хартии 77 конца 1970-х и 1980-х годов, следует подчеркнуть, что уже к лету 1989 г. у ее представителей

возникло требование роспуска военно-политических блоков в Европе. Позднее оно «автоматически» перешло в число приоритетов внешней политики пришедшей к власти новой элиты – после 17 ноября 1989 г., – и находило положительный отклик у советского руководства.

Что же касается начала 1980-х годов, то здесь можно выделить письмо Хартии 77 федеральному парламенту и правительству ЧССР от 7 августа 1982 г. с рекомендацией начать переговоры с СССР о пересмотре договора о временном пребывании советских войск и выводе их из Чехословакии. В нем указывалось: «Вмешательство войск Варшавского договора четырнадцать лет тому назад и последовавшее силовое решение возникшего кризиса насильственно прервали процесс возрождения социалистического общества у нас, воспрепятствовали его продуктивным и творческим силам решить проблемы и задачи, отвечающие потребностям развития страны. Вместе с тем пребывание советских войск на нашей территории привело к *распространению сил обоих блоков и к ускорению мер по обеспечению их односторонних военных преимуществ*»⁸.

Еще один не менее значимый документ – «Пражский призыв» о перспективах европейского единения от 11 марта 1985 г. – требовал «поддерживать любую индивидуальную, коллективную и правительственную инициативу, служащую идеалу сближения и свободного единения европейских народов»⁹. Вопрос о выводе из Чехословакии иностранных войск уже ставился в нем на фоне новаторского предложения Североатлантическому альянсу и Варшавскому Договору «начать как можно раньше *переговоры о роспуске своих военных организаций*, о выводе и ликвидации всех размещенных или же нацеленных на Европу ядерных вооружений, а также о выводе воинских частей США и СССР с территорий их европейских союзников»¹⁰. Принципиально новым требованием Хартии 77 стало «проведение переговоров о роспуске ОВД и НАТО», прозвучавшее тогда впервые и встретившее поддержку 45 подписавших его хартистов, включая В. Гавела.

Начавшаяся в СССР перестройка вселила в оппозиционеров надежды на решение проблемы взаимоотношений двух государств на новых основаниях¹¹. В Заявлении Хартии 77 по случаю 17-й годовщины военной интервенции в Чехословакию

от 20 августа 1985 г. подчеркивалось: «Не строя поспешных иллюзий, нам хотелось бы выразить и определенную надежду, что современное общественное движение в Советском Союзе может стать более широким и подхваченным демократической общественностью импульсом. Мы полагаем, что болезненные европейские проблемы, нашедшие отражение в “Пражском призыве”, можно решать лишь *постепенным, долгосрочным и терпеливым преодолением блоковых барьеров*»¹².

В обстановке усиливавшегося противостояния протестной части общества и «режима нормализации» 17–19 июня 1988 г. в Праге прошел международный семинар «Прага 88», созванный оппозиционно-диссидентскими структурами – Хартией 77 и Независимым объединением за мир – инициатива за демилитаризацию общества. В нем приняли участие активисты гражданских инициатив и борцов за мир из 17 государств. Чехословацкие власти предприняли ряд мер, направленных на его срыв, но дух времени и «теплые ветры» из Кремля сделали возможным его проведение.

В итоговом документе семинара его участники пришли к выводу о необходимости поддержки любых предложений по учреждению европейского мирного парламента на неправительственном уровне. Они призвали начать дискуссию со всеми участниками европейской политической жизни без какой-либо дискриминации. Высказывались предложения учредить постоянный форум для проведения открытой политики, на который возлагалась задача оказывать всем позитивным элементам хельсинкского процесса поддержку снизу. Звучало предложение учредить центром форума Прагу и присвоить ему официальное название – Европейский парламент за мир и демократию¹³.

Детализируя данные призывы, документ утверждал: «Распространение демократии в странах Варшавского договора и демилитаризация их внутренней жизни неразлучно взаимосвязаны с разоружением и демилитаризацией Европы, *выводом всех иностранных войск и роспуском военно-политических организаций*. Составной частью этого процесса является актуальная потребность, чтобы правительства пяти стран Варшавского договора оценили интервенцию в Чехословакию в августе 1968 г. как нарушение международного права и сдела-

ли из этого выводы»¹⁴. Эти положения, тем самым, сохраняли преемственность с основными интенциями «Пражского призыва» от 1985 г., укрепляя видение единой Европы, живущей в условиях мира и демократии. К 20 июня 1988 г. участники семинара подписали этот текст, который, несомненно, поднял авторитет чехословацких диссидентов.

Они же, в свою очередь, 23 мая 1989 г. адресовали Открытое письмо странам-членам НАТО по случаю проходившей в Брюсселе конференции, посвященной 40-й годовщине создания альянса. «Мы, – говорилось в нем, – понимаем, что предстоит решить многие политические, государственно-правовые и военно-технические вопросы с тем, чтобы плюралистическая система безопасности превратилась в лучшую гарантию мира и безопасности по сравнению с системой нынешней. Но дальнейшему развитию международных отношений, несомненно, поспособствовало публичное заявление *государств НАТО о своем решении провести с Варшавским договором переговоры о роспуске обоих пактов до 2000 г.*»¹⁵ Документ подписали спикеры Хартии 77 Т. Градилек, Д. Немцова, А. Вондра, а также их предшественники в этом статусе – И. Динстбир, В. Гавел и В. Малы. В нем хартисты конкретизировали свои идеи, призывая, во-первых, именно государства альянса инициировать проведение переговоров о перспективах ОВД и НАТО, а во-вторых, определить хронологические маркеры ожидаемых их итогов, т.е. «роспуск обоих пактов до 2000 г.». Важно обратить внимание на подпись под документом будущего президента В. Гавела.

После свержения «режима нормализации» многие положения представителей антинормализационных структур стали тиражироваться гораздо более массовыми движениями, непосредственно определявшими облик новой Чехословакии. Это, в первую очередь, касается Гражданского форума. В разделе «Внешняя политика» его программного заявления «Чего мы хотим» от 26 ноября 1989 г. декларировалось: «Мы добиваемся того, чтобы наша страна снова заняла достойное место в Европе и мире. Мы – составная часть Центральной Европы и поэтому стремимся поддерживать добрые отношения со всеми соседями. Мы рассчитываем на вовлечение в европейскую интеграцию. Идею европейского дома мы хотим подчинить

и нашу политику в отношении партнеров по Варшавскому договору и СЭВ. Мы уважаем наши международные обязательства, причем при полном сохранении государственного суверенитета. Но вместе с тем мы хотим проверить те соглашения, которые мотивировались непомерными амбициями ведущих представителей государства»¹⁶.

В новогоднем (1990) обращении к гражданам президент некоммунистической Чехословакии В. Гавел, в частности, заявил: «Наше государство не должно больше быть “довеском” или “бедным родственником” какого-либо другого. Нам, конечно, придется многое почерпнуть у других и многому у них поучиться, но отныне, спустя длительное время, мы будем делать это как их равноправные партнеры, которым также есть что предложить <...> Мы маленькая страна, и, тем не менее, некогда мы были духовным центром Европы. Почему бы нам снова не стать им?»¹⁷. Конечно же, призыв Гавела следует отнести, в первую очередь, к сфере культуры. Но, как представляется, логическим продолжением данного его посыла вполне могла бы стать идея о нейтралитете Чехословакии, высказанная еще в 1970 г. оппозиционерами из СДЧГ.

Однако в самом начале президентства В. Гавел продолжал ориентироваться все же на хартистские установки. Это ясно прослеживается и в его беседе с М.С. Горбачевым 26 февраля 1990 г. в Москве. Вначале президент СССР отметил: «Наша страна, общество уже давно были “беременны” перестройкой. <...> За два-три года наши представления о прошлом и настоящем положении страны очень серьезно углубились. И тогда мы уже без стеснения стали говорить о необходимости революционных перемен. И это не метафора, не игра в яркие слова. Мы поставили целью провести мирную революцию»¹⁸. Гавел развил эту мысль: «Нашу революцию называют мирной и даже “нежной”, во всяком случае, это никакая не контрреволюция, как кое-кто склонен считать. И неверно изображать дело так, будто бы Гавел пытается вернуть страну к капитализму, травит коммунистов – ничего подобного. Мы возвращаемся к нормальному демократическому плюрализму и не собираемся возвращать фабрики их бывшим собственникам»¹⁹.

Далее гость поделился соображениями о «будущем европейском порядке»: «Когда я был в США, то в беседе с президентом

Бушем и в Конгрессе говорил о том, что эра двухполюсного мира кончилась. Открывается эра новой Европы. Я не очень люблю говорить о новом порядке в Европе, потому что этот термин скомпрометировал Гитлер. Вы, Михаил Сергеевич, как известно, говорите о европейском доме». Гавел назвал полезной идею созвать совещание на высшем уровне участников общеевропейского процесса: «Такое совещание могло бы стать эквивалентом мирной конференции в Европе. Оно должно подвести черту под итогами Второй мировой войны и послевоенным периодом. Думаю, важно, чтобы хельсинкский процесс перерос в нечто большее, чем то, что имеет место до сих пор. Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая <...> стала бы своего рода приемником Варшавского договора и НАТО».

Несколько позднее, 7 июня 1990 г., на совещании Политического консультативного комитета (ПКК) государств-участников Варшавского договора в Москве, в выступлении президента страны уже под новым названием – Чешская и Словацкая Федеративная Республика (ЧСФР) – проблема чехо-словацко-советских отношений в контексте взаимоотношений в рамках ОВД поднималась в принципиально ином ключе. «Мы, – отметил Гавел, – исходим из того, что *Варшавский договор – это временная организация, которая в настоящее переходное время должна и еще может сыграть определенную роль. Разумеется, при условии, что она подвергнется принципиальным политическим и организационным изменениям*. Сам Варшавский договор в том виде, как мы его знаем, как форма подчинения всех наших армий советской армии, прекратит свое существование, и не нужно будет его распускать <...> Союзнические обязательства участников договора можно выполнять исключительно в рамках обороны собственной территории»²⁰.

Фокусируясь на «принципиальных политических и организационных изменениях» Варшавского договора, президент ЧСФР не считал нужным даже упомянуть о другом военно-политическом блоке – НАТО. Это, безусловно, не могло не вызывать тревогу у советской стороны. Возможно, как раз по этой причине сразу же после завершения совещания ПКК в Москве в Прагу прибыл В.В. Загладин, помощник президента СССР М.С.

Горбачева. Впервые вводимые в научный оборот архивные записи его бесед многое объясняют в феномене, который можно назвать переформатированием взаимоотношений СССР и ЧСФР – с учетом позиций новой чехо-словацкой (уже с дефисом, появившимся 29 марта 1990 г.) политической элиты. Крайне важны соображения Загладина относительно динамики ее настроений после первых свободных парламентских выборов 1990 г., которые, как известно, принесли победу оппозиционным ГФ и ОПН²¹.

Особый интерес вызывает его аналитическая справка «О некоторых выводах из бесед в Праге» от 11–13 июня 1990 г. Во время пребывания здесь на общеевропейском симпозиуме Красного Креста Загладин встречался с рядом представителей тех сил, которые пришли к власти. Общую обстановку в стране все без исключения собеседники характеризовали как переход от «эмоциональной» к «рабочей» фазе революции 1989 г. Ими выделялись два этапа предстоявшего процесса: первый – до новых парламентских выборов 1992 г., когда «в целом будет сохраняться нынешняя партийно-политическая структура общества», и второй (после 1992 г.), когда «может сформироваться новая партийно-политическая структура в результате раскола Гражданского форума»²².

В целом, по мнению советского эмиссара, – можно было сделать следующий вывод: «Нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу <...> Однако руководители республики понимают, что без нашей перестройки, без нового мышления никаких изменений в их стране не произошло бы». Далее Загладин писал: «Если еще в недавнем прошлом руководство Гражданского форума (шедшего на выборы под лозунгом “Вернемся в Европу”) возлагало серьезные расчеты на то, что Запад буквально заключит Чехо-Словакию в свои объятия, то сейчас надежды на это постепенно испаряются <...> В этих условиях для ЧСФР, экономически тесно связанной с нами, возрастает значение сохранения и поддержания этих связей (на новой основе)»²³.

Сложность положения, как можно видеть с позиций сегодняшнего дня, заключалась в том, что СССР в тот переломный исторический момент оказался «занятым собой».

Горбачев фатально «не поспевал» за событиями и не мог тщательно и последовательно выстраивать линию взаимоотношений с Чехословакией – небольшим государством, ставшим Чехо-Словакией, которое, по большому счету, мало что значило в глобальной политике. А ведь это была в корне неверная позиция; Гавел как раз в это время примерял на себя одежды политика крупного, причем не только в подражание своему предшественнику – Т.Г. Масарику, но и в своем, не лишенном в то время оснований, статусе лидера «бархатных революций».

В аналитической справке Загладин весьма точно охарактеризовал внутривластительное положение ЧСФР: «Настроение простых людей (судя по беседам со старыми знакомыми, так и случайно встречавшимися лицами) тем не менее двойственное: ощущение “передышки” (наконец-то приходит “покой”) – в сочетании с определенной тревогой по поводу предстоящих реформ, особенно экономических, контуры, а особенно последствия которых пока не ясны». По прогнозам собеседников Загладина, к 1992 г. в стране могла сформироваться новая партийно-политическая структура, не исключали они и возможности изменения отношений между Чехией и Словакией²⁴.

Он также подчеркивал: «Еще большие сложности для нашей работы создает то, что в отношении к Советскому Союзу еще существуют недоверие и подозрительность <...> Правящие силы, хотя и воздают должное перестройке, отнюдь не забыли 1968 год и его последствия лично для них самих (руководство Гражданского форума, например, почти все состоит из людей, пострадавших после 1969 г., большинство из них и по несколько раз бывали в тюрьмах, некоторые были в эмиграции). Правые оппозиционные круги откровенно враждебны к нашему социалистическому выбору <...> В среде простых “неполитических” граждан единства в отношении к СССР нет. У людей старшего и среднего возраста чувствуется доброжелательность, смешанная с некоторым недоверием. У молодежи недоверие пока превалирует»²⁵.

О будущем отношений с СССР делался следующий прогноз: «В ходе бесед откровенно говорилось о препятствиях или трудностях для развития отношений, которые сегодня видятся с чехословацкой стороны. Это: вопрос о пребывании в ЧССР наших войск (руководители Гражданского форума с удовлет-

ворением отмечали, что ныне данная проблема по существу снята; хотя отдельные трудности и могут возникать, им не следует придавать особого значения) <...> Они говорили, они опасаются “сотрудничества консервативных сил” двух наших стран в борьбе как против перестройки в СССР, так и против перемен в ЧСФР, организации каких-то провокаций со стороны бывших сотрудников чехословацкой безопасности. Руководители форума обратились с просьбой о “партнерстве” советского правительства в разъяснении последнего вопроса»²⁶. Иными словами, «автоматического» переформатирования советско-чешско-словацких отношений ожидать не приходилось, но за этими опасениями могли скрываться и другие: они были связаны с тем, что СССР в целом останется «консервативной силой».

Проницательный аналитик В.В. Загладин четче обнаружил это в разговорах с отдельными представителями ГФ. Так, 12 июня 1990 г. состоялась его беседа с видными деятелями движения «Возрождение – Клуб за социалистическую перестройку», в прошлом – коммунистами, исключенными в годы «нормализации» из рядов КПЧ, директором Института международных отношений при МИД ЧСФР И. Котиком и профессором Карлова университета, главным редактором журнала *«Mezinárodní politika»* А. Ортом²⁷. «Гражданский форум, – читаем в справке Загладина, – это не партия, а движение, к тому же весьма неоднородное. В этом, по мнению собеседников, и сила, и слабость его. Окружение президента В. Гавела (которого оба собеседника характеризовали в целом положительно, как неопытного политика, но неплохого прагматика, патриота и гуманиста), к сожалению, также неоднородно, как и сам форум. В. Гавел сейчас провозгласил лозунг “профессионализации политики”. Это явно означает, что он будет искать новых людей»²⁸.

Мнение собеседников Загладина о международной обстановке сводилось к следующему: *«Внешиеполитическая программа нового руководства еще не разработана*: если в политическом плане вырисовалась ориентация на процесс СБСЕ, то в экономическом плане ясности не наблюдалось. Для быстрого вступления в Европейские сообщества, по их мнению, страна пока не была готова, поэтому “отрываться” от СССР, других стран-членов СЭВ невозможно. Это, как представляет-

ся собеседникам, все отчетливее понимает и В. Гавел»²⁹. Они осторожно, можно даже сказать аккуратно, предостерегали советского гостя относительно возможной смены внешнеполитических приоритетов. ЧСФР «пока» не готова и, в первую очередь по экономическим причинам, к вхождению в Европейские сообщества. Время, между тем, шло, и очень скоро «отрыв» Чехословакии от СЭВ стал реальностью.

Несколько иная тональность слышалась в беседе с революционерами-победителями из ГФ, с которыми Загладин встретился 13 июня 1990 г. Один из них, П. Кучера, заявил о готовности форума вступить в контакты с советской стороной, однако ЧСФР не хотела бы возврата к «старому типу связей», которые во многом были «односторонними». На это последовали заверения: «Мы нацеливаемся на самые хорошие, лучше всего не просто добрососедские, но дружественные отношения и плодотворное взаимодействие с ЧСФР как в двустороннем плане, так и на международной арене». Это заявление затем появилось в печати³⁰.

П. Кучера и другие участники беседы высказывали удовлетворение тем, как развиваются контакты между руководством двух стран. «Наш президент, – утверждал Кучера, – видит в советском лидере крупнейшего реалистически мыслящего политического деятеля, с которым можно и нужно плодотворно сотрудничать. В этой связи он сослался на московское совещание П[олитического] К[онсультативного] К[омитета] государств-участников ОВД (7 июня 1990 г. в Москве. – Э.З.), где, как он выразился, возможность и плодотворность такого сотрудничества была доказана на практике»³¹.

Собеседники обсудили такие вопросы, как пребывание советских войск на территории ЧСФР, так называемые приглашительные письма, послужившие в 1968 г. одним из поводов для вступления войск ОВД в Чехословакию, слухи об участии КГБ в событиях на Вацлавской площади и около нее 17 ноября 1989 г.³². Конечно, комплекс обсуждавшихся вопросов – в чем-то дань политической конъюнктуре, требовавшей «держать персты в ранах», т. е. напоминать, что не все прояснено в советско-чешско-словацких отношениях. Такой же данью конъюнктуре являлись и заверения в том, что у этих отношений хорошая перспектива. «Беседа закончилась тем, что руко-

водители ГФ заявили: «Мы переживаем за вас, искренне желаем успеха перестройке. Мы понимаем, что сами смогли сделать рывок вперед только благодаря переменам в СССР. Если бы перестройка не удалась, и мы оказались бы в тяжелейшем положении»³³, – заключал Загладин.

13 июня 1990 г. состоялась беседа один на один с А. Вондрай – советником президента ЧСФР. О желании страны «вернуться в Европу» чешский политик рассуждал так: «Идти надо вместе. Ясно, однако, что для этого надо окончательно разрушить возникшее в прошлом недоверие, прежде всего – со стороны ЧСФР <...> Политика перестройки, в частности – во внешней политике СССР, начала интенсивно разрушать это недоверие со стороны Праги. И здесь личные контакты, возможность откровенных, “без дипломатии” и утаивания друг от друга “беспокоящих моментов” приносят наибольшую пользу», – отмечалось в документе.

Вондра подчеркнул, что в ЧСФР наблюдают за поисками путей обновления в СССР. Они, на его взгляд, очень интересны. Но «ваше общество все еще, по моему впечатлению, говорил собеседник, не разобралось в том, что ему нужно: “привычное идеологическое определение” или действительно новое устройство жизни, достойное человека. У вас много спорят о терминах, но часто избегают говорить о том, что за ними стоит, что нужно конкретно делать <...> Насколько я понимаю, продолжал Вондра, перед вами, как и перед нами, стоит очень важная проблема: сочетать необходимую быстроту перемен и осторожность, учитывая их возможные последствия. Вообще темпы глубоких реформ – труднейшее “уравнение”».

Интересны комментарии А. Вондры по поводу встречи В. Гавела с Б.Н. Ельциным: «Человек он, конечно, интересный, своеобразный. Учитывая его избрание на пост Председателя Верховного Совета России – это важная фигура. Однако президента, рассказывал Вондра, смутил явный “пробел” между красивыми лозунгами Б.Н. Ельцина и его уклончивостью в том, как, какими путями можно реализовать эти лозунги. Видимо, ясности здесь у него нет»³⁴. Суждения Вондры в данной беседе здравы и убедительны, в них содержались и предостережения относительно того, что можно назвать «линией Ельцина» во внешней политике.

14 июня 1990 г. на встрече с Л. Добровским, который, по характеристике Загладина, «фактически являлся ближайшим и наиболее “слушаемым” советником министра И. Динстбира», затрагивались в основном внешнеполитические проблемы. Важнейшей задачей является, как отмечал Добровский, «и для СССР, и для европейцев – способствовать углублению и ускорению европейского процесса. Создаваемый механизм должен быть таким, чтобы СССР “прочно находился в Европе не только географически, но и политически, и экономически”. Во всех своих контактах на Западе мы, говорил собеседник, подчеркиваем “европейскость России”, ее необходимость для всего континента <...> В этой связи Добровский расспрашивал о наших намерениях насчет путей и форм обновления федерации, о том, будем ли мы добиваться, пусть в самых гибких формах, сохранения Союза как единства или же видим возможность отделения каких-то республик и разрыва их связей с нами»³⁵.

Интересны следующие записанные Загладиным пассажи этой беседы: «Свою важнейшую задачу, говорил собеседник, внешняя политика ЧСФР видит в том, чтобы не только не мешать, но содействовать реализации новаторского курса, который у нас называют “горбачевским”. Например, мы, продолжал Добровский, сочувствуем Литве, ее стремлению стать суверенным государством, но в контактах с литовцами говорим им: политически самое важное сейчас – не мешать Горбачеву, не усложнять ему ситуацию внутри страны, да и на внешней арене. Кстати, действуя таким образом, мы учитываем и более широкий аспект проблемы – опасность национализма, его распространения не только в СССР (что само по себе опасно), но и в других странах»³⁶.

В обобщающей аналитической справке «О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике» (октябрь 1990 г.) В.В. Загладин счел возможным заключить: «Несмотря на все это, в долгосрочном плане некоторые возможные тенденции внутреннего развития (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – Э.З.) отдельных стран начинают проследиваться (с поправкой на процессы дальнейших изменений)». Вердикт Загладина таков: «Чехословакия и Польша, где у власти фактически стоят не партии, а “зонтичные” орга-

низации (“Гражданский форум” и “Солидарность”), способные распадаться и переформировываться, вступили на путь неопределенности, который, скорее всего, выведет их на рубежи либерализма западного образца»³⁷. События ближайших лет в полной мере подтвердили правоту его слов.

В том же документе он пришел к следующему выводу: «Все происходящие перемены, бесспорно, отразились на внешнеполитической ориентации указанных стран. Тут тоже не все определилось, хотя во всех случаях прослеживается стремление “вернуться в Европу”», как в то же время везде (пусть с оттенками) налицо и желания не порывать связей с СССР, изменяя их в духе предложенного нами нового типа отношений. В политике восточноевропейских стран заметно и другое: стремление, с одной стороны, укрепить свою независимость, утвердить свою национальную идентичность, а, с другой, боязнь оказаться “в одиночестве”. Отсюда – попытки формирования каких-то субрегиональных группировок (в большей или меньшей степени оформленных) <...> Все это в целом означает, что для нашей политики объективно, вне зависимости от наших желаний, образуются определенные рамки возможностей, но и определенные императивы. Они касаются как перспектив отношений со странами Восточной Европы, так и влияния на их внутреннее развитие (через контакты и связи с ними)»³⁸.

Подобная тональность бесед сохранялась и в 1991 г., хотя контексты менялись с ошеломляющей скоростью. Примечателен в этом плане диалог практически терявшего почву под ногами президента СССР с заместителем председателя федерального чехо-словацкого правительства, уменьшавшего сферу своего влияния в пользу чешского и словацкого правительств. Не предвидеть в это время полного переформатирования советско-чешско-словацких отношений было невозможно, но беседа все же отличалась привычной благожелательностью.

Заместитель председателя правительства ЧСФР П. Рыхетский 12 ноября 1991 г. находился в Москве в связи с осуществлением в СССР поставок продовольствия под кредиты ЕС. Он подчеркнул: «Мы следим за развитием событий в вашей стране и видим определенную общность некоторых явлений. И у вас, и у нас часть политических деятелей смешивает понятия тоталитаризма и фашизма».

литаризма и федерации со всеми вытекающими последствиями. Это, как я считаю, плата за демократию. Оказалось, что демократию легче завоевать, чем сохранить. С учетом ситуации в СССР я восхищен Вашей, господин президент, борьбой, за сохранение Союза и считаю эту линию правильной. Ведь федерация наиболее демократичный способ сосуществования народов»³⁹.

Почти месяц спустя время подобного рода заявлений истекло: 8 декабря 1991 г. руководители РСФР, Белоруссии и Украины подписали Беловежское соглашение, учредившее в качестве субъекта международного права Содружество Независимых Государств, а 25 декабря Горбачев объявил о сложении полномочий президента СССР. Следовало говорить уже о российско-чешско-словацких отношениях, но в течение лишь немногим более года, поскольку Чехо-Словакия как единое государство исчезло с карты Европы 1 января 1993 г.

Материалы статьи показывают, почему к 1991–1992 гг. столь стремительно и весьма фундаментально переформатировались отношения между двумя федеративными государствами с социалистическим прошлым, почему сам тип таких государственных образований уходил в историческое небытие. Они же позволяют понять, почему взаимоотношения между новыми государственными образованиями – Российской Федерацией, с одной стороны, Чешской Республикой и Словацкой Республикой, с другой, характеризовались новым качеством и, к сожалению, не всегда соответствовали продуктивным многовековым традициям чешско-российских и словацко-российских связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб, 2012. С. 383.

² Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 51; *Она же.* Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*. Poznań,

2014. N 6. S. 261–275; см. также: Инакомыслие в условиях «реального социализма». Контурь новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2014. С. 346–380.

³ Анатомия конфликтов. Т. 1. С. 391.

⁴ Цит. по: *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны. С. 98.

⁵ Там же.

⁶ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 51. П. 154. Д. 14. Л. 141.

⁷ Анатомия конфликтов. Т. 1. С. 442.

⁸ Там же. С. 519.

⁹ Там же. С. 530.

¹⁰ Там же. С. 530–531.

¹¹ Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 118–134. См. также: *The Revolutions of 1989. A Handbook* / Eds. M. Gehler, W. Mueller. Wien, 2015. S. 271–283.

¹² *Charta 77. Dokumenty 1977–1989* / Eds. B. Císařovská, V. Prečan. Sv. 2. 1984–1989. Praha, 2007. S. 730.

¹³ Ibid. S. 1021.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. S. 1125–1126.

¹⁶ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. 2. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб, 2013. С. 695.

¹⁷ Там же. С. 713, 714.

¹⁸ В изданном многотомнике трудов М.С. Горбачева публикуются только части беседы. См.: *Горбачев М.С.* Собрание сочинений. Т. 18. Декабрь 1989 – март 1990 г. М., 2011. С. 331.

¹⁹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. М.С. Горбачев. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом. 26 II 1990. 1990feb26doc.

²⁰ Текст доступен по адресу: http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=304_projevy.html&typ=HTML (дата последнего посещения 1 IX 2015).

²¹ Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб, 2015. С. 422.

²² Архив Горбачев-Фонда. Фонд 3. В.В. Загладин. О некоторых выводах из бесед в Праге. 11–13 VI 1990. z90jun11doc.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же

²⁶ Там же

²⁷ Там же. Основное содержание беседы с видными деятелями движения «Возрождение» А. Ортом и И. Котиком. 12 VI 1990. z90jun12doc.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Основное содержание беседы в руководстве Гражданского форума Чехо-Словакии. 13 VI 1990. z90jun13a.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Основное содержание беседы с советником Президента ЧСФР А. Вондрой. 13 VI 1990. z90jun13c.

³⁵ Основное содержание беседы с пресс-секретарем МИД ЧСФР Л. Добровским. 14 VI 1990. z90jun14.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике. XII 1990. z90oct doc.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Ф. 1. Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с заместителем председателя правительства ЧСФР П. Рыхетским. 12 XI 1991. 91nov12bdoc.

Е.П. Серапионова

**ПРАГА И БЕЛГРАД:
СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ ОТНОШЕНИЙ**

Дружественные отношения Чешской республики с Республикой Сербия имеют давние традиции. Независимое Чехословацкое государство и Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, позднее Югославия) образовались в самом конце Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии. И то, и другое государство возникли как многонациональные, но централизованные, унитарные образования¹. В период между двумя мировыми войнами Чехословакия и Югославия были связаны военно-политическим и экономическим союзом в рамках Малой Антанты, направленной против ирредентистских притязаний Венгрии². С 1926 г. по 1946 г. Чешская православная церковь находилась под юрисдикцией Сербской православной церкви³.

На завершающем этапе Второй мировой войны основой взаимного сближения стала антифашистская направленность внешнеполитических устремлений, а позднее – идеологическая близость установленных в конце 1940-х годов режимов. Правда, конфликт И.В. Сталина с Й.Б. Тито в 1948 г. привел к тому, что Югославия, в отличие от Чехословакии, не входила в состав Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), образованного в 1949 г., и Варшавского договора, подписанного в 1955 г.

В 1990-е годы после демократических революций произошел распад обеих стран, причем в случае с Югославией он сопровождался военными конфликтами, международным вмешательством, крайне напряженными отношениями бывших союзных республик, а в случае с Чехословакией – имел характер хоть и болезненного, но мирного «развода».

В переходные 1990-е годы отношения между странами были далеки от идеала. Воислав Шешель – сербский оппози-

ционный националистический политик, основатель и председатель Сербской радикальной партии, 12 лет проведенный в Гаагской тюрьме – в интервью корреспонденту газеты «*Parlamentní listy*» («Парламентские листы») Радиму Паненко в феврале 2015 г. рассказывал: «Из тех 25 лет, которые прошли с момента падения коммунизма, я с грустью вспоминаю недружественную позицию Вацлава Гавела в отношении Сербии. Он был враждебен, несмотря на то, что, когда Гавела преследовал коммунистический режим, больше всех его защищали сербские интеллектуалы. В те времена мы устраивали протестные вечера и подвергали себя риску, защищая его. Когда никто не хотел ставить его пьесы, их ставили в сербских театрах. И после всего этого он занял крайне антисербскую позицию»⁴.

В марте 1999 г. Чешская республика (ЧР) добилась членства в Организации Североатлантического договора (НАТО), а менее чем через две недели была вынуждена поддержать натовские бомбардировки Белграда, хотя многие в Чехии были против этого. В июле 1999 г. международные силы KFOR (Kosovo Force) начали военную операцию на территории Косово. Чешская часть представляла собой батальон из 400 солдат. В 2002–2005 гг. в косовской операции приняли участие пять совместных чехословацких батальонов. Позднее Чехия взяла на себя командование международной бригадой «Центр» («*Střed*»). На Балканах в общей сложности побывали 15 тыс. чешских солдат⁵. Лишь после свержения президента Слободана Милошевича в 2000 г. отношения Сербии с США и большинством европейских государств нормализовались.

В 2004 г. ЧР вошла в Европейский союз (ЕС), тем самым осуществив и свою вторую стратегическую задачу, поставленную еще в начале 1990-х годов. Путь к обоим целям был отнюдь не простым, потребовал значительных усилий по изменению законодательства, проведению экономических преобразований, реформ в различных областях политической и хозяйственной жизни и оказался более длительным, чем это предполагалось вначале. Современная Сербия как самостоятельное государство, напомним, ведет отсчет с 5 июня 2006 г., после распада государственного сообщества Сербии и Черногории, и также ставит перед собой цель интегрироваться в ЕС. В феврале 2012 г. ЕС согласился считать Сербию кандидатом на вступление

в свой состав, и 1 марта того же года Республика Сербия получила официальный статус кандидата на вступление. Правда, как отмечали эксперты, само вступление может занять годы⁶.

В связи с этим интересно проследить, как складываются отношения между Сербией и Чехией на современном этапе.

20 июля 2011 г. чешское правительство одобрило новую внешнеполитическую концепцию, определяющую стратегические цели и приоритеты чешской внешней политики. По словам политолога В. Гулевича, гарантами национальной безопасности ЧР признаются НАТО и США, а страны Евросоюза призваны играть ключевую экономическую и политическую роль⁷. Главными стратегическими союзниками Чехии, согласно этому документу, признаются Германия и Польша, а Австрия, Венгрия, Словакия и Словения являются основными региональными экономическими партнерами. При этом Чехия стремится играть роль и на западе Балканского полуострова, опираясь на отношения со Словенией. Конечно же, после вступления ЧР в НАТО и Европейский союз внешняя политика страны ограничена обязательствами, взятыми на себя в качестве члена этих международных организаций. И Чешская республика вынуждена придерживаться общей стратегии Евroatлантической организации и ЕС, зачастую даже в ущерб собственным национальным интересам и вопреки традиционной политике. Ярким подтверждением этого явилось обсуждение 27 апреля 2015 г. в кабинете министров ЧР новой внешнеполитической концепции, в которой подтверждались приоритетность отношений с ЕС и НАТО, США назывались ключевым союзником, внесшими решающий вклад в разгром агрессивных тоталитарных режимов и восстановившими суверенитет страны. На юге приоритетным стратегическим партнером ЧР становится Израиль, в документе заявлено о намерении развивать отношения с Китаем, в основном экономические. Россия же признана дестабилизирующим фактором европейской безопасности⁸.

Налаживанию отношений с Сербией значительный вред принесло «вынужденное», по словам тогдашнего министра иностранных дел ЧР К. Шварценберга, признание независимости Косово, которое, как известно, 17 февраля 2008 г. объявило о независимости от Сербии. 21 мая того же года Чехия признала независимость Косово, открыв через 2 месяца

(26 июля) посольство в Приштине. Здесь надо отметить, что чешские политические лидеры не были едины: симпатии президента В. Клауса были на стороне сербов, он отказался назначить чешского посла в эту балканскую страну⁹. Чешские социал-демократы, коммунисты, значительная часть Гражданской демократической партии выступали против признания Косово. Чехия, согласовав свою позицию с партнерами по Вишеграду¹⁰, выдвинула два условия для признания косовской независимости: признание таковой большинством стран ЕС и обеспечение прав национальных и религиозных меньшинств в крае. При этом, как уже говорилось, многие чешские политики и граждане отрицательно отнеслись к одностороннему провозглашению независимости Приштиной. Только после трех месяцев дебатов Чехия в отличие от Словакии, с самого начала выступившей против¹¹, все же признала независимость Косово.

Реакция Белграда оказалась достаточно жесткой: из стран, признавших Косово, были временно отозваны послы, в том числе Владимир Вереш, сербский посол в Праге, должен был вручить ноту протеста и покинуть страну в течение 48 часов. Решение сербского правительства адресовалось первому заместителю министра иностранных дел ЧР Томашу Пояру в Чернинском дворце¹². Перед отъездом Вереш посетил президента ЧР. Признание 21 мая 2008 г. независимости Косово В. Клаус осудил и назвал поспешным, так как чешское правительство не дождалось ответа на собственные же требования. Необычное поведение президента, по мнению представителей некоторых дипломатических кругов, можно рассматривать как выражение того, что Чешская республика считает чешско-сербские отношения особыми. Приём прошел в неформальной обстановке. В ходе встречи Клаус наряду с глубоким сожалением по поводу ухудшения дипломатических отношений между обеими странами выразил убеждение, что возникшие проблемы удастся преодолеть и сохранить в будущем дружественные отношения между двумя государствами. Вызов на родину для консультации не является прерыванием дипломатических отношений и, как правило, носит временный характер¹³.

Попытки пересмотреть это решение в 2009 г. ничем не закончились. По мнению политолога И.Н. Тарасова, косовский вопрос стал особым испытанием для чешского руководства,

а признание независимости Косово нанесло существенный ущерб центрально- и восточноевропейскому направлениям политики Чехии¹⁴.

Стремясь сгладить обострившиеся двусторонние отношения, Шварценберг предложил Сербии максимальную поддержку в ее евроинтеграционных стремлениях. Вместе с тем, желая оправдать акт признания, он заявил, что чешская сторона крайне заинтересована в окончательном урегулировании проблемы Косово, так как там с 1999 г. находятся сотни чешских солдат, и правительство обеспокоено выполнением возложенной на них международной миссии.

Несмотря на эту конфликтную ситуацию, Чехия и Сербия пытались нормализовать отношения, и, надо признать, что в последние годы это стало удаваться. Политико-дипломатическая сфера чешско-сербских контактов развивается достаточно интенсивно. Подтверждением тому служат регулярные встречи и взаимные визиты президентов, премьер-министров и министров, на которых обсуждаются насущные вопросы двусторонних отношений и процессы европейской интеграции. Основой сближения является поддержка Чехией высказанных Сербией еще в начале 2000-х годов стремлений стать членом ЕС. О чешской поддержке этих усилий в очередной раз сообщил тогдашний премьер-министр Чехии Петр Нечас на встрече в Белграде с сербским коллегой в декабре 2012 г. По словам премьера, Чехия готова не только поддержать вступление Сербии в ЕС, но и помочь ей собственным опытом. Оба премьера обсудили экономическое сотрудничество между странами. По мнению Нечаса, благодаря дружеским отношениям двух стран существует огромный потенциал для их экономического сотрудничества. Вместе с премьером Сербию посетили министр промышленности и торговли Мартин Куба и солидная делегация представителей чешских фирм. Они выразили заинтересованность в участии в энергетических и инфраструктурных проектах. Когда речь коснулась Косово, Нечас признал, что для Сербии это очень болезненный вопрос, но выразил собственное мнение о необходимости как можно скорее наладить отношения между Белградом и Приштиной. Премьер Нечас встретился с президентом Сербии Томиславом Николичем и председателем Национального объединения

Сербии. Кроме того, премьер принял участие в бизнес-форуме в Белграде¹⁵.

В сентябре 2013 г. в сербской столице с официальным визитом побывал глава чешского дипломатического ведомства Ян Когоут, который встречался с сербским премьер-министром Ивицей Дачичем и министром иностранных дел Сербии Иваном Мркичем. После проведенных встреч были организованы пресс-конференции, на которых подчеркивались общие европейские перспективы и необходимость развития экономических связей двух стран. Оба министра иностранных дел отметили, что Чехия полностью поддерживает стремление Сербии стать членом ЕС и готова делиться своим опытом интеграции. Они обсудили возможности ускорения ассоциации Сербии с Европейским союзом, а также развития двустороннего экономического сотрудничества и чешских инвестиций в сербскую экономику, в частности в энергетику и железнодорожный транспорт. Когоут констатировал наличие хороших отношений между двумя странами и поблагодарил сербское руководство за поддержку чешского национального меньшинства¹⁶.

Как сообщало Международное радио Сербии 4 января 2014 г., во время встречи президента Сербии Т. Николича и президента Чехии М. Земана в Белграде была отмечена многолетняя дружба между двумя странами. Сербский президент подчеркнул важность поддержки со стороны официальной Праги диалога Сербии с Приштиной и выступление против новых условий для вступления Сербии в ЕС. Президенты заявили, что двусторонние отношения находятся на достаточно высоком уровне и характеризуются тесными экономическими и культурными связями. По итогам встречи с чешским коллегой Николич, в частности, заявил: «Мы не согласны с отдельными позициями Праги, в частности, с признанием независимости Косово, но это не мешает нам строить дружеские отношения»¹⁷. Земан в свою очередь подтвердил давнюю дружбу между двумя странами и полную поддержку сербских стремлений стать членом ЕС.

В конце октября 2014 г. премьер-министр Сербии Александр Вучич находился в Праге с официальным визитом. Он встретился со своим чешским визави Бугуславом Сobotкой, с которым обсудил взаимные двусторонние отношения в рам-

ках процесса евроинтеграции. Сербский премьер полагает, что чешские фирмы в состоянии поспособствовать оздоровлению экономики Сербии. При этом обсуждалось участие чешских компаний в проектах модернизации железнодорожного пути Ниш – Димитровград, реконструкции ТЭС «Штаваль» и сотрудничество двух стран в области сельского хозяйства. Вучич поблагодарил главу чешского правительства за помощь, оказанную Сербии во время майских наводнений, и пригласил Соботку приехать в Белград с ответным визитом, а также принять участие в саммите премьер-министров, намеченном в Белграде на декабрь 2015 г. Вучич отметил, что в 2013 г. товарооборот между двумя странами увеличился на 32%, а в 2014 г. вырос еще на 10,8% , составив 630 млн евро. Соботка заявил, что считает Сербию дружественной страной и выразил согласие принять участие в Китайском инвестиционном саммите в Белграде вместе с представителями чешской экономики и бизнеса, которые проведут переговоры о сотрудничестве и организации специального сербско-чешского форума.

Вучич встретился также с чешским министром торговли и промышленности Яном Младеком. Последний подчеркнул, что Сербия является для Чехии важнейшим партнером на Западе Балкан и поддержал разработку различных инвестиционных проектов. Стороны также наметили проведение заседания Совместного комитета в Белграде. Рост товарооборота между двумя странами за последние пять лет сопровождался, по словам Младека, двукратным увеличением числа совместных проектов.

Сербский премьер и министр финансов Душан Вуйович на встрече с представителями крупнейших чешских компаний рассказали о проведенных в стране экономических реформах и принятых законах, позволивших улучшить деловой климат, и пригласили чешских бизнесменов посетить Сербию и использовать новые возможности, предоставляемые иностранным инвесторам¹⁸.

Основой торгово-экономических взаимосвязей двух стран стало межправительственное соглашение об экономическом сотрудничестве, подписанное 20 июля 2005 г. в Праге. Согласно этому документу был создан смешанный чешско-сербский комитет по экономическому сотрудничеству, который за десять прошедших лет провел 8 заседаний. Дополнительный

протокол к этому соглашению был подписан в Белграде 4 мая 2010 г. и вступил в силу в конце того же года. Благодаря ему появились условия для включения чешских фирм в пилотный инфраструктурный проект по модернизации железнодорожного коридора X на трасе Ниш – Димитровград.

Торгово-экономическое сотрудничество двух стран регулируется еще рядом договоров и соглашений. Соглашение между правительством Чешской республики и союзным правительством Югославии о взаимной поддержке и охране инвестиций вступило в силу еще 29 января 2001 г. После вступления ЧР в ЕС и раздела общего государства Сербии и Черногории этот документ потребовал обновления. Обновленное соглашение подписали в Белграде 4 июня 2010 г., а действовать оно начало с 28 февраля 2011 г.

Договор об отмене двойного налогообложения был подписан в Праге 11 ноября 2004 г., а дополнительный протокол к нему – в сентябре 2009 г. в ходе визита министра финансов Сербии Дианы Драгутинович в ЧР (также начал действовать с 28 февраля 2011 г.).

14 мая 2010 г. сторонами был подписан дополнительный Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области сельского хозяйства. Согласно документу, сотрудничество должно осуществляться преимущественно в следующих областях: использование водных ресурсов, ветеринария, растениеводство и животноводство, экологические программы, лесное хозяйство, производство кормов, научные исследования по сельскому хозяйству, развитие деревни и безопасные продукты питания.

1 апреля 2014 г. в Белграде стороны подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области энергетики. Соглашение определяет основные области сотрудничества, ответственные министерства и приоритетные совместные проекты в данном секторе экономики.

Остаются до конца не отрегулированными взаимоотношения двух стран, сложившиеся на основе Платежного договора между правительством Чешской и Словацкой федеративной республики и Союзным исполнительным советом Скупщины Социалистической Федеративной Республики Югославия (Белград 8 февраля 1991 г.), хотя доли раздела активов и пассивов

вов бывших республик Югославии, а также Чехии и Словакии давно определены¹⁹.

Отношения между Чехией и Сербией развиваются в рамках реализации проектов так называемой экономической дипломатии. Одним из таких проектов стал обмен пищевой и аграрной продукцией. Министерство внешней торговли при поддержке МИД ЧР провело в сентябре 2014 г. в Белграде презентацию продукции пяти чешских фирм, занимающих ведущее место в секторе пищевой промышленности. Продукция других 13 чешских фирм была представлена в каталоге. В мероприятии участвовал посол ЧР в Белграде Ивана Главсова, подчеркнувшая, что данная область сотрудничества обладает немалым потенциалом. Она еще раз подтвердила поддержку ЧР планам вступления Сербии в Евросоюз. Чешскую сторону представляли также заведующая отделом поддержки экспорта в страны Европы, не входящие в ЕС, и Америки МИД ЧР Каролина Бартошева и Ондřej Мисячек, глава рабочей группы по сельскому хозяйству межправительственного чешско-сербского смешанного комитета по экономическому сотрудничеству. Эта акция широко освещалась сербскими СМИ, привлекла большое внимание со стороны сербских предпринимателей, среди которых присутствовал и заместитель министра сельского хозяйства Сербии Ненад Катаниц. Данный проект экономической дипломатии имел успех, так как конкретные переговоры о сотрудничестве состоялись уже в ходе презентации²⁰.

Как сообщило 26 ноября 2014 г. «Радио Прага», чешская компания «Alta», специализирующаяся на поставках технологического оборудования для машиностроения, горнодобывающей промышленности и производства стройматериалов, планирует построить неподалеку от города Сьеница в Южной Сербии тепловую электростанцию. Стоимость строительных работ – около 800 млн евро. Подписание контракта предполагалось в 2015 г., а начало эксплуатации электростанции – в 2019 г. Трудности вызывают вопросы финансирования проекта, переговоры об этом ведутся уже два года²¹.

Поддержка Чехией вступления Сербии в Евросоюз находит совершенно конкретные выражения и в области экономического сотрудничества двух стран. Так в феврале 2015 г. завершился двухлетний проект по модернизации таможенных сис-

тем Сербии, в котором вместе с сербской фирмой участвовали и две чешские – «*Aquasoft*» и «*Komix*». Проект по переводу таможенных и транспортных сетей на единую электронную основу осуществлялся при финансовой помощи ЕС (2,2 млн евро) и подразумевает в перспективе вступление Сербии в таможенную унию с ЕС, а также облегчает ежегодный транзит 60 тыс. грузовых фур через территорию Сербии. В мероприятии по успешному завершению проекта участвовали руководители таможенной службы Сербии и сербского Министерства финансов, заместитель главы делегации Евросоюза в Белграде Оскар Бенедикт и посол ЧР в Белграде Ивана Главсова.

В настоящее время обсуждается новый проект на сумму в 6,6 млн евро по дальнейшей модернизации системы пересечения границ, включающий в себя переоборудование пограничного участка Баймок и введение автоматизированной системы контроля за ввозом и вывозом товаров²². Торгово-экономическое сотрудничество Чешской и Сербской республик является приоритетным направлением двусторонних отношений. Для развития этой стороны взаимоотношений, как уже говорилось, был создан Смешанный комитет по экономическому сотрудничеству между Чешской республикой и Сербией.

В марте 2015 г. в Белграде состоялось восьмое заседание комитета. Чешскую делегацию предпринимателей (31 человек) возглавляли заместитель министра промышленности и торговли Владимир Бёртл и вице-президент Экономической палаты Чешской республики Борживой Минарж. Бёртл провел переговоры с министром экономики Сербии Желько Сертичем, министром горного дела и энергетики Александром Античем, а также с представителями министерств строительства, транспорта и инфраструктуры. В рамках заседания комитета обсуждения шли в пяти рабочих группах по вопросам торговли и инвестиций, энергетики, транспорта, финансов и развития заграничного сотрудничества. На предпринимательском форуме, организованном экономическими палатами двух стран, представители чешских фирм, работающих в сфере транспортной инфраструктуры, энергетики, строительства, сельского хозяйства и производства пищевых продуктов, имели возможность пообщаться с потенциальными сербскими партнерами. На форуме выступил председатель сербского правительства

А. Вучич. В конце мероприятия в торжественной обстановке был подписан протокол восьмого заседания Смешанного комитета²³.

Экономический отдел посольства ЧР в Белграде под руководством инженера Иржи Крала уделяет значительное внимание развитию торгово-экономической сферы взаимоотношений, играя посредническую роль и предоставляя необходимую информацию фирмам и компаниям, заинтересованным в развитии двусторонних контактов. На чешских официальных сайтах сообщается о состоянии сербской экономики и наиболее перспективных отраслях для чешских инвестиций. В Сербии продолжается реструктуризация экономики. Промышленное производство начинает развиваться благодаря иностранным инвестициям. Наиболее быстро развиваются традиционные отрасли – сельское хозяйство и пищевая промышленность, которые являются наиболее перспективными. Основная доля (90%) обрабатываемых земель в Сербии, 96% техники и 96% скота находятся в частном владении. Там насчитывается около 780 тыс. малых и средних фермерских хозяйств с земельным наделом средней величины (около 3 га). В сельской местности проживают около 3,3 млн человек (44% всего населения Сербии), из которых непосредственно на частных агропредприятиях и в фермерских хозяйствах постоянно трудятся около 580 тыс. жителей (22% сельского населения активного трудоспособного возраста). Согласно докладу комиссии ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО), в 2011 г. совокупный объем производства сельскохозяйственной продукции в Сербии составил 4,75 млрд долларов. Эта сумма превышает общую сумму, которой в этой области добились все государства, образовавшиеся после распада бывшей Югославии. Производство сербского аграрного сектора превысило доходы этой отрасли, суммарно полученные в Болгарии, Словакии и Чехии²⁴.

Оправдывают себя инвестиции в транспортную инфраструктуру Сербии, которая финансируется исключительно на основе иностранных вложений. Но ввиду значительного внешнего долга Сербии, чешское Министерство финансов предпочитает не давать государственных гарантий частным инвесторам, настаивая на предварительном обсуждении сов-

местных проектов в Смешанном комитете по экономическому сотрудничеству. В основном поддержанные проекты касаются железнодорожного транспорта и строительства шоссеиных дорог. Приватизированные сербские предприятия развиваются наиболее динамично, а ситуация в государственных холдинговых структурах, страдающих от переизбытка занятых на них рабочих и отсутствия заказов, мало изменяется к лучшему.

Часть предприятий развивает новые программы производства и инвестирует в современные технологии, поэтому им требуется новейшее оборудование из-за рубежа. Для чешских компаний это предоставляет возможность поставок оборудования для пивоваренных, цементных заводов, электростанций. Проблемы крупных предприятий требуют финансовых вливаний, что также может быть использовано чешской стороной, правда, на сербском рынке таких предприятий не очень много.

Долгосрочные перспективы сотрудничества имеются в области охраны жизненного пространства, так как подобные технологии в Сербии практически не разрабатываются. Проблема состоит в недостатке денег на местном уровне – у городов, деревень, – лишь некоторым из них удастся обходиться собственными силами. Ситуация осложняется низкой платой за коммунальные услуги (водоснабжение, вывоз мусора), в некоторых местах ограничения на увеличение коммунальных платежей носят социальный характер. То же, правда, в меньшей степени, относится и к ценам на электроэнергию. Закон позволяет делать инвестиции в малые гидроэлектростанции. Несмотря на некоторые проблемы, у чешских инвесторов есть шансы выгодно вложить средства в развитие энергетики в Сербии. Со временем Сербия будет вынуждена закрыть часть старых электростанций из экологических соображений. Возникнет необходимость строительства новых тепло- и гидроэлектростанций. Строительная отрасль в Сербии в настоящее время переживает трудные времена из-за снижения инвестиционной деятельности правительства. Основой отрасли остаются крупные предприятия с излишком рабочей силы, что повышает окончательную цену строительных проектов. Поэтому цена на новые строительные объекты в Сербии высока, и мало кто из населения может позволить себе ипотеку. И хотя в принципе эта отрасль остается перспективной, по оценкам спе-

циалистов, не следует ожидать отдачи в такие же сроки, как на внутреннем чешском рынке. Достаточно оживленно в Сербии ведется строительство частных домов на средства, присланные работающими за границей членами семьи, но в разных районах ситуация складывается кардинально противоположным образом. Тем не менее, чешская компания «Subterra» выиграла тендер на строительство шоссейного туннеля Банчарево при финансовой поддержке Европейского инвестиционного банка. Условия для инвестиций в сельское хозяйство Сербии также значительно различаются по районам.

Чешские фирмы продолжают участвовать в небольших энергетических проектах, создании транспортной инфраструктуры (поставки локомотивов, рельсов, строительного оборудования), в области строительства городской инфраструктуры и охраны жизненного пространства (обеспечение теплом, газификация, строительство сборных пунктов для вывоза мусора, проведение водопровода с питьевой водой, создание очистительных сооружений и т. п.). Есть возможность участия чешских компаний в переоборудовании и модернизации устаревших машиностроительных заводов. Консорциум чешских фирм, работающих в области строительства и ремонта железнодорожных путей, во главе с фирмой «Inekon» претендует на получение заказа на реконструкцию и электрификацию железнодорожного полотна на уже упоминавшейся трассе Ниш – Димитровград. Этот проект зафиксирован в протоколе межправительственного соглашения по экономическому сотрудничеству, подписанному обеими сторонами 4 мая 2010 г. в Белграде. Фирма «Alta» проявила интерес к участию в строительстве тепловой электростанции «Штаваль». С сербской стороны главными экспортными фирмами являются «Tigar» в г. Пирот (производство шин) и производители керамики и меди из местечек Севойно и Бор.

В мае 2015 г. в Белграде состоялась 59-я международная ярмарка строительной техники. ЧР официально участвовала в этой крупнейшей на западе Балкан специализированной выставке-ярмарке, причем ее участие среди 24 стран-участниц было наиболее массовым (15 фирм из разных чешских городов). Ярмарку «Техника» посетила посол ЧР в Сербии И. Главсова; Й. Крал участвовал в семинаре, проведенном в рамках

выставки. В чешском посольстве в Белграде в рамках проекта экономической дипломатии при поддержке министерства иностранных дел ЧР и Ассоциации чешских производителей железа была организована презентация чешских фирм, занимающихся производством продукции для железнодорожного транспорта, и используемых ими новых технологий. Участники мероприятия высоко оценили результаты проведенного мероприятия²⁵.

Чешские дипломаты четко отслеживают сербскую политику в отношении торгово-экономического сотрудничества со странами ЕС. Так, на сайте чешского посольства в Белграде появилась информация о принятом в июне 2015 г. сербским правительством решении несколько расширить поставки молока и молочных продуктов в Сербию из стран Евросоюза. Первоначальные квоты на поставки были введены, по словам сербского министра сельского хозяйства и среды обитания Снежаны Богосавлевич-Бошковиц, с целью поддержать сербских производителей, которые находятся в худшем положении по сравнению с фермерами из Евросоюза ввиду отсутствия правительственной финансовой помощи. В результате пересмотра квот за первые 4 месяца 2015 г. Сербия ввезла из стран ЕС 2700 т. молока, сухого молока и сыра на сумму 6 млн евро, тогда как за соответствующий период 2014 г. – 1200 тонн на сумму 4 млн евро. Количество ввезенной сметаны и йогурта увеличилось по сравнению с 2014 г. в 6 раз. В целом обмен сельскохозяйственными продуктами между Сербией и ЕС развивается весьма интенсивно и в 2014 г. достиг 1,98 млрд евро, причем с положительным сальдо в 334 млн для Сербии. Постепенное расширение квот происходит в соответствии с § 32 Соглашения о стабилизации и ассоциации и должно подготовить сербских фермеров к конкуренции, ожидающей их после вступления в ЕС²⁶.

Что касается торгового обмена между двумя странами, то анализируя показатели за период 2009–2014 гг., можно нарисовать следующую картину: 2009 г. характеризовался увеличением чешского экспорта и, в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, значительным падением торгового взаимоборота. Так, если в 2008 г. экспорт из ЧР в Сербию составлял 304 млн 15 тыс. евро, то в 2009 – 191 млн 291 тыс. евро. А импорт в ЧР соответственно в 2008 г. – 174 млн 544 тыс., а в 2009 г.

–111 млн 46 тыс. евро. В 2010 г. ситуация несколько улучшилась (экспорт из ЧР в РС 249 млн 512 тыс., импорт 137 млн 237 тыс.), а в 2011 г. был достигнут рекордный за последнее пятилетие товарооборот (экспорт из ЧР 390 млн 292 тыс., импорт в ЧР 193 млн 838 тыс.) и самый большой чешский экспорт и импорт в отношении Сербии. В 2012 и 2013 гг. из-за неважной экономической ситуации в обеих странах наблюдалась, по данным Чешского статистического бюро, стагнация в их торговых отношениях. Однако, согласно сербской статистике, в 2013 г. вывоз из ЧР в Сербию все-таки увеличился на 10,1% (331 млн евро), а импорт из Сербии в ЧР – на 8,26% (241 млн евро), причем увеличилась доля Чехии в общем импорте в Сербию с 2% до 2,1% и в общем экспорте из Сербии с 1,5% до 2,2%. ЧР стоит на 18 месте в списке наиболее значимых торговых партнеров Сербии, а Сербия, в свою очередь, на 36 месте в списке наиболее значимых торговых партнеров Чехии.

Чехия экспортирует в Сербию: автомобили, электрическое оборудование, радиоприемники, телефоны, батарейки, аккумуляторы, кабели, чугунные конструкции, компьютеры, полиэтилен. Импортирует Чехия из Сербии: мёд, электрооборудование, сидения, запасные шины, медные и оцинкованные материалы, автомобили. С 2010 г. увеличивается взаимный оборот торговли электроэнергией.

В связи с резким усилением летом 2015 г. потока мигрантов Чехия пообещала выделить Сербии 850 млн долларов для решения проблемы беженцев. «Чехия хочет помочь странам, являющимся транзитными с точки зрения мигрантов»²⁷, – заявил премьер-министр Чехии Б. Сobotка 1 сентября 2015 г. на совместной со своим сербским коллегой А. Вучичем пресс-конференции в Белграде. По словам главы правительства, Чехия выступает за сохранение шенгенской зоны и поиск решения по стабилизации ситуации в странах, из которых прибывают мигранты²⁸.

Успешно развиваются и культурные контакты двух стран. В последнее время в Сербии и Чехии, как, впрочем, и в других странах, весьма популярными стали исторические реконструкции. В августе 2015 г. в центральной Сербии в стенах средневекового монастыря Манасия недалеко от города Деспотиц прошел первый международный Фестиваль витязей, в котором

наряду с представителями других стран активно участвовали и мастера исторической реконструкции из Чешской республики²⁹.

Вместе с тем внешнеполитические позиции двух стран значительно отличаются, в первую очередь по отношению к России. Если ЧР действует в целом полностью в русле общеевропейской политики санкций, то сербский посол в Москве Славенко Терзич заявил, что Сербия не поддерживает антироссийские санкции и никогда к ним не присоединится. Вместе с тем Сербия сохраняет нейтралитет по поводу событий на Украине, считая их внутренним вопросом.

В октябре 2014 г. президент России В.В. Путин находился в Белграде на параде по случаю освобождения Сербии от гитлеровской Германии, и сербский президент наградил его орденом. Сербия сотрудничает с НАТО, но в сербской конституции пока закреплён внеблоковый статус страны. По мнению сотрудницы ИМЭМО РАН П. Соколовой, для Сербии характерно балансирование между ЕС и Россией³⁰.

Президент Сербии Т. Николич был возмущен призывами словацкого евродепутата Э. Кукана не участвовать в Параде Победы в Москве в мае 2015 г., заявив, что неприлично давать советы тому, кто в них не нуждается³¹. Правда, считается, что президент Сербии настроен пророссийски, тогда как сербский премьер-министр смотрит скорее на Запад (и в этом тоже можно усмотреть аналогии с Чехией). Во время визита в США в сентябре 2015 г. Вучич заявил, что Сербия хотела бы стать их надежным партнером. Но на вопрос Дж. Керри, почему тогда страна не присоединилась к санкциям против России, он ответил, что подход чисто прагматический, так как экономические потери от введения санкций Сербии никто не возместит. Реакция сербского премьера на замечание американского госсекретаря о том, что Сербия находится в сильной зависимости от российских энергоносителей, также была весьма непосредственной: он отметил, что не видит альтернатив российским поставкам, и что, вероятно, нереально ожидать поставок энергоресурсов из-за океана по тем же ценам³².

В сентябре 2015 г. сербские десантники приняли участие в совместных военных учениях трех стран (России, Белоруссии и Сербии – «Славянское братство-2015»). На вопрос кор-

респондента, не повредит ли подобная практика интеграции Сербии в ЕС, министр иностранных дел Сербии И. Дачич ответил, что возражений со стороны НАТО не было, а Евросоюз не военная организация. При этом он подчеркнул, что Сербия является самостоятельной независимой страной, которая сама решает, с кем и как сотрудничать³³.

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на ряд разногласий, касающихся политических вопросов, отношения между двумя странами развиваются достаточно интенсивно, основываясь на поддержке Чехией членства Сербии в ЕС и торгово-экономическом сотрудничестве сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подробнее см.: Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М, 2011. С. 219–291; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории: в 2-х кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. Кн. 1. М., 2005. С. 95–218.

² Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике, 1918–1925. М., 1974; *Sládek Z* Malá dohoda 1919–1938. Její hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha, 2000; *Marès A.* Od Nové Evropy k Evropě diktátorů: Střední Evropa ve dvacátých letech 20.století // Zrod nové Evropy: Versailles, St-Germain, Trianon a dotváření poválečného mírového systému / J. Dejmek J. a kol. Praha, 2011. S. 255–264.

³ Бурега В.В. Чехословацкая православная церковь: путь к автокефалии. – Текст доступен по адресу: www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39938.htm (здесь и далее дата последнего обращения 1 X 2015).

⁴ Drsný srbský politik Šešelj po dvanácti letech propuštěný z Haagu: Za všechno zlo může Západ. A Putinovo Rusko s Čínou... // Parlamentní listy. 2015.18 II. – Текст доступен по адресу: www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Drsny-srbsky-politik-Seselj-po-dvanacti-letech-propusteny-z-Haagu-Za-vsechno-zlo-muze-Zapad-A-Putinovo-Rusko-s-Cinou-361347. Цит. по: Шешель: Во всем виноват Запад. 18 II 2015 – Текст доступен по адресу: www.inosmi.ru/world/20150218/226337288.html.

⁵ 15 лет со дня вступления Чехии в НАТО. – Текст доступен по адресу: www.420on.cz/news/politics/43263-15-let-so-dnya-vstupeniya-kehii-v-nato.

⁶ Артемьев А. Белград – в кандидаты. – Текст доступен по адресу: www.gazeta.ru/politics/2012/02/28_a_4014741.shtml.

⁷ Гулевич В. Центральная Европа и внешняя политика Чехии. – Текст доступен по адресу: www.interaffairs.ru/news/show/7806.

⁸ *Шишкина Н.* Чехия: новый курс? – Текст доступен по адресу: www.aftershock.su/?q=node/304868.

⁹ Земан: Косово является страной террористов и наркоторговцев. Информ Прага. 23 I 2013. – Текст доступен по адресу: www.gazeta.cz/article/3719-zeman-kosovo-yavlyaetsya-stranoy-terroristov-i-narkotorgovtsev.

¹⁰ Вишеградская группа – объединение Венгрии, Польши, Чехословакии (с 1993 г. Чехии и Словакии), созданное в 1991 г. для координации внешней политики.

¹¹ Позднее, уже в июле 2012 г. Словакия признала общегражданские паспорта граждан Косово и согласилась на выдачу им виз. Но официально не признает Косово, дипломатические и служебные паспорта косовар. См.: Словакия начала признавать общегражданские паспорта Косово. – Текст доступен по адресу: www.saletur.ru/Словакия/news/54685_Словакия_начала.

¹² Чехия заявила о признании Косово – сербский посол покинет Прагу. Radio Praha. 23 V 2008. – Текст доступен по адресу: www.radio.cz/ru/rubrika/bulletin/novosti--2626.

¹³ Президент Клаус принял сербского дипломата. Radio Praha. 23 V 2008. – Текст доступен по адресу: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/bulletin/novosti--2626#2>.

¹⁴ *Тарасов И.Н.* Ориентиры внешней политики Чехии // Перспективы. Фонд исторической перспективы. – Текст доступен по адресу: www.perspektivy.info/print.php?ID=35925.

¹⁵ Дачич – Нечас: Чехия поддерживает Сербию на европейском пути // Международное радио Сербии. 2012 17 XII. 18:28 – Текст доступен по адресу: <http://voiceofserbia.org/ru/content//дачич-нечас-чехия-поддерживает-сербию-на-европейском-пути>.

¹⁶ Традиционно дружеские отношения Сербии и Чехии // Моя Сербия. 20 IX 2013. Текст доступен по адресу: www.srbija.ru/news/6045-id. Источником послужило сообщение на сайте «Международного радио Сербии» от 19 IX 2013. – Текст доступен по адресу: www.voiceofserbia.org/ru/content/традиционно-дружеские-отношения-сербии-и-чехии.

¹⁷ Николич и Земан: Отношения Сербии и Чехии на высшем уровне // Международное радио Сербии. 1 IV 2014. – Текст доступен по адресу: www.voiceofserbia.org/ru/content/николич-и-земан-отношения-сербии-и-чехии-на-высшем-уровне.

¹⁸ Вучич: ЕС является стратегической целью Сербии. 31 X 2014 // Международное радио Сербии. 1 IV 2014. – Текст доступен по адресу: www.voiceofserbia.org/ru/content/вучич-ес-является-стратегической-целью-сербии.

¹⁹ Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/jnp/cz/encyklopedie_statu/evropa/srbsko/ekonomika/index.html.

²⁰ *Prezentace českých potravinářských firem – projekt ekonomické diplomacie // Velvyslanectví České republiky v Bělehradě – MZV ČR. 3 X 2014. – Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/belgrade/cz/obchod_a_ekonomika/prezentace_ceskych_potravinarskych_firem.html.*

²¹ *Вашикова Л.* Чешская компания Alta надеется построить в Сербии тепловую электростанцию // *Radio Praha. 26 XI 2014. – Текст доступен по адресу: www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/cheshskaya-kompaniya-alta-nadeetsya-postroit-v-serbii-teplovuyu-elektrostaniciyu.*

²² *Česká účast na modernizaci srbské celní správy // Velvyslanectví České republiky v Bělehradě – MZV ČR. 13 II 2015. – Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/belgrade/cz/obchod_a_ekonomika/ceska_ucast_na_modernizaci_srbske_celni.html*

²³ *Zasedání Smíšeného výboru pro hospodářskou spolupráci mezi Českou republikou a Srbskem // Velvyslanectví České republiky v Bělehradě – MZV ČR. 17 III 2015. – Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/belgrade/cz/obchod_a_ekonomika/zasedani_smiseneho_vyboru_pro.html.*

²⁴ *Сельское хозяйство Сербии – Текст доступен по адресу: www.business-balkan.com/info/selskoe-hozyaystvo-serbii-0.*

²⁵ *Veletrh Tehnika v Bělehradě a související prezentace českých firem v rámci projektu ekonomické diplomacie // Velvyslanectví České republiky v Bělehradě – MZV ČR. 18 V 2015. – Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/belgrade/cz/obchod_a_ekonomika/veletrh_tehnika_v_belehrade_a.html.*

²⁶ *Dovozní přírázky na mléko a mléčné výrobky // Velvyslanectví České republiky v Bělehradě – MZV ČR. 8 VI 2015. – Текст доступен по адресу: www.mzv.cz/belgrade/cz/obchod_a_ekonomika/dovozni_prirazky_na_mleko_a_mlecne.html.*

²⁷ *Чехия выделит Сербии более \$800 млн для решения проблем с мигрантами. 1 IX 2015. – Текст доступен по адресу: www.gazeta.ru/social/news/2015/09/01/n_7541231.shtml.*

²⁸ *Чехия выделит Сербии более \$800 млн для решения проблем с мигрантами. 2 IX 2015. – Текст доступен по адресу: ru.ara.az/news/298810.*

²⁹ *Фестиваль рыцарей открылся в Сербии. 26 VIII 2015. – Текст доступен по адресу: www.newsmcs.ru/festival-vityazej-otkrylsya-v-serbii/.*

³⁰ *См. интервью с сотрудником ИМЭМО РАН П. Соколовой: Сербский парадокс, или Между Россией и НАТО. 20 XI 2013. – Текст доступен по адресу: www.pravda.ru/world/europe/balkans/22-10-2014/1232305-serbia-0/.*

³¹ *Ходякин А.* Президент Сербии: давление ЕС на Белград уже переходит все границы // *Комсомольская правда. 22 III 2015.*

³² *Радугин Е.* Сербские манёвры. – Текст доступен по адресу: politikus.ru/events/58193-serbskie-manevry.html.

³³ *МИД Сербии: Ссора с друзьями ради ЕС была бы сравнима с суицидом. 2 IX 2015. – Текст доступен по адресу: www.so-l.ru/news/show/mid_serbii_ssora_s_druzyami_radi_es_bila_bi_sravn.*

Е.А. Колосков

МАКЕДОНСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991–2003 гг.

Взаимоотношения трех республик бывшей Югославии, а именно Сербии, Черногории и Македонии, вызывают определенный интерес в силу того факта, что три эти республики оказались примером мирного, можно сказать «бархатного» распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), по сравнению со Словенией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной, ставшими иллюстрацией того, что обычно всплывает в памяти при словах «Распад Югославии», «Югославская война» или, даже просто, «Югославия».

Выходу одной из этих трех стран, а именно Македонии, а также ее взаимоотношениям с оставшимися в составе Югославии Сербией и Черногорией, в первую очередь, и посвящена данная статья. Хронологические рамки определены началом распада СФРЮ и окончанием существования Союзной Республики Югославия (СРЮ) – предпоследнего государства, носящего в своем наименовании термин «Югославия». Последним таким государством можно считать Республику Македония (РМ), которая в большинстве международных организаций фигурирует под наименованием «Бывшая Югославская Республика Македония».

В рамках нашего исследования мы собираемся затронуть следующие сюжеты: процесс выхода РМ из состава распадающейся югославской федерации; сложности, возникшие с выводом югославской армии с территории нового государства; основные этапы взаимодействия СРЮ и РМ, как двух независимых государств, и основные проблемы сотрудничества этих двух осколков бывшей СФРЮ в начале 2000-х годов.

Как известно, 25 июня 1991 г. Словения и Хорватия провозгласили свое отделение от СФРЮ. На следующий день депутаты от Внутренней македонской революционной организации – Демократической партии за македонское национальное единство (сокращенно ВМРО–ДПМНЕ) выступили с предложением об отделении Македонии. С другой стороны, по воспоминаниям Д. Димитрова (в то время – министр образования РМ), К. Глигоров – первый президент Македонии – предложил кабинету министров выступить с осуждением Словении, что было проигнорировано¹. 27 июня началась «Десятидневная война» в Словении, закончившаяся выводом Югославской народной армии (ЮНА) с территории республики уже 6 июля. Вскоре вспыхнула война в Хорватии, а затем, в марте 1992 г., – в Боснии и Герцеговине.

В этих условиях главной целью внешней политики македонского правительства стало признание суверенитета и независимости РМ. Для этого, прежде всего, предстояло распространить суверенитет над своей территорией, что было сопряжено с проблемой присутствия в Македонии частей ЮНА.

В Македонии находилась 3-я армия ЮНА (3 А). Она располагалась на территории 3-ей «Скопской» военной области (3 ВО), которая охватывала, помимо собственно Македонии, еще и часть Южной Сербии и Косово и являлась сильнейшей в Югославии². 3 А насчитывала около 36 тыс. военнослужащих, имела в своем распоряжении около 300 единиц бронетехники и 100 самолетов³. На территории 3 ВО имелись даже ракеты средней дальности⁴. Помимо прочего, в состав 3 А входила известная Нишская механизированная бригада. Причины нахождения столь мощной группировки на территории Македонии объяснялись военно-стратегическими соображениями: предполагалось, что 3 ВО будет иметь возможность противостоять предполагаемой агрессии с востока, юго-востока (Турция и Греция, входившие в состав НАТО) и с севера, северо-востока (Болгария, входившая в ОВД)⁵. Для сравнения, полицейские силы Македонии насчитывали порядка 10 тыс. сотрудников⁶.

В связи с переходом конфликта на западе федерации в фазу открытой войны в Македонии резко обострилась проблема

призыва на военную службу. Еще 6 мая 1991 г. был убит Сашо Гешоский – военнослужащий, призванный из Македонии. Всего же в ходе конфликта в Словении и Хорватии погибли более 30 военнослужащих из этой республики⁷. 2 июня 1991 г. македонское правительство попросило отпустить попавших в плен в ходе столкновений в Словении и Хорватии военнослужащих из Македонии, а вновь призванных не отправлять из страны⁸. 4 июня перед македонским Парламентом – Собранием прошла крупная манифестация солдатских матерей (3–4 тыс.). 6 июня в Македонию были возвращены солдаты, попавшие в плен в Словении⁹.

Движение солдатских матерей развивалось и в других республиках СФРЮ. Кульминацией их деятельности стало прибытие в Белград делегаций солдатских матерей из Хорватии, Боснии и Македонии, которые обратились с просьбой демобилизовать их сыновей, призванных в ЮНА¹⁰.

Обстановку также нагнетали резкие выступления македонских правых. Еще 5 марта 1991 г. ВМРО–ДПМНЕ потребовала от ЮНА покинуть территорию Македонии¹¹. По мнению ряда современников, в тот момент, весной – летом 1991 г., была реальная угроза эскалации конфликта из-за действий правых сил¹².

Официальную позицию македонского правительства в отношениях с ЮНА обозначил премьер-министр Н. Ключев:

- отказ от военного конфликта, блокады казарм и т.д. (то есть от хорватского варианта);

- просьба к верховному командованию ЮНА вернуть всех офицеров и солдат македонского происхождения на родину. Гарантии их занятости со стороны правительства Македонии. Отказ от посылки призывников в ЮНА;

- обеспечение безопасности в новых условиях македонскими органами внутренних дел;

- просьба к гражданам не поддаваться на провокации, чтобы не спровоцировать конфликт;

- разработка в Собрании проекта декларации о нейтралитете и демилитаризации Македонии¹³.

Естественно, подобная позиция означала отказ от действий в связке с президентом СФРЮ С. Милошевичем. Это вызвало известное недовольство в кругах ЮНА. Но, по всей видимос-

ти, Белград не имел возможности одновременно влиять и на положение дел в Македонии и вести войну на западе страны. Впрочем, данная позиция Македонии означала и отказ от сотрудничества с западными республиками.

Одновременно македонское руководство начало подготовку к юридическому оформлению своего суверенитета. 8 сентября 1991 г. был проведен референдум, на котором победу одержали сторонники отделения Македонии от Югославии. 20 ноября была принята конституция РМ. Вместе с тем македонское руководство ожидало резкой реакции Белграда на подобные действия, вплоть до агрессии со стороны ЮНА¹⁴. Нисколько не обнадеживали македонских руководителей и контакты Милошевича с греческим руководством, имевшие место еще 16–17 апреля 1991 г.

Первые переговоры о статусе ЮНА прошли 12 июня 1991 г. с министром обороны Югославии генералом В. Кадиевичем. Но, по всей видимости, они, как и встреча Глигорова с Милошевичем 27 декабря 1991 г., не привели к какому-либо результату (об этом пишет в мемуарах сам К. Глигоров)¹⁵. Переговоры с Генштабом ЮНА стали фактом лишь после начала формирования Армии Республики Македонии (АРМ)¹⁶ и принятия Собранием РМ закона «Об обороне» в январе 1992 г.¹⁷

Соглашение было достигнуто 21 февраля 1992 г. во время встречи первого гражданского министра обороны РМ Т. Гоцеского и К. Глигорова с группой сербских военных во главе с новым министром обороны Югославии генералом Б. Аджичем.

Македонская платформа на переговорах с Б. Аджичем выглядела следующим образом:

- 3 А ЮНА покидает территорию РМ;
- ЮНА забирает все свое вооружение и снаряжение, включая тяжелое вооружение Территориальной обороны (ТО) Македонии¹⁸;
- ЮНА целиком сохраняет инфраструктуру (казармы, больницы и т.д.), пограничные посты, техническую аппаратуру и т.д.;
- Возвращение военнослужащих македонского происхождения на родину (по их желанию).

Расхождения сторон были вызваны следующими пунктами: во-первых, очень остро стоял вопрос о сохранении радиоло-

кационной аппаратуры, необходимой для нормального функционирования аэропорта Петровец (после 2006 г. – «Александр Великий»). Командование ЮНА, покидая Македонию, хотело забрать его с собой¹⁹. Во-вторых, сложной проблемой стало вооружение и снаряжение сил ТО Македонии. Предполагалось, что силы ТО в случае агрессии должны были выставить порядка 100 тыс. человек²⁰. Помимо тяжелого вооружения, югославские военные хотели забрать и легкое, предназначенное ТО. Подобные действия полностью лишили бы Македонию запасов оружия и техники, что в условиях введенного эмбарго на их поставку в югославские республики 25 сентября 1991 г.²¹ стало бы невосполнимой потерей для РМ.

Не лишним будет отметить, что участники переговоров с македонской стороны обвиняли югославский генералитет в постоянном давлении на руководство РМ. О напряженном характере переговоров с сербскими генералами пишет в мемуарах К. Глигоров. Т. Гоцевский описывает ситуацию, когда ген. Куканец, командующий 3 ВО, расположил снайперов в Доме армии (здание, находящееся в центре Скопье в прямой видимости здания правительства, Собрания и других важных объектов столицы)²². Также имели место провокации военного характера: минирование неизвестными лицами казарм в городах Кочени, Штип, Тетово, аэропорта Петровец и других стратегических объектов страны²³, угрозы авиаударов по объектам в Скопье²⁴.

В интервью Т. Гоцевский говорил о подписании условий договора на летном поле, на котором находились подготовленные для выполнения боевого задания самолеты ВВС ЮНА, целью которых якобы были правительственные объекты в Скопье. Он даже упоминал о возможном похищении представителей македонского руководства²⁵.

Очевидно, македонские политики сгущают краски с целью очернения своих коллег по переговорам, что находится в контексте традиционного для Запада образа Югославии времен Милошевича. Страхи оказались напрасными: результатом переговоров стал договор, предусматривавший окончательную передислокацию ЮНА с территории РМ 15 апреля 1992 г., а возвращение военнослужащих македонского происхождения – до 30 апреля того же года²⁶.

Таким образом, стороны сумели прийти к компромиссу и добиться главного – сохранения мира и жизней людей. Македонскому руководству удалось не только договориться с командованием ЮНА, но и удержать радикальные силы внутри страны, которые собирались «открыть третий фронт войны с Сербией»²⁷. Стоит отметить, что их югославские коллеги по переговорам также проявили выдержку и готовность к компромиссу, хотя силы 3 ВО могли в течение 2–4 часов взять под контроль всю территорию Македонии.

11 марта 1992 г. АРМ получила под контроль первый КПП (Рамна нива) на македонско-болгарской границе, а завершился процесс передачи пограничных объектов 20 марта²⁸. 26 марта АРМ получила последний и самый крупный военный объект – казармы им. маршала Тито, и 27 марта македонское руководство взяло под свой контроль всю территорию страны. Последние подразделения ЮНА покинули территорию Республики Македонии 2–3 мая 1992 г.²⁹

17 марта был назначен первый начальник ГШ АРМ Митре Арсовский³⁰. 14 апреля в освободившиеся казармы начали прибывать первые призывники АРМ. 17 апреля президент К. Глигоров в торжественной обстановке открыл новую надпись на Доме армии: «Республика Македония, Дом армии – Скопье»³¹.

Достаточно сложно в данных условиях говорить о целях и задачах, которые преследовало правительство Милошевича и генералитет ЮНА на переговорах с македонской стороной. Достоверных свидетельств не сохранилось, но представляется вполне логичным, что, несмотря на многочисленные заявления бывших македонских политиков о желании Милошевича сохранить Македонию в составе СРЮ или, на худой конец, разделить македонские земли между болгарами, сербами и греками, вряд ли югославская сторона действительно была готова перекраивать границы в Европе и уж тем более открывать новый фронт Югославской войны.

После вывода ЮНА отношения между РМ и СРЮ развивались достаточно напряженно. С одной стороны, сильнейшим ударом по двухсторонним отношениям стало экономическое эмбарго против СРЮ, наложенное международным сообществом, – Македония лишилась основного рынка сбыта своей сельскохозяйственной продукции и была вынуждена

в экстренном порядке налаживать отношения с другими странами. Кроме того, циркулирующие слухи о возможной агрессии или заговоре Милошевича против Македонии ложились на благодатную почву в целом достаточного негативного образа лидера СРЮ в мире вообще и на Балканах в частности. Также не последнее место в списке претензий занимали попытки ряда сербских полевых командиров (в частности, Ж. Ражнатовича – Аркана) искать новых бойцов в РМ.

Другим немаловажным субъективным фактором стало наличие достаточно политически активной албанской общины Македонии, которая всегда, так или иначе, присутствуя в Собрании РМ, постоянно оказывала давление на всех политических деятелей, которых подозревали в «сербофилии». Пожалуй, наиболее ярким примером в данном случае является первый президент независимой Македонии – Глигоров.

С другой стороны, объективно, обе страны имели и другие весьма серьезные внешнеполитические проблемы, которые предстояло решать в срочном порядке, а выстраивание добрососедских отношений отходило на второй план. Для молодого македонского государства это было борьба за международное признание под конституционным наименованием и обеспечение безопасности страны. Для СРЮ – выход из международной изоляции и решение проблемы прав сербского населения вне Сербии и Черногории.

Итак, бескровный выход Македонии из состава Югославии вовсе не означал установление дипломатических отношений между СРЮ, считающей себя наследницей СФРЮ, и РМ. Двухсторонние контакты были восстановлены лишь 8 апреля 1996 г.³² заключением Соглашения, регулировавшего отношения и содействие сотрудничеству между СРЮ и РМ³³. На следующий день, 9 апреля, был заключен еще целый спектр соглашений, связанных с сотрудничеством в сфере таможенных отношений, связи, инвестиций, налогов и инфраструктуры³⁴.

Для македонского руководства установление добрососедских отношений и фактическое дипломатическое признание РМ под конституционным наименованием со стороны СРЮ было очень важным событием. С одной стороны, это укрепляло внешнеполитическую позицию нового государства, с другой – ослабляла внутривосточную напряженность, свя-

занную с циркуляцией слухов о готовящемся нападении со стороны Милошевича, у которого теперь, после Дейтонского соглашения, «были развязаны руки»³⁵.

После установления дипломатических отношений в 1997 г. был заключен, а в 1998 г. в основном ратифицирован ряд соглашений по научному и техническому сотрудничеству в сфере сельского хозяйства и науки. Также был решен статус посольских учреждений, урегулированы вопросы сотрудничества и обмена в области спорта, культуры и науки³⁶.

В конце 1998 г. к власти в Македонии пришла коалиция «За перемены» в составе ВМРО – ДПМНЕ (лидер – Л. Георгиевский) и Демократическая альтернатива (лидер – В. Тупуровский). К удивлению многих, в сформированное правительство 30 ноября 1998 г. помимо прочих вошла Демократическая партия албанцев (ДПА), возглавляемая Арбенем Джафери. ДПА была основана в июне 1997 г. при объединении Партии демократического процветания албанцев и Народной демократической партии. В новом правительстве ДПА получила сразу три министерства, что стало своеобразным рекордом в политической жизни Македонии³⁷.

Лидер ДПА так прокомментировал сотрудничество с македонской правой коалицией: «Мы нашли настоящих партнеров. Эта партия [ВМРО – ДПМНЕ] – не просербская партия, а партия, которая придерживается промакедонских позиций. И только с этой идеей мы сможем применить на практике фундаментальные принципы, которые очень важны для региона»³⁸.

Объединение македонских и албанских националистов на первых порах добилось значительного успеха в преодолении противоречий между двумя крупнейшими общинами Македонии. Был освобожден мэр Гостивара (осужденный, в рамках так называемого спора о флагах этнических общин РМ), обещаны деньги на содержание Тетовского университета. Амнистию попытался пресечь Глигоров, однако Собрание РМ преодолело его вето³⁹, что стало наглядным свидетельством падения влияния первого президента Македонии. В результате 14 ноября 1999 г. Глигоров не принял участие в президентских выборах. Новым главой государства стал кандидат от ВМРО – ДПМНЕ Б. Трайковский.

Победа кандидата-однопартийца позволила премьеру Л. Георгиевскому более уверенно проводить внешнюю политику, в первую очередь направленную на дистанцирование от Милошевича и фактическую поддержку интервенции НАТО против Югославии весной – летом 1999 г.

Для Македонии косовский кризис стал важнейшим и тяжелейшим потрясением, однако нельзя сказать, что она была полностью к нему не причастна. Еще 12 июня 1998 г. македонское руководство удовлетворило просьбу НАТО о предоставление самолетам альянса воздушного пространства⁴⁰ (впервые разведывательные самолеты появились в Македонии еще раньше – 19 мая 1998 г.)⁴¹.

15 июня в Македонии прошли воздушные учения НАТО «Решительный сокол» с участием 79 самолетов НАТО⁴². Правительство в лице министра обороны Л. Китановского в день начала учений заявило о том, что «территория страны не может быть использована для проведения военных операций против какого-либо соседнего государства»⁴³. На аналогичных позициях находился и Глигоров, заявивший 11 октября 1998 г., что «РМ не может принимать участие в военной интервенции против одного из своих соседей»⁴⁴. Однако пришедшая к власти оппозиция имела другие взгляды. На встрече с командующим силами НАТО в Южной Европе Георгиевский заявил, что «позитивно относится к намерению разместить эвакуационные силы НАТО в Македонии»⁴⁵, и 2 декабря после обсуждения в Собрании РМ было дано согласие на дислоцирование сил НАТО⁴⁶. 4 декабря посол США в РМ К. Хилл передал в дар Македонии военную технику и оборудование на сумму 14 млн долл.: 41 джип Хаммер, 15 грузовиков JMS, 30 радиостанций и 120 комплектов обмундирования⁴⁷.

7 декабря 1998 г. послу СРЮ в РМ З. Яначковичу замминистром иностранных дел Т. Илиевским было заявлено, что «размещение на территории эвакуационных сил опирается на стремление международного сообщества к поиску политического решения вопроса Косово как составной части СРЮ, при активном участии обеих заинтересованных сторон. Силы НАТО в РМ должны рассматриваться исключительно сквозь призму их эвентуальной миротворческой функции в отношении наблюдателей ОБСЕ в Косово»⁴⁸.

15 февраля 1999 г. был созван Совет обороны РМ. 5 марта с македонской стороны была отмечена концентрация на границе ВС Союзной Республики Югославии. 12 марта 1999 г. Глигоров обратился с просьбой к генсеку ООН К. Анану о продлении мандата миротворческих сил в РМ. Однако уже 29 марта миротворцы стали покидать Македонию. Это было результатом признания новым правительством РМ Тайваня, вследствие чего Китай наложил вето на продление мандата миротворческих сил в Македонии. Однако еще за несколько дней до этого, 21 марта, Совет безопасности РМ обратился с просьбой к НАТО обеспечить безопасность страны⁴⁹. По всей видимости, причиной данного шага стала боязнь распространения конфликта на территорию Македонии после ухода миротворцев.

Македонское руководство находит много объяснений своей позиции в дни накануне и во время агрессии НАТО против Югославии, заявляя, например, что боевые самолеты не использовали аэродромы РМ. Тем не менее, факт в основном негативного отношения к роли страны в конфликте со стороны граждан Македонии (славянского происхождения) говорит о том, что правительство осознавало последствия.

Точку в противостоянии СРЮ и НАТО поставили переговоры в македонском городе Куманово (8–10 июня 1999 г.). Технические соглашения, подписанные в ночь с 9 на 10 июля 1999 г., стали первым юридическим шагом отделения Косово от Сербии. Однако научный интерес к данным переговорам в силу их статуса достаточно незначительный и о какой-либо реакции на их проведение на территории Македонии говорить не приходится.

Позиция македонских властей значительно изменилась после окончания Косовского кризиса 1999 г. и событий в Южной Сербии в 2000 г. Македонское руководство стало опасаться распространения албанских требований и на Западную Македонию – регион традиционного компактного проживания македонских албанцев, численность которых значительно увеличилась за счет беженцев в 1999 г.

Первым шагом фактически восстановления прерванных в 1999 г. отношений стало подписание 29 декабря 2000 г. Протокола о сотрудничестве между МИД двух стран⁵⁰. 23 февраля 2001 г. правительством Георгиевского был заключен договор

с Сербией о границе⁵¹. Есть некоторые основания полагать, что после конфликта в Южной Сербии и до начала конфликта в Македонии в 2001 г. было заключено и некое не афишируемое соглашение между югославской и македонской сторонами. Единственным подтверждением этому может служить выражение готовности сербской стороны в случае эскалации гражданской войны в Македонии выступить на стороне ее славянского населения⁵².

В ходе же непосредственного конфликта в Македонии в 2001 г. СРЮ, как и остальные соседи Македонии, оказывали Скопье активную поддержку. Важнейшим фактом, отражающим сотрудничество Белграда и Скопье в сфере безопасности, стало подписание Протокола о сотрудничестве между министерствами обороны двух стран 4 июня 2001 г.⁵³

В дальнейшем основное внимание двух стран привлекала проблема демаркации границ. Так, 13 августа 2002 г. был подписан Протокол заседания совместной македонско-югославской комиссии по разграничению и маркировке государственной границы между Республикой Македония и СРЮ, совместной комиссии по сохранению, охране, восстановлению и маркировке македонско-болгарской государственной границы и объединенной комиссии по восстановлению, маркировке и охране болгарско-югославской государственной границы⁵⁴.

Резюмируя недолгую историю взаимоотношений СРЮ и РМ, можно прийти к выводу, что, как и вся история югославского кризиса, данный сюжет отношений стран Балканского полуострова содержит много противоречий и парадоксов. Безусловно, важнейшим фактором взаимоотношений двух государств на первом этапе до 1998 г. было соотношение внешней политики СРЮ – весьма противоречивые действия Милошевича на международной арене – и вмешательства в югославский кризис извне – в первую очередь, переформатированного после окончания холодной войны НАТО и ЕС в югославские события. На втором этапе после 1998 г. важнейшим фактором стал так называемый албанский вопрос – целый спектр противоречий, как во внешней, так и во внутренней политике двух государств, связанный с наличием албанского меньшинства и его претензиями на более значимое место на политике РМ.

Пришедшее в 1998 г. в РМ право-ориентированное правительство Георгиевского заключило договор с албанской общиной, а в скором времени предоставило НАТО помощь в Косовском конфликте 1999 г. Казалось, эти действия на долгое время испортили отношения двух стран, и тем более поразительно, что уже в ходе кризиса 2001 г. Белград протянул руку помощи официальному Скопье в борьбе с албанскими инсургентами. Процесс урегулирования вывода ЮНА с территории Македонии и установления взаимоотношений между Скопье и Белградом также очень сложен и еще содержит множество «белых пятен» и вопросов, а также взаимных обвинений двух стран.

Приятно осознавать, что весьма сложные отношения между бывшими республиками распавшейся Югославии сегодня объективно налаживаются, и в настоящее время Сербия и Македония являются партнерами и, несмотря на бывшие противоречия, доставшиеся им, так сказать, по наследству проблемы более или менее благополучно решены. Две страны характеризует высокий уровень торгового оборота и сотрудничества в различных сферах деятельности. Пожалуй, совместное празднование в 2012 г. 100-летней годовщины Кумановской битвы – лишь один, но весьма яркий пример сотрудничества двух государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью с Д. Димитровым // (в личном архиве автора).

² Интервью с Т. Гоцевским // (в личном архиве автора).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Глигоров К.* Македонија е се што имаме. Скопје, 2002. С. 192.

⁸ *Тунтев А.* Република Македонија. Прва декада (1990–1999). Скопје, 2005. С. 15.

⁹ Там же.

¹⁰ *Гоцески Т.* Кризите во независна Република Македонија. Скопје, 2010. С. 63.

¹¹ *Тунтев А.* Република Македонија. Прва декада (1990–1999). С. 12.

¹² Интервью с Т. Гоцевским // (в личном архиве автора); интервью с Любчо Георгиевским // (в личном архиве автора).

¹³ *Гоцески Т.* Одбранбенато осамастојување на Македонија. Куманово, 2001. С. 23–24.

¹⁴ Интервью с Д. Мирчевым // (в личном архиве автора); интервью с Д. Димитровым // (в личном архиве автора).

¹⁵ *Глигоров К.* Македонија е се што имаме. С. 211.

¹⁶ Интервью с Т. Гоцеским // (в личном архиве автора).

¹⁷ *Глигоров К.* Македонија е се што имаме. С. 190.

¹⁸ Территориальная оборона – составная часть Вооруженных сил бывшей СФРЮ. Силы территориальной обороны примерно соответствуют народному ополчению, или резерву Вооруженных сил. Каждая из югославских союзных республик имела собственные военизированные соединения ТО. Они состояли из небольших подразделений легкой пехоты, предназначенных для обороны в хорошо известной им местности.

¹⁹ Интервью с Т. Гоцеским // (в личном архиве автора); *Глигоров К.* Македонија е се што имаме. С. 198–199.

²⁰ Интервью с Т. Гоцеским // (в личном архиве автора).

²¹ Резолюция СБ ООН № 713 (1991). Текст доступен по адресу: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1991/res713.htm> (дата последнего посещения здесь и далее 1 XI 2015).

²² Резолюция СБ ООН № 713 (1991).

²³ *Гоцески Т.* Кризите во независна Република Македонија. Скопје, 2010. С. 88.

²⁴ Там же. С. 90.

²⁵ Интервью с Т. Гоцевским.

²⁶ *Гоцески Т.* Кризите во независна Република Македонија. С. 79–80.

²⁷ Там же. С. 79–80.

²⁸ Там же. С. 90–91.

²⁹ Там же. С. 92.

³⁰ Там же. С. 90.

³¹ Там же. С. 92.

³² Дипломатски односи со Република Србија / Министерство за надворешни работи на Република Македонија. См.:

<http://www.mfa.gov.mk/index.php/mk/nadvoresna-politika/bilateralni-odnosi/sosedstvo>.

³³ Македонија / Билатерални уговори / Билатерални односи са странаим државама / Министарство спољних послов. См.:

www.mfa.gov.rs/sr/images/stories/bilateral_ugovori/MAKEDONIJA.doc.

³⁴ Там же.

³⁵ Интервью с Д. Малеским // (в личном архиве автора).

³⁶ Македонија / Билатерални уговори.

³⁷ *Philips J.* Macedonia: Warlords and rebels in the Balkans. New York, 2004. P. 75.

³⁸ Цит. по: *Philips J.* Macedonia: Warlords and rebels in the Balkans. P. 76.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ѓутнев А. Република Македонија. Прва декада (1990–1999). С. 57.

⁴¹ АФП РФ. Фонд 943. Оп. 5. П. 8. Д. 2. Л. 118.

⁴² Там же. Л. 152.

⁴³ Там же. Л. 149.

⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 77.

⁴⁵ АВП РФ. Фонд 894. О. 6. П. 6. Д. 3. Л. 187.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Фонд 943. О. 5. П. 8. Д. 3. Л. 135.

⁴⁸ Там же. Л. 139.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Македонија / Билатерални уговори.

⁵¹ Договор помеѓу Република Македонија и СРЈ за протегање и опис на државната граница // Документи за Република Македонија, Скопје, 23 февруари 2001. С. 928–932.

⁵² *Philips J.* Macedonia: Warlords and rebels in the Balkans. P. 86.

⁵³ Македонија / Билатерални уговори / Билатерални односи са странам државама / Министерство спољних послов.

www.mfa.gov.rs/sr/images/stories/bilateral_ugovori/MAKEDONIJA.doc.

⁵⁴ Там же.

Е.Ю. Гуськова

**УПРАВЛЯЕМОСТЬ ПРОЦЕССОМ
УРЕГУЛИРОВАНИЯ КРИЗИСА НА БАЛКАНАХ
НА ПРИМЕРЕ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(АВГУСТ 1992 г.)**

Кризис, охвативший Югославию с конца 1980-х годов, вылился в 1990-е в кровавые войны (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово) и закончился распадом федерации на пять независимых государств. С начала конфликта международные организации и отдельные страны постепенно включались в урегулирование, правда, с разной степенью интенсивности. Особенностью этого процесса было то, что в первой половине 1990-х годов, наряду со старыми, заслужившими славу миротворцев организациями (ООН, СБСЕ, ЕС), создавались и новые, специально для балканского конфликта: Международная конференция по бывшей Югославии (МКБЮ), большая и малая Контактные группы, комиссии и комитеты. Балканами стали заниматься и нетрадиционные для этой сферы деятельности организации, например, НАТО, Ватикан, а также Организация исламской конференции. Во время переговоров применялась разная методика – от уговоров, ультиматумов, до использования силы. Следует признать, что усилия большинства организаций были малоэффективными и итогом бурной деятельности международных организаций явились разрастание, углубление и расширение кризиса.

В хаосе переговорного процесса заметной стала тенденция быстро признать факт распада Югославии и предоставить независимость республикам. Этому активно сопротивлялся Белград. Так, план лорда Каррингтона, который обсуждали осенью 1991 г., менялся многократно и, в конце концов,

сторонам было предложено создать на месте Югославии суверенные республики. Сербия отказалась подписывать этот план. Желание Сербии и Черногории сохранить федерацию рассматривалось представителями переговорного процесса как доказательство их виновности в разжигании конфликта. Арбитражная комиссия, созданная специально для того, чтобы найти правовое обоснование дезинтеграции СФРЮ, осенью 1991 г. признала факт распада югославской федерации. А 17 декабря 1991 г. в Брюсселе был принят документ, в котором утверждались условия признания новых государств в Восточной Европе. В конце 1991 – начале 1992 г. наметился процесс признания рядом европейских государств независимости Хорватии и Словении. В неудаче переговоров по Боснии и Герцеговине (БиГ) в феврале 1992 г., под покровительством ЕС и руководством португальского дипломата Жозе Кутильеро, также обвинялись Белград и сербы БиГ.

На С. Милошевича, президента Сербии, оказывалось огромное давление для того, чтобы он признал распад Югославии, согласился с независимостью бывших республик СФРЮ, принудил руководство сербов в Боснии прекратить войну. Для большей уступчивости Белграда, структуры ЕС и ООН разработали меры наказания Сербии и Черногории. Санкции вводились поэтапно. 5 июля 1991 г. на встрече министров иностранных дел ЕС в Гааге министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер предложил ввести эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить ей финансовую помощь. 25 сентября 1991 г. Совет Безопасности (СБ) ООН принял резолюцию 713 о запрете ввоза оружия в Югославию. 2 декабря 1991 г. Совет министров ЕС принял решение о введении экономических санкций против Сербии и Черногории. Резолюция 757 СБ ООН от 30 мая 1992 г. содержала статьи о полном торговом эмбарго, остановке всех финансовых операций, всех авиаперевозок, приостановке научного, культурного, спортивного и технического сотрудничества.

Следует обратить внимание на то, что в самой Сербии ситуация была крайне сложной. 27 апреля 1992 г. Сербия и Черногория объявили о создании Союзной Республики Югославии (СРЮ). Президентом новой Югославии стал известный писатель, оппозиционер Добрица Чосич. На должность пре-

мьер-министра сам Милошевич предложил бизнесмена из Калифорнии, серба по происхождению, Милана Панича. Для Милошевича такой выбор означал попытку укрепить позицию Югославии в мире, ведь Чосич, который активно критиковал внутреннюю и внешнюю политику Милошевича, выход из кризисной ситуации в стране видел в «политике демократического компромисса»¹. Сам себя он называл человеком оппозиции и перемен, стремящимся к реформам, изменению порядков «партийного государства», разрыву с титоизмом и нынешним устройством. В программной речи в Скупщине новый президент СРЮ выступил за создание «нового, демократического цивилизованного государства сербского народа»². Возможно, и Запад надеялся на демократизм писателя и его склонность к компромиссам.

Ситуация осложнялась тем, что СРЮ являлась непризнанным государством, её не воспринимали наследницей СФРЮ. Согласно решению Арбитражной комиссии, бывшие республики СФРЮ должны были поделить между собой имущество, долги, членство в международных организациях, прежде всего, ООН. Д. Чосич с горечью записал в своём дневнике: «Государство, чьим президентом я являюсь, не существует для Европы, Америки и Объединённых Наций. Я являюсь президентом фиктивного государства. Государственного политического самозванца. Идеологической химеры. Я фиктивный президент. Союзная Республика Югославия симулирует государство; я симулирую ее президента»³. Однако Милошевич был уверен, что никто не может оспорить легитимность новой Югославии и ее преемственность СФРЮ.

Санкции поставили югославов на грань выживания, ширилось оппозиционное протестное движение, стране грозило исключение из членов ООН.

В этих условиях Белград стал настаивать на созыве новой международной конференции. 30 мая 1992 г. Президиум Югославии (Сербия и Черногория) направил Генеральному секретарю ООН Б. Бутросу-Гали телеграмму с просьбой созвать Международную конференцию по бывшей Югославии, в которой бы участвовали постоянные члены СБ, представители ЕС и все заинтересованные лица. Предложение о работе конференции включало 98 пунктов. Об этом же писал прези-

дент СРЮ Д. Чосич в письме Б. Бутросу-Гали 30 июня. Эта инициатива была поддержана Францией⁴.

Великобритания, как председательствующая страна в ЕС, 25 июля 1992 г. официально объявила о созыве в конце августа новой, более широкой международной конференции по Югославии. Приглашения были разосланы членам Совета Безопасности, ЕС. Японии, Канаде, Швеции, Турции, Индонезии, Швейцарии, Сенегалу, другим странам и всем республикам бывшей Югославии.

Югославия возлагала на конференцию большие надежды и активно к ней готовилась. Новое руководство страны во главе с президентом Д. Чосичем и премьер-министром М. Паничем вырабатывало свой компромиссный подход к урегулированию ситуации на Балканах. Они готовы были идти на многие уступки, показывая добрую волю к миру, ожидая, однако, такой же доброй воли и от других участников конфликта. Они надеялись, что их стремление к миру будет оценено, и санкции с Югославии будут сняты.

4 августа 1992 г. Чосич создал Совет по выработке государственной политики. В его состав входило руководство (президент и премьер-министр) СРЮ, Сербии, Черногории, министры иностранных и внутренних дел, а также специальный советник Президента СРЮ С. Стоянович. Задачей Совета стала выработка платформы делегации Югославии на конференции в Лондоне. Этому были посвящены два первых заседания Совета, 11 и 18 августа⁵, где после острой дискуссии была разработана Платформа участия делегации СРЮ на Лондонской конференции. Кроме того, Чосич 20 августа пригласил на разговор 20 лидеров политических партий из СРЮ, Сербии и Черногории, чтобы выслушать их мнение о позиции югославской делегации в Лондоне. Президент обсуждал также эти вопросы с патриархом Павлом и руководством Сербской православной церкви, а затем и с научной элитой.

Готовились к конференции и в России. В конце июня югославский вопрос впервые обсуждался в российском парламенте. Он сначала прорабатывался в Комитете по международным делам, а затем был вынесен на заседание Верховного Совета. И хотя тема была новая для российских парламентариев, обсуждение показало их заинтересованность в том, что-

бы понять и оценить проблему. Благодаря активности парламента, удалось добиться того, чтобы в работе конференции в составе официальной российской делегации принимал участие руководитель Комитета по международным делам Е.А. Амбарцумов. Его точка зрения отличалась от взглядов министра иностранных дел А.В. Козырева, поэтому все надеялись, что он сможет повлиять на российскую позицию в Лондоне.

Трудность югославской делегации заключалась в том, что она представляла ещё непризнанное государство, и делегатов очень волновал вопрос их статуса на конференции. Кроме того, о программе работы было мало что известно. Чосич предполагал, что на конференции, возможно, будут обсуждаться вопросы окончания войны в БиГ, признания югославских республик в границах СФРЮ, статуса сербов в Хорватии и «специального статуса» Косова (автономный край), Санджака (район на юге Сербии с преимущественно албанским населением) и Воеводины (автономный край), положения беженцев⁶. Однако и перед вылетом даже глава делегации Д. Чосич не имел программы конференции. Никто из сербских участников тогда не мог и предполагать, что Западные страны на конференции рассчитывали публично осудить Югославию и принудить ее к уступкам, от которых, по их мнению, зависел мирный исход конфликта.

Буквально накануне конференции в западных СМИ развернулась, как записал в дневнике Д. Чосич, «злонамеренная кампания против сербов и Сербии, с угрозами и требованиями военной интервенции. Сербов обвиняли в “этнических чистках мусульман”, в создании “концентрационных лагерей”. Писали, что сербы – это “новые нацисты”, а Милошевич – “новый Гитлер”»⁷. В очень резких тонах говорил в те дни президент США Дж. Буш. Он требовал поддержать все бывшие республики СФРЮ и изолировать Сербию. Чосич предполагал, что задача этой информационной кампании – «обвинить сербов как преступников, чтобы получить “моральное” право их “по справедливости” наказать. Это американская формула политической правды. Готовится оправдание военной интервенции»⁸. С такими размышлениями югославская делегация отправилась в Лондон.

Конференция проходила 26–27 августа под председательством Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали и премьер-министра Великобритании Дж. Мейджора. В ней приняли участие представители 30 стран и международных организаций, включая албанцев из Косова, венгров из Воеводины и сербов из Хорватии. Присутствие в Лондоне представителей всех трех сторон конфликта в БиГ означало, как тогда казалось, решимость мирового сообщества найти приемлемое решение. Это придавало Лондонской конференции большую значимость. Югославская делегация состояла из семи человек: Президента СРЮ Добрицы Чосича, премьер-министра СРЮ Милана Панича, заместителя премьер-министра СРЮ Оскара Ковача, президента Республики Сербии Слободана Милошевича, председателя президиума Республики Черногории Момира Булатовича, специального советника президента СРЮ Светозара Стояновича и специального советника председателя правительства СРЮ Теодора Отича.

Мировые агентства сообщали, что Лондонская конференция сделает реальной попытку урегулировать кризис на Балканах. Однако уже в процессе подготовки конференции проявились ее необъективность и антиюгославская направленность. Как вспоминал член делегации профессор С. Стоянович, организаторы конференции накануне встречи обсуждали не содержание поднимаемых проблем, а только два вопроса: название государства, которое будет представлять югославская делегация, и состав делегации. Британцы настаивали на том, чтобы на конференции страна была представлена под именем «Сербия и Черногория», а не «Союзная Республика Югославия». «Я сказал, – вспоминал С. Стоянович, – что это невозможно, поскольку Сербия и Черногория являются составными частями Союзной Республики Югославии по Конституции. Они мне ответили, что принять такое возражение не могут, потому что нашу страну они не признают»⁹. В итоге все согласились на компромиссный вариант – писать на табличках только имя руководителя делегации, а не название страны. Состав же югославской делегации интересовал англичан потому, что для осуществления задуманного плана необходимо было присутствие Милошевича. «Они объяснили, что в первый день работы конференции будут выступать члены всех делегаций, и пред-

полагается, что будет высказана жесткая критика. Вот здесь обязательно должен быть господин Милошевич, как бы основной виновник конфликта, поскольку не можем же мы критиковать Чосича или Панича, которые только что избраны»¹⁰.

С. Стоянович эмоционально вспоминал мельчайшие подробности развития событий в Лондоне. Его воспоминания являются ценнейшим источником, поскольку о Лондонской конференции до сих пор говорят, основываясь только на официальных документах, появившихся в средствах массовой информации благодаря ее организаторам. А это искажает картину событий, так как большинство документов не обсуждались и не были приняты участниками конференции. «Когда мы туда приехали, – продолжает свой рассказ Стоянович, – в первый день эта драма и разыгралась, было ужасно, ужасно. Все на нас нападали. Мягче всего говорили итальянцы, французы говорили не так уж злобно, немцы крайне жестко. Иглбергер¹¹ сказал в своем выступлении, что в мире имеется более миллиарда мусульман, и мы не должны это забывать. Русская делегация была в составе Козырева, Чуркина и Амбарцумова. Речь Козырева нас приятно удивила, так как в ней не было особо острой критики. А Милошевич слушал, что он мог сказать! Он был полностью уничтожен, но все выдержал. Он пытался что-то произнести, но существовал порядок, что говорит только руководитель делегации, а им был Чосич. Заместителем был Панич. Один раз, когда Чосич вышел, Милошевич пытался что-то вставить с места, но Панич ему не разрешил. Так прошел первый день»¹².

Открывая конференцию, Дж. Мейджор подчеркнул, что работу международных организаций необходимо расширять, и выделил основные направления ее активизации: поставки гуманитарной помощи, уважение прав человека, установление справедливого мира, для чего надо исходить из принципов неизменности границ и уважения прав национальных меньшинств. Он предлагал обсудить на конференции три документа – Программу действий и Заявления о Сербии и Боснии. Генеральный секретарь ООН рассказал историю предпринятых международными организациями мер по урегулированию кризиса и наметил проблемы, которые стоят перед миротворческими силами.

От югославской делегации выступали президент Югославии и премьер-министр. Д. Чосич в своей речи был исключительно конкретен, он предложил всем участникам конфликта предпринять ряд конструктивных мер, среди которых – отказаться от употребления силы; приблизить «окончание югославской агонии» путем диалога и компромисса; осуществить все права человека и национальных меньшинств по самому высокому стандарту ОБСЕ; остановить взаимное уничтожение и «этнические чистки» в БиГ, все виды национальной, религиозной и гражданской дискриминации. Чосич обещал, что Белград прекратит все виды военной помощи БиГ. Он предлагал Хорватии вывести свои войска с этой территории БиГ, разорвать военную коалицию с мусульманами, начать переговоры с сербами в Хорватии; мусульманскому руководству БиГ – отказаться от стремления к политической гегемонии и интернационализации гражданской войны, возобновить переговоры с сербами и хорватами; сербам в БиГ – сделать мусульманам соответствующие территориальные уступки и тем самым создать здоровую основу для будущих переговоров трех народов; всем республикам – прекратить информационную войну, «отказаться от шовинистической исключительности и политической борьбы всеми средствами, что уже вызвало патологическую ненависть между людьми и народами». Сделаны были предложения и международным организациям: «установить равноправие для всех югославских участников в государственно-политической перекомпозиции на территории бывшей Югославии»; реабилитировать нормы международного права и, прежде всего, права народов на самоопределение; отказаться от двойных стандартов в отношении прав сербского народа; снять санкции с СРЮ; Совету Безопасности – отменить резолюцию 770, которая одобряет военную интервенцию, а Югославию фактически делает заложником участников гражданской войны в БиГ; отказаться от давления и наказания одного «актёра» в войне, в которой участвуют три стороны. Чосич предложил также прийти к согласию и принять решение по следующим вопросам: а) демилитаризировать БиГ, б) поэтапно демилитаризировать весь Балканский полуостров, признать право СРЮ на продолжение государственности СФРЮ, снять с нее санкции и признать равноправным партнером на

переговорах, в) Международную конференцию по Югославии преобразовать в постоянную конференцию с центром в Женеве и со смешанным югославским комитетом, г) «из государств, образованных на принципе самоопределения народов, создать экономическую, политическую и коммуникационную ассоциацию», которая бы стремилась к формированию балканской федерации¹³.

Таким образом, в выступлении президента Югославии прозвучали предложения, которые касались всех субъектов конфликта в Боснии и Герцеговине и Хорватии. Они носили компромиссный характер, их выполнение могло бы в тот период остановить войну.

Речь М. Панича, которого Чосич считал хитрым политиком американской закалки, была открытой, напористой и показывала стремление государства осуществить поворот к новой модели балканской политики. Панич сообщил присутствующим программу правительства Югославии, согласно которой СРЮ признаёт республиканские границы бывших субъектов федерации как межгосударственные, как границы СРЮ с соседними странами, и не имеет территориальных претензий к новым соседям. Как доказательство своей доброй воли, уже 12 августа Югославия признала Словению и объявила о своей готовности признать Боснию и Герцеговину, начать переговоры с Хорватией о взаимном признании. Панич даже осудил непризнание международным сообществом Македонии. Особо досталось с его стороны этническим чисткам, «негуманным и морально гнусным». Он обещал осудить любого югослава, который участвовал в этнических чистках в Хорватии или БиГ. В Косове, Воеводине и Санджаке Панич предполагал восстановить права человека. В выступлении он с оптимизмом призывал участников конференции смотреть в будущее, стремиться к миру, а не осуждать одну сторону, то есть «смотреть назад»¹⁴.

Его речь звучала многообещающе и должна была настроить организаторов на позитивный лад. Он надеялся, что свою роль сыграет и письмо, которое он послал в Совет Безопасности, где по пунктам изложил все, на что Югославия готова согласиться: признать БиГ, Македонию, Хорватию, сотрудничать с любым органом по осуждению случаев нарушения прав человека, осудить этнические чистки, расширить права жите-

лей Косова, Воеводины и Санджака, оказать помощь беженцам, прекратить помощь сербам в БиГ¹⁵.

М. Кертес, занимавший в то время должность помощника союзного министра внутренних дел, вспоминал, что М. Панич в доказательство искренности своих намерений заготовил соответствующие бумаги. «Перед дискуссией на конференции я получил от Панича два документа. В первом он выступал за то, чтобы СРЮ признала Хорватию, но чтобы потом Югославия была признана со стороны ООН. Внизу документа стояли имена Милана Панича и Франьо Туджмана. Второй документ предполагал согласие СРЮ на формирование автономных областей Косова, Воеводины и Санджака. В разделе “подписи” стояли имена Милана Панича, Слободана Милошевича, Добрицы Чосича, Момира Булатовича и, не знаю почему, Франьо Туджмана <...> Все были удивлены. С. Милошевич отказался участвовать в продолжении конференции, если эти бумаги принесут в зал. Это же сказал и Чосич. Панич истерично стучал по столу, угрожая нам военной интервенцией и бомбардировкой»¹⁶.

О Лондонской конференции судят по тем документам, которые появились в средствах массовой информации и в международных организациях, но на самом деле конференция не работала по намеченному плану. О драматичном развитии событий мы узнаем из мемуаров Д. Чосича и воспоминаний С. Стояновича.

Второй день конференции начался со скандала. Стоянович, войдя в зал заседания ранее других, увидел на столах разложенный текст, озаглавленный «Сербия и Черногория» без подписи и дополнительных объяснений. В нем сербы были названы «агрессором», их обвиняли в разжигании войны, создании концлагерей и во многих других грехах. Когда бумагу прочитал Чосич, то решил паковать вещи и лететь в Белград. Мейджору и Бутросу-Гали доложили, что пока этот документ находится в зале, Чосич не будет участвовать в работе конференции. Бутрос-Гали разговаривал с Чосичем, просил не осложнять ситуацию и обещал, что до начала заседания этой бумаги в зале не будет. Перерыв в работе конференции длился пять часов. За это время в комнату, где располагалась сербская делегация, приходили представители разных стран

и уговаривали Чосича начать работу конференции. Вот как описывает эти события С. Стоянович: «Первым к нам пришел Амбарцумов. Он начал нас уговаривать, чтобы мы не создавали проблем конференции. Поскольку мы с Амбарцумовым друзья, я его просил всем передать, чтобы они не теряли время даром. Сразу после этого пришел Чуркин. Он приходил два раза, разговаривал со мной надменным тоном. Конечно, он меня не знал, думал, может, что я обычный чиновник. И я ему сказал, что он теряет время, потом этот тон... Я сказал, что удивляюсь, что он вообще не знает сербов, да еще поучает таким тоном. Он пригрозил последствиями. Я ответил, что мы знаем о последствиях, но не войдем в зал, пока та бумага находится на столах. Он сказал, что это невозможно. Я возразил: “Тогда и нам невозможно”. Потом он приходил еще раз, но безрезультатно. А в конце явился Козырев. Обычно он говорит тихо. Он снова попытался нас убедить вернуться в зал. Разговор шел через меня, я все передавал Чосичу. Но я и ему повторил, что он теряет время. Тогда он сказал, что у них есть компромиссный вариант. Компромисс состоял в том, чтобы мы вернулись в зал, того документа не будет, но и не будет дискуссии. Это будет очень короткое заседание, на котором Мейджор скажет пятиминутную заключительную речь, и никто ни о чем не будет упоминать. После речи Мейджор ударит молоточком, и конференция будет считаться законченной, дискуссии не будет. Я все передал Чосичу, мы приняли это предложение. Затем вошли в зал заседаний, и Мейджор сказал несколько слов. На этом конференция закончилась»¹⁷.

Со слов Стояновича, в югославской делегации царил дух бескомпромиссности и желания противостоять необъективному подходу к сторонам конфликта. Однако в «сербской комнате» развивалась своя драма. Д. Чосич описывает раздор в югославской делегации, когда В.И. Чуркин пригрозил серьезными последствиями, если делегация не вернется в зал заседаний. «Панич и Милошевич заколебались, и между нами произошла ссора. Я предложил голосованием выразить своё мнение о возвращении на конференцию и согласии с её резолюциями. За возвращение на конференцию проголосовали Панич, Милошевич и Булатович. Оскар Ковач, Владислав Йованович и я голосовали против возвращения на заключительное

заседание конференции»¹⁸. Панич, стремясь к миру и снятию санкций, готов был принять все, что требовали американцы и представители ЕС. Он даже требовал у Милошевича немедленно, здесь, в Лондоне, подать в отставку, поскольку это условие поставили США и Великобритания.

Конференция проходила за закрытыми дверями, поэтому ее драматические минуты не стали достоянием общественности. В средствах массовой информации появились, якобы подписанные всеми, итоговые документы Лондонской конференции: Программа работы конференции, Заявление о принципах, Заявление о Боснии, Конкретные решения конференции, Заключение о применении существующих санкций, Программа действий в связи с гуманитарными задачами, разработанная сопредседателями конференции и сторонами столкновения, документы сопредседателей «Сербия и Черногория», «Укрепление доверия и безопасности»¹⁹. Все эти необсуждавшиеся документы тем не менее закладывали базу дальнейшего переговорного процесса, становились основой для усиления санкционной деятельности в отношении Югославии. Теперь на эти документы опирались в своих решениях органы и комитеты ООН, другие организации. Так, Лондонская конференция в Заключении о применении существующих санкций призывала все страны твердо соблюдать санкции против Югославии, не делать поблажек и снисхождений, не нарушать их режим.

Документ, против которого выступала югославская делегация, остался в списке итоговых документов под названием «Сербия и Черногория». В нем все стороны конфликта призывались исполнять свои обязанности на основе договоренностей в Лондоне. Сербии и Черногории вменялось в обязанности: остановить военную интервенцию в Боснию и Герцеговину, любой ценой заставить сербов в БиГ прекратить занимать территории силой и изгонять местное население, вернуть гражданские права населению Косова, Воеводины и Санджака, использовать влияние на сербов в Боснии, чтобы те распустили все лагеря военнопленных²⁰.

Мейджор, как писали мусульманские журналы, в заявлении для печати после окончания конференции представил журналистам якобы подписанные обязательства участников кон-

ференции, подчеркнув, что их особо должны придерживаться Сербия и Черногория, если не хотят полной изоляции. Для мусульманской стороны самым важным итогом Лондонской конференции было подтверждение, что Босния и Герцеговина остается единым государством в международно признанных границах²¹.

По официальной оценке югославской делегации, Лондонская конференция прошла успешно, так как «могло быть и хуже»: «не принят тезис о религиозной войне в БиГ», как настаивали на том мусульманские страны, «не поддержана военная интервенция для разрешения военного столкновения в Боснии и Герцеговине», из документа о Сербии и Черногории после редактирования сняты все осуждающие Югославию моменты, решение проблем Косова, Воеводины и Санджака гарантировано в рамках границ Югославии²².

Однако внимательное изучение документов конференции вызывает массу вопросов. Совершенно очевидно, что югославская делегация была готова к компромиссам, обещала отказаться от политики поддержки сербов в БиГ и Хорватии и перейти к политике полного уважения всех инициатив международных организаций. Югославия не только стремилась выполнить все условия, но и шла на новые уступки, которые не были популярны в стране. Но такая позиция не получила никакой поддержки или хотя бы поощрения МКБЮ. Наоборот, Сербию и Черногорию вновь обвинили в военной интервенции в БиГ, санкции подтверждались и, более того, предполагалось их усиление на Дунае, Адриатике, на границах Югославии с Хорватией и БиГ. Неожиданно на конференции были подняты проблемы Косова, Санджака и Воеводины и требования урегулирования прав национальных меньшинств. Кроме того, отмена санкций обуславливалась все новыми и новыми требованиями и не была связана с условиями, обозначенными в резолюции 757. А обязанности мусульман и хорватов в документах уместались в несколько строчек и были абсолютно безликими: уважать резолюции ООН и все международные договоры, уважать неизменность существующих границ (для БиГ и Хорватии это вообще не было актуально), согласиться с нормализацией отношений в Хорватии, со специальным статусом сербов в Хорватии.

Генеральный секретарь ООН придавал конференции огромное значение. Прямым следствием Лондонской конференции стало Решение Генеральной Ассамблеи ООН № 47/1 и Резолюции СБ 777, в которых констатировалось, что членство Югославии в ООН прекращается, и новое государство СРЮ не может претендовать на автоматическое продолжение своего членства в этой международной организации, а должно подать заявление о приеме в ООН²³. На «непринятые» решения Лондонской конференции ссылались резолюции Совета Безопасности ООН (№ 776, 781, 859, 1031), Генеральный секретарь СБ ООН в докладах (S/25248) и письмах (S/25274). Думается, правильно охарактеризовал суть конференции министр иностранных дел Великобритании Д. Херд. «Лондонская конференция была игрой», – говорил он²⁴.

Руководство Югославии в лице Д. Чосича и М. Панича по возвращении с конференции не смогло предложить стране хоть какие-нибудь конкретные результаты по снятию или уменьшению санкций в обмен на политику уступок и компромиссов, за что подверглось серьезной критике у себя дома. Внутренняя политическая ситуация в СРЮ осложнялась. 5 сентября 1992 г. Чосич записал в дневнике: «Панич и я представили Скупшине свой отчет о Лондонской конференции, которая своими решениями наказала нас самой скорбной славой в нашей истории: полной изоляцией, так как мы совершили “агрессию против Хорватии и Боснии и Герцеговины”, и непризнанием нашего существования как государственного субъекта»²⁵.

По мнению членов делегации, в документах конференции «больше осуждается сербская сторона, чем все остальные»²⁶, а потому именно перед сербской стороной ставится самое большое число задач и обязанностей. Среди них – остановка войны в БиГ, остановка враждебности, гуманитарные вопросы, участие в переговорах и международная активность. А исполнение поставленных перед Сербией и Черногорией задач являлось условием снятия со страны санкций. В Югославии понимали, что хотя документ под названием «Сербия и Черногория» формально «не был принят голосованием или консенсусом, содержащиеся в нем обязанности вероятно считаются для СР Югославии обязательными к исполнению. Принятые докумен-

ты конференции являются обязательными для всех участников. А для Сербии и Черногории предусмотрены и санкции в случае неисполнения обязанностей». Поэтому «Сербия и Черногория и органы СР Югославии не имеют рационального выбора, кроме как точно исполнять обязанности, которые проистекают из резолюции ООН и Лондонской конференции»²⁷.

Позволим себе заметить, что Лондонская конференция не оценила стремление Югославии к миру, её политику компромисса, не использовала шанс урегулировать ситуацию в БиГ, Хорватии, не поддержала новый курс руководства страны, показала свою необъективность, нежелание разобраться в ситуации. Конференция открыла путь долгим и бесконечным переговорам, не имевшим успеха, углубила ситуацию враждебности и бесперспективности. Тогда впервые использовался принцип «форма соблюдена, содержание додумаем». Практика опоры на необсуждённые, несогласованные и неподписанные итоговые документы применялась на Балканах и в дальнейшем, например, в переговорах в Рамбуйе накануне агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ћосић Д. Лична историја једног доба. Време мржње 1992–1993. Београд, 2009. С. 38.

² Там же. С. 52.

³ Ћосић Д. Лична историја. С. 83.

⁴ Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji i učešće delegacije SR Jugoslavije na konferenciji // Jugoslovenski pregled. Београд, 1992. N 3. С. 18.

⁵ См.: Srpske političke elite i Londonska konferencija. T.1: Stenografske beleške sa sednica Saveta za usaglašavanje stavova o državnoj politici Savezne Republike Jugoslavije. Београд, 2014. С. 272.

⁶ Ibid. С. 257.

⁷ Ћосић Д. Лична историја. С. 93.

⁸ Там же.

⁹ Разговор с С. Стояновичем. 4 июля 1996. Белград (магнитофонная запись, сделанная автором статьи).

¹⁰ Там же.

¹¹ Лоуренс Сидни Иглбергер – советник президента США по делам Югославии, с 23 августа 1992 г. по 20 января 1993 г. – государственный секретарь США.

- ¹² Там же.
- ¹³ Srpske političke elite i Londonska konferencija. S. 28–30.
- ¹⁴ Ibid. S. 30.
- ¹⁵ Ibid. S. 34–35.
- ¹⁶ *Кермес М.* Интервју // Интервју. Београд, 1994. 19 VIII. № 342. С. 19, 20.
- ¹⁷ Разговор с С. Стояновичем.
- ¹⁸ *Ђосић Д.* Лична историја. С. 111.
- ¹⁹ Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji. S. 35.
- ²⁰ Ibid. S. 45.
- ²¹ *Božinović V.* Četiri čina jedne tragedije // Dani. Sarajevo, 1994. N 24. S. 36.
- ²² Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji. S. 50–52.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Činjenice o krizi u bivšoj Jugoslaviji // Međunarodna politika. Beograd, 1993. N 1014. S. 30.
- ²⁵ *Ђосић Д.* Лична историја. С. 114–115.
- ²⁶ Londonska konferencija o bivšoj SFR Jugoslaviji. S. 47–48.
- ²⁷ Ibid. S. 48.

Г.Н. Энгельгардт

ДЕЙТОН ДЛЯ БОСНИЙСКИХ СЕРБОВ – ОТ ПОРАЖЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ СВЕРШЕНИЮ

Как известно, К.В. Никифорову довелось принять участие в борьбе внутри руководства Российской Федерации за выработку курса государственной политики в боснийском кризисе 1992–1995 гг., многие аспекты которой описаны в его монографии 1999 г.¹ Важным этапом этой борьбы было определение политики Москвы в отношении Дейтонских соглашений, положивших конец гражданской войне в Боснии и ставших основой постконфликтного урегулирования в Боснии и Герцеговине (БиГ) и современного политического развития этого государства и его составных частей, включая Республику Сербскую (РС).

Подходы к сербскому вопросу, выдвигавшиеся тогда помощником президента РФ по национальной безопасности Ю.М. Батуриным и К.В. Никифоровым, включая последовательную поддержку боснийских сербов и руководства РС практически на 10 лет предвосхитили реальную политику Москвы в регионе, прошедшую заметную эволюцию от выраженной антисербской позиции министра иностранных дел России А.В. Козырева в 1992 г. через первые разногласия с Западом в 1994–1995 гг., до экономического возвращения РФ в регион в середине первого десятилетия 2000-х годов и политики развития особых связей с Сербией и Республикой Сербской с 2006 г.

Неудача, постигшая оппонентов А.В. Козырева в 1995 г., скорее всего, имела объективные причины, так как отстаивавшаяся ими степень самостоятельности российской политики на Балканах от позиции США была еще слишком велика и не-

обычна для президента Б.Н. Ельцина, противоречила надеждам Москвы на интеграцию России в западное сообщество.

Большую роль сыграло и отсутствие у первых лидеров постсоветской России понимания национальных интересов страны как на Балканах вообще, так и в отношениях с Сербией и с боснийскими сербами. По мнению американских дипломатов, приоритетом для их российских партнеров был сам факт участия в переговорном процессе, а не какие-либо конкретные варианты постконфликтного урегулирования². Как видно, этот взгляд совпадает с оценкой К.В. Никифоровым боснийской политики Козырева осени 1995 г. как «показушничества»³.

Осознание национальных интересов России на Балканах складывалось в Москве постепенно, по ходу югославского кризиса и постконфликтного урегулирования. Строго говоря, завершающий этап боснийского кризиса, в первую очередь авиаудары НАТО по боснийским сербам в августе – сентябре 1995 г. дали начальный импульс этому процессу. Следующим крупным этапом для России стал косовский кризис 1998–1999 гг., агрессия НАТО против Югославии, «разворот над Атлантикой» премьер-министра Е.М. Примакова 24 марта 1999 г. и «бросок на Приштину» российских миротворцев в июне 1999 г. – эти события оказали сильное влияние на российскую политическую сцену. Примечательно, что хотя после свержения президента СРЮ С. Милошевича 5 октября 2000 г. Москва дистанцировалась от региона, выведя российских миротворцев из миссий в Косово и БиГ, и скорее сконцентрировалась на развитии экономических связей, но все равно исторические русско-сербские связи предоставили отечественным компаниям возможность занять и в Сербии, и в РС существенно более весомые позиции, чем в остальных странах Балкан.

Неслучайно в ходе современного кризиса между Россией и Западом, возникшим в 2014 г., Западные Балканы, в первую очередь – Сербия и Республика Сербская – получили выраженное политическое значение как зона борьбы с любыми (политическими, экономическими, культурными и пр.) формами присутствия России в этом регионе Европы.

С момента заключения Дейтонского (или Дейтонско-Парижского) общего рамочного соглашения о мире (ОРСМ) с пакетом приложений, 21 ноября и их торжественного под-

писания в Париже 14 декабря 1995 г. прошло уже более 20 лет, что позволяет рассмотреть эволюцию отношения к нему как в России, так и в сербских государствах (собственно Сербии и РС).

В работе К.В. Никифорова дана подробная критика Дейтона с точки зрения интересов боснийских сербов, лидеры которых ощущали себя объектом безжалостного диктата, как Запада, так и Белграда:

- уступчивость президента Сербии Слободана Милошевича, возглавившего объединенную делегацию Союзной Республики Югославии (СРЮ) и РС на переговорах, к требованиям США, его согласие на передачу Хорватии Восточной Славонии и на отстранение от власти президента РС Радована Караджича и главы армии РС генерала Ратко Младича⁴;

- «крайне болезненные» для боснийских сербов условия территориального разграничения с передачей мусульманам всего Сараево с пятью сербскими районами (Вогошча, Грбавица, Илиджа, Илиаш, Хаджичи), что привело в начале 1996 г. к массовому исходу сербского населения этих районов при переходе их под контроль мусульmano-хорватской Федерации БиГ (второй составной части БиГ наравне с РС). При этом Никифоров отмечает, что в аналогичной ситуации в г. Мостар западные державы учли интересы как мусульман, так и хорватов, создав специальный механизм раздела города⁵;

- отложенный статус «важнейшей проблемы» Посавинского коридора, соединявшего Боснийскую Краину с восточной частью РС⁶;

- «боснийские сербы так и не получили выхода к морю южнее Дубровника»⁷. Такое требование было сформулировано лидерами РС еще в мае 1992 г. в рамках «Декларации стратегических целей сербского народа БиГ»⁸ как одна из шести главных задач в гражданской войне. Можно отметить, что в условиях военного поражения РС осени 1995 г., ее фактически полной изоляции шансы получить какую-либо территорию от Хорватии, только что завоевавшей земли Сербской Краины, были иллюзорны, и С. Милошевич даже не пытался поднять этот вопрос на переговорах;

- военные аспекты соглашения, «прямо направленные на разоружение сербов и вооружение хорватов и мусульман»⁹;

– согласие на передачу НАТО военной операции по исполнению соглашений, а также последовавшее за этим смещение зоны контроля российского контингента миротворцев из горловины стратегического Посавинского коридора (г. Брчко) в периферийный район г. Углевика¹⁰.

Следует отметить, что по горячим следам именно эти аспекты соглашений казались наблюдателям основными, тогда как политической стороне Дейтона придавали меньшее значение. Члены делегации РС первоначально отказались подписать соглашения как неприемлемое для республики¹¹.

По злорадному свидетельству американских дипломатов, увидев согласованные карты (без Сараево), соглашение о миротворцах НАТО, о формате проведения первых послевоенных выборов и конституцию БиГ, представители РС были настолько потрясены, что председатель Скупщины РС Момчило Краишник даже «потерял сознание»¹².

Тем не менее К.В. Никифоров, отметил масштаб автономии и прерогатив, предоставленных РС по соглашениям как «уникальную и не самую худшую в тех условиях модель государственного устройства», так как «решив все другие спорные моменты в ущерб сербам, американцы оставили все же без изменения основу конституционной конструкции», отразившей «компромисс <...> между сербами, хорватами и мусульманами». Оценив дейтонскую модель как «нежизнеспособную, неустойчивую и хрупкую», исследователь выделил заложенную в ней вариативность ее дальнейшего развития «как в сторону большего унитаризма, так и в сторону усиления центробежных сил вплоть до распада дуалистического государства», отметив, что если первая тенденция «продавливается исключительно с помощью <...> силы, то вторая имманентно присуща дейтонской Боснии».¹³

Сами американцы уделяли основное внимание отладке механизма использования сил НАТО, установления своего прямого контроля над операцией и над всем процессом постконфликтного урегулирования.

На этом фоне вопросы конституционного устройства БиГ и для них играли подчиненное значение. Согласно официальной американской истории Дейтона решение поручить разработку политической части соглашения, включая и будущую

конституцию БиГ, «искусному юристу-международнику» Роберту Оуэну было принято госсекретарем Уорреном Кристофером только 22 августа 1995 г. (официально Оуэн был включен в команду переговорщиков Ричарда Холбрука решением президента Билла Клинтона на следующий день, 23 августа)¹⁴, хотя дипломаты США играли главную роль в переговорах по Боснии как минимум с весны 1994 г., когда была создана мусульмано-хорватская Федерация в БиГ, завершившая мусульмано-хорватскую войну 1993–1994 гг.). Р. Оуэн сразу же приступил к консультациям с главой МИД БиГ Мухамедом Шачирбеем и послом БиГ в США Касимом Трнкой, согласовав с ними основной принцип урегулирования – «сохранение боснийского государства, образуемого двумя составными частями – Федерацией и боснийскими сербами (РС), государства в международно-признанных границах и с правительством, отвечающим за внешнюю политику и за отношения с другими государствами», и уже 25 августа 1995 г. предложил своему руководству четыре варианта устройства Боснии:

- «расширенную Федерацию» с включением сербов;
- суперавтономную сербскую часть, при этом отстраненную от принятия решений по внешней и оборонной политике БиГ;
- центральное правительство в виде «холдинга» со слабой центральной властью, связывающую Федерацию с боснийскими сербами при доминирующем положении Федерации;
- центральное правительство в виде «холдинга» со слабой центральной властью, связывающую Федерацию с боснийскими сербами при равноправии составных частей¹⁵;

Для дальнейшей разработки был избран последний вариант, легший в основу конституции дейтонской БиГ. Как отмечал американский переговорщик Джеймс Пэрдью, предложенная схема «хотя бы давала боснийцам» «шанс создать» «устойчивую, многонациональную и демократическую Боснию», полагая, что для этого нужно «поменять нынешнее руководство Пале» (г. Пале в 1992–1998 гг. был центром боснийских сербов) «или на выборах», или с помощью обвинений Гаагского трибунала¹⁶. Забегая вперед отметим, что хотя Западу удалось практически полностью устранить с политической сцены первый состав политического и военного руководства

РС, в большинстве своем именно через обвинения (а затем – и приговоры) Международного трибунала по бывшей Югославии ООН в Гааге (МТБЮ), это никак не помогло превратить Боснию в устойчивое единое и многонациональное государство. Препятствует тому сама природа боснийской политики, в основе которой лежит глубокий и неустрашимый конфликт интересов трех основных общин – сербов, мусульман (с 1993 г. – бошняков) и хорватов. Этот конфликт интересов постоянно воспроизводится несмотря на смену политических лидеров, партий и даже крупных слоев политических элит, примером чему служит вся электоральная и политическая история БиГ после 1996 г.

Однако в Дейтоне пренебрежение американцев к этим константам боснийской политики сыграло на руку сербам, в том числе позволив им удержать и закрепить международным договором важнейшие институциональные рамки своей государственности. Именно эти институты стали основой формирования нового политического класса постконфликтной РС.

Приоритетное внимание к военно-территориальным аспектам Дейтонских соглашений было общей тенденцией второй половины 1990-х годов. «Многие в Дейтоне задавались вопросом, будет ли конституция стоять бумаги, на которой она написана»¹⁷.

Эта ситуация начала меняться по ходу процесса постконфликтного урегулирования в дейтонской Боснии. Так, уже в 1996 г. США изменили концепцию военного строительства в БиГ и вместо развития вооруженных сил Федерации БиГ (или мусульмано-хорватской федерации) предпочли путь фактической демилитаризации всей БиГ в рамках соглашения о субрегиональном контроле вооружений. Усталость боснийских сторон от конфликта определила фактическое отсутствие силового сопротивления миротворческим операциям НАТО в стране. Благодаря этому операции *IFOR* (*Implementation Force* – Силы по выполнению соглашения, – миротворческий контингент НАТО в БиГ в 1995–1996 гг.), *SFOR* (*Stabilization Force* – Силы по стабилизации, миротворческий контингент НАТО в БиГ в 1997–1998), *SFOR-2* (*Stabilization Force-2* – Силы по стабилизации-2, миротворческий контингент НАТО в БиГ в 1998–2004 гг.), *EuFOR* (*European Union Force Althea* – Силы Ев-

ропейского Союза (ЕС) Алтеа – миротворческий контингент Евросоюза в БиГ с 2004 г.) оказались самыми успешными миротворческими миссиями рубежа XX–XXI в.

Без серьезных нарушений прошла и передача территорий, определенная соглашениями. Предусмотренные Дейтоном сроки этой передачи были соблюдены, хотя это привело к перемещению десятков тысяч боснийских сербов, опасавшихся оказаться под властью недавних противников. Самостоятельное значение получила проблема Посавинского коридора в форме арбитража по статусу района г.Брчко, завершившегося в марте 1999 г. трансформацией спорной зоны в особый «округ Брчко», ставший фактически третьим субъектом дейтонской Боснии¹⁸.

Главной новацией, неочевидной в исходном дейтонском соглашении, стало формирование системы внешнего гражданского управления БиГ в форме своеобразного международного протектората. Основным институтом этого протектората явился пост высокого представителя (ВП) в БиГ и подчиненного ему Управления высокого представителя (УВП). Формальной основой для него стало приложение 10 к ОРСМ, посвященное реализации гражданской части соглашений, содержавшее положение о введении поста Высокого представителя для «поддержки усилий сторон и для привлечения и координации действий организаций и структур, вовлеченных в процесс реализации гражданских аспектов соглашений». Сфера компетенции этого чиновника распространялась на контроль над реализацией гражданских аспектов соглашений, а сам он признавался высшей инстанцией в интерпретации гражданской части Дейтонских соглашений. Эти положения были подтверждены как на Лондонской конференции по реализации соглашений 8–9 декабря 1995 г., так и в резолюции Совета Безопасности ООН 1031.

В ходе дейтонских переговоров основное внимание стороны уделяли военно-политическим вопросам (начертание линии разграничения, статус миротворческих сил, обеспечение сферы ведения субъектов конфедерации), полагая, что вопросы внешнего политического присутствия являются формальными и не окажут влияния на ход послевоенного урегулирования. Однако в ходе реализации соглашений ключевую роль

сыграло создание института внешней политической власти в регионе. Высокий представитель оттеснил на задний план как командование миротворческого контингента, так и местные власти.

Эволюция института ВП из влиятельного модератора, представляющего свои оценки и рекомендации Совету по реализации соглашений (CPC, Peace Implementation Council) и СБ ООН, в исполнительный орган, осуществляющий непосредственное управление в БиГ, произошла на протяжении мандата первого ВП, Карла Бильдта, занимавшего этот пост в 1996 – середине 1997 г. Свои окончательные формы учреждение получило на Боннско-Петерсбергском заседании CPC в декабре 1997 г.

Хотя на самих переговорах позиция Пале практически не учитывалась, а президент Сербии С. Милошевич шел на значительные уступки за счет РС (уступка сербских районов Сараево и коридора к г. Горажде, передача статуса Брчко на рассмотрение арбитража), сербская сторона добилась в Дейтоне 21 ноября 1995 г. международного признания Республики Сербской как автономной части БиГ. РС получила 49% территории БиГ, а конституция БиГ, ставшая частью общего пакета соглашений, гарантировала как широкое самоуправление республики, так и давала ее представителям право вето в общесербских органах власти. Таким образом, вполне оправдались не только опасения вице-президента РС Николы Колевича перед переговорами (он летел в Дейтон с пониманием всей тяжести сложившейся ситуации («Сила Бога не молит <...> вопрос, как нам удастся там “вывернуться”»)), но и поставленная им задача как можно «меньше конституционных прерогатив, как можно меньше совместных министерств, как можно меньше центральных учреждений»¹⁹.

Парадоксально, но одним из отцов современной БиГ и человеком, кому она обязана своим выживанием в послевоенный период, является американский юрист Р. Оуэн, автор Приложения IV к ОРСМ, то есть конституции дейтонской Боснии. Сформулированные им исходные дейтонские прерогативы РС были столь широки, что и после десятилетия их постоянного урезания республика все же сохранила ряд ключевых полномочий.

Централизация переговоров Милошевичем позволила сербам использовать узкое окно возможностей, созданное жесткой позицией Сараево. Лидер боснийских мусульман А. Изетбегович и его соратники настолько активно пользовались поддержкой, которую им оказывал Вашингтон «по политическим, равно как и моральным причинам», что в Дейтоне американские переговорщики стали видеть в них «главное препятствие достижению соглашения»²⁰. Выдвижение максимальных требований по всем направлениям переговоров одновременно – по карте разграничения, статусу Сараева и конституционному устройству БиГ, сопровождавшееся предложением Изетбеговича спецпредставителю президента США по Боснии Р. Холбруку убедить «другую сторону пойти на компромисс с нашим требованием» – дало президенту Сербии возможность торговаться, оплачивая территориальными уступками конституционные prerogatives. «Милошевич отстаивал ясно определенные полномочия» общепоснийских органов власти²¹. Объективно его позиция на переговорах была крайне слабой: он не мог рассчитывать на реальную поддержку России, тем более что все делегации стран-участниц Контактной группы в Дейтоне не принимали реального участия в переговорном процессе²². Американцы считали президента Сербии «самым легким партнером», более других готовым к уступкам ради достижения соглашения из-за необходимости добиться снятия режима санкций²³ по сравнению с остальными участниками переговоров. Конечно, часть этого эффекта была обеспечена за счет демонстративного пренебрежения Милошевичем мнением лидеров РС. Можно предположить, что в случае большей свободы делегации РС она бы втянулась в споры по территориальному разграничению, в первую очередь – в зоне Сараево, и в итоге могла бы получить более жесткие конституционные условия. Дипломаты США раздраженно характеризовали аргументы делегатов РС как «все эти их исторические карты и эмоциональные тирады», не обращая на них внимания и ожидая «чего-либо разумного»²⁴.

Исторические удары, пережитые сербами на рубеже XX–XXI в. – бомбежки НАТО и отторжение Косова и Метохии в 1999 г., отделение Черногории в 2006 г., поддержка Западом независимости Косова в 2008 г., развитие локальных сепара-

тизмов на севере и юге Сербии – создают контекст, на фоне которого существование РС и сохраненные ею prerogative воспринимаются в новом свете.

На этом фоне консолидация сербской автономии вне Сербии выглядит бесспорным успехом, что означает позитивную переоценку лежащего в его основе Дейтона. Характерным примером такой оценки служат слова президента РС М. Додика о том, что БиГ может существовать только на базе «исходного Дейтона» (здесь речь идет о критике централизаторского законодательства, принятого под внешним давлением в первое последейтонское десятилетие) и при неукоснительном соблюдении буквы соглашений 1995 г.²⁵

Неслучайно, что в ходе выработки соглашений о статусе сербских районов другой конфликтной зоны – Косова – в рамках Брюссельских соглашений 2013 г. и Брюссель, и власти Приштины постоянно подчеркивают, что Сообщество сербских общин (ССО) ни в коем случае не станет «новой Республикой Сербской».

Эволюцию оценок (отношения) к Дейтону можно сравнить с эволюцией восприятия итогов Первого сербского восстания 1804–1813 гг. После успехов его начального периода, сменившегося поражением и конфликтами внутри верхушки самих восставших, неудачи завершающего этапа, условия Бухарестского мира, ограниченность завоеванной автономии – все это воспринималось как поражение, неудача. С увеличением исторической дистанции, с дальнейшим расширением как самостоятельности сербского государства, так и его территориальных пределов, завоевания Первого сербского восстания все больше виделись как необходимый первый шаг на этом пути. Ограниченный, но крайне важный.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис – завершающий этап). М., 1999.

² *Chollet D.* Tajna povijest Daytona. Americka diplomacija ii mirovni process u Bosni ii Hercegovini 1995. Zagreb, 2007. S. 177–178.

³ *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. С. 170.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Одлука о стратешким циљевима Српског народа у Босне и Херцеговине. № 02.130/92 // Службени гласник Републике Српске. N 22. 1993. 26 XI. С. 866.

⁹ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 220; Дементьева М., Леонтьев М. Коридорный вопрос генерала Шевцова // «Сегодня». 1996. 13 III.

¹¹ Кољевић Н. Стварање Републике Српске: дневник 1993–1995: сећања и сведочења. Део 2. Београд, 2008. С. 415.

¹² Chollet D. Tajna povijest Daytona. S. 395.

¹³ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской. С. 218–219.

¹⁴ Chollet D. Tajna povijest Daytona. S.115, 116.

¹⁵ Ibid. S. 120.

¹⁶ Ibid. S. 371.

¹⁷ Ibid. S. 370.

¹⁸ Енгелгардт Г.Н. От арбитража до округа. Район Брчко в Дейтонской Боснии. // Вестник МГИМО (У). М., 2011. Вып. №1. С. 87–95.

¹⁹ Кољевић Н. Стварање Републике Српске. С. 355, 356.

²⁰ Chollet D. Tajna povijest Daytona. S. 386.

²¹ Ibid. S. 311–312.

²² Ibid. S. 394.

²³ Ibid. S. 368.

²⁴ Ibid. S. 341.

²⁵ См. напр.: Додик М. БиХ се треба вратити оригиналном Дејтону. 6 XI 2015. Текст доступен по адресу: www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=174905 (дата последнегo посeщeния 1 II 2016).

КУЛЬТУРА, НАУКА,
ОБРАЗОВАНИЕ

Р. Голец

МОНТЕ ВЕРИТА: ГОРА ИСТИНЫ, ПРОРОКОВ ИЛИ УТОПИЙ?

В начале XX в. в среде интеллигенции наряду с оптимизмом и верой в научно-технический прогресс получили распространение и противоположные взгляды, вызванные страхом конца цивилизации, моральным упадком, тлетворным влиянием промышленного развития на природу и человека. Именно в то время рождается так называемый «экологический модерн» (*«ökologische Moderne»*) – то есть многие из тех прекрасно известных сегодня явлений, которые были открыты именно тогда, и как раз в те годы стали составной частью новых идейных и общественных движений. Хотя их подлинное влияние на общество было далеко не таким сильным, как мы думаем сегодня, из некоторых инициатив выросли такие важные движения XX в., как, например, попытки изменить образ жизни, охрана окружающей среды, появились новые идейные течения, альтернативные религии, секты, а также, не в последнюю очередь – вегетарианство.

Ближе к концу XIX в. в буржуазно-интеллигентских кругах Европы, особенно в Германии и Швейцарии, возникли многочисленные движения, концентрировавшиеся на теле, душе и природе, которые – хотя непосредственный повод к возникновению и приоритеты были разными – можно обозначить как реформа образа жизни (*Lebensreform*) под лозунгами «Назад, к природе!» и «За естественный образ жизни!». Вера в то, что близость к природе означает не только ее защиту, но и новый образ жизни, завоевывала новых сторонников и парадоксальным образом объединяла сторонников и противников модерности, прогресс и реакцию, рациональное мышление с иррациональной бессистемностью¹. Эти движения долгое

время не могли освободиться от ярлыка реакционеров и противников прогресса, поскольку боролись против того, что несло с собой новое время (хотя не обязательно были направлены против завоеваний цивилизации), при этом звали бежать от реальности и вернуться к каким-то непонятным истокам. Тем более, что возвращение к природе они понимали как бегство от цивилизации и отказ от плодов человеческой деятельности.

Ответом реформаторских движений на негативные процессы стало видение свободного от государственно-бюрократических и иных организационных пут «природного общества, основанного на системе самообеспечения». Сторонники этой и без того радикальной идеи вели речь о крахе государства, церкви и общества, о городском населении и человеческих взаимоотношениях, разрушаемых цивилизацией, потреблением и промышленностью. Из этих анархических заявлений вышли самые разные реформаторские течения, которые призывали вернуться к природе, естественному поведению, различным альтернативным религиям, поскольку официально признанные церкви предали собственные учения. Особый интерес вызывали азиатские религиозные мировоззрения, из которых рождались весьма эклектичные синтезы.

В немецкоязычных странах сформировался ряд философских и религиозных, а отчасти теософских систем взглядов, вобравших в себя мистику буддизма и индуизма и те реформаторские течения, которые расплодились в политической и философской мысли на рубеже XIX и XX вв. Для этого направления были характерны пацифизм, интернационализм и желание достичь взаимопонимания между народами. Его сторонники часто подчеркивали демократический характер своих устремлений. Поскольку считалось, будто отказ от мяса делает человека более мирным, пацифизм переплетался с вегетарианством, ставшим основой для большинства (если не для всех) реформаторских движений. Шовинистическая, протофашистская или расистская стилистика была им чужда, и это необходимо подчеркнуть уже потому, что в то же самое время получили распространение империалистические национализмы и такие природоохранные (немецкие) движения, в которых уже можно было разглядеть зародыш национал-социа-

лизма. На раннем этапе существования движения за изменение образа жизни мирно уживались с течениями, которые позднее станут взаимоисключающими, – левым анархизмом и правым национализмом (*völkisch nationale*). Все это говорит о довольно широкой идейной базе движений, а также о том, что многие из них еще только находились в стадии формирования.

В тогдашней Германии не только отказ от мяса, но и от курения и употребления алкоголя стал чем-то вроде культурной революции. Движения, боровшиеся за здоровый образ жизни, оказались в таком сложном положении, что чем более экономно и замкнуто они жили, тем больший урон наносили своему доброму имени агрессивной пропагандой салатов и зелени. Для живших тяжелым физическим трудом вегетарианство стало чем-то элитарным, ведь если в их среде кто-то не ел мяса, то оттого, что на него не было денег. Колбасу, которая превратилась в неотъемлемую часть дешевого и сытного повседневного стола немцев, они считали национальным блюдом. Похожая ситуация была с алкоголем. Как заметил А.П. Чехов, «в кабаках всегда только одни бедные». И влияние алкоголя на них было сильнее, чем любые отстраненные идеи.

Возвращение к природе влекло за собой бегство из городов, создание всевозможных коммун, слияние с окружающей природой и ее сознательная охрана. Как следствие, здесь и речи не велось о каком-то массовом движении, но об элитарных, интеллигентских группах. Завоевать умы современников такими идеями было нереально, да это и не входило в их планы, ведь они не стремились к политической власти, даже чурались политики.

Для интеллектуальной элиты этих реформаторских течений символом слияния с природой стали солнце и культ наготы (натуризм), даже отсутствие одежды было в их глазах символом равноправия и естественности.

Вторичным признаком принадлежности к природоохранному движению стали завоевывавшие все больше сторонников вегетарианство и абстиненция. Здоровое пропитание следовало добывать в ходе экологического земледелия (которое мы сегодня назвали бы биофермами). Вместо таблеток принимали лекарства растительного происхождения. В некоторых группах, как часть общего восхищения азиатской философи-

ей, практиковали йогу, изучали акупунктуру, живо интересовались гомеопатией. Новый образ жизни предполагал использование новых, дышащих, изготовленных из натуральных материалов тканей. На женских платьях исчезли завязки, пояса и иные противоестественные детали. Велись жаркие споры о том, что естественнее и правильнее: шерсть, лен или хлопок.

Если читателю кажется, что эти движения уделяли больше внимание здоровому образу жизни, чем охране природы, то он недалек от истины. Сегодня два этих понятия тесно переплетены, и одно немыслимо без другого. Не случайно и то, что в XIX в. природа служила символом здоровья. Возврат к природе и к естественному образу жизни стал стремлением к чистоте человеческих отношений, богатству духовной жизни. Самые воинственные интеллектуалы создавали коммуны в сердце дикой природы, где замкнуто и свободно жили жизнью, не обремененной ложными социальными условностями.

Одна из самых известных коммун была создана на горе Монте Верита (условно можно перевести как «Гора Истины») близ Асконы, на северном берегу живописного озера Лаго ди Маджоре. Пожалуй, было бы трудно найти место, более подходящее для бегства от цивилизации, слияния с природой, мечтательных раздумий. Имя Монте Верита овеяно легендами, и связанные с коммуной духовные откровения, традиции, философские искания по сей день привлекают туда туристов.

Ее история началась в ноябре 1900 г., когда бельгиец Анри Эденковен (1875–1935), насмотревшись на поверхностный блеск Парижской всемирной выставки, устав от общества и возжелав свободы, вместе с пианисткой из Трансильвании Идой Хофман (1864–1926) и еще несколькими единомышленниками купил участок на горе, нависающей над Асконой. Так семеро единомышленников, мечтавших изменить образ жизни, обрели свое пристанище. Принципы в коммуне были простыми: пребывание на свежем воздухе, вегетарианское питание, единение с окружающим миром. В это входили культ наготы, отчасти свободная любовь, а также танцы на природе. Однако там же нашлось место для анархизма, пацифизма и оккультизма. Все это соединилось в причудливый и постоянно менявшийся стиль жизни, где все зависело от того, кто на тот или иной момент задавал тон. Неудивительно, что в коммуне

нередки были трения, напряженность, идеологические противоречия.

Монте Верита была чем-то большим, нежели соблюдение тех или иных правил. Поселившаяся на ее вершине группа единомышленников своей деятельностью влияла на реформаторское движение в целом, поэтому неудивительно, что место вскоре стало культовым. Каждый, кто в той или иной форме ассоциировал себя с движением, считал своим долгом отправиться на Монте Вериту и там, приобщившись к спорам и образу жизни (прежде всего – духовно), получить новые импульсы: над чем думать и как жить. Дух, мистическая атмосфера и «гений места» Монте Вериты влекли сюда любопытных со всей Европы.

Среди тех, кто что-то знал о движении, даже сблизился с ним, были толстовцы. В строгом соответствии с учением своего духовного отца, они разделяли вегетарианство и сексуальную абстиненцию, отвергали алкоголь, танцы и иные радости жизни. Вегетарианство и особое отношение к животным имели под собой в первую очередь нравственную основу. Времена, когда мясо, образно говоря, пригвоздят к позорному столбу, были еще далеки. Наоборот, благодаря взглядам, восходящим к античности, баран и корова считались органической частью природы. В то же время вегетарианство как явление нельзя упрощать, ведь это был резкий разрыв с общепринятым образом жизни и краеугольный камень реформаторского движения². Он отражал не просто хорошее отношение к природе и животным, но соединялся с их защитой и неприятием экспериментов над животными (даже для научных целей).

Еще одной чертой реформаторских движений, особенно толстовцев, были пацифизм, неприятие любых форм насилия и дарвинизма, что тесно переплеталось с непровлечением злу насилием. Они отрицали не только оружие, но и воинскую службу, поскольку считали, что власть использует этот институт для порабощения собственных граждан³.

Словацкие толстовцы играли ключевую роль в среде последователей и почитателей великого русского гуманиста. Эти убеждения сформировались в них отчасти в сельской среде, где они выросли, отчасти – в атмосфере большого города, где получили образование. Вслед за Львом Толстым, они видели

в земледельце носителя социального обновления и считали город источником упадка и даже морального разложения. Душан Маковицкий (1866–1921) принадлежал к ближайшим соратникам Толстого. Его другу Альберту Шкарвану выпала важная роль в распространении сочинений и идей великого русского писателя. Федор Гоудек, братья Руманы и другие, испытали на себе сильное влияние толстовства, но затем вернулись к радостям жизни.

Вне всяких сомнений, самой интересной личностью в их кругу был Альберт Шкарван (1869–1926), который из-за отказа исполнить воинскую повинность не только попал в тюрьму, но и лишился диплома врача, что сделало его имя известным во всей Венгрии. Отбыв наказание, он уехал в эмиграцию⁴. Долгое время историки думали, что знают о его пребывании в Великобритании и Швейцарии всё.

Известно, что Шкарван проповедовал толстовство, переводил сочинения графа, поддерживал связи с другими последователями Толстого (В. Чертковым), с анархическим (П. Кропоткин) и большевистским (П. Бонч-Бруевич) крыльями русской социал-демократии, даже – предположительно – встречался с самим Лениным⁵. Однако историки не знали или упустили из вида то обстоятельство, что А. Шкарвану принадлежит заметная роль в создании коммуны на Монте Верите. В 1898 г. он неожиданно поселился вблизи Асконы, где жил по заветам Толстого, кормился тем, что давал небольшой участок земли. С Эденковенем и его единомышленниками он был знаком еще до основания коммуны. Не исключено, что как толстовец и неординарная личность он оказал определенное влияние на эту разношерстную компанию. Из-за отрывочности источников современные ученые расходятся во мнении. Одни полагают, что он увлек их анархо-коммунистическими идеями, и Эденковен не без его влияния стал проявлять интерес к практическим социальным вопросам, пополнив ими программный манифест группы, где раньше фигурировал только возврат к жизни в гармонии с природой. Увлечшись социальными идеями, супруги Энековен-Хофман задумали и открыли лечебницу, воспитательный дом и завод по производству, как это тогда называли, «реформаторской продукции» (*Reformproduktion*) – одежды, продуктов питания, лекарств, изготавливаемых в со-

ответствии с новой жизненной философией⁶. По другим источникам, гость – в согласии с толстовскими принципами – проповедовал аграрный коммунизм. Так или иначе, в тех краях побывало немало толстовцев, способных усилить влияние Шкарвана. В то же время, религиозный анархизм Толстого был для обитателей Монте Вериты совершенно чужд⁷.

Шкарван быстро подружился с обитателями коммуны, завербовал среди них сторонников. Он рассказывал им о том, чем живет округа, что на соседней горе Монте Тринита поселилась колония таких радикальных толстовцев, которые не признают никаких авторитетов. Они загорали совершенно нагими, чем оскорбляли природную стеснительность местных жителей. Жалобы возмущенных земледельцев привели к тому, что эти «глупые фанатики» были вынуждены уважать местные нравы. Впрочем, небрежение одеждой не было чуждо и обитателям Монте Вериты.

Ида Хофман вспоминала о «венгерском военном враче» Шкарване: «Он был вынужден спастись бегством и встретил сердечный прием у Льва Толстого. От своих гонителей он смог укрыться в Швейцарии. Незадолго до этого он сошелся с простой крестьянкой, наделенной природной дебелой красотой. Уже на второй день они чувствовали себя среди нас как дома. Жажда правды и свободы, признание того, что одно невозможно без другого, стремление к установлению подлинных человеческих отношений между людьми быстро нас сблизили и сдружили. Как страстный адепт Толстого и его учения, он умел проникновенно рассказывать об отношениях, связывающих его с писателем. Так мы свели очень тесную дружбу с Шкарваном»⁸.

Нужно сказать, что связь Шкарвана с Монте Веритой – поразительное открытие последних лет. Ученым давно известен его богатый личный фонд в Словацкой национальной библиотеке в Мартине. Однако поверхностное изучение описей ничего не скажет о его контактах на берегу Лаго ди Маджоре. Только если прочитать письма от «неизвестных отправителей», перед нами откроется мир Монте Вериты⁹.

В июле 1900 г., вскоре после того как Шкарван покинул одно из тамошних толстовских поселений, в нарушение всех своих принципов и страхов, связанных с телесной любовью,

он женился. «Зачем жена такому человеку, который мечтает разбить шатер не здесь, на земле, но внутри самого себя, лишь для своей души! В духовном труде женщина не помощница мужчине <...> К чему мне тогда жениться? <...> Затем, что я впал в грех, соблазнил девушку и так с ней сблизился, что теперь вся ее жизнь зависит от меня»¹⁰. Этот правоверный толстовец последовательно чурался женского пола («Защищайся, защищайся от женских чар сердцем, умом, молитвой, зубами и ногтями»), но лишь попал в сильнейшую зависимость от него («Во мне живут разные предрассудки, в том числе желание греха, в первую очередь – сексуального. Оно не просто живет во мне, я сам его вызываю и даю волю своим желаниям»¹¹).

Однако очарование итальянской женой быстро прошло: «Сунта очень хорошая жена, о лучшей я и не мечтаю. Трудлюбивая, спорая, порядочная, простая, непривередливая, словно создана для меня»¹², – писал он сначала. Пару лет спустя тон писем изменился: «Я делаю все, стараюсь устранять любые препятствия, она же делает все возможное, чтобы мне мешать, и умеет быть довольно жестокой <...> она жутко ревнива, и ей все нипочем, даже если я вообще перестану общаться с женским полом»¹³. И все-таки, несмотря на свои принципы и негативный опыт, он был женат трижды.

Шкарван с женой не раз меняли место жительства в окрестностях Асконы и соседнего Локарно. Наконец, из-за сознательного нежелания платить налоги, что было логическим продолжением взглядов на государство, в 1902 г. супруги покинули этот регион и перебрались в предместья Женевы.

У «духовной связи» Шкарвана с Монте Веритой есть еще одно возможное объяснение. В 1898 г. толстовцы из английского Кройдона основали сельскохозяйственную коммуну Уайтвэй. В ней тоже были члены, связанные с Центральной Европой. В их числе – мораванин Франтишек Седлак¹⁴ и философ Эуген Генрих Шмитт. И тот, и другой поддерживали связь с Толстым. Шмитт также побывал в Асконе, и если знать, что Шкарван тоже жил в Кройдоне и в 1896–1910 гг. вел активную переписку с Шмиттом, то не останется сомнений, что их объединяло¹⁵. Многие подмечали жизненные и мировоззренческие параллели между Седлаком и Густавом Грезером. Если к этому добавить, что в 1909 г. в Уайтвее побывал Махат-

ма Ганди, а вскоре после этого поселения, похожие на колонии толстовцев, стали появляться в Южной Африке, станет ясно, что между этими явлениями непременно была какая-то связь¹⁶.

Однако вернемся на Гору Истины. Несмотря на духовную близость ее обитателей, ожидать, что они со временем сблизятся и сроднятся, не приходилось. Иду Хофман в учении Толстого привлекало уважение к физическому труду, ее также волновали реформы питания, одежды и правописания, разделяла она и теорию свободной любви. Вполне понятно, почему ее выбор пал на Эденковена, который был моложе ее на пять лет. И хотя они именовали своим духовным отцом Льва Толстого, великий русский писатель имел мало отношения к движению. Отличавшемуся практическим складом ума бельгийцу были чужды сентиментальные мечтания, поэтому влияние Толстого сказывалось у него в отрицании зла и насилия и отказе от любых форм роскоши.

Одним из основателей и видных представителей коммуны был выходец из Венгрии Карл Грезер (1875–1920). Он родился в семье трансильванских саксов, его отец был судьей. О своих идеалистически-анархических взглядах он впервые заявил в 1899 г. Солдатское ремесло он считал безнравственным и, став офицером, думал только о том, как уйти в отставку. Мечтал осчастливить человечество, а имущество раздать бедным. Деньги были для него источником греха. Распрощавшись с армией в чине поручика, Грезер, по словам не меньшего эксцентрика, чем он сам, Эмиля Сиття, «с младшим братом и бывшим военным врачом Альбертом Шкарваном замыслил основать анархистскую группу. Шкарван и братья Грезеры забыли о том, что анархисты уже неоднократно предпринимали попытки создания подобных поселений, но всякий раз неудачно, поскольку им никогда не удавалось добиться единства, и взаимные разногласия всегда брали верх (Шкарван и Грезеры были слишком большие идеалисты, чтобы предвидеть такое развитие событий). Тогда-то на их пути возник бельгийский миллионер и анархист ван Эденковен, который болел сифилисом и хотел создать идеальное государство»¹⁷. О влиянии Шкарвана на К. Грезера, где ключевую роль могло сыграть неприятие обоими имперской армии, писала еще Э. Ханке¹⁸.

В числе основателей коммуны был и Густав Грезер (1879–1958), чьи взгляды отличались еще большим радикализмом, чем у старшего брата. После гимназии в Брашшо (Брашов, Румыния), берлинской и мюнхенской академий искусств, он вступил в такой период жизни, когда отказался от имущества и всей прошлой жизни и пустился в странствия. Воплощая собой один из древних архетипов странствующих пророков и гуру, он ходил в разноцветной, с годами все более ветшавшей греческой тоге. Длинные седые волосы были перехвачены на лбу веревкой. Ноги оставались босыми или были обуты в сандалии. Все его добро умещалось в болтавшемся на шее кошелье. Как самый ортодоксальный и наименее склонный к компромиссам член коммуны, он вскоре со всеми перессорился. Не помог и авторитет брата, и Густаву пришлось оставить Монте Вериту. Наконец, он поселился в одной из пещер по соседству и вскоре снискал известность как пророк радикальных реформ, этакий «западный Ганди». Дети, считая его святым, сошедшим с небес, опускались перед ним на колени. Следуя заветам, «явленным свыше» во сне, он бродил между жилищами членов коммуны и писал дидактические тексты для аскетов и вегетарианцев.

Он был тем типом индивидуалиста, который после 1918 г. возьмут за образец пророки и визионеры¹⁹. Грезеру было от силы тридцать, когда он встретил гадалку с восьмерыми детьми. Густав влюбился, и с тех пор они колесили по Европе как одна семья. Он пристрастился к алкоголю, во время Первой мировой войны был арестован в Будапеште по обвинению в шпионаже. Когда его сожительнице запретили предсказывать судьбу, им не раз приходилось голодать. После войны Грезер оставил семью, уехал в Германию, стал проповедовать свои идеи посредством танца.

После отъезда Густава положение его брата Карла в коммуне тоже стало проблематичным. Живя по принципу «помоги себе сам», он всего хотел добиться собственными силами, не прибегая к помощи властных структур, предприятий, не используя завоевания цивилизации. Жажда трудиться, однако, овладевала членами коммуны, как правило, лишь на короткое время. Они жарко спорили о пределах вегетарианства, об использовании животных и о частной собственности. Официальным владель-

цем горы по-прежнему был Эденковен, в чем его противники усматривали реальную угрозу «диктатуры».

Споры о том, по какому пути должна пойти коммуна на Монте Верите, привели к конфликтам, которые повлияли на отношения между Карлом Грезером и Дженни Хофман (сестрой Иды). Любовная связь отдалила их от товарищей, они купили свой участок земли, где заложили основы еще более ортодоксальной коммуны. Пара жила, довольствуясь самым малым, все необходимые предметы они изготавливали своими руками или обменивали на то, что вырастили сами.

Карл так писал о своей жизни, побуждая других последовать его примеру: «Для простых людей, избравших жизнь в гармонии с природой, могу для временного и свободного житья предложить свой сад, лес, поле, <...> но на вопросы, которые ставит перед нами жизнь, каждый должен сам найти ответ. Я лишь даю возможность найти счастье путем установления непосредственной связи с природой, <...> имеющийся участок земли позволяет жить реформированной жизнью, где нет места рабству. Здешний климат таков, что домом легко может служить тент от палатки, <...> а за садом достаточно ходить одному человеку, если такое занятие ему в радость»²⁰.

После смерти Карла Грезера его брат Густав унаследовал участок и дом. Но этот несведущий в практических вопросах пророк потерял все, предположительно из-за другого, еще более далекого от жизни визионера.

Среди создателей коммуны была Лотте Хаттемер – дочь бургомистра Берлина, с которой Грезеры и Эденковен познакомились в каком-то гамбургском кабаке. Вытащили ее с общественного дна и взяли с собой. Лотта чуралась громкоголосых фантастов и жила уединенно в полуразрушенном доме. Она увлекалась идеями коммунизма и временами клянчила деньги у богатого отца. Спала на голых камнях и питалась сырыми зернами. По ночам она карабкалась на ближайшую вершину, где поджигала прихваченную с собой ветку сосны, пепел развеивала по ветру, при этом бормотала что-то бессвязное. «Святая Лотта Асконская» умерла не как приличествует святой: она отравилась.

Из пятерых основателей остались только Анри Эденковен и Ида Хофман. Она иногда писала письма Шкарвану, рассказывала, что нового происходит в ее и коммуны жизни²¹.

Слава, овевавшая Монте Вериту, влекла туда самых разных людей. Нелегко было определить, кто приехал поглазеть на сенсацию, а кто принял условия спартанского быта в согласии с убеждениями. В полночь регулярно проводились спиритические сеансы, и поток стремящихся на гору пророков, шарлатанов, умалишенных не иссякал. Но и они не в силах были опорочить ее доброе имя, и любой сноб из Центральной Европы считал своим долгом хотя бы раз побывать там, чтобы по возвращении говорить с друзьями обо всем увиденном как сопричастный. В разное время там побывали лауреат Нобелевской премии писатель Герман Гессе (1877–1962)²², философ и социолог Макс Вебер (1864–1920)²³, венгерский писатель, журналист и художник Эмиль Сиття. Реальные обитатели коммуны стали для Гессе прообразами персонажей романа «Улучшатель мира» («*Der Weltverbesserer*»), со своего друга Густава Грезера он срисовал портрет героя другого своего романа – «Демиян» («*Demian*»). В нем же под именем «Толстойман» фигурирует не кто иной, как Альберт Шкарван. Гессе вкусил сполна городов, переполненных товарами, видел деморализующее влияние денег, ему импонировали возвращение к природе, обращение к исцеляющей силе воды и солнца, пацифизм, эмансипация женщин, альтернативные религии и иные, популярные на Монте Верите взгляды.

Самым известным популяризатором Монте Вериты как «государства в государстве» стал писатель-анархист и пацифист Эрих Мюзам (1878–1934). Не успел он туда приехать, как начал изготавливать листовки, сочинять гимн вегетарианцев и пропагандировать деятельность и идеи живших на горе людей и не смог остановиться даже тогда, когда Монте Верита уже превратилась в миф. Его особо привлекал Карл Грезер, ближе всех подошедший к воплощению идеалов движения. С именем Мюзам связывают создание идеологии, включавшей свободную любовь, полигамию и иные составляющие сексуальной революции²⁴. Впрочем, на Горе Истины отрицание института брака было в порядке вещей.

Одним из самых достойных внимания фигур в коммуне был упомянутый выше художник и журналист Эмиль Сиття – до Первой мировой войны анархист, люмпен-пролетарий и жулик в одном лице. О его бесцельной и циничной жизни

повествует сборник занимательных рассказов «Скитания» («*Csavargások*») венгерского писателя, художника и публициста Лайоша Кашшака (1887–1967), в котором он рассказывает о своем путешествии в 1909 г. из Венгрии через Вену, Штутгарт и Брюссель в Париж. В Германии писатель познакомился с Сиття, скитавшийся уже с 1901 г., и в дальнейший путь они отправились вместе, добывая на пропитание мелким жульничеством и попрошайничеством. Сиття в воспоминаниях не находит добрых слов для Кашшака и настроен по отношению к нему слишком критически²⁵.

Заглавие романа, написанного в канун Первой мировой войны дошедшим до края бедности Сиття, говорило о том, что сам себя он считал «человеком, который всегда в центре событий»²⁶. Он не заметил, как потерял себя, но сконструировал новый, пусть не такой яркий, зато собственный мир, отчего ему никогда не сиделось на одном месте. Сиття стал человеком без родины, у которого, кроме нигилизма, выдаваемого по поводу и без, не было никаких прочных убеждений.

В 1907 г. в Париже Сиття познакомился с Мюзамом и еще одним писателем-анархистом – Йоханнесом Нолем (1882–1963), только что вернувшимися из Асконы. От них он впервые узнал о Монте Верите и других коммунах округи. Мюзам еще в 1905 г. издал брошюру о тамошнем альтернативном образе жизни²⁷. Скорее всего, Сиття отправился в Аскону не ранее 1908 г. Сохранилось описание этого полного приключений путешествия и окружающей романтической природы. Когда он уже был близок к цели, случайно услышал, как два местных крестьянина говорили между собой: «Ну вот, еще один сумасшедший». Тогда он понял, что близок к цели²⁸. Прежде всего его поразила царившая там ни на что не похожая атмосфера: опростившиеся берлинцы, голый мужчина на велосипеде, подпоясанный золотой цепью. Это был один из местных теософов²⁹.

Сиття стал одним из летописцев Монте Вериты. Многие позднейшие описания восходят к его текстам. Именно ему принадлежит определение Асконы как «религиозно аномальной деревни». Один из самых чудаковатых тамошних «спасителей мира» был проповедник из Нюрнберга по фамилии Хофман. Он учил, что священной пищей являются только кокосы, потому что растут на дереве и похожи на солнце. Этот

столь важный для вегетарианцев плод, говорил Хомфан, появляется в результате соития дьявола с землей. Он написал гимн кокосу, а тех, кто проявлял интерес к его учению, отправлял на острова, где росли кокосовые пальмы.

Сиття также описал многолюдную колонию анархистов Асконы, где наряду с Монте Веритой жили и вели бесконечные споры всевозможные группы теософов, вегетарианцев, спиритуалистов и пр. Здесь, удалившись от мира, жил русский барон Рехенберг. Как теософ, он считал венцом премудрости учение Франца Гартмана (1838–1912), как аскет – утверждал, что духи запретили ему ходить и, будучи человеком богобоязненным, он должен предать собственное тело – источник всех пороков – бездействию. Женщина была для него воплощением зла, поэтому не стоит удивляться, что в коммуне, где женщины играли заметную роль, его записали в полоумные и даже хотели прогнать. Его брат – Александр Рехенберг – мало походил на него: спившийся сифилитик, парадигматический злодей, сбивавший молодежь с истинного пути. Один из родственников оставил завещание, по которому в права наследства барон вступал только в случае, если бы женился и завел детей. Поскольку найти для него жену было нелегко, Мюзам подыскал ему скандально известную немецкую писательницу и вольнодумку Франциску Ревентлов (1871–1918): у нее уже был ребенок, и она крайне нуждалась в деньгах.

У Монте Вериты были и другие, не менее сомнительные почитатели. Например, австрийский эрцгерцог Леопольд Фердинанд (1868–1935), избравший себе псевдоним Леопольд Вёльфлинг, который в 1903 г. женился на своей любовнице – женщине легкого поведения. Он стал последовательным вегетарианцем и, попав под сильнейшее влияние теософии и спиритизма, если верить не слишком информированному источнику, «присоединился к группе отличавшихся особым фанатизмом последователей единения с природой». На самом деле, речь идет о Карле Грезере и Дженни Хофман. Бывший эрцгерцог знал отставного поручика еще по армии. Отторжение этикета и условностей и жажда полной независимости привели их созданию замкнутой группы с названием «Без принуждения» («*Obne Zwang*»), где все были друг с другом на «ты». Вёльфлинг искал своего бывшего единомышленника и так

примкнул к «людям природы». При всей своей природной сдержанности и скромности, он не смог долго терпеть нравы, царившие на Монте Верите. Не удавалось избегать и постоянных конфликтов с женой. Если верить донесению всезнающей венской полиции, дамочка владела целым арсеналом вульгарных замашек, которые вогнали бы в краску даже весьма искушенную женщину³⁰.

Среди гостей и почитателей коммуны встречались такие действительно примечательные субъекты, которые не вписывались в коммуну даже с гораздо более умеренными моральными устоями, чем те, что в свое время провозглашал Шкарван. И хотя Аскона, по мнению Сиття, потерпела поражение и не претворила в жизнь свой идеал, она превратилась в храм, куда стремились попасть не только снобы, но и художники, анархисты, теософы, вегетарианцы.

Если отвлечься от избирательных и не всегда точных (в данной статье дополненных и исправленных) сведений, приводимых давно забытым Э. Сиття, нам не хотелось бы, чтобы у читателя создалось впечатление, будто в случае Монте Вериты мы имеем дело с маргинальным, годящимся только в бульварные сенсации явлением. На самом деле, здесь мы встречаем «такой дистиллят альтернативных идейных течений»³¹, который тогда и потом во многих смыслах стал жертвой мифотворчества. Это справедливо как для степени освоения «сексуальной революции», так и для до сих пор достоверно не установленного факта визита на гору некоторых выдающихся личностей, например, М. Бакунина³².

Последний раз Сиття побывал в Асконе в 1915 г. Тогда под воздействием войны там многое поменялось, кто-то покинул те края, кого-то мобилизовали в армию. В коммуне остались жить одни пацифисты. В 1917 г. город пережил подлинный ренессанс и превратился в центр пацифистского движения. В разное время тут побывали барон Врангель, герцог Гогенлоэ, Альфред Фрид (1864–1921), деятели искусств и просто состоятельные люди. Между тем, мечта об идеальном государстве ушла в прошлое, и процесс запустения округа уже нельзя было остановить³³.

Не вызывающий большого доверия волонтарист Сиття в 1918 г. в Будапеште оказался замешан в скандал вокруг

майора Германа Констена. Лично будущий премьер-министр граф Михай Каройи обвинил писателя в сотрудничестве с германскими секретными службами, по заданию которых тот якобы добывал сведения о контактах венгерского политика с Антантой. Связь с вражеской разведкой осуществлялась через агента с довольно сомнительным прошлым³⁴. Сиття всего этого не отрицал, только попросил, чтобы его называли шпионом или лазутчиком. Так или иначе, но о складе его характера многое говорит то обстоятельство, что бывший анархист позволил себя завербовать германской разведке, а после войны уже числился в рядах друзей Антанты и ярых борцов с марксизмом.

Между тем, Монте Верита и дальше жила своей подлинной и вымышленной жизнью. Многие обязаны славой именно ей. С одной стороны, как говорилось выше, трудно определить идеологическую направленность тамошнего сообщества, ведь на горе встречались и жили друг подле друга – в согласии или конфликтах – представители самых разных течений. Не случайно в современном историко-культурном дискурсе Монте Верита стала синонимом «топоса модернизма» и важным элементом современной сакральной топографии. Ни в одной другой коммуне не было столько выдающихся членов и гостей, поэтому можно говорить о ее представительском характере. Уникальность отчасти объясняется тем, что она прожила достаточно длинную жизнь. Тут с ней могут сравниться только коммуны, основанные под знаком движения за город-сад (Garden city movement).

Нужно сказать, что Монте Верита существует и по сей день и свято хранит – посредством мифов – свои миссию и традиции. Там действуют конгресс-центр и издательство, явно симпатизирующие идеям анархизма. В статье были упомянуты различные интеллектуальные вызовы и приоритеты, но они никогда не проявлялись одновременно и с равной силой в процессе конкретных попыток реформирования образа жизни. Обычно доминировала только одна какая-то идея, к которой присоединялись еще несколько. Литература о реформаторском движении нередко превращается в паноптикум курьезов, рассказанных Эмилем Сиття, что серьезно искажает восприятие темы. Противоречивость реформаторским движе-

ниям придавало то, что среди протекавших в их рамках процессов далеко не каждый (в тогдашнем или нынешнем смысле) был порождением модернизации, более того: некоторые определяли себя в оппозиции к ней. Эти противоречия не позволяют сформировать однозначную позицию по теме.

Не меньшая противоречивость сопровождает соотношение реформаторских движений с модерностью, которую они воспринимали не как прогресс, но как знак декадентства и упадничества. Сами реформаторские движения не виделись возможным путем спасения человечества. Не случайно, что колыбелью для крестьянской и христианской формы этих реформаторских движений стала отсталая Россия, а духовным отцом – Лев Толстой. Точно так же вполне закономерно, что многие участники движения были интеллигенцией из Германии, где динамичная индустриализация и урбанизация все радикальнее влияли на окружающую среду. Идеологическая пестрота и релятивизация идей, прежде казавшихся неизменными, вместе с тем интеллектуальным ренессансом, который наблюдался в конце XIX в., создали питательную среду для столкновения идеологий, их конфронтации или плодотворного взаимообогащения.

Вне зависимости от тех или иных изъянов, которые встречались в отдельных течениях или их позднейших деформациях, при изучении реформаторских движений в контексте эпохи их следует рассматривать как явления модерна. Об их важности говорит следующее: многое из того, что провозглашали движения, направленные на изменение образа жизни, сегодня ни у кого не вызывает возражений.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Buchholz K., Latocha R., Peckmann H., Klaus W. Die Lebensreform. Entwürfe zur Neugestaltung von Leben und Kunst um 1900. Bd. 1. Darmstadt, 2001. S. 17. См. также: Kerbs D., Reulecke J. Handbuch der deutschen Reformbewegungen 1880–1933. Wuppertal, 1998; О культе обнаженного тела см. каталог выставки в венском Музее Леопольда: Nackte Männer von 1800 bis heute. Wien, 2012.

² Radkau J. Die Ära der Ökologie. Eine Weltgeschichte. München, 2011. S. 77–78.

³ Подробнее см.: *Саломони А.* Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли.* СПб., 1997. С. 112–127.

⁴ Подробнее см.: *Škarvan A.* Zápisky vojenského lekára. Slováci. Bratislava, 1991. В английском переводе см.: *Life in an Austro-Hungarian military prison: the Slovak Tolstoyan Dr. Albert Škarvan's story* / Ed. by P. Brock. Toronto, 2002.

⁵ Подробнее см.: *Kolafa Š.J.* Styky ruské emigrace se Slováky a Čechy v letech 1897–1900. Praha, 1977.

⁶ *Landmann R.* Ascona – Monte Verita. Auf der Suche nach dem Paradies. Frauenfeld; Stuttgart; Wien, 2000. S. 30; *Hanke E.* «Der Mann der Wahrheit». Die Ideen Leo N. Tolstois und der Monte Verità // *Sinnsuche und Sonnenbad. Experimente in Kunst und Leben auf dem Monte Verità* / Hrsg. von C. Lafranchi, A. Schwab. Zürich, 2001. S. 24, 39.

⁷ *Hanke E.* Max Weber, Leo Tolstoy and the Mountain of Truth // *Max Weber and the Culture of Anarchy* / Ed. by S. Whimster. London, 1999. P. 144–145.

⁸ *Landmann Ch.* Ascona – Monte Verita. S. 30; *Hanke E.* «Der Mann der Wahrheit». S. 24. Ландманн и Ханке не считают Шкарвана словаком, хотя на Монте Верите в его словацкой идентичности никто не сомневался (в конце концов, там было трое трансильванских саксов). У обоих авторов мы встречаем определение «венгерский» («*ungarischer*», «*hungarian*»). Нам известен только один источник, согласно которому Шкарван отказался поступить на воинскую службу в России, и там он назван русским. Ср.: *Green M.* Eine neue Ära. New Age und «Neue Lebenszentren» 1890–1920 // *Lafranchi C., Schwab A.* Sinnsuche und Sonnenbad. S. 212.

⁹ LA SNK. Sig. 22 S 10; 22 E 12. Неизвестный отправитель – А. Шкарвану, без даты.

¹⁰ Ibid. Sig. 22 B 5. А. Шкарван – М. Шкарвану, 22 XI 1899.

¹¹ Ibid. Sig. 22 A 13. А. Шкарван – Д. Маковицкому [лето 1897 г.]. См. также: Ibid. Sig. 22 L 1. Дневник (IV 1897).

¹² Ibid. Sig. 22 B 5. А. Шкарван – М. Шкарвану, 16 VIII 1900.

¹³ Ibid. Sig. 22 M 1. Дневник (XII.1906); Ibid. Sig. 22 A 17. А. Шкарван – Л.Н. Толстому, 03 VII 1908.

¹⁴ *Shaw N.* A Czech Philosopher on the Cotswolds. London, 1940. P. 38–40.

¹⁵ LA SNK. Sig. 22 E 3; 22 A 15.

¹⁶ *Green M.* Eine neue Ära. S. 205–221.

¹⁷ *Szittyá E.* Das Kuriositäten-Kabinett. Konstanz, 1923. S. 90.

¹⁸ *Hanke E.* Max Weber. S. 145.

¹⁹ Об идеологическом влиянии Грезера на последователей см.: *Linse U.* Barfüßige Propheten. Erlöser der zwanziger Jahre. Berlin, 1983. S. 68–75.

²⁰ LA SNK. Sig. 22 E 12. Неизвестный отправитель [К. Грезер] – А. Шкарвану, без даты.

²¹ Ibid. Sig. 22 E 12. Неизвестный отправитель [И. Хофман] – А. Шкарвану, 11 I 1909.

²² Müller H. Der Dichter und sein Guru. Hermann Hesse – Gusto Gräser eine Freundschaft. Werdorf, 1979.

²³ Max Weber and the Culture of Anarchy.

²⁴ Linse U. Sexual Revolution and Anarchism: Erich Mühsam // Max Weber and the Culture of Anarchy. P. 129–143.

²⁵ Szittyá E. Das Kuriositäten-Kabinett. S. 300. Кашшак приводит свои воспоминания о Сиття в биографическом томе: Kassák L. Egy ember élete. Budapest, 1983. I. k. 343–434. old.

²⁶ Szittyá E. Der Mann der immer dabei war. Wien, 1986. Роман написан в 1931–1932 гг.

²⁷ Mühsam E. Ascona. Bericht über alternatives Leben auf dem Monte Verità. Berlin, 1982.

²⁸ Szittyá E. Das Kuriositäten-Kabinett. S. 93.

²⁹ Weinck Ch. Emil Szittyá: Leben und Werk im deutschen Sprachraum 1886–1927. PhD.-Dissertation an der Universität Salzburg. Salzburg, 1987. S. 48.

³⁰ Bestenreiner E. Luise von Toskanien. Skandal am Königshof. München; Zürich, 1999. S. 216.

³¹ Szeemann H. Vorwort // Monte Verità. Berg der Wahrheit. Lokale Anthropologie als Beitrag zur Wiederentdeckung einer neuzeitlichen sakralen Topographie / Hrsg. von H. Szeemann. Milano, 1978. S. 5–6.

³² Schwab A. Monte Verità – Sanatorium der Sehnsucht. Zürich, 2003. S. 238–239.

³³ Szittyá E. Das Kuriositäten-Kabinett. S. 89–105.

³⁴ Max Weber and the Culture of Anarchy. P. 175–193. События глазами Э. Сиття представлены в целом ряде источников, в том числе в ироничном и одностороннем сочинении: Szittyá E. Én, Szittyá Emil, a bizonyítékgyáros, Consten bej és Károlyi Mihály gróf. Budapest, 1918.

Л.Н. Будагова

ЧЕШСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ОТКРЫТЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОСКВЕ 1930-х ГОДОВ

Первый из них, процесс против Зиновьева, Каменева и их «сообщников», проходил с 19 по 24 августа 1936 г. Все шестнадцать обвиняемых получили смертный приговор. Второй – против Радека и Пятакова – продолжался с 23 по 30 января 1937 г. Из семнадцати подсудимых к смертной казни были приговорены тринадцать. Третий процесс, проходивший с 2 по 13 марта 1938 г., посадил на скамью подсудимых Бухарина, Рыкова и еще девятнадцать человек. Смертной казни избежали лишь трое.

Давно признана сфабрикованность этих судилищ, похожих на театр абсурда, чудовищность обвинений, предъявленных людям, многие из которых были вершителями и героями Октябрьской революции в то время, когда И.В. Сталина еще мало кто знал. Деятелей Советского государства обвиняли в связях с нацистской Германией, с агентами бывшей царской охраны, пробравшимися во время революции на высокие посты, в подготовке государственного переворота и других смертных грехах <...> Обвиняемые, измученные пытками и допросами, и не думали защищаться, признавая, по злой воле инсценировщиков, свою «вину» в надежде избежать смертного приговора. В результате были уничтожены старая гвардия большевиков, все ленинское политбюро и представители более молодого поколения, способные составить (или уже составлявшие) конкуренцию горячо любимому «вождю народов».

Не обсуждавшиеся в СССР при Сталине, эти процессы не могли не озадачить зарубежных современников. Не могли они не вызвать бурную реакцию и в среде представителей левого

фронта чешской культуры, разделявших идеалы пролетарской революции в России или, по крайней мере, не испытывавших к ним враждебных чувств.

Полярные позиции в отношении к процессам заняли, как известно, Лион Фейхтвангер, поддержавший советскую внутреннюю политику в книге «Москва 1937», и Андре Жид, резко осудивший процессы в «Ретушах к моему возвращению из Советского Союза» (1937), за что получил отповедь в памфлете чешского поэта Станислава Костки Неймана «Анти-Жид, или оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937). Позиция французского писателя была презрительно объявлена автором памфлета «интеллигентщиной». С.К. Неймана (1875–1947) из его соотечественников поддержали Юлиус Фучик, Зденек Неedly, Петр Илемницкий, Бедржих Вацлавек, Мария Пуйманова. Целая группа других деятелей культуры – Владислав Ванчура, Карел Тейге, Адольф Гоффмейстер, Эмиль Филла, Лацо Новоместский – выступили в защиту Андре Жида, не считая его произведение атакой на Советскую страну. Молодой поэт Ян Нога, участник группы чешских соцреалистов «*Blok*» и редактор журнала «*U-Blok*», после протестного письма своему недавнему кумиру С.К. Нейману подвергся (31 октября – 1 ноября 1937 г.) проработке на заседаниях группы, вынудившей его сначала отказаться от редактуры журнала, а потом и от членства в «Блоке» (11 декабря 1937 г.). Предполагается, что против памфлета Неймана были настроены очень многие деятели культуры, однако они хранили молчание из-за нежелания прослыть противниками Советского Союза, поскольку «Анти-Жид...» интерпретировался как «защита СССР».

Московские политические процессы, вызвавшие бурную реакцию творческой интеллигенции, нанесли, несмотря на ее неоднозначность, пожалуй, первый в истории народов Чехословакии (и, к сожалению, как покажет будущее, не последний) удар по вековым русофильским и новым просоветским настроениям.

Э. Бенеш, второй после Т.Г. Масарика, президент независимой Чехословакии (1918), самого демократического из государств, возникших после распада Австро-Венгерской монархии и победы Октябрьской революции в России, был связан с СССР союзническим договором, вынуждавшим его при-

нимать советские версии процессов. На него производили впечатление, настраивая против подсудимых, обвинения их в связях с фашистской Германией, от которой исходила тогда главная угроза Чехословакии. К признанию вины обвиняемых Э. Бенеша склоняла и та информация, которую он получал от советского посла в Чехословакии и чехословацкого в СССР. Только уже во время Второй мировой войны Бенеш пришел к выводу, что «русские творили на процессах жуткие вещи, настоящее свинство <...> и мерзости»¹.

Чешский историк Иван Пфафф основательно изучил восприятие московских процессов разными течениями левого фронта чешской культуры, ликвидировав книгой «Чешская левица против Москвы, 1936–1938» существенный пробел в освещении этих трагических страниц современной истории. Мы же коснемся, в основном, реакции на них чешских писателей, критиков, журналистов, среди которых эти процессы вызвали столкновение взглядов и характеров.

Самую горячую поддержку они нашли в среде коммунистов. Самую радикальную критику – у так называемых «чешских троцкистов», как правило, не осознававших себя таковыми, но объективно близких к ним по взглядам. В других группировках чешской культуры отношение к ним было противоречивым. Противоречия возникали как внутри партийных блоков, так и в душах отдельных людей. Были попытки понять Сталина, признать необходимость его борьбы с оппозицией, желание показать преимущества его внутренней и внешней политики по сравнению с политикой Троцкого. Сталин, как полагали некоторые, заботился о своей стране, своем народе. Троцкий же был увлечен идеей перманентной революции, да еще якобы вступил в сговор с фашистами, мечтая о развале СССР. Но даже те, кто оправдывали борьбу Сталина с оппозицией, возмущались кровавыми формами этой борьбы, незаконностью судилищ, отсутствием адвокатов, унижением подсудимых, вынужденных с помощью самооговоров послушно признаваться в «преступлениях». Большинство освещавших процессы не верило в перерождение и государственную измену старых большевиков, видных деятелей советской страны, якобы желавших завести в ней капитализм и вступить в сговор с нацизмом. «Кто из нас может поверить, что Троцкий, Зиновьев и Каменев объ-

единились с фашистами против Сталина?» – вопрошал в день окончания первого процесса Фердинанд Пероутка (1895–1978)². Сейчас страшно читать те обвинения и оскорбления в адрес осужденных, которые обрушивали на них некоторые писатели, формально или неформально связанные с Коммунистической партией Чехословакии (КПЧ). И не жестокость или кровожадность были тому причиной, а революционный романтизм, слепая вера в идеалы социализма и в страну, которая взялась их воплощать.

Одни, как, например, С.К. Нейман, который никогда не был в Советском Союзе, защищали его умозрительно, фактически отстаивая не советскую реальность, а свои идеализированные представления о ней. Другие, как Юлиус Фучик, знали советскую страну. Фучик провел в ней четыре месяца в 1930 г., а приехав в Москву летом 1934 г., пару лет проработал там корреспондентом газеты «*Rudé právo*», объездив, помимо всего, Среднюю Азию и европейскую часть России. Он искренне восхищался советскими людьми, ликбезами, пятилетками, производившими особенно сильное впечатление на фоне экономического кризиса в капстранах с его локаутами, безработицей, забастовками, разгонами бастующих. Недаром книгу об СССР Фучик, пораженный темпами его индустриализации, назвал «В стране, где завтра уже стало вчерашним днем» (1932). Нейман и Фучик, и, к сожалению, не только они, слепо веря советской пропаганде, были убеждены в том, что на скамье подсудимых оказались перерожденцы и злейшие враги советской власти. К официальным обвинениям они прибавляли свои собственные, давая волю не только праведному гневу, но и творческому темпераменту. Фучик, испытав, по собственному признанию, после первого московского процесса против Каменева и Зиновьева какие-то непонятные тягостные ощущения, уже после второго (против Радека и Пятакова) проявляет свои чувства, восхищаясь бдительностью и оперативностью советских следственных органов. «В Советском Союзе каждый агент фашизма чувствует себя раздавленным после разоблачения. Ему не помогут ни высокие посты, ни прошлые успехи и заслуги. В Советском Союзе могут скрываться отдельные тщательно законспирированные и еще не разоблаченные фашистские агенты. И в том, как быстро и решительно СССР

избавляется от них, проявляется сила диктатуры пролетариата», – писал он в статье «Ложью против единства», опубликованной в газете *«Rudé právo»* 25 июня 1937 г.³ Нейман приводит в оправдание сталинской жестокости такую статистику: «Десяток жизней подобных интеллигентов (имеются в виду осужденные. – Л.Б.) не стоят жизни одного честного рабочего <...> Это не Сталин избавляется от своих противников. Нет, это советский пролетариат избавляется от вредителей»⁴.

Главным ниспровергателем советских судилищ 1930-х годов был отчасти близкий троцкистам по взглядам, но себя таковым не считавший, Завиш Каландра (1902–1950) – писатель, философ, журналист, сотрудничавший как автор и редактор в коммунистической прессе – газетах *«Rudé právo»*, *«Haló noviny»*, *«Tvorba»*, а как эстетик – с группой чешских сюрреалистов. Не желавший слепо подчиняться партийной дисциплине, поддерживать «правильную линию» по отношению к внешней и внутренней политике СССР, Каландра был в 1936 г. исключен из КПЧ. Из встававшей перед ним дилеммы: что делать? – оставаться в коммунистическом движении ценой компромиссов, подчиняясь часто абсурдным и противоречивым мнениям, или уйти из него, Каландра выбрал третий путь – попытаться создать «ленинский противовес официальному курсу компартии». В августе 1936 г. он выступил соавтором брошюры «Разгаданные тайны московского процесса» (*«Odhalené tajemství moskevského procesu»*), в начале 1937 г. выпустил листовку «Спасите Радека, Пятакова и других товарищей! Второй московский процесс». Трагические события в Москве он рассматривал как сталинский террор против ленинцев, как преступление против всемирной пролетарской революции. Концепцию же построения социализма в одной отдельно взятой стране он критиковал, поскольку она изолирует Страну Советов от «борьбы мирового пролетариата против буржуазии»⁵.

В начале того же 1937 г. Каландра основывал журнал *«Proletář»*, как «орган коммунистической оппозиции» и трибуну бескомпромиссной критики московских процессов. Однако несмотря на активность Каландры и его соратников, которые уже в марте 1938 г. сумели опубликовать протест против суда над Бухариным, подписанный четырьмя деятелями куль-

туры, в том числе известным поэтом Франтишком Галасом, малочисленной группе чешских троцкистов не удалось, по мнению историков, заручиться поддержкой «некоммунистической левицы». Сам Каландра осознавал невозможность создать в то время оппозицию против Сталина⁶.

Отсутствие среди чешских социал-демократов ярких и свободомыслящих личностей лишало их большинство самостоятельности суждений и вело к повторению московских версий процессов. Троцкого и его сторонников социал-демократы обвиняли в том, что те стремились к революциям ради революций, вели борьбу против Сталина, отвергали сталинскую конституцию. Сталина же одобряли за явный «поворот вправо», за вступление СССР в Лигу Наций, за то, что нанося удар по троцкизму, он помогает сохранить мир, поскольку устраивая разного рода беспорядки, троцкисты ослабляют Советский Союз, играя на руку «немецкому фашизму и японскому империализму».

Гораздо более критическое отношение к процессам проявило левое крыло социал-демократов, оппозиционное по отношению к партийному руководству. По их мнению, одной из главных задач процессов было устранение всей руководящей группы истинных большевиков, физическое уничтожение ведущих представителей старой гвардии. Полагая, что антисталинскую оппозицию нельзя сводить к одному лишь троцкизму (ибо это упрощало проблему), причины преследования оппозиции они видели в том, что та слишком активно использовала учение и имя Ленина в борьбе против Сталина, завладевшего всей властью в стране. Процесс же над Бухариным социалисты расценивали как «суд над всей прежней советский политикой», начиная с Брестского мира вплоть до прихода Гитлера к власти в Германии⁷.

Возмущенное отношение к московским процессам выразил на закате жизни виднейший представитель левой творческой интеллигенции, писатель и критик Франтишек Ксавер Шальда (1867–1937). «25 августа в Москве казнили 16 товарищей – семнадцатый избежал суда и казни, покончив с собой. Среди казненных – Зиновьев, Каменев и другие, в основном друзья и соратники Ленина, члены старой ленинской гвардии, отцы и первые защитники русской коммунистической революции.

Подобно тому, как Гитлер в Германии расправился 30 июня 1934 г. со своими старыми легионерами, поскольку они стояли на его пути и напоминали о невыполненных обещаниях, <...> так и Сталин расправился с историей русской революции. Только способ, каким Сталин инсценировал убийство людей, эта лицемерная комедия “показательного процесса”, гораздо отвратительнее открытой жестокости Гитлера, – писал Шальда 21 сентября 1936 г. в статье «В век стали и огня». – Шестнадцать старых революционеров оплевывали на суде самих себя, дело своей жизни, свое прошлое и настоящее <...> Вряд ли еще когда-либо под солнцем разыгрывался такой мучительный и подлый спектакль <...> Это была публично прикрываемая ложь, служба Дьяволу, потешавшемуся над униженной и оплеванной душой человека <...> Это то, что связывает ныне Сталина с другими западноевропейскими реакционерами – немецкими или итальянскими, чьими аргументами являются пули из браунингов или конопляные веревки виселиц»⁸. В ответ на нападки коммунистов, защищавших московские процессы, Шальда, окрестив процесс против Зиновьева и Каменева «взглядом в пекло людского сволочизма», написал: «Если вы хотите во всем этом разобраться, надо читать между строк. И вам откроются глаза на трясину жизни, на бредовую политическую схоластику. Вы увидите борьбу за власть старых политических монстров, которая ведется на острие ножа, без уступок, без жалости, а также, к сожалению, без всякого смысла и морали <...> Приличных европейцев от всего этого мутит. В Чехии же – молчание, потому что <...> мы страна бумагомарателей, никто из которых не хочет пачкать руки <...> Меня же все мое существо заставило высказаться, закричать, достучаться до оглохшей человеческой совести. А в ответ раздалось твяканье политических шавок»⁹.

В отличие от Шальды, его собрат по леволиберальным взглядам – писатель и журналист, шеф-редактор журнала «*Přítomnost*» («Современность», 1924–1939) Фердинанд Пероутка, опубликовавший в середине 1920-х годов анкету «Почему я не коммунист?» (он считал коммунизм насилием над естественным развитием жизни), в откликах на московские процессы проявил определенную двойственность в отношении и к троцкизму, и к Сталину. Выражая симпатии к Троцкому,

демонстративно публикуя выдержки из его «Истории русской революции», Пероутка не спешил солидаризироваться с его учением, полагая, что победа троцкизма над Сталиным поддержала бы Гитлера в его борьбе за мировое господство. В отклике на первый московский процесс, опубликованном в газете «*Lidové noviny*» 24 августа 1936 г., Пероутка писал: «Сталин стремится проводить не пролетарскую, а русскую государственную политику. Правда в том, что Сталин стал для Советской России более осмотнительным и разумным вождем, чем его левые оппоненты, которые могли бы свергнуть Россию в водоворот мировых испытаний <...> Когда-нибудь о нем напишут, что своим осторожным ревизионизмом он сохранил русскую революцию (Многие, напротив, считали, что он ее погубил, о чем еще пойдет речь. – Л.Б.). И, конечно же, еще напишут, что к своим противникам он относился по-варварски, как азиат. Сталин, бесспорно, делал полезные вещи как для всего мира, так и для нас. Но делал их жестоко, бесчеловечно, грубо. Московский процесс – это не что иное, как бессмысленное юридическое преступление»¹⁰.

Со временем же, не меняя своего отношения к следующим друг за другом процессам, подобным, по мнению Пероутки, средневековой охоте на ведьм, он подчеркивал их основную цель: монополизация власти Сталиным, установление в СССР диктатуры не пролетариата, а «военной диктатуры» вождя, «добывающего последних интеллектуалов, способных сгруппировать вокруг себя оппозицию или еще высказать какие-нибудь идеи»^{11–12}.

Из всего вышесказанного можно вывести три типа отношения чешских писателей, критиков, журналистов к показательным московским процессам 1930-х годов: одни – С.К. Нейман, Ю. Фучик и др. – их однозначно и безоговорочно одобряли; вторые – З. Каландра, Ф. Кс. Шальда и др. – столь же однозначно и безоговорочно осуждали; третьи – Ф. Пероутка и др. – сохраняли к ним двойственное, противоречивое отношение. Практически все те, кто осуждали московские процессы, видели в них не порождение Октября 1917 г., а отступление от него, не воплощение, а предательство его идеалов. Слишком велика была в то время среди деятелей чешской культуры, славящейся своими демократическими традициями, вера в революцион-

ный путь к светлому будущему. В появившемся на карте Европы независимом Чехословацком государстве реализованная мечта о национальной свободе от монархии Габсбургов сменилась мечтой значительной части народа об освобождении социальном от власти капитала, о построении справедливого общества, где бы «свобода, равенство, братство» (эта французская формула социального благополучия) стали бы принципами жизнеустройства. Российские «десять дней, которые потрясли мир», давали эту надежду, которую не могли разрушить даже преступления сталинского режима.

Весьма показательно здесь одно из стихотворений Я. Сейферта, опубликованных в пражских ежедневных газетах по следам первых двух процессов. В стихотворении «Мавзолей Ленина», написанном после окончания первого процесса и появившемся в № 206 газеты «*Ranní noviny*» от 7 сентября 1936 г., возникает картина Красной площади, где по-прежнему реет красное знамя, где Ленин спит в мавзолее и где вроде бы ничего не меняется со временем, только на вопрос, а где же, где же революция, следует ответ: «Там, где орудует товарищ Сталин / Революции нет». Иными словами – революция, Ленин – все это еще объекты поклонения, явления идеальные. Сталин же – олицетворение отступничества от них.

Волнения на левом фронте чешской культуры, вызванные московскими процессами, практически не повлияли ни на изменения позиций противоборствующих сторон, ни на перемещение творческих сил. Исключением стала ситуация с Группой чешских сюрреалистов, основанной в марте 1934 г. Витезславом Незвалом (1900–1958). Лидер чешского поэтического авангарда, он давно приглядывался к Андре Бретону и его детищу – сюрреализму, но присоединился к нему лишь после революционизации направления, сменившего лозунг и название своего журнала «Сюрреалистическая революция» (1924) на другой – «Сюрреализм на службе революции» (1930). Для Незвала, вступившего в КПЧ в 1924 г., сюрреализм стал течением революционной литературы, альтернативным социалистическому реализму, который отталкивал поэта догматическими принципами. Побывав в Москве на Первом все-союзном съезде советских писателей (1934), он уехал оттуда полный радужных впечатлений и от съезда, и от Москвы, вос-

созданных в книге «Невидимая Москва» («*Neviditelná Moskva*», 1934). Она стала его пожизненной привязанностью и вместе с Прагой и Парижем составила тройку самых любимых европейских мегаполисов. Московские политические процессы не изменили его отношения к советской столице. Известно, что Незвал с недоверием отнесся к первому процессу, высказав в письме к Карелу Тейге (1900–1951) от 7 сентября 1936 г. предположение, что судебное разбирательство не коснется Бухарина, которого он высоко ценил за широту взглядов, высокую культуру и тонкий вкус. «Создается впечатление, что мы одинаково смотрим на вещи <...> В чистоту Бухарина верю безоговорочно, полагаясь не только на свои взгляды, но и на интуицию»¹³.

Соглашаясь в данном случае с Тейге, Незвал однако разошелся с ним весной 1938 г., после того, как тот позволил себе сравнить коммунизм с нацизмом, а Советский Союз с третьим рейхом. Незвал усмотрел в этом политические обвинения против СССР, хотя сам Тейге имел в виду не процессы против «троцкистов», а советскую культурную политику, усматривая ее сходство с германской тем же неприятием авангардного искусства и ориентацией на монументальность, традиционность и академизм. Обидевшись на Тейге за СССР, Незвал решил распустить созданную им Группу чешских сюрреалистов, в которой Тейге играл вместе с Незвалом ведущую роль, хотя и вступил в нее позднее. На заявление сюрреалистов 15 марта 1938 г. в газете «*Ranní noviny*» о том, что В. Незвал не правомочен ликвидировать пражское сюрреалистическое объединение, он ответил: «В момент, когда в этой группе стали проявляться политические взгляды, которые я в сложившейся обстановке, в связи с ролью Советского Союза в борьбе за укрепление антифашистского фронта, расцениваю как неправильные и опасные, – считаю своим правом и обязанностью объявить о роспуске группы, за которую несу ответственность перед обществом. О том, в праве я, или нет сделать это, пусть судят те, кто следил за деятельностью группы и моей ролью в ней»¹⁴.

Основным мотивом роспуска Группы чешских сюрреалистов стали нападки на страну, к которой Незвал испытывал неизменно добрые чувства. Но нельзя не отметить, что у этого акта были и творческие причины. Увлечение Незвала сюрре-

ализмом не могло продолжаться вечно, необходимость придерживаться этого «-изма», (как, впрочем, и любого другого) сковывала его свободу, поэт любил варьировать стилевые манеры, писать в разном ключе. Отсюда – созданный им в разгар его сюрреалистической активности и анонимно опубликованный – цикл баллад, сонетов и других традиционных форм о злключениях безработного, нищего студента Роберта Давида. Отсюда – его полемика (опять же в период сюрреализма) с Андре Бретоном в книге «Пражский пешеход» (1937–1938), где он оспаривает сюрреалистический принцип чистого психического автоматизма, поощряющего в качестве демиурга творчества бесконтрольность, опору на интуицию и подсознание. Незвал же считал, что в поэзии должны быть задействованы разные слои психики, как бессознательные, так и разумные начала¹⁵.

Оппонент Незвала – Карел Тейге вовсе не хотел прослыть врагом СССР (да он им и не был, активно выступая пропагандистом советского авангардного искусства). Защищая в книжке (брошюре) «Сюрреализм против течения. Две полемические главы» (1938) Андре Жида от нападков С.К. Неймана, он доказывал, что в «путевых дневниках» французский писатель критиковал внутреннюю политику СССР не как враг, а как друг, указывая на те ошибки, оплошности и недостатки, которые можно и необходимо устранить, и что совершенно напрасно Нейман громит его в памфлете «Анти-Жид». Желая отвести от себя и своих друзей обвинения в антисоветских взглядах, Тейге писал, что он вполне осознает значение СССР, но в то же время отстаивает право на свободу критики. «Наша принадлежность к антифашистскому фронту не запрещает, а поощряет просвечивать рентгеном марксизма все существенные явления фашистской, демократической и советской политики; революционное сознание, не способное воспринимать критику, порождает мифы, а без свободы критики и идейных дискуссий (не исключаяющих появление ошибок, которые можно исправить, но за которые нельзя преследовать) любой социалистической теории и практике грозит опасность вырождения»¹⁶.

Если книга историка Ивана Пфаффа, материалы которой часто цитируются в этой статье, восстанавливает фактическую

канву трагедии московских процессов и отношения к ним деятелей чешской культуры, то документальный роман (или роман-репортаж) «Москва-граница» (1937) Иржи Вейля воссоздает гнетущую атмосферу Москвы первой половины 1930-х годов, атмосферу предчувствий и первых проявлений развернувшихся вскоре судилищ. Это своего рода эмоциональный антипод к книге В. Незвала «Невидимая Москва», обратная сторона отчеканенной чешским поэтом медали, скрытое закулиссе советской действительности. При этом обе книги правдивы и не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, содействуя в совокупности созданию сложного и противоречивого образа Москвы «первых пятилеток». Различия между двумя произведениями предопределяются причинами поездок обоих авторов в СССР, сроками и опытом пребывания там, жизненными ситуациями, в которых они оказывались или с которыми сталкивались, и, наконец, личностями обоих.

Незвал пересек границу с СССР 13 августа 1934 г., приехав туда в составе чехословацкой делегации на Первый съезд советских писателей, проходивший в Москве, в Колонном зале Дома Союзов с 17 августа по 1 сентября. В день открытия съезда в «Литературной газете» было опубликовано взятое у него накануне интервью под названием «О соцреализме и советском читателе» (хотя Незвал доказывал преимущества сюрреализма перед соцреализмом, пригодном лишь «для социалистических условий жизни»). Он удивился, но отнесся спокойно к тому, что многое, связанное с сюрреализмом и Андре Бретоном, в публикации было пропущено, а кое-что добавлено. «Я читал в собственном интервью фразы, которых не говорил, да и не мог сказать. Так с удивлением я узнал, что мы, представители литературного авангарда, постоянно штудируем произведения Максима Горького, а ведь я сказал только, что этого автора у нас давно знают и переводят»¹⁷. Незвал счел это недопониманием друг друга, так как разговор велся на немецком языке, и пожалел, что в Москве нет хороших переводчиков с чешского. Зато его слова об атмосфере необыкновенной сердечности, которую он почувствовал в Москве, «Литературная газета»¹⁸ донесла точно: «Воздух у вас иной <...> Я бывал в крупнейших европейских городах, но как это непохоже на то, что я успел увидеть и ощутить у вас».

Незвал пробыл в нашей стране около месяца, успев рассмотреть некоторые ее внешние стороны, которые и принял за суть, уехав домой пожизненным почитателем СССР (что, кстати, сильно осложнило после «бархатной революции» в ЧССР 1989 г. его посмертную судьбу). Ему понравился съезд, особенно доклад Н.И. Бухарина о поэзии, поскольку тот раскритиковал агитационные произведения Демьяна Бедного и высоко оценил лирику Бориса Пастернака, который к тому же сидел в президиуме съезда, понравилось внимание правительства и народа к писательскому творчеству, с чем он никогда не сталкивался у себя на родине. «Я видел в Москве, как весь народ приветствует и прославляет своих поэтов и писателей»¹⁹. Понравились ему и встречи с членами правительства, обед на даче у М. Горького. Не оправдались опасения, что «интерес к общественной жизни вытеснил у советского человека все другие интересы», обеднил его внутренний мир, интимную жизнь.

Присмотревшись к москвичам, Незвал «на каждом шагу, с каждым днем все больше и больше убеждался, что советский человек <...> преодолел известное противоречие между общественным и личным и сделал так называемую общественную жизнь частью своего интимного мира, воспринимая ее с тем же лиризмом, с каким можно воспринимать лишь то, в чем заинтересован не только разум, но и чувства»²⁰. Не оправдались и сообщения «буржуазной прессы» о пустых прилавках в московских магазинах: «Здесь есть все от продуктов до фотоаппаратов, шуб и книг. За эти лавочки я люблю Петровку, где каждая витрина показывает нам, западноевропейцам, как долго нас обманывали журналисты, рисуя Москву как город нищеты»²¹. Незвал смотрел на Москву сквозь розовые очки, насмехаясь над «недоверчивой англичанкой», принявшей одну из башен Кремля за темницу, куда бросают «врагов Сталина»²², и наивно заверяя читателей, что «Москва – это город, где никто не может лишить тебя свободы, если ты сам не отнимаешь ее у людей»²³. Слепая вера в СССР, укрепившаяся после поездки, привела к тому, что Незвал в конце концов поверил и в «измену» Н.И. Бухарина, отразив в первом издании книги «Пражский пешеход» (1938) разочарования в своем кумире. Но примечательно, что этим разочарованиям уже не нашлось места в пе-

реизданиях «Пешехода», в том числе в послевоенном собрании сочинений Незвала. Начиная прозреть поэт оставил их в прошлом, «реабилитировал» Н.И. Бухарина прежде, чем произошла это было сделано официально²⁴. Незвал в Москве участвовал в «празднике» советской литературы (правда, вскоре обернувшегося кандалами навязанного ей «социалистического реализма» и списком участников съезда, ставших жертвами политических репрессий). Однако решительно настроенный против «самого прогрессивного метода эпохи», упорно защищавший свободу творчества от всяческих, в том числе социалистических догм и правил, Незвал так и не успел (или не захотел) за свои 58 лет разочароваться в стране, от которой многие из этих догм исходили.

Иржи Вейль (1900–1959) приехал в Москву в 1933 г. в долгосрочную командировку – переводить на чешский язык по заданию КПЧ труды классиков марксизма-ленинизма и сразу же окунулся в будни советского государства. В отличие и от Незвала, и от своего друга Ю. Фучика, в чьих произведениях воссоздан позитивный образ страны Советов, Вейль, на которого она произвела тягостное впечатление, этот образ, возможно, против своей воли разрушает. Автор отдает должное напряженному труду, которым заняты советский народ, москвичи и приехавшие помочь им иностранные специалисты: строительство метрополитена, канала Москва – Волга, возведение новых заводов. Показывает он и напряженный темп жизни москвичей, занятых не только трудом, но образованием и политпросвещением, и появление в Москве новых жилых районов, где в коммунальных квартирах селится хлынувшая в столицу деревенская беднота. Отмечает насыщенную мероприятиями культурную жизнь столицы, в театры которой трудно достать билеты. Честно трудятся на своих местах иностранные инженеры, журналисты, переводчики. Героиня романа «Москва-граница» Ри – жена польского инженера Роберта, дочь чешского фабриканта – буквально оживает, устроившись по совету друзей простой работницей на завод по производству шарикоподшипников. Она становится ударницей, повышает квалификацию, ведет общественную работу, опекая политэмигрантов, и, наконец, с радостью воспринимает свое назначение на должность начальника цеха своего завода. (Не

следует искать здесь параллели с чешскими «производственными романами» начала 1950-х годов: эволюция героини романа Вейля психологически мотивирована, воссоздана без идеологических натяжек, как естественное течение жизни, участником которой был сам автор.)

В романе показано, как много значила в то время для иностранных коммунистов Москва, символ земли обетованной, убежище для революционеров, преследуемых у себя на родине, и свидетельство того, что ты не одинок в своей борьбе. «Еще есть Москва, говорили узники европейских концлагерей. Еще есть Москва, даже если все потеряно, борьба проиграна и не остается ничего другого кроме острой секиры. Еще есть Москва, бросал Димитров на Лейпцигском процессе в лицо Геринга»²⁵. Всего через несколько лет, в «Репортаже с петлей на шее», который Фучик тайком писал в застенках гестапо, в пражской тюрьме Панкрац, он за четыре месяца до казни вспомнил первомайскую Москву: «Девять утра. Сейчас быют часы на кремлевской башне, и на Красной площади начинается парад <...> Сейчас там поют Интернационал. Он звучит по всему миру, пусть он доносится и из нашей камеры. Мы поем. Одна революционная песня сменяет другую, ведь мы не одни, мы с теми, кто сейчас на воле, но тоже – в боевом строю»²⁶.

Мысль о Москве теплится и в угасающем сознании Рудольфа Герцога (одного из самых светлых образов романа), румынского коммуниста, отправленного из Москвы на подпольную работу в Берлин, брошенного фашистами в концлагерь, но вывезенного умирающим в СССР. «Из Европы, измученной, почти на грани безумия, страдающей Европы, течет кровь, соленая кровь, твоя кровь, Герцог. Но там, за границей – Москва. Еще есть Москва. Она просыпается каждое утро, чтобы выполнять план, одна смена уступает место другой, пионеры в красных галстуках спешат на утреннюю линейку. На стройках ждут начала работы сезонные рабочие, каменщики едят хлеб с луком, посыпанный солью из свернутых кулечков, курят едкий табак в самокрутках из газет, это твой мир, Герцог, о котором ты рассказываешь на нарах. Нет, не на нарах, а на больничной койке, ведь ты уже в Москве, кругом Москва, из окна видны византийские луковки церквей, слышен лязг трамваев, это же Москва, нигде трамваи не издадут столько шума»²⁷.

Но какими неожиданными сторонами обернется Москва к герою произведения, Яну Фишеру (чьим прообразом был сам автор)! «Да, Москва. Надо понимать, надо вбить себе в голову, что это не передышка в бою, что и здесь идет борьба, упорная и безжалостная, каждый день, каждую минуту, каждую секунду. У нее есть свои законы, и знать их может лишь тот, кто подчиняется им. Ян Фишер прибыл из чужбины, он готов подчиниться им, хотя знает их лишь по книгам. Если снизится добыча угля в Донбассе, Фишер скорее всего подумает, что виной тому лень, плохая организация труда, техническая отсталость. Но страна скажет: *враг*, и мобилизует все силы на борьбу». И эта дистанция между мировосприятием Яна Фишера и массы советских людей, которым внушали, что они живут в условиях классовой борьбы, происков врагов пролетариата, шпионов и диверсантов, помогает ему почувствовать (а Вейлю отразить) атмосферу жизни Советской страны, пронизанную подозрительностью и страхом. В романе воссоздан период до разгара кровавой расправы Сталина над оппозицией. Вейль, вернувшийся на родину в 1935, написал книгу в 1936 г. Пока не удалось выяснить – до или после первого показательного московского процесса. Но автор пережил на месте событий предвестия вскоре развернувшейся в Москве судебной вакханалии. Это – наводившие страх на партийцев регулярные «чистки» членов ВКП(б), это и репрессии против «оппозиционеров», которым приписывали убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г.²⁸

Под подозрением оказался и Ян Фишер. Незадолго до гибели Кирова ему было поручено секретно доставить в Берлин документы для спасения своего сослуживца, отправленного туда из Москвы для подпольной работы. Тайнственное отсутствие Фишера в Москве, причины которого он, связанный обязательством молчать, не мог придать огласке, вызвало обвинения в его связях с оппозицией. Он был исключен из партии, уволен с работы, объявлен врагом народа. Этот финальный эпизод романа списан – с изменением некоторых деталей – с натуры, с того, что пережил сам автор. Впрочем, все произведение – строго документально, являясь ярким образцом литературы факта.

С мельчайшими подробностями выписан в романе неприглядный московский быт того времени – переполненные

трамваи, куда с трудом удастся втиснуться человеку, множество карманников и воров посерьезнее, неприятные запахи, витающие в воздухе, нехватка элементарных вещей, с чем трудно свыкнуться человеку, выросшему в «милой и дорогой» Европе, вроде бы подзабытой, но мысли о которой неизменно вызывают «образ чего-то нежного, ласкового, бесконечно далекого и все же близкого»²⁹. Гнетущую атмосферу Москвы подчеркивает и постоянная непогода: холод, морозящие дожди, уличная слякоть, неизменно серое (*kalné*, букв. грязное) небо. Но, конечно же, не московский климат или быт – истоки исходящего от романа пессимизма, а тотальная подозрительность и шпиономания, те гнетущие условия, от которых страдал человек в период разгула сталинских репрессий.

В какой-то мере на контрастирующую тональность произведений Незвала и Вейля повлияло и мироощущение разных по характеру авторов. Книгу очерков «Невидимая Москва» создавал влюбленный в жизнь гедонист, изображавшийся во всех дружеских шаржах писателя и художника А. Гофмейстера с восторженным (даже на могильном холме) выражением устремленного куда-то ввысь лица. Роман «Москва-граница» написал хладнокровный и внимательный аналитик, трезво воспринимающий реальность.

Роман, не переиздававшийся с 1937 г., вызвал разноречивые отклики в левой чешской прессе. Некоторые представители марксистской критики, Ю. Фучик, Й. Рыбак и др., отнесли к нему отрицательно. Фучик назвал его «мещанским романом», что очень расстроило Вейля. Он ценил Фучика, написал по его совету книгу репортажей «Чехи ведут строительство в стране пятилеток» (*Češi stavějí v zemi pětiletok – 1937*), а в 1947 г. подтвердил дружеские чувства к нему «Воспоминаниями о Юлиусе Фучике». Но ряд писателей опубликовали благоприятные отзывы, уловив однако противоречия между его идейным замыслом и характером преобладающих в нем эмоций. Б. Вацлавек, к примеру, упрекал автора за то, что теоретически относясь к СССР позитивно, тот все время задается вопросом, «почему свободная страна, которая сама вершит свою судьбу и желает всего самого доброго людям, давит человека своим государственным аппаратом». Матезиус в рецензии, названной «Сопrotивление материала» (*Vzpoura materiálu*), назвав ро-

ман вкладом в чешскую литературу, в то же время объективно подтвердил наблюдение Вацлавека: «Эмоциональное и, скажем, моральное отношение автора к материалу берет верх над намерениями его интеллекта и, несмотря на лояльность к советской системе, основное впечатление, производимое книгой, это *негативный* образ Москвы»³⁰.

С момента свершения пролетарской революции в России до настоящего времени прошло уже почти сто лет. Отношение к ней изменилось. Авторитет связанных с Октябрем 1917 г. идей и перспектив, чрезвычайно высокий (по искренним убеждениям или в силу подчинения советской идеологии, навязанной после Второй мировой войны странам Центральной и Юго-Восточной Европы), упал. Столетие, прошедшее с Октябрьской революции до наших дней, можно разделить на два исторических этапа. Первый – это время надежд. Второй – время разочарований. Московские политические процессы 1930-х годов пришлись на время надежд, однако объективно подготовили питательную почву для разочарований в революционном пути к общественному прогрессу, в исторической миссии и многих последствиях Октября.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Pfaff I. Česká levice proti Moskvě. 1936–1938. Praha, 1993. S. 8.*

² *Peroutka F. Po neděli // Lidové noviny. 1936. 24 VIII. Č 422. Цит. по: Pfaff I. Česká levice. Příloha 5. S. 73.*

³ Цит. по: *Pfaff I. Česká levice. S. 9.*

⁴ *Neumann S.K. Anti-Gide nebo optimismus bez pověr a ilusí. Praha, 1937. S. 108.*

⁵ См. подробнее: *Pfaff I. Česká levice. S. 14–16.*

⁶ Арестованный немцами в ноябре 1939 г., Завиш Каландра всю войну провел в концлагерях. После войны он разделил судьбу многих жертв сталинизма, получив смертный приговор на сфабрикованном процессе по делу Милады Гораковой (1901–1950), депутата Национального собрания, обвиненной в «заговоре против республики».

⁷ *Ibid. S. 19.*

⁸ *Šaldův Zápisník IX (1936–1937), říjen 1936. 21 IX 1936. Цит. по: Pfaff I. Česká levice. Příloha 4. S. 71–72.*

⁹ *Šaldův Zápisník IX (1936–1937), listopad 1936. Цит. по: Pfaff I. Česká levice. S. 21–22.*

¹⁰ *Peroutka F.* Po neděli. Цит. по: *Pfaff I.* Česká levice. Příloha 5. S. 74.

¹¹ *Peroutka F.* Opět proces v Moskvě. // Lidové noviny. 1938. 6 III. Č. 113. Цит. по: *Pfaff I.* Česká levice. S. 23.

¹² Во время оккупации Чехии и Моравии фашистской Германией Пероутка за отказ от предложений нацистов возглавить реорганизованный журнал «Přítomnost» был отправлен в Бухенвальд. После войны он вернулся к редакторской работе. В 1948 г. эмигрировал, десять лет возглавлял чехословацкое отделение радиостанции Свободная Европа; закончил жизнь в Нью-Йорке.

¹³ Цит. по: *Pfaff I.* Česká levice. S. 32.

¹⁴ *Tvorba.* 1938 18 III. Č. 11. S. 4. Цит. по: Vítězslav Nezval. Dílo XXV Manifesty, eseje a kritické projevy z let 1931–1941. Praha, 1974. S. 377. О В. Незвале подробнее см.: *Будагова Л.Н.* Чешский авангардизм // Авангард в культуре XX века (1900–1930) / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М., 2010. Т. 2. С. 596–639; *Она же.* Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества. Москва, 1967. С. 3–383.

¹⁵ Vítězslav Nezval. Dílo XXXI. Pražský chodec. Praha, 1958. S. 301–302.

¹⁶ *Teige K.* Surrealismus proti proudu (Dvě polemické kapitoly). Praha, 1938. S. 18–19.

¹⁷ Vítězslav Nezval. Dílo XXV. Manifesty. S. 108–109.

¹⁸ Литературная газета. 1934. № 104. 17 VIII. С. 2.

¹⁹ Vítězslav Nezval. Dílo XXV. Manifesty. S. 120.

²⁰ Vítězslav Nezval. Dílo XXXI. Pražský chodec. S. 73.

²¹ Vítězslav Nezval. Dílo XXV. Manifesty. S. 122.

²² Vítězslav Nezval. Dílo XXXI. Pražský chodec. S. 60.

²³ Ibid. S. 49.

²⁴ *Будагова Л.Н.* Витезслав Незвал и Первый съезд советских писателей // Общение литератур. Чешско-русские и словацко-русские литературные связи. XIX–XX вв. / Отв. ред. С.В. Никольский. М., 1991. С. 181–225.

²⁵ *Weil J.* Moskva-hranice. Praha, 1991. S. 148.

²⁶ *Fučík J.* Reportáž, psaná na oprátce. První vydání faksimile rukopisu. Praha, 2008. S. 378–379.

²⁷ *Weil J.* Moskva-hranice. S. 261–262.

²⁸ Согласно официальной версии: «1 декабря 1934 г. С.М. Киров был злодейски убит агентами иностранных разведок – троцкистско-бухаринской бандой шпионов, диверсантов и убийц, по прямому заданию врагов народа – Троцкого, Зиновьева и Каменева». См.: Энциклопедический словарь. М., 1954. Т. 2. С. 78.

²⁹ *Weil J.* Moskva-hranice. S. 127.

³⁰ *Štědroňová E.* Weilová Moskva-hranice. Významný román české literatury // *Weil J.* Moskva-hranice. S. 272–273.

А. Зуппан

ЮГОСЛАВСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ТИТО

«Основополагающей целью культурной политики при народной демократии должна – наряду с поддержкой науки для облегчения и ускорения темпов строительства социализма – в первую очередь быть ликвидация идеологических пережитков капитализма в сознании широких масс трудящихся и их воспитание в духе социализма»¹.

В духе этого идеологического направления Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) попыталась использовать культуру в идеологических целях, предписать для нее соответствующие форму и содержание и последовательно подавлять производство и распространение культурной продукции, которая не вписывалась в означенные рамки. Литература, пресса, театр, кинематограф, музыка и изобразительное искусство, по крайней мере, в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны испытали диктат партии и ее массовых общественных организаций².

Важнейшим учреждением, где вырабатывалась генеральная линия новой коммунистической культурной политики, был Отдел агитации и пропаганды при ЦК КПЮ (сокращенно «Агитпроп»), во главе которого до вынужденной отставки в начале 1954 г. стоял черногорец Милован Джилас (1911–1995)³. Партийное руководство во главе с Йосипом Брозом Тито сразу по окончании войны не оставило никаких сомнений в том, что «старые формы агитации и пропаганды устарели, и в новых условиях им необходимо придумать замену». Уже 28 августа 1945 г. Временное национальное собрание приняло «Закон о прессе», который успешно препятствовал появлению оппозиционных газет, прежде всего позволяя обвинить в предательстве самого издателя или его сотрудников. Это дало возможность Уильяму Дикину – британскому посланнику

в Белграде, а в прошлом – офицеру связи, дружественно расположенному к Тито в период войны, – в донесении министру иностранных дел Великобритании Эрнсту Бевину (1881–1951) в октябре 1945 г. критически заметить: «Большинство населения Югославии не имеют доступа к новостям, ни о своей стране, ни об окружающем мире»⁴.

По решению Центрального комитета Джилас в письме от 18 ноября 1945 г. высказался так: «Агитация и пропаганда сегодня играют важную роль в реализации линии партии. Вся национально-политическая, культурная, образовательная и научная жизнь должна быть – прямо и косвенно – сосредоточена в руках нашего партийного и пропагандистского руководства»⁵. В конце 1945 г. он распорядился создать в центральных комитетах республик, в крайкомах, райкомах, вплоть до горкомов, отделы агитации и пропаганды, которые (в идеале) подразделялись на пять секторов:

- теоретический сектор отвечал за идеологическую чистоту партийной риторики и марксистско-ленинское воспитание партийных кадров и масс;

- сектор прессы и агитации заботился о корректной интерпретации, распространении и освещении решений партии в средствах массовой информации;

- сектору культуры поручались театр, кинематография, музыка, искусство, выставки и литература;

- сектор педагогики (на федеральном и республиканском уровне) занимался отбором школьных учебников и составлением учебных планов;

- организационно-технический сектор контролировал финансы, бухгалтерию и статистику.

В шести югославских республиках были созданы Министерства культуры, а в двух автономных краях – Воеводина и Косово и Метохия – Комиссариаты по делам культуры. В ведение этих министерств и комиссариатов передавались школы, народное просвещение, культура и искусство. В школе вскоре пришлось столкнуться с проблемой, как заменить «чуждые элементы», получившие в межвоенной Югославии гораздо лучшее педагогическое и профессиональное образование, на идеологически надежные, но – по причине войны – хуже подготовленные кадры. В результате во многих школах работали

учителя с незаконченным средним образованием. Справедливости ради, однако, следует признать, что борьба с неграмотностью на юге Югославии, в областях, расположенных к югу от линии Сава – Дунай, дала в 50-е годы XX в. свои заметные результаты. Если доля не умеющих читать и писать среди югославских граждан старше 10 лет в 1928 г. составляла 40,8%, то в 1961 г., по данным переписи населения, эта цифра сократилась наполовину – до 19,7%⁶.

Каковы же были важнейшие тенденции в культурной политике Югославии в эпоху основателя СФРЮ и ее государственного главы Й.Б. Тито? В первые послевоенные годы культурная жизнь страны проходила под знаком революции. По образцу СССР параллельно с новым обществом должна была быть создана новая культура. Связи с французским экспрессионизмом и сюрреализмом были порваны в угоду советскому социалистическому реализму. Деятелям культуры предлагалось создавать произведения исключительно о том, как на смену славному, но темному прошлому приходит подготавливаемое настоящим светлое будущее. До сих пор остается загадкой, как в послевоенные годы, при коммунистической цензуре могли появиться два великих произведения Иво Андрича (1892–1975). (Речь о нем еще пойдет ниже.) Были ли они сочтены отражением упадка феодализма и буржуазии? Или возымело свое действие членство писателя в ЦК Коммунистической партии Сербии? С 1945 по 1948 г., как и в последующие годы, в югославской культуре явно ощущалось советское присутствие: повсюду продавались произведения советских писателей, между окончанием войны и июлем 1949 г. на сербохорватский язык были переведены 589 советских книг, в югославских кинотеатрах показывали сплошь советские фильмы, политические песни сочинялись с оглядкой на советские образцы, театральные сезоны открывались премьерами русских и советских пьес, и даже первый, снятый в 1945–1946 гг. фильм «В горах Югославии» («*U planinama Jugoslavije*»), был совместным производством с СССР, а роль Тито была доверена советскому актеру, чем сам маршал остался крайне недоволен. В то же время, Сталин никогда не шел впереди Тито, и на лозунгах писалось «Тито – Сталин», а не наоборот⁷.

Конфликт между Сталиным и Тито, однозначно инициированный Сталиным и задуманный им как дисциплинарная

мера против югославского лидера, не считавшего нужным координировать свою политику в отношении Албании, Греции и Болгарии⁸, внутри самой страны представлялся как глубоко идеологический. Отдел агитпропа отказался считать господствовавший в СССР вариант марксизма-ленинизма единственно верным. Впрочем, мнения тут расходились, потому что Джилас – в отличие от Р. Зоговича, первого биографа Тито – сохраняя верность официальной линии, начал склоняться в сторону некоторой либерализации. Она предполагала привлечение на сторону власти писателей и художников, которые сделали себе имя еще до 1941 г., но чьи произведения после 1945 г. были заклеены как декадентские. По инициативе этих интеллектуалов в Белграде был основан журнал *«Jugoslavija»* («Югославия»), издававшийся на нескольких европейских языках, в том числе английском и французском. В 1950 г. в Загребе был основан Югославский лексикографический институт (*Jugoslavenski leksikografski zavod*), руководство которым вверили писателю Мирославу Крлеже (1893–1981) – личному другу маршала Тито. В 1955 г. институт начал издавать «Энциклопедию Югославии», и в 1971 г. проект завершился выходом в свет восьмого тома. В 1980 г. Яков Сиротич приступил к работе над новым изданием, ставшим последним энциклопедическим описанием Югославии. К 1990 г. уже было издано шесть томов, когда работа прекратилась на словарной статье *«Katlanovska Banja»* («Катлановска Баня»)⁹.

В 1950 г. в Париже посольство Югославии организовало первую на Западе выставку под названием «Средневековое искусство на земле Югославии» и поразило публику сокровищами из сербских и хорватских монастырей. Это, по понятным причинам, находилось в противоречии с церковной политикой коммунистической Югославии, которая примерно до 1953 г. преимущественно проводилась под знаком репрессий и «расчетов» с подлинными или мнимыми коллаборационистами и военными преступниками. В целом можно отметить, что католическое (хорватское и словенское) духовенство подвергалось более жестким послевоенным репрессиям, чем православное (сербское, черногорское или македонское). Это было связано, с одной стороны, с фактическим или предполагаемым поведением католических епископов и священни-

ков в Независимом хорватском государстве (*Nezavisna Država Hrvatska*) и оккупированной Словении, поскольку многие из них в той или иной форме открыто сотрудничали с фашистским режимом усташей или словенским домобранством (*domobranци*) против руководимых коммунистами партизан. С другой стороны, руководство КПЮ не без оснований считало, что Римско-католическая церковь во главе со Святым Престолом представляла с политической и идеологической точки зрения большую угрозу, чем национальная Сербская православная церковь. Британский посланник Дикин уже в октябре 1945 г. отмечал этот зазор между партией и церквами: «В отсутствие формальной оппозиции Римско-католическая церковь в Югославии является самым сильным и опасным противником действующего югославского правительства <...> Проблема взаимоотношений между новым государством и православной церковью не столь сложна. Влияние православной веры на сербские общины слабее, чем католической церкви на словенцев и хорватов, а ее духовная сила не столь велика»¹⁰.

Процессы против загребского архиепископа Алоизия Степинаца (1898–1960) и люблянского епископа Грегория Рожмана (1883–1959)¹¹ в 1946 г., как и против сотен католических священников в Хорватии и Словении ни внутри страны, ни за ее пределами не оставили сомнений в том, что властями развязан антиклерикальный террор. В одном из отчетов Воеводинского крайкома осенью 1946 г. в этой связи говорилось: «Арест Степинаца заставил католический клир замолчать, они стали весьма осторожны и не афишируют своих действий. Однако они по-прежнему являются главными распространителями межнациональной ненависти. Мы усилили работу по раскрытию работы церковного руководства и дали партийным организациям указание работать с приходами в соответствии с линией, предписанной ЦК. У венгров католические священники являются носителями ревизионизма и, например, в Сомборе клеветали на народный строй и говорили о пересмотре границ <...> С православным духовенством дело обстоит несколько лучше. Если, например, из 14 католических священников в Нови Саде с нами готов сотрудничать только один, то из православных один уже активно сотрудничает с нами, двое

склоняются к этому, трое ведут себя плохо и настроены против нас»¹².

В начале 1950-х годов появлялись и другие инициативы, сигнализовавшие об определенной международной открытости культурной жизни Югославии. К ним можно отнести организацию в 1950 г. выставки абстрактных работ Пабло Пикассо в Национальном музее в Белграде, что было немыслимо ранее, в период официального господства принципа социалистического реализма. «Буржуазные писатели» Джеймс Джойс, Марсель Пруст и Уильям Фолкнер были переведены на сербохорватский язык. Съезд писателей в 1952 г. в Любляне провозгласил, что культура освобождается от догматических пут, выставка художника Петара Лубарда (1907–1974) в Белграде распахнула дверь перед новыми направлениями в искусстве. В том же 1952 г. Джилас предложил основать новый журнал «*Nova Misao*» («Новая мысль»), где впервые стали публиковать критический анализ событий прошлого и настоящего. Когда же в статьях в партийной газете «Борба» («Борьба»), Джилас начал критиковать Тито за намерение вернуться к ленинской партийной структуре и напоминать о внутрипартийной демократии, когда стало известно о его намерении опубликовать роман «Анатомия одной морали», где коммунистическое руководство выставлялось закрытой кастой, отказавшейся от своих революционных идеалов, 17 января 1954 г. Джиласа освободили от всех партийных и государственных должностей. В первый раз его арестовали после выхода из Союза коммунистов Югославии и интервью в «*The New York Times*» в декабре 1954 г., во второй – после положительного высказывания о Венгерской революции 1956 г., в третий – после публикации (сначала в Нью-Йорке) анализа коммунистической системы «Новый класс» («*Nova klasa*») ¹³. Едва выйдя на свободу из той самой государственной тюрьмы в Сремской Митровице, к созданию которой весной 1946 г. он, тогда член Политбюро, был причастен, Джилас получил четвертый тюремный срок за то, что тайно переправил за границу рукопись новой книги «Беседы со Сталиным» («*Razgovori sa Staljinom*») ¹⁴. Расправа над Джиласом показала всем в Югославии и за ее пределами, каков подлинный характер партийной диктатуры Тито, даже если идеология первых послевоенных лет осталась

в прошлом. Только 30 декабря 1966 г. Джилас был окончательно помилован¹⁵.

Со времен II Конгресса АВНОЮ (Антифашистского вече народного освобождения Югославии) в конце ноября 1943 г. в г. Яйце харизма маршала Тито – сначала успешного главнокомандующего партизанскими соединениями, затем, в 1945 г., основателя государства – не пострадала ни от разрыва со Сталиным, ни от ударов, нанесенных Джиласом. Уже летом 1945 г., прежде всего в среде югославской молодежи – многие в последние месяцы войны воевали в партизанских отрядах – начал формироваться культ Тито, что нашло выражение в бесчисленных песнях, поэмах, полотнах, скульптурах. Одну из них изваял Антун Аугустинчич (1900–1979). Новые символы быстро заполнили публичное пространство. Сюда же можно отнести гигантский «Каменный цветок» Богдана Богдановича (1922–2010) на территории бывшего концентрационного лагеря усташей в Ясеноваце. К дням государственных праздников 1 мая, 25 мая (День рождения Тито), 29 ноября (День республики) создавались все новые и новые песни и стихи. В «Эстафете Тито» («*Titova štafeta*») 25 мая, который в 1957 г. был провозглашен Днем молодежи, в 1950-е годы принимало участие более миллиона человек. Вечером 25 мая 1984 г. на пл. Маркса и Энгельса в Белграде был впервые организован рок-концерт, на котором выступили 15 групп со всей Югославии. Однако ко Дню молодежи в 1986 г. словенская молодежная организация – явно в пику партийной номенклатуре – вывесила только слегка измененный нацистский пропагандистский плакат 1936 г. В следующем, 1987 г., эстафета стала последней¹⁶.

Закон о средствах массовой информации 1956 г. не только организационно, но и содержательно расширял пространство, в котором действовали печатные органы, издательства, радиостанции и киностудии. Новая редакция закона 1960 г. в принципе гарантировала свободу прессы и исключала любые формы цензуры. И все-таки сохранялась возможность уголовного преследования за публикации. Согласно конституции 1963 г., провозгласившей Югославию федеративным государством, контроль над прессой передавался ответственным органам в каждой республике. Личность Тито по-прежнему была вне любой критики. Если в 1960 г. на момент установки в Заг-

ребенку с помощью французских партнеров первого телепередатчика на 618 жителей приходился один телевизор, то десять лет спустя соотношение уже было 1 к 11 (один телевизор на 11 жителей). С конца 1960-х годов югославские фирмы грамзаписи выпускали пластинки с музыкой «Beatles», «Beach Boys» и Джимми Хендрикса. В 1987 г. на концерте по случаю Дня республики выступила югославская рок-группа «*Zabranjeno pušenje*» («Не курить»): «Сегодня День республики и старшее поколение вспоминает о военном времени. Им жаль, что дети больше не играют в партизан <...> Им жаль, что некоторые думают, будто где-то еще жизнь лучше, и люди перестали мечтать, а ждут получения паспорта, чтобы уехать»¹⁷.

К середине 1950-х годов югославские историки подготовили первый синтетический труд и выказали готовность к контактам с Западом. С одной стороны, это проявилось в совместной работе над не потерявшей своей актуальности по сей день «Историей народа Югославии», где, правда, во втором томе не получило отражения владычество Габсбургов, османов и венецианцев во второй половине XVIII в.¹⁸ С другой стороны, в начале сентября 1955 г. Югославский национальный комитет исторических исследований на X Международном конгрессе исторических наук в Риме представил первый обзор историографии за 1945–1955 гг. Сходные обзоры были подготовлены к конгрессам 1965 г. в Вене и 1975 г. в Сан-Франциско. Интересно сравнить два предисловия. В 1955 г. говорилось: «После великой войны и борьбы за свободу югославам пришлось приложить огромные усилия, чтобы восстановить, обновить, улучшить в глазах мирового сообщества образ своей страны. Сегодня социалистическая Югославия с гордостью оглядывается на пройденный путь. За этот период югославские историки тоже выполняли свой долг, по мере сил они работали над развитием своей отрасли науки. В предлагаемом обзоре они хотят познакомить международную общественность с плодами этих усилий и в то же время внести свой посильный вклад во взаимопонимание между народами и нациями, их мирное сосуществование и, следовательно, в установление мира во всем мире»¹⁹.

Блестящий знаток истории Дубровника, белградский профессор Джордже Тадиц (1899–1969) также написал предис-

ловие к изданию 1965 г., на этот раз совместно с Ярославом Шидаком (1903–1986) из Загреба и Бого Графенауэром (1916–1995) из Любляны. Оно вышло менее эмоциональным: «Предлагаемый вниманию читателя историографический обзор имеет ряд отличий от предыдущего. Во-первых, он охватывает более разнообразный материал, что стало результатом постоянного развития исторической науки и исследований в Югославии; во-вторых, было сочтено за благо сделать его более удобным в использовании, одновременно проще и полнее во всем, что касается изложения и интерпретации фактов. Это вызвано тем, что мы уже накопили некоторый опыт, и подобные решения уже хорошо апробированы в других странах»²⁰.

На XII Международном конгрессе исторических наук в Вене в 1965 г. белградский историк Димитрие Джорджиевич (1922–2009), впоследствии переехавший в Санта-Барбару в Калифорнии, представил вниманию коллег монографию «Национальные революции балканских народов»²¹. Этому предшествовала презентация не менее фундаментального коллективного труда Франца Цвиттера (1905–1988), Я. Шидака и Васо Богданова (1902–1967) «Национальные проблемы Габсбургской монархии»²² на Конгрессе 1960 г. в Стокгольме. Словенский историк Цвиттер применил методологию французской школы «Анналов», с которой познакомился еще в конце 1930-х годов в Париже.

В 1975 г., к XIV Международному конгрессу исторических наук в Сан-Франциско, югославские историки подготовили историографический обзор за 1965–1975 гг. на английском языке. В предисловии, написанном пятью историками – Симой Чирковичем (1929–2009, Белград), Б. Графенауэром (Любляна), Мирьяной Гросс (1922–2012, Загреб), Драгославом Янковичем (1911–1990, Белград) и Владо Стругаром (р. 1922, Белград), говорилось только о том, что книга служит продолжением изданий 1955 и 1965 гг. и включает в себя избранную библиографию²³. Тем временем между ведущими сербскими и хорватскими историками разразился спор, причиной которого стала однотомная «История Югославии», написанная четырьмя сербскими историками на английском языке. Камнем преткновения стали национально-политические оценки югославянской и югославской истории XIX и XX вв., данные

Милорадом Экмечичем (1928–2015) и Владимиром Дедиером (1914–1990). Сугубо научная критика, высказанная в Загребе Я. Шидаком и М. Гросс, вскоре переросла в политико-идеологическую полемику на страницах югославских газет, которая – глядя из дня сегодняшнего – стала на уровне интеллектуалов – предвестником будущего распада Югославии. О «братстве и единстве» речь уже не шла²⁴.

Когда в начале 1960-х годов во взрослую жизнь вступило поколение, воспитанное в коммунистической Югославии, которое, с одной стороны, на школьной скамье слышало только о диалектическом материализме и классовой борьбе, а с другой – имело перед глазами когорту национальных и социальных героев войн, восстаний и революций, политическому руководству страны пришлось констатировать, что молодые люди реагировали на индоктринацию со все возрастающим равнодушием. Именно в этой атмосфере расцвело художественное направление «Черная волна». С 1963 г. югославские философы проводили на острове Корчула летние школы. В Загребе журнал «*Praxis*» («Практика») под руководством Руди Супека превратился в международный центр неомарксистской философской мысли. В Белграде поставили пьесу Георга Бюхнера «Смерть Дантона»; и в то же самое время, когда Добрица Чосич (1921–2014) опубликовал роман «Раздел» («*Деобе*»), где впервые мучительно и откровенно задался вопросом, были ли четники, сражавшиеся во Второй мировой войне на стороне нацистов, предателями, роман Миодрага Булатовича (1930–1991) «Герой на осляти» («*Херој на магарцу*»), в котором речь шла о роли итальянских оккупационных властей, попал в список запрещенной литературы. Михайло Михайлова (1934–2010) в 1965 г. за статью приговорили к пяти месяцам тюремного заключения, а через два года за «Открытое письмо к президенту Тито» автор получил четыре с половиной года лишения свободы. В 1966 г. падение всесильного министра внутренних дел Александра Ранковича (1909–1983) тут же вызвало кратковременный культурный расцвет, что отразилось, помимо прочего, в весьма точных политических карикатурах²⁵.

Столбовая дорога югославской культуры вела, однако, не к музыке битников, поп- или оп-арту, движению хиппи или сексуальной революции, но в краткую эпоху национальной

эйфории. Система самоуправления, существенно расширенная в конституции 1963 г., давала больше прав республикам в рамках федерации и предполагала дальнейшую децентрализацию. Основанное в 1842 г. литературно-культурное общество «Матица Хрватска» (*Matica Hrvatska*, дословно «Хорватская пчелиная матка») выступило с требованием полной культурной и даже политической автономии Хорватии и в своих газетах и журналах развернуло кампанию против центрального правительства в Белграде, выставившегося инструментом «великосербской гегемонии». В 1967 г. хорватские филологи выступили с требованием разделить сербохорватский на два языка. Проректор по учебной работе Загребского университета осудил любые проявления «тоталитаризма» и потребовал введения плюралистической демократии, а лидер студенческого движения Дражен Будиша уже вел речь о принятии Хорватии в ООН. Осенью 1971 г. Тито применил силы полиции и пригрозил ввести войска, снял с занимаемых должностей коммунистическое руководство республики и бросил в тюрьму многих представителей хорватской интеллигенции, в том числе директора Института истории рабочего движения Франьо Туджмана (1922–1999). В 1975 г. перестал выходить журнал «Praxis». Хорватия впала в продолжавшуюся два десятилетия политическую апатию²⁶.

Однако в Сербии в конце 1960-х годов тоже звучали голоса националистов. Когда в мае 1968 г. историк Йован Марьянович (1922–1981) и писатель Добрица Чосич – в прошлом партизаны, как и Туджман – выступили с критикой насильственных, как сообщалось, действий албанского большинства в Косово против сербского и черногорского меньшинств, обоих деятелей культуры немедленно исключили из ЦК партии. Вскоре после этого вышла в свет книга Чосича «Действительно и возможно» (*Stvarno i moguće*), в которой он встал на защиту сербских национальных ценностей. После расправы над хорватским партийным руководством в 1972 г. Тито вынудил уйти в отставку партийное руководство Сербии. Старейший глава государства и партии надеялся с помощью идеологических обновлений подавить «националистически-либералистские тенденции». Новые партизанские песни и новые фильмы о партизанах – такие как «Битва на Неретве» (*Bitka na Neretvi*)

с Юлом Бриннером, Харди Крюгером, Курдом Юргенсом и Орсоном Уэллсом, или «Сутьеска» («*Sutjeska*») с Ричардом Бёртном в главной роли – должны были популяризировать национально-освободительную борьбу на телевизионных экранах. Комиксы для детей поражали своей незамысловатостью. Пропасть между коммунистическим режимом и более не подконтрольной ему после принятия конституции 1974 г. делегатской системой стала непреодолимой. В премьерном спектакле по пьесе Альфреда Жарри «Король Убю», поставленном на сцене белградского театра «Ателье 212» в конце 1972 г., актер, исполнявший главную роль, позволил себе насмешки над Тито. Хотя культурная политика сохраняла свой авторитарный характер, власти, опасаясь откликов в международной прессе, не брали на себя смелость критиковать произведения, представляемые в рамках международного фестиваля театра и кино в Белграде²⁷.

Сразу после кончины Тито на авансцену общественно-политической жизни стали выходить различные антидогматические, региональные, националистические и конфессиональные течения. Уже в 1981 г. Владимир Дедиер – официальный биограф Тито – во втором томе «Новых данных к биографии Йосипа Броза Тито» замахнулся на авторитет покойного маршала, рассказав о разногласиях в революционном руководстве и переговорах с германским вермахтом в марте 1943 г. о возможной совместной высадке в Далмации или Истрии²⁸. Монополизация партии вызывала все больше вопросов, все громче звучали голоса, требовавшие демократизации партии и общества. Особо критически была настроена, конечно же, интеллигенция (писатели, историки), и не только в Сербии, но вскоре по всей Югославии²⁹.

Пристальное внимание мировой общественности оказалось прикованным к культурной жизни Югославии эпохи Тито после того, как осенью 1961 г. боснийскому писателю Иво Андричу была присуждена Нобелевская премия по литературе. Но стал ли Андрич подлинным символом новой коммунистической политики в сфере культуры? – Его литературный и политический путь и важнейшие произведения не позволяют дать положительный ответ. Он родился в 1892 г. в боснийском Травнике в католической семье, провел несколько лет в Ви-

шеграде на Дрине, учился в гимназии в Сараево, стал там свидетелем австро-венгерской аннексии Боснии и Герцеговины. Андрич возглавлял конспиративную организацию «Хорватская прогрессивная молодежь» («*Hrvatska Napredna Omladina*»), которая, как и «Молодая Босния» («*Mlada Bosna*»), присягала на верность «объединенному югославянству». В 1912 г. он получил стипендию и изучал естественные науки в Загребе, затем на один месяц отправился в Венский университет, а оттуда – в Краков. Там на него произвели неизгладимое впечатление классики польской литературы – Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Зыгмунт Краснинский. Он также штудировал Августа Стриндберга, Сёрна Обю Кьеркегора и сербско-черногорского национального поэта Петра II Петровича Негоша и начал сам писать стихи. Начало войны в 1914 г. Андрич, у которого обнаружили туберкулез, встретил под арестом в Сплите, где его арестовала австрийская полиция, и время до марта следующего года он провел в тюрьме в Мариборе. Выпущенный на свободу за недоказанностью обвинения, он поселился в деревне близ Травника. Архивы и библиотеки боснийских францисканских монастырей открыли перед ним двери в историю родного края. Вылечившись еще до конца войны от туберкулеза, Андрич, который, не теряя времени даром, наряду с хорватским, немецким и французским, также выучил польский, словенский и итальянский языки, поступил в феврале 1919 г. на дипломатическую службу в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Именно в этом качестве он опубликовал первые рассказы, но также регулярно писал донесения из Рима о зарождении фашизма и парадах чернорубашечников: «Обратной стороной коммунизма <...> стало нашествие сброда и выскочек». Работая в 1924 г. в югославском консульстве в Граце, он изучал в местном университете историю, философию и славистику. Находясь в Париже, он прочитал донесения французского консула, пребывавшего с 1807 по 1814 гг. в его родном Травнике. Десятью годами позже, в Вене, он немало времени посвятил собиранию материала об австрийских консулах³⁰.

Во второй половине 30-х годов Андрич работал заместителем министра иностранных дел Королевства Югославия (и по совместительству председателя Совета министров) Милана

Стоядиновича (1888–1961), в феврале 1939 г. стал преемником Александра Цинцар-Марковича (1889–1952), назначенного новым министром иностранных дел, на его прежнем посту посланника в Берлине. Когда 6 апреля 1941 г. Гитлер отдал приказ о бомбардировках Белграда, писатель и дипломат не укрылся от войны в швейцарском Цюрихе, но вернулся в оккупированную столицу Югославии, где – при терпимом отношении к нему немецкого военного командования и уважительном – со стороны марионеточного режима генерала Милана Недича (1878–1946) – закрылся в своей квартире и написал три романа, которые вышли в свет в 1945 г., после того как в октябре 1944 г. Белград был освобожден в ходе совместных действий Красной армии и партизан Тито. «Мост над Дриной» («*Na Drini ćuprija*»), «Травницкая хроника» («*Travnička kronika*») и «Барышня» («*Gospodica*») ³¹. Эпическая мощь, с которой Андрич воссоздал литературную топографию Боснии при османах и Габсбургах, принесла ему мировую славу. Несомненно, неисчерпаемым творческим источником для него послужили собственное политическое разочарование и тревога ³². Еще в 1935 г. он сочинил фантастический роман «Разговор с Гойей» («*Razgovor sa Gojom*»), в котором отказывался верить в дуалистическое деление мира: «Ибо и тогда, как и сейчас, я твердо знал, что существующий мир – единственная реальность и что лишь наши инстинкты и неодинаковые реакции наших органов чувств создают впечатление многоликости явлений, в которых воплощается эта единственная реальность в виде, на первый взгляд, особых миров. <...> Однако ничего этого нет. Существует лишь одна реальность с вечными приливами и отливами известных нам лишь частично, неизменно вечных законов» ³³.

Попытки политизированной культурной индустрии в Боснии, Сербии или Хорватии присвоить себе Андрича, его личность и его творчество, обречены на провал. Очевидно, что он стоит над националистическим раздором народов бывшей Югославии. Посему выводы о югославской культурной политике эпохи Тито двойственны. Во-первых, изначально сформулированная основополагающая цель – воспитать широкие массы трудящихся в духе социализма и ликвидировать пережитки капитализма – была достигнута. Во-вторых, национа-

лизмы внутри самой Югославии – зародившиеся во второй половине XIX в., окрепшие в Первую мировую войну, набравшие силу в межвоенный период, и в особенности в годы Второй мировой войны, – хотя внешне, казалось, были оттеснены на второй план, все-таки их существование никогда не ставилось под вопрос и не приносилось в жертву идее нового югославизма.

Перевод с немецкого О.В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ SCG. F-507. I/V-K. 2/27. Программа и Устав Коммунистической партии Югославии, принятый на V съезде КПЮ, 28 VII 1948. Цит. по: *Portmann M.* Die kommunistische Revolution in der Vojvodina 1944–1952. Politik, Gesellschaft, Wirtschaft, Kultur. Wien, 2008. S. 414 (Zentraleuropa-Studien. Bd. 13).

² *Lilly C.S.* Power and Persuasion. Ideology and Rhetoric in Communist Yugoslavia 1944–1953. Boulder (Col.), 2001. P. 35. На русском языке см.: Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.

³ Соратниками Джиласа были Велько Влахович, Никола Ковачевич, Штефан Митрович, Владо Дедиер, Радован Зонович, Ольга Ковачич, Зденка Жегвич, Драго Вучинич.

⁴ Službeni list Demokratske Federativne Jugoslavije. N 64. 1945. 28 VIII; Yugoslavia. Political diaries 1918–1965 / Ed. by R.L. Jarman. Vol. 3: 1918–1948. Oxford, 1997. P. 598.

⁵ ASCG. F-507. II-K. 1/14. Письмо ЦК КПЮ всем [республиканским] ЦК и областным комитетам о реорганизации Отдела агитации и пропаганды, Белград. 18 XI 1945.

⁶ Ibid. VIII, II.-5-a-5. Донесение Д. Вунчича об агитации и пропаганде в Воеводине, апрель 1950 г. Цит. по: *Portmann M.* Revolution. S. 416; *Janoši G.* Education and Culture of Nationalities in Yugoslavia. Beograd, 1965. 19 (Međunarodna politika. T. 4).

⁷ *Djilas M.* Vlast. London, 1983. P. 69; *Marjanović V.* Die kulturellen Strömungen in Jugoslawien nach dem Zweiten Weltkrieg (1945 bis 1984) // Der Donauraum. Jahrbuch für Donauraum-Forschung. 1985. Bd. 27. S. 83–99.

⁸ Ср.: *Banac I.* With Stalin against Tito. Cominformist splits in Yugoslav communism, Ithaca, 1988.

⁹ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1955–1971. Vol. 1–8; Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1980–1990. Vol. 1–6.

¹⁰ Yugoslavia. Political diaries. Vol. 3. P. 578; cp.: *Buchenau K.* Orthodoxie und Katholizismus in Jugoslawien 1945–1991. Wiesbaden, 2004. S. 438.

¹¹ *Griesser-Pečar T.* Das zerrissene Volk. Slowenien 1941–1946. Okkupation, Kollaboration, Bürgerkrieg, Revolution. Wien; Köln; Graz, 2003. P. 177–204.

¹² AV. F-334.114. Отчет краевого комитета Коммунистической партии Сербии, 12 X 1946, Нови Сад. Цит. по: *Portmann M.* Revolution. S. 411.

¹³ *Dilas M.* The New Class: an Analysis of the Communist System. London, 1957. В переводе на русский язык см.: *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961.

¹⁴ *Dilas M.* Conversations with Stalin, London, 1962; *Idem.* Gespräche mit Stalin. Frankfurt a. M., 1962. В переводе на русский язык см.: *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002.

¹⁵ *Leonhard W.* Vorwort // *Djilas M.* Jahre der Macht. Im jugoslawischen Kräftespiel. Memoiren 1945–1966. München, 1992. S. 7–15. Cp.: *Djilas M.* Die neue Klasse. Eine Analyse des kommunistischen Systems. München, 1964.

¹⁶ *Halder M.* Der Titokult. Charismatische Herrschaft im sozialistischen Jugoslawien. München, 2013. S. 63–71, 99, 177–214, 258.

¹⁷ Ibid. S. 141–143, 263.

¹⁸ *Historija naroda Jugoslavije: vol. 1–2 / B. Đurđev, B. Grafenauer, J. Tadić,* Zagreb, 1959.

¹⁹ Ten Years of Yugoslav Historiography 1945–1955. Dix années d'historiographie Yougoslave / Ed. by J. Tadić. Beograd, 1955. Языки публикации – английский и французский.

²⁰ *Historiographie yougoslave 1955–1965 / Réd. en chef J. Tadić.* Beograd, 1965.

²¹ *Djordjević D.* Révolutions nationales des peuples balkaniques, 1804–1914. Beograd, 1965.

²² *Zwitter F., Šidak J., Bogdanov V.* Les problèmes nationaux dans la Monarchie des Habsbourg. Beograd, 1960.

²³ *The Historiography of Yugoslavia 1965–1975 / Ed. by D. Janković et al.* Beograd, 1975.

²⁴ *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedijer V.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. Cp.: *Časopis za suvremenu povijest.* 1973. Vol. 5/1. S. 195–210; 1973. Vol. 5/2. S. 7–76; *Historijski zbornik.* 1972/1973. Vol. 25/26. S. 521–530.

²⁵ *Marjanović V.* Kulturelle Strömungen. S. 87–89, 97. Cp.: *Pawlowsch S.K.* The Marshal and the Lecturer: A Tourist Attraction or a Sign of the Times // *Review of the Study Centre for Yugoslav Affairs.* 1967. Vol. 6. P. 441.

²⁶ *Goldstein I.* Croatia: A History. London, 1999. P. 176–183.

²⁷ *Marjanović V.* Kulturelle Strömungen. S. 91.

²⁸ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1981. Sv. 2.

²⁹ Ср.: *Bieber F.* Nationalismus in Serbien vom Tode Titos bis zum Ende der Ära Milošević. Wien, 2005 (Wiener Osteuropa Studien. Bd. 18).

³⁰ *Gall J.* Verletzlich und unsterblich. Ivo Andrić und der Kulturkampf um seine ethnische Zugehörigkeit // Neue Zürcher Zeitung. 2005.24.IX. S. 45.

³¹ На русском языке см.: *Андрич И.* Собрание сочинений: в 3 т. М., 1984–1985.

³² *Gall J.* Verletzlich und unsterblich. S. 45.

³³ Цит. по: *Андрич И.* Разговор с Гойей. М., 2000. – Текст доступен по адресу: http://royallib.com/book/andrich_ivo/razgovor_s_goyey.html (дата последнего обращения 1 X 2015).

А. Пок

МАРКСИЗМ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Истоки, вопросы

Историческое сочинение, если оно пишется для читателя, всегда рождается в диалоге с эпохой. От Леопольда фон Ранке (1795–1886) до Фернана Броделя (1902–1985), Ене Сюча (1928–1988), Йежи Топольского (1928–1998)¹, Эдварда Вади Саида (1935–2003), Кристофера Хилла (1912–2003), Э.П. Томсона (1924–1993), Эрика Хобсбаума (1917–2012) или Хейдена Уайта (род. 1928), этот ряд можно продолжать еще долго²; оригинально, творчески мыслящие историки всегда стремятся постичь суть движущих сил своей эпохи, задают вопросы, которые в равной мере не менее важны как для понимания современности, так и для постижения прошлого. Такие ученые, будучи сами незаурядными личностями и лучшими в нашей профессии, на дилеммы дня настоящего находят ответ в недавнем или далеком прошлом. Если искать отправную точку для краткого обзора влияния марксизма на центрально- и восточноевропейскую историографию недавнего прошлого, следует начать, возможно, так: какие вопросы задавали историки-марксисты того или иного поколения и насколько их ответы были значимы для современников, а также насколько они важны для нас, живущих во втором десятилетии XXI в.? В специальных исследованиях марксистская историография нередко сводится к коммунистической пропаганде, но достаточно беглого знакомства с предметом, чтобы обнаружить немало примеров тому, как те, кто гордо называл себя марксистами, не раз вступали в конфликт с коммунистическими идеологами и партийным руководством³.

Первое поколение историков-марксистов, точнее в большинстве своем политики социалистического толка, выска-

зывавшиеся по вопросам исторического развития, родилось в 70–80-е годы XIX в. (тут можно назвать венгров Эрвина Сабо (1877–1918) и Жигмонда Кунфи (1879–1929), румына Константина Доброджану-Геря (1855–1920), чеха Богумира Шмерала (1880–1941), поляка Людвика Кживицкого (1859–1941)). Для них величайшими вызовами эпохи стали зарождение социал-демократии и христианского социализма, историческое объяснение последовавших за Берлинским конгрессом 1878 г. и тесно связанных с формированием мировой колониальной системы международных политических конфликтов. Это первое поколение думало, что исторический материализм может служить универсальным средством к пониманию движущих сил истории. На рубеже XIX и XX вв. родилось второе поколение – например, Юрген Кучинский (1904–1997), Эрнст Энгельберг (1909–2010), Эрик Мольнар (1904–1966), для кого основной задачей стало осознание причин и последствий Первой мировой войны. Поколение, родившееся в 20–30-е годы XX в. – например, Пал Жигмонд Пах (1919–2001), Иван Т. Беренд (род. 1930), Янош Емниц (1930–2014), Эмиль Нидерхаузер (1923–2010), Дёрдь Ранки (1930–1988), Анджей Феликс Грабский (1934–2000) или упомянутый выше Й. Топольский, пытались осмыслить Европу Сталина и Гитлера. В годы Второй мировой войны и последовавшие за ней мирные годы на свет появились Ене Гергей (1944–2009), Ференц Глац (род. 1941), Лайош Ижак (род. 1943), Ханс Шляйер (род. 1931), Тамаш Краус (род. 1948), Жижек Славой (род. 1949), которых волновал и продолжает волновать вопрос: был ли шанс построить «социализм с человеческим лицом»? Напротив, самые молодые – Эстер Барта, Петер Конок, Мацей Горны⁴, Славомир Сераковский – старались понять, действительно ли после смены общественного строя у стран бывшего советского блока не осталось иных путей развития кроме инкорпорации в мировую капиталистическую систему.

Само существование советской «империи» от Эльбы до Владивостока и от Балтийского до Адриатического и Черного морей служило мощной поддержкой для исторической мысли марксистско-ленинского (а порой и сталинского) толка и для формирования организационной инфраструктуры, способствующей написанию работ подобной направленности. Тем не

менее, наряду с тоннами пропагандистских брошюр, в этих институтах, находившихся под идеологическим руководством коммунистических партий, создавалось немало, по нынешним, немарксистским нормам, интересных работ. Марксистская историческая мысль пыталась – поверх национальных границ – давать объяснения глобальным экономическим, общественным, политическим, культурным процессам, прибегая при этом только к одному категориальному аппарату, в основе которого лежало западноевропейское представление о развитии⁵. Каким бы односторонним не казалось это с высоты дня сегодняшнего, с точки зрения опыта историков-марксистов первого поколения такой подход был возможен и оправдан. Так или иначе, но движущей силой глобальных перемен служила именно Западная Европа, в то время как понятие класса оказалось великолепным аналитическим инструментом при объяснении процессов модернизации. Историки-марксисты считали примат экономики в политике чем-то самым собой разумеющимся, и не только в эпоху империализма, но и с точки зрения последующих поколений.

В чем суть и перегибы историко-марксистских трактовок особенностей центрально- и восточноевропейского развития? Насколько они способны отразить историко-географические характеристики отдельных регионов? Имеет ли вообще смысл говорить о западноевропейской, американской, азиатской, африканской или центрально- и восточноевропейской историографиях, или все они являются собой ошибочные подходы к прошлому? Большинство обобщающих работ по истории исторической науки, историографии и исторической мысли отражают иной ход рассуждений, в центре внимания оказываются не географические регионы, а идеологические и философские понятия, методологические принципы и жизнь замечательных людей. Национальные историографии удостоиваются отдельной главы или главки лишь в том случае, если являются собой идеологическую, теоретическую или методологическую альтернативу, такую как немецкий историцизм (*Historismus*), французская социальная история (*l'histoire sociale*) или американская новая история (*New History*). Поэтому об СССР или странах бывшего Советского блока речь заходит обычно в связи с марксизмом. Исходной точкой для моей

статьи является положение марксистской историографии в бывших социалистических странах после краха системы. Их марксистские историографические школы довольно разнообразны, но в целом они занимались и получили признание в сфере изучения ключевого вопроса Новой истории Европы – проблемы отсталости Центральной и Восточной Европы.

Корни отсталости Центральной и Восточной Европы, символическая карта континента и формирование Советского блока

Отправная мысль знаменитого эссе Е. Сюча⁶ выражена в коротеньком предложении, вобравшем основополагающие вопросы многочисленных исторических сочинений: где пролегают внутренние границы Европы? Какие удачные или неудачные экономические, социальные, политические, культурные модели определяют конфигурацию этих границ? Для многих представителей гуманитарных и общественных наук из Центральной и Восточной Европы в этом и заключается главный вопрос, и, отвечая на него, они дают богатую почву для поиска «козлов отпущения», виновных в экономических и политических катастрофах, поражениях и потерях региона. Это желание докопаться до первопричины в Румынии отделяло традиционалистов от сторонников европейского выбора, в Венгрии – урбанистов от «народников», в Югославии – централизаторов от децентрализаторов, в Польше – оптимистов от пессимистов, в Чехословакии – романтических националистов от «реалистов»⁷. Здесь, мы, конечно, несколько упрощаем, но и вопрос не так уж сложен. Речь идет о следующем: считаем ли мы универсальным мерилom исторических достижений модель развития, предложенную американской и французской буржуазными и британской промышленной революциями, когда любое отклонение от нее – заведомое поражение, или все как раз наоборот? Существуют многочисленные, не вписывающиеся в заданную иерархию модели, а к великим катастрофам приводят попытки принудить «восточные» общества пойти по «западному» пути. Рассуждения на подобные темы не являются, конечно же, исключительной прерогативой центрально- и восточноевропейских историков.

Этот круг вопросов волновал еще Л. Ранке, написано немало работ, сравнивающих разные по характеру региональные последствия от великих географических открытий и колонизации, ученые любят сравнивать государственное управление, социальные структуры, тенденции экономического развития, культурные направления, восточные и западные формы распространения религий и церквей⁸. Но для центрально- и восточноевропейских историков-марксистов XX в. это было не просто исследовательской задачей, им во что бы то ни стало хотелось определить свое место, найти источники своих профессиональных, политических, человеческих проблем. Изучение аграрной истории XVI–XVII вв. было одновременно попыткой понять мироустройство в период холодной войны: имели ли общества, зажатые в Карпатском бассейне между турками-османами и Габсбургской монархией, шанс самим решать свою судьбу? Насколько социально-экономическое явление, известное как «второе издание крепостничества», предопределило направление развития региона на века вперед, было ли у понятия догоняющего развития фактическое историческое содержание, или оно осталось не чем иным, как политической пропагандой? Что поставило крест на попытках пойти по западному или прозападному пути: только ли советская экспансия, опиравшаяся на традиции русского империализма и помноженная на логику холодной войны, или же в основе границ регионов Европы лежали более глубокие, структурные различия?

Такова была постановка вопроса в снискавшем заслуженную славу эссе Е. Сюча. Отвергнув биполярную логику холодной войны, историк привел немало доказательств тому, что между западным и восточным регионами существовал третий, простиравшийся на западе до долины Эльбы, на востоке ограничивавшийся Карпатским хребтом, на юге омывавшийся Адриатическим морем, на севере – Балтийским. Как и многие его ровесники, Сюч был воспитан в марксистском духе, но эта отправная точка, точнее – попытка пойти дальше и дать критическое осмысление, привела к оригинальным выводам, получившим широкую известность и признание. Согласно Сючу, в этом центральном или, скорее, срединном регионе встречались институты, которых не было далее на востоке, например, городс-

кие и цеховые автономии, элементы готического и ренессансного художественного стиля, различные течения Реформации. Рассмотрение разнообразных примеров из экономической, политической и культурной жизни позволило автору прийти к выводу, что в этом центральном регионе встречаются многие западные институты, однако в запоздалой или искаженной форме. В то же время Сюч ссылаясь и на то, что в этом срединном регионе находилось место для многих явлений, которых не было на западе: второе издание крепостничества, более многочисленное и политически влиятельное дворянство.

Вопрос о разделении Европы периода холодной войны становился темой не только эссе, но и теоретических монографий, особенно в области экономической и социальной истории (И. Беренд, Д. Ранки, Витольд Куля (1916–1988), Ж.П. Пах), превращения центрально- и восточноевропейских народов в нации (венгры Эндре Арато (1921–1977) и Э. Нидерхаузер⁹, чех Мирослав Хрох (род. 1932), поляк Ежи Едлицкий (род. 1930)) или истории идей (румын Лючиан Бойя (род. 1944)¹⁰).

Примерно в одно время с выходом в свет эссе Сюча, на рубеже 70–80-х годов XX в., представители чешской, словацкой, польской и венгерской интеллигенции стали все активнее использовать понятие «Центральная Европа»: они исходили из иных посылов, но приходили к сходным с Сючем выводам. Отдельные определения понятия Центральной Европы включали в себя Хорватию, Словению и даже Австрию с Северной Италией. В отличие от Сюча, они помещали Центральную Европу гораздо ближе к Западу, чем к Востоку, особо подчеркивая чуждость восточного православия территориям, расположенным к западу от разделительной линии¹¹.

Влияние советского политического режима на центрально- и восточноевропейскую историографию

Сорок лет историки в центрально- и восточноевропейских странах жили и творили в институциональных рамках советского типа, и одного этого уже достаточно, чтобы в ходе анализа послевоенной историографии, исторической науки и исторического мышления рассматривать данный регион как

самостоятельную тематическую единицу. Во многом отличным друг от друга по истории, этническому и религиозному составу странам навязали единообразную систему учреждений, охвативших все уровни, вплоть до небольших исследовательских групп¹². Удалось ли таким образом сформировать в регионе покоящееся на монолитном идеологическом фундаменте видение исторического процесса? Соответствующие отделы коммунистических партий довольно бдительно следили за развитием науки вообще, и ее гуманитарных и общественно-ведческих отраслей в особенности. Власть исходила из того, что в эффективной системе организации наук необходимо отделить исследовательскую деятельность от высшей школы. Академии наук, лишенные не только собственности, но и автономии, руководили сетью институтов, сотрудники которых, освобожденные от необходимости преподавать, занимались «только» исследованиями по жестким кратко-, средне- и долгосрочным планам.

В период укрепления режима упор делался не столько на изыскание и описание новых групп источников, сколько на критическую, в духе марксизма-ленинизма переоценку достижений «буржуазной» исторической науки. Самые чувствительные с точки зрения идентичности и легитимации коммунистического режима темы, такие как история рабочего движения и левых, прежде всего коммунистических партий, изучались в подчиненных центральным комитетам историко-партийных институтах. Присуждение ученых степеней также происходило под бдительным партийно-идеологическим контролем: нельзя было получить кандидатской, докторской или иной подобной степени, что гарантировало скромную прибавку к жалованию, прежде, чем доказать свою искушенность в различных вопросах марксизма-ленинизма. Особенно чувствительным был контроль над архивами: общественность не должна была знать о существовании документов, даже в самой малой степени бросающих тень на Советский Союз.

Развитие гуманитарных и общественных наук проходило в рамках официально утвержденных и повсеместно навязываемых принципов «творческого коммунизма», который преподавался во всех высших учебных заведениях в форме ряда дисциплин – политической экономии, диалектического и ис-

торического материализма и научного социализма. Студентов учили, что движущей силой исторического развития является классовая борьба, а человечество движется от первобытно-общинного строя через рабовладельческую, феодальную, капиталистическую формации к социализму и затем в мир коммунистической гармонии производительных сил и производственных отношений¹³. Здесь мы, конечно, многое упростили, ведь, несмотря на тотальный контроль, коммунистическим режимам не удалось привести к единому знаменателю ни отдельные страны, ни отдельные эпохи.

Важными рубежами в истории стали 1956 год (XX съезд КПСС и Венгерская революция), 1968 год (студенческие протестные движения и подавленная войсками стран Варшавского договора Пражская весна) и 1985 год (избрание М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС). Наблюдались и региональные различия: авторитарная атмосфера в Болгарии, Румынии или (после 1968 г.) Чехословакии не походила на утонченно догматический режим в ГДР или научный и политический климат в более либеральных (после того же 1968 г.) Польше или Венгрии. На развитие исторической науки в Югославии наложили отпечаток поиск своего пути во внешней политике и действовавший до смерти Тито в 1980 г. федеральный режим. Если позволить себе неизбежные в таком кратком обзоре упрощения, то три значительных события – перемены рубежа 80–90-х годов XX в., распад СССР и Советского блока – открыли перед историками-марксистами новые перспективы.

Рубеж 1989–1990 г. как историографический водораздел

Первое из значительных изменений коснулось открытия доступа к хранящимся в архивах документам по Новой и Новейшей истории. Здесь также налицо региональные различия: далеко не во всех странах в открытый доступ попали все главные архивные фонды (в Венгрии сохранились значительные ограничения), но в целом изучение истории XX в. стало существенно легче. Это в особенности касается изучения периода холодной войны. Свою роль в упрощении доступа в архивы

сыграли политические факторы: требование ретроактивности (обратного применения) закона, поиск агентов коммунистических спецслужб. Появились новые возможности проведения фундаментальных научных исследований: фактографические, нюансированные биографии коммунистических лидеров, события Второй мировой войны, анализ политической и экономической экспансии СССР в Центральной и Восточной Европе, создание истории антисоветских и антикоммунистических движений.

Здесь уместно упомянуть о втором значительном изменении: рухнула система идеологических запретов¹⁴. Стали появляться исследования по прежде обходившимся молчанием моментам в советской внутренней и внешней политике, по обстоятельствам подписания секретных протоколов к договору 1939 г. между СССР и Германией о взаимном ненападении, по расстрелу польских офицеров в 1940 г. в деревне Катынь, по трагическим страницам в истории евреев и Холокоста, по советскому фактору в процессе прихода коммунистов к власти в 1948–1949 гг. в Центральной и Восточной Европе, по событиям Берлинского восстания 1953 г. или Венгерской революции 1956 г. Не будет большим преувеличением сказать, что интерес общества к тому или иному вопросу недавнего прошлого не в последнюю очередь способствовал ослаблению позиций коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы. Помимо перечисленного выше, к таким вопросам относились многочисленные пересмотры границ и перемещения населения в XX в., численность жертв фашистских, нацистских и коммунистических режимов, критическое переосмысление опыта федеративных государств (СССР, ЧССР, СФРЮ¹⁵).

Третьим и с точки зрения статьи самым важным изменением стало освобождение исторической науки от идеологических пут¹⁶. Первые приметы этого процесса в Польше и Венгрии наблюдались уже в 70-е и 80-е годы XX в., но полную силу в ряде стран Советского блока он набрал только к концу 80-х годов. В высшей школе упраздняется преподавание идеологических дисциплин, условием присуждения ученых степеней больше не является знакомство с марксизмом, в научной литературе перестают цитировать Маркса, Энгельса, Ленина

и иных классиков. В этой атмосфере профессиональным историкам пришлось противостоять шквалу публикаций, радио- и телепередач – самих по себе весьма поверхностных, но посвященных сенсационным, леденящим кровь сюжетам из тоталитарного прошлого. В ряде стран в годы после смены общественно-политического строя в центре подобным образом подогретых споров о политике исторической памяти оказались замолчанные или сфальсифицированные события национального прошлого. Марксистско-ленинской идеологии или методологии уделялось в это время мало внимания, поскольку к тому времени они уже перестали быть ведущими в странах региона. Этот феномен вписывается в давние традиции организации науки. Говоря словами С. Антохи: «В Восточной Европе, как и в других уголках планеты, теория истории и методология считались какой-то бесполезной, оторванной от жизни и бессмысленной деятельностью, исследовательский и образовательный каноны исторической науки отводили теории и методологии маргинальную роль»¹⁷.

Историко-политические споры велись не вокруг марксистских догм, умами современников владели вопросы, исключенные из списка разрешенных тем при советском режиме: преступления СССР во внутренней политике и на международной арене, конфликты между отдельными членами «социалистического содружества братских народов», «еврейский вопрос», потребность в серьезном обсуждении Холокоста. Жаркие споры кипели вокруг ведущих фигур межвоенного периода – Масарика, Хорти, Пилсудского, Антонеску, царя Бориса III. Как в сугубо научной литературе, так и в «смежных» сферах (популяризация исторического знания, политическая риторика, образование), национальная проблематика занимала первое место. Что касается научно-исследовательских учреждений, то в Польше и Венгрии сохранилась известная преемственность, в Чехословакии и ГДР и в меньшей мере в Румынии и Болгарии упор был сделан на персональную смену руководства, при этом необходимость реформ мотивировалась отчасти политическими причинами, отчасти необходимостью смены поколений. Многие авторитетные историки заняли ведущие политические должности. В 1990-е годы в Венгрии, например, историками были премьер-министр, министр иностранных

дел, министр обороны, председатель Государственного собрания, многочисленные послы и депутаты. Наряду со старыми, действовавшими главным образом в рамках академий наук, учреждениями возник ряд политически ориентированных институтов, специализировавшихся на новейшей истории и пользовавшихся государственной поддержкой. К таковым можно отнести Институт истории революции 1956 года в Венгрии или Институт национальной памяти в Польше, Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии.

Страны региона проявили мало интереса к изучению традиций, положения, перспектив марксистского исторического мировоззрения. Важным исключением можно считать дискуссию, которую инициировал видный историк России периода XX в. Т. Краус: она проходила в достаточно узких кругах, но затронула основополагающие мировоззренческие вопросы. В эссе «Историография и марксизм»¹⁸ Краус утверждал, что марксистская историография, понятийный аппарат теории истории – проблематика общественных формаций, в особенности результаты изучения азиатского способа производства или первоначального накопления капитала, прекрасно встраиваются в инструментарий современной исторической науки. Очень категоричный в своих рассуждениях, но сдержанный по тону автор считал своим долгом высказаться по данному вопросу, потому что, по его мнению, после смены общественно-политического строя многие видные историки, обществоведы, политики в Центральной и Восточной Европе стали отождествлять труды по гуманитарным и общественным наукам, написанные в марксистском духе, с идеологией, обслуживавшей режим государственного социализма.

Краус напомнил о положительных откликах из-за рубежа на марксистские по духу проекты, такие как работы Ф. Тёкеи об азиатском способе производства¹⁹, школа экономической истории, ассоциировавшаяся с именами И.Т. Беренда, Ж.П. Паха, Д. Ранки, достижения марксистских по духу исследований нациообразовательных процессов в Центральной и Восточной Европе (М. Хрох, Э. Нидерхаузер) и исследований по истории буржуазии, инициированные западногерманским историком Юргеном Кокой. Выйдя за узкие рамки своей научной дисциплины, историк-ученый напоминал о влиянии «мар-

ксистской антропологии» на историческое мышление, прежде всего на труды представителей школы Дёрдя Лукача (1885–1971), таких как Агнеш Хеллер, Ференц Фехер, Дёрдь Маркуш и Михай Вайда. Их работы помогли смягчить сухие догмы исторического материализма, классовый подход и абсолютизацию классовой борьбы, роль личности в истории или ее вариативность. Краус подчеркнул, что многие коллеги испытали влияние трудов западноевропейских историков и мыслителей, исповедующих марксистские взгляды (Э. Хобсбаум, Герберт Маркузе (1898–1979), Александр Гершенкрон (1904–1978), Уолт Уитмен Ростоу (1916–2003), Иммануил Валлерстайн (род. 1930)). Польские и венгерские историки работали в рамках многочисленных международных проектов бок о бок с британскими, американскими, французскими, немецкими, итальянскими коллегами. Краус привел мнение молодого польского коллеги М. Горнего, что польская и венгерская историографии добились наибольших успехов именно в период с середины 60-х до середины 80-х годов XX в.

Критики Крауса истолковывали те же самые факты не как свидетельства реформирования, обновления, модернизации марксизма, но, напротив, признаками отхода от него. Речь шла не о том, что на место марксистской апологии пришло критическое осмысление марксизма, но об отказе представителей марксистской науки от своих юношеских взглядов. Краус не отрицал, что в коммунистическую эпоху политики часто требовали от ученых четко определиться с их социально-политической позицией, нередко ученым диктовали сверху, в каком ключе трактовать те или иные события, связывать их с прогрессивно-революционными или консервативно-реакционными тенденциями. Однако нельзя ставить знак равенства между обслуживанием агитационно-пропагандистских потребностей режима и марксистскими под духу сочинениями, рождавшимися в пользовавшихся научным авторитетом творческих коллективах.

Пример тому – так называемая дискуссия об Эрике Мольнаре, развернувшаяся в Венгрии в 60-е годы прошлого века²⁰. Он был видным представителем венгерского коммунистического движения. Юрист по образованию, в межвоенный период он защищал товарищей по партии в политических процессах.

После прихода к власти коммунистов – наряду с другими не менее важными должностями – с 1949 г. и вплоть до самой смерти в 1966 г. – возглавлял Институт истории Венгерской академии наук. В начале 60-х годов Э. Мольнар инициировал дискуссию, в центре которой стояла оценка венгерских антигабсбургских восстаний XVII–XVIII вв. По мнению Мольнара, в их основе лежали конфликты между венгерским сословным движением и централизаторскими устремлениями Габсбургов, а не борьба за независимость представителей разных социальных слоев Венгрии. Согласно рассуждениям Мольнара, национализм дворянства и патриотизм широких народных масс в раннее Новое время нельзя считать непосредственными предшественниками формировавшихся в XIX в. венгерского национального движения и национального сознания. Эти споры были тесно связаны с самыми злободневными вопросами современности. Всего несколько лет отделяет дискуссию от революции 1956 года; 16 июня 1958 г. казнили ведущего революционного политика – Имре Надя, который из догматика-марксиста превратился в руководителя национального освободительного движения. В 1959 г. были опубликованы тезисы Венгерской социалистической рабочей партии об осуждении «буржуазного национализма» и характерных чертах социалистического патриотизма. Весной 1960 г. в Институте истории ВАН прошла большая конференция об исторических корнях национализма.

Мольнар и его последователи утверждали, что большинство венгерских историков-марксистов изучают зарождение венгерского понятия «нация» в отрыве от общественных классов и вне исторических эпох. По их мнению, понятия «нация» и «отечество» («*patria*») не включали в себя все общественные классы, но во все времена обслуживали только классы угнетателей. Все это была марксистская догматика самого ортодоксального толка, которую можно рассматривать как отношение академика к борьбе с реакционным национализмом, официально названным одной из причин «контрреволюции» 1956 года. И все-таки, в данном конкретном случае историко-политическая функция подобных взглядов оказалась иной: по следам дискуссии начались серьезные исследовательские проекты о содержании понятий «народ», «нация», «отечество», «независимость» в разные исторические эпохи.

Более того, здесь же можно обнаружить истоки в будущем весьма популярных дискурсов, которые, если воспользоваться перенесенной на венгерскую почву на рубеже 60–70-х годов XX в. иностранной терминологией, можно назвать спором сторонников «социологизирующего реализма», отказывавшихся считать национальную перспективу решающей, с адептами «романтически-революционно-догматического национализма». «Социологи», используя в работе все новые группы источников, основательно изучали социально-экономическую подоплеку политических и идеологических явлений, в то время как представители «романтического» лагеря²¹ пытались сместить акцент на XIX и XX век и «субъективные факторы», целесообразное или нецелесообразное поведение, верные или ошибочные решения крупных исторических деятелей в переломные моменты истории. «Романтики» делали упор на таких примерах политической борьбы, где с особой яркостью проявилось стремление к прогрессу в сочетании с любовью к отчеству, сторонники социологических теорий, напротив, видели исследовательскую задачу в поиске причин поражений и трагедий.

Эта дискуссия заслуживает пристального внимания еще и потому, что здесь ученые столкнулись с дилеммой, поджидавшей на рубеже 1989–1990 гг. многих коллег, и не важно, отрицали они марксизм или не могли дожидаться его окончательной отмены. Что предпретило появление Советского блока: факторы исключительно структурного, глобального порядка, или в нем сыграли заметную роль, если посмотреть на темп и интенсивность означенных процессов, также облеченные властью игроки на местном уровне? Вопросы того же порядка остаются и в связи со сменой власти и общественного строя в 1989–1990 гг. Находились ли все рычаги исключительно в руках М.С. Горбачева и Дж. Буша, или же страны региона тоже приняли участие в изменении собственной судьбы?²²

Старый вопрос²³ встает снова и снова: где проходят границы и возможности национальной самоорганизации и модернизации, как эти устремления вступают в конфликт или достигают гармонии? Или, если заострить проблему: существуют ли с точки зрения истории и современной политики отличающиеся друг от друга западная экономическая, социальная, политическая культурная модель и ее искаженная, запоздавшая вос-

точная версия? Как бы ни был стар этот вопрос, современные историки дают другой ответ, нежели их предшественники до 1989–1990 гг. Раньше исследователи в поиске ответа сосредоточивались на революциях, социальных движениях, политической конфронтации, сегодня в центре внимания – мирное созидание, повседневная жизнь, коллективные и индивидуальные стратегии выживания, взаимоотношения человека и окружающей среды.

Современные марксистские исследовательские центры

В постсоветской Центральной и Восточной Европе, в общественно-политической атмосфере, сложившейся после смены режимов, осталось не так много исследовательских центров, где бы предпринимались серьезные, заслуживающие внимания попытки переосмысления марксистской теории и методологии²⁴. В Венгрии это небольшая группа, куда входят историки по крайней мере двух активных поколений: те, кто родился в 50-е годы XX в., и те, кто начал профессиональную карьеру в 90-е. Все они группируются вокруг кафедры истории Восточной Европы и Научно-исследовательского и методического центра русистики Будапештского университета им. Л. Этвеша и журнала «*Eszmélet*» («Сознание») и преимущественно занимаются изучением Новой истории Центральной и Восточной Европы в контексте складывания капиталистической системы. Один из основных выводов в их лекциях и публикациях сводится к тому, что после 1989–1990 гг. была окончательно скомпрометирована возможность (как они говорят – развеялся миф), будто Центральная и Восточная Европа может догнать Запад, стать его органической частью. Судя по основным показателям экономического и социального развития, вместо ожидавшегося сокращения наблюдается отставание, а силы свободного рынка за последнюю четверть века только углубили пропасть между западноевропейским центром и центральной- и восточноевропейской периферией.

Любимым автором этой группы ученых является Валлерстайн. Ссылаясь на него, они пытаются доказать, что у региона Центральной и Восточной Европы, как и у Латинской Америки, в процессе модернизации XIX и XX вв. никогда не было

возможности подняться до уровня развития стран евроатлантического ядра. Концентрация капитала там столь высока, что всемогущим транснациональным корпорациям ничего не стоит навязать выгодные им условия разделения труда остальному миру. Другим интеллектуальным источником служат для них работы Иштвана Месароша (род. 1930 г.), особенно книга «По ту сторону капитала: к теории переходного периода»²⁵, опираясь на которую они определяют возможную институциональную и социальную базу для экспансии глобального капитализма. По мнению самих членов этого круга, лишение марксизма статуса официальной идеологии стало скорее благом, поскольку мыслитель-марксист может теперь творить вдали от злободневной политики.

Еще одна марксистская исследовательская группа, основанная в 1981 г., пережила не одну эпоху и продолжает действовать в Будапештском экономическом университете, который, кстати, с 1953 по 1990 г. носил имя Карла Маркса. Авторитетные эксперты, по-прежнему верящие в актуальность марксизма и силу его аналитического инструментария, время от времени организуют здесь конференции и семинары²⁶. Все эти небольшие исследовательские центры можно сравнить с группой вокруг С. Сераковского и его журнала «*Krytyka polityczna*» («Политическая критика»), но в отличие от польских коллег, венгерские ученые в гораздо меньшей степени участвуют в дискуссиях на актуальные политические темы, поэтому их популярность и влияние гораздо скромнее.

Работая над этим эссе, собирая данные о прошлом и настоящем марксизма, я старался не упустить ни одной значимой работы, которая обобщает главные тенденции²⁷ в исторической науке, историографии, историческом мышлении и исторической памяти Центральной и Восточной Европы после 1989–1990 гг. После того как с политической карты Европы исчез Советский блок, в интеллектуальном атласе региона следов марксизма почти не осталось²⁸. Однако в обязанности историографа входит оценка этой традиции и причин поражения. В своей статье я попытался обозначить то скромное место, которое марксистская историография занимает на региональной карте истории идей.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Topolski J.* Polish Historians and Marxism after World War II // *Studies in Soviet Thought*. 1992. Vol. 48. P. 169–183.

² См. наиболее важные работы одного из глубочайших знатоков современной исторической науки, автора и редактора множества учебников по историографии – Г. Иггерса: *Iggers G.G.* The Cult of Authority. The Political Philosophy of the Saint-Simonians. A Chapter in the Intellectual History of Totalitarianism. The Hague, 1958. *Idem.* The German Conception of History. The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present. Middletown (Connecticut), 1968; *Iggers G.G., Backer N.* New Directions in European Historiography. Middletown (Connecticut), 1975; *Iggers G.G.* Marxist Historiography in Transformation: East German Social History in the 1980s. New York, 1991; *Idem.* Marxismus und Geschichtswissenschaft heute. Velten, 1996 (Berichte der Leibniz-Sozietät. 1995. Bd. Heft 8/9); *Idem.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen 1993¹; 1996². На английском языке см.: *Idem.* Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover (NH), 1997; *Iggers G.G., Wang E, Mukherjee S.* A Global History of Modern Historiography. Pearson, Longman, 2008. Marxist Historiographies: A Global Perspective / Ed. by Q.E. Wang, G.G. Iggers. New York, 2015.

³ В числе наиболее интересных работ по марксистской философии (истории) можно назвать: *Barber E.* La philosophie de Marx. La Decouverte, 1993. См. в английском переводе: *Idem.* The Philosophy of Marx. London, 2014; *Cohen G.A.* Karl Marx's Theory of History: A Defence. Oxford, 1981; *Idem.* Karl Marx's Theory of History: A Defence. Expanded edition, Princeton, 2001; *Perry M.* Marxism and History. New York, 2002; *Cutler T., Hindess B.* Marx's Capital and Capitalism Today. London, 2013 (Routledge Library Editions: Political Science, Vol. 52); *Eley G.* Marxist Historiography // *Writing History: Theory and Practice* / Ed. by S. Berger, H. Feldner, K. Passmore. London, 2003. P. 63–82; *The houses of history: A critical reader in twentieth-century history and theory* / Ed. by A. Green, K. Troup. Manchester, 1999. P. 33–43, 44–58; *Rollison D.* Marxism // *Writing Early Modern History* / Ed. by G. Walker. London, 2005. P. 3–24; *Wickham Ch.* Marxist History-Writing for the Twenty-First Century. Oxford University Press, 2007.

⁴ *Gorny M.* «Die Wahrheit ist auf unserer Seite». Nation, Marxismus und Geschichte im Ostblock. Köln; Weimar; Wien, 2011; *Idem.* The Nation Should Come First: Marxism and Historiography in East Central Europe. Frankfurt am Main, 2013 (Warsaw Studies in Contemporary History).

⁵ Подробнее см.: *The Soviet System and Historiography 1917–1989* / Ed. by F. Glatz. Budapest, 1995.

⁶ *Szűcs J.* Vázlat Európa három történelmi régiójáról // *Történelmi Szemle*. 1981. 3. sz. Отдельной брошюрой эссе вышло в 1983 г., в переводе на английский язык см.: *Idem*. The Three Historical Regions of Europe. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. T. 29. N 2/4. P. 131–184. Международное признание пришло с переводом на французский язык (автор предисловия – Ф. Бродель): *Idem*. Les trois Europes. Párizs, 1985. На русском языке см.: *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // *Центральная Европа как исторический регион*. М., 1996. С. 147–265. – Текст доступен по адресу: www.inslav.ru/images/stories/pdf/1996_C_Evropa_kak_istoricheskij_region.pdf (дата последнего посещения 1 XII 2015).

⁷ Подробнее см.: *Niederhauser E.* A történetírás története. Budapest, 1995 (Kelet-Európában. História Könyvtár. Monográfiák. 6. köt.).

⁸ *Wolf L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford University Press, 1994; на русском языке см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; *Todorova M.* Imagining the Balkans. Oxford, 2009.

⁹ *Niederhauser E.* Zur Frage der osteuropäischen Entwicklung // *Studia Slavica*. 1958. 3–4. sz. 359–371. old.

¹⁰ *Boia L.* History and Myth in Romanian Consciousness. Budapest, 2001.

¹¹ *Kundera M.* The Tragedy of Central Europe // *The New York Review of Books*. 1984. 26.IV; *Ormos M.* Közép-Európa. Volt? Van? Lesz? Budapest, 2007.

¹² См.: The Soviet System; *Hadler F., Pók A.* «A Daily Working Group Together in One House». Research Institutes of the National Academies of Sciences in East Central Europe // *Setting the Standards* / Ed. by I. Porciani, J. Tollebeek. Palgrave Macmillan, 2012. P. 183–201 (Writing the Nation Series).

¹³ В свете этого представления вышел в свет самый основательный, внушительный по объему синтетический труд – «Всемирная история», являвшийся переводом на венгерский язык одноименного советского нарратива: *Világtörténet: 11 kötetben* / Szerk. J.P. Francev. Budapest, 1963–1968. Ср.: *Всемирная история: в 10 т.* / Гл. ред. Е.М. Жуков. М., 1955–1965.

¹⁴ *Gyáni G.* Történetírásunk az évezred fordulóján // *Idem*. Történelemszempontok. Budapest, 2002. 35–55. old.

¹⁵ Ср.: *Ramet S. P.* The Dissolution of Yugoslavia: Competing Narratives of Resentment and Blame // *Südosteuropa*. München, 2007. Bd. 55. N 1. S. 26–69.

¹⁶ Ср.: *Klio ohne Fesseln? Historiographien im östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus* / Hrsg. von A. Ivanisevic, A. Kappeler, W. Lukan. Wien, 2002 (Österreichische Osthefte. Bd. 44. N 1–2).

¹⁷ *Antohi S. Narratives Unbound: A Brief Introduction to Post-Communist Historical Studies // Narratives Unbound: Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe / Ed. by S. Antohi, B. Trencsényi, P. Apor. Budapest, 2007. P. 13.*

¹⁸ *Krausz T. Történetírás és marxizmus // Eszmélet. 2012. 94. évf. 181–244. old. Cp.: Idem. Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció. Budapest, 2008.*

¹⁹ *Tőkei F. Zur Frage der asiatischen Produktionsweise. Neuwied, 1969.*

²⁰ Новейший аналитический разбор дискуссии см.: *Lackó M. Molnár Erik és az 60-as évek történész vitája // Századok. 2008. 6. sz.*

²¹ Az álláspontok kifejtésére ld.: *Vita Magyarország kapitalizmuskori fejlődéséről. Értekezések a történeti tudományok köréből. 55. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971.*

²² См. работы Л. Борхи: *Borbi L. Hungary in the Cold War, 1945–1956 : between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004.*

²³ *Litván Gy. Magyar gondolat – szabad gondolat. Budapest, 1978.*

²⁴ Cp.: *Postdiktatorische Geschichtskulturen im Süden und Osten Europas. Bestandsaufnahme und Forschungsperspektiven / Hrsg. von S. Troebst. Göttingen, 2010.*

²⁵ *Mészáros I. Beyond Capital. Toward a Theory of Transition. London; New York, 1995.*

²⁶ Например, Социально-теоретический коллегийум Будапештского университета Корвинус (BCE Társadalomelméleti Kollégium) в ноябре 2014 г. провел конференцию о сочинениях по философии экономики.

²⁷ *Gegen Erinnerung. Geschichte als politisches Argument / Hrsg. von H. Altrichter. München, 2006.*

²⁸ Cp.: *A történetírás új tendenciái a rendszerváltás után Kelet-Európában / Szerk. K. Csaplár-Degovics, T. Krausz. Budapest, 2007.*

III. Трёбст

ОСОБЫЙ ПУТЬ К КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕЗОРЕГИОНА: УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ «ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1892–2016 гг.

«О попытке быть историком Восточной Европы» – так Хью Сетон-Уотсон озаглавил вышедшее в 1988 г. эссе, в котором он подвел итог своей долгой профессиональной жизни в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Оно начиналось словами: «Я больше тридцати лет пытался это выяснить, но у меня по-прежнему нет уверенности в том, что же стоит за понятиями “историк” или “Восточная Европа”»¹. В качестве причины для подобных сомнений он назвал, во-первых, влияние, которое оказали драматические события в Европе XX в. на его мышление и на восприятие им своей профессии, и, во-вторых, все большее обесмысливание парадигмы «славянства». То, что Сетон-Уотсон описывает на примере славистической исторической науки Великобритании, с небольшими поправками касается и Германии: тесная взаимосвязь с веяниями времени, а также постоянные размышления об обоснованности своей профессии и о меняющихся условиях, в которых она существует.

Имперские начала

В Германской империи, в Австро-Венгрии, в Третьем рейхе, в Австрийской республике и в «старой» ФРГ, в некоторой степени и в Швейцарии, и в ГДР, и, наконец, в воссоединенной Германии институциональные рамки, в которых ведутся исторические исследования, всегда отличались от принципов организации науки в остальной Европе и за океаном. Прежде всего тем, что наряду с изучением национальной и всеобщей

истории в столицах двуединой монархии и Германской империи на рубеже XIX–XX вв. возникла дисциплина «восточноевропейская история» – причем и в качестве учебного предмета с собственными кафедрами, университетскими семинарами², даже с возможностью защиты диссертации, но также и в качестве самостоятельного исследовательского поля, со своими периодическими и серийными книжными изданиями. Исходя из тогдашней геополитической ситуации, эта «восточноевропейская история», конечно, являлась русской – или, точнее, – российской историей, поскольку три империи – Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых, входившие в пентархию великих европейских держав, теснейшим образом взаимодействовали, соперничали и вдобавок граничили друг с другом. К слову, географическая точка, в которой сходились границы этих трёх держав, лежала в непосредственной близости от маленького городка под названием Освенцим, населенного, по преимуществу, евреями.

Однако в словосочетании «восточноевропейская история» не только прилагательное, но и существительное оказалось терминологически нечетким. Ибо изначально речь шла не столько об истории как трактовке прошлого, сколько о настоящем и даже будущем, а конкретно – об анализе и прогнозе дальнейшей экспансии граничившей с Германской империей и с Австро-Венгрией в Прибалтике и на Балканах царской России в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Восточной Азии. Восточноевропейская история, как она преподавалась в университетах Вены и Берлина, была, таким образом, по сути «наукой о враге» и, соответственно, связана с Министерствами иностранных дел на Балльхаусплатц в Вене и на Вильгельмштрассе в Берлине и напрямую ими финансировалась. При этом на помощь дипломатии пришла в роли «акушерки» славянская филология: на тот момент она уже довольно давно являлась университетской дисциплиной, из регионоведческой составляющей которой и развился учебный предмет «Восточноевропейская история». Тесное пересечение их интересов стало причиной своего рода научного симбиоза, который вплоть до настоящего времени очевиден в двухпрофильных образовательных страноведческих программах, а также в биографиях многих ученых.

Создание организационных основ для преподавания восточноевропейской истории как отдельной дисциплины началось в 1892 г. в Берлинском университете Фридриха Вильгельма после того, как была учреждена ставка экстраординарного профессора восточноевропейской истории и страноведения³. Первым эту должность занял, как доверенное лицо Вильгельма II, немецко-балтийский архивариус и консервативный публицист Теодор Шиман, который в 1902 г. также был назначен директором основанного одновременно с этим Семинара восточноевропейской истории. Шиман был, прежде всего, политическим комментатором и лишь во вторую очередь – университетским преподавателем. Научными исследованиями в прямом смысле этого слова он не занимался. Его партийно-политическая деятельность и усилия по поддержке и формированию кайзеровской политики в отношении «русской опасности», по «польскому вопросу», а также и по «балтийскому вопросу» не оставляли ему на это времени⁴.

В научном смысле и в качестве университетского учебного профиля рассматриваемая нами дисциплина утвердилась с приходом преемника Шимана Отто Хётча в 1913 г.⁵ Выходец из Саксонии и ученик историка культуры, диссидента Карла Лампрехта, он также был публицистом и депутатом рейхстага, а впоследствии – протагонистом германо-советского научного сотрудничества. Хётч оставался доминирующей фигурой в своей области вплоть до прихода к власти национал-социалистов и даже пытался начать карьеру заново в Берлине в 1945 г. под советским управлением⁶. Во многом именно благодаря Хётчу в 1911 г. был основан научный журнал по восточноевропейской истории – *«Zeitschrift für osteuropäische Geschichte»*, предшественник нынешнего – *«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas»*, а также, в 1913 г., – Немецкое общество изучения России (*Deutsche Gesellschaft zum Studium Russlands*), которое существует до сегодняшнего дня под названием «Немецкое общество изучения Восточной Европы» (*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde*) и издает ежемесячный научно-популярный журнал «Osteuropa».

В Австро-Венгрии процесс утверждения новой дисциплины начался в 1907 г., когда в Венском университете был основан действующий по сей день Семинар восточноевропейской

истории⁷. Первый заведующий кафедрой чех Константин Иречек также обладал политическим опытом как министр образования (1879–1882) в новообразованном Княжестве Болгария. В 1918 г. Иречека на посту директора венского Семинара восточноевропейской истории сменил выходец из Каринтии, словенец с великогерманскими политическими взглядами Ханс Юберсбергер. Политически очень активный, обладавший обширными связями, он как ученый имел разнообразные исследовательские интересы, особенно касающиеся истории России. В отличие от считавшегося «салонным большевиком» Хётча, которого нацисты уволили в 1935 г., Юберсбергер был близок к заграничной организации НСДАП в присоединенной Австрии и в том же году был назначен преемником Хётча в Берлинском университете. Другой австриец – заведующий кафедрой восточноевропейской истории в Кёльне (1956–1981) сдержанный Пюнтер Штёкль – называл своего соотечественника Юберсбергера «экстравертным карьеристом с беспринципным стремлением прославиться»⁸.

Диктатуры и их наследие

В эпоху национал-социализма Берлин и Вена по-прежнему доминировали. Попытки основать кафедры восточноевропейской истории в университетах Гамбурга, Лейпцига, Бреслау (Вроцлав) и Кенигсберга не продвинулись дальше первых робких шагов. Университетское изучение истории Восточной Европы воспринималось нацистским режимом как «просоветское», а потому – *disciplina non grata*⁹. Задачи анализа политических, общественных, экономических и других процессов в Восточной Европе возлагались отныне на те учреждения, которые непосредственно подчинялись какому-либо министерству, НСДАП или СС. Личные научные карьеры историков Восточной Европы, являвшихся членами СА, НСДАП или СС, – таких, как упоминавшийся Юберсбергер, а также Георг Штадтмюллер, Фриц Вальявец, Петер Шайберт и других – по понятным причинам при этом не страдали. Являлись ли они – и если да, то насколько – «преступниками за письменным столом», или также были непосредственно замешаны в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности – еще требует выяснения.

Как и в других научных дисциплинах, самокритичное изучение периода национал-социализма в рамках предмета «Восточноевропейская история» началось лишь спустя два десятилетия. И если в 1966 г. доклад бывшего ассистента Хётча Вернера Филиппа, с 1952 г. по 1974 г. ординарного профессора восточноевропейской истории в Свободном университете Западного Берлина, на тему «Национал-социализм и восточные исследования» еще являлся исключением¹⁰, то на 1980-е годы пришлось активное осмысление нацистского прошлого своей науки. Интерес к этой теме сохраняется до сих пор¹¹.

Можно сказать, что во времена Третьего рейха восточно-европейская история не только не поддерживалась, но и маргинализировалась. После 1945 г. в советской зоне оккупации Германии и в ГДР, равно как и в западных оккупационных зонах и в новой Федеративной Республике Германия эта дисциплина – в изменившихся, но вновь крайне политизированных условиях разделенного мира и холодной войны – была восстановлена. В конце 1940-х и 1950-е годы университетские и внеуниверситетские структуры, занимающиеся изучением Восточной Европы, возникли и в Швейцарии – в Берне, Базеле, Фрибуре и Цюрихе. В 1971 г. они получили институциональную поддержку в виде Отделения Восточной Европы Исторического семинара Цюрихского университета¹². Швейцария тем самым переняла в содержательном смысле австро-германскую модель.

Восточноевропейская история в немецкоязычном регионе чаще всего была диссертационной дисциплиной, с возможностью сделать внутри нее университетскую карьеру, с собственными печатными изданиями и комплексом внеуниверситетских институтов и профессиональных сообществ. Тот факт, что этот «особый путь» существует до сих пор, объясняется, прежде всего, двумя обстоятельствами. В «старой» ФРГ после 1949 г. выяснилось, что методологическая конкуренция с националистическим «остфоршунгом»¹³ веймарского образца имеет свои организационные преимущества. Эта парадигма, возникшая как реакция на Версальский договор, во многом пересекалась со специфической лейпцигской школой «Народных и культурных исследований» 1920-х и 1930-х годов, и являла собой еще более политизированное исследовательское

поле, чем «восточноевропейская история»¹⁴. Многочисленные внеуниверситетские учреждения этого балансирующего между наукой и националистической идеологией направления, которые частично пережили Третий рейх без особых потерь и в ФРГ были объединены в новое учебное направление «Знания о Востоке» (*Ostkunde*), в ходе «Новой восточной политики» канцлера Вилли Брандта постепенно присоединялись к университетской «восточноевропейской истории» и тем самым вынужденно становились более научными.

В качестве примера можно назвать основанный в 1930 г. Юго-Восточный институт (*Südost-Institut*) в Мюнхене, который сперва занимался изучением немецкоговорящих меньшинств Южного Тироля и бассейна Дуная и с этих пор издает журнал «Юго-восточные исследования» (*«Südost-Forschungen»*) и в настоящее время также журнал «Юго-Восточная Европа» (*«Südosteuropa»*)¹⁵. С 2006 г. он базируется в Регенсбурге и с недавних пор стал частью тамошнего Института изучения Восточной и Юго-Восточной Европы (*IOS*). Его исторические корни в лагере германских националистов сегодня уже не просматриваются. Несколько дольше этот процесс продолжался у неуниверситетских учреждений, например, марбургского Института Гердера, который, согласно уставу, сосредоточен на «сборе, сохранении, передаче и визуализации» источников по культуре и истории стран Балтии, Польши и бывшей Чехословакии¹⁶. Издававшийся институтом «Журнал остфоршунг» (*«Zeitschrift für Ostforschung»*) в самом названии отсылал к великогерманскому националистическому остфоршунгу межвоенного времени – вплоть до 1994 г., когда журнал отказался от этой преемственности, сменив название на «Журнал изучения Восточно-Центральной Европы» (*«Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung»*).

Примечательный случай на этом «особом пути» являет собой ГДР, где традиция дисциплины «Восточноевропейская история» была продолжена в форме «История СССР и европейские страны народной демократии» – с собственными кафедрами и академическими отделениями в Берлине, Лейпциге и Галле, хотя и без возможности защиты диссертации в рамках этого научного направления. Таким образом, западногерманский «империалистический остфоршунг» не по-

лучил в ГДР марксистско-ленинского противовеса. Этому мешали идеологические разногласия с Югославией и Албанией, позднее – с Румынией и Польшей, а также руководящая роль, которую политики и научные функционеры ГДР предоставляли партийным инстанциям и советской науке¹⁷. Но все-таки после объединения Германии некоторые историки, филологи, отдельные подразделения, изучавшие Восточно-Центральную Европу в Академии наук ГДР, вошли в состав основанного в Лейпциге Центра изучения истории и культуры Восточно-Центральной Европы (*Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas* – GWZO).

Конкретный пример: Лейпциг

Изучение истории Восточной Европы в Берлине и Вене, как было показано выше, развивалось в рамках имперских структур. Возможно, по этой причине в других местах, даже там, где имелись предпосылки, как в саксонском Лейпциге начала XX в., успехи этой дисциплины были более скромными¹⁸. В Лейпцигском университете, где работал праотец славистики Август Лескин, а также Густав Вайганд, специалист по восточно-романским языкам, филолог-балканист и менеджер в сфере науки, имевший тесные связи в политических кругах Берлина, попытка организации исторического изучения Восточной Европы в 1917 г. не привела к успеху. На тот момент в качестве потенциального профессора обсуждалась кандидатура молодого венского историка хорватско-польского происхождения Оскара Халецкого. Вторая попытка включения в учебный план этого предмета в 1919 г. окончилась ничем, поскольку новоизбранный профессор, специалист по истории России шваб Карл Штелин, после первого же семестра предпочел возглавить кафедру в Берлине. Третья попытка, с успешным преподавателем, но при этом второстепенным ученым, специалистом по древнегерманским языкам российско-советским немцем Фридрихом Александровичем Брауном потерпела крах в 1933 г. по политическим причинам. Последующие попытки тоже оказались безрезультатными.

Вторая половина XX в. в организационном плане началась во всех смыслах неоднозначно: в 1954 г. на должность

профессора назначили бывшего функционера Коминтерна, иностранного агента НКВД и советского гражданина румынского происхождения Базиля Спиру. Постоянное вмешательство политики в жизнь университета, временно получившего имя Карла Маркса, вплоть до 1989 г. протекала столь же неоднозначно, а с научной точки зрения еще и не слишком результативно. После объединения Германии последовало кадровое и организационное обновление, и сегодня сразу три кафедры в Лейпцигском университете возглавляют представители дисциплины «Восточноевропейская история», а в лице Центра изучения истории и культуры Восточно-Центральной Европы как примыкающего к университету научного центра в городе имеется и крупное специализированное внеуниверситетское исследовательское учреждение. Тем самым Лейпциг после сложного начального периода восьмидесятилетней давности в количественном отношении обогнал Берлин и даже сравнялся с Веной – неимперский успех, равного которому нет во всем немецкоязычном регионе.

Транснациональная инновация: концепция «исторического мезорегиона»

Сколь бы ни было увлекательным и важным рассмотрение эволюции дисциплины «Историческое изучение Восточной Европы», неизбежно возникает вопрос о том, чего именно она добилась благодаря своему «взгляду со стороны» на национальные истории соседних стран. К сожалению, до сих пор нет по-настоящему крупного, аналитического осмысления предмета. Однако можно вычленить как минимум одну подлинную инновацию, предложенную данной дисциплиной, – транснациональную сравнительную концепцию исторического региона¹⁹. И даже материнская дисциплина «Всеобщая история», которая очень медленно отказывается от своего германоцентричного фокуса, обратила внимание на концепцию исторического мезорегиона.

С методологической точки зрения культурологическое понятие «исторический мезорегион» является искусственной эвристической моделью, которая позволяет выделять не привязанные к конкретным территориям, но граничащие во

времени исторические мезорегионы, независимые от государственных, общественных, национальных и даже цивилизационных границ для их сравнительного изучения, чтобы вычленил и отделить друг от друга специфические долговременные структурные кластеры. При этом важное и определяющее значение имеют не отдельные признаки, но их специфические комбинации. Такого рода крупные и вдобавок характерные для определенной эпохи кластеры можно назвать историческими мезорегионами. При этом они являются «подвижными зонами с размытыми границами», которые, соответственно, можно разделить на центры и периферии²⁰. В этом случае специфические отличительные признаки можно рассматривать только в их совокупности, поскольку любой исторический регион следует анализировать в контексте других. Имеется в виду, что между микроуровнем национального государства и макрорегиональными структурами – такими, как, например, «Европа» – существует и промежуточный мезорегиональный уровень.

Хотя концепция исторического региона является вполне универсальной, она возникла в ходе международной дискуссии польских, чехословацких и немецких историков о понятии «славянство» как научном концепте. Итогом этих длившихся все 20–30-е годы XX в. дебатов стала замена парадигмы славянства на историческую конструкцию «Восточная Европа». Основной вклад в результаты этой дискуссии внесли: с польской стороны – вышеупомянутый Халецкий и Марцели Хандельсман, с чехословацкой – Ярослав Бидло и Йозеф Пфитцнер, и с немецкой – Отто Хётч²¹. Находясь в эмиграции в США в военное и послевоенное время, Халецкий в книге «Границы и разделы европейской истории» (1950), помимо разграничения между Старой Европой, базирующейся на античном фундаменте, и Новой Европой, расположенной вне исторических границ Римской империи, выделил четыре европейских региона Нового времени, уходящих корнями в Средние века. Это Западная Европа, Западно-Центральная Европа (под которой подразумевались Германия и Австрия), Восточно-Центральная Европа и Восточная Европа, которую он отождествлял с Россией и затем с Советским Союзом²². Свой основной тезис, а именно – наличие культурной гра-

ницы между Восточно-Центральной Европой, находящейся в лоне западной церкви, и Восточной Европой, принадлежащей восточной церкви, и одновременно условность разделения Восточно-Центральной, Центрально-Восточной и Центральной Европы – Халецкий развил в 1952 г. в основополагающем труде «Пограничья западной цивилизации. История Восточно-Центральной Европы»²³. В ФРГ концепция Восточно-Центральной Европы развивалась под влиянием идей Халецкого, а также частично опираясь на предшествовавшие концепции – такие как «исторический ландшафт» (теория, рассматривавшая более мелкие регионы) и, в некоторой степени, – на (крайне идеологизированную) концепцию «исторического культурного пространства». При этом были сформулированы историко-мезорегиональные категории «Восточно-Центральная Европа», «Юго-Восточная Европа», «Северо-Восточная Европа» и «Восточная Европа» – эта последняя трактовалась и как регион, охватывающий восточнославянский ареал, и как гипероним для всех этих территорий²⁴. Эту точку зрения разделяли такие историки как Вернер Конце, Готфрид Шрам, Матиас Бернат, но прежде всего – Клаус Цернак²⁵.

Таким образом, концепция «исторический мезорегион» привязана к восточной Центральной Европе межвоенного времени в двух смыслах. Во-первых, она коренится в попытках конструирования национального самосознания историками новообразованных или восстановленных в 1918 г. государств «деимпериализированного» региона и, во-вторых, – в развивавшихся в ходе строительства Версальского миропорядка «культурных исследованиях» германоцентричного типа. Охватывая историографию немецкоязычного региона, можно констатировать, что как вообще для любых историко-мезорегиональных концепций, так и, в особенности, для различных моделей «Восточной Европы» характерен дуализм между историческим изучением Восточной Европы и германоцентричным «остфоршунгом»²⁶.

Параллельно с распространением идей Халецкого в недавно образованной ФРГ, их подспудное воздействие ощущалось и в советской зоне влияния. Концепцию Восточно-Центральной Европы Халецкого восприняли в Венгрии Ене Сюч, Домокош

Кошари и Эмиль Нидерхаузер²⁷, в Польше – Ежи Ключовский и Хенрик Самсонович²⁸, но их работы публиковались только в самиздате или же лишь после 1989 г. Суть такого подхода заключалась в стремлении вычленить структурные факторы, значимость которых сохранялась на протяжении длительного времени, как правило – многих столетий. Для эпохи Средних веков в качестве таковых назывались христианство, магдебургское право, ашкеназийско-еврейское заселение и германская внутренняя колонизация; для раннего Нового времени – видная роль дворянства в социальной системе, триада епископат – университет – резиденция, либертарианское сословное общество и «второе издание крепостничества»; для XIX в. – господство великих держав и языковой национализм, а для XX в. – «мир маленьких государств», перекраивание границ в эпоху национал-социализма, советская гегемония, вынужденная эмиграция, насильственное переселение, этнические чистки, голодомор, холокост и геноцид цыган, но также и церковно-пролетарская оппозиция, политико-интеллектуальное диссидентство и, наконец, эпохальный, рубежный 1989 год, с его чисто восточно-центрально-европейскими нововведениями – такими, как «круглый стол» или «бархатный развод»²⁹.

2016 год: предварительные итоги

Таким образом, способ исследования исторического мезорегиона в рамках дальнейшего развития подхода Халецкого можно считать столь же бесспорным подлинным «открытием» германской (немецкоязычной) исторической восточноевропейистики, сколь сложным остается вопрос о том, что является существенным вкладом этой дисциплины в историческую науку в целом, а также в гуманитарные и социальные науки в широком смысле. То же самое относится и к вопросу о распространении воздействия исторических исследований Восточной Европы на области, не относящиеся к науке, – общественное мнение, средства массовой информации, социальная сфера или политика. В этой связи можно, на мой взгляд, выделить пять основных тенденций.

Во-первых: Внутрипредметное научное обоснование вторичной дисциплины, начатое в книге Клауса Цернака 1977 г.

«Восточная Европа. Введение в ее историю», в настоящее время хорошо развито, в том числе из-за активных дебатов об обосновании, самовосприятии, даже упразднении исторического изучения Восточной Европы после развала «Восточного блока», которые велись в конце 1990-х годов, прежде всего, в журнале «*Osteuropa*»³⁰. Как благодаря вышеназванным обобщающим публикациям, так и в результате этих дебатов наша дисциплина стала гораздо более воспринимаемой и совместимой не только с «Всеобщей историей», но и с другими дисциплинами.

Во-вторых: Сходное воздействие имели некоторые законченные и продолжающиеся крупномасштабные начинания. Помимо гигантского междисциплинарного проекта 1960–1970-х годов – семитомной энциклопедии «Советская система и демократическое общество» (*Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft*), это в первую очередь относится к «Справочнику по истории России» (*Handbuch der Geschichte Rußlands*) в шести томах, который также охватывает и советский период. В настоящее время ведутся проекты: шеститомный «Справочник истории Юго-Восточной Европы» (*Handbuch der Geschichte Südosteuropas*), четырехтомный справочник «Польша в европейской истории» (*Polen in der europäischen Geschichte*), пятитомник «Германско-польская история» (*Deutsch-polnische Geschichte*) и, также пятитомная, «История Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке» (*Geschichte Ostmittel- und Südosteuropas im 20. Jahrhundert*). Решающую роль в их реализации, помимо университетской исторической науки, играют соответствующие внеуниверситетские научно-исследовательские учреждения между Бременом и Мюнхеном, число которых вновь возросло после 1989 г. В данном контексте в числе новых учреждений можно назвать наряду с GWZO в Лейпциге и упомянутым Регенсбургским IOS также и два Германских исторических института – в Варшаве и Москве.

В-третьих: Сближение предметов «Всеобщая история» и «История Восточной Европы» в целях взаимного обогащения прослеживается особенно четко в области историографии Европы. Еще в 1994 г. берлинский историк Хаген Шульце снабдил свою работу «Государство и нация в европейской ис-

тории» указанием на тот факт, что Западная и Восточная Европа являются «разными цивилизационными кругами <...>, которые вплоть до современной эпохи эволюционировали на протяжении почти двух тысяч лет, хотя и оказывая друг на друга некоторое влияние, однако по-настоящему не сливаясь»³¹. Напротив, берлинский коллега Шульце – Хартмут Кэльбле, также исследующий исключительно историю Западной Европы, подчеркивал в опубликованной в 2007 г. работе «Социальная история Европы с 1945 года по настоящее время», что он рассматривает «Европу в целом, то есть включая Восточно-Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, и старается избежать чрезмерной концентрации на западной части Европы, насколько это позволяют состояние историографии и языковые навыки составителя»³². Так что некоторые изменения налицо.

В то же время историография Восточной Европы оказала сильное влияние на «Всеобщую историю», например, в области международного сравнительного исследования диктатур, изучения культуры памяти, гендерной историографии, этно-истории или, например, культурологической истории международных отношений. То, к чему призывал Клаус Цернак в 1977 г., – «преодолеть собственные евроцентричные границы»³³ – ныне стало абсолютно естественным для самовосприятия современных исследователей истории Восточной Европы.

В-четвертых: Способность германской дисциплины «Историческое изучение Восточной Европы» к кооперации отнюдь не ограничивается национальными рамками. Тот факт, что «исследования о Восточной Европе» и «исследования в Восточной Европе» уступили место «исследованиям *вместе с* историками в Восточной Европе», доказывают многочисленные исследовательские проекты и коллективные публикации немецких историков с партнерами в Восточной Европе. Наряду с традиционными темами – «Россия и Европа», взаимоотношения восточной части Центральной Европы и западной части Восточной Европы, а также общеевропейский контекст восточноевропейской истории, в центр внимания современной науки выдвигается и взаимодействие восточной половины Европы с другими континентами.

В-пятых: Влияние исторического изучения Восточной Европы на общественное мнение и на политическую жизнь Германии несомненно и велико. Это касается таких представителей научной дисциплины, как Карл Шлёгел, бывший профессор истории Восточной Европы в Европейском университете Виадрины во Франкфурте-на-Одере – центральном месте в интеллектуальной жизни Германии как проводнике культуры и истории России и Восточной Европы. Но это справедливо также и для участия других специалистов по истории Восточной Европы в актуальных политических дебатах, например, об изгнании немцев из Восточной Европы после Второй мировой войны и его историческом контексте, то есть агрессия Третьего рейха против ЧССР, Польши и СССР. Апофеозом общественного влияния немецкой историографии Восточной Европы стало 16 октября 2001 г., когда польский президент Александр Квасьневский в ходе государственного визита в Москву подарил своему коллеге Владимиру Путину польский перевод фундаментального труда К. Цернака «Польша и Россия. Два пути в европейской истории»³⁴.

В завершение следует отметить, что трансформация коммунистических режимов, обществ, экономик, систем собственности и юридических устоев, а также обретение национального суверенитета старыми и новыми государствами при их одновременной интеграции в бывшие западные организационные структуры – такие, как Совет Европы, НАТО или Европейский Союз – в научно-организационном смысле имели консолидирующие последствия и придали новый импульс научному интересу к Восточной Европе. Это обстоятельство в 2013 г. эксплицитно констатировал Германский совет по науке (*Wissenschaftsrat*) в «Рекомендациях по дальнейшему развитию внеуниверситетского исторического изучения Восточной Европы»: «Из-за своего географического положения и динамичных, исторически очень сложных отношений с соседями в Восточной Европе, Германии необходимы высококачественные и широкомасштабные исследования, посвященные истории и современности этого региона, его государствам, обществам и культурам <...> После эпохи перемен в конце 1980-х – начале 1990-х годов произошла своего рода дифференциация стран Восточной Европы, которая поставила совсем но-

вые задачи перед исследователями, ранее фокусировавшимися, прежде всего, на Советском Союзе или России»³⁵.

Этот призыв был услышан политиками. В коалиционном договоре от 16 декабря 2013 г. между ХДС/ХСС и СДПГ значилось: «Мы стремимся поставить знания о России и Восточной Европе в Германии на солидную основу. Для этого мы планируем усилить научно-аналитическую экспертизу этого региона»³⁶. В соответствии с этим Министерство иностранных дел в 2014 г. приняло решение основать Германский центр международных и восточноевропейских исследований, который в 2016 г. начнет свою работу.

Перевод с немецкого К.Н. Цимбаева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe // *Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe* / Ed. by D. Deletant, H. Hanak. London, 1988. P. 1.

² В Германии «университетский семинар» – не только семинар как учебное мероприятие, но и наименование университетского подразделения, обычно более крупного, чем кафедра. – (*Прим. перев.*)

³ В дальнейшем я основываюсь на работах: *Unger C.R.* Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007; *Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990* / Hrsg. von E. Oberländer. Stuttgart, 1992; *Kleindienst Th.* Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg a. d. Lahn, 2009.

⁴ Подробнее об этом см. необычайно раннюю и при этом фундаментальную работу по истории научной дисциплины: *Meyer K.* Theodor Schiemann als politischer Publizist. Frankfurt/M.; Hamburg, 1956.

⁵ *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892–1933 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1989. Jg. 42. S. 7–109.

⁶ Среди всех восточноевропейских историков Хётч – тот, чья жизнь и творчество исследованы наиболее подробно: *Schlögel K.* Von der Vergeblichkeit eines Professorenlebens. Otto Hoetzsch und die deutsche Rußlandkunde // *Osteuropa.* 2005. Jg. 12. S. 5–28; *Liszkowski U.* Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch: 2 Bde. Berlin, 1999; *Voigt G.*

Otto Hoetzsch (1876–1946). Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin (Ost), 1978.

⁷ *Leitsch* W. Manfred Stoy. Das Seminar für osteuropäische Geschichte der Universität Wien 1907–1948. Wien u.a., 1983; *Kappeler* A. Osteuropäische Geschichte // Aufriss der Historischen Wissenschaften / Hrsg. von M. Maurer. Stuttgart, 2001. Bd. 2: Räume. S. 198–265.

⁸ *Stökl* G. Das Studium der Geschichte Osteuropas vor 1933 // Oberländer. Geschichte Osteuropas. S. 8.

⁹ *Camphausen* G. Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt/M. u. a., 1990.

¹⁰ *Philipp* W. Nationalsozialismus und Ostwissenschaften // Universitätstage 1966. Nationalsozialismus und deutsche Universität / Hrsg. von Freie Universität Berlin. Berlin (West), 1966. S. 43–62; переиздано в: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1983. Jg. 33. S. 287–303.

¹¹ *Šindlariu* Th. Die wissenschaftlichen Anfänge von Georg Stadtmüller. Motive und Grenzen der Integration in den Wissenschaftsbetrieb des NS-Staates // Ungarn-Jahrbuch 2002/2003. S. 95–124; *Spannenberger* N. Vom volksdeutschen Nachwuchswissenschaftler zum Protagonisten nationalsozialistischer Südosteuropapolitik. Fritz Valjavec im Spiegel seiner Korrespondenz 1934–1939 // Südostforschung im Schatten des Dritten Reiches. Institutionen – Inhalte – Personen / Hrsg. von M. Beer, G. Seewann. München, 2004. S. 215–235; *Abel* E. Peter Scheibert – ein Osteuropahistoriker im «Dritten Reich» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas- 2012. Jg. 60. S. 78–106; *Eckert* E. Zwischen Ostforschung und Osteuropahistorie. Zur Biographie des Historikers Gotthold Rhode (1916–1990). Osnabrück, 2012.

¹² *Aegerter* R. Die schweizerische Wissenschaft und der Osten Europas. Zur Geschichte der Slavistik und Osteuropakunde. Bern, 1998.

¹³ «Остфоршунг» (нем. *Ostforschung* – «Изучение Востока») – направление немецкой гуманитарной науки конца XIX – второй половины XX вв., изучавшее историю и культуру немецких этнических меньшинств за пределами Германии в Центральной и Восточной Европе (*Volkstum*). Следует отличать от устоявшейся в советской историографии резко негативной трактовки этого термина, подразумевавшей, по сути, всю систему университетских и внеуниверситетских учреждений нацистской Германии и послевоенной ФРГ, изучавших историю, экономику, культуру, языки и литературы, политическую и социальную жизнь стран Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и СССР. – (*Прим. перев.*)

¹⁴ *Klessmann* Ch. Osteuropaforschung und Lebensraumpolitik im Dritten Reich // Wissenschaft im Dritten Reich / Hrsg. von P. Lundgreen. Frankfurt/M., 1985. S. 350–383; *Burleigh* M. Germany Turns Eastwards. A Study of *Ostforschung* in the Third Reich. Cambridge, 1988.

¹⁵ Südost-Institut München 1930–2005. Edgar Hösch zu siebzigsten Geburtstag / Hrsg. von K. Nehring. München, 2005.

¹⁶ Ср. сайт института: <http://www.herder-institut.de/institut-personal/struktur-und-aufgaben.html> (здесь и далее дата последнего посещения 25 XII 2015).

¹⁷ Middell M. Weltgeschichtsschreibung im Zeitalter der Verfachlichung und Professionalisierung, Das Leipziger Institut für Kultur – und Universalgeschichte 1890–1990. Leipzig, 2005. Bd. 3: Von der vergleichenden Kulturgeschichte zur Revolutionskomparatistik; Geschichte der Universität Leipzig 1409–2009. Leipzig, 2010. Bd. 3: Das zwanzigste Jahrhundert 1909–2009. S. 335–777.

¹⁸ По теме, изложенной ниже, см.: Osteuropakunde an der Leipziger Universität und in der DDR: 2 Bde / Hrsg. von Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen. Leipzig, 2006; *Bebrendt L.-D.* Die Osteuropahistoriographie in der DDR. Das Beispiel Leipzig // Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft / Hrsg. von D. Dahlmann. Stuttgart, 2005. S. 183–194; *Idem.* Friedrich Braun und die osteuropäische Geschichte am Institut für Kultur– und Universalgeschichte der Universität Leipzig // *Comparativ*. 1991. N 4. S. 30–43; *Troebst St.* Walter Markov und die Erforschung der «Balkandiplomatie» // «Lust am Krimi». Beiträge zu Werk und Wirkung Walter Markovs / Hrsg. von M. Middell. Leipzig, 2011. S. 49–63.

¹⁹ В этом разделе я опираюсь на собственные работы: *Troebst St.* «Historical Meso-Region»: A Concept in Cultural Studies and Historiography // Europäische Geschichte Online. 6.III.2013. Текст доступен по адресу: www.ieg-ego.eu/en/threads/theories-and-methods/historical-meso-region/stefan-troebst-historical-meso-region; *Idem.* Vom *spatial turn* zum *regional turn*? Geschichtsregionale Konzeptionen in den Kulturwissenschaften // Dimensionen der Kultur– und Gesellschaftsgeschichte / Hrsg. von M. Middell. Leipzig, 2007. S. 143–159; *Idem.* What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective // *European Review of History*. 2003. N 10. S. 173–188.

²⁰ *Strobmeyer A.* Historische Komparatistik und die Konstruktion von Geschichtsregionen: der Vergleich als Methode der historischen Europaforschung // *Jahrbücher für Geschichte und Kultur Südosteuropas*. 1999. N 1. S. 47; *Sundbhausen H.* Die Wiederentdeckung des Raums: Über Nutzen und Nachteil von Geschichtsregionen // *Südosteuropa: Von vormoderner Vielfalt und nationalstaatlicher Vereinigung* / Hrsg. von K. Clewing u.a. München, 2005. S. 13–33; *Schenk F.B.* The Historical Regions of Europe – Real or Invented? Some Remarks on Historical Comparison and Mental Mapping // *Beyond the Nation: Writing European History Today* / Hrsg. von F.B. Schenk. St. Petersburg, 2004. S. 15–24; *Todorova M.* Spacing Europe: What is a Historical Region? // *East Central Europe*. 2005. N 1–2. S. 59–78; *Janowski M., Iordachi C., Trencsényi B.* Why Bother About

Historical Regions? Debates Over Central Europe in Hungary, Poland and Romania // East Central Europe. 2005. N 1–2. S. 5–58.

²¹ *Wandycz P.S.* East European History and Its Meaning: The Halecki-Bidlo-Handelsman Debate // Király Béla emlékkönyv. Háború és társadalom / Hrsg. von J. Pál u.a. Budapest, 1992. S. 308–321; *Zernack K.* Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977. S. 20–30, 88–92.

²² *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. London, 1950. S. 105–141.

²³ *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. New York, 1952.

²⁴ См. об этом соответствующие разделы: «*Ostmitteleuropa*» (Joachim Bahlcke), «*Nordosteuropa*» (Ralph Tuchtenhagen), «*Südosteuropa*» (Ulrich Büchsenschütz, Dietmar Müller) в кн.: Studienhandbuch Östliches Europa / Hrsg. von H. Roth. Köln u.a., 1999 [2009²]. Bd. 1: Geschichte Ostmittel- und Südeuropas; *Nolte H.-H.* Osteuropa // Enzyklopädie der Neuzeit. Stuttgart, 2009. Bd. 9: Naturhaushalt–Physiokratie. S. 662–686.

²⁵ *Zernack K.* Osteuropa. S. 31–66, 92–108; *Idem.* Nordosteuropa. Skizzen und Bausteine zu einer Geschichte der Ostseeländer. Lüneburg, 1993; *Troebst St.* Klaus Zernack als Nordosteuropahistoriker // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2001. Jg. 4. S. 572–586; *Conze W.* Ostmitteleuropa. Von der Spätantike bis zum 18. Jahrhundert. München, 1992; *Schramm G.* Polen-Böhmen-Ungarn. Übernationale Gemeinsamkeiten in der politischen Kultur des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit // Przegląd Historyczny. 1985. T. 76. S. 417–437; *Rhode G.* Die Geschichte Ostmitteleuropas als Ganzes und in seinen Teilen als Problem und Aufgabe // Probleme der Ostmitteleuropaforschung / Hrsg. von Johann-Gottfried-Herder-Forschungsrat. Marburg, 1975. S. 35–43; *Bernath M.* Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Jg. 20. S. 135–144.

²⁶ Michael Fahlbusch. Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Die «Volksdeutschen Forschungsgemeinschaften» von 1931–1945. Baden-Baden, 1999; Ingo Haar. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten. Göttingen, 2000.

²⁷ *Szűcs J.* The Three Historical Regions of Europe. An Outline // Acta Historica. Revue de l'Academie des Sciences de Hongrie. 1983. Vol. 29. S. 131–184; *Kosáry D.* The Idea of a Comparative History of East Central Europe: the Story of a Venture // Historians. S. 124–138; *Niederbauer E.* Kelet-Európa története. Budapest, 2001; *Idem.* A History of Eastern Europe since the Middle Ages. Boulder (CO) u.a., 2003; *Idem.* A történetírás története Kelet-Európában. Budapest, 1995.

²⁸ Historia Europy Środkowo-Wschodniej: 2 T. / Wyd. J. Kłoczowski. Lublin, 2000; *Idem.* East Central Europe in the Historiography of the

Countries of the Region. Lublin, 1995; *Samsonowicz H.* La tripartition de l'espace européen // *Les Européens* / Publ. par H. Ahrweiler, M. Aymard. Paris, 2000. S. 229–238.

²⁹ Об историко-региональной концепции «Восточно-Центральная Европа» см.: *Jaworski R.* Ostmitteleuropa. Zur Tauglichkeit und Akzeptanz eines historischen Hilfsbegriffs // *Westmitteleuropa – Ostmitteleuropa. Vergleich und Beziehungen* / Hrsg. von W. Eberhard u. a. München, 1991. S. 37–45; *Zernack K.* An den östlichen Grenzen Ostmitteleuropas // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2001. Jg. 58. S. 323–333; *Eberhard W.* Ostmitteleuropa als historische Strukturregion // *Perspektiven geisteswissenschaftlicher Forschung* / Hrsg. von Vorstand des Vereins Geisteswissenschaftliche Zentren Berlin. Berlin, 2003. S. 73–80; *Schmale W.* Die Europäizität Ostmitteleuropas // *Jahrbuch für Europäische Geschichte*. 2003. Bd. 4. S. 189–214; *Mühle E.* East Central Europe as a Concept of German Historical Research // *Europe Centrale entre l'Est et l'Ouest. Central Europe between East and West* / Ed. by J. Kłoczowski. Lublin, 2005. S. 13–29.

³⁰ Wohin steuert die Osteuropaforschung? Eine Diskussion / Hrsg. von St. Kreuzberger, I. Mannteufel, A. Steininger, J. Unser. Köln, 2000.

³¹ *Schulze H.* Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994. S. 16.

³² *Kaelble H.* Sozialgeschichte Europas von 1945 bis zur Gegenwart. München, 2007. S. 17.

³³ *Zernack K.* Osteuropa. S. 11.

³⁴ *Krzemiński A.* Von der Achse zum Dreieck // *Zeitschrift für Kulturaustausch*. 2003. Jg. 1. Текст доступен по адресу: www.ifa.de/pub/kulturaustausch/archiv/zfk-2003/im-bann-der-vergangenheit/krzeminski/; *Zernack K.* Polska a Rosja. Dwie drogi w dziejach Europy. Warszawa, 2000.

³⁵ Wissenschaftsrat: Empfehlungen zur Weiterentwicklung der außeruniversitären historischen Forschung zum östlichen Europa. DS 2850-13. Berlin 25 I 2013. S. 14. Текст доступен по адресу: www.wissenschaftsrat.de/download/archiv/2850-13.pdf.

³⁶ Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. Rheinbach, 2013. S. 118. Текст доступен по адресу: www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf.

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Т.И. Вендина

СУДЬБА ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВА В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Развитие лингвистической географии сегодня достигло столь большого размаха, что во многом изменился гносеологический облик лингвистики XXI в., ибо пространственный дискурс в сочетании со структурным и функциональным сформировал своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени. Благодаря лингвистической географии, мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени». В этом отношении бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов является «Общеславянский лингвистический атлас» – грандиозный лингвогеографический проект сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает.

Следует отметить, что изучение словарного состава праславянского языка, а также ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы – проблемы славянского этногенеза – долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Известно также, что праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. «Достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому

фонду»¹. Между тем «науку двигают вперед <...> не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без ко-торых также невозможен научный прогресс»². И таким бесценным источником новых фактов и новых возможностей стал «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА), позволивший не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря ОЛА появилась возможность «паспортизировать» ту или иную языковую единицу и проследить ее судьбу в пространстве *terra Slavia*.

В настоящее время опубликовано восемь томов «Общеславянского лингвистического атласа» лексико-словообразовательной серии, в частности: т. 1 «Животный мир» (Москва, 1988); т. 2 «Животноводство» (Warszawa, 2000); т. 3 «Растительный мир» (Мінск, 2000); т. 4 «Сельское хозяйство» (Братислава, 2012); т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007); т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003); т. 9 «Человек» (Kraków, 2009); т. 10 «Народные обычаи» (СПб, 2015). И семь томов фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *ě» (Београд, 1988); «Рефлексы *ǣ» (Москва, 1990); «Рефлексы *q» (Warszawa, 1990); «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994); «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003); «Рефлексы *ъ, *ъ» (Zagreb, 2006); «Рефлексы *o» (Москва, 2008); «Рефлексы *e» (Москва, 2012).

О чем же говорят карты атласа?

Прежде всего, они говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах. Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют так называемые системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*³ (к-схема 1), *mor-j-e*, *osm-ь*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ъ*, *rog-ъ*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *o»; или распростране-

ние лексем *zem-j-a*, *med-ъ*, *sedm-ъ*, *šest-ъ*, *tret-ъj-ъ*, *vesel-ъj-e*, *ber-e-tъ*, *devět-ъ*, (*j*)*ezer-o* // *ozer-o*, (*j*)*elen-ъ* // *olen-ъ*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексy *e» и др.).

Другие оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем **ot-ъс-ъ* (к-схема 2), **ov-ъс-a* (к-схема 3), **ovъс-ъ*, **gost-ъ*, **krъtъ*, *mêk-a*, *sq-sêd-ъ*, *pros-i-tъ* и др.).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй – широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в этих ареалах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *dъb-ъ* на к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир» (к-схема 4), которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы – в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvorst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ*; или ареал лексемы *mêk-a* на к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (к-схема 5), которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *borš-ъn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*. О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dъb-ov-in-a* (хрв. *du'bovina*, серб. *dúbovina*, мак. *dubo'vina*), серб., мак. *dъb-ov-o derv-o* (мак., серб. *'dubovo 'drvo*) к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dъb-ov-a šum-a* (мак. *dəbova šuma*), серб. *dъb-ov-a gor-a* (*du'bova 'gora*) к. 27 ‘дубовый лес’ т. 3 «Растительный мир»; или болг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* ‘ларь, в который сыпается мука на водяной мельнице’).

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как о некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его

диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют и ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем *volſ*-у к. 25 'волосы человека' т. 9 «Человек» (**volſъ* < и.-е. **wel-k*⁴; *el(ə)*⁵), *brѣv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек» (<**bry* < и.-е. **bhrŭ-s*⁶), *žel-qd-ѣk-ѣ* к. 52 'желудок' т. 9 «Человек» (**želqđѣkѣ* < и.-е. **ghelond-*, *gholond-*⁷; **ghel-on-d-o*⁸), *lyž-ѣk-a* к. 52 'ложка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (**lyžѣka* < **lyga* < и.-е. **leu-*, *lu*⁹), которые отсутствуют в южнославянских языках.

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, так и на периферии.

Примером разрушения ареала праславянских лексем в центре современной Славии могут служить ареалы лексем *ov-ѣs-a* (к.-схема 3) и *žen-a* (к.-схема 6) в украинских и белорусских диалектах. Ареалы этих лексем являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются возникшими на их основе лексемами **žen-ѣk-a* и *ov-ѣč-ѣk-a*.

Что касается периферии, то материалы Атласа говорят о том, что такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение *ob-ѣd-ѣ* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в восточной и западной Славии и ограниченный – в южной, где ее вытесняют лексемы *už-in-a*, *rŏč-ѣk-ѣ*, *pol-u-dŭn-e*; или лексемы лексема *sq-sĕd-ѣ* (к.-схема 13) (**sqŕĕdъ* < и.-е. **saŕsāt* (d)¹⁰) к. 2 'сосед, человек, живущий в соседнем доме' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских, но имеет ограниченный ареал в сербских диалектах (шумадийско-воеводинских, восточно-герцеговинских, зетско-сеникских и косовско-ресавских) и точечный в северо-восточных болгарских (п. 128); поскольку здесь получила широкое распространение

лексема турецкого происхождения (*komš*)-*i-j-a*; сходный ареал имеют и лексемы *myš*-*ь* к. 14 'мышь' т. 1 «Животный мир»; *ot*-*ьс-ь* к. 7 т. 5 «Рефлексы *о» и др.);

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on*-*ь* (**onъ* < и.-е. **eno*-/**ono*-/**no*-¹¹); *ogn*-*ь* (**ognъ* < и.-е. **ognis* /**egnis*¹²); *ovъs*-*ь* (**ovъsъ* < и.-е. **awiğ*-¹³); *stol*-*ь* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el*-¹⁴); *dom*-*ь* (**domъ* < и.-е. **dōm*-, *dēm*-, **d*¹⁵); *dъn-o* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh*-/*dhebh*-¹⁶); *gor-a* (**gora* < и.-е. **gʰer*-, *gʰor*-¹⁷); *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk*-¹⁸); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh*-, **ongh*-, **gh*-¹⁹); *kost*-*ь* (**kostъ* < и.-е. **ost*-²⁰), *gost*-*ь* (**gostъ* < и.-е. **ghost(i)s*²¹), *pot*-*ь* (**potъ* < и.-е. **poktos*²²), *voj-ьn-a* (**vojъna* < и.-е. **ueia*-, **uei*-²³), *topor*-*ь* (**toporъ* < и.-е. **tep*-/**top*-²⁴) т. 5 «Рефлексы *о» или карты *led*-*ь* (**ledъ* < и.-е. **ledu*-²⁵), *nes-l-ь* (**nesъl* < и.-е. **nesti* < и.-е. **enek*-, **nek*, *ŋk*-²⁶); *pepel-ь*/**popel-ь* (**pepelъ*/**popelъ* < и.-е. **pel*-/*pol*-²⁷) т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Другой такой периферией *terra Slavica*, где часто наблюдается разрушение ареалов праславянских лексем, являются русские диалекты, в которых лексемы, имеющие праславянское происхождение, локализуются часто или в латеральном ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* (к-схема 7) к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); или в небольшом островном ареале (ср. распространение лексем (*j*)*agn-ь* к. 29 Nsg '(j)*agne*' т. 2 «Животноводство» (к-схема 8): лексема широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнopoлесских говорах и микроареал – в южнорусских (пп. 841, 846).

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Исследование показало, что ареалы архаизмов часто локализируются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления.

Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских лексем, имевших ранее общеславянское распространение.

Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Обладая огромной жизненной силой, слова праславянского происхождения способны к порождению своих производных. И в этих новых лексемах продолжается жизнь праславянского слова (ср., например, ареалы лексем *kr̥t-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, */ež-ъk-ъ*, */ež-ak-ъ*, */ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a*).

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. **meit(h)*-, и.-е. **mēit*-²⁸) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала этой лексемы, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e* (к.-схема 9).

Сходный ареал имеет и лексема *p̣r̥st-en-j-ъ* к. 40 'кольцо с камнем, перстень' т. 10 «Народные обычаи», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских, особенно в чешских и польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *p̣r̥st-en-ъk-ъ*.

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем

свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *neb-o* к. 21 'нёбо' т. 9 «Человек»; *sčld-ѣk-ѣ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vъxъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *konj-ѣk-ѣ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *do-by-t-ѣk-ѣ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» и др., характерных для восточно- и южнославянских диалектов).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых.

Так формируются новые ареалы слов, которые часто не знают государственных границ. Формирование этих новых ареалов происходит под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов – разрушительного и созидательного. Разрушительный процесс приводит к распаду славянского языкового континуума, к усложнению его пространственной структуры, т.е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имеет интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохраняются, что ведет к образованию новых ареалов. Именно с этим связана высокая степень расчлененности диалектного ландшафта Славии. Однако несмотря на его мозаичность на картах Атласа довольно четко просматривается разделение Славии по линии север ~ юг, ср.: север *sъ-čest-bj-e* ~ юг *sъ-rѣt-j-a*, *sъ-rѣt-j-a* (к.-схема 10); север *baran-ѣ* ~ юг *ov-ѣn-ѣ* (к.-схема 11); север *tѣn-ѣ* ~ юг *xold-ѣ*; север *lѣs-ѣ* ~ юг *šum-a*; север *sos-ѣn-j-a* ~ юг *bor-ѣ*; север *//ašč-er-* (*//ašč-er-ѣ*, *//ašč-er-ic-a*, *//ašč-er-ѣk-a*) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ѣ*, *gušč-er-ic-a*, *gušč-er-ѣk-a*; север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи» и т.д.), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается. И эта ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы²⁹.

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славию южной (ср.,

например, ареалы лексем *nož-ik-ъ*; *uš-ъk-o*, *rěč-ъk-a*, *nož-ъk-a*, *gor-ъk-a*, *pal-ъc-ъ*, *slov-o* (к.-схема 12), *sъ-čęst-ъj-e* невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди праславянских лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы праславянских лексем, имеющих и.-е. соответствия **ovъsъ* < и.-е. **awiĝ-*³⁰; **nestъ* < и.-е. **neĕk-*, **neĕk-*, *ŋk-*³¹; **bobъ* < и.-е. **bhābhā*³²; **vojъna* < и.-е. **ueia-*, **uei-*³³; **gora* < и.-е. **gʷer-*³⁴; **domъ* < и.-е. **dōm-*, *dēm-*, **dm̥*³⁵; **dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhub-/dheub-*³⁶; *(j)*ež-ъ*/**ož-ъ* < и.-е. **egʰiō*³⁷; **medъja* < и.-е. **medhio-*³⁸; **noga* < и.-е. **onogh-*, **ongh-*, **ŋgh-*³⁹; **ognъ* < и.-е. **ognis*/**egnis*⁴⁰; **onъ* < и.-е. **eno-*/**ono-*/**no-*⁴¹; **stolъ* < и.-е. **st(h)el-*⁴²; **soxa* < и.-е. **kāk-*⁴³ и др.).

Карты Атласа говорят о том, что большинство ареалов северной Славии сформировалось в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли языка-донора выступали чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские и словацкие (ср., например, распространение таких лексем, как *stъkl-ĕn-ъk-a* (к.-схема 13), *podъ-večer-ъk-ъ* (к.-схема 14), *gēs-in-a*, *doj-ъk-a*, *olov-ъk-ъ*, *kravъc-ъ*, *mĕst-ъc-e*, *qtr-ob-a* и др.), реже украинские (ср., например, распространение лексем *cĕl-uš-ъk-a*, *krin-ic-a*) и белорусские (ср. распространение лексемы *mold-iv-a*, *korm-y-sl-a*). Причем большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ъk-a*, *gēs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ъč-ik-ъ*, *zabъd-e-tъ* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *zabъd-e-tъ*, *lĕj-ъk-a*, *куп*/*-ĕt-ъk-ъ, *doj-ar-ъk-a*, *krъš-ъk-y*; или зап.-сл.

podъ-večer-ъk-ъ, kraj-e-tъ, stud-ъn-j-a, которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы).

На картах атласа существует и еще одна серия праславянских слов, имеющих локальные ограничения в распространении. Это слова, характерные только для одной группы языков – восточных, западных или южных.

Интересно, что в Атласе практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, ареалы лексем *kropiv-a, ob-ěd-a-j-e-tъ, sъ-kaž-e-tъ, rът-ъ, vis-ъk-ъ, deš-ev-ъ* и др.). Так, например, лексема *ob-ěd-a-j-e-tъ* (**obědati* < **obědъ*⁴⁴) к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» имеет тотальное распространение во всех восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских и в отдельных белорусских диалектах она находится в отношениях конкуренции с лексемой *pol-u-dъn-a-j-e-tъ*; или лексема *sъ-kaž-e-tъ* (**sъkazati* < **kazati*⁴⁵) к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *po-věst-ъ*; или лексема *rът-ъ* (< **rътъ* < и.-е. **ru-to* < **reu-*: *rou-*⁴⁶) к. 16 'рот' т. 9 «Человек» (к.-схема 15), которая широко распространена на территории всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *pysk-ъ*, а также в северо-западных белорусских – заимствованная из польских диалектов лексема *gъb-a*.

Системный, а главное континуальный характер ареалов этих лексем, говорит о том, что они могли сформироваться еще до распада восточнославянского языкового единства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые из них зафиксированы в древнейших памятниках письменности, например, лексема **съкажетъ** в Остромировом евангелии XI в.⁴⁷; **рътъ** Надп. Соф. Новг. XI–XII в.⁴⁸

Карт, иллюстрирующих гомогенный западно- или южнославянский ареал очень немного: в западнославянских диалектах это всего две карты: к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир»

с лексемой *sikor-ъk-a* (**sykorъka* < **sykora* < **sykati*⁴⁹), которая широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a* (см. к-схему 16); и карта к. 28 'соловей' т. 1 «Животный мир» с лексемой *solv-ik-ъ* (*solvikъ* < **solvъbъ*⁵⁰), которая плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских горах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *solv-ič-ъk-ъ*.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексемы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов (обе лексемы А. Брюкнером и В. Бoryщем относятся к XV в.). В южнославянских диалектах такая же ситуация, как и в западнославянских, т.е. этот ареальный сценарий также встречается довольно редко, ср. распространение лексем *gušč-er-ъ*, *gušč-er-ic-a* (**guščerъ*, *guščerica* < и.-е. **geu-sker*⁵¹) к. 30 'ящерица' т. «Животный мир»; *zid-ar-ъ* к. 6 'человек, который строит каменные дома' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *žit-o* (**žito* < **žiti*⁵²) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство», которые широко представлены во всех южнославянских диалектах и не выходят за их пределы.

Поэтому даже если предположить, что в ходе истории славянских языков былое единство общезападнославянских и общеевропейских ареалов было разрушено временем, практическое отсутствие в них гомогенных ареалов лексем праславянского происхождения является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в прошлом подлинной языковой общности, и в частности, существования праюжнославянского и пражужнославянского языков.

На картах Атласа отчетливо видно, что лексемы праславянского происхождения и общеславянского распространения часто локализируются в одних и тех же ареалах. Это прежде всего чешские (особенно лясские говоры, в частности п. 203), сло-

вацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеникские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями.

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, однако представляется, что повторение этих ареалов не является случайным. Думается, что выявление этих соответствий возможно в дальнейшем путем синтеза сравнительно-исторического метода с методами лингвистической географии.

Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя. В этом смысле карта является безальтернативным источником исторических сведений о слове. Несомненно, что лингвистическая карта несет в себе уникальную информацию, которая еще только начинает изучаться. В этом отношении «Общеславянский лингвистический атлас» является бесценным источником для изучения истории праславянского слова. Используя метафору польского ученого В. Дорошевского можно сказать, что «слова в нем – это мосты, переброшенные над веками».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. Т. 1. С. 111.

² Трубачев О.Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003. С. 453.

³ Примеры приводятся в обобщающей морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диа-

лекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

⁴ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973; 1986–1987. Т. 1: А–Д. С. 343; *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 137.

⁵ *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005. S. 704.

⁶ ЭССЯ. М., 1976. Вып. 3. С. 64.

⁷ *Фасмер.* Т. 2: Е–Муж. С. 44; *Шапошников.* Т. 1. С. 267

⁸ *Boryś.* S. 755.

⁹ ЭССЯ. М., 1990. Вып. 17. С. 63.

¹⁰ *Фасмер.* Т. 3: Муза–Сяг. С. 726; ЕСУМ. Київ, 2006. Т. 5: Р–Т. С. 482.

¹¹ *Фасмер.* Т. 3. С. 140; *Шапошников.* Т. 2. С. 69.

¹² *Фасмер.* Т. 3. С. 78; ЕСУМ. Київ, 1982. Т. 1: А–Г. С. 414.

¹³ *Фасмер.* Т. 3. С. 113; ЕСУМ. Київ, 2003. Т. 4: Н–П. С. 150.

¹⁴ *Фасмер.* Т. 3. С. 764; ЕСУМ. Т. 5. С. 419.

¹⁵ *Фасмер.* Т. 1. С. 526; ЭССЯ. Т. 5. С. 72.

¹⁶ *Фасмер.* Т. 1. С. 519; ЭССЯ. Т. 5. С. 174.

¹⁷ *Фасмер.* Т. 1. С. 438; ЭССЯ. Т. 7. С. 29.

¹⁸ *Фасмер.* Т. 3. С. 729; ЕСУМ. Т. 5. С. 362.

¹⁹ *Фасмер.* Т. 3. С. 78; ЭССЯ. М., 1999. Вып. 25. С. 161.

²⁰ ЭССЯ. М., 1984. Вып. 11. С. 167.

²¹ ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 67.

²² *Фасмер.* Т. 3. С. 342; ЕСУМ. Т. 4. С. 417.

²³ *Фасмер.* Т. 1. С. 334; ЕСУМ. Т. 1: А–Г. С. 431.

²⁴ *Фасмер.* Т. 4: Т–Ящур. С. 79; *Шапошников.* Т. 2. С. 422.

²⁵ ЭССЯ. М., 1987. Вып. 14. С. 91.

²⁶ *Фасмер.* Т. 3. С. 67; ЭССЯ. Т. 25. С. 19.

²⁷ *Фасмер.* Т. 3. С. 234; *Шапошников.* Т. 2. С. 117.

²⁸ ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 206.

²⁹ *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 68.

³⁰ *Фасмер.* Т. 3. С. 113.

³¹ Там же. С. 67.

³² *Фасмер.* Т. 1. С. 180.

³³ Там же. С. 334.

³⁴ Там же. С. 438.

³⁵ Там же. С. 526.

³⁶ Там же. С. 519.

³⁷ Там же. Т. 2. С. 10.

³⁸ Там же. Т. 2. С. 592.

³⁹ *Фасмер.* Т. 3. С. 78.

⁴⁰ Там же. С. 78.

- ⁴¹ Там же. С. 140.
⁴² Там же. С. 764.
⁴³ Там же. С. 729.
⁴⁴ Шапошников. Т. 2. С. 36; ЭССЯ. М., 2000. Вып. 27. С. 181.
⁴⁵ Шапошников. Т. 2. С. 324.
⁴⁶ Шапошников. Т. 2. С. 287.
⁴⁷ СРЯ XI–XVII. М., 2000. Вып. 24 (Се–Скорый). С. 165.
⁴⁸ СРЯ XI–XVII. М., 1997. Вып. 22 (Раскидаться–Рященко). С. 220.
⁴⁹ *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa. 1985. S. 490; *Boryś*. S. 547.
⁵⁰ *Boryś* S. 559.
⁵¹ ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 179.
⁵² *Фасмер*. Т. 2. С. 57; ЕСУМ. Т. 2. С. 200.

Ф.Б. Успенский

ХРИСТОЛОГИЯ НЕОФИТОВ*

1.

Принятие христианства в конце X – первой половине XI в. не оказало деструктивного, разрушающего воздействия на ономастику Северной Европы – все изменения именослова, связанные с крещением скандинавских стран, так или иначе вели лишь к явному его расширению, а не к сокращению или реформе. Детей продолжали называть исконными, родовыми именами, уходящими корнями в дохристианское прошлое, в течение нескольких столетий подавляющее большинство духовных лиц, священников, монахов и епископов, носили имена, не имеющие никакого отношения к церковной традиции имянаречения. Более того, многие из имен мирян и духовных лиц обладали вполне прозрачной внутренней формой и включали в себя имена языческих богов. Подобная толерантность, судя по всему, распространялась не только на имена людей, антропонимы, но и на названия мест, топонимическую номенклатуру, и на языческие именования вообще¹.

В этом отношении весьма показательна, например, скальдическая поэзия, где имена мифологических персонажей фигурируют буквально на каждом шагу. По наблюдениям исследователей, число кеннингов, где используются имена языческих богов, заметно сокращается непосредственно после крещения полуострова, но относительно скоро всё возвращается на свои места, вплоть до того, что мифологические антропонимы в большом количестве встречаются в скальдических текстах

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

с вполне отчетливой христианской направленностью. Мир мифа оказался слишком могучим источником для обозначения лиц, явлений и предметов в скальдической поэтике, чтобы от него было возможно отказаться.

Как же именно используются у скальдов имена мифологических персонажей? Как правило, они фигурируют в составе кеннингов, перифрастических обозначений вполне реальных предметов и лиц, конунгов, ярлов, предводителей войска, дружинников. Собственно говоря, подлинными именами людей, немифологические антропонимы, вообще не всегда упоминаются в скальдическом стихе, и если бы не прозаические пояснения средневекового «комментатора» (наиболее знаменитый из которых, конечно же, Снорри Стурлусон), мы зачастую были бы не в состоянии определить, к какому именно историческому лицу относится та или иная строфа.

Разумеется, эту «бедность» реальных антропонимов не стоит преувеличивать. Имена людей у скальдов все же встречаются (иногда даже в зашифрованном, скрытом виде). Кроме того, если бы мы всякий раз имели дело с целыми текстами поэм, а не с разрозненными фрагментами, возможно, таких подлинных имен было бы в нашем распоряжении существенно больше. И тем не менее, факт остается фактом: принципы скальдической поэтики таковы, что на достаточно большом отрезке поэтического текста конкретное имя исторического лица легко и охотно скрывается за стандартными кеннингами, одинаковыми для всех перифрастическими обозначениями, в огромном числе случаев построенными с использованием мифологических имен (такой, например, кеннинг, как «Фрейр росы Драупнира» равно годится как для обозначения любого конунга, так и мужа вообще).

При этом скальдическое произведение в высшей степени связано с конкретикой, с совершенно определенными отрезками времени, событиями, людьми. За счет чего же осуществлялась эта связь с реальностью, коль скоро имена реальных персонажей могли отсутствовать, а значительная часть событий – прежде всего, битв и походов – описываться в выражениях достаточно обобщенных и зачастую трафаретных?

Судя по всему, своеобразной меткой, помещающей поэтическое высказывание скальда в реальную систему координат,

были, в частности, подлинны названия географических локусов, где происходили описываемые события, а таких исторически подлинных топонимов во всем корпусе скальдической поэзии, как известно, немало. Они-то не перифразировались и сохраняли за собой прагматическую функцию связи с географическими реалиями. Так или иначе, скальдическая поэзия не пошла по пути замены топонимов реальных кеннингами с топонимами мифологическими. Ускользни «земная» топонимика из произведения скальда, скройся она в мифологизирующих кеннингах, и мир скальдической поэзии в значительной степени герметизировался бы и утратил связь с событийной канвой исторического процесса.

Иными словами, мифологические имена как бы разом вводили скальдическое сочинение во вневременной контекст поэтических ценностей германской традиции, реальные же топонимы связывали его с тем, что происходило *здесь* и *теперь*, включали в локальный событийный и хронологический ряд. Называние места действия, судя по всему, позволяло мгновенно отличить одно событие от другого, сколь бы ни был абстрактен и отвлечен в остальном язык их описания. В современной скальду аудитории географическое наименование пробуждало к жизни и комплекс ассоциаций, связанный именно с данным событием и его участниками. Разумеется, для последующих поколений ясность таких ассоциаций в значительной степени утрачивалась, но по всей вероятности и в эпоху записи саг реальные топонимы отчасти формировали ту канву исторической последовательности, в соответствии с которой составитель саги пытался распределить имеющийся в его распоряжении древний поэтический материал.

Сказанное позволяет под несколько иным углом зрения взглянуть на то, как именно христианское начало, пришедшее в Скандинавию с крещением полуострова, находит отражение в панегирических поэмах скальдов. С одной стороны, скальдическое стихосложение всегда оставалось достаточно консервативным, и возможно именно эта консервативность заставляла некоторых первых конунгов-христиан отказываться от услуг скальдов. С другой стороны, конунги все же не могли обойтись без скальдов, а скальды – без конунгов. Поэтому, как уже упоминалось выше, во времена крещения из хвалебных

песен поначалу исчезают на некоторое время привычные кеннинги, упоминающие древних богов, а позднее, когда острота противостояния старой и новой веры значительно снижается и слушатели уже не могут сомневаться в принадлежности поэта к одной с ними церкви, традиционные мифологические имена, традиционные мифологические кеннинги вновь возвращаются на свое место.

Разумеется, воздействие новой религии не ограничивалось, так сказать, временным устранением старого. Предпринимались попытки ввести собственно христианские темы, образы и реалии в скальдические сочинения. Между тем, традиционные формы отнюдь не так легко принимали это новое содержание, и дело, на наш взгляд, было не только в устойчивости традиционного скальдического канона. Как кажется, специфика христианской образности у скальдов вообще соответствует специфике рецепции христианства в Скандинавии в первое столетие после крещения.

Остановимся на одном из ранних образчиков тех скальдических строф, где, согласно утверждению Снорри Стурлусона, упоминается Иисус Христос. Речь идет о цитируемом в «Младшей Эдде» отрывке из погребальной драпы Арнора Тордарсона (Скальда Ярлов), сочиненной ок. 1067 г. в память о норвежском конунге Харальде Суровом († 1066 г.):

Я возношу молитвы мудрому стражу Греции и Гардов (= Руси) за раздавателя смертей мужей (= князей?); так я отплачиваю князю за дар².

Разумеется, мы не можем пройти мимо того обстоятельства, что в этой строфе *Греция* и *Гарды* рассматриваются как некий континуум³. Небезынтересно нам также и употребление архитрадиционного для скальдической поэзии клише «я отплачиваю князю», воплощающую более общую идею, согласно которой правитель, не скупясь, раздает золото своей дружине, а они отплачивают ему, добывая новое золото и славу⁴. Однако не эти темы станут основным предметом нашего рассмотрения.

Обратим прежде всего внимание на самый кеннинг Христа. Если рассматривать это обозначение по частям (что не всегда правомерно для кеннинга), на первый взгляд, может показаться, что слово *vörðr* ‘хранитель, страж, защитник’ це-

ликом и полностью соответствует общехристианской традиция прославления Сына Божьего. Вместе с тем, даже не углубляясь в историю употребления этой лексемы у скальдов, нельзя не обратить внимание на тот несколько необычный факт, что Христос оказывается хранителем отнюдь не Норвегии или Скандинавии в целом, а стран, скандинавам хорошо известных, но заведомо лежащих за ее пределами. Христос и христианство, удивительным, образом, как бы отделены от державы самого умершего конунга, – в каком-то смысле, Вседержитель предстает перед нами правителем почитаемым, но иноземным.

На первую часть этого парадокса, как кажется, обратил внимание уже сам Снорри Стурлусон⁵. Приводя примеры кеннингов, с помощью которых подобает обозначать Христа, он немедленно указывает, что почти все из них годятся для обозначения земных конунгов конкретных стран или любых правителей вообще. Так, *конунгом Рима* может быть назван как Христос, так и римский кесарь, *конунгом Греции* – Христос и кесарь Миклагарда, *конунгом Иерусалима* – Христос и тот, кто правил Иерусалимом, а *хранителем или защитником людей* – любой из этих правителей⁶.

Приведенные в «Младшей Эдде» примеры из скальдов дохристианского времени не оставляют у нас ни малейших сомнений в том, что на Христа попросту переносятся традиционные обозначения земных царей (ср.: *grundar vörðr* «хранитель земли», *folkvörðr* «защитник народа» и т. п.).

С чем же мы имеем дело? Быть может перед нами – своего рода христианская риторика уподобления, перевернутая «с ног на голову», когда не земной правитель уподобляется Христу, а Христос становится подобием царя земного. Примеров инверсий такого рода в истории христианства множество, в разные исторические эпохи они могут наполняться различными смыслами. Однако в случае с погребальной драпой Арнора Скальда Ярлов, на наш взгляд, мы имеем дело с взаимодействием очень ранней, еще вполне «варварской» стадией освоения христианства и весьма изощренного, высоко формализованного поэтического языка.

Отметим, что тот, к кому возносятся мольбы за Харальда Сурового, назван не «владыкой Иордана» или «конунгом Рима»,

а именно «хранителем Греции и Гардов». Собственно говоря, особенно интересно, почему здесь появляется расширение — Гарды (Русь), поскольку кеннинг Христа, где упоминается Византия, уже однажды использовался в скальдической поэзии⁷. Почему же в поэме о Харальде Суровом появляются сразу две христианские страны, лежащие на Восточном пути?

Как кажется, ответ на этот вопрос не стоит переусложнять и видеть в этом, например, указание на собственно византийское и/или русское происхождение христианства в Скандинавии или влияние восточного обряда на поэзию скальдов, как это делали Е. А. Рыздзевская, О. Прицак и другие исследователи⁸. Судя по всему, главную роль здесь сыграла хорошо известная биография самого конунга Харальда, много лет служившего предводителем варягов при дворе византийского императора, неоднократно бывавшего на Руси и породнившегося с русским княжеским домом.

В определенном смысле, в сагах Харальду на Руси приписывается практически те же функции и обязанности, которые он исполнял в Византии. В Константинополе Харальд участвует в военных экспедициях и охраняет вместе со своими людьми императора. При дворе же своего будущего тестя, Ярослава Мудрого, он становится предводителем скандинавов, охранявших страну. Подчеркнем, что нас интересует сейчас не истинная историческая роль варяжской дружины в политической жизни Византии и Руси, а ее осмысление в скандинавской повествовательной и поэтической традиции. В прозаических текстах («Гнилая кожа», «Красивая кожа», «Круг Земной», «Хульда») Харальду приписывается статус «защитника страны», к нему применяется термин *landvarnarmaðr*, который нередко используется по отношению к варягам, поступившим на службу к иноземному государю⁹.

Таким образом, имея в виду обыденный смысл прозаического языка, выражение «страж, хранитель Греции и Гардов» («*Girkja vörð ok Garða*») практически синонимично тем характеристикам, которыми Харальд Суровый наделяется в сагах (*landvarnarmaðr*, *...höfðingi mikill ok hafði landvörn, höfðingi yfir landvarnarmönnum*)¹⁰. Подобная близость и провоцирует, по видимому, весьма необычное обозначение Христа в поминальной поэме о Харальде Суровом: Христос оказывается подобен

не земным государям вообще, но прежде всего тому конунгу, за которого молится скальд.

2.

Как уже отмечалось, в странах поздней христианизации, – таких, например, как Русь или Скандинавия, – усвоение христианских имен в первые века после крещения проистекало по-разному. Естественно, вместе с христианством в обиход было привнесено и множество новых имен. Церковь прилагала, по-видимому, немало усилий для их распространения, для того, чтобы все новообращенные именовались так, как подобает христианам. Однако и на Руси, и в Скандинавии, равно как и в других странах, принявших крещение в конце X–XI в., постепенная адаптация христианских имен поначалу вовсе не обязательно носила губительный, деструктивный для языческой традиции именования характер. Языческий, традиционный именослов проявляет поразительную живучесть, а наречение именем оказывается одной из самых устойчивых, консервативных областей культуры.

Так, столкнувшись с массовой «экспансией» христианского именослова, княжеская традиция на Руси немедленно выработала в качестве «ответной стратегии» двуименность – развитую и долгоживущую систему антропонимических пар (родовое, языческое имя + имя христианское, крестильное). В XI – первой половине XIII в. большинство князей из правившей здесь династии Рюриковичей упоминаются в источниках под своими династическими, языческими по происхождению именами (*Ярослав, Владимир, Всеволод, Мстислав* и т.д.), хотя у всех у них со времен крещения страны были и христианские имена (*Георгий, Василий, Андрей, Федор* и т.д.)¹¹.

При этом у христианских имен, равно как и у изображений святых, тезоименитых русским князьям, были свои репрезентативные функции, напрямую связанные с манифестацией власти. Далеко не всякий святой считался подходящим в качестве покровителя для члена правящего дома (соответственно, был ограничен и круг крестильных имен Рюриковичей домонгольской поры). В первую очередь предпочтение отдавалось образам святых-воинов и, разумеется, не последнее место среди них занимал архистратиг Михаил.

Именно его изображение мы находим на печатях одного из русских князей, обладавшего киевским столом в XI в., Святополка Изяславича, внука Ярослава Мудрого. Из летописи же мы знаем, что его христианским именем и в самом деле было *Михаил*¹². В чем же, однако, заключается необычность в печати и, соответственно, в имянаречении этого правителя?

Дело в том, что большинство крестильных имен Рюриковичей по своей семантике напрямую не соотносились с их родовыми династическими именами. В самом деле, едва ли возможно объяснить, что общего в имени *Дмитрий* и *Изяслав* (так звали отца нашего Святополка), или, например, в именах *Всеволод* и *Андрей* (так именовался его дядя). В данном же случае перед нами явное ассоциативное связывание архистратига Михаила, предводителя небесного воинства, и имени *Святополк*.

Изначально это последнее имя, языческое по происхождению, ничего общего не имело с христианским святым воинством. Однако уже очень рано антропонимическая основа *Свят*— начинает осмысляться на Руси вполне закономерным образом в контексте святости собственно христианской, что вместе с прозрачным «милитарным» характером второй основы —*полк*, и создавало непосредственную почву для соотнесения этого имени с фигурой архистратига.

Подчеркнем, однако, что ни о каком буквальном переводе имен здесь нет и речи: семантика славянского имени никоим образом не тождественна семантике имени древнееврейского (*Михаил*, как известно, означает ‘кто как Бог’). Сближение строится по модели библейский образ — семантика славянского имени. Оговоримся также, что автором этой ономастической шарады (если таковая имела место) являлся, конечно же, не сам обладатель имен *Михаил* и *Святополк*, а его отец или дед, то есть старший родич и близкие к нему духовные лица, которые выбирали крестильное и династическое имя для новорожденного. Именно их выбор и нашел свое отражение на княжеской печати, когда повзрослевший князь получил, наконец, возможность распоряжаться частью родового наследия.

В целом же в изображении святых на княжеских печатях складывалась своя традиция, успевшая претерпеть за домонгольское время (конец X — первая половина XIII в.) ряд эво-

люционных изменений. Так, в XII столетии сформировался устойчивый тип княжеской печати, когда на лицевой стороне изображался святой покровитель самого владельца печати, тогда как на оборотной – небесный покровитель его отца¹³. Печать, таким образом, становилась материальным воплощением христианского имени и отчества князя. Для передачи идеи неразрывной преемственности власти и создания своеобразной небесной генеалогии святых покровителей Рюриковичей такого рода иконографическое решение оказалось настолько удачным, что ему нашлось место на печатях множества представителей рода, правивших в эту эпоху.

Тем не менее, в начале XIII столетия – времени в целом переломного для истории княжеского антропонимикона¹⁴, на фоне относительного единообразия княжеских печатей появляется артефакт несколько иного рода. Ярослав Всеволодич, один сыновей знаменитого Всеволода Большое Гнездо и отец еще более знаменитого в наше время Александра Невского, на одной стороне своей печати вполне традиционным образом помещает изображение своего патрона, св. Федора, а на другой – вместо ожидаемого св. Дмитрия, небесного покровителя его отца – образ Христа Пантократора.

Достаточно даже поверхностного знакомства с русской сфрагистикой, чтобы оценить всю неожиданность и, так сказать, революционность подобного шага¹⁵. Эта революционность тем очевиднее, что большинство властных притязаний князя Ярослава было осуществимо постольку, поскольку ему удавалось отстоять свои особые права на отцовское наследие. Преемственность по отношению к отцу, актуальная, разумеется, для всякого Рюриковича, для него – одного из многих сыновей великого князя – обладала особой значимостью. В этом отношении весьма показателен диалог этого князя с жителями Переяславля, приведенный в летописи. Ярослав Всеволодич обращается к горожанам с речью, говоря о том, что отец его умер, завещав ему Переяславль Залесский, и спрашивает их, согласны ли они принять его князем, как принимали его отца. Жители же города отвечают Ярославу:

Велми, г(о)с(поди)не, тако буди, ты нашъ г(о)с(поди)нъ, ты Всеволодъ¹⁶.

Несколько упрощая дело, можно сказать, что право на отцовское имя приравняется, отождествляется для него с правом на власть.

Чтобы еще более усилить контраст, отметим, что ранние печати Ярослава вполне традиционны: на одной стороне изображен св. Федор, а на другой св. Дмитрий, причем фигуры обоих воинов-мучеников иконографически сходны¹⁷. Почему же позднее печать Ярослава Всеволодича претерпевает столь кардинальные изменения? Почему отцовский патрональный святой и, соответственно, отцовское крестильное имя исчезли с его печати? В довершение всего здесь необходимо указать, что Христос Пантократор был абсолютно новым образом для русских княжеских печатей, иными словами, он не использовался и до того времени, когда господствующим стал тип печати с изображением двух святых¹⁸. Весьма существенно, что достаточно сходный образ Христа на престоле появляется в конце XII в. в Византии, однако русская сфрагистическая традиция была в ту эпоху вполне независима и не допустила бы простого копирования византийских образцов без достаточно веских на то оснований.

Как кажется, объяснить «чудесное исчезновение» св. Дмитрия и появление на его месте Христа на престоле можно в том случае, если мы обратим внимание на внутреннюю форму нехристианского отчества князя Ярослава. Соположив имя *Всеволод* и эпитет *Пантократор* 'Вседержитель', мы убедимся, что апелляция к отцовским властным привилегиям никуда не исчезала с печати сына. Значение и внутренняя форма языческого по происхождению княжеского имени *Всеволод* впервые публично становились предметом осмысления в сугубо христианской перспективе, переводились на язык христианской иконографии, напрямую соотносились с семантикой эпитета. Прежде изображение отцовского патронального святого опосредованно, но вполне наглядно отсылало к христианскому имени отца. Теперь же образ Христа Вседержителя ассоциировался с отцовским родовым именем.

Таким образом, сфрагистическое решение князя Ярослава Всеволодича оказалось, с одной стороны, исключительно новаторским, а с другой, вполне традиционным, что весьма удачно укладывалось в контекст переломной эпохи, когда пра-

вящему дому Рюриковичей, успевшему обрасти собственным укладом в почитании святых, приходилось искать новые приемы репрезентации власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, в XII в. в Исландии была предпринята реформа, призванная изменить названия дней недели, изначально содержавшие имена языческих богов, однако на общем фоне это предприятие выглядит не более чем культурно-историческим казусом. Никому, по-видимому, не приходило в голову, что христианскому епископу не подобает зваться *Торлаком* (*Þór-lákr*), или что местность под названием *Оденсе* (= *Óðins-vé* «святилище Одина») с принятием и укоренением новой веры должно называться как-то иначе.

² *Bænir hefja fyr beini // bragna falls við snjallan // Girkja vörð ok Garða; gjöf launak svá jöfri = Hefja bænir fyr beini bragna falls við snjallan Girkja vörð ok Garða; launak svá jöfri gjöf* (Skj. I B. S. 326).

³ См. подробнее об этом: *Успенский Ф.Б.* Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 288–289.

⁴ Об этом клише см. подробнее: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2 / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. С. 135–188 (Труды по филологии и истории).

⁵ См.: SnE. S. 121–123.

⁶ Впрочем, параллелизм этот, как и многие ряды соответствий у Снорри, довольно обманчив. Так, Христос может обозначаться, согласно Снорри, кеннингом «конунг ангелов» (*engla konungr*), а в перечне кеннингов для земных правителей на этом месте появляется «конунг англоv», который правит Англией (*Englakonungr*) (SnE. S. 122–123). Это нарочитое смешение англичан и ангелов восходит, по всей видимости, к рассказу Беды Достопочтенного о папе Григории Великом, предрекшем крещение Британии.

⁷ Так, Торарин Славослов в поэме «Выкуп за голову», сочиненной в 1026 г., говорит, что «Кнут защищает землю как хранитель Греции (= Христос) – небесное царство»: *Knútr verr grund sem göetir // Griklands himinriki* (Skj. I B. S. 298).

⁸ См.: *Рыдзевская Е.А.* Легенда о князе Владимире в Саге об Олафе Трюггвасоне // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 7. Примеч. 2; *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Old Scandinavian Sources other than Sagas. Vol. 1. Cambridge (Mass.), 1981. P. 253; ср.: *Johnsen A.O.* Harald Hardrådes Død i Skaldediktningen // Maal og Minne.

1969. S. 49–50; *Kubn H.* Das älteste Christenthum Islands // *Zeitschrift für deutsches Alterthum*. 1971. Bd. 100. S. 14–15.

⁹ Так характеризуется, в частности, будущий оркнейский ярл Рёгнвальд сын Бруси, который вместе с Харальдом Суровым служил на Руси у Ярослава (*Orkneyinga saga* / *Finnbogi Guðmundsson gaf út*. Reykjavík, 1965. (Íslenzk fornrit. Bnd. 34.) Kap. XXI. Bls. 53–54), не говоря уж о самом знаменитом варяге русской историографии – Эймунде Хрингссоне, герое одноименной «Пряди об Эймунде».

¹⁰ У Снорри, в частности, приведен ряд подобных обозначений земных правителей: *Konunga alla er rétt at kenna svá, at kalla þá landráðendr eða landz-vörðu eða landz-sœki eða hirðstjóra eða vörð landfólks* [курсив мой. – Ф.У.] «Всех конунгов правильно обозначать «правителями страны» или «защитниками страны» или «завоевателями страны» или «предводителями дружин» или «защитниками народа»» (SnE. S. 123). Характерно, что среди них нет термина *landvarnarmaðr*, который остается, по-видимому, принадлежностью языка прозы.

¹¹ См. подробнее: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 111–175.

¹² См.: ПСРЛ. Т. II. М., 2001. Стб. 275 под 1113 г.; ср. ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 289; ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 143; Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864. (Издание Археографической комиссии.) С. 155; Житие и Хождение Даниила Русьская земли игумена 1106–1107 / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1885. (3-й и 9-й выпуски Православного Палестинского сборника.) С. 140; ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 313.

¹³ См.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I: Печати X – начала XIII в. Т. II: Новгородские печати XIII–XV в. М., 1970. Т. I. С. 87–132; Т. II. С. 6–14; Он же. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

¹⁴ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 163–171.

¹⁵ Ср.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. С. 20.

¹⁶ См.: ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 130 под 1213 г.

¹⁷ См.: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 141. № 206а–2, 3, 4.

¹⁸ Некоторые исследователи склонны усматривать изображение Христа Пантократора в тронной фигуре на уникальной печати, атрибутируемой князю Святославу Ярославичу († 1076 г.) (*Белецкий С. В.*

Сфрагистика // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 281. Рис. 10, 17). Однако надписи, позволяющей сделать вывод о том, что перед нами Иисус Христос, на этой булле нет. Более убедительной представляется точка зрения В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова, согласно которой тронная фигура на печати Святослава Ярославича изображает самого князя-автократора (*Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. С. 19–20*), что, по-видимому, было вполне принято в первой половине XI в.. Кроме того, образ Пантократора обнаруживается, как известно, на ранних монетах, монетах крестителя Руси Владимира Святого († 1015 г.). Здесь мы видим поясное изображение Христа Пантократора на одной стороне и самого князя, сидящего на престоле, на другой с надписью «Владимир(ъ) на столе», «Владимир(ъ), а се его серебро» (или, соответственно, «злато»), «Владимир(ъ) на столе, а се его серебро» или просто «Владимир(ъ)» (*Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983. С. 115–180*).

П. Женюх

КИРИЛЛИЧЕСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОД КАРПАТАМИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СЛОВАКИИ)*

Развитие населения на территории Восточной Словакии¹ и Подкарпатской Руси связано похожим культурным контекстом, с древнейших времен обусловленным конфессиональными, общественными и политическими условиями, в которых формировалась словацкая и русинская религиозная и культурная идентичность. Именно историческое развитие и культурные реалии среды, в которой формировались русинский и словацкий этносы, создали условия для сохранения традиции и культурных ценностей, позволивших им вместе вступать в естественные исторические и политически интегрированные коллективы. Такая модель идентичности, основанной на коммуникации и культурном взаимодействии, хорошо объясняет сосуществование словацкого и русинского населения под Карпатами, где обе этнические, языковые и культурные группы в течение столетий взаимных контактов оказывали друг на друга значительное влияние. Словаки и русины в Восточной Словакии и в Подкарпатской Руси с древнейших времен в важнейших исторических моментах выступали сообща; не произошло ни одного общественного, конфессионального или экономического переворота, не возникло ни одного крестьянского восстания, ни какого-либо иного организованного или спонтанного движения, в котором бы не принимали участия совместно словаки и русины². В рассматриваемой среде обе национальности сближала и религия, то есть византийско-сла-

* Статья написана в рамках работы над проектом APVV-14-0029 CyrSlav «Кириллическая письменность в Словакии до конца XVIII в.».

вянский обряд, церковная уния, экономическое и общественное равноправие духовенства восточного обряда с латинским духовенством, греко-католическое вероисповедание и ориентация на Рим и папу римского.

Особую роль в этом процессе сыграл иезуитский Трнавский университет, в котором учились известные деятели культурной и конфессиональной жизни словацкого и русинского общества. Именно это способствовало укреплению позитивных отношений византийско-славянской конфессиональной среды со словацкой культурой, находящейся под влиянием латинской религиозной традиции. Таким образом, формирование культурного самосознания жителей Словакии происходило посредством латинского и церковнославянского просвещения.

Авторами латинских произведений, посвященных проблематике византийско-славянской среды на северо-востоке Венгерского королевства, были и известные представители словацкой культурной и общественной жизни. К ним принадлежат такие личности, как Матей Бел³, словацкий эрудит и патриот, который в описании восточнословацких комитатов представил русинский этнос; Франтишек Адам Коллар, который служил при императорском дворе в Вене хранителем библиотеки. Последний подготовил список аргументов, подтверждающих древность греческой церкви славянской традиции в Венгерском королевстве; его работа «*De ortu, progressu et incolatu nationis Ruthenicae in Hungaria*» была написана в 1769 г. и, хотя и осталась в рукописи, служила нуждам королевской канцелярии. Это произведение послужило и епископам М. Ольшавскому и А. Бачинскому при аргументации в пользу архаичности славянской церковной традиции в Габсбургской монархии⁴. Забегая вперед, отметим, что греко-католическим священникам были известны и работы словацкого иезуита Самуэля Тимона, особенно его произведение «*Imago antiquae Hungariae*» (1733). Оно служило доказательством в пользу автохтонности славян в Среднедунайском регионе и их значимости при формировании Венгерского королевства⁵.

О влиянии словацкого национального возрождения на русинскую интеллигенцию свидетельствует участие Адольфа Добрянского, Иосифа Шолтыса, Александра Даницкого,

Михаила Висяника в работе над «Меморандумом венгерских русинов» («*Memorandum uhorských Rusínov*», 1849), который возник по образцу «Ходатайств словацкого народа» («*Žiadosti slovenského národa*», 1848). Русинские патриоты в своем меморандуме по примеру словаков требовали введения русинского языка в школах, издания русинских газет, соразмерного представительства своего народа в учреждениях и армии. Русинские поэты и писатели публиковались в словацких литературных альманахах, участвовали в работе Матицы словенской (*Matica slovenská*) или сотрудничали с ней (Иосиф Гаганец, Виктор Добрянский, Корнел Добрянский, Виктор Ладомерский, Петр Петрашович и др.). Видные представители словацкого национального возрождения – Вильям Паулини-Тот, Ян Францисци, Андрей Радлинский, Франтишек Витязослав Сасинек, Йонаш Заборский, Людовит Штур, Павел Йозеф Шафарик – живо интересовались русинской проблематикой.

Местная греко-католическая интеллигенция получала образование не только в иезуитском университете в Трнаве или в венском Барбареуме, но после возникновения богословской и учительской семинарии также в Ужгороде. Студенты-теологи после посвящения в сан получали статус, соответствующий правам дворянского сословия в Венгерском королевстве, что давало им возможность участвовать в работе местной администрации. Андрей Дешко пишет, что вся власть в греко-католической церкви в Восточной Словакии и в Подкарпатской Руси была сосредоточена в руках епископов⁶, которых по обычному праву выбирал король из наиболее достойных неженатых священников. Королевский выбор должен был подтвердить понтифик, после чего следовало рукоположение избранного кандидата в сан епископа. Церемония проходила при участии карпатских (включая румынских) или галичских архиереев⁷. Кроме того, в одной из двух греко-католических епархий жили и словацкие верующие византийского обряда⁸. Если верить Дешко, то первым епископом, который отказался от бороды и длинных волос был Василие Попович. Впрочем, добавляет автор, только некоторые старые священники носят бороду⁹.

Это замечание указывает на стремление греко-католического клира уподобиться римско-католическим священникам, с которыми их уравнил в правах диплом императора Леопольд-

да I (1692). Выравнивание в правах греко-католического духовенства и латинского клира было долговременным и сложным процессом. Так, этим дипломом Леопольд освободил объединенных с Римом священников византийского обряда от крепостной зависимости в Венгерском королевстве. Но только диплом императора Карла VI (как венгерский король Карл III), изданный в 1721 г., распространил это право и на членов семей греко-католического клира. В конечном итоге эта практика поспособствовала возникновению своеобразного закрытого слоя или социальной группы, доступ в которую другие адепты, например, крестьяне, могли получить только в исключительных случаях (главным образом выкупом из крепостничества)¹⁰.

Людовит Хараксим отмечает, что греко-католическое духовенство даже после повышения социального статуса не обособилось от простого народа, как это происходило с теми русинами, которые стали дворянами или в поиске средств к существованию переехали в города и городки Восточной Словакии и Закарпатья¹¹. Последние обычно диссимилировались, то есть вычленились из русинского общества, и примыкали к тем слоям нерусинского населения, к которому принадлежали по социальному положению. На практике это значило, что мелкие дворяне русинского происхождения смешивались с преимущественно венгерским привилегированным сословием, а русинская городская прослойка увеличилась за счет городской бедноты. И те и другие отделились от русинского общества, не участвовали в его жизни.

Рассмотренные факты свидетельствуют не только о возникновении духовного сословия, но и о формировании интеллигенции из рядов представителей культурной и общественной жизни, связанной с византийским обрядом. В то же время на передний план выходят и сложные социальные, этнические и языковые отношения в среде церкви византийско-славянского обряда в Мукачевской епархии. Это подтверждают и письменные памятники, созданные выходцами из культурной или духовной среды византийско-славянской церкви. К ним относится, например, историко-толковый и образовательный кириллический рукописный труд Михаила Брадача «*Исторія церковнаа Новага Завѣту*» второй половины XVIII в.

Михаил Брадач (1740–1815) был известным греко-католическим историком, братом мукачевского владыки Иоанна (1767–1772). Преподавал в ужгородской духовной семинарии, и в период «золотого века» Мукачевской епархии на рубеже XVIII и XIX вв. тесно сотрудничал с греко-католическим епископом-просветителем Андреем Бачинским. В 1790 г. Михаил Брадач стал кошицким викарием Мукачевской епархии, а с 1809 г. также главным викарием Мукачевской епархии. В 2009 г. в библиотеке Греко-католического теологического факультета была найдена копия изложения истории М. Брадача. В произведении «*Исторія церковнаа Новаго Завѣту*», которое во время наших архивных исследований в 2007 г. находилось в библиотеке Ужгородского национального университета, М. Брадач уделил особое внимание славянской литургической традиции, византийско-славянскому обряду и деятельности Константина и Мефодия в Великой Моравии, а также переводу библейских и литургических текстов на церковнославянский язык. Также он интересовался происхождением славян, отметил важную роль первых великоморавских князей Моймира, Коцела, Рагислава и Святополка при формировании империи, большинство населения и территории которой впоследствии вошло в состав Венгерского королевства.

В своем произведении М. Брадач также уделил внимание заслугам славянских учителей Кирилла и Мефодия при распространении веры и славянского языка в литургии не только среди населения Великой Моравии, но с помощью их учеников, и среди жителей чешских земель, Польши, Болгарии и Руси. В его исторических произведениях и других кириллических рукописных памятниках можно встретиться с наименованием словаков «*Товти, Славы, Славне, Словаки*»¹², причем именно этноним *словак* (*Sloviak* или *Sloujak*) является диалектной его формой *словак* (*Slovák*) в Восточной Словакии. В этой связи Ян Станислав приводит и примеры имен собственных, которые известны на восточнословацкой и остальной словацкой территории, например, Новяк или Суровяк (*Noviak, Suroviak*)¹³; к ним принадлежат и такие имена, как Скибьяк, Бабьяк, Гуторяк, Старяк, Дзуряк (*Skybjak, Babjak, Hutorjak, Starjak, Dzuriak*) и другие. В лексеме *словак* (*Sloviak/Sloujak*) встречается мягкий

согласный [в'], который в рамках корреляции по твердости-мягкости составляет пару с твердым [в]. Именно корреляция по твердости/мягкости согласных б-б', п-п', м-м', в-в' вместе с мягкими согласными ш' и ж' находят отражение в восточнословацких диалектах в практически неизменной форме до настоящего времени. Лучше всего указанная корреляция по твердости/мягкости сохранилась в сотацкой и ужской языковой области.¹⁴

Брадач опирался на такого классика античной историографии, как Иосиф Флавий, который ведет происхождение славян от Иафета, сына Ноя. Эту идею, получившую известность в европейской литературе эпохи Возрождения и барокко, Брадач заимствовал из сочинения Исидора Севильского «Этимологии» («*Origines sive Etymologiae*»). Далее он цитирует «Географию» Страбона, «Об управлении империей» Константина Багрянородного и Прокопия Кесарийского, который в «Истории войн римлян с персами, вандалами и готами» сообщил ценные сведения о славянах на территории вдоль нижнего течения Дуная – так называемых *склавенах*. Далее Брадач выбирал цитаты и описания славян из таких произведений, как «Киево-Печерский патерик» (начало XIII в.), «Повесть временных лет», «Хроника» Яна Длугоша, рукописный «Синаксарь», сборник канонических житий святых и легенд на праздники церковного года, а также «Баварские анналы» историка-гуманиста Иоганна Авентина (1477–1534). Последнее сочинение очень ценится в словацкой и славянской историографии прежде всего из-за описания битвы у Братиславы в 907 г. и других важных событий вплоть до 1460 г.

М. Брадачу было известно и произведение Андреа Дандола (1306–1354), венецианского дожа и автора латинской хроники о крещении и истории хорватов. Как видно, он был вдохновлен идеями илиризма, которые оказали значительное влияние и на словацких историографов. Об этом свидетельствует другая цитированная Брадачем историографическая работа «*Memoria regnum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*» Юрая Раткая (1612–1666) – загребского каноника и историка, которая вышла в Загребе в 1652 г. и переиздана в 1772 г. в Вене, в типографии Й. фон Курцбёка. Этот труд стал доступен Брадачу в то время, когда в Ужгороде создавались ус-

ловия для обучения греко-католического клира в собственной семинарии. Он цитировал и Павла Юлинаца (1731–1785), патриота, дипломата и офицера русской армии, опубликовавшего в 1765 г. в Венеции произведение «Краткое введєніє въ історію происхожденія славено-сербскаго народа», в котором описал сербскую историю. Брадач знал и сочинение Даниэля Фарлата «*Illyricum sacrum*» (Венеция, 1751–1819), где автор объяснял происхождение церкви в Иллирии и сравнивал его с церковной средой в Мукачевской епархии.

В аргументации о происхождении славян, а особенно об их религиозности, Брадач опирался на Иоахима Пастора фон Хиртенбергера (1611–1681) – представителя Лютеранской церкви и сторонника кальвинизма и арианства в Польше. В 1652 г. во Франции он опубликовал латинское сочинение, где описал войны с казаками. Там же автор дал свои объяснения названиям отдельных славянских народов. В связи с изложением происхождения славян Брадач сослался и на работу первого чешского слависта, который занимался историей культуры и этнологией славян, Вацлава Фортуната Дуриха (1735–1802). Его диссертация «*De Slavo-Bohemica Sacri Codicis versione*» вышла в Праге в 1777 г. Факты, связанные с биографиями деятелей Византийско-славянской церкви в восточнославянской среде, Брадач почерпнул у Игнатия Кульчинского – известного греко-католического деятеля, который получил образование в Риме, где стал генеральным прокуратором василианской конгрегации и издал несколько заслуживающих внимания произведений по истории церкви византийского обряда. Репринт его сочинения «*Specimen Ecclesiae Ruthenicae*» вышел и в 1859 г., а в 1970 г. – в виде факсимиле.

Особо Брадач сосредоточился на истории и происхождении местной христианской традиции, опираясь на упомянутого выше Самуэля Тимона. Он цитирует его «*Imago antiquae Hungariae*», заимствует из нее названия славянских племен и вдохновляется идеей об автохтонности славян в среднедунайском регионе и идеей участия словаков при формировании Венгерского королевства. Особо Брадач выделил важность прихода равноапостольных солунских братьев Кирилла и Мефодия в Великую Моравию, их перевода библей-

ских и литургических текстов на церковный язык; объяснил также и роль первых великоморавских князей Моймира, Коцела, Растислава и Святополка при формировании Великоморавской империи, большая часть территории которой впоследствии вошла в состав Венгерского королевства.¹⁵

В некотором роде предшественником историографической работы Брадача является краткое изложение об истории церкви византийско-славянского обряда с конца сороковых лет XVIII в. под названием *«Пам'ятное, ѿ ѿбращеній к' вири Христовой Народа Слав'енского»*, которое находится в рукописном катехизисе из Мукачева. Рукопись дошла до нашего времени в очень поврежденном виде. Отсутствует титульный лист, многие страницы под влиянием влажности почернели, а некоторые листы совсем распадаются. На листах 33v и 40v – различные записи и пробы пера; на некоторых по латинской традиции записан год: *Анто 1747 (?)*. На полях листа 17r текст написан иным типом письма и другой рукой: *«Стисася оу мокачови году 1773 Андріємъ Грьбовскимъ»*. На развороте 32r–33r помещен катехизис, или толкование к пяти этапам принятия крещения славянскими народами в Киевской Руси, который был написан под влиянием печерской летописи Нестора, в котором первая стадия принятия христианства славян связана с именем апостола Андрея, вторая – со святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, третья относится ко времени патриарха Фотия, четвертая связана с крещением княгини Ольги, а пятая с крещением киевского князя св. Владимира¹⁶.

В упомянутом катехетическом изложении учения об истории византийской церкви однако приводится и ссылка на буллу *«Industriae tuae»* папы Иоанна VIII 880 г., которая адресована великоморавским князьям и не только позволяет использование славянской литургии, но и обязывает читать Евангелие при отправлении богослужения на славянском и латинском языках. За этим текстом следует документ, заимствованный из *«Истории архиепископов Салоны и Сплита»* (*«Historia Salonitana»*) архидиакона Фомы Сплитского (1200–1268), где говорится об отправлении обрядов на славянском языке в области Далмации. Указывается, что и здесь, на этой территории, развивались две формы западного христианства, которые проводили обряды римской церкви на латинском и славянском

языке. Это сравнение приведено в связи с использованием славянского богослужебного языка в церкви византийско-славянского обряда в Венгерском королевстве.

После падения Великой Моравии, когда часть великоморавского духовенства покинула страну, переселившись в том числе и в Чехию, на незаселенной территории около Сазавы при монахе и священнике Прокопе в начале X в. началось формирование сообщества отшельников. Впоследствии при пустыни был построен Сазавский монастырь, в котором стремились сохранить кирилло-мефодиевское наследие на славянском языке. После смерти святого Прокопа (1053) Вратислав II (1061–1092) стремился ограничить положение пражского епископства, зависимого от франкского духовенства. Поэтому в 1063 г. он отделил от пражской епархии моравскую часть и создал оломоуцкую суфраганную епископскую резиденцию, подчиняющуюся майнцскому архиепископу¹⁷.

О дальнейшей недоброжелательности чешского и моравского латинского духовенства свидетельствует письмо (1273 г.) оломоуцкого епископа Бруно к папе Григорию X (1271–1276), где тот выражает опасение по поводу усиления церкви византийского обряда в Венгерском королевстве. Я. Гусек отметил усиление борьбы против славянских и греческих схизматиков во времена правления королей Анжуйской династии – Карла Роберта и Людовика (Лайоша) I Великого (1301–1342; 1342–1382)¹⁸. Однако в этом нельзя усматривать стремление практического искоренения славянской церкви. Осторожность при распространении византийской церковно-обрядовой практики в то время объяснялась прежде всего наступлением валашской колонизации. Ш. Маринчак, например, указал на запись о существовании с 1273 г. паломнической часовни Девы Марии в Спише, где при латинском обряде сохранялся и обряд «старославянский»¹⁹. По всей вероятности люди, паломники, приходящие издалека, читали молитву «Богородице дѣво» *«juxta traditionem»*. В валашской колонизации оломоуцкий епископ Бруно видел усиление византийской традиции в Венгерском королевстве. Вероятно, что после схизмы это считалось ересью или сектантством²⁰.

Почитание кирилло-мефодиевской традиции продолжалось и после падения Великой Моравии в обрядово латинской

среде в Словакии, Чехии, Хорватии и Польше, что проявилось в легендах, повестях и хрониках²¹. Например, «Далимилова хроника» (XIV в.) дает информацию о Мефодии как архиепископе, который проводил богослужение на славянском языке. Именно в то время были распространены представления о болгарско-русском происхождении византийской образованности в славянском контексте. Латинский запад, однако, византийско-славянскую церковь, как уже упоминалось, считал еретической или сектантской. Именно в этом необходимо искать объяснение обозначения Далимилом мефодиевой конфессиональной принадлежности. Хроника возникла в период, когда в Венгерском королевстве распространялась и валашская колонизация и (снова) византийская церковь из восточнославянской (руської) среды. Таким образом, обозначение Мефодия русином обозначило его религиозную, обрядовую, византино-славянскую идентичность²².

Следующим кириллическим произведением, которое освящает традицию византийского христианства под Карпатами, является церковнославянский герменевтический текст 1799 г. неизвестного автора, объясняющего происхождение Священного Писания, значение и важность изучения древнееврейского, греческого и латинского языков при переводе оригинала на славянские языки. Отдельно отмечены заслуги славянских учителей Кирилла и Мефодия при распространении старейшего церковного языка славян и указано значение византийско-славянской литургии при сохранении местной литургической практики. Представителей византийской традиции в Венгерском королевстве автор произведения разделяет на *славено-росиян* («Славено-Росіане») и *славено-угров* («Славено-Оутре»), которые не только соблюдают богослужебные обряды восточной церкви, но и при отправлении литургии используют константинов перевод Священного Писания. Словом «славено-росияне» автор рукописи называет тех славян, которые имеют руськое, восточнославянское происхождение (в Венгрии это были русины, украинцы, русские). Остальных прихожан византийской церкви славянского происхождения в Венгерском королевстве автор называет термином «славено-угры». На других территориях к тем славянам, которые используют перевод Библии Константина,

кроме «славено-росиян» относятся и хорваты (очевидно тут идет речь о глаголашах, которые однако отправляют литургию в соответствии с латинской обрядовой традицией, но используют славянский язык и свои литургические тексты записывают младшей, квадратной формой глаголицы; в тексте называются наследниками древней церковной традиции). Автор герменевтического произведения под наименованием «славено-угры» понимает и славянских представителей византийско-славянской традиции в Венгерском королевстве²³. В этой связи напомним, что для обозначения православных сербов в кириллических рукописях используется наименование «рацы, сербы».

К историко-литургическим произведениям принадлежит и рукопись второй половины или конца XVIII в. под названием «Разглаголствіе ѿ Літургій шаломской», которая находится в библиотеке Греко-католического теологического факультета в Прешове. Данная рукопись вместе с произведением Иоанникия Базиловича «Толкованіе Священныя Літургій Новаго Закона истинныя Безкровныя Жертвы» (1815) создает целостную картину литургическо-обрядовой практики в Мукачевской епархии до самого выделения и основания Прешовской епархии папской буллой «*Relata semper*» от 22 сентября 1818 г. Там содержится толкование отдельных частей вечерни, утрени, литургии, полуночной и других служб по константинопольской традиции. Рукопись приближает богослужебный порядок дневного круга (так называемая литургия часов с пением гимнов и псалмов) вместе с евхаристическим сборником песен²⁴. Заимствования и совпадения понимаются как естественные результаты преемственности и восприимчивости местной литургической традиции. Уникальность карпатской византийско-славянской традиции понимается в рукописи как результат сложившейся культурно-религиозной, географической и относительной политической автономии и независимости в восточнославянском культурном и конфессиональном развитии. Особую заслугу в поддержании обособленности этой местной традиции имеют носители и прихожане византийско-славянского обряда различного этнического и языкового происхождения, среди которых находятся словаки, русины, украинцы, румыны, поляки и др.

Особого внимания заслуживает рукописное повествование о священной литургии и о том, почему поют, почему читают часы и почему служба проходит на славянском языке, которое является частью рукописной книги проповедей и толкований к житиям святых от попа Игнатия середины XVII в. Рукопись хранится в фонде этнографа, языковеда и библиографа Гиадора Стрипского (известного также под псевдонимами Белонь Русинский, Биленький) архива Общества имени святого Войтеха в Трнаве. В связи со служением литургии на славянском языке в тексте поучения сказано, что в богослужении участвуют простые люди, которые однако не только не понимают литургического греческого, латинского или древнееврейского языка, но часто не понимают и славянского литургического языка. Далее констатируется, что народный язык отличается от письменного литургического языка, от которого он отделился, отлучился. Это показано на примерах: славяне давно называли тело «трупом», палец – «перстом», а мужчину – «отроком». Верующие восточной (славянской) церкви однако до сих пор отправляют литургию на славянском языке. Свой литургический язык они называли болгарским, который в то время хорошо понимали, пока от него не отделились отдельные славянские говоры.

Здесь ясно отражается влияние традиции о болгарском происхождении византийско-славянской культуры и языка в среде византийско-славянской литургической практики. Простой верующий сможет понять церковнославянский язык только тогда, когда будет целенаправленно изучать его посредством чтения Священного Писания. Аналогичная ситуация наблюдается повсюду: разные народы отправляют литургию на древнееврейском, греческом, латинском, халдейском, а также на славянских языках. Поэтому и Тридентский собор, как сказано в данном произведении, не позволил проводить богослужебные обряды на других простых (народных) языках, а только на тех языках, которые утвердились и установились в церкви с течением веков. Таким установленным языком является и славянский литургический язык²⁵.

В рамках местной письменной культуры такие рукописи создают особый, уникальный цикл письменности. Например, различные кириллические рукописные книги проповедей

и сборники содержат толкования и поучения, апокрифы, легенды, повести и сборники рассказов о житиях святых и происхождении праздников, которые возникали или праздновались и в среде церкви византийского обряда в Восточной Словакии. Ареальную, локальную или местную уникальность таких рукописей усиливают записанные в них реалии; чаще всего это примеры из истории, местной среды и жизни населения. Таким образом создается идентификационный знак местных проповедей, легенд, повестей или толкований. На фоне житий можно судить и о почитании святых,²⁶ распространении их культа в местной церкви византийско-славянской традиции. «Тереблянский пролог», к сожалению, сохранился не полностью; до нас дошла только первая его часть, которая начинается с сентября в соответствии с календарным циклом византийского обряда и заканчивается февралем²⁷.

Язык рукописного «Тереблянского пролога» был подвержен влиянию восточнославянской редакции церковнославянского языка, в котором проявляются следы болгарской книжной школы. В Пролог входят и переписанные тексты из «Лимонаря, точнее Цветника» («*Лимонарь, сирѣчь Цвѣтъникъ*»). «Лимонарь» возник для нужд славянской церкви византийского обряда как перевод текстов с греческого рукописного оригинала «*Leimwnarion*» VIII в. Славянский «Цветник» вышел и в печатном виде в Киеве в 1626 г. В рукописи «Тереблянского пролога» не только отражается среднеболгарская книжная школа с влияниями русьской церковнославянской традиции, но и содержится множество элементов из местной диалектной среды с лексикальными, морфологическими и фонетическими заимствованиями русинско-украинского, польского и словацкого происхождения, например: хижа и хыжа, одевь, ковачь, батогъ, пазжха, корчма и корчма, сварити, днѡвъ вместо дней, година в значении 'bodina, час', цили, господарь²⁸ и другие.

Не следует забывать и о мариапочском варианте грамматики Арсения Коцака 1772–1778 гг.²⁹ На основе этой грамматики можно судить о фонетической структуре использованного варианта церковнославянского языка в среде восточнословацких и подкарпатско-руських греко-католиков во второй половине XVIII в.³⁰ Кроме того существует еще один список этой грамматики 1788 г., находящаяся в Ужгородском краеведчес-

ком музее под названием *«Граматика рускаа, или паче рекии славенскаа не онаа дѣтинскаа, но паче отроческаа <...> нос-восложеннаа и списаннаа <...> в обители Имстичевской иже есть на горѣ Дыеканской игумена предостойнѣйшаго ирем. Арсениа Коцака <...>»*. Грамматика была учебным пособием для освоения местного варианта церковнославянского языка. Ее задачей было воспитание молодежи: не только хорошо научить их писать и читать, но и правильно и чисто говорить и понимать как письменные, так и устные церковные и светские тексты. По словам автора, это был духовный синтез грамматики языка, поэтики и риторики, и необходима она была тем, кто учится правильно читать, писать, петь и правильно понимать благотворные и правдивые свидетельства христианского вероучения.

К традиции местной церкви также несомненно принадлежит и вариант (редакция) литургического церковнославянского языка, который с историко-языковой точки зрения соответствует развитию национального языка. Греко-католики или православные верующие в Восточной Словакии в частных отношениях использовали родной язык (словацкие, русинские, украинские диалекты), а при богослужебных обрядах – церковнославянский язык. В письменной форме однако использовалась такая форма языка, которая находилась между литургическим и народным языком. Письменная, или же книжная формы языка, связана с его общественным применением вне литургической среды. Кириллическое письмо в церкви византийско-славянского обряда в Восточной Словакии в XVIII и XIX вв. использовалось, например, в административно-правовой письменности, в визитационных протоколах, сообщениях, метриках, синодиках, в записях хозяйственного делопроизводства и прочей корреспонденции между священниками, прихожанами и церковными учреждениями. Особую группу памятников, написанных кириллицей, составляют и разнообразные литературные, толковые, а также научные тексты, к которым принадлежат, например, полемические произведения о необходимости церковной унии, и тексты, направленные против нее. Значительный цикл памятников составляет дидактическая и образовательная литература, различные сборники рецептов, паралитургических песен, кате-

хизисы, грамматики, описания истории местной церкви, путешествия и другие. В некоторых из этих текстов отражается влияние местных наречий. Использование кириллицы и церковнославянского языка в среде словацких верующих византийско-славянского обряда сделало возможным возникновение таких произведений, которые в рамках словацкой культуры представляют собой уникальную группу памятников. Многие кириллические тексты переписывались, копировались или возникали их компиляции из нескольких источников, и таким образом формировался образ традиционной местной культуры, совершенствовался уровень образования священников и верующих византийско-славянской традиции в Словакии.

Значительную группу рукописей составляют кириллические поучения, толкования и постилы к перикопам. Перикопы, или цитаты, отрывки, выбранные из Священного Писания, обозначенные как библейские доказательства догматических изречений, являются неотделимой частью литургии, и их объем и использование в рамках богослужебных обрядов четко определен. Изучение кириллических постил и поучений к евангельским перикопам и других апологетических, катехетических и толковых текстов позволяет понять отношение между литургическим и народным языками. Так как языком проповеди не является литургический церковнославянский язык, отличить литургическую форму церковнославянского от языка проповеди, охарактеризованного влиянием местного языкового узуса несложно, хотя стороннему наблюдателю оба языковых проявления могут показаться похожими, если не идентичными. Язык постилы, в отличие от литургического языка, содержит фонетические, морфологические и лексические элементы, заимствованные из народной среды, где постила возникла. Хотя языком проповеди не является церковнославянский, это язык, отмеченный влиянием местной языковой среды.

Почениям, постилам или проповедям, записанным в кириллических рукописных памятниках, часто предшествует текст перикопы, который однако во многих случаях не написан в литургической форме церковнославянского языка, а совпадает с языком проповеди. Об этом свидетельствуют,

например, перикопы в рукописном «Ладомировском учительном евангелии» XVII в., в «Учительном евангелии Ивана Капишовского» 1640–1643 гг., в «Углянском учительном евангелии» XVII в. и рукописном «Учительном евангелии Климента Буковского» XVIII в., которое хранится в библиотеке Ужгородского национального университета. Такие евангельские тексты являются на деле переводами церковнославянских перикоп, что свидетельствует о филологической зрелости и навыках местных авторов рукописей поучительных евангелий. Несомненно, что уже в XVII в. образованные священники стремились не только толковать и интерпретировать литургические тексты в форме гомилий, постил или проповедей. Несмотря на то, что церковнославянский язык уже в то время не был для простого верующего понятен, однако и до настоящего времени он не утратил своей литургической пышности. Именно стилистическая возвышенность этого языка, которая приписывается церковнославянскому языку как литургическому, имеет корни в прошлом. Значительную роль при применении церковнославянского языка в кириллическом религиозном творчестве на фоне местных языковых отношений играет уровень образования писателя. Именно местные интеллигенты интенсивно работали над переводом и толкованием библейских и литургических текстов, чтобы таким образом приблизить основной текст христианского вероучения русинским и словацким верующим.

Этнически и лингвистически разнообразное сообщество верующих в среде Мукачевской епархии никогда не рассматривало свой родной язык (говор) как препятствие для идентификации с византийско-славянским обрядом. Это положение сравнимо с использованием библейского чешского языка в среде словацких протестантов. Объединяющим знаком идентичности каждого народа является именно устная форма языка, а не литургический язык. Таким объединяющим критерием для словаков является словацкий язык, а для русинов – русинский. Ведь посредством родного языка мы общаемся в повседневной жизни. Родной язык складывается и из всех его диалектных форм, которые благодаря письменной культуре прошли различной степенью культивации. Именно образ этого культивационного процесса можно проиллюстрировать

и на фоне различных памятников письменности, связанных с византийско-славянской обрядовой и конфессиональной средой. Несмотря на то, что верующих византийско-славянского обряда безотносительно этнической и языковой принадлежности связывает церковная традиция, основанная на литургическом обряде, литургическом языке и кириллическом письме, саму принадлежность к конфессиональной традиции и используемый литургический язык обряда нельзя однако считать национально-идентификационным признаком. В среде исторической Мукачевской епархии естественно и то, что между представителями латинской и византийско-славянской культурно-обрядовой традиции не существовало таких барьеров, которые бы могли помешать взаимным контактам и коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Словакией в статье понимается современное государство, территория которого до 1918 г. была составной частью Венгерского королевства. – (Прим. ред.)

² В качестве примера можно привести бунт 1614 г. в Красном Броде, восстание на территории современной Восточной Словакии в 1631 г. под руководством Петра Часара, восстание куруцес и Освободительную войну под предводительством Ференца II Ракоци на рубеже XVII–XVIII в. или крестьянское восстание 1831 г., когда словацкие и русинские крестьяне боролись вместе. См.: *Haraksim L. Z dejín Ukrajincov na východnom Slovensku*. Martin, 1957. S. 3–5; *Sedlák I. Východné Slovensko v letokruhoch národa*. Martin, 2012. S. 466.

³ Для подданных Венгерской короны здесь и далее сохранено принятое в Словакии написание имен собственных. – (Прим. ред.)

⁴ *Pop I. Podkarpatská Rus*. Praha, 2013. S. 67–68.

⁵ *Žeňuch P. K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku*. Nitra, 2015. S. 23–24; 89–90; *Idem. Kultúrne a spoločenské podmienky vydania päťväzkovej Biblie pre gréckokatolíkov Mukačevskej eparchie. // Historický význam a odkaz diela osobností slovenského národného obrodu*. Bratislava, 2014. S. 131–160.

⁶ *Дешко А.П.* О Карпатской Руси, Краткій этюдъ Андрея П. Дешка. // Киевская старина. 1887. Кн. 19. С. 540.

⁷ «Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ государства изъ достойнѣйшихъ и прито-

мъ безженныхъ священниковъ, бѣльцовъ, а не монаховъ. Потомъ по утверждѣніи папскою булою, они посвящаются или въ карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи». См.: *Дешко А.П.* О Карпатской Руси. С. 540.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 541.

¹⁰ *Šoltés P.* Tri jazyky, štyri konfesie. Etnická a konfesionálna pluralita na Zemplíne, Spiši a v Šariši. Bratislava, 2009. S. 82.

¹¹ *Haraksim L.* «Златý vek» biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča – dve epochy dejín Rusínov // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť. Bratislava, 2000. P. 13–14.

¹² *Женюх П.* Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии // MBSLS. Roma – Bratislava – Košice, 2013. Vol. IV. С. 114.

¹³ *Stanislav J.* Zo života slov a našich predkov. Bratislava, 1950. S. 8.

¹⁴ *Paulíny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963. S. 254.

¹⁵ MBSLS. Vol. IV. P. 113–115.

¹⁶ *Stradomski J.* Spory «o wiarą grecką!» w dawnej Rzeczypospolitej. Kraków, 2003.

¹⁷ См.: MBSLS. Vol. IV. P. 119–120.

¹⁸ *Húsek J.* Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy s mapou a obrázky. Bratislava, 1925. S. 62.

¹⁹ *Marinčák Š.* Problematika byzantskej hudby na Slovensku od konca Veľkomoravskej ríše po kolonizáciu na valašskom práve (X.–XIV. storočie). // Slavica Slovaca, 2010. N 1. S. 10.

²⁰ *Marinčák Š.* Slovanská liturgia – liturgické dedičstvo byzantskej misie z IX. storočia? // Slavica Slovaca, 2005. N 1. S. 34–62.

²¹ *Zubko P.* Kult svätých Cyrila a Metoda v tradícii latinskej cirkvi. Vybrané kapitoly cyrilo-metodského kultu. Ružomberok, 2014.

²² *Žeňuch P.* K dejinám cyrilskej písomnej kultúry. S. 23.

²³ В книге «Краткая географія съ особеннымъ вниманіемъ на Угорщину» в связи с описаніемъ славянскихъ народовъ в Венгерскомъ королевствѣ о названіи «словак» говорится следующее: «Славяне сѣверо-западной гористой части Угорщины называются словаками и говорятъ угро-словенскимъ нарѣчіемъ». См.: Краткая географія съ особеннымъ вниманіемъ на Угорщину. Для первоначальнаго обученія. Изданіе Общества св. Василия Великаго. Унгваръ, 1870. С. 34–35; цит. по: *Дуличенко А.* Письменность и литературные языки Карпатской Руси. Ужгород, 2008. С. 143.

²⁴ *Zavarský S., Žeňuch P.* Ioannikій Bazilovitch: ТОЛКОВАНІЕ Священныя Літургіи Новаго Закона истинныя Безкровныя Жертвы / Joannicius Bazilovits: EXPLICATIO Sacrae Liturgiae Novae Legis veri Incruenti Sacrificii. // MBSLS. Vol. III. Bratislava; Roma, 2009.

²⁵ MBSLS. Vol. IV. P. 126.

²⁶ Праздники свв. солунских братьев Кирилла и Мефодия в разных епархиях проходили в разные дни. На этот факт указывает несколько исследователей традиции отправления праздников свв. Кирилла и Мефодия в Католической церкви, особенно в Чехии и Словакии. Самые древние доказательства о праздновании дня Кирилла и Мефодия, которыми мы располагаем, восходят к середине XIV в. Чешский провинциальный синод во время правления Карла IV Люксембурга установил день памяти этих святых 9 марта. Но уже в XVIII в. праздник в Спишской и Кошицкой епархиях был перенесен на 14 марта. По требованию Марии Терезии папа Пий VI 21 июля 1777 г. позволил во всей Австрийской монархии ежегодно в этот день праздновать память святых Кирилла и Мефодия. Подробнее см. *Marsina R. Metodov boj. Bratislava, 2005. S. 113; Zubko P. Cyrilometodský kult v Košickej a Spišskej diecéze v cirkevno-liturgickom kontexte XIX. storočia // Кирило-Методиевски студии. София, 2011. Кн. 20. S. 231–247. С 1880 г. совместный праздник Кирилла и Мефодия в Католической церкви отмечается 5 июля. П. Шолтес полагает, что почитание свв. Кирилла и Мефодия в Мукачевской епархии связано с католической традицией. Оживление кирилло-мефодиевского культа является вторичным продуктом символической политики государства, из которой исходило и возникающее словацкое национальное движение. Однако он не принимает во внимание просьбу Марии Терезии об объединении праздника Кирилла и Мефодия на территории Габсбургской монархии, посланная Папе Римскому, ставшей реакцией на набиравший силу кирилло-мефодиевский культ. См.: *Šoltés P. Tri jazyky, štyri konfesie.**

²⁷ Тексты обоих житий св. Кирилла опубликованы в: *Яворский Ю.* Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI–XVIII вв. Прага, 1931. С. 104–109. См. также: *MBSLS. Vol. IV. S. 183–186.*

²⁸ *Vašica J., Vajs J. Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. Praha, 1957. S. 10–40; Яворский Ю.* Новые рукописные находки. С. 104–109.

²⁹ *Дзендзелівський Й., Ганудель З.* Рукопис марія-повчанського варіанта граматики Арсенія Коцака // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 15. Кн. 2. Prešov, 1990. С. 73–332.

³⁰ *Štec M. Cirkevná slovančina. Prešov, 2005. S. 49.*

А.А. Плотникова

ТУРЦИЗМЫ У СЛАВЯН-МУСУЛЬМАН НА БАЛКАНАХ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последнее время турцизмам¹ в южнославянских языках посвящено немало трудов лингвистов из славянских стран на Балканах (например, монографии С. Петрович, М. Стаменова и др.)²; язык и народная культура славян-мусульман в этом регионе рассматриваются в работах сборника, недавно вышедшего в Институте славяноведения РАН и включающего статьи антропологов, этнографов, лингвистов и фольклористов³. В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на этнолингвистический аспект заимствований, некогда пришедших в языки-наследники сербскохорватского в результате продолжительного османского владычества на рассматриваемой территории. Речь пойдет о том пласте лексики, который связан с народными верованиями и фольклорной традицией в балканославянских странах.

Сбор этнолингвистического материала в Боснии и Герцеговине (2011–2012)⁴ и юго-западной Сербии (2013)⁵ осуществлялся по нашему этнолингвистическому вопроснику⁶, который первоначально был ориентирован на сбор лексических и экстралингвистических данных из области народного календаря, семейной обрядности и народной мифологии в православных традициях, но впоследствии, в связи с необходимостью этнолингвистического обследования католического и мусульманского населения Балкан, в новое издание вопросника (2009) был включен важный раздел «Общие вопросы»⁷. Следует отметить, что этнолингвистический вопросник нацелен на выявление терминологии народной духовной культуры и соответствующих экстралингвистических контекстов

функционирования терминологической лексики, без которых зачастую невозможно точное определение значений лексических единиц. О диалектных текстах, полученных в качестве ответов на корректно сформулированные вопросы этнолингвистического характера очень точно писали Н.И. Толстой и С.М. Толстая: «Эти тексты как бы приобретают статус “памятников” народной культуры (наряду с памятниками фольклора), которые можно толковать, комментировать, сопоставлять друг с другом и другими источниками»⁸.

Подытоживая результаты полевого обследования сел мусульман в Боснии, Черногории и Сербии (в общинах Прибой и Приеполе, где проходила полевая работа в 2014), можно сказать, что при всех существенных различиях в вероисповедании ряд обычаев мусульман и православных сохраняет общие архаические особенности; некоторые же ритуалы в условиях сосуществования обрели общие черты, и это в настоящее время осознается самими носителями традиции. К первым относятся различные традиционные ритуально-магические действия, направленные на благополучие семьи, благосостояние, судьбу людей. Ко вторым – прежде всего те, которые связаны с общим патриархальным, а также хозяйственно-бытовым и культурным укладом данной местности (в частности, обычаи и ритуалы при строительстве дома, особенности проведения праздника на природе в определенный день календаря и другие).

Собранный материал показывает, что у славян-мусульман Боснии (бошняков), Черногории и Сербии до сих пор сохраняются архаические культурные тексты, известные южным славянам в различных локальных вариантах независимо от их конфессиональной принадлежности. Было выявлено, что обследованные народные традиции мусульман этих регионов лишь отчасти подвержены трансформации под влиянием их конфессиональной принадлежности. В ряде случаев можно обнаружить языческие компоненты традиции. Нельзя не отметить симбиоз народных поверий в области народного календаря. Несмотря на неуклонное следование исламским канонам в праздновании байрамов (*Kurban Bajram* ‘праздник жертвоприношения’, *Ramazan(ski) Bajram* ‘праздник разговления’), в соблюдении пятничных молитв, исламских постов и т. д., не

говоря уж о ношении определенного типа одежды женщинами и мужчинами, в традиции мусульман Боснии сохраняются устойчивые представления о ряде христианских праздников. Важной остается специфика Юрьева дня (босн. *Jurjev(o)*⁹, серб. *Ђурђевдан*), с которым связывается ряд поверий и магических ритуалов. И мусульмане, и православные в канун этого дня ходят на реку набрать воду из-под мельничного колеса, чтобы рано утром умыться якобы целебной водой, купаются до восхода солнца в ближайших речках, чтобы быть здоровыми целый год. С той же целью детей поутру слегка бьют крапивой, ветками кизила, сопровождая действия пожеланиями здоровья (сёла Пориечани, Подвине в окрестностях г. Високо). Все эти представления весьма архаичны и являются общими для традиций разных центральных регионов Южной Славии. Известны мусульманам обследованных регионов и другие ритуалы и поверья, приуроченные к дню св. Ильи, Вознесению, Благовещению и другие¹⁰. Прослеживаются балканские мотивы в фольклоре и соответствующие лексические обозначения (балканизмы) в словаре славян-мусульман Боснии и юго-западной Сербии. Особо выделяется конфессиональная терминология, обслуживаемая исключительно турцизмами, поскольку преобладающий корпус соответствующей лексики появился здесь в результате османского ига.

Терминологическая лексика духовной культуры и фольклорной традиции бошняков, как правило, известна и вне границ современного государства Боснии и Герцеговины, то есть изолексы (и изодоксы, по терминологии Н.И. Толстого) имеют продолжение в южнославянском территориальном континуме. Если в терминологической лексике народного календаря встречаем главным образом турцизмы, то в иных тематических сферах, в частности в семейной обрядности (лексика свадьбы и родин) преобладают славизмы. При этом преимущественное число турцизмов обнаруживается в погребально-похоронной обрядности, а также и при описании отдельных этапов и реалий свадьбы, нередко как дублиеты славизмов.

Исследование турцизмов открывает глубинные слои сменяющихся обозначений в народной культуре боснийских мусульман. Общеславянская перспектива обнаруживается как в наличии славянских дублетов, например, *vještica* / *čirilica*

наряду с *sibirbasica* (*sibirbašica*) ‘ведьма’, *bodalica* наряду с *burmašica* (*gurmašica*) ‘сладкое изделие из теста, выпекаемое по случаю первых шагов ребенка’, так и в архаических контекстах функционирования данных турцизмов, ср., например, семантику и экстралингвистическое наполнение термина *sibirbasica* (*sibirbašica*)¹¹, ритуалы с выпекаемым при первых шагах ребенка сладким изделием *burmašica* (*gurmašica*)¹². Славянские дублеты используются и для обозначения терминологической лексики, имеющей более широкую балканскую географию, ср., например, употребление терминов *svadba* наряду с *nićah* ‘свадьба’, *oprema* / *ruho* наряду с *sejsana* ‘приданое’, *grob* наряду с *mezar* ‘могила’, *ureći se* наряду с *ograisati* ‘попасть под действие злых сил, порчи’ и др. При этом собственно конфессиональный пласт терминологии (т. е. термины исламского вероисповедания: *Kurban*, *Bajram*, *dženaza* ‘намаз по умершему; погребение’ и др.) является очень устойчивым, подкрепляется мусульманской книжной и городской культурой (исламизация жизни в больших городах в настоящее время намного сильнее, чем в селах).

Зачастую славянские соответствия, известные у православных сербов, предлагаются самими информантами, например, в с. Калафати (Прибойский край, Сербия) мусульманка Хатиджа Алагич, предваряя слова заговора, сказала мне и моей коллеге, православной сербке: «*Smilah, vi ćete reć: “Bože pomoz!”*» [Смилах! А вы скажете: «Помоги, Боже!»]. В рассказе об изгнании «шейтанов» с мельницы ключевым становится обращение к Богу, после которого черногорец-мусульманин поясняет: «*Bože pomoz!*» *što je značilo islamski «Bismilah»* [«Помоги, Боже!», что означало по-исламски «Бисмилах»] (Косаница, Черногория)¹³. Та же собеседница из с. Калафати, рассказывая о мифическом существе *vila* и ее ребенке, называемом *vilče* (букв. ‘вила-малыш’), уточняет, что такое существо мог увидеть только «очень добрый, хороший человек»: *Onaj insan kao vi što kažete «anđel», a mi vičemo «melek»* [Тот человек, о котором вы говорите «ангел», а мы называем «мелек»]. Подобное упоминание аналогичных наименований в сфере фольклорной и обрядовой лексики при полевой работе нам встречалось постоянно. Приведем примеры из Боснии (Белашница): *I vidi se ta figura od kamena. Izgled, sve, prikaz pravi te aždaje, kako ga nazivaju: neko –*

zmaj, neko – aždaja i tako [И видно каменную фигуру. Форма, всё, настоящее изображение того дракона, как его называют: кто-то – «змей», кто-то – «аждая»] (с. Умоляни, Мухарем Фатич); *...i zmija je nekad imala noge. Nekad! A ona je bila, mi zovemo dženet, a neko zove raj. I nju je Alah kaznio, ona-j izišla iz dženeta.* [И у змеи когда-то были ноги. Когда-то! А она была, мы называем «дженет», а кто-то говорит «рай». И ее Аллах наказал, она вышла из рая] (с. Лукавац, Ибро Берило); *Uzme tog sjemena od te konoplje, triputa oko kuće obiđe ovako, sije. E, to je to, da ne bi te gatalice, mi ih zovemo sibirbasice, a vi ih zovete gatalice. Kaže, da ne bi nešta poturile oko te kuće. Da im ne da prići* [Возьмет этих семян от этой конопли, три раза обойдет вокруг дома, сеет. Ну вот это, чтобы эти ворожеи, мы называем их «сихирбасице», а вы называете «ворожеи». Говорит, чтобы ничего не подкинули к дому. Чтобы не дать им подойти] (с. Лукавац, Ибро Берило).

Нередко в диалектных текстах из Боснии за турцизмом следовал поясняющий лексему славизм, и наоборот. Например: *<...> ili ključ il nešto do 40 dana i da se to ne miče od djeteta, da ne ograiše, da se ne ureče dijete* [*<...>* или ключ, или что-то <металлическое> до 40 дней, и чтобы оставалось при ребенке, чтобы он не подвергся порче, чтобы его не сглазили] (с. Гине, Эмина Смайлович); *Nur, ko je dobar. Dobre duše bio onda je se na njemu to moglo, oni, na njegovu mezaru, razumiješ, na grobu* [«Нур»¹⁴, кто хороший. Доброй души <человек>, и тогда на нем это могло, это, на его «мезаре», понимаешь, на могиле <показаться>] (с. Ресник, Хамдия Чомор); *I kasnije mi ide, što više ljudi ide na sprovod, na dženazu* [И потом идут к нему, как можно больше людей идут к нему на похороны, на погребение] (с. Умоляни, Мухарем Фатич).

Отдельного анализа заслуживают культурные термины – славизмы, вытеснившие турцизмы в тех контекстах, где бы их следовало ожидать. Так, на востоке Южной Славии, у болгарских мусульман (помаков)¹⁵, широко известен термин *евлие* (< тур. *evliya* ‘святой’). Этот турцизм, засвидетельствованный как в словаре А. Шкалича «Турцизмы в сербскохорватском языке» (далее – Шкалич)¹⁶, так и в современном «Словаре боснийского языка» (далее – RBJ) при полевых исследованиях Белашницы, Трескавицы и Вискского края в Боснии, а также в селах приепольско-прибойского региона нам не встретился – заме-

ной ему в том же значении выступает лексема *dobri*. Этот факт не ускользнул от внимания А. Шкалича, который к определению термина *evlija* арабского происхождения («святой человек, “dobri”») приводит цитаты из художественной литературы Сараева и мусульманского сараевского журнала «Gajret» прошлого века, а также и отмеченное им производное *evlijaluk* (ар.-тур.) в значении ‘святость, свойство евлии’¹⁷. Определение в RBJ гораздо короче (в силу специфики толкового словаря): «**dobri** – čudotvorní, sveti čovjek; *evlija*, svetac» [чудотворный, святой человек; евлия, святой]¹⁸. Аналогично в этом словаре и определение турцизма (синонима): «**evlija** <ар.> – svet, dobar čovjek (dosl. Božiji prijatelj); **dobri** [<арабское> – святой, хороший человек (букв. друг Бога); добрый]¹⁹. Производные в RBJ, однако, отсутствуют.

Соответствующая трактовка персонажа *dobri* нам встретилась в Високском крае. Здесь *dobri* выступает как некая высшая сила, принимающая облик нищего и искушающая богатых людей: *E, kažem, još sam čula²⁰ priču da je došo nakav prosjak u selo da prosi. I došo jednom bogatom čoeuku koji je najbogatiji bio u selo. A to je bio dobri čoeuk i pretvorio se u prosjaka. I ovi mu ništa ne dadne. On je pred mrak došao, ukazo mu se, došo da prosi, i morel prenoćit? «Ti da mi, vidi kakav si, ti da mi uniđeš u-kuću!» I najuri ga. I onda ti njemu krene sve ružno. Hajvan mu kad polipsala, čeljad se poboli, sva, sve je zbog toga. I hajd, šta će on. Išo jadan, tražio, pito, i nekakav mu kaže: «Jel ti je došo čoejek, tada i tada, takav i takav?» «Jest.» «Šta si uradio?» Ka: «Otjero ga. Nisam mu ništa dao. Hotjeo je noćit.» «E, to ti je sve o-toga». Već kaže: «To što ti je ostalo, podijeli sirotinji nešto». E, to sam čula da je to bilo u jednom selu tamo i to kod Kiseljaka selo. E to sam čula još od svoji da je to bilo od tog čoejeka i oni kažu po-imenu da je tako to. [Э, говорю, еще слышала рассказ, как пришел нищий в село, чтобы просить. И пришел к одному богачу, самому богатому в селе. А это был добрый человек и превратился в нищего. И этот ему ничего не дал. Он пришел в сумерках, появился, пришел просить и спросил, можно ли переночевать. «Каков ты, посмотри на себя, ты еще мне в дом будешь входить!» И прогнал его. И тогда всё у него повернулось плохо. Скот у него подох, близкие разболелись, все, всё из-за этого. И вот, что же ему делать. Ходил несчастный, просил, спрашивал, и кто-то ему сказал: «Приходил ли к тебе человек, тогда и тог-*

да, такой и такой?» – «Да». – «Что ты сделал?» Говорит: «Прогнал его. Ничего ему не дал. Он хотел переночевать». – «Э, это у тебя всё из-за этого». И говорит: «То малое, что у тебя осталось, раздай сиротам». Э, это я слышала, что случилось в одном селе там, около Киселяка село. И это я слышала еще от своих, что так случилось с одним человеком, и они имя называли, так это было] (с. Гине, Эмина Смайлович). При дальнейших расспросах наша собеседница уточнила: *To, dobri, to kažu da su dobri, dobri vaki, naki, dobri, božji ljudi, nešto tako tu, ja. Nevidljivi. Jer ti se on njima pretvorio u prosjaka, nije se pretvorio da je on, šta je on. Eto, da iskuša tog čoeaka <...> to bogat čoeak bio!* [Это «добрый»; говорят, что это «добрые», добрые такие, добрые сякие, божьи люди, что-то такое, да. Невидимые. Ведь он для них превратился в нищего, не явился таким, как он есть на самом деле. Вот, чтобы проверить этого человека <...> а это богатый человек был!] (с. Гине, Эмина Смайлович). Слушая этот рассказ, нельзя не вспомнить соответствующие народные повести и легенды о святом Савве у сербов, в которых святому приписываются черты «странствующего божества»²¹, награждающего или наказывающего людей за соответствующие добрые или злые деяния и обучающего их пахать, ткать, печь хлеб и т. д.

Любопытно, что у мусульман на Белашнице бытует также представление о том, что умерший, который является близким после своей смерти, – положительный мифологический персонаж *dobri*, помогающий впоследствии людям: *Kad se umre, kad umre osoba. Bio insan. Ne, e, ako je se nekom ona uvečer ili do dva dana ako je nekome se ona ukazala pred očima, to je dobri* [Когда умирают. Был человек. Не, если кому-нибудь вечером или в течение первых двух дней явился, привиделся, это «добрый»] (с. Умоляни, Медина Элезович). Вероятно, в этом случае речь идет о приобретении своеобразного духа-защитника семьи, рода, что в целом хорошо вписывается в балканский контекст (ср. многочисленные балканские представления о духах-защитниках локуса)²¹.

Мусульманам в юго-западной Сербии, а именно в Санджаке, известны оба типа представлений о персонаже, который здесь называется тоже *dobri*. Во-первых, это высшее существо наподобие св. Саввы (о чем сразу говорится в легенде): *По легенди kod православног становништва, Свети Сава иде по свету,*

учи народ да боље живи, а код муслиманског становништва то је Добри, човек надарен ванземаљским способностима чији је животни циљ да чини добро људима, помаже им, учи их да боље живе. Ишао Добри кроз село, видео једног човека како оре, изорава бразду само са једне стране. Научи га да подеси рало и оре са обе стране. Наиђе после комшија, изненади се и упита ко га је то научио. “Наиђе неки добар човек и научи ме, бог му дао свако добро!” Наиђе Добри на жену која тке, претурајући чунак само са једне стране, онда прекине и поново тако. Научи је да протура чунак са обе стране. Други пут наиђе Добри, пресвучен у друго одело и упита жену ко је њу научио да тако тке. “А но, ко ме научио, ја се сама сетила!” “Дабогда, што за годину мучила, под пазухо згучила,” рече Добри и настави пут» [По легенде православного населения, святой Савва ходит по свету, учит народ жить лучше, а у мусульман это Добрый, человек, наделенный сверхъестественными способностями, цель жизни которого – делать людям добро, помогать им, учить новому. Шел Добрый через село, увидел человека, который пашет, делая борозду только с одной стороны. Научил его приспособить соху, чтобы пахать с обеих сторон. Сосед потом подошел, удивился и спросил, кто его этому научил. «Проходил некий добрый человек и научил меня, дай Бог ему всего самого доброго!» Встретил Добрый женщину, которая ткала, протаскивая челнок только с одной стороны, затем перекидывала и снова так <делала>. Он научил ее протаскивать челнок с обеих сторон. Второй раз пришел Добрый, переодетый в другую одежду и спросил, кто научил ее так ткать. “Да нет, кто бы меня научил, это я сама догадалась!” – “Дай Бог, чтобы весь год мучилась, под пазухой <полотно> носила”]²³. Во-вторых, находим, на первый взгляд, необычные свидетельства об амбивалентности персонажа: *«Дану, кад се једе јабука, љуштуре треба бацити на врео ипорет да замиришу. Тада “добри” осете мирис и дође у кућу. Сваком је мило да му “добри” кућу посети. Ноћу љуштуре не треба бацати на ватру. Привучен мирисом “добри” и тада дође да удахне јабуков мирис, али оде увек нешто љут»* [Днем, когда едят яблоко, кожуру нужно бросать на горячую плиту, чтобы пахла. Тогда «добрый» почувствует запах и придет в дом. Каждому приятно, чтобы «добрый» пришел в его дом. Ночью кожуру не следует бросать в огонь. Привлеченный запахом

«добрый» всё равно придет, чтобы вдохнуть запах яблока, но уйдет почему-то сердитый]»²³. По-видимому, во втором случае речь идет именно о духе-защитнике рода, семьи, которого не следует напрасно тревожить по ночам.

Непростая картина при соотнесении турцизмов и славизмов просматривается в случае с лексемами *bamajlija* и *zapis* ‘талисман, оберег’. В RBJ турцизм ***bamajlija*** толкуется как синоним к *zapis* ‘амулет в виде записки со словами из Корана’ без каких-либо помет и указаний на специфический этнографический контекст бытования слова: «1. Записка (часто сложенная в треугольник), предмет и т.п., который носят на себе или при себе как защиту от зла, несчастья и порчи; талисман, амулет». Там же дается переносное значение: «2. То, что исключительно важно, ценно»²⁵. Более подробное толкование энциклопедического характера содержится у Шкалича, там же даются и другие фонетические варианты слова, бытующие на более широкой территории сербскохорватского диалектного континуума: ***amajlija***, ***amalija***. А. Шкалич выделяет два значения термина: «1. Записка, завернутая в полотно, кожу <...>; вместо записки может быть завернута и какая-либо другая вещичка, которая, по народным поверьям, защищает от сглаза, болезни и других невзгод» и «2. Маленькая книжечка с изречениями из Корана и молитвами на арабском языке, которую обычно носят в кожаной или тряпичной сумочке, либо в металлической коробочке. Иногда и сама сумочка или коробочка называются “амулет”»²⁶.

При полевом обследовании сел Боснии встретились оба значения, отмеченные в словаре А. Шкалича. Так, во втором значении ‘книжечка’: *Imaju knjige kol'ko ova kocka. To se zove bamajlija. To je u mene otac nosio vazda u džepu u košulji. I ne boj se, idi kud hoćeš* [Есть книги размером с этот кубик <сахара>. Это называется «амулет». Это мой отец носил всегда в кармане рубашки. И не бойся – иди, куда хочешь] (с. Лукавац, Ибро Берило). Синонимом к слову в первом значении в речи бошняков выступает слав. *zapis*: *Išle bi hodžama: pa bajde da pravi zapis hodža na Jurjev da bude ajvan zdrav* [Ходили бы к ходжам: давай, пусть сделает «записку» ходжа в Юрьев день, чтобы скот был здоров] (с. Умоляни, Медина Элезович). Иногда собеседники подчеркивали разницу между амулетами, которые назы-

вались *hamajlija* и *zapis*: <...> *to se zvalo hamajlija, on je to napiso, pa je ondara i zapis, razumješ ti, pravio, pa oko vrata, a hamajlija je u džepu bila* [<...> это называлось «хамайлия», он <ходжа> это написал и тогда и «записку», понимаешь ты, делал, и вокруг шеи, а «хамайлия» в кармане была] (с. Ресник, Хамдия Чомор). Далее собеседник объясняет, что *zapis* – это записка, содержание которой знал только ходжа, и он ее закатывал в воск, продевая через нее нитку, чтобы хозяин ее где-либо тайно подвесил (например, в помещении) так, чтобы знал только он один, поскольку защищал семью, скот от плохих людей, при этом время хранения оберега определял ходжа (например, один-два года). *Hamajlija* – мусульманская молитва на арабском, помещавшаяся в кармане, хотя и содержавшая несколько листов текста.

К этим терминам тематически примыкает и турцизм *tilsum* ‘магическое средство; оберег’. В RBJ лексема отсутствует. Вместе с тем в словаре Шкалича представлено подробное толкование (с элементами энциклопедического характера) лексемы ***tilsum*** и ее фонетических вариантов ***tilisum***, ***tilsun***, которое отличается от более общего значения, зафиксированного при полевом этнолингвистическом обследовании сел современной Боснии: «(ар.) магическая тайна; тайный приговор, знак, рисунок и под., которое оберегает какую-либо тайну. Без использования этого магического средства нельзя добраться до оберегаемой тайны»²⁷. В с. Ресник от уроженки села Умоляни было записано: *Kad neće da govori, mašice, preko mašica vodu davali. <...> To je neki tilsum da počne dijete pričati* [Если ребенок никак не начнет говорить, щипцы для углей, через эти щипцы давали воду пить. Это некий «тилсум», чтобы ребенок начал говорить] (с. Ресник; Златка Сушич). В значении ‘оберег’: *A ja imam drvo, zove se tisa. Ja sam to i u Hrasnici posadio, evo i ovde ima, kod kuće. To se zove tilsum. Sad ne more ti niko ništa učiniti kad imaš to drvo pored kuće!* [А у меня есть дерево, называется тис. Я его и в Храснице посадил, вот, и здесь есть, около дома. Это называется «талисман». Теперь не может никто никак тебе навредить, когда у тебя есть это дерево около дома!] (Лукавац, Ибро Берило). Из былички, где зеленый пояс служит оберегом от мстительной вилы: *Kaže zeleni pas, kaže, opaso. To je bilo u nas kao tilsum neki. I obavije se tijem zelenijem pasom, onda to je bilo*

dugo po-deset metara! I sve obmota oko-sebe čovjek jel' dječak, jel. I on je gađo vilu i ona rekla: «Ja-b tebe sad proždrla da ti nije toga zelenog pasa! Fala Bogu, blago tebi, spasio te zeleni pas!» [Говорит, зеленым поясом опоясался. Это было у нас как некий оберег («тилсум»). И опоясался этим зеленым поясом, тогда он был длинный – по десять метров! И всё обмотал вокруг своего тела человек, или парень, да. И он бросал в вилу <камнем>, и она сказала: «Я бы тебя сейчас сожрала, если бы на тебе не было этого зеленого пояса! Слава Богу, повезло тебе, спас тебя зеленый пояс!»] (с. Ресник, Златка Сушич).

Особого внимания заслуживают турцизмы, не имеющие эквивалентов в славянских языках (возможно лишь описательное наименование), но связанные вместе с тем с важнейшими балканскими концептами. К такому случаю следует отнести серб.-хорв. *nafaka* 'пища, предопределенная человеку свыше; судьба, предопределенная свыше; подарок судьбы'. Как достаточно распространенный среди бошняков турцизм с широким спектром значений лексема *nafaka* представлена в RBJ, где указываются четыре значения термина с пометой «разг. экспр.»: «1. Пища в целом: *jesti tuđu nafaku* [есть чужую долю]; 2. То, что человеку суждено, от Бога определено в течение жизни съесть и выпить; обеспечение: *nestalo mi nafake* [исчезло его обеспечение]; 3. То, что человеку суждено, от Бога определено; судьба: *takva joj nafaka* [такая у нее судьба]; 4. Денежный доход; заработок: *tanka nafaka* [плохие доходы]». Отмечено выражение *novi dan, nova nafaka* «новый день, новая польза» с объяснением «каждый день особый и каждый день может иметь определенную пользу»²⁸. У Шкалича под первым значением *nafaka* (турцизм арабского происхождения) дается: «пища, еда и питье», под вторым – «то, что человеку от Бога суждено съесть и выпить на этом свете»²⁹. Указываются и дериваты: наречие *nafakali* «счастлив и благословен, что касается проживания и пищи» с тур. суффиксом *-li*; существительное с противоположным значением: *nafaksuz* «неудачник, человек, имеющий скудную пищу и стесненные условия жизни»³⁰. Те же словообразования представлены и в RBJ с указанием на то, что второе – устаревшее.

В каждом из обследованных нами сел отмечены термины *nafaka* и *nafakali*, относящиеся к вере в счастливую судьбу. Этот

концепт объединил в себе самые различные балканские представления о судьбе с четкой доминантой предопределенности событий: *svak svoju nafaku nosi* [каждый носит свою «нафаку»] (с. Умоляни); *Nafaka i nafakali — nešto što nas prati* [«Нафака» и «нафакали» <наречие> — это то, что нас сопровождает] (Подвине, Хафиза Геняц). Считается, что *nafaka* появляется до рождения самого ребенка (*...jer se dijete ne može roditi, prvo mu se rodi nafaka* [Ребенок не может родиться, пока не родится его «нафака»] — с. Умоляни) и исчезает перед смертью человека (*Džanku nestalo nafake i on umro* [У Джанка исчезла «нафака», и он умер] — с. Умоляни, Медина Элезович). Представление о судьбе (причем счастливой, поскольку человек родился), обозначаемой термином *nafaka*, изначально связывается с тем, что человеку предопределено съесть и выпить на этом свете: *Pa će se ona <nafaka> roditi, pa će se roditi dijete da pojede svoju nafaku* [И рождается она <«нафака»>, и тогда рождается ребенок, чтобы съесть свою «нафаку»] (с. Умоляни, Медина Элезович). Благоговейное отношение к пище, в частности к крошкам хлеба, которые нельзя выбрасывать, иначе случится несчастье, также обусловлено верой в долю, судьбу неизвестного человека: *Ona mrva ne zna se čija j nafaka* [Про эту крошку <хлеба, пищи> никто не знает, чья это «нафака»] (с. Подвине, Мустафа Геняц).

Часто употребляется и как нейтральное 'судьба': *dobre je nafake* [<У него> счастливая судьба] (с. Ресник, Златка Сушич). Вместе с тем употребление наречия *nafakali* всегда имеет позитивную окраску, например, молодоженам на свадьбе желали в будущей совместной жизни счастья, достатка и дальнейшей счастливой судьбы (процветания): *<...> da budete sretni, berićetni i nafakali* [<...> чтобы вы были счастливы, зажиточны и успешны!] (с. Подвине, Хафиза Геняц).

Если обратиться к культурным диалектам Южной Славии, то необходимо отметить, что терминологическая лексика народной духовной культуры того или иного региона включает как общие для балканских славян турцизмы, так и региональные. Например, если рассматривать турцизмы одного диалекта — призренского, как это делает в монографии С. Петрович на материале рукописной коллекции слов Димитрия Чеме-рикича, то обнаруживается приблизительно тот же основной корпус лексики и несколько иной по составу корпус термино-

логической лексики народной духовной культуры. В монографии исследовательницы интересующая нас лексика выделена главным образом в тематическом разделе «Религия, верования» и отчасти в следующем за ним – «Общественная жизнь, обычаи, танцы, музыка»³¹. Соответственно, в первом находим как совпадающие с обнаруженными на исследованной территории Боснии лексемы *аждаја* ‘мифический персонаж; ненасытное существо’, *амајлија* ‘амулет’, *бајрам* ‘мусульманский праздник’, *курбан* ‘праздник’, *машала* ‘восклициание во избежание сглаза’, *ограисати* ‘пострадать, попасть в беду, наступить на предмет порчи’, *оца* ‘ходжа (мусульманский священник)’, *рамазан* ‘мусульманский пост перед праздником Рамадан-Байрам’, *ценазе* ‘похороны’, *ценом* ‘ад’, *шејтан* ‘дьявол’ и др., так и некоторые отсутствующие в культурном диалекте бошняков – *аждер* ‘змей летающий, дракон’³², *бајрамљк* ‘дар’³³, *караконцула* ‘караконджул (мифический персонаж)’³⁴ и др.

Сопоставление RBJ и словаря турцизмов сербскохорватского языка А. Шкалича показало, что в сфере изучаемой культурной терминологии практически все турцизмы, которые можно найти в RBJ, в свое время (т. е. за время существования сербскохорватского языка) были включены в словарь Шкалича. В плане общей лексикографии и отражения ею стадии становления нового литературного языка «Словарь боснийского языка» следует известным закономерностям при составлении подобных словарей: ориентация на специфическую лексику (в данном случае – тюркизмы в широком смысле слова), отличающую новый литературный язык от окружающих его и близких ему³⁵; исключение географических помет при подаче лексемы и др. Некоторые лексические единицы, которые встретились нам при обследовании боснийских сел и которые не включаются в RBJ, содержатся в словаре Шкалича (*sejsana* ‘приданое’, *tilsum* ‘магическое средство, оберег’); то же касается отдельных значений слов, например *mašala* в значении ‘талисман’. Это подтверждает тот факт, что турцизмы боснийского языка (по крайней мере из тех тематических сфер, которые попадают под анкетирование по вопроснику для обследования балканославянских народных традиций), были известны и в эпоху существования сербскохорватского языка. Как видим, эта особая языковая ситуация характерна для «конфессионального острова»

славян-мусульман в центре Южной Славии, поскольку в настоящее время здесь сильны процессы сознательного отделения от окружающих южнославянских традиций и бережное отношение к турцизмам с целью идентификации стандартного (литературного) боснийского³⁶ языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Турцизмами в данном случае мы называем лексические единицы также арабского, персидского происхождения, заимствованные в языках и диалектах сербскохорватского лингвистического пространства через турецкий язык.

² *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемерикића. Београд, 2012; *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София, 2011. См. также рецензию на эти труды: *Седакова И.А.* Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 553–562.

³ Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014.

⁴ Были обследованы села горных массивов Белашница и Трескавица вблизи Сараева, а также регион Високо, в свое время описанный этнографом М. Филиповичем (*Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. Београд, 1949. Књ. 61). Обе экспедиции проводились совместно с сотрудницей Института славяноведения РАН, к.ф.н. Е. С. Узенёвой; активную помощь в полевой работе в Боснии оказывала преподаватель философского факультета в Сараево Алма Геняц-Накичевич, благодаря гостеприимству которой были также обследованы сёла ее родного края – рядом с г. Високо.

⁵ Экспедиция в юго-западную Сербию состоялась благодаря научно-организационной поддержке сербских ученых – директору Музея в Приеполе Славолубу Пушице и научному сотруднику Института этнографии САНИ Ивице Тодоровичу.

⁶ *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009. Первоначально вопросник создавался для программы лексического обследования пунктов «Малого диалектологического атласа балканских языков» (рук. А. Н. Соболев), в последующие десятилетия использовался отечественными и зарубежными исследователями в полевой работе на Балканах и в соседнем карпатском регионе.

⁷ В этом разделе для более эффективного сбора информации по теме «Народный календарь» вопросы построены по принципу выяв-

ления основной предполагаемой обрядовой семантики в течение всего календарного года, например: «В какие календарные праздники жертвовали (резали) домашнее животное? Как оно называется? Что делали впоследствии с костями, головой, лопаткой?» См.: *Плотникова А.А. Материалы*. С. 74.

⁸ Толстой Н.И., Толстая С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983. С. 14.

⁹ Аналогично в хорватском: *Jurjevo*.

¹⁰ Подробнее см. *Плотникова А.А. Этнолингвистическое обследование регионов центральной Боснии // Славяне-мусульмане на Балканах*. С. 216–246.

¹¹ Функции «мусульманской» ведьмы, являются общими для всех славян: отбирать у коров и овец молоко, наносить порчу людям, вызывая болезнь, разбивая брак молодоженов, и т. д.

¹² Обычай рассекать воздух между ножками ребенка при первых шагах, как бы разрезая невидимые пути, известен в разных других южнославянских регионах.

¹³ Подробнее см. *Плотникова А.А. Традиции православных и мусульман на пограничье Сербии, Черногории и Боснии // Живая старина*. 2015. № 3. С. 55–58.

¹⁴ 'Свет, огонь'.

¹⁵ Ср. наши записи из Восточных Родоп (с. Аврен, Крумовградская община, Кырджалийский округ): «Добрый духом (ангелом, посланником божьим), помогающим людям, считается *евлије*, являющийся в образе белобородого старца-странника, обучающий людей мастерству в различных работах, награждающий их за доброту, честность, порядочность и наказывающий за бессердечие, ложь хвастовство». См.: *Плотникова А.А., Узенёва Е.С. Экспедиция в болгарское село Аврен // Живая старина*. 2002. № 4. С. 44.

¹⁶ *Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo, 1979. В словаре А. Шкалича вся культурная лексика получает подробное (в ряде случаев – энциклопедическое) толкование.

¹⁷ Ibid. S. 273.

¹⁸ *Halilović S., Palić I., Šebović A. Rječnik bosanskoga jezika* (далее – RBJ). Sarajevo, 2010. S. 200.

¹⁹ Ibid. S. 277.

²⁰ Данный диалектный текст в ряде случаев отражает смешение звуков *ś* и *š* в говоре информантов; за точную расшифровку аудиозаписи благодарю Б. Сикимич.

²¹ В. Чайканович отмечает, что такое «странствующее божество», функции которого воспринял позже св. Савва, известно у самых разных народов: это и египетский Осирис, и греческий Дионис, и гер-

манский Тор и т.д. См.: *Чајкановић В.* Сабрана дела из српске религије и митологије. Т. 1. Студије из српске религије и фолклора 1910–1924. Београд, 1994. С. 451.

²² Например, серб. *таласон*, *тилисум*, в.-серб. *сенћа*, болг. *тала-съм* (дух постройки, происходящий от строительной жертвы или ее тени), ю.-серб. *сајбија* (хозяин места, который чинит вред людям, возводящим дом на «его» месте) и т.д., см. сводный список таких представлений на карте Южной Славии в: *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 677–684.

²³ *Дердемез Х.* Народне приче // Новопазарски зборник. Књ. 22. 1998. С. 287–288.

²⁴ *Дердемез Х.* Прегршт народних умотоворина (од Лима до Сјенице) // Новопазарски зборник. Књ. 17. 1993. С. 153.

²⁵ RBJ. S. 353.

²⁶ *Škaljić А.* Turcizmi. S. 307.

²⁷ Ibid. S. 617.

²⁸ RBJ. S. 697.

²⁹ *Škaljić А.* Turcizmi. S. 482.

³⁰ Ibid. S. 482–483.

³¹ *Петровић С.* Турцизми. С. 353.

³² Для этой формы С. Петрович указывает более широкое распространение в балканских языках (мак., алб., рум., алб.) в отличие от *аж-даја* — формы, которая «ограничена северо-западной частью Балкан». См.: *Петровић С.* Турцизми. С. 33.

³³ С пометой «только в песне». См.: *Петровић С.* Турцизми. С. 62–63.

³⁴ С пометой «только в примере» и определением «балканский турцизм из новогреческого», причем «греческое начало слова в турецком переосмыслено в соответствии с *kara* ‘черный’». См.: *Петровић С.* Турцизми. С. 176.

³⁵ Это стремление к отражению национально самобытной лексики в других славянских языках подразумевает опору либо на диалектную лексику, либо на базу старославянского языка, см.: *Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000. С. 12.

³⁶ Сараевские лингвисты употребляют термин *bosanski jezik*. Правомерность употребления одного из терминов в применении к литературному языку — *bosanski* («боснийский») или *bošnjački* («бошняцкий») *jezik* (язык) — автор оставляет за скобками данной работы.

Г.П. Пилипенко

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В РЕЧИ СЛОВЕНЦЕВ
(ПРОВИНЦИЯ ТРИЕСТ)***

Инкорпорирование элементов одного языка в другой – неизбежное и вполне естественное следствие контактных ситуаций. Вопрос состоит в том, насколько глубоко данные элементы проникают в фонетическую систему, конкретные лексические пласты, словообразовательные модели и синтаксические структуры. При длительном сосуществовании языков в пределах одной территории наблюдаются конвергентные явления. В случае с языковой ситуацией словенцев в провинции Триест в Италии речь идет об этнокультурном контактировании славянского и романского мира на протяжении длительного времени. Славяне вступили в контакт с романским населением на территории от современной области Фриули на севере и до полуострова Истрия на юге уже в VI–VII вв., поселялись они в основном в горной местности, тогда как предки современных фриульцев располагались в низменности (ср., например, славянское название города Гориция, заимствованное и во фриульский, и в итальянский языки: *Gurize*, *Gorizia*). Словенцы в области Фриули, на Кресе и в Истрии (вместе с хорватами) оказались в орбите влияния разных европейских держав: Австрии, что благоприятствовало немецкоязычному влиянию на данной территории, и Венеции, способствовавшей распространению собственной культуры¹. Современные границы в Истрии и в области Триеста установлены только

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этноязыковые и этнокультурные вопросы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика» (рук. д.ф.н. Г.П. Нешименко).

во второй половине XX в., до этого регион представлял собой единую культурно-историческую область². После Второй мировой войны словенцы, проживавшие в окрестностях Триеста, оказались в составе Италии, что способствовало закреплению за итальянским языком функции языка экономической и культурной деятельности.³

Взаимодействие языков в прошлом на территории словенско-романских языковых контактов подробно рассматривается в ряде работ⁴. М. Шекли приводит номенклатуру романских идиомов словенско-романского пограничья и предлагает использовать критерий фонетических изменений в самих романских идиомах для установления источника заимствования. Так, например, на основе фонетических преобразований заднеязычных *k* и *g* перед *e* можно определить, заимствована ли конкретная лексема из диалекта венецианского типа, истро-романского языка, фриульского языка, либо из литературного итальянского языка⁵. Для понимания истории местных языковых контактов необходимо сказать, что изначально вся территория от северной Фриулии до Триеста была фриулияязычной⁶, затем фриульский язык постепенно вытесняется с прибрежных территорий, в результате образуется диалект венецианского типа, принадлежащий к северной группе итальянских диалектов. Литературный итальянский язык здесь начинает преобладать только в XX в. Словенский же язык, преподававшийся в учебных заведениях в период Австро-Венгрии, в межвоенный период был вытеснен из системы образования.

В данной статье будут рассмотрены две лексико-семантические группы слов: культурные растения и названия родственников. Этим темам были посвящены беседы с информантами во время полевых исследований 2014–2015 гг. среди словенцев, проживающих в Италии. Целью экспедиций был сбор социолингвистической информации, этнографических данных и фиксация диалектологических особенностей местной словенской речи⁷. Кроме того нас интересовали метаязыковые комментарии носителей словенского языка, связанные с использованием лексем, оценкой языковой ситуации, трансформацией культурной традиции. В результате были записаны нарративы на истрийском и крашском диалектах приморской диалектной группы, а также на регионально окрашенном сло-

венском стандартном языке. Лексика романского происхождения фиксируется в разных семантических группах, например, в названиях профессий, сельскохозяйственных орудий, в кулинарной и рыболовецкой терминологии, названиях рыб⁸ и т. д.

Рассматриваемый регион относится к пограничным областям, является зоной интенсивных славяно-романских контактов. Так, Я. Сятковский отмечает, что итальянские заимствования в материалах ОЛА (рассматриваются названия профессий) концентрируются в словенских пунктах на словенско-итальянском пограничье, в западной Словении, а также на побережье Адриатики от Истрии до Черногории⁹. О сложном межкультурном взаимодействии в данном регионе свидетельствует то, что лексика заимствовалась словенцами из шести языковых источников романского происхождения: из латинского, фриульского, венецианского, истророманского, триестинского и итальянского языков¹⁰.

Лексика, рассматриваемая в статье, выбрана для анализа не случайно. Термины родства более архаичны и, как предполагается, более устойчивы к иноязычному влиянию, чем термины, обозначающие окружающую действительность (к этой группе относится лексика для номинации культурных растений). О.Н. Трубачев писал о терминах родства следующее: «По древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде. Так, в указанных отношениях ей, очевидно, уступают названия растений, злаков, деревьев, домашних животных, значительная часть названий предметов окружающей действительности и основная масса названий предметов хозяйственной деятельности»¹¹.

Рассмотрим группу слов, обозначающих сельскохозяйственные культуры, распространенных в провинции Триеста. Набор этих культур обусловлен климатическими условиями данной местности. Информанты приводили в качестве примера те растения, которые знакомы им самим, поскольку еще в недалеком прошлом была распространена практика относить зелень, овощи, фрукты, выращенные в окрестных деревнях, в Триест на рынок:

[1] *Remulína, remulíne* [Абрикос, абрикоса] (Долина);

[2] *Armeline smə meli, tədə sə nosila, ja, armelína, marelica, ja, tədə* [У нас были абрикосы, тогда их носили (на рынок), абрикос, тогда] (Мачковле);

[3] *Fráyole, kar iz izalijanščine, fráyole ... kumpír, kumpírja, puomədóra, puomədóra, kuyúmər, kuyúmərja, miérən, miérna, yrəb, yrába, fəžuw, fəžúla, šéləm, šélma ... melancána, melancáne, cukéta, cukéte, ja, iz italijanščine zucca* [Клубника, из итальянского языка, (родительный падеж) клубники ... картофель, картофеля, помидор, помидора, огурец, огурца, морковь, моркови, горох, гороха, фасоль, фасоли, сельдерей, сельдерей ... баклажан, баклажана, тыква, тыквы, да, из итальянского zucca] (Долина);

[4] *In sə m'elo rə 'deč, bliédəs, špináčo, mətavílc, fəžoléte, pomədóre, teyolíne* [Был цикорий (салат), мангольд, шпинат, полевой салат, стручковая фасоль, помидоры, коровий горох] (Мачковле);

[5] M4. *Vərzuóte pozimi ste jedli?*

M. *Ja.*

M4. *Obrovť, ne.*

M4. Кудрявую капусту вы ели зимой?

M. Да.

M4. Кудрявую капусту (литературное) (Мачковле);

[6] *Puotle je bla verdúra, zelenjava* [потом были овощи, (литературное) овощи] (Мачковле);

[7] M. *So začele dajt krompír, riépa, péswo, fərməntwə'n.*

M3. *Koruza.*

M. *Mi rečmo fərməntwə'n.*

M. Начали давать картофель, репу, свеклу, кукурузу.

M3. (Литературное) кукуруза.

M. Мы говорим fərməntwən (Мачковле);

[8] *Peró, ti naredi račun, da ti tebe terase, ee, angúrja, in melón, da terasa blízi* (но, ты учти, что эти террасы, э, арбуз, и дыня, что терраса близко) (Мачковле)

[9] M. *Ne, tisto melancáne, ma melancáne ankrat se nej mielo, melancáne, peveróne.*

M2. *Paprika.*

M. Эти баклажаны, но баклажанов когда-то не было, баклажаны, перец.

M2. (Литературное) перец (Мачковле).

В собранном материале встречаются общеславянские номинации для яблока (*jápkə*), груши (*brúšće/frúšće*), черешни (*čriǎšnja*), ореха (*wə'rah*). Фиксируются также заимствованные названия культурных растений, которые идентичны в обследованных говорах и в литературном словенском языке. Так, слива обозначается лексемой *čīǎšpa* (заимствовано из австрийских диалектов немецкого языка *Zweschpen*¹²), которая присутствует также в литературном словенском языке в форме *češplja*. Гречиха имеет форму *ájda* (заимствовано из нижн.-верх.-нем. *Heidenkorn*¹³), словенское литературное – *ajda*. Среди данной группы слов есть также заимствованные диалектизмы из других языков, не находящих параллелей в литературном словенском языке: *mierən* – ср. нем. *Möhre*. Отдельные лексемы – романизмы – являются общими для стандартного языка, обследованного говора и местных романских идиомов: ср. словен. *melancana* и ит. *melanzana* – баклажан, *radič* – ит. *radicchio* (фриуль. *radic*¹⁴), *špinača* – ит. *spinacio*. Из лексем, которые перечисляли информанты, дистантными по отношению к словенскому литературному языку являются слова, обозначающие клубнику, помидор, тыкву, кудрявую капусту, горох, фасоль, арбуз, дыню, перец, кукурузу, огурец, морковь, сельдерей, абрикос, мангольд, а также общее название для овощей.

Многие лексемы заимствованы из территориально близких говоров итальянского языка (триестинский говор, истрийские венецианские говоры), многие лексемы имеют параллели с фриульским языком. Встречающаяся в 1 и во 2 фрагментах лексема для обозначения абрикоса имеет две формы – *remulína*, *armelína*. Первая зафиксирована в Долине, вторая – в Мачковле. В начале слова здесь произошла перестановка и замена гласного *a* на *e*. Подобное явление – афереза гласных – характерна и для истророманской речи: *tarnità* – *eternità*, *ligro* – *allegro*¹⁵. В работе Р. Коссутты отмечена лишь лексема *rəmuliná*¹⁶ и дается указание, что она заимствована из истро-венецианских говоров итальянского языка, где имеет форму *armelín* (ит. лит. *albicocca*). Во фриульском языке мы также обнаружили данное слово в той же огласовке – *armelín*. В ходе адаптации к системе истрийских говоров данная лексема приобрела окончание *-a* и стала относиться к женскому роду¹⁷. Подобные трансформации не единичны. Так, лексема

puomədóra (3 и 4 фрагменты) – заимствованная из местных итальянских говоров¹⁸ – имеет окончание женского рода, тогда как в исходной форме оканчивается на *-o*, признак отнесенности лексемы к мужскому роду (*pomodóro*). Показательно, что в одних словенских говорах данная лексема может быть мужского рода, в других – женского (напр. в Оснетто – *pomodór* (м.р.), в крашских говорах в Санта Кроче – *pomidóra* (ж.р.)¹⁹). Лексема *vərzuóta* (5 фрагмент), используемая для обозначения кудрявой капусты – женского рода. Отмечается, что она была заимствована из триестинского наречия, в котором имеет форму *verzoto*²⁰, во фриульском языке – *verzot*. В других случаях в результате заимствования мы не наблюдаем перехода лексем из мужского рода в женский род. Ср. напр. лексему *kəyútmər* (огурец), для которой указано, что она заимствована из итальянских местных говоров в форме *cogumero*²¹. Похожую лексему находим во фриульском языке в форме *cuđumar*, без конечного *-o* (ср. форму *kodúmer* в Оснетто²²). Следует отметить, что апокопа происходит после *-l*, *-r*, *-n* в венецианском диалекте, конечные гласные, кроме *-a*, отпадают в северо-восточных диалектах венецианского типа²³. Апокопа гласных после одиночных *-l*, *-m*, *-n*, *-r*, *-s* происходит в истророманском²⁴. В целом для фриульского языка редки слова, которые оканчиваются на безударную *-o* (в основном это существительные мужского рода, заимствованные из итальянского языка и венецианского диалектов)²⁵. Конечные согласные могли отпасть уже в тех идиомах, откуда изначально происходило заимствование лексемы.

Лексема *fərməntwə'n* отмечается в северных итальянских диалектах, в триестинском говоре и в истророманском языке, где она встречается в форме *formentone*²⁶. В той же форме находим ее и во фриульском языке, тогда как стандартное обозначение в итальянском – *granturco*, *mais*. Данная лексема фиксируется также в других словенских говорах, напр. в Помьяне, Хрушице – *fərməntón*²⁷. Тыква обозначается при помощи лексемы *cukéta* (словенское литературное – *bučka*), заимствованной из триестинского говора в форме *zucheta*²⁸, итальянское литературное – *zucca*. В Санта Кроче фиксируется лексема *cúka*²⁹. Литературное словенское наименование для сельдерея – *zeléna*, в обследованных населенных пунктах нам встрети́лась

лексема *šélem*. Фонетическое изменение *s* в *š* достаточно распространенное явление при передаче итальянизмов, эта фонетическая особенность характерна также для разговорной итальянской речи³⁰. Что касается конечного согласного *-m*, то в других говорах на территории Истрии мы находим по большей части финаль *-n*. Тот же исход лексемы отмечается в исследовании Р. Коссутты³¹: *selen*. В ее работе делается отсылка к триестинской форме *selino*, послужившей основой для заимствования. Во фриульском языке сельдерей – *selin*, итальянская литературная форма – *sedano*.

Для обозначения нескольких видов бобовых используются такие лексемы, как *teyoline* (ж.р. мн.ч.), *fažolète* (ж.р. мн.ч.). Первая заимствована из итальянских венецианских говоров: *tegoline* (от *tega* 'стручок гороха') – ит. венец. 'зеленый стручок фасоли (гороха)'; вторая фиксируется в говорах словенской части Истрии в виде *fažolète*, в которые была заимствована непосредственно из триестинского говора и итальянских диалектов Истрии³². Заимствованные лексемы используются и для номинации арбуза и дыни (фрагмент 8): *angúrja*, *melón* (словен. лит. *hubenica*, *dinja*). Интересно, что информант не произносит здесь фрикативного *ɣ*, характерного для приморской наречной группы (в отличие от лексемы, рассмотренной выше – *kəyúmər*). Вероятно, это происходит под влиянием итальянской нормы (*anguria*), с которой чувствует связь информант. С другой стороны, помимо фрикативного *ɣ* в словенских говорах Истрии распространена форма с начальным *-l*: *lənýúra*³³, которая является результатом прямого заимствования из истровенецианских говоров: *languria*. Что касается лексемы для обозначения дыни, то здесь также можно наблюдать отпадение конечного гласного (ср. ит. лит. *melone*). В словенских говорах Истрии находим форму *malon*, из истровенецианских говоров³⁴, где произошла замена корневого гласного *a* на *e*. Подобную замену гласных находим и в других заимствованных примерах. В 9 фрагменте встречаем лексему *peveróne* (м.р. мн.ч.). Р. Коссутта указывает форму *paveron*³⁵. Для сравнения приведем формы в итальянском литературном языке – *peperone*, и во фриульском языке – *pevaron*. Во всех примерах последовательность гласных *e* и *a* различна. Можно предположить, что последовательность

–*eCe*– поддержана влиянием литературного языка в конкретном случае, а также истрийскими говорами итальянского языка (*peveron*). Лексема *bliédes* (фрагмент 4) для обозначения мангольда также встречается в говорах Истрии (напр. *blédeš*): словен. лит. *blitva*, ит. лит. *bietola*, фриул.: *blede*. Ф. Безлай указывает на фриульское происхождение данной лексемы³⁶. Начальное сочетание *bl*– характерно для фриульской языковой зоны, поскольку там, в отличие от итальянского языка, сохранилось начальное сочетание *C+l*, которое в итальянском языке заменяется на *C+j*³⁷. Для номинации овощей (фрагмент 6) используется истровенецианское *verdúra*³⁸. Итальянское влияние проявляется в заимствованном слове *fráyola* (фрагмент 3), ср. ит. лит. *fragola*. Р. Коссутта указывает на распространение этой лексемы в триестинском и истровенецианских говорах³⁹. Из лексем, которые не были нами зафиксированы в речи информантов (однако фиксируются в других источниках), следует отметить *kávolo* для обозначения капусты⁴⁰ (ср. ит. лит. *cavolo*). Таким образом, на примере данных заимствований можно проследить, как происходит адаптация заимствований с точки зрения их родовой принадлежности и из каких идиом они заимствованы. Большинство заимствований приходится на местные диалекты итальянского языка – триестинский, истровенецианский.

Сами информанты в ходе повествования комментируют происхождение диалектных лексем, приводя в качестве перевода аналог из литературного словенского языка. Подобная стратегия реализуется во фрагментах 2, 3, 5, 6, 7, 9. Во фрагментах под номерами 5, 7, 9 другие участники полилога дают перевод на литературный язык: они разъясняют исследователю значение явно незнакомых для него слов. При этом происходит уточнение источника заимствования, например, во фрагменте 3. Информант дважды комментирует происхождение лексем, поскольку здесь для него очевидно итальянское влияние: если для первого случая – лексемы *клубника* – он только констатирует факт заимствования, то во втором случае – для лексемы *тыква* – он приводит оригинальное итальянское заимствование. Пятый фрагмент является отрывком из полилога. Происходит разговор между жителями Мачковле на локаль-

ном диалекте. Задав вопрос участнику полилога М на диалекте, М4 далее расшифровывает для исследователя значение конкретной лексемы (кудрявая капуста), повторяя ее на стандартном языке.

Второй семантической группой, которую мы рассмотрим в данной статье, является группа слов, выражающих родственные отношения. Большая часть лексики относится к общеславянскому фонду: *táta, máma, muož, žena, sin, hči, brat, sestra, vnuk, zia't, nevia'sta, stric, teta, tast, tášča, starnič, starnična, stárši*. Ниже приведем фрагменты интервью с информантами, в которых упоминаются термины родства:

[10] *Itak tam je bilo že več italijanskega prebivalstva, kako so Milje, papá?* [Там было больше итальянского населения, как Муджа, папа?] (Долина);

[11] *Moj bižnóno, mislim praded, je bil kamnosek* [Мой прадед, литературное (прадед), был камнетесом] (Набрежина);

[12] *Žláhta, straše, in stari starši so nónoti, in prastari starši so bižnónoti <...> máma in táta, potem so nóno in nóna, bižnóno bižnóna ... stric, teta, to je tako bratranc, sestrična <...> muož, žena, sin, hči, vnuk <...> pač, tako, tast in tašča sta tast in tášča, potem recimo to, zet in <...> snaba je v našem narečju zia't in nevia'sta, ja, nevésta za snabo, medtem ko svak in svakinja to je kunjád in kunjáda, ker to je iz italijanščine, cognato*. [Родственники, родители, бабушка и дедушки – *nónoti*, прабабушка и прадедушка – *bižnónoti* <...> мама и папа, потом дедушка и бабушка, прадедушка и прабабушка ... дядя, тетя, это так, двоюродный брат, двоюродная сестра <...> муж, жена, сын, дочь, внук <...> и так, тесть и теща это *tast* и *tášča*, потом, скажем это, зять и <...> сноха в нашем наречии *zia't* и *nevia'sta*, да *nevesta* для снохи, тогда как свояк и своячница это *kunjad* и *kunjada*, потому что это из итальянского, *cognato*] (Девин);

[13] *Táta, máma, sin, hči, stric, teta, nóna, nóno, buótar, buótra ... nečak, nečakinja se reče, tako, ne, ja, ja, bolj bratranc in sestrična se reče starnáč in starnična <...> zot in snáha*. [Папа, мама, сын, дочь, дядя, тетя, бабушка, дедушка, крестный, крестная ... племянник, племянница говорят, так, больше (говорят) двоюродный брат и двоюродная сестра говорят *starnáč* и *starnična* <...> зять и сноха] (Прапрот);

- [14] G. *Kako se obrneš, ne rečeš po italijansko, na zadnjem zlogu, papá?*
 N. *Tata, ne, tega ne rečem.*
 G. *Ker sem slíšal...*
 N. *Ja, nekateri rečejo, bolj od Trsta dol recimo.*
 G. *Ja, tam, Dolina...*
 N. *Oni rečejo papá, je res, ne, mi rečemo vsi táta.*
 G. А как ты обратишься, ты не скажешь по-итальянски, на последнем слоге, *papá*?
 N. *Tata*, нет, этого я не говорю.
 G. Потому что я слышал....
 N. Да, некоторые говорят, от Триеста вниз, скажем.
 G. Да, там, Долина...
 N. Они говорят *papá*, правда, мы все говорим *táta* ((Прапрот));
- [15] E. *Oziroma labko, mi prevzemamo dosti iz italijanščine, moja šuóčera, in muoj šuóčero.*
 G. *Tisto kunjád?*
 E. *A, to je zet, tisto tudi prevzamemo iz italijanščino, cognato, cognata, ne, kunjáda, damo d namesto t-ja.*
 E. Т.е. можно, мы заимствуем достаточно из итальянского языка, мой тесть (свекор), моя теща (свекровь).
 G. А *kunjád*?
 E. А, это зять, это мы тоже заимствуем из итальянского языка, *cognato, cognata, kunjada*, мы вместо конечного *t* ставим *d* ((Прапрот)).

Среди заимствованных лексем выделим один германизм – *žláhta* (фрагмент 12), этим термином обозначают всех родственников (ср.-верх.-нем. *slahte* – племя, род). В словаре словенского литературного языка (SSKJ) это слово встречается с пометой разговорное. Отметим также лексемы *buótär, buótra*, обозначающих крестного отца и крестную мать. Эти термины распространены в литературном словенском языке, Безлай указывает на их др.-верх.-нем происхождение⁴¹.

Интерес представляет лексема *neviá'sta* (фрагмент 12), которая используется для обозначения снохи, по этому поводу дает свое разъяснение сам информант. Судя по материалам словенского лингвистического атласа (далее – СЛА), данная лексема в этом значении используется в диалектах приморской

наречной группы. Следует сказать, что словенские диалекты не единственные, в которых используется лексема *nevià'sta* для номинации снохи. М.С. Морозова, исследовавшая терминологию родства в славянских говорах на территории Албании (район Голо Бордо), отмечает, что «термином *n'evesta/невеста*, как представляется, обозначается женщина по отношению ко всем родственникам своего мужа старше ее»⁴². По данным ОЛА лексемы с корнем *snъx* для номинации «женщины в день свадьбы» употребляется в словенском Помурье (п. 20, п. 21), в Боснии (п. 58), Македонии (п. 98), в сербско-хорватских диалектах на территории Венгрии (п. 150, п. 152), а также в Сербии (п. 64)⁴³. Е.С. Узенёва в монографии «Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование» отмечает, что вся новая родня молодой жены, включая и мужа, называла ее термином родства (болг. *булка, невеста*), поскольку ее личное имя было табуировано, «что было обусловлено представлениями об опасности чужой, незнакомой женщины для семьи, ее принимающей»⁴⁴.

Лексемы *ujes, ujna*, отмеченные в СЛА⁴⁵, нам не встретились. Судя по картографируемым материалам, вместо этих лексем могут использоваться *stric* и *téta*.

При номинации дедушки и бабушки используются повсеместно лексемы *n(u)ono/n(u)ona*, заимствованные из итальянского языка (ит. лит. *nonno, nonna*, истр. *nono, nona*). В СЛА отсутствует карта номинаций для прадедушки и прабабушки. В обследованных нами говорах повсеместно также используется итальянизм – *bižn(u)ono, bižn(u)ona*⁴⁶ (ит. лит. *bisnonno, bisnonna*, истр. *bisnono, bisnona*). Множественное число образуется при помощи расширения основы: *n(u)ono-t-i, bižn(u)ono-t-i*. Для обозначения свояка и свояченицы нами были зафиксированы термины *kunjad, kunjada* (фрагмент 12). Во фрагменте 15 информант использует термин *kunjad* для номинации зятя (что отсутствует в материалах СЛА), вероятно, по аналогии с семантикой слова *cognato* в итальянском языке, обозначающего деверя, зятя (мужа сестры), шурина и свояка⁴⁷. Как источник заимствования указаны венецианское наречие итальянского языка (*cognado, cugnado*) и фриульский язык (*cugnât*)⁴⁸. Информант комментирует особенности данного заимствованного слова в собственном наречии (Прапрот): исход слова на *-d*, что отличается от литературного итальянского. По всей

видимости, заимствование происходило из локальных итальянских говоров, в которых данная лексема фигурирует с исходом на *-ad(o)*. Интерес представляют термины *šuočero*, *šuočera* для номинации тестя и тещи. Материалы СЛА дают для данной территории словенских говоров *tast* и *tášča*, тогда как *suočero* и *suočera* являются единичными лексемами и используются параллельно со славянскими терминами (зафиксированы в деревне Плавье на словенской территории, расположенной южнее Триеста на словенско-итальянской границе, пункт СЛА 115⁴⁹). О параллельном использовании терминов упоминает и наш информант, при этом он снабжает свой ответ металингвистическим комментарием о большом количестве заимствований из итальянского языка. Из зафиксированных нами заимствованных лексем обратим внимание еще на обращение к отцу – *papá*. Данное слово встречается во фрагментах 10 и 14. В первом случае речь идет о спонтанном употреблении, во втором – обсуждение с информантом ареала использования данной лексемы. Действительно, термин *papá* мы фиксировали только южнее Триеста (в данном случае – в Долине), материалы СЛА подтверждают наши наблюдения и наблюдения информанта (*bolj od Trsta dol*): он отмечается в местах Колонковец и Болюнец (пункты 137 и 114), причем параллельно с лексемой *oče*⁵⁰. В комментариях для СЛА находим, что эта лексема произошла от немецкого языка⁵¹, по нашему мнению, в ее консервации сыграл свою роль итальянский язык, где она используется с ударением на последнем слоге. Из лексем, которые нами не были отмечены, но которые характерны для рассматриваемого региона, следует упомянуть функционирующее параллельно со славянским *vnuk* заимствование из итальянского – *nipote*⁵².

Как и в случае с терминами, обозначающими культурные растения, информанты часто сами «переводят» диалектные формы на стандартный язык (см. фрагмент 11).

Таким образом, исследовав полевые материалы, собранные нами в словенских населенных пунктах, расположенных в Италии в провинции Триест, мы выявили и проанализировали лексику, используемую для обозначения культурных растений и терминов родства. Оказалось, что среди терминов культурных растений, общеславянские наименования состав-

ляют лишь небольшую часть, а преобладают заимствования из итальянского языка (при небольшой доле немецких лексем). Что касается терминов родства, то большая их часть в конкретных говорах оказалась общеславянской, некоторые из них функционируют параллельно с заимствованиями (*šuočero, nīróte, papá*). Однако если мы посмотрим на материалы СЛА, то выяснится, что данная терминология также сильно подвержена внешним влияниям, как и любая другая сфера языка. Большинство лексем заимствовано из триестинского и истровенецианского диалектов итальянского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об истории языковых контактов см.: *Kaučič-Baša M. Ohranjanje slovenščine med Slovenci na Tržaškem // Živeti mejo. Slavistično društvo Slovenije. Trst, 2007. S. 196–200.*

² С установлением границ были нарушены экономические и культурные связи многих населенных пунктов Истрии, которые были связаны с Триестом.

³ При сохранении прав на получение образования на словенском языке и развитии культурных центров, занимающихся развитием локальной словенской культуры

⁴ См. работы: *Cossutta R. Romanizmi v poljedelskem in vinogradniškem izrazju slovenske Istre. Annales. Koper, 2010; Šekli M. Metodologija določanja plasti mlajših romanizmov v slovenščini // Jezikoslovni zapiski. Ljubljana, 2013. № 19/2. S. 291–315; Todorović S. Šavrinsko in istrskobeneško besedje na Piranskem Koper, 2015.*

⁵ *Šekli M. Metodologija določanja. S. 302*

⁶ Ср. различное название говора фриульского языка Триеста (*tergestino*), вымершего в XIX в., и современного триестинского говора венецианского типа (*triestino*).

⁷ Подробнее о результатах экспедиции см.: *Пилипенко Г.П. Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. М., 2015. № 3–4. С. 383–401.*

⁸ См., например: *Cossutta R. Ribiška jezikovna in kulturna dediščina v Tržaškem zalivu in slovenski Istri. Koper, 2015; Volpi Lisjak B. O zgodovini in dediščini slovenskega morskega ribištva: ribiški muzej tržaškega primorja. Ljubljana; Križ, 2013.*

⁹ *Siatkowski J. Słowiańskie nazwy wykonawców zawodów w historii i dialektach. Warszawa, 2005. S. 105.*

¹⁰ *Cossutta R. Romanizmi. S. 282.*

- ¹¹ Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959. С. 17.
- ¹² Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 1. Ljubljana, 1977. S. 80.
- ¹³ Ibid. S. 2.
- ¹⁴ Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 3. Ljubljana, 1977. S. 144.
- ¹⁵ Нарумов Б.П. Истророманский язык/диалект // Алисова Т., Чельшьева И., Нарумов Б. и др. Языки мира: Романские языки (далее – Романские языки). М., 2001. С. 191.
- ¹⁶ Cossutta R. Romanizmi. S. 99.
- ¹⁷ По данным проекта «Словарь истрийских хорватских говоров» данная лексема встречается как в женском, так и в мужском роде: *armelína* – в юго-западной Истрии, и *armelín* – в Лабине, Лабурнии, Пазине, Бузете, Чичарии. Текст доступен по адресу: http://www.istarski-rjecnik.com/pregled_rijeci/119710/ (дата последнего посещения здесь и далее 29.XI.2015).
- ¹⁸ Cossutta R. Romanizmi. S. 113.
- ¹⁹ ОЛА. Вып. 4. Серия лексико-словообразовательная. Сельское хозяйство / Под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012. С. 69.
- ²⁰ Cossutta R. Romanizmi. S. 112.
- ²¹ Ibid. S. 117.
- ²² ОЛА. Вып. 4. С. 65.
- ²³ Чельшьева И.И. Диалекты Италии // Романские языки. С. 119.
- ²⁴ Нарумов Б.П. Истророманский язык/диалект // Романские языки. С. 191.
- ²⁵ Нарумов Б.П., Сухачев Н.Л. Фриульский язык // Романские языки. С. 375.
- ²⁶ Cossutta R. Romanizmi. S. 45.
- ²⁷ ОЛА. Вып. 4. С. 143.
- ²⁸ Cossutta R. Romanizmi. S. 97.
- ²⁹ ОЛА. Вып. 4. С. 67.
- ³⁰ Šekli M. Metodologija. S. 305.
- ³¹ Cossutta R. Romanizmi. S. 114.
- ³² Ibid. S. 116.
- ³³ Ibid. S. 118.
- ³⁴ Ibid. S. 127.
- ³⁵ Ibid. S. 95.
- ³⁶ Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 3. Ljubljana, 1977. S. 28.
- ³⁷ Нарумов Б.П., Сухачев Н.Л. Фриульский язык. С. 373.
- ³⁸ Cossutta R. Romanizmi. S. 127.
- ³⁹ Ibid. S. 101.
- ⁴⁰ Ibid. S. 112.
- ⁴¹ Etimološki slovar slovenskega jezika. Kn. 1. Ljubljana, 1977. S. 35.

⁴² Морозова М.С. Система терминов родства и семейный этикет // Голо Бордо, Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под. ред. А.Н. Соболева, А.А. Новика. СПб.; Мюнхен, 2013. С. 90.

⁴³ ОЛА. Вып. 10. Серия лексико-словообразовательная. Народные обычаи / Отв. ред. Т.И. Вендина. М., СПб., 2015. С. 67.

⁴⁴ Узенёва Е.С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М. 2010. С. 76.

⁴⁵ Slovenski lingvistični atlas 1. Človek (telo, bolezni, družina) / Ur. Jožica Škofic. Ljubljana, 2011. S. 255, 259.

⁴⁶ По данным словаря истрийских хорватских говоров в качестве первого компонента в чакавских диалектах может использоваться славянский элемент: юго-западная Истрия: *pranona*, Пазин: *prenuona*. Текст доступен по адресу: http://www.istarski-rjecnik.com/pregled_rijesi/122824/.

⁴⁷ М.С. Морозова отмечает, что в славянских диалектах Голо Бордо для номинации сестры жены/мужа используется албанизм *kun'ata/куната*. Добавим, что здесь также можно предположить итальянское влияние. См.: Морозова М.С. Система терминов родства и семейный этикет. С. 91.

⁴⁸ Slovenski lingvistični atlas 1. Človek (telo, bolezni, družina). S. 297.

⁴⁹ Ibid. S. 281, 283.

⁵⁰ Ibid. S. 235.

⁵¹ Ibid. S. 244.

⁵² Ibid. S. 251.

И.Е. Адельгейм

**ЗАПОЗДАЛОЕ УКОРЕНЕНИЕ:
«ВОЗВРАЩЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ» И ТРАВМА
ПОСЛЕВОЕННОЙ МИГРАЦИИ В ПОЛЬСКОЙ
ПРОЗЕ 1990–2000-х ГОДОВ**

В 1990–2000-е годы художественная география польской литературы оказалась расширена за счет активного обращения прозы к пространству «возвращенных территорий» – отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г., а также переговоров с СССР 1945–1956 гг. бывших немецких земель, которые были после Второй мировой войны заселены «репатриантами» (а точнее – «экспатриантами») с окончательно утраченных Восточных Кресов и добровольными переселенцами. Возникновению пристального интереса к «возвращенным территориям» на рубеже 1980–1990-х годов способствовало сразу несколько факторов.

Это была реакция на утрату былой значимости, определенности и самодостаточности критерием «польскости» как главным способом самоидентификации. Осмысление «малой родины» позволяло автору/повествователю/герою опереться на фамильную память и связь с пространством, синтез семейного мифа и *genius loci*.

Кроме того, хотя тема «возвращенных территорий» и присутствовала в литературе социалистической Польши¹, но, будучи одним из важнейших элементов государственной политики, находилась под строгим идеологическим контролем. Сфокусированная в пространстве Западных Кресов трагедия двойного искоренения – немцев и «репатриантов» – на протяжении десятилетий оставалась вопросом в значительной степени табуированным. Свою роль сыграл и психологический «крен» в сторону утраченного, то есть Восточных Кресов: «Неутоленная тоска <....> привела к тому, что польская лите-

ратура не получила достаточного художественного стимула для исследования жизни на новом пограничье»². В результате освещавшая проблему послевоенной миграции проза 1950–1970-х годов за редкими исключениями оказалась в большей степени явлением социологическим и политическим, нежели художественным.

Однако важнейшей причиной было то, что на рубеже 1980–1990-х годов в польскую литературу пришли *дети* переселенцев, для которых полное укоренение в пространстве детства оказалось невозможным без рефлексии над судьбами предков – как собственных, так и бывших жителей этих территорий.

Таким образом, лишь спустя полстолетия «возвращенные территории» стали предметом свободной художественной рефлексии. Это тексты разной степени художественности, но неизменной остается болевая точка соприкосновения биографии и творчества, отсылающая к внелитературному, историческому контексту.

Формирование топоса «возвращенных территорий» в польской прозе 1990–2000-х годов было подготовлено не столько попытками социалистической власти создать «миф пионеров», осваивающих «исконно пястовские» земли, сколько богатейшей традицией эстетического осмысления Восточных Кресов, прежде всего послевоенной польской автобиографической и мифобиографической прозой Ч. Милоша, Ю. Виттлина, С. Винценза, Е. Стемповского, Т. Конвицкого, А. Кусьневича, З. Жакевича, Ю. Стрыйковского, З. Хаупта, Л. Бучковского и др. Ностальгический миф Кресов – психологический и художественный опыт вневременного укоренения в утраченном – создававший «общину памяти» (Дэвид Миддлтон), служивший «экологической нишей» и позволявший обрести иллюзию гармонии в хаосе идеологизированной жизни, облегчить боль искоренения, носит для польской культуры знаковый характер.

«Райская», идеализирующая перспектива одной из ветвей прозы о Восточных Кресах своеобразно преломляется после 1989 г. в текстах о «возвращенных территориях» тех, кто пережил переселение подростком или ребенком.

Посредством идеализации обживает «возвращенные территории» Збигнев Жакевич. Книга «Увиденное, во времени

остановленное» показывает процесс вторичного укоренения: Гданьск и его окрестности становятся для Жакевича «выбранной родиной» («В 1968 году я приехал в Гданьск и здесь окончилась моя ностальгия человека, лишённого земли, эмигранта. <...> я вновь почувствовал себя снова дома»³). Причина этого ощущения – сходство пейзажей, быта, ментальности обитателей открытого пространства с тем, что Жакевич помнит по детству, проведенному на Восточных Кресах: «те же ледники эти земли избороздили, воздвигли горы из сыпучих песков, в ледниковой воде овраги и долины искупали. И у солнышка здесь тот же угол, отчего растут те же лесочки еловые и березовые, кустики раkitника и можжевельника»⁴. Хотя это уже не попытки уйти через слово в утраченную Аркадию, но и неприятие новой земли такой, какая она есть – скорее перенесение рая Восточных Кресов на Западные (характерно в этом смысле название книги «Гданьские Сморгони», соединяющее два пространства).

Для Александра Юревича («Лида», «Господь глухим не внемлет») и Адама Загаевского («Два города») утраченное пространство Восточных Кресов полностью заслоняет реальное, что воспринимается как травма, преодолеть которую спустя годы и стремится повествователь: «Если я не выдавлю из себя этой повести <...> жизнь моя окажется неполной»⁵.

Момент расставания ребенка с «первым» домом воспринимается в прозе Юревича, увезенного из белорусской Лиды в пятилетнем возрасте, как ключевое событие, бросающее тень на всю последующую жизнь, определяющее восприятие пространства и времени, сливающихся воедино в болезненном опыте (пространство делится на «до» и «после», время – на «там» и «здесь»). Подобным образом выстроен хронотоп у Загаевского, однако в этом случае травмированная и травмирующая память навязана взрослыми – писатель (и его автобиографический повествователь) не мог сохранить реальных воспоминаний о Львове, из которого был увезен в Гливице младенцем: «Мне <...> много лет рассказывали о необычайно красивом городе, который моя семья была вынуждена покинуть <...> Ничего удивительного, что на реальные дома и улицы я смотрел с чуть презрительным превосходством и из реальности брал только то, что необходимо для выживания»⁶. Это

яркий пример не просто постпамяти⁷ – перспективы этической, опирающейся на эмпатию, воображение – но травмы, которой она может обернуться, по сути – насилия, совершаемого над мировосприятием ребенка. Повествователь Загаевского фиксирует случаи конфликта естественного детского интереса к окружающему пространству и неумолимости его отрицания, навязанного взрослыми: «Выработанное равнодушие к новому городу <...> порой подвергалось тяжкому испытанию. С одного из холмов этот некрасивый город выглядел вполне привлекательно»; «Не полагалось восхищаться миром здесь, в этом случайном городе»⁸.

Отношения с пространством подчинены памяти о прошлом, блокирующей потребность и возможность соприкосновения с настоящим. Отсюда у Загаевского фантастические образы «живых теней», актеров «театральной труппы, которая <...> появилась однажды в этом городе и разбила в нем шатры»⁹ (бывшие жители Львова продолжают играть свои львовские роли), параллельной реальности («Они полагали, что <...> по-прежнему находятся во Львове»¹⁰; «Мой дед, хоть и шагал рядом, в этот самый миг переносился во Львов. Я шагал по улице Гливиц, а он – по улице Львова»¹¹), жизни-смерти («Они бродили по аллеям парка <...> Я не знал, что эти блуждания – медленное умирание»¹²).

Реальное пространство детства остается для героев территории неосвоенной и постепенно отравляющей их чуждостью. «Чью кожу я надел и donaшиваю, словно старый плащ, чья кровь бежит по <...> жилам?»¹³, – спрашивает повествователь Юревича, для которого навсегда открытым остается вопрос о том, что он утратил в детстве и чью жизнь прожил: «Я уже и не знаю. Может, все это неправда. Я ничего не слышал. Ничего не видел. Ничего не чувствовал. Перепутал свою память с чьей-то еще»¹⁴. Повествователь Загаевского называет себя «перманентно бездомным»¹⁵, поскольку реальное пространство отвергнуто, а память об утраченном рае – чужая, унаследованная, транслируемая, отраженная – опорой служить не может.

«Лида» Юревича заканчивается словами «боль не воплощается»¹⁶: целью повествования является не устранение травмы, а наделение ее смыслом, вписание в биографию. Загаевский

в процессе повествования, анализа амбивалентности пространства реального и иллюзорного пытается освободиться от власти навязанного ему ностальгического дискурса («Я должен ограничиться тем, что видел, что помню, что хочу помнить»¹⁷), описать город *собственного* опыта, взросления, переживаний, подобно Юревичу вступить в диалог с собой-ребенком и одновременно дистанцироваться от него. В результате он обретает иллюзию равновесия в пространстве – «третий город», с перспективы которого Гливице видится «в новом свете»¹⁸: «Те же улицы <...> становились почти столь же прекрасны, как венецианские каналы»¹⁹. Два исключавших друг друга пространства образуют наконец в сознании повествователя некое призрачное единство: «Разговаривают друг с другом два города. Два города танцуют вместе. Два города, разные, но обреченные на трудную любовь»²⁰.

Для авторов, родившихся уже на «возвращенных территориях», – Павла Хюлле, Стефана Хвина, Александра Даниэля Лисковацкого – Восточные Кресы отодвигаются дальше, становясь элементом семейной традиции. Собственным же болезненным психологическим опытом этих писателей оказывается ощущение двойного «разлома», двойной драмы – в судьбе родителей и пространства детства.

В 1990-е годы это переживание воплощается в своеобразную ностальгическую археологию: «возвращенные территории» описываются как «палимпсест на листе времени»²¹, а повествователь интересуется, в первую очередь, предметным миром и топонимикой (характерны названия книг Лисковацкого – «Улицы Щецина», «Сахарница фрау Кирш») – безмолвными (но охотно одушевляемыми) свидетелями Истории, точками, в которых сфокусировано напряжение между прошлым и настоящим, своим и чужим, данным и отсутствующим. В прозе о Восточных Кресах, основанной на самоидентификации через связь с пространством, регионом, а не с государством, нацией или религией, герой – через природу и участие в цикличности бытия – оказывался словно бы напрямую связан с вечным, непреходящим. В прозе о Кресах Западных герой окружен не столько природой, сколько тканью самой Истории. На смену пейзажу приходит предметный мир, отсылающий к историческим катаклизмам. Однако эта осо-

бенность и оказывается неотъемлемой частью топоса «возвращенных территорий». Если в прозе о Восточных Кресах История уничтожала миф, то здесь она сама предстает его элементом. При этом эмпатическое повествование о пространстве-палимпсесте позволяет физически ощутить присутствие в нем Другого – как части этой истории – и тем самым получить моральное право на укоренение.

Неслучайно топос «возвращенных территорий» в прозе 1990-х годов тесно связан с топосом детства («Короткая история одной шутки», «Ханеман» Хвина, «Вайзер Давидек», «Рассказы на время переезда», «Первая любовь и другие рассказы» Хюлле). Детское видение более открыто, не искажено взрослым сознанием – оценивающим, разделяющим, обремененным памятью о войне. Кроме того, по аналогии с прозой о Восточных Кресах, функционировавших как миф о начале начал и утраченном рае детства, в прозе Хвина и Хюлле 1990-х годов Гданьск и его окрестности описываются как пространство, почти мистически связанное с ребенком и дарующее ему важнейшие метафизические открытия, а дом на «возвращенных территориях» – как центр Вселенной.

Эта проза построена на внутреннем диалоге взрослого повествователя с собой-ребенком. Такой диалог дает иллюзию власти над смыслами собственной биографии, усиливает ощущение ее единства: «Я исписываю страницу за страницей в надежде, что наконец пойму то, чего понять не могу, что наконец увижу то, чего раньше не замечал»²²; «То, что я делаю сейчас, ни в коем случае не сочинение повести, а лишь заполнение белого пятна»²³. Таким образом, в 1990-е годы происходит ностальгическая, не лишенная сентиментальности мифологизация детства и судьбы повествователя, а также самого пространства «возвращенных территорий», безмолвных свидетелей и участников его истории.

В 2000-е годы продолжается литературное обживание пространства «возвращенных территорий», однако акцент смещается. Если в 1990-е годы в центре повествования была, главным образом, плотная ткань материального мира и диалог повествователя со своим детством, а текст представлял собой своего рода психоаналитический сеанс, то теперь перед читателем возникает не менее плотная ткань генеалогического древа,

позволяющая на многих персонажах проследить сдвиги границ, миграцию, формирование сложной идентичности. Проза поколения детей переселенцев словно бы совершает несколько шагов назад – к истории родителей и бабушек-дедушек, обращаясь к модификациям жанра семейной саги.

В диалогиях Инги Ивасюв («Бамбино», «К солнцу») и Иоанны Батор («Пяскова Гура», «Заоблачье»), в романах Бригиды Хельбиг «Секретики» и Зыты Орышин «Спасенная Атлантида» подробно исследуются родственные связи, образующие в разных поколениях множество соприкасающихся и переплетающихся цепочек – людскую ткань пространства Штеттина/Щецина, Вальденбурга/Валбжиха, Вальдбурга/Лесного Бжега, Зальцбрунна/Дембно. Повествователь романа Хюлле «Мерседесбенц. Из писем к Грабалу» воспроизводит историю бабушки и бабушки. «Воспой сады» – еще один шаг вглубь, к предыстории родителей писателя (проясняющей то, о чем читатель знает по рассказам 1990-х годов) и соседки-немки – бывшей хозяйки дома. Автобиографический повествователь стремится узнать больше, чем то, чему сам оказался в детстве свидетелем. В результате возникает целая панорама драматических судеб жителей Данцига/Гданьска и его окрестностей – немцев, кашубов, поляков. Свои корни – вплоть до XVII в. – ищет автобиографическая героиня романа Хельбиг «Секретики», испытывающая настоящую потребность увидеть предков, «настоящими, еще не тронутыми выселением, изгнанием, пересаживанием. Укорененными в себе»²⁴, а затем проследить их путь, осмысляемый как ее собственная предыстория. Лисковацкий в «Eine kleine» обращается к немецкому прошлому родного города – судьбам немецких жителей сразу после Второй мировой войны.

Вместе с этим «шагом вглубь» – от поэтизируемого мира детства детей переселенцев к психологии и социологии опыта их родителей, бабушек и дедушек – меняется в повествовании место предметного мира. Бывшие немецкие вещи здесь – предмет добычи и дележа переселенцев, а не завораживающий следующее поколение слой палимпсеста. Предметы возникают лишь в связи с реальными людьми – утилитарно или как признак определенного образа жизни, обживания пространства и т. д. Это по-прежнему эмпатическое описание, но описание

уже *человеческого быта*, а не бытия вещей как носителей ностальгии (своей, своих предков и изгнанных немцев), следующий этап обживания послевоенного пространства – от обнаружения следов к анализу истоков.

Определенную роль в обращении прозы о «возвращенных территориях» к повседневности сыграло то, что в 2000-е годы, в отличие от периода 1990-х – она преимущественно женская. У Ивасюв (и в значительной степени у Батор) на первом плане оказывается кухня: именно она демонстрирует границы культур и этносов – срез постмиграционного социума «возвращенных территорий», являясь текстом, запечатлевшим культурную идентичность пограничного, травмированного пространства.

Трансформируется в прозе 2000-х годов и миф начала нач. В романе Батор «Темно, почти ночь» Валбжих предстает не раем, но адом детства, фантазмагорическим пространством, впитавшим множество трагедий («Немецкие [призраки] жили в щелях пола <...>, еврейские заглядывали в окна»²⁵). Навязчивые мысли о прежних жителях пугают повествовательницу «город-я-город» Ивасюв: «Пусть бы они уже оставили меня в покое»²⁶. Автобиографический герой Хюлле узнает историю своего дома – место многослойной, многомерной и травмированной памяти. Носителями зла в нем оказываются хранившиеся в доме дневник некогда жившего здесь маньяка-сидиста и рукопись неоконченной оперы Вагнера, предрекающей гибель народу, городу («Крысолов уведет нас из наших городов. Они сгорят. Превратятся в руины. Зарастут бурьяном»²⁷) и хозяйину дома.

В восприятии прозы 2000-х годов не может служить раем и началом начал земля, под которой «лежит, растоптанная»²⁸ родина его бывших обитателей. Повествователь Хюлле ощущает, что дом его рождения вовсе не был началом их с родителями жизни²⁹. Щецин предстает «проходной комнатой»³⁰, временной «остановкой»³¹, местом, «всеми покинутым»³², «городом людей со спутанными биографиями, перебитыми позвоночниками <...>, покалеченных, травмированных»³³, городом «продырявленным насквозь»³⁴, организмом «распыленным, рассеянным, близким к атрофии, распаду»³⁵. Лисковацкий описывает Щецин первых послевоенных лет – фантазмагорическое пространство трагедии прерывности, город, завис-

ший между немецким Штеттином и польским Щецином. Валбжих – «город скитальцев»³⁶, идентичность жителей которого «склеена из кусочков»³⁷, а жизнь подобна «сошедшему с рельсов и сползающему по горному склону поезду: теряется багаж с нужными вещами, а в окна летит чужое имущество, шишки и птенцы»³⁸.

Соблазнительная возможность начать все сначала («Возвращенная земля Валбжиха будит надежды в особенности у тех, у которых своей никогда не было. Они ниоткуда, но хотят получить свое, чтобы быть откуда-нибудь»³⁹) оказывается иллюзией: пространство «возвращенных территорий» не становится землей обетованной не только для переселенцев («Они намеревались быть счастливыми. Зародыш поражения возник по дороге, в предысториях, в их пути к городу, в котором они живут. В багаже несчастья, в утрате, на которой им предстояло строить»⁴⁰), но и для родившихся уже здесь их детей, которые, вопреки ожиданиям родителей («Те, кого занесло в Валбжих, размножались в надежде, что дети родятся с корнями, которые им самим отрубили, и тогда они смогут ухватиться за своих укорененных детей и почувствуют себя на своем месте, дома»⁴¹), наследуют их травму.

Повествователи словно бы проводят от точки переселения линию назад (к предкам) и вперед (к следующему поколению, к которому относятся авторы). Они пытаются проследить генезис и последствия собственной размытой идентичности: ситуация двойственности и амбивалентности при любом историческом повороте словно бы передается из поколения в поколение. История семей состоит из сдвигающихся границ, переселений, которые делят на части жизнь, прерванных традиций, необходимости раз за разом выбирать идентичность («Им очень повезло, что они заявили, что они поляки, а не русские. Выбрав польскую идентичность, они не знали, каковы будут последствия. Никто понятия не имел, что выбрать, в чем тут вообще фокус. Лучше остаться собой или притворяться русскими? Лотерея»⁴²). Вместе со смещением акцента с предметного мира на человека более значимым мотивом, нежели переименование улиц и городов, становится смена имен и фамилий.

Проза 2000-х годов подробно исследует смену населения на «возвращенных территориях», травму полонизации, в результа-

те которой бездомностью, неукорененностью и раздвоенностью страдают и переселенцы (особую роль здесь играет пара «там»/«тут», мотив параллельности нереализованных, отвергнутых, «преданных» судеб и языка⁴³), и оставшиеся в городе немцы, сменившие язык и имя. Всех мучают призраки вытесняемого прошлого, все чужие друг другу и себе самим: «Как тут выжить на чужой земле, в чужой квартире, в чужой шкуре, втиснутым в ящик чужого шкафа. – Так уж лучше бы совсем за границей какой-нибудь жить, в эмиграции самой худшей, и тосковать по родине. А так – как тосковать по родине, когда тебе говорят, что отчизна твоя и могилы вовсе не были твоей родиной, и велят тебе жить среди чужой отчизны и не твоих кладбищ»⁴⁴. Неслучайно новый дом, где живут переселенцы, в «Пясковой Гуре» прозван Вавилонской башней⁴⁵.

Поэтическое описание «возвращенных территорий» как наследиемого и тщательно прочитываемого палимпсеста сменяется изображением его как мозаики и поля конфликта. Отсюда фрагментарность повествования – прием, передающий специфику отдельных судеб и идентичностей, а также истории Центральной Европы в целом.

История перекраиваемого, трансформируемого пространства, в котором пересекаются судьбы многих народов, не может быть ни цельной, ни законченной. Семейные саги Ивасюв и Батор – пропущенный через фильтр несобственно-прямой речи повествователя калейдоскоп персонажей и их повествований, многоголосный коллаж. В романе Хюлле «Воспой сады» многоступенчатые истории, рассказываемые автобиографическому повествователю соседкой-немкой, а также вплетаемые им самим истории родителей и его собственные, образуют многоголосную «партитуру»⁴⁶. Аллюзия с музыкой и одновременно фрагментарностью содержится также в названии и структуре романа Лисковацкого (оборванная моцартовская «Маленькая ночная серенада»). Героиня «Секретиков» Хельбиг в процессе реконструирования судеб своей семьи обнаруживает множество белых пятен, склеивает сюжеты из обрывков услышанных историй, собственных воспоминаний и догадок – повествование ведется от первого и от третьего лица, с перспективы детей и взрослых, включает цитаты из мемуаров, документы, песни, стихи, идиомы и пр. В «Темно, поч-

ти ночь» Батор новые истории вводятся в процессе развития детективного сюжета. Кроме того, героиня-повествовательница фиксирует поток языка ненависти на Интернет-форумах и в толпе: Валбжих предстает подлинным «полем борьбы» за символическую власть. Ивасюв в прерывистом, словно бы запинающемся повествовании книги «город-я-город» осмысляет фрагментарность пространства Щецина и неразрывно связанной с ним собственной личности. В «Спасенной Атлантиде» Орышин драматические и гротескные истории нескольких семей – польских и немецкой, рассказываемые с разных перспектив, детьми и взрослыми, перекликаются и переплетаются, то объясняя друг друга, то запутывая, образуя драматический лабиринт послевоенных «возвращенных территорий» – лабиринт страха, обид, сиротства, унижения, непреодолимой чуждости.

В этой прозе очень сильно ощущение наследуемой от родителей-переселенцев следующим поколением травмы: «Печаль вместе с ложью на ее тему получили в наследство дети. Перелитая в их кровь, замаскированная легендами о красоте земли утраченной и красоте освоения земли новой, отравляет следующее поколение»⁴⁷; «Она начинает осознавать, что дедушка нес на плечах какую-то большую и болезненную тайну, какую-то непомерную ответственность, о которой он никогда никому не говорил, и которую мы все унаследовали»⁴⁸. Это бремя может быть незримым («Страх, в тени которого я жила все эти годы»⁴⁹; «Моей сестре не удалось уберечь меня от памяти, я носила ее в себе, как окаменевший плод»⁵⁰) или проявляющимся в социальном поведении (сын переселенцев в «Пясковой Гуре» боялся выходить из дому, поскольку передвижения «ассоциировались у него с трагедией изгнания и утраты имущества, а не с удовольствием знакомства с новыми местами»⁵¹), но неизменно мучительно. Это и травма неполной или поверхностной принадлежности к данному от рождения пространству («Как и я, он был связан с этим городом и одновременно ему не принадлежал»⁵²), и бездомность, болезненная неоседлость: «Да, кто однажды поедет, может оказаться за горами, за лесами»⁵³; «Она поехала дальше, все же – еще дальше и дальше»⁵⁴; «Только бы подальше от прошлого, от немцев, от Кресов, от ванны на львиных ногах, от родного дома. От себя. Убежала»⁵⁵;

«Дома, то есть в пути»⁵⁶; «Дорога – ее дочерчизна»⁵⁷; «Мать мечтает, чтобы дочь осела, зацепилась где-нибудь»⁵⁸; «любой ветер ее подхватывает и носит туда-сюда»⁵⁹ и пр.

Прежде «не рассказанное никому прошлое»⁶⁰ (поскольку травма замалчивалась – «возвращенные территории» предстают для поколения детей «зоной молчания»⁶¹ и забвения под слоем повседневности) – повествование об истории родителей и их родителей, а тем самым о предыстории собственных проблем с пространством («Мы здесь варвары, что следует понимать как антоним укоренения»⁶²), – как и в 1990-е годы, становится терапией для самих авторов.

В диалогиях Батор и Ивасюв она совершается при помощи проигрывания ряда возможных судеб поколения дедушек-бабушек, родителей и своего собственного. В «город-я-город» Ивасюв повествование символически воспроизводит ремонт в бывшей немецкой квартире, позволяя осмыслить множество элементов мозаики в разных временных слоях – всех тех обстоятельств, которые не позволили «присвоить» пространство просто по праву рождения в нем. Неслучайно повествовательница повторяет, словно заклятие, притяжательные местоимения: «Твой дом, на твоём кусочке земли, с твоими деревьями, с твоей скамейкой»⁶³. В романе Батор «Тёмно, почти ночь» терапевтическое действие оказывает жанр триллера и детектива («Я вернулась, чтобы понять, что случилось»⁶⁴). Главная героиня возвращается в родной Валбжих, чтобы провести журналистское расследование дела о похищении детей. В результате, спускаясь в глубь собственного подсознания и выстраивая повествование из фрагментов услышанных историй, она открывает мрачные тайны собственной семьи, связанные с насилием Истории над телом, психикой и идентичностью. Исцеление совершается через слезы героини: «Мне казалось, что очищающая соленая волна заливает все места, будившие мою печаль, заливают подвал моего дома, подмывает ящик, в котором мы с Эвой прятались от матери <...> и через окна выливается в сад, в лес, поднимается на поляну, где немецкие солдаты убили еврейских узников, где советские солдаты изнасиловали немецкую девочку»⁶⁵.

Психологическая сверхзадача романа З. Орышин, пережившей в детстве опыт переселения, однако переселения добро-

вольного – осмыслить механизмы человеческого поведения, свидетелем и участником которых ей довелось стать и которые препятствовали укоренению: «Мы брали все совершенно безнаказанно, <...> Сожаление и удивление, которое вызывал грабеж чужого, уничтожение могил <...> не отпускают меня до сих пор»⁶⁶; «По сей день – заноза в сердце. Что человек так легко ПРИСВАИВАЕТ. И не плачет»⁶⁷. То, о чем писательница рассказывает в интервью – подробности первого знакомства с новым домом и немецкими вещами, сцена прощания с этим домом бывших хозяев, смутная тревога при виде несправедливости и радость от доставшихся даром дорогих игрушек как знака «исторической справедливости», приезд спустя годы дочери хозяев, хранящиеся до сих пор в квартире немецкие предметы, уже ставшие собственными фамильными реликвиями и пр. – рассыпано по разным историям, составляющим «Спасенную Атлантиду»: эмоции и действия спроецированы на ряд персонажей, чувство вины расписано на многие голоса.

В сознании, в том числе, художественном, память о Восточных Кресах закрепились как память об утерянном навеки, а также как рефлексия об утрате как особом переживании. Топос «возвращенных территорий» в прозе после 1989 г. рождается в результате острого переживания *двойной* утраты. Происходит удвоение перспективы, памяти, ностальгии, двойное душевное усилие, двойная работа горя. При этом, если в 1990-е годы унаследованный от прозы о Восточных Кресах миф толерантности поликультурного пространства обращается в идею эмпатии, ностальгически-бережного прочтения «палимпсеста», сам акт повествования о котором видится путем к преодолению разграниченности полиэтнического пространства, то в 2000-е годы формулу диалога все чаще сменяет образ конфликта (по мнению П. Чаплинского, немалую роль здесь сыграла публикация посвященных погрому в Едвабне «Соседей» Т. Гросса – события, после которого «польская литература малой родины в одночасье поседела»⁶⁸, а открытость и толерантность социума предстали иллюзией). Тем не менее, и в это время в основе топоса «возвращенных территорий» лежит идея неуничтожимости памяти, передаваемой одним поколением и/или одним народом другому. Идея крупнейшего представителя прозы о Восточных Кресах В. Одоевского – «Если даже

Бога нет, то есть память. Может, человеческая память – некое проявление Бога. Может, даже она сама – Бог»⁶⁹ – звучит едва ли не во всех текстах о Возвращенных территориях: «Мы одарены памятью»⁷⁰; «Память поколений – лучшее убежище от уничтожения»⁷¹; «Только память – единственная прочная реальность»⁷²; «Только бы ты ничего не забыл!»⁷³; «Знай, что самое главное – это память»⁷⁴ и пр.

Память «находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»⁷⁵. Период 1990–2000-х годов, когда происходит активное обживание словом травмированного и травмирующего пространства возвращенных территорий – можно назвать «поворотным пунктом, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения»⁷⁶.

Эмпатический диалог с Другим в 1990-е годы и долг памяти в 2000-е – *декларируемая идея* текстов о «возвращенных территориях» в эпоху, когда, по словам П. Нора, «о памяти столько говорят только потому, что ее больше нет»⁷⁷. Однако сама эта проза порождена, как представляется, *другими* причинами. Авторами движет не страх исчезновения живой, спонтанной памяти, не идея коммеморации, но нерешенные психологические проблемы, связанные с собственным или родительским опытом миграции – проблемы коммуникации с пространством детства и/или взрослой жизни, нарушение естественного доступа к его культурным, языковым, историческим кодам, а в результате – проблемы коммуникации с собственным «я».

Повествование о «возвращенных территориях» 1990–2000-х годов – по сути акт психотерапии – в первую очередь нарративной и психогенеалогической. Различные художественные приемы – эмпатическое воспроизведение чужого опыта, выстраивание повествователем гипотетического диалога с собой-ребенком, техника маскарада, экспериментирование с жанром семейной саги и пр. – служат деконструкции и реконструкции жизненного нарратива, определению взаимо-

действия нарратива доминирующего и альтернативных, приданию травматическому опыту в процессе нарративизации нового смысла, попытке распутать клубок семейных историй, выявить связи между травмами поколений и пр.

Тексты выполняют, таким образом, автотерапевтическую функцию, их сверхзадача – запоздалое укоренение в пространстве путем нарративизации цепи утрат и обретений. Перефразируя определение П. Рикёром обретения идентичности в эпоху постсовременности, можно сказать, что укоренение совершается путем анализа и интерпретации⁷⁸, происходит в риторическом пространстве, единственно предоставляющем человеку возможность для создания необратимого времени, в котором прошлое, настоящее и будущее связаны и полны возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pytlakowski J. Fundamenty, 1948; Paukszta E. Trud ziemi nowej, 1948; Braun A. Lewanty, 1952; Worcell H. Parafianie, 1960; Panas H. Bóg, wilki i ludzie, 1960; Goliński L. Siódma drezdeńska, 1961; Grabski W. Tartak ruszył, 1961; Paukszta E. Pogranicze, 1961; Żukrowski W. Skąpani w ogniu, 1961; Prorok L. Wyspiarze, 1961; Panas H. Cierpki owoc, 1962; Cabaj R. Pierwszy rozdział, 1962; Gałuszka J. Poznani nocą, 1962; Paukszta E. Spowiedź Lucjana Skobela, 1963; Kowalska A. Uliczka klasztorna, 1964; Paukszta E. Wrastanie, 1964; Hen J. Wdowa po Joczysie, 1964; Oleksik K. Cmentarz w lesie, 1964; Worcell H. Najtrudniejszy język świata, 1965; Trzyska Z. Dom pod białą skarpą, 1965; Suchodolska K. Szeliniaki, 1965; Brzoza J. Ziemia, 1965; Sidorski D. Ziemia obiecana, 1965; Dougielewiczowa I. Krajobraz z topolą, 1966; Putrament J. Puszcza, 1966; Paukszta E. Po burzy jest pogoda, 1966; Panas H. Grzesznicy, 1966; Szewczyk W. Od wiosny do jesieni, 1966; Paukszta E. Przejaśnia się niebo, 1967; Balcerzan E. Henerał, 1972; Paukszta E. Lasy płoną o świcie, 1975; Srokowski S. Repatrianci, 1988.

² Bakula B. Między wygnaniem a kolonizacją. O kilku odmianach polskiej powieści migracyjnej w XX wieku (na skromnym tle porównawczym) // Narracje migracyjne w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2012. S. 166.

³ Między Wilią a Bałtykiem. Ze Zbigniewem Żakiewiczem rozmawia P. Zbierski // Gazeta Gdańska. 1990. N 240.

⁴ Żakiewicz Z. Gorycz i sól morza. Gdańskie Smorgonie. Gdańsk, 2000. S. 22.

⁵ *Jurewicz A.* Lida. Gdańsk, 1994. S. 14.

⁶ *Zagajewski A.* Dwa miasta. Warszawa, 2007. S. 7–8.

⁷ *Hirsch M.* Family Frames: Photography, Narrative and Postmemory. London, 1997.

⁸ *Zagajewski A.* Dwa miasta. S. 28

⁹ Ibid. S. 30.

¹⁰ Ibid. S. 20

¹¹ Ibid. S. 7–8.

¹² Ibid. S. 15.

¹³ *Jurewicz A.* Pan Bóg nie słyszy głuchych. Gdańsk, 1995. S. 55.

¹⁴ Ibid. S. 73.

¹⁵ *Zagajewski A.* Dwa miasta. S. 8.

¹⁶ *Jurewicz A.* Lida. S. 106.

¹⁷ *Zagajewski A.* Dwa miasta. S. 24.

¹⁸ Ibid. S. 43.

¹⁹ Ibid. S. 44–45.

²⁰ Ibid. S. 46.

²¹ *Turczyński A.* Spalone ogrody rozkoszy. Warszawa, 1998. S. 129.

²² *Хюлле П.* Вайзер Давидек. СПб, 2003. С.111.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ *Helbig B.* Niebko. Warszawa, 2013. S. 115.

²⁵ *Bator J.* Ciemno, prawie noc. Warszawa, 2012. S. 130.

²⁶ *Iwasiów I.* Miasto-ja-miasto. Szczecin, 1998. S. 9.

²⁷ *Huelle P.* Śpiewaj ogrody. Kraków, 2014. S. 185.

²⁸ *Oryszyn Z.* Ocalona Atlantyda. Warszawa, 2012. S. 178.

²⁹ *Huelle P.* Śpiewaj ogrody. S. 201.

³⁰ *Iwasiów I.* Ku słońcu. Warszawa, 2010. S. 14, 257.

³¹ *Iwasiów I.* Bambino. Warszawa, 2008. S. 324.

³² *Iwasiów I.* Ku słońcu. S. 173.

³³ *Helbig B.* Niebko. S. 62.

³⁴ Ibid. S. 194.

³⁵ *Iwasiów I.* Miasto-ja-miasto. S. 29.

³⁶ *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 166.

³⁷ Ibid. S. 141.

³⁸ Ibid. S. 509.

³⁹ *Bator J.* Piaskowa Góra. Warszawa, 2009. S. 12.

⁴⁰ *Iwasiów I.* Bambino. S. 317.

⁴¹ *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 53.

⁴² *Helbig B.* Niebko. S. 130.

⁴³ *Iwasiów I.* Bambino. S. 237, 269.

⁴⁴ *Oryszyn Z.* Ocalona Atlantyda. S. 60.

⁴⁵ *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 137.

⁴⁶ *Huelle P.* Śpiewaj ogrody. S. 19, 66, 221, 262.

- ⁴⁷ *Iwasiów I.* Bambino. S. 317.
- ⁴⁸ *Helbig B.* Niebko. S. 228.
- ⁴⁹ *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 123.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 417–418.
- ⁵¹ *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 353.
- ⁵² *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 162.
- ⁵³ *Iwasiów I.* Bambino. S. 227.
- ⁵⁴ *Iwasiów I.* Ku słońcu. S. 14.
- ⁵⁵ *Helbig B.* Niebko. S. 43.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 180.
- ⁵⁷ *Ibidem.*
- ⁵⁸ *Bator J.* Piaskowa Góra. S. 7.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. 9.
- ⁶⁰ *Iwasiów I.* Ku słońcu. S. 29.
- ⁶¹ *Iwasiów I.* Bambino. S. 285.
- ⁶² *Borowczyk J., Larek M.* Przywracanie, wracanie. Rozmowy szczecińskie z Arturem Danielem Liskowackim. Warszawa, Szczecin, 2014.
- ⁶³ *Iwasiów I.* Miasto-ja-miasto. S. 14.
- ⁶⁴ *Bator J.* Ciemno, prawie noc. S. 37.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 428.
- ⁶⁶ Wywiad z Z. Oryszyn. Текст доступен по адресу: <http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/51,53662,13882678.html?i=3> (дата последнего посещения 1 X 2015).
- ⁶⁷ Wywiad z Z. Oryszyn. Текст доступен по адресу: <http://www.nagrodagryfia.pl/Artykul.aspx?a=246>.
- ⁶⁸ *Czapliński P.* Polska do wymiany. Poźna nowoczesność i nasze wielkie narracje. Warszawa, 2009, S. 330.
- ⁶⁹ *Odojewski W.* Zabezpieczanie śladów. Paris, 1984. S. 93.
- ⁷⁰ *Zagajewski A.* Lekka przesada. Kraków, 2011. S. 215.
- ⁷¹ *Oryszyn Z.* Ocalona Atlantyda. S. 17.
- ⁷² *Ibid.* S. 148.
- ⁷³ *Huelle P.* Śpiewaj ogrody. S. 106.
- ⁷⁴ *Ibid.* S. 222.
- ⁷⁵ *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., Плюмеж Ж., де.* Франция-память. М.; СПб., 1999. С. 20.
- ⁷⁶ *Путилова Е.* Концепция «мест памяти», или актуальность коммеморативной бдительности истории (на примере произведения П. Нора «Франция-память») // *European Researcher.* 2012. Vol. (29). N 9–2. P. 1407.
- ⁷⁷ *Нора П.* Проблематика мест памяти. С. 17.
- ⁷⁸ *Ricoeur P.* O sobie samym jako innym. Warszawa, 2003. S. 232–322.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РИ	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
АС	Архив Србије, Белград
АСАНУ	Архив Српске академије наука и уметности (Сербская академия наук и искусств), Белград
ЕСУМ	Етимологічний словник української мови: в 7 т. / Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 1982–2012.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОЛА	Общеславянский лингвистический атлас
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербург
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2009.
ПФА РАН	Петербургский филиал архива Российской академии наук, Санкт-Петербург
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории, Москва
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русского языка и литературы, Санкт-Петербург
РС	Русская старина
СА	Славянский архив
Сб. РИО	Сборник Русского императорского исторического общества

СКҚДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
СЛА	Словенский лингвистический атлас
СРЯ XI–XVI	Словарь русского языка XI–XVII вв. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 1975–, Т. 1. –.
ЦГИАУ	Центральный Государственный исторический архив Украины, Киев
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–. Т. 1 –.
AJ	Arhiv Jugoslavije, Beograd
AMZV	Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Praha
ANIC	Archivele Naționale Istorie Centrale, București
AV	Arhiv Vojvodine, Novi Sad
ASCG	Arhiv Srbije i Crne Gore, Beograd
CK SKJ	Fond Centralnog Komiteta Komunističke partije Jugoslavije
DASMSP	Diplomatski arhiv saveznog Ministarstva spoljnih poslova, Beograd*
FHKA	Finanz- und Hofkammerarchiv
HHStA	Haus-, Hof- und Staatsarchiv
KPR	Kancelarija Predsednika Republike
LA SNK	Literárny archív Slovenskej národnej knižnice, Martin
MBSLS	Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae
MNL OL	Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
ÖStA	Österreichisches Staatsarchiv, Wien
PA	Politička arhiv
RBJ	<i>Halilović S., Palić I., Šebović A.</i> Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo, 2010.
Skj.	<i>Finnur Jónsson.</i> Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B (Rettet tekst). København, 1973. Bnd. I–II (репринт издания 1912–1915 гг.).
SnE.	<i>Snorri Sturluson.</i> Edda / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1900.
StA	Staatenabteilung
TNA	The National Archives, Kew, Richmond

* До 2011 г. носил название: Diplomatski arhiv saveznog Ministarstva inostranih poslova.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, РЕДАКТОРАХ, ПЕРЕВОДЧИКАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ

АДЕЛЬГЕЙМ Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Института славяноведения РАН (Москва).

АРЖАКОВА Лариса Михайловна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

БАТАКОВИЧ Душан Т. (БАТАКОВИЋ Душан Т.) – доктор наук (PhD), директор Института балканистики Сербской академии наук и искусств (Белград, Сербия).

БЕЛОВ Михаил Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории зарубежных стран исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород).

БЕЛОВА Ольга Владиславовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва).

БУТА Василе (BUGA Vasile) – доктор истории, ассоциированный сотрудник Института по изучению тоталитаризма Румынской академии, координатор Центра российских и советских исследований им. Флорина Константину (Бухарест, Румыния).

БУДАГОВА Людмила Норайронва – доктор филологических наук, заведующая Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН (Москва).

ВЕНДИНА Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, заведующая Центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН (Москва).

ВИШНЯКОВ Ярослав Валерианович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва).

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, заведующая Отделом по изучению общественных процессов в Восточной Европе Института славяноведения РАН (Москва).

ГОЛЕЦ Роман (HOLEC Roman) – доктор наук (PhD), профессор кафедры истории Словакии философского факультета Университета им. Я.М. Каменского, ведущий научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук (Братислава, Словакия).

ГУСЬКОВА Елена Юрьевна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН (Москва).

ДАНЧЕНКО Светлана Ивановна – доктор исторических наук, заведующая Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

ЕДЕМСКИЙ Андрей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва).

ЖЕНЮХ Петер (ŽEŇUCH Peter) – доктор наук (PhD), профессор, директор Института славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук (Братислава, Словакия).

ЖИВОТИЧ Александр (ЖИВОТИЋ Александар) – доктор наук (PhD), доцент кафедры истории Югославии философского университета Белградского университета (Белград, Сербия).

ЗАДОРОВНИК Элла Григорьевна – доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва).

ЗУППАН Арнольд (SUPPAN Arnold) – академик Австрийской академии наук, профессор (Вена, Австрия).

ИСКЕНДЕРОВ Петр Ахмедович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

КОЛОСКОВ Евгений Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории менж-

дународных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

МАРЧЕВА Илияна – доктор истории, доцент Института исторических исследований Болгарской академии наук (София, Болгария).

МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

НОВОСЕЛЬЦЕВ Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН (Москва).

НОВОСЕЛЬЦЕВА Людмила Константиновна – младший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва).

ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва).

ПИЛИПЕНКО Глеб Петрович – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН (Москва).

ПЛОТНИКОВА Анна Аркадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Москва).

ПОК Аттила (PÓK Attila) – доктор наук (PhD), заместитель директора Института истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия).

СЕРАПИОНОВА Елена Павловна – доктор исторических наук, заведующая Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

ТРЁБСТ Штефан (TROEBST Stefan) – доктор наук (PhD), профессор, заместитель директора Гуманитарного центра истории и культуры Центральной и Восточной Европы Лейпцигского университета (Лейпциг, Германия).

ТУРИЛОВ Анатолий Аркадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН (Москва).

УЗЕНЁВА Елена Семеновна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора – ученый секретарь Института славяноведения РАН (Москва).

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович – доктор филологических наук, профессор РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН (Москва).

ХАВАНОВА Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор РАН, доцент, заместитель директора Института славяноведения РАН (Москва).

ЦИМБАЕВ Константин Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

ШЕМЯКИН Андрей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва).

ЭНГЕЛЬГАРДТ Георгий Николаевич – научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ К.В. НИКИФОРОВА

Монографические работы

1. Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М., 1990 (соавтор).
2. Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. Перевод на сербский язык: Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995.
3. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М., 1999 (соавтор).
4. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. Перевод на сербский язык: Између Кремља и Републике Српске (завршна етапа босанске кризе). Београд, 2000.
5. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2000 (соавтор). Изд. 2-е. М., 2011. Перевод на китайский язык: YELIQIN SHIDAI. Beijing, 2002.
6. Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М., 2003 (соавтор).
7. Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006 (соавтор).
8. История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007 (соавтор).
9. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011 (соавтор и отв. ред.).
10. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя М., 2011 (соавтор и отв. ред.).

11. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. Перевод на сербский язык: Србија на Балкану у XX веку. Београд, 2014.
12. Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014 (соавтор и куратор издания).
13. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. М.;СПб., 2015 (соавтор и отв. ред.).
14. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

Статьи, главы в сборниках, рецензии

1. Внешнеполитическая программа Сербии 1844 г. и ее освещение в историографии // Советское славяноведение. 1985. № 6.
2. Концепция переходного от капитализма к социализму периода в югославской научной литературе // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. Минск, 1988.
3. Проблемы переходного периода от капитализма к социализму в научной литературе СФРЮ // Югославия: актуальные проблемы общественного развития. М., 1990. Вып. 9.
4. Югославская концепция самоуправления в контексте процессов обновления социализма // Новое политическое мышление и процесс демократизации. М., 1990.
5. Северная Албания и ее славянское население в политике Сербии и Черногории в 40–50-е годы XIX в. // Становиштво словенског поријекла у Албанији. Титоград, 1991.
6. Руски архитекта Н.П.Краснов – градитељ Његошеве капеле на Ловћену // Стварање (Титоград), 1991. Бр. 8–9.
7. Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Советское славяноведение. 1992. № 4.
8. Социал-демократия в югославянских землях в 1917 г. // Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы. М., 1994.
9. Гарашаниново ново време // Јавност. Сараево, 1995. Бр. 200.
10. Савремена криза у Босни и Херцеговини и 150-годишњица «Начертанија» Илије Гарашанина // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Београд, 1995.

11. Югославянские земли // История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. Уч. пос. для студентов высшей школы. М., 1997.
12. Политика Русије према Босанској кризи // Руска политика на Балкану. Београд, 1999.
13. Отношение России к Сербии в конце XX века // Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Београд, 1999.
14. Что произошло на Балканах в 90-е годы XX века // Internationale politik. 2001. № 3.
15. В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000 // Славяноведение. 2001. № 3.
16. Как ларчик золотой горит... Иверская часовня: от разрушения к возрождению // Родина. 2002. № 3.
17. Югославия 1990-х годов: кризис общества и распад государства // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002.
18. Четыре этапа сербской истории (XIX–XX вв.) // Югославянская история в Новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002.
19. Нужна ли идентичность для Восточной Европы? // Национални идентитет и суверенитет у Југоисточној Европи. Београд, 2002.
20. Субъективное и объективное в понятие «Великая Сербия» // Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.
21. Балканский Бисмарк. Как Илия Гарашанин создавал сербскую государственность // Родина. 2003. № 10.
22. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3.
23. Процессы внешнего доминирования на Балканах в 40–90-е годы XX века // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004.
24. Сербская государственность в начале XXI в. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005.

25. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии М., 2005.
26. Сербия и Черногория: общее и особенное на путях трансформации // Восточноевропейские исследования, 2005.
27. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Историја 20. века. Београд, 2005. № 1.
28. Место и улога Дејтонског споразума на постјугословенском простору // Република Српска – десет година Дејтонског мировног споразума. Бања Лука, 2005.
29. Политика бесконачних уступака печатн // Геополитика. Београд, 2005. Бр. 16.
30. Revizija Dejtona je moćan destabilizirajući factor // Reporter (Баня-Лука). 2005. Br. 143
31. Единство, спаянное любовью // Родина. 2006. № 1.
32. От Ливадии до Ловчена. Русский архитектор Николай Краснов и Черногория // Родина, 2006. Спец. Выпуск.
33. Куда ж России без славян // Родина. 2006. № 4.
34. Россия и новые балканские государства: перспективы взаимоотношений // Звенья. 2006. № 1
35. Проблема признания самопровозглашенных государств на постсоветском и постюгославском пространстве // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. М., 2006.
36. Сербский народ в новое время. К постановке проблемы // Споменица академика Рајка Кузмановића. Баня-Лука, 2006.
37. Република Косово међу другим самопроглашеним државама не територији бивше Југославије // Косово и Метохија. Прошлост – садашњост – будућност. Београд, 2006.
38. Куда ће Русија без Словена // Јединство православних Словена. Књига прва. Источно Сарајево, 2006.
39. К 60-летию Института славяноведения РАН: В.К. Волков о перспективах развития славистики // Славяноведение. 2007. № 2.
40. Владимир Константинович Волков – историк-славист // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2007.
41. Теплота живого чувства // Родина. 2007. № 6.
42. Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН // Славяноведение. 2007. № 4.
43. D. Jović. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. 531 S. // Славяноведение. 2007. №3.

44. Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић). Београд, 2006. Т. I–II // Славяноведение. 2007. № 4.
45. Николай Петрович Краснов – архитектор двух монархов // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. // СПб., 2008.
46. Распад СФРЮ (1989–1991), Трудная независимость новых югославянских государств // История южных и западных славян в 2 т. Т.2. Новейшее время. Учебник / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008.
47. Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990s // «Balcanica» (Beograd). 2008. XXXVIII.
48. Влияние конфессий на формирование наций и межнациональные отношения на Балканах в трудах Института славяноведения РАН // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье. Самара, 2008.
49. Институт славяноведения РАН – центр российской славистики (Институт за славистику Руске академије наука – центар руске славистике) // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе (Белград). 2008. Година IX. Бр. 1–2.
50. Славянската взаимност // За буквите (София). 2008. Бр. 27.
51. Член-корреспондент РАН Волков Владимир Константинович (1930–2005) // Новая и новейшая история, 2009. № 1 (в соавторстве с А.Л. Шемякиным).
52. Балканская политика современной России // България и Русия. Между признателността и прагматизма. София, 2009.
53. Русины в славянском мире // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы М.; Братислава, 2009.
54. Перспективы развития академической славистики. К 60-летию Института славяноведения РАН // Славянский вестник. Вып. 3. М., 2009.
55. «Переформатирование» этнического пространства бывшей Югославии в 90-е годы XX в. // Доклады российских ученых. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2009.
56. The Balkans in the 1990s // Revue AIESSE. Bukureşti, 2009. Vol. 35–39 (2005–2009).

57. The Balkan Policy of Russia in the 1990s // *Begegnungen*. Budapest. 2009. Band 29.
58. Az etnikai tisztogatás mint az új államok létrehozásának mechanizmusa a volt Jugoszlávia területén az 1990-es években // *Az új nemzetállamok és az etnikai tisztogatások Kelet-Európában 1989 után*. Budapest, 2009.
59. Историчар Владимир Константинович Волков // Токови историје. Београд, 2009. 1–2 (в соавторстве с А.Л. Шемякиным).
60. Десятая война 130 лет спустя // *Родина*. 2009. № 6.
61. Выставка, организации которой помогала вся Россия // *Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г.* СПб., 2009.
62. Три монографии И.С. Достян // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
63. 1968 год – рубеж в истории европейского социализма // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010.
64. Предисловие, Социалистическая Югославия в отражении советской и российской историографии // *Россия и Сербия глазами историков двух стран*. СПб., 2010.
65. Дунай-батюшка и Россия-матушка. Вода как фактор в истории // *Родина*. 2010. № 11.
66. Волков Владимир Константинович (1930–2005) // *Портреты историков: время и судьбы*. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010 (в соавторстве с А.Л. Шемякиным).
67. Славянство, растворенное в крови... // *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия чл.-корр. РАН Владимира Константиновича Волкова*. М., 2010 (в соавторстве с А.Л. Шемякиным).
68. Н. Алексюн, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009 // *Славяноведение*. 2010. № 1.
69. На солнечной стороне Альп // *Slovenica I*. История и перспективы российско-словенских отношений. СПб, 2011.
70. Дунайское окно в Европу // *Суворов в Измаиле: 220 лет*. М., 2011.

71. Изменение этнической карты Балкан в XX в. // *Lucrările celei de-a XV-a sesiuni a Comisiei bilaterale a istoricilor din România și Rusia*. Cluj-Napoca, 2011.
72. Россия и Черногория: 300 лет навстречу // Черногорцы в России. М., 2011.
73. «Reformatage» de l'espace ethnique en ex-Yougoslavie dans les années 90 // *Actes l'homme et son environnement dans le Sud-Est européen*. Paris, 2011.
74. Отношение к русским в Сербии в XX веке // *Образ России на Балканах. Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи*. М., 2011.
75. Советская и российская историография о титовской Югославии // *Pirjevčev zbornik. Poti zgodovine med severnim Jadranom, srednjo in vzhodno Evropo: ob 70. obletnici akad. prof. dr. Jožeta Pirjevca*. Koper, 2011.
76. Oroszország Balkán-politikája az 1990-es években // *Limes. Tatabánya. Tudományos szemle. Szovjet utódállamok Európában*. Budapest, 2011.
77. Руси и Срби воле крајности // *НИН*. Београд, 2011. Бр. 3182.
78. Российско-сербские отношения во время югославского кризиса // *Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века*. Београд, 2012.
79. Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН) // *Славянский альманах*. 2011. М., 2012.
80. Особенности этнических изменений на Балканах в XX в. // *Русија и Балкан током посљедња три столећа*. Подгорица, 2012.
81. Особенности этнических изменений на Балканах в XX в. // *Глас CDXX Српске академије наука и уметности. Одељење историјских наука*. Књ. 16. Београд, 2012.
82. Этнические изменения на Балканах в XX в. // *Прилози. Отделение за лингвистика и литературна наука*. XXXVII. 1–2. Скопје, 2012.
83. S.R. Ramet. *Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005*. Zagreb, 2009 (пер. с англ.). С.П. Рамет. *Три Югославии. Строительство государства и вызовы легитимации. 1918–2005* // *Славяноведение*. 2012. № 1.

84. Судьба этносов на Балканах в XX в. // *Eliminacionizem in emancipacija*. Ljubljana, 2013.
85. Славянское измерение России // *Родина*. 2013, № 5.
86. Греческий уголок «пестрой Русской империи». Семья Серафимов-Серафимовых в архивных документах и воспоминаниях // *Греки Балаклавы и Севастополя*. М., 2013.
87. Балканская политика России в конце XX – начале XXI вв. // *Vecinătăți și ziduri: români și ruși: (secolete XVI–XXI)*. Târgoviște, 2013.
88. Вместо предисловия // *Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура. 1944–1991 гг.* М., 2013.
89. 65 лет развития академической исторической славистики в московском Институте славяноведения // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации*. М., 2013.
90. *Politica Rusiei în Balcani la sfârșitul secolului XX – începutul secolului XXI* // *In memoriam acad. Florin Constantiniu*. București, 2013.
91. Н.С. Хрущев и землетрясение в Скопье 26 июля 1963 г. // *Историки-слависты МГУ. Книга 10. Славянский мир профессора Матвеева*. М., 2013.
92. Планы по объединению сербских земель и Петр II Петрович-Негош // *Петар II Петрович Негош: 200 лет со дня рождения*. М., 2013.
93. The Crisis of Slavic Idea and Its New Meaning Today // *The Crisis of Slavic Idea and Its New Meaning Today // Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity Among the Slavs Today*. Poznań, 2013.
94. *Russland und die Slavische Idee heute. Moskauer Perspektiven // Post-Panslavismus. Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert*. Göttingen, 2014.
95. Судьба общерегиональных национальных меньшинств на Балканах после Второй мировой войны // *Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение*. М., 2014.
96. Предисловие // *Из истории Сербии и русско-сербских связей*. М., 2014.

97. От поли- к моноэтничности на Балканах (1912–2012) // Из истории Сербии и русско-сербских связей. М., 2014.
98. Предисловие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. М., 2014.
99. Сквозь призму истории и идеологии // *Батакович Д.Т.* Косово и Метохия. История и идеология. Екатеринбург, 2014.
100. Modernization Mixed with Nationalizm // *Balkanica*. Belgrade, 2014. XLV.
101. Страх од Велике Русије, зебња од Велике Србије // Печат. Београд, 2014. Број 340.
102. «Балаклаву содержать поселенным тут греческим войском» // *Родина*. 2015. № 1.
103. Этнические процессы на пространстве от Кавказа до Балкан в XX в. // Кавказ – Карпаты – Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв. Ставрополь, 2015.
104. Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов // *Славянский альманах*. М., 2015. 1–2.

Научное издание

Сборник статей

ИСТОРИЯ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.
К 60-ЛЕТИЮ К.В. НИКИФОРОВА.

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*

Редактор *Л.А. Авакова*

Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 23.03.2016 г.

Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 40 + 1 (вкл.). Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0359-9

